

ОБЩЕСТВЕННАЯ
МЫСЛЬ РОССИИ XVIII ВЕКА

Том 2

Philosophia moralis

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

О Б Щ Е С Т В Е Н Н А Я
МЫСЛЬ РОССИИ XVIII ВЕКА
В двух томах

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Руководитель проекта

А. Б. Усманов

Редакционный совет:

- Л. А. Опёнкин, *доктор исторических наук, профессор*
(председатель);
И. Н. Данилевский, *доктор исторических наук, профессор*;
А. Б. Каменский, *доктор исторических наук, профессор*;
Н. И. Канищева, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(ответственный секретарь);
А. Н. Медушевский, *доктор философских наук, профессор*;
Ю. С. Пивоваров, *академик РАН*;
А. К. Сорокин, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель);
В. В. Шелохаев, *доктор исторических наук, профессор,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель)

МОСКВА

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

(РОССПЭН)

2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

О Б Щ Е С Т В Е Н Н А Я
МЫСЛЬ РОССИИ XVIII ВЕКА

Том 2

Philosophia moralis

СОСТАВИТЕЛЬ,
АВТОР ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ:

Т. В. Артемьева,
доктор философских наук

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОСПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)
О28

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НП «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

**Общественная мысль России XVIII века: В 2-х т. – Т. 2: Philo-
О28 sophia moralis** / [сост., автор вступ. ст. и коммент. Т. В. Артемьева]. –
М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. –
736 с. – (Библиотека отечественной общественной мысли с древней-
ших времен до начала XX века).

ISBN 978-5-8243-1366-6

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1366-6

© Артемьева Т. В., составление тома, вступительная
статья, комментарии, 2010
© Институт общественной мысли, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

А. П. Сумароков

НЕКОТОРЫЕ СТАТЬИ О ДОБРОДЕТЕЛИ

I

Приятно слышать о добродетели, ибо она душа нашего общего блаженства; но то горько, что она колико прегозносится, толико презирается. Причины сего презрения ясны: не добродетель делает нас во народе отличными; но получаемые нами чины, богатство и сила; кто же им, кроме немногих, предпочтет добродетель? Почитая ее, будучи сам презираем? Самолюбие и любочестие природно всем: а потому, что наслаждаемся мы оными не помощью добродетели, но другими обилиями: мы устремляемся более быти почтенны, не имея достоинства, нежели, имея оное, оставаться во презрении. Снискание добродетели труднее, нежели снискание почтения, потому что род человеческий по большей части судит поверхно; ибо невежества более, нежели просвещения; пристрастия более, нежели чистосердечия. Грабитель насыщается грабительством, обманщик — обманом; и всякий вредный обществу, изобильствует; а лишенный снискати достоинством себе достаточного пропитания, ежели его ни разум, ни честность не приводили к истине, видя себя в добродетели страждуща, а злодея во беззаконии благоденствующа и ища любочестия и сластолюбия, разрывает свою систему, не приносящую ему пользы, и ищет удовольствия своею во беззаконии. Чины суть утверждение нашего достоинства и заслуг отечеству; ибо не действующий к пользе общества разум и не приносящая миру плода честность суетны; но всегда ли чины получают по достоинству? А когда их и без достоинства получить удастся, а по ним люди почитаются, так редкий станет обуздывать страсти свои, когда ему обуздание не очень полезно; и вместо сей неверной и трудной дороги изберет себе верную и легкую дорогу ко принятию во храм своего блаженства. Богатство, получаемое по наследству, могло бы одержати человека от кривого пути, снискати изобилие, ибо изобилие уже есть; но как око не насыщается зрением, так и жадность наша редко изобилием утушается. Слава влечет нас: но многие ли к ней способны? Многие ли имеют открытое к ней поле? Многим ли она удастся? Сверх того, какое множество препятствователей мы в ней имеем? Тщеславие легче истинный славы, и пути к нему глаже. Знатная порода, также по большей части

добродетели вредна. Не потеряет ли любочестия достойный человек, видя начальника своего не имуща достоинств. И твердейшей во честности душе в часы крайних неудовольствий, и зрящей на ликовствование злодеев, несносно; но все ли люди во честности герои? Не возведет ли к небу рук и утесняемый герой, и не возопиет ли тако: О всемогущий Боже, душа моя не колеблется, по силы мои истощеваются; трепещет сердце и глаза помрачаются; я глад и жажду претерпеваю, во весь день тоскую, в ночи бежит сон от очей моих; а люди неправедные, презирая твои уставы, когда я чувствую геенское мучение, обитают на берегах рек райских; я незапрещенных плодов не вкушаю, а они и запрещенными довольствуются; они ада хотя и страшатся, но имеют надежду освободиться от него, а я уже во аде. Блаженство и изобилие худых людей, а особливо снисканное неправдою, есть разрушение добродетели и лестныя пути притяжания ко злочестию. Бедность угнетает сердца и истребляет из них любочестие, огорчает мысли, омрачает разум, здравие разрушает, отъемлет способность нашу действовать честностью, а иногда и во отчаяние приводит, которое ввергает их во безумство. Алчущий, жаждущий, как унывающий и болящий, хотя и чувствует добродетель, но воображает ее слабо. Во спокойстве и веселии яснее она воображается честностью наполненной душе, нежели во унынии: и действовать ею честная душа во утеснении едва способна; на что же и семена, когда их сеять негде. Бесплезны ум и честность несчастного, и для него и для других.

«Кто сетует всегда, Тот действовать умом не может никогда»*

Были ли вы когда, о дражайшие времена златого века? и ежели были, к чему просвящаемся учением? или ради того только, чтоб мы свое несчастье более чувствовали и изошряли разум ко познанию нашей малости? Невежи счастливы и тем весьма, что они, наполнены гордости, не только боготворят себя прочими животными, но и пред подобными себе человеками. Мелкий дворянин, не простирающий более двух шагов рассудка своего, чаёт то, что колкое расстояние почтения между Бога и его, толикое его и его крестьянина: ест и пьет он довольно, хотя и худо, но худое за лучше вкушая. Счастлив такой, что он, отшед от состояния златого века, избавился отягощающего

---

* Из трагедии «Синав и Трувор».

природу просвещения, которое нашему спокойствию толь надобно мало, сколь оно угодно нашему любопытству и любочестию, хотя оно нередко любочестие и утешает. Свинья не часто взор на небо возводит; благоденствующая свинья блаженнее окованного Галилея¹. Лягушка, не размышляющая о божестве, живущая спокойно в болоте, блаженнее скованного Сократа². И не бремя ли учение, когда все оно против невежества, как малый источник противу окияна. Не слышны тогда струи в реке, когда шумят валы окияна; не слышно и учение, когда ревет невежество. Вот колико препятствия добродетели и колико подпор злодеянию. Лучше бы было, ежели бы учение совсем исторгнулося, нежели чтоб оно не многими было почитаемо, многими презираемо, многими гонимо, а большею части людей неведомо. Желательно, чтоб люди или все просвещенны были, или бы все были невежи, ибо блаженство во дни древнего на свете невежества было и добродетель почиталася. Учение испорченным нашим сердцам — лекарство, а не испорченному злодеянием невежеству оно и нужно не было; но мы видим то, что сие лекарство общему блаженству пользует мало, а иногда и во яд претворяется; но нельзя жестоко болящему без него обойтись; и ежели проповедывание о добродетели и знании подпирающим ее умолкнет, так злодеяние еще и больше получит силы, ибо приносит толкование о том некую, хотя и малую пользу испорченным народам. И как бы то ни было, но совесть наша, сия данная нам искра божества, требует того, чтобы мы ни на что не устремлялися, взирая ко добродетели, а особливо памятуя, что есть Бог на свете и что данная нам Богом жизнь возвратится ко своему чистому источнику; так надобно, чтоб она и чиста была. Последуем должности своей: она во добродетели состоит: и ежели есть Бог, так будет и возмездие, а Бог, конечно, существует.

II

Воспитание к добродетели потребно без сомнения; но оно может быть только преддверием ее; ибо воспитание без поддерживания учением и честным собеседованием слабо ко удержанию нас на пути истины. Приятные основания единою привычкою утверждаются и отвычкою искореняются. Едина о добродетели проповедь, коль она ни вероятна, легко исторжена быти может малейшим шротивогласием. Похвально воспитание; но к нему честное потребно обхождение

и образцы, привлекающие нас к честности; а сверх того учение. Казалось бы, что физическое и математическое рассуждение добродетели было не нужно; да многие физисты и математисты честности и не знают; однако тогда их основания не употребляются, кроме как только ко их профессиям. Сии две обширные науки и логика суть орудия к изысканию истины; а добродетель без снискания истины ни вкорениться ни утвердиться не может. Словесные науки, имущие основание на логике, нужнее еще и физики и математики ко приобретению добродетели. Но потому что добродетель не от одних ученых требуется, может показаться учением, не столь нужным ради добродетели. На сие я возражение отвечаю: не надобно премудрости солдату; но полководцу без нее обойтись нельзя. Солдат установлению следует; но предписание устава требует просвещенного полководцу ума, тако и учение потребно предводителям народа; а всему народу его имети не можно; да учение сверх того еще велико при великом остроумии; ибо малоумных оно портит. Народ утверждается предписанными им уставами, которых благо ему понятно, а сами они систем не составляют, хотя о честности и одна только система; и кажется, что она еще и нетрудна: ибо в том она и состоит только: делай то другому, чего ты себе желаешь. Рубашка, как говорится, кафтан к телу ближе; так нельзя не предпочесть своя собственности делам другого; однако желай добра и другому по размеру желаниям собственности. Кратка и проста сия наука; но развращенному разуму и испорченному сердцу весьма трудна; ибо противоборствие невежества и пристрастия должно быти опровергаемо великою силою просвещения. А воспитание к тому только дорогу очищает. Мука еще не хлеб, следовательно, и не пища еще; воспитание становится пищею добродетели тогда, когда оно установится просвещением, без которого оно подобно ореху, не имущему еще ядра, или яйцу, не произведшему еще цыпленка.

III

Возращение добродетели принадлежит начальникам и писателям; проповедники добродетели толкуют о ней, а начальники за нее награждают, пороки исправляют и беззаконие истребляют. Сие дело есть первая монарша должность; но монархи не сердцеведцы и не всевидцы; так не могут разбирати всех подданных, да и ближайших;

отягощенны многими делами, подробно не всегда разбирати могут; надобны такие вельможи, которые бы им помочествовали в сем важнейшем должности их деле. Чем вельможи просвещеннее и добродетельнее, тем более чистится и народ. Когда вельможи любят науки, любит и народ; когда вельможи травят только зайцов, другие дворяне также порскают³; когда вельможи играют только в карты, весь народ держится пеструхи⁴; а сия игра есть отравя добродетели, отводящая людей от должностей, убивающая время и пустым обременяющая головы. Кажется мне, что времени мало человеку ко исправлению должностей, хотя бы и карт не было: да и на что играти тому в карты, у кого и без того доходы велики? Не лучше ли бы отдать сей гнусный труд и вредный прощелыгам? Пускай сею гнусную профессию обогащаются тунейдцы и разоряют молодых людей. Неявное ли это разрушение добродетели? Все это видят, и никто сему не противоборствует; не чудно ли это? Чем же провождати время? Ничем, когда голова пуста; но пустой голове должно ли большой имети чин? Не подумает ли кто, что я говорю дерзко; ибо многие достойные и почетные люди пеструхи держатся или картами забавляются. Можно ли хулить пьянство, когда бы какой знатный господин этого держался? И можно ли озираться, когда я пишу о добродетели, нет ли какого из могущих соделати мне худо недобродетельного господина, упражняющегося единственно в маловажнейших забавах? Когда писать о истине и добродетели, так бояться не надобно, по пословице: *когда кто боится дрязгу, тому не надобно и в лес ходить*. Трусливый моралист есть трусливый воин: трус военный не принимайся за шпагу и не дерись за отечество; а трусливый моралист не принимайся за перо и не защищай добродетели.

IV

Добродетельные люди — не Боги и подчинены страстям, хотя и не подвержены беззаконию. *Мы грешны все и все природы одинакой; но плут из нас не всякий*. Строгость во рассуждении слабостей наших и строгое мнение есть тиранство. Человеколюбие есть первая статья добродетели и источник всякого блага. Теперь я спрошу: должно ли имети человеколюбие к тем, которые сами оно лишены? Нет. Я не законодавец, и даю мое рассуждение, а не законы. Не должно быти против их тиранами только; ибо кто украдет у меня, а я

за то украду у него; так мы оба воры будем. Убийца и грабитель сами себя любви ближнего лишают, и могу ли я того любить, кто других не любит? Надобно, говорят, любить человека по человечеству; но человек, лишенный человечества, противнее хищного зверя. Я смотрю с отвращением, когда псы ловят зайца, и без жалости могу не смотреть, но терпеть, когда убивается хищный волк. Как убивают быков, я этого с роду не видал и никогда не увижу; необходимость только сие наше варварство извиняет. Непохвален человек, лишнюю имущий копейку и потчивающий просящего старика или больного человека, или алчущего младенца словом: Бог даст, употребляя не к месту имя милосердного Бога; но кто не подаст милостины разбойнику, чем того обвинить можно? Когда я увижу разбойника, я стыжуся, что и я такие же составы, как он, имею, и жалею тогда, что я не овца; ибо овцы без исключения все не злосерды. Когда я вижу несвязные стихи, я стыжуся, что я стихотворец и имя поэзии тогда мне омерзевает.

*В суде против бездельств, имея сердце твердо,
Взырай на слабости людские милосердо*⁵.*

Не почитайте недобродетельными людьми людей, подверженных некоторым слабостям, но не называйте пороками беззаконий.

V

Не делати зла, хорошо; но сие благо еще похвалы не заслуживает: столб худа не делает; но столб за то еще почтения не удостоивается. Не делати худа, не есть добродетель: добродетель есть делати людям добро, коли можно; похвально и то, что я могу и не делати людям худа; но то еще не добродетель. Но может ли еще это быти, чтобы кто не смог людям делати добра? Кажется мне, что всякий человек много или мало, но может ближнему делати услугу. Итак, каждый человек имеет могущество благодеяниями своими снискати добродетель; а еще удобнее ему быти злодеем. Ко благодеянию устремляются немногие, а злодеянием наполнение вселенна, по размеру невежества и ожесточения. Не думает ли кто угоден быти Богу, когда сердце чье не добродетельно. Тщетны и молитвы и посты его. Богу жертва, сердце сокрушенно и смиренно.

---

* Трагедия Семира.

VI

Многие думают, будто просвещение только одним начальникам надобно; но блаженство общества состоит не в начальниках одних и не в одних знатных господах. Когда-де, говорят, люди все просвещенны будут, так не будет повиновения и, следовательно, никакого порядка. Сия система принадлежит малым душам и безмозглым головам. Сделаем новое общество и вообразим то, что оно состоит из Сократов. Захочет ли кто видети не породю и не достоинством, но счастием кого себе государем, когда он сам должен будет черпать ему воду? Собралися бы Сократы и, посоветовав, выбрали себе, конечно, или государей или государя. Монархическое правление, я не говорю деспотическое, есть лучшее; так сии Сократы, посоветовав, изберут себе государя, вельмож и начальников, которым они еще больше повиноваться будут, имея здравый рассудок; предпишут они ненарушимые законы, свяжут и себя и вельможей теми законами, которые они сами уставили. Сократ истопник не будет имети презрения, ибо он почтен от того, кому он печи топит, и тем его он только меньше, что начальник его больше, нежели он, трудится; он топит печи, тот судит и распоряжает. Сверх того, могут люди все быти просвещенны; но качества просвещения суть различны. Тот законник, тот пиит, тот воин, тот живописец, тот астроном. Итак, хотя разум и равен у людей, но уже и качества просвещения делают различие между ними. Говорят же не о равновесии разума, но просвещения; так, не только равного просвещения, но и разума, да и ничего на свете равного нет; так сия гадкая система сама себя опровергает, ко стыду толь недобродетельно мыслящих; и если они не от невежества и привязанной к нему гордости так рассуждают, так, конечно, от нечестия.

VII

Религия и правосудие, коль ни святы, но колико в них злоупотребления? А сие от разрушения добродетели происходит. Суетно все на свете, когда добродетель не имеет подпоры. На сие, чтобы добродетель охранялася, устроены монархи, вельможи и начальники. Вельможи суть первые под короною, или под главою члены, и пристрастия вельмож их суть важнейшие беззакония, отверзающие пути ко несчастью и ко разрушению добродетели.

VIII

В войске солдатам потребно мужество, начальникам, сверх того, справедливости потребно еще больше, нежели рядовым; полководцу, сверх того, больше всех добродетель. Знаю я, что есть это на свете, чтобы убивати иногда пораженных уже без пощады. Водится это; но праведно ли это? Такое научение иногда и самим наставникам бывает ко вреду. И можно ли научати людей добродетели, и в самое то время, следуя разъяренного сердца движению варварства? Не ослепленны ли те люди, когда не видят лютого сердца своего предводителя, сдирающего кожи с людей, по всем законам и по воле монарха и всего отечества защищающих истину, и одним мерзким разрушителем добродетели вовергают себя в редко случающиеся беззаконии, уверяся ясно, что предводитель их и плут и мучитель? Варварство и в узаконенных войсках есть разрушение добродетели. У нас этого не делается; а сие усугубляет нашу победоносную славу и вселяет во народы наши человеколюбие.

IX

Судьи, емлющие взятки, всех тварей гаже; и ежели крючкотворный подьячий подвержен жестокому наказанию, сей благородный муж превосходит, беззаконствуя и продавая истину, и воров и разбойников бездельством. Нет достойной им на свете казни. Когда я о сем только вообразу, вся во мне востревожится кровь. А выдети похитителей истины и разрушителей добродетели, наследуя ограбленное имение и приобретенное взятками, откупом и подрядом неправды, можете ли быти почтенными в очах добродетельных людей? Но ни вы, ни ваши скаредные родители, довольствуясь таким бессовестным нажитком, не взираете на пустые добродетельных людей критики и, пропивая и проедая приобретенное, без угрызения совести. Вы счастливы; но Бог судьбы свои премудро устроивает: так, конечно, и сия статья, как поступити с наследниками грабителей, у него устроена.

X

Разрушается ли отомщением добродетель? И отомщением и упущением разрушается. Упускай кающемся. [Господин] Волтер⁶ говорит: грешити есть дело человеческое, а упускати прегрешения есть

дело божественное. Но не будет оно божественным, когда некаящемуся отпускается; ибо и Бог некаящихся не прощает. Не должно мстити тому, кто меня выберит и повинится предо мною; но можно ли и кающегося простити, кто погубит моих родителей, жену и детей? Такое упущение ко добродетели не принадлежит: оно ко разрушению оных.

XI

Кто не вмешивается в чужие ссоры, тот называется обыкновенно добрым человеком; но доброго человека дело прекращати ссоры, когда можно, и когда к тому он привлекается. Кто в чужие не мешается дела, тот только единого себя любит и не достоин любви другого. В Афинах было установление, что когда республика разделится и афинянин не пристанет ни к которой части, оного выгнать из отечества.

XII

Говорят некоторые ко похвале некоторых: они так живут тихо, что как бы их и не было. Лучше, чтобы их никогда не было. Худо, когда кто злодействует, по и то нехорошо, когда кто живет ради себя единого.

XIII

Гордость есть непростительная порча добродетели, тщеславие — порок великий. Низость и подлость суть малодушия, разрушающие благопристойность; трусость [не] есть природная слабость, но малость души, могущая подати повод ко разрушению добродетели.

XIV

Невежество ость дорога к неумеренному самолюбию, ко гордости и ко закрытию истины и добродетели.

XV

Преступление данного слова есть бесчестие; преступление клятвы есть беззаконие. Почтен тот человек, которого слово, как крепостное письмо⁷. Наши предки писывали в рядных⁸ тако; кто попятится, тому стыдно будет, и не преступали этого. Мы научились преступати

данные слова ото многих введенных комплиментов, обещающих к исполнению все и ничего не исполняющих.

XVI

Грубость гадка, а комплименты еще гаже. Одно отводит от благопристойности, а помалу и от добродетели, а те и мысли и чувства пустым наполняют и суть некие частицы того орудия, которыми разрушается истина и добродетель.

XVII

Ежели кто может какую ближнему сделать услугу и не делает; ежели кто кого может утешить и не утешает, или не посещает во болезни, не может называться честным человеком. Мы живем ради того, чтобы славилы Бога и взаимно друг другу помогали. А кто себя лишь только помнит и не печется о других, оный есть враг не только ближнего, но и Божий.

XVIII

Лихоимство есть из первых статей беззакония. Не оправдится и тот, который записывает⁹ деревни, или подобное тому делает, думая, что он законов не преступил; законы ради порядка в таковом случае, а бесчестного человека нимало не извиняют.

XIX

Кто плутует, тот смертно согрешает; а кто других плутати научает, тот еще скареднее¹⁰. Горе им же соблазн приходит; а кто научает других делати беззакония, тот не соблазняет, но делает плутам наставление.

XX

Кто с подчиненными строго поступает, тот порочен, а кто слабо поступает, тот презрителен. От излишния упускливости рождается своевольство и разрушение общего покоя, а от излишния строгости страждут наказуемые. Но от строгости страждут некоторые немногие, а от излишния кротости многие не только страждут, но и гибнут.

XXI

Всякое людям отягощение есть безбожие и безчеловечие; воздерживати людей и запрещати им вольничати есть дело доброе. Дати способы в тунеядству, праздности и лени есть порок весьма великий и дорога ко разрушению добродетели.

XXII

Искати во случайных¹¹ людях себе снисхождения нужно; забывать их одолжения скаредно; ласкати им подлю; противуречити им странно. А всего лучше, чтоб сделать им себя угодными истинною и беспристрастием, хотя это иногда и трудно. Не соглашаться с ними опасно, но должно, когда кто хранит истину; соглашаться не в деле презренно, а иногда и пагубно, или обще или участно. Счастлив тот, который не имеет нужды ползати перед сильными людьми, и презрен тот, который ползает, хотя бы и нужда того требовала, а кто им ласкает, тот копает им ров погибели.

XXIII

Все члены рода человеческого достойны почтения; презренны только люди, не приносящие обществу пользы, исключая больных и увечных, достойных сожаления и содержания. Крестьяне пашут, купцы торгуют, воины защищают отечество, судии судят, ученые возвращают науки и людей просвещают, художники вкус услаждают, духовные проповедывают добродетель. И сколько почтенны нужные государства члены, столько презренны тунеядцы, в которых числе полагаю я и дворян, не помышляющих более ни о чем, как только о их собственном изобилии и возносящихся своим маловажным титулом.

XXIV

Участные дела похвальны, когда они к участной нашей пользе исполняются; но исполняемые к общей пользе несравненно похвальнее. Я сею хлеб, купец торгует; обществу и сии наши частные упражнения приносят пользу косвенною чертою; но судия правосудный и воин, защищающий отечество, или человек ученый, просвещающий народ, делают отечеству услугу прямою чертою и более почтения достойны.

Все науки, все художества и всякое ремесло и рукоделие обществу потребны, и все они суть чада премудрости и добродетели.

XXV

Имея достаток и способы обучати детей, и не обучать есть вина непростительна. Не чудно ли это, мы своих детей не учим, а Государыня наша и чужих людей обучати старается! Ей потребны разумные подданные, но и нам потребны разумные дети. А о домочадцах наших почти никто из нас и не думает. Портных и сапожников имеют некоторые, как и уборщиков волос; но это точно только ради самих нас, потому что нам кафтаны, сапоги и кудри потребны.

XXVI

Истинная политика научает нас быти счастливыми без повреждения честности; развращенная политика научает нас быти счастливыми и несчастными и очень часто повергает нас во жесточайшее бедствие; а мораль научает нас быти и счастливыми и добродетельными. Многие ввели в моду говорить, что казни потребны только для образца ко отвращению других от беззакония; политическое право в сем обстоятельстве на сем и основано; но моральное право, заключа в себе и сие политическое право, устанавливает казни ко отмщению за невинных, хотя бы казнию другие беззаконники и не отстращались; невинность отомщения требует: и кровь, невинно пролиянная, вопиет на небо.

XXVII

Подло, говорят некоторые, просити у обиженного прощения; подло обижати, а не прощения просити. Кто человека избидит и постыдится просити прощения, тот устыжается предпочтити беззаконию добродетель и бесчестие — чести.

XXVIII

Блажени миротворцы, яко те сыны божий нарекутся. Из сего следует то, что ссорильщики и смутники суть сыны дияволы. А таких людей премножество. Иные это еще родом политики почитают.

О РАЗУМЕНИИ ЧЕЛОВЕКА, ПО МНЕНИЮ ЛОККА¹²

Локк отрицает врожденные понятия. Ежели бы сия истина врожденна была, что нечто может вдруг существовать и не существовать; младенцы постигнули бы то, как скоро матернюю утробу покинули, а того нет. Разумение просвещается чувствами, и что больше они укрепляются, то больше оно просвещается. Все то, что мы не понимаем, въясняется в разум чувствами. Рассуждение кроме данных ему чувствами никаких оснований не имеет. Рассуждение без помощи чувств ни малейшего движения в исследовании сделать не может. Разум — не что иное, как только действия души, в движение чувствами приведенные. Что больше человек видит, то больше разумеет. Мог ли бы человек постигнуть, что сладко и что горько, ежели бы он не имел вкуса? Может ли кто постигнуть, что бело и что красно разумом, слеп родившись? Кто глух родился, тот о музыке ни малейшего представления не имеет. Все что ни есть, неопровергаемо Локково мнение утверждает. Маленький младенец, едва разум имея, что сладко и что горько, столько ж, как и большой человек, постигает. Не врожденный разум тому его научает, но вкус. Не сказывает разум младенцу, что три и семь — десять, покамест он до десяти считать не научится. Что лев и что медведь, не врожденный разум человеку сказывает, но взор. Что колокольный звон и что пушечная пальба, не разум сказывает, но слух. Как пахнет корица, гвоздика, не разум сказывает, — обоняние. Что удар телу боль делает, не разум то сказывает, — осязание. Разум ничему нас не научает, чувства то делают. Все движения души — от них. Что холодно и что горячо, разум ли сказывает? Разум есть не что иное, как только содержатель воображений, порученных ему чувствами. Естество никакого начертания в разуме без чувств не может учинить. Человек ученый и человек дикий, не разумом разнятся, но употреблением чувств. Ежели бы разум был врожден, на что бы потребны были науки? Не надобны бы были слепому глаза, а глухому уши. Все бы то делал разум, а чувства были бы ненадобны. Разум ничего не делает, лишь только сохраняет то, чем его чувства обогащают. Кратко: врожденного понятия нет.

Природа не изъясняет истины в душах наших, и следственно, никакого нравоучительного наставления не подает. Если бы так было, не было бы разбойников, а они между собою и дружбу и узаконения

имеют; на врожденной ли истине сие основано? Ясно, что нет. Ежели бы врожденное было нравоучение; оно бы вдруг постигнуто быть должноствовало, а мы оному научаемся и сложением многих воображений до него доходим. Одни несложные просвещения чувствами разом понимаются. Ребенок то, что темнее и что светлее, равно как и большой человек, постигает. Большой, слагая понятие с понятием и воображение с воображением, о свете рассуждает, а первое воображение не больше младенца чувствует. Не требовала бы доказательства истина, ежели бы она врожденна была. Что красно и что бело, на то по надобно доказательства; а сие показывают чувства, чего разум не делает, и, следовательно, ни врожденного разума, ни врожденной истины нет. Свойственно человеку желать себе счастья; но сие желание не врожденное, но происходящее от чувств. Ежели бы чувства того не выясняли, не было бы и желания сего. Спроси христианина, для чего он опасается делать беззаконие; спроси ученика Гоббезиева¹³, спроси языческого философа. Первый скажет: боюся Бога. Другой: боюся начальства. Третий скажет: боюся стыда; так им сие узаконение чувства предписали, а не врожденное право. Уменьшается ли тем премудрость нашего создателя, что нравоучение основано на чувствах, а не на разуме! Совесть основана на чувствах, а не на врожденном понятии, которого нет и быть не может. Если бы совесть врожденно изобличала, допустила ли бы она до беззакония. Воспитание, наука, хорошие собеседники и прочие полезные наставления приводит нас к беспорочной жизни, а не врожденная истина. Если бы совесть была врожденна, все бы люди жили честно, и все бы повиновались единому закону. Что честно в одном народе, то б честно было и в другом; не было бы ни войны ни ссор, ибо не было бы различных о справедливости толкований; все бы философствовали, и все бы, ничего доброго не видев, не слышав и ничему не учившись, здраво рассуждали, а того нет. Ни безбожника, ни суевера, затвердевших во мнениях, совесть не обличает. Где же врожденная истина дается?

О НЕСПРАВЕДЛИВЫХ ОСНОВАНИЯХ

Это хорошо и это худо говорится очень часто, однако чаще худо, нежели хорошо; и подлинно, что худого на свете делается больше, нежели хорошего; однако не ради того чаще говорится: это худо, но ради того, что человеческое невычищенное, или, лучше сказать, испорченное естество больше к похудению, нежели к похвалению, склонно. Часто хвалят и хулят люди и противно своему мнению, а чаще еще, околдованны ненавистью, сыскали мы способ обманывать себя, которым можем мы увериться, как хотим, и видя белое, не нарушая прав совести, можем клясться, что оно хотя и не черно, однако желто. До такой степени дошло человеческое искусство. Скоро изобретем мы способ уверять себя, что десять — не десять, да пятнадцать; что аршин — не аршин, да полтора аршина; что фунт — не фунт, да полтора фунта. Большею части людей думается, что свет час от часу разумнее становится; другим думается, что он час от часу становится глупее; а я такое имею мнение, что самая малая часть рода человеческого час от часу разумнее становится, а остаток час от часу дале и дале в невежество заходит, и сколько становится глупее, столько умножается его высокомерие. Это я говорю не в рассуждении некоторых частных знаний, но всего вообще, ибо это известно, что многие знания возросли, многие изобретены, многие пали, а некоторые и, может быть, многие исчезли. Все новые умствования основаны на умствованиях древних. Мода переменяется всегда, а природа никогда. Недавно ходили с короткими тростями и говорили, что они покойнее длинных; ныне ходят с длинными тростями и говорят, что длинные покойнее. Недавно люди рождались и умирали; ныне также рождаются и умирают; мода переменялась, а природа нет. Петиметры¹⁴ старался друг друга перещеголять мерою тростей, вышли за границы.

Здравым рассуждением приближаемся мы к центру познания, которого смертные никогда не могут коснуться. Кто больше до сего доходит центра и кто меньше его преходит, тот справедливее действует. А тщетные люди не только в важных действиях, но и неважнейших меры не знают. Пример тому с длинною тростью петиметр. Что на природе и истине основано, то никогда премениться не может; а что другие основания имеет, то похваляется, похуляется, вводится и выводится по произволению каждого и без всякого рассудка. А пото-

му что разные у людей мысли, так разные по разности вкуса умствования, разные изобретения и разномышленные действиям и вещам похваление и похуление бывают, ибо все доказывается по большей части своемышленно, а не правомышленно, и для увенчания невежества назвали невежи ясные и непреоборимые доказательства педантством, не имея, в чем педантство состоит, ниже понятия. Логическое и математическое доказательства не педантство, но путь к истине, которым шествуя и просвещенный разум имея проводником, до последних границ нашего умствования заблудиться негосожно. Многие знать слывет у невеж: знать по-педантски или по-школьному. Малое знать, или, поглубе выговорить, ничего не знать, слывет у них: знать по-кавалерски. Кто ж педанты и кто кавалеры? Педанты, по их мнению, суть профессеры и прочие ученые люди, которые не по моему мнению, но по справедливости, ежели они достойны своего звания, суть люди первого в обществе класса. А имя кавалера обыкновенно дается дворянам; итак, знать по-кавалерски есть знать по-дворянски, знать столько, сколько благородному человеку пристойно, то есть мало и неосновательно, чтоб уметь начинать говорить о всем и не уметь окончать ни о чем, скакать из материи в материю, показывайся, будто все знает, хотя этому, кроме таких же невеж, и никто не поверит, доказывать не но-педантски доводами, но по-дворянски криком, изо всей мочи хохотать и потому, ежели самым лучшим и благороднейшим образом речь окончить, то есть по-петиметрски, так надлежит запеть французскую песню или, кто не знает французского языка, хотя и русскую, только чтоб не было в ней ни склада ни лада, а в таковых песнях нет недостатка. Таковое в науках знание называется знание дворянское, знание благородных людей. Быть историком, математиком, физиком дворянину стыдно, а всего стыднее проповедником. Похвально ничего не знать, а всего похвальнее не знать и грамоте. Предки наши говаривали: на что уметь писать? ведь не во дьячках быть. Да так и было. От слова диакон произошло дьячок, от дьячка — дьяк, от дьяка — подьячий; ибо при восприятии во времена Владимировы россиянами христианского закона и сию приобрели мы пользу, что от греков получили мы литеры и переводы на славянском языке книг, а в начале христианского закона знали грамоте одни только священники и церковники, и когда что потребно было написать, так то писали дьячки. Дьячок, грамотник и писец было едино. По большей части дворяне служат в военной службе и

возрастают к защищению отечества. Дело прехвальнойшее! Многие думают, что нет нужды воину в науках, кроме инженерства и артиллерии. Ежели мы возьмем рядового солдата, так ему и в том нет нужды; ему только надобно выучиться владеть ружьем. Но обретающийся в военной службе дворянин, или офицер, уповает на высшие восходить степени, а иногда быть и полководцем, которому знание наук, а ими чистое просвещение разума не меньше профессора потребно, и все почти в древности знатнейшие полководцы были люди ученые. Александр, Цесарь, Август¹⁵ и многие прочие. В новейшие времена так же. А которые как в древности, так и в новые времена не имели случая в науках углубляться, так они весьма ими просвещены были, а некоторые имели превосходные разумы, дарование и наук еще почтеннее; а где недоставало знания наук или любления оных, тамо следовала погибель. Митрополит киевский Петр Могила¹⁶ учредил училище и первый открыл путь учения российскому народу. Государь царь Федор Алексеевич, сей в нежной младости, к горести всего народа, скончавшийся прехвальный монарх и крайний любитель наук, учредил училище в Москве в Заиконоспасском монастыре¹⁷. Потом, когда воссияло российское солнце и мрак невежества рассыпался, когда взошел на престол *Петр Великий*, тогда пологий Невский брег стал горою Геликоном¹⁸, и невские струи — струями Иппокрены¹⁹. Сей великий государь рассуждал о учреждении Академии с единым из учителей вселенныя, с славным Лейбницем, и основал ее, пригласив к оной некоторых знатнейших мужей, а между прочими Бернуллиев²⁰ и Германа²¹, который ныне от некоторых Германом Великим называется. Лейбниц, Фонтенель, Бургаве²² не могли следовать ему в Россию, сожалея, что их обстоятельства препятствуют им имети счастье успешествовать в державе такого преславного скипетродержавца, такового великого мужа и такового любителя и покровителя наук. Лейбница наградил он чином тайного советника. Лейбниц служил ему в учреждении Академии. Фонтенель говорил о бессмертной его славе речь. Бургаве обучал и препоручал России медиков. *Петр Великий* преставился едва только Академию учредив. Венценосная его супруга по учреждениям его Академию основала. Дщерь его, наша Владеющая Государыня Императрица, преложила к оной Академии изобилия, и в Москве к вечному России одолжению основала великое училище²³. Распространи, Боже, в России науки и искорени несправедливые основания!

ПЕРЕВОД ПИСЬМА Г. СУМАРОКОВА, ПИСАННОГО ИМ ЖЕ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ К ПРИЯТЕЛЮ

Поэтам позволено изображать кажущееся истиною, хотя оно и не основательно. Логики дела свои выводят основательными заключениями, физики — опытами, математики — выкладками; но сколько философов, составивших системы поэтические! почти вся картезианская философия есть голый роман. Все без изъятия метафизики бредили, не исключая славного и славы достойного Лейбница. Что я вчера вам говорил, может быть, что и то бредня; но мне как поэту это отпустительно; ибо между поэта и физика такое различие, какое между митологика и историка. А, чтобы вчерашний мой разговор сделать яснее, так вот мое мнение: основания материи от нас сокровенны, но должны они быть бесконечно многочисленны, и колико их родов, толико имеем мы элементов; ибо из четырех элементов, как думали древние, толико многие различности произойти не могут, и натура была бы ограничена; но мы обнадежены, что все безгранично и бесконечно, а премудрость Божества неисчерпаема. Как чаяти, чтобы из четырех элементов несколько сот тысяч субъектов формироваться могло? Легче сделать из многих элементов многие субъекты, нежели из немногих элементов немногие субъекты. Посему не чудно то, что натура толико многолична. Основания материи суть бесконечно разделительны, а когда они бесконечно разделительны, так я не ведаю, как можно полагати, что они из единственной состоят материи. Когда бы воздух из единственной состоял материи, не мог бы он никаким разделиться образом, а будучи неразделителен, был бы неподвижен. Как же сказати, что в воздухе нет никаких ни земляных ни водяных частиц? Я не говорю, что частицы воздуха суть отделенно земли, и не приемлю их парами и не полагаю того, что они когда-нибудь от земного круга отделились; говорю только, что воздух из таких же различных составлен частиц, как и земля, с сею только разностию, что одного рода частиц содержит больше в себе земляная материя, а другого — воздушная. Какая в атмосфере содержит воздушные частицы сила, этого я не знаю; это только истина, что в воздухе гораздо больше летучих частиц, нежели в земле, а в воде больше текучих частиц, нежели в воздухе, а в обоих много земляных частиц, колико много и земля в себе воздушных и водяных частиц имеет. Следственно, воздух, вода и земля суть из од-

ной материи. Я и то держу, что все частицы смешенны и что они никаким образом совершенно разделиться не могут, и что потому в каждой малейшей частице есть нечто изо всех родов, и что они по различию меры, различных родов, различные и натуре потребные субъекты формуют. От сложения частиц наш шар земной произошел, от разрушения частиц исчезнет. Поэтический хаос есть изображение смеси частиц. В легчайшей воздушной частице есть и земля, и в тяжчайшей земляной частице есть и воздух. Я потому не полагаю иных элементов, кроме родов частиц, которых различие в материи бесконечно, и что во всяком субъекте ото всех бесчисленных элементов по различию меры нечто содержится.

ГОСПОДИНУ ПАСЕКУ²⁴: ВОТ НАШ БЫВШИЙ РАЗГОВОР

Естество разделяется на духи и вещество: что духи — я не знаю, а вещество имеет меру и вес. Одушевленное вещество есть животное движущееся и животное вкорененное. Вкорененное состоит из растений; движущееся — из четвероногих, крылатых и ползающих. Камни не растут, но налепляются; металлы живы или нет, сие еще поныне не доказано, хотя я и думаю, что они живности не имеют. Ничто без сопряжения не рождается. Происходят деревья и травы от зверков, полагающих яйца внутри земли, и имеют начало от движущихся животных: деревья сами собою и ветвями и цветами, мещущими из себя пыль, сопрягаются. И дерево и человек не из одной живности, но из многих состоят; человек и дуб суть кучи животных. Ни бык, ни дуб не могли от естества произведены быти вдруг тем, каковы они ныне; существенности вещества не прменялися ни у быка ни у дуба, доколе они не пришли в сие существо, в коем они ныне: но формы до сего, я не говорю человека, но быка и дуба состояние многократно прменялося. А о человеке я этого не скажу, ибо Священное Писание сему противуречит. Пять родов видим мы животных: четвероножное, крылатое, плавающее, ползающее и растущее; к ползающим причитаются и летающие насекомые. Ежели человек не четвероножен, так ко классу коему его причислить? Говорим мы, но и все твари говорят. Передние ноги и у всех четвероногих руками служат. Сочетаваться нам ловчае по скотски: и к тому устроены и у нас такие же члены как у других четвероногих. Трудно смотрети нам наверх, четвероножествуя, но свинье еще труднее; все на том же основании наши члены, как и других четвероножных; есть различие, но есть различие и между человека и человека. Общество и, следовательно, нашу силу, уставила нам бедность: и она то человека повелителем сильнейших животных уставила, хотя медведь один на один со человеком и больше власти имеет, нежели он. Ходити четырьмя ногами и стоять на четырех ногах легче. Сердце у нас четвероножных не угнеталоса бы, ни легкое, ни печень, ни селезенка, ни желудок; не падали бы прямо чертою отягощающие нас частицы, и имели бы свободнее обращение; не были бы мы толико подвержены подагре и чечую. Во верхоглядии большой нужды нет, а сколько есть, то можем мы, и ходя на четырех ногах, исполнять. Кожа толстая на ладони и раздвоенная

пята потребны ноге, а не руке; в ногтях нога, а не рука имеет нужду; и у всякого животного ногти или копыты на ногах; и ежели мы только наши передние ноги, ради отличия задних ног, называем руками, так это дельно; а чтобы называть наши передние ноги не ногами, это противоестественно. Нет ни малейшего довода, что естество устроило нас двуножными. А на дыбки становятся и другие четвероногие: например, медведь, собака и сурок. И может быть, что мы, двуножествуя, сим и живот сокращаем: ноги наши и руки затекают, и все члены. Опыты были, что дикие люди ходили четырьмя, а не двумя ногами. Нет нашего нигде преимущества; так какую участность мы от других скотов имеем, да и какое это преимущество, что у нас вместо ног руки, и есть нечто что мы руками называем, которых должность у медведя передние его ноги исполняют? За что дать рукам едину только должность, а другую отнять, и подлинно отнята она. Наконец, скажу я то, неумствуя и не сатиристуя, что человек — слабейшая и силою и умом из зверей многих тварь, ко подражанию, как и обезьяна, склоннейшая. А науки родилися от общежития, от коего произошло и развращение сердец. Противомнений у скотов таких нет. Низость и гордость нашей только подлости свойственны и высокомерие, которым мы сравниваться и с величеством Божества дерзаем. Ежели бы львы общества имели, расхохоталися бы они, видя нашу подлость и равномерное ей высокомерие. И может ли сходно быти с разумом, дабы одна только тварь произведена была, ни к которому классу животных не принадлежащая, имея точно все члены и все свойства некоего из них класса? Наконец, нет никакого животного, которое единственно бы собою целый класс занимало. Все звери и скоты суть единого класса: птицы единого, тако рыбы, гады и растения. Сии классы раздробляются по статьям, а статьи еще раздробляются, даже до статьи каждого участно рода, а двуножных скотов нет; следовательно, человек тварь четвероножная, и такую же имея одну только голову, как и прочие движущиеся животные, преимущественного разума не имеет; и коли бы не было общежития по необходимой его бедности и безопасности, не имел бы он изощрения ума своего, и был бы такою же скотиною и еще многих скотов многократно глупее. Престанем возноситься и отличать себя от прочих, как и мы, разумом одаренных тварей, от того же создателя произведенных. А что мы других животных поедаем, так и они нас поедают; да и у многих животных естество само того требует; ибо многие животные единым

похищением других животных питаются. Того жаль только, что мы питаемся незлобными овцами, курами, утками и прочими такими; а нами питаются львы, медведи и волки. Естество устроило, что свирепое от свирепейшего поядается; а незлобие и правда повинуются злобе и неправде. Се плоды несовершенства! а совершен единый только Бог.

О НОВОЙ ФИЛОСОФИЧЕСКОЙ СЕКТЕ

Появилась новая философическая секта, неимущая еще никакого названия. Система их сия: 1) Любители основание рассуждения и никакого в нем основания не имеют. 2) Ни о чем не имеют понятия, полагая, что все на свете сем непонятно. 3) Прилепляться всею силою к добродетели и полагати, что ее нет на свете, ибо-де все качества, как добрые так и худые, состоят только в воображении нашем. 4) Бог неокончаем, а мы окончаемы; следственно, мы о нем никакого понятия иметь не можем, хотя без познания существа Божия добродетель и не может существовать; а оттого и прилепляться к ней не можно, ибо она есть основание познания величия Божия, а оно источник пристойного человечеству поведения, искра совести нашей и подражание совершенству. 5) Может-де быти, что то, что у нас по верным логическим и математическим заключениям и по физическим опытам истина, у совершенного существа, ежели оно есть, почитается не истиною. 6) Надобно учиться, а науки не надобны. Учиться надобно ради того, что здравое рассуждение и опыты доказывают то, что они человека просвещают, а не надобны науки ради того, что сказал Жак Руссо²⁵, что науки вредны, а кто-де ему не верит, тот да будет проклят. 7) Презирать все суеты мира и в них паче всех людей упражняться. Быти тунеядцем, не делав и не делая ни малейшия роду человеческому услуги, и почитать себя без рифмы и без рассуждения отличным человеком. 8) Критиковать от невежества, сатиризовать от злобы, утверждать по благоволению, хвалить из милости. 9) В беседах говорить очень много или ничего, уподоблялся или ветреной мельнице, или индейскому петуху, при молчаливости имея гордость, а молча и говоря, думать побольше ветреной мельницы и поменьше индейского петуха. Петушанка у них гораздо в большем почтении, нежели ветреницы; ибо они весьма важны, говорят мало и осторожно, да и то по-индейски, дабы по незнанию нашему сего языка главное искусство секты их по подобию древних во Египте жрецов оставалось таинством, а пишут они, что и не тайно, иероглифами ради того, что они литерными писать умеют худо и правописания не знают. А ветреницы хотя беседы шумом и довольствуют, однако они в беседах только во время ветра бывают, а в тихое время читают они книгу Жака Руссо, которого они не разумеют, об алмазном веке, в котором люди крайним невежеством украшались. 10) Кто меньше пяти слов по-французски знает, тот у них, хотя и фи-

лософствует, однако еще истинным философом не почитается. Ибо-де человек прежде выучения пяти слов французских еще не одушевлен; однако из милости принятый в их секту и без души уже человеком почитается; но имеет он дозволение сколько хочет суеверствовать; а они при всем худе своем сие имеют достоинство, что они не суеверны. Однако то восприяли, что еще хуже суеверии, и отвергают то, чего еще, кроме сошедших людей с ума или во уме рехнувшихся, никто не отвергал. И хотя не прямым философам суеверствовать и дозволено, однако с таким обязательством, что они за то вместо эпитемии сколько возможно российский язык по примеру истинных сия секты философов сорили французскими словами по данной от них росписи, написанной российскими буквами без переводу, ибо де редкое французское слово на российский язык перевести удобно, а они бы оные слова ставили как хотят и которое слово куда ни попадет. И ради того чтоб дойти до совершенства сея новомодной философии, все французские бродяги, и мужчины и женщины, стали учителями и учительницами. А таковых имея наставников и наставниц, в хорошем воспитании сомневаться невозможно. Не любят они предрассуждений, однако все хорошие качества приписывают единому воспитанию, и ведая, что хороших наставников число гораздо мало, а хотя бы таковые и были, слепо утверждать чужие основания по возрасту своему есть имети предрассуждения и говорити наизусть то, что выучено и в том упражняться до тех пор, покамест ветерок малейший всех струй течение обратит во другую сторону. Для получения добродетели мало единого и самого лучшего воспитания при острейшем воспитуемого разуме. Не предрассуждением мы снискиваем добродетель, но здравым рассуждением, которое только некую часть от воспитания заземлет, ежели воспитание хорошо, и то ради того только, что оно рассуждением удостоивается, и чтобы и рассуждением сыскано быть могло. Не для того потребно к упражнению в добродетели воспитание, чтобы оно истинною заражало, но чтобы оно учинило человека способным ко исследованию истины и вкоренению добродетели. Малое просвещение и великая на себя надежда стократно более человеку вреда наносит, нежели великое невежество и малая на себя надежда. Почтенны те люди, которые без дерзновения к исследованию истины приступают и презренны те твари, которые, ничего не зная, новые составляют системы и в неисходимый заводят лабиринт и таковых людей, которые по остроте своего разума достойны отменного почитания.

К ДОБРУ ИЛИ К ХУДУ ЧЕЛОВЕК РОЖДАЕТСЯ

К добру или к худу человек рождается, на сей вопрос отвечаю я: к добру и к худу — не иной к добру, а иной к худу и не частию иной к тому, а иной к другому, но вдруг и к тому и к другому. Сей ответ покажется противен рассудку, ибо нет того, чтобы без смешения два противные содержало свойство и было бы вдруг и сладко и не сладко. Смесь двух противных вещей у обеих отъемлет силу естественного свойства. И ежели равно противуборение вещей, так во смешении ни одно ни другое чувствоваться не будет, соделавшись то, что чувствуется третьим и двум том, из чего оно составлено, нимало не сходным. И хотя во смешении добра с худом и не то состояние, какое во смешении у сладкого с горьким, дабы обе смешенные вещи произвели нечто третье, лишившись прежнего свойства, ибо во смешении добра и худа всякая частица свойство свое удерживает и всякое действие видной во смешении; однако в человеке они сожительствуют. Частицы добра и худа не только по переменам, но иногда и вдруг явиться могут. Добро и худо прменяются, например, тако: в сей час я обижаю человека, а в другой потом час я защищаю невинного; но являются иногда добро и худу вдруг: пьяница, лежа в грязи на улице дает нищему милостину. Действие действию уступает, когда они единым прстираются путем, а когда разными, тогда не только согласные купно идут, но и противные, ежели они разноличны. Вдруг и стоять и ходить нельзя. Вдруг и в грязи валяться и милостину подавать можно. Две частицы добра мешаются, а одна добра и другая худа не мешаются. Кто подаст нищему копейку, хлеба кусок и стакан воды, доброе сделает он дело. Кто, напившись, валяется в грязи и в то же самое время подает милостину, делает купно и доброе и худое. Мешается ли беспутство пьяницы со щедростью его? Добро и худу толико друг другу противны, что хотя они и смешиваются, но никогда соединиться не могут, и средины между добра и худа нет, ибо добро бесстепенно, а худу бесконечно. Все наши участные доброты суть участия совершенного добра, и все они совершенны и естеству нашему не причастны. Худу, восходя к добру степенями и час от часу становяся лучше, должно бы было претвориться в добро напоследок и быти совершенством; но до совершенства достигнуть невозможно; ибо не от худа к добру прстирается естественное точение, но от добра к худу, хотя мы от естественного худа к добру искусством не-

сколько и возносимся, просвещаясь и очищаясь. Добро в центре и совершенно, а от центра простираются в худо бесконечные линии. Что дале худо от добра, то хуже оно. Совершенство не имеет степеней. Следственно, ничего нет лучше Бога; ибо совершенства лучше быть не может. Несовершенство степени имеет и бесконечно; следственно, нет такого худа, которого не было бы еще хуже. Я сказал то, что человек рождается и к добру и к худу; не думаю ли я, что человек рождается частию к добру, частию к худу? нет я и этого не думаю, а на неясный воцрос, я буду ясно отвечать. Человек рождается ради себя к добру, а ради другого человека и ради всякого другого животного к худу. Каждое дышущее вредоносно другому дышущему, и во своем и в чужом роде; ибо не только твари тварей чужеродных, но и своеродных погубляют, и что все твари друг другу, и во своем и чужом роде к худу рождаются, в том нас ежедневные уверяют опыты. Общая польза не ослабляет сего доказательства; в ней имеет каждый свой собственный прибыток. Во всех сообществах, как у человек, так и у других тварей, согласие от собственного и участного своего прибыточества утверждено, а не от любви к подобной себе твари. Дружимся и любимся мы ради самих себя. Другого любим, любя себя, ненавидим, ненавидя его. Все наши действия происходят от любви к себе и от ненависти к другому. Не естеством, но моралью и политикою склонны мы к добродетели. Мораль есть познание премудрости Божией и вечного устава, покоящегося на неколеблемой славе. Политика есть познание премудрости человеческой и временного устава, покоящегося на неколебимой пользе. Мораль без политики бесполезна, политика без морали бесславна. Но оба сии познания толико между собою сопряженны, что никаким образом одно без потеряния славы, а другое без потеряния пользы разделенны быть не могут, ибо угождение Божеству не может быти без угождения человечеству, а угождение человечеству не может быти без угождения Божеству. Не можно раздражати невинного человека, не нарушая истины, ни истины, не нарушая человечества. Ежели бы не было Бога, не было бы честности, и мораль бы не надобна была, а была бы надобна одна политика. А ежели бы не было на свете развращения, не было бы бесчестности, и не надобна бы была политика. Но бег есть и ко благу существует, а мы рождаемся к худу и исправляемся моралью и политикою, но и со всею нашею добродетелью мы еще худы, с тою только разностию, что один другого хуже. А добродетелью должны

мы не естеству нашему, но сей искре Божества, которую мы моралью именуем, и на ней основанной политике. Мораль и политика делают нас по размеру просвещения разума и очищения сердец полезными общему благу. А без того бы человеки давно уже друг друга без остатка истребили.

О СЛОВЕ «МОРАЛЬ»

Все кричат: мораль, мораль; и подлинно, что мораль почтенна; но я не знаю, почтенны ли те, которые, много делая о ней шуму, не на том ее созидают основании. Таких людей мораль подобна тяжкому каменному зданию на самом легком деревянном основании. Я, говорят они, ни малейшего понятия о Божестве не имею и почитаю добродетель. Можно чистую пить воду и не имети точного познания о ее источнике; но чистую пия воду, не знати, что источник ее чист, это дело человека, или недошедшего до истины, или отшедшего от нее, дело человека, не имевшего или лишенного разума. Но пусть мораль такая будет, какая требуется; следует ли из того, что только единая мораль миру потребна? Ежели весь род человеческий честен будет и все ссоры, раздоры, брани, драки, войны и все то, что противу Божества и человечества вооружается, пресечется, и только благополучия увидим на свете, что мы все честные будем, мало еще для общей пользы сие благополучие. Потребны другие знания, без которых общества устоять не могут. Общества разрушатся, люди рассеются и настанет небывалый век, Жаком Руссом похваляемый, человеки странствовать будут по пустыням, и без вспоможения друг другу, будучи малосильны, предадутся на снадение зверям и все напоследок исчезнут. Кто как ни честен, но ежели он бесполезен роду человеческому, достоин презрения.

ОСНОВАНИЕ ЛЮБОМУДРИЯ

Что есть Бог, о том я ни мало не сомневаюсь, видя его повсюду во естестве: и ни кто о сем из философов не сомневался, ни во древней Греции, ни во древнем Риме, ни ныне ни кто во всей Европе. Спиноза²⁶, искав Бога, хотел несколько достигнути до непостижимости, и не сыскал того, чем бы ясно Божество мог изобразить, хотя Божества и не утверждал; однако и не отрицал; отрицати не можно: а доказывати о его существе, не возможно ж; так он ради того только не утверждал Бога, что ясно Его существа доказать не мог, а не для того, что он Его не признавал, хотя и чувствовал Его во душе своей, быв человеком самым добрым. Бель²⁷ говорил о Божестве рассуждая и не систему составляя, и опровергая мнения других, ни какова заключения не учинил. Сам Епикур²⁸ не отрицал Божества; но, ослепляясь, думал только то, что Божество, устроив вселенную и единожды оную распорядив, более о создании своем не печется. Пускай единого мгновения к устроению всего божественного здания довольно; но пред Богом во вечности, и едино мгновение и вся вечность, равно; следовательно, управлять вселенною и миллионною частию минуты, и во всю вечность Богу равно: а вселенная создана, не ради того только, чтоб она была; но что бы она была Создателю ко славе, а созданным ко пользе: и может ли праведное и всещедрое Божество видети и добрых наши во вселенной дела и худых равновзорно? И не был ли бы Бог лишен правосудия, без которого бы Он и праведным назваться не мог: да не единственно праведным, но и всемогущим, и премудрым, и милостивым. Говорят эпикурцы: когда бы присутствовало правление Божества, во естестве, яблонь бы приносила, в иной год яблоки, в иной груши, сливы, вишни и проч. Но где бы тогда была премудрость Вышняго, когда бы толико не порядочно естество устроено было? В том то Бог премудрости основание показал, водрузил образ и свойство всякой вещи. А чудеса новыя, и весьма малыя служащая участной пользе, являются не разрушением естественного порядка; но теми же естественными законами, и ежеминутным правлением; ибо вся вечность у Него есть одна минута. Ежели бы, говорят безумцы, Бог был; был бы он милостив; но где его милость, когда мы имея краткую, печальми и болезнями наполненную жизнь, и всегда не минуемой ужасаемся смерти? Жизни долготы равномерна составу тела нашего: и нет ни долгой жизни, ни краткой, кроме участной на-

шей меры на прим: жизни осмидесятилетней со дватцатилетнею. Каков состав в обще человека, так долга и жизнь его: и по составу нашему она довольна. Есть ли бы состав наш был тысящилетней; но и тысяча лет не вечность: и сему крепкому составу, казалась бы она толико же кратка, как нашему составу осмидесятилетняя. А вечным Бог человека создати не мог; ибо Бог Бога создати не может; потому что свойство Божие созданию не причастно. Но пускай бы человек созданный сие едино еще уподобление Богу имел, как мы волю и разум подобяся ему имеем, хотя сие возможно, а то не возможно: жил бы человек вечно. Мы того что делалось за десять лет, не так живо в памяти изображаем, как сегодняшнее приключение: за сто лет было бы, соделанного, видимого или слышимого вида воображение еще темные в памяти нашей: за тысячу лет еще темные, за сто тысяч, за миллион лет: а на последок за квинтиллионы и квинтиллионов лет ни чего бы в памяти не осталось; не столько ли же бы тебя сие забвение соделанного и самого нынешняго тебя, колико ныне устрашает тебя смерть, больше бы тебя еще устрашало. Тогда то бы мы меньше ощущали Божия милосердия: а ныне надеемся мы лутче сея участи имети по скончании здешней нашей жизни. Чтож будет по кончине нашей? Добрым доброе: худым худое. Не подумает ли кто, что я сим рай и ад утверждаю? Нет, рай и ад до естественнаго мудрования не принадлежат: а я пишу не об откровении; но метафизическую естественно: а то дело духовных, хотя я противно священному писанию, и ни чего написать не намерен, и в основании моего любопытства ни во едином слове противнаго религии не прошибуся. А что жизнь наша печальми и болезнями наполнена, сие не милость Божия, но необходимость усталила. Печали наши по большей части от себя самих, или друг от друга мы оныя получаем, ежели не по естественному порядку, от преткновения помешательства: а болезни от брэнного состава. Тело наше должно было быть составлено из частиц брэнных; ибо другого вещества, к тому и быть не могло: а помешательства отвратить было не удобно, приносящего нам печали; ибо все вещество брэнно: довольно того что премудрость Божия охранила нас и от печалей и от болезней колико удобно: печали установлением данным нам разумом законов: и от болезней охранены мы осторожностью и врачеванием. Для чего Бог не открыл нам того что по кончине нашей с нами будет? Он открывся во естестве, показал себя довольно, из чего видно, что он и милосерд: а когда милосерд: так мы

на вечное исчезание созданы быть не могли. Ежели бы яснее о нашем вечном пребывании постигали; не было бы злодеев; ибо кто бы известное вечное благо променял на временное; но разве мы за награждение должны быть добродетельны? Нет, из благодарности Богу, изливая сию благодарность и друг на друга взаимно. Винен ли кто что он ко злу склонен? Винен; ибо все мы умом и рассудком одарены. А доброе и не просвещенному человеку, и совестью довольно открывается. Знаем мы все что полезно, и что вредно: а что полезно и вредно мне, то полезно и вредно и каждому. Не хочешь ты от друга принять смерть; не умерщвляй и его: не хочешь быть разорен от него; не разоряй и его. Кто может сомневаться о бытии Божиим! Хотя бы и не вошли в самую глубину пространства небеснаго; но только бы до солнца зрением возлетели, и оттоле возвратившись простерли по земле очи наши, и свой собственный состав рассмотрели; какия чудеса и виды премудрости Божией и его к родам животных милосердие! Имущий миллионы денег, обрадуется ли, нашед полущку? Так на что суеверы, новья с величеством Вышняго, выдуманная ханжами и почитаемая чудеса безумцами к неограниченной славе Правителя и Обладателя вселенная, яко важность некую прикладывают? Неужели Создатель одних ради премудрых явил в устройении нашего мира, премудрость ко славе своей?

Солнце составленное всемогуществом Божиим из эфира, плавающее в нем и питающееся им, дает, человекам, скотам, зверям, птицам, рыбам, гадам, древесам, цветам и траве жизнь. Вот и всемогущество, и премудрость, и милосердие Божии. Весна, лето, осень и зима пременяются между собою к пользе нашей. Солнце, говоря пиитически, погружается в окяне, к пользе нашей. Разсмотрим со естествословами единый глаз, или едино ухо, нашего состава. Чувства наши и все наши члены, с коликою премудростию, ко крайней нашей пользе устроены! Безумцы говорят о душе нашей, что она есть отрасль нашего телеснаго состава, яко звон есть произшествие колокола; но звон или звук от сражения двух крепких веществ: а душа телом управляет, и поелику тело, сие грубое вещество душу не преодолевает, им управляет, яко царь народом, доколе народ, не возбунтуется против него не праведно. Но царь и сам не всякой праведен: а души наши всеконечно праведны. А что души наши бессмертны, о том я, как и о Божестве, так же ни мало, не сомневаюсь. Метафизически говоря, что исчезание душ наших, не сходственно с милосердием Выш-

няго: а физически, что ни мертвое в живое, ни живое в мертвое преобразиться не может. По сему предложению и живности или души скота птиц и рыб бессмертны? Я инако и не думаю. Во священном писании сказано что наши души вечны; но уменьшитесь ли к нам Божие милосердие, когда души и воробья и червяка бессмертны? Скажет невежа, что за них не умирал... Но их праотцы и не согрешали. Да не только бессмертны душами воробей и червяк; но и малейшая былинка душею бессмертна, яко зверок едва помощью микроскопа являющийся взору нашему. От сочетания рождается человек, от сочетания и былинка: человек растет, немоществует, здравствует, стареется и умирает: былинка так же. Довольно нам и того, что райская жизнь нам единым обещана; но мы и того что другим тварям по смерти предписано не знаем. Все создано ради человека, это правда; но все и для всякой твари создано. Где ж по кончине былинки будет душа ея. Этого я не знаю, ибо естественно мы и о своих душах не ведаем. Оставим им преселение Пифагорово. Может между новаго других тварей оживотворения множество пройти времени; но во слабом чувствии: я не говорю бесчувствии: и одна минута и миллионы лет тоски малосущественности тварей горести принести не могут, ибо не время нам веселости и тоску наводят, но приключения и виды. Время лишено приключений и видов есть пустота нашего нашего пребывания. Многочисленные виды отталкивают, виды прешедшие, и предают и приключения и виды забвению: умягчают и радости и горести наши, а не время; следовательно время, ничего забвению не предает. Священное писание открывает нам то, что все создано ради человека, и все ему покорено; кто сему противоречит; ибо мы имея общества и грамоту, разум свой по установлению Создателя изоощряем, и чувствуя свое бессилие живем общественно. Лев сильные человека; но множество человек сильные льва. Разум наш не больше разумов других некоторых или паче многих тварей: и преимуществуем мы пред ними не разумом но просвещением онаго: и может быть иногда между человека и человека в разуме больше разстояния, нежели между человека и осла. Способный ко просвещению разум, и обретший пути ко просвещению и к изоощрению, есть отличный дар Божества, которым люди не только от скота, но и сами от себя отличаются. Лев и медведь сего преимущества не имеют. Но посмотрели бы живущаго от рождения своего в уединении человека: и какое бы нашли мы между волка и между человека в разуме разли-

чие. Все создано ради человека, ибо все ему, сим образом, как я сказал, покорено; но лъзя ли признати что не довольствуются милостию Создателя и протчия твари, в которых нам никакой пользы нет. Не все ли твари созданы ради себя самих: а по покорению политическому по воле Всемогущаго, все человеку покорены, яко просвещеннейшей и благороднейшей твари. Да и пожирание друг друга тварей ради содержания их нужно; из чего как нам так и им по правости Вышняго, дабы не исчезнути прежде срока вечно, бессмертие и метафизически принадлежит. А кто утверждает то что в них нет разума: это мне смешно, и ответа недостойно, кроме сея важности, что сие безумное толкование, многими утверждается. Все твари логичесествуют муха прочь летит от страха: и тако рассуждает: когда я не отлечу; так может худое мне последовать: а ежели отлечу; так спасуся; следовательно должно мне отлететь. Бабочка летит к огню, или не зная, или забыв то что огонь горяч: а видит только прелестное его сияние: и летит не на смерть, но на забаву. Зрение, слух, обоняние, вкус и осязание имеет и муха и бабочка. Устрица и крапивный куст хотя и не все чувства имеют; но можно ли за сие исключить их из животных? А между животного и одушевленнаго я различия не знаю. Священное писание говорит нам только то, что до нас касается: а о предписанных законах другим тварям, нам писание не открывает. Весь эфир духами наполнен, и вся вселенная премудраго своего Создателя славит. Солнце составленное премудростию и руководством Божиим из эфира, приемлет его частицы, и во движение приводит, основателем движения: то есть премудрым Богом; ибо без пребывания и без руководства Божия не могла бы вселенная быть во движении, а следственно, не могла бы быти и жива. Твердые тела суть выкидки из солнца, и затверделыя шары горящаго светила, от него отдаленны, и получив влажность,греваются солнечными лучами, и производят животных, грубым существомогревая духи. Вот система моего любомудрия, ко прославлению Создателя, и к утолению смертнаго страха; ибо я и по естеству бессмертием обнадежен.

Прим.

Зачато января 29 дня и 30 окончано 1772 года в Москве. Зачато в 8 часов по полудни: а кончано по утру на завтре.

СЛОВО VII. О ЛЮБВИ КО БЛИЖНЕМУ

*Якоже хотите, да творят вам человецы;
И вы творите им такожде²⁹.*

В сих заключается словах поручаемая нам от Бога добродетель, и слово сие еще важняе изречения: чего не хочешь ты себе, того не желай и другому. Похвально не желати ближнему несчастья; но еще похвальняе желати ему счастья: а еще похвальняе быти руководцем счастья ближнему. Сим паче всего уподобляемся мы Богу; ибо Вышний ни о чем толико не печется, как о нашем благоденствии: наша на истинне основанная польза, славы Создателя есть отрасль; ибо мы ради того созданы, дабы пользуясь жизнью своею, прославляли Создавшего нас. И ежели будем мы разрушати благоденствие ближняго; так сим будем мы противиться намерению Вышняго, и стараться разрушати славу его. И хотя мы ущерб славе его и не учиним; однако толико же согрешим, как мы то исполнили, имев устремление противиться воле его и данной душам нашим совести. О сем пекутся Наместники Божии, носящия к пользе рода человеческого венцы и скипетры: о сем печется наша Всепресветлейшая Венценосица Великая ЕКАТЕРИНА, всеми помышлениями Своими и всею Своею премуростию, благодетельствуя порученному Ей от Бога народу. Подражайте собранныя слышатели в руководстве блаженства ближняго Великой Нашей Монархине! Подражайте, сыны отечества, добродетели Матери отечества! соглашайтесь с намерением Божиим и его Наместницы. Уподобляйтесь добродетелию сею Обладателю подсолнечныя! Уподобляйтесь добродетелию сею Обладательнице России; да сим подражанием будем достойны имени подданных Великой ЕКАТЕРИНЕ, и имени созданных человеков по образу и по подобию своего Создателя, дабы мы во временной жизни могли взирати без трепета ко правосудию Богом венчанная Императрицы, и в жизни вечной ко правосудию Божию; да сим подражанием будем достойны предстати пред лице Монарше и пред лице Божие. Таковым подражанием данное нам на земли время препроведем мы без мучительнаго угрызения совести: без ужаса приблизимся ко гробу, и без трепета услышим трубный глас, когда возвестится нам второе на землю Божие низшествие. А что воскресение мертвым конечно будет, о том не можем сомневаться, хотя бы нас и Священное Писание в том не

утверждало; ибо сходно ли то с милосердием Божиим, дабы нас создати на одну пылинку вечности, и что бы мы для славы Божией на самое краткое время из небытия в бытие вошли, и получив ненасытное желание пребывать, горькую вкусили смерть, и вечно в небытие возвратились. Сие не сходно бы было и с ограниченным милосердием. Ежели же кто сим попротивуречит будто Богу не удобно было создати нас вечными; так было ли бы то сходно со всемогуществом его; и так когда мы не вечны в мире сем; так конечно есть другая жизнь, которая никогда не окончается. Что выше нашего понятия, то быть может, а что против нашего понятия, того быть не может: вечная наша жизнь есть выше нашего понятия, а вечная наша смерть есть против нашего понятия: а из сих едино непременно быти должно; следовательно в надежде воскресения и вечнаго с Богом пребывания не могли бы мы сомневаться; ежели бы мы и откровения не имели. Надеемся собранныя слышатели, надеемся твердо и не сумненно, что будет воскресение мертвых, и следовательно и воздаяние и наказание, и брегитесь день и ночь уготованныя злодеям муки а паче и того брегитесь, раздражением ближняго, раздражати Бога; кто только вечныя муки опасаяся убегает беззакония, не имея к Богу любви, тот еще не усыновляется Создателю своему. Сверх того, не возможно ради единого страха исполняти волю Божию: и ежели кто сим страхом не будет участником злодеяния; так будет участником зломышления, что хотя и меньше злодеяния, на добродетелию никогда не наречется: такой человек подобен окованному зверю не вредящему препятствием оков. И тако должны мы не делати ближнему зла, не для того, что за то вечная мука предписана, но для того, что мы повинемся, очистив сердца наши, добродетели и любя Бога, любим и ближняго, причув души свою к жалости и человеколюбию. Не обижайте ближняго; обижая его, устремляете вы досаждати Богу, а не возмогши учинити ему зла обижая ближняго злодействуете себе того ради: *якоже хочете, да творят вам человецы; и вы творите им такожде*. Не причув души ко человеколюбию, трудно то творити другим чего мы себе желаем, и весьма то легко тому исполнити, кто любит Бога. Творите благо ближнему: а сим благом соделаете благо Богу: а инаго блага мы ему учинить не можем. Кроме сего, какия дары мы ему принести можем; вся вселенная его и нет у нас иныя Богу жертвы, кроме любви ко ближнему: сего единого он от нас требует, и снабдив нас свободою душ, единого сего от нея желает. Весь закон заключается

по словам нашего Законодавца Христа Спасителя в любви к Богу и ближнему. А сие исполнити не трудно и не ложны слова сии: *иго мое благо и бремя мое легко есть*³⁰. Не тяжек нам закон наш, но тяжки нам испорченные наши сердца; так не закон, но сердца наши исправления требуют: а такого закона от начала мира ни где не бывало, где бы было предписано, обманывать, красть, грабить и убивать; ибо такой скаредный закон был бы к погублению рода человеческого, а наш установлен закон ко блаженству человеческого рода. Сия влияющая в нас Богом искра, которую мы совестию называем, всегда злодеянию прекословит: и сей дарованный нам от Бога ко управлению жития нашего талант купно доказывает и то, что есть и Бог, и то, что должна быти добродетель, и что есть и воздаяние по смерти. Благодарствующий в сей жизни злодей и злоденствующий праведник, без будущего воздаяния и наказания, лишены бы были правосудия: а того быть не может; ибо есть Бог: а о том что есть Бог не сомневаются ни кто, из человек чистосердечных и благоразумных. А сомневаются о нем и не познавают его только одни не просвещенные умствователи, отгорженные злосердием и коркою науки от добродетели и от естественной простоты показующия нам довольно бытие Божие, и не углубившиеся в исследование премудрости Божией, уподобляясь мореплавателям, не видяшим ни того берега, от которого они отплыли, ни того, к которому мчатся. А просвещенные наукою люди, чем более в ней углубляются, тем более ко утверждению и наконец ко ясному о пребывании и величестве Божием приходят понятию. Не пустившиеся в море от берега люди видят единый брег: достигши другога берега люди знают оба берега: а посреди вод без кормила носимыя бурей не видят ни единого берега, и заблуждаясь по глубине морской, о первом берегу не мыслят, а другога не знают, и плывя без кормила ждут ежеминутно своей погибели. Не странно то, что безбожники беззаконствуют; то странно, что познавающия Бога то же делают: а таких людей беззакония всемогущаго Обладателя вселенных еще больше раздражают, познавающих Бога ради того единого, чтобы его прогневать, уподобляясь дияволу и ангелам его; ибо и они знают о величестве Божием. Извинятся злодеи сими словами: един Бог без греха; но здесь не о согрешениях наших речь, но о погубляющих ближняго наших беззакониях, и что многия творят людям то чего они себе не желают. Разбойники убивают: тати окрадывают; хотят ли они того себе? Сии злодеяния очень ясны; но не

ясны они тогда, когда они в пущей своей важности, приемля и другой цвет и от того и другое название, претящее нам по ослеплению самолюбием, рассмотрети то, что мы делаем. Убиение и оскорбление добродетели, и лишения жизни злые еще, а особливо злые еще тогда, когда оно неким притяжением исполняется. Проповедующий безбожие и сея беззаконие гнусный и лишенный и здравого рассудка и добродетели всеминутно избличаемый совестью атеист, или невежу или младаго человека ко своему притянув на едином бездельстве основанному мнению, более еще согрешает, нежели мучитель, принуждающий человека отрещися истиннаго Бога, и влечет беднаго человека ко злодеянию собственным онаго человека соизволением, и свою обиду и ею по раскаянии горесть увеличивая. Таковой проповедник омрачает совесть ученика своего, и приводит ею на пути развращения, к оскорблению ближнему; но хочет ли он от таковаго развращения оскорбления себе? А нередко в других обманах во лжесвидетели зовут безсовестных законопреступники и самаго Бога; что тяжче сего злодеяния? И что большаго достойно наказания? Не верити что есть Бог и основывая на таковых развращенных мыслях, быти злодеем, почитая ложное свое мнение истинным, и приюдити других ко мерзкой своей мысли, есть пагубно: а верити тому что есть Бог, и обманывати человека, есть еще пагубные. Уговаривающияся, продающия и во всякия вступая обязательства, давая Бога порукою, не редко сего призваннаго великаго поруку оставляют; но могут ли таковыя злодеи называться тварию, созданною к чести своего Создателя, толикое учиня Создателю своему воздаяние? А приводящия под видом добродетельных человек на развращенная ближняго дела лицемера и свидетелем призывая Бога еще и сих хуже. Горе человеку им же соблазн приходит: горе тем, которыя в соблазне образцем бывають; но тем еще и злые будет, которыя в соблазне руководствуют, и злые всех тем, которыя руководствуя в оном утверждають речи свои и обещания клятвами и свидетельством самаго Бога. А Бог нас конечно к чести своей и к пользе нашей создал. Но польза ли то мне, когда я погубляю свою душу. *Аще кто и весь мир приобрящет но душу свою осквернит, ничто есть*³¹. Не прикасайтесь чести, жизни и имению ближняго: и мало еще того; но соблюдайте честь, жизнь и имение ближняго: тогда вы исполните сие: яко же хотите да творят вам человецы; и вы творите им такожде. Сим будете вы любезны Богу, и будете сопричастниками его радости. Вели-

кий Боже вкорени сие Евангельское слово в сердца слышателей, и да не погибнет сие им мое напоминовение по изшествии их из храма твоего, но да будет им памятно во все дни живота их, и да без трепета предстанут пред лице твое, и с тобою будут наслаждаться неизреченным веселием, во веки веков.

СЛОВО VIII НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ

*Се день его же сотвори Господь! возрадуемся и
возвеселимся вон³²*

О блаженный день, освященный и благословением Вышнего определенным нашему благополучию началом! От него начинается золотой век наш. И мы, и все с нами в империи преминилося и новым облеклось благополучием. Плодоносные нивы, цветами испещренные луга, быстротекущие реки, журчащие источники, леса, рощи, горы и долины, соответствуют радости нашей и, обогащая нас, приносят нам изобилие: земля разверзет нам недра свои и драгоценные проливает металлы, науки и художества возрастают и кажется, будто мы не в том, но в блаженнейшем обитаем мире, то же сияет солнце, та же блистает луна, но блаженство наше не сообразно блаженству ни предков, ни современников окрестных народов. Разливается ежегодно во Египте Нил и своим разливанием напоая прекрасную часть Африки и наводнением оживляя унылую землю, новое изобилие и новое приносит Египту счастье. Нил единому плодородию помошествовал, а ты, о преблаженная Нева, буди довольная, ибо ты орошаешь берега, на которых возвышен престол Великия ЕКАТЕРИНЫ. Нил не всегда приносил Египту ожидаемое счастье; но иногда излишним наводнением вместо чаемого изобилия противное тому приключал неудовольствие, а твое, о Нева, а с тобою вся империи, премудростию Самодержицы благополучие твердо и ожидание онаго надежно, а разливание по всей России счастья не по однажды в год, но повседневно простирается.

Сей день есть основание нашего блаженства: всей день взошла на престол Премудрая ЕКАТЕРИНА, и Собою возвела на высоту истину и все добродетели, а с ними возвысила и счастье наше. Осияла Россию и процветаем яко райские крини³³, блистаем яко драгоценные камния и видим отечество свое неколебимо, тако неколебима была ты, священная гора, на которой вознесен был кроткаго престол Давида, веселися Петрополь, радуйся новый Сионе! На что ни посмотрим, везде увидим новое счастье, насажденное милостию нашей Го-

сударыни, возраставшее ее попечением, умножаемое ее неусыпостию. Велик день сей, ибо и добродетелями и делами велика ЕКАТЕРИНА. В сей день открылися тайные судьбы Божия, в сей день они воссияли, а с ними воссияло и благополучие наше. Сей день предвещал нам будущее наше благоденствие. О день, день преблаженный! Исполнилось твое предвещание. В очах Великия Самодержицы изображалася премудрость, в деснице — сила и победы, в уме — правосудие, в сердце — милосердие. не пустою питались мы надеждою, исполнилось то все, чего мы ожидали. Восхищены мысли наши, восторжен дух наш, дивимся величию дел таковой монархини. Но koliko мы ни удивляемся, чувствуем еще больше.

Тот монарх победы прославился, тот правосудием, тот человеколюбием, тот кротостию, а наша Монархиня не сею, не тою единою, но всеми добродетелями купно и беспредельно прославлена. Недостаточны силы разума к достойной похвале таковой Самодержицы. Иссякли бы ко похвале наша Государыни силы стремительного Демосфена³⁴ и красноречивого Цицерона³⁵, ослабел бы глас быстрого Пиндара³⁶, не довольно было бы важности пения, воспевающего гнев Ахиллеса³⁷, ни важная сладости пения. воспевавшего странствования и брани сына Анхизова³⁸.

Таковых дел не могли предвидеть наши предки. Но естли бы они проснулись и преселися к нашим потомкам. не возопяли бы они купно с потомками нашими, одни: почто мы не дожили дней сих, а другия: почто мы поздно родилися. А мы — соучастники славы наша Государыни и свидетели дел Ея — не возопием ли единодушно и единоголосно: гром победы Твоея всю подсолнечную наполняет и блеском молнии твоея блистает по всему горизонту, слава имени Твоего до небес возлетает. колеблется Тобою престол врага христианства — Порты, а Твоя империя торжествует, защищаема твоею силою, управляема Твоею премудростию и благодентвующая Твоим правосудием.

Вероломный враг Отечества нашего и вся буря воинства его не только остановлены в полете их. но дышащая на нас сия злоба обращена вспясть и все скорби и печали. Страх и смерть возвратились на них, члены области врага нашего отторжены и гордый до облак возносимый рог низломлен³⁹. Возмог ли Мустафа устояти противу Великия ЕКАТЕРИНЫ. Ей помоществует Бог и все стихии руководствуют. Валы и ветры покорствуют Ея флоту, огь пожирает неприятельския грады, а земля под ними пропасти растворяет. Потряса восток,

возмутился Гелеспонт⁴⁰. Ото всех стран распространяется пламень по областям Оттоманским, воинству нашему предшествует страх и следует победа, море попрано российскими кораблями, горящие срацинския суда бурным пламенем на воздух возметаются. Противящимся казнь и смерть, покоренным и побежденным — милость и жизнь. Едино имя Великия ЕКАТЕРИНЫ неприятелям нашим ужас и трепет наводит. Такова ЕКАТЕРИНА! Вот, о дерзкая Порта, плоды наглости твоея!

А ты, Греция, обиталище наук, мати героев и благочестия источник, скажи, где девалась слава твоя, куда сокрылося твое великолепие, где та слава, которая до концов земли простиралась? где то великолепие, которому вся вселенная удивлялася? где та премудрость, которая по всей Европе разливалася? где твое мужество, весь мир устранившее? Пышный Византийский храм в смрадное капище превратился, герои во узников, оруженосцы в игоносных, благочестие попирается беззаконием варваров, науки — невежеством их: от твердых и блиставших зданий едва видны обросшие мхом развалины. О Греция, Греция, что ты прежде была и что ты ныне стала! Ото всех презренна и ото всех оставлена⁴¹. Но флот наш уже на архипелаге. Возри на флаг российский. Виждь имя ЕКАТЕРИНЫ. Сей флаг есть праведнаго твоего отмщения знамение: сие имя есть единственная твоя надежда. Ободри утомленные свои члены, укрепи от ига и работы ослабшие свои силы и вознеси главу твою! Припади ко стопам Серверные Семирамиды. омывай слезами ноги Ея!

Вы, прочие герои, хотя и прославлялися многими победами, но сколько таковых победителей, котория не утесняли рода смертных ради единого тщеславия? Неосновательное любочестие и излишнее корыстолюбие по большей части были основанием кровопролития, а ЕКАТЕРИНУ сама святая истина на брань подвергла. Не корысть и не тщеславие возбудили гнев Ея: едино человеколюбие воздвигло десницу Ея. ЕКАТЕРИНА побеждает, сохраняя покой своих подданных, защищая православие, каря тиранство и наказуя наглость.

Праведно торжествуем мы день сей, яко начало всего нашего счастья, вся наша слава. Но, чтобы торжествование наше совершенно было, так вообразим себе в какие мысли мы, торжествуя день сей, углубиться должны. Должны мы имети попечение о общем гласе, ибо к тому единому и слава наша Монархини устремляется, общая польза общего и единогодушного и попечения требует, общего действия и об-

щия силы. Всякая область тело составляет, а Монарх оныя есть глава онаго тела, а познавая и чувствуя то, что мы все члены нашего Отечества, должны мы повиноваться всем сердцем и всею мыслию нашей Самодержице, яко неослбевающие члены премудрой главе. О, коль счастливы члены, управляемые премудрою главою! Так станем колико возможно по должностям своим стараться о исправлениях, возложенных на нас должностей. Различны и не равностепенны они, но се потребны и необходимы. И можем ли мы быти о себе нерачительны, когда наша Государыня о нашем блаженстве неусыпно печется! Последуем примеру Ея и, видя Матерь нашу, толико пекущуюся о нас, чадах своих, можем ли мы не соответствовать намерениям Ея. а паче ради того, что все попечения Ея стремления к нашему собственному благоденствию, к нашей славе и к нашей пользе. Со всем усердием и со всею ревностию устремимся к должностям своим, яко устремляется в жаркий полдень жаждущий елень ко потоку холодных вод.

Сей торжествуемый нами день напоминает нам должности наши, ибо в радостный день сей Та взошла на престол, которая, взошед на сию высочайшую степень, в сей день показала нам пути должностей наших в неусыпное пустився попечение.

Сам Господь определил день сей нашему благополучию: на престол ЕКАТЕРИНУ возвел Он, Он наполнил сердце Ее любовью к Отечеству. Он сообщает Ея премудрости свое благоволение. Так мы, ослабевая во должностях своих, будем противиться и милосердию Вышнего, и славе Обладательницы, и своей собственной пользе.

Кажется мне, что едва востимый народ в освященном сем месте единым сердцем ко Господу воззывает, коль благ еси Боже наш! Не престань являти миру, что Ты покровитель Российской Империи. А мы, преклоняя колена наши, вопием Тебе: умножи лета ЕКАТЕРИНЫ, утверди навеки престол Ея, даруй ей победы на сопротивныя, огради Ея своею милостию, сохрани здоровье наследника Ея!

А ты, Всепресветлейшая Государыня, прими общее сего града единомушное и чистосердечное поздравление, желающих быти послушными соучастниками трудов Твоих и исполнителями Твоих Божественных повелений, да тем умножится наша польза, Твоя слава и исполнится благоволение Вышнего.

Преложено 1771, июня 11, по полудни от 5 часов до 9, в Москве.

Г. Н. ТЕПЛОВ

ЗНАНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ВООБЩЕ ДО ФИЛОСОФИИ, ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ТЕХ, КОТОРЫЕ О СЕЙ МАТЕРИИ ЧУЖЕСТРАННЫХ КНИГ ЧИТАТЬ НЕ МОГУТ

Объявление слов, которые в философской материи по необходимости приняты в том разуме, как приложенные к тому латинские и французские разумеются

	По-латыни	По-французски
Бытие	Ens	Être
Бытность	Existentia	Existence
Вещество	Substantia	Substance
Вид или образ	Modus	le Mode
Вина	Causa	la Cause
Винословие	Ratiocinium sive Argumentatio	Raisonnement qui comprend la raison et la Conclusion
Взаимость	Relatio	Relation
Воображение	Perceptio	Perception
Вековое	Perpetuum siue aeternum à parte post	Perpétuelles où etermelle à parte post
Единство вещи	Unitas rei	Unité des choses
Заключение	Conclusio	Conclusion
Лишение	Priuatio	Privation
Материя	Materia	Matière
Ничто	Non ens	Non être
Пребывание вещей	Duratio rerum	La durée les choses
Правдоподобие	Verosimilitas	Vraisemblance
Предвечие или безначальность	Aeternum à parte	Éternelle à parte
Предлог	Objectum	Objet
Предуверение	Praejudicium	Praejudice

Продолжение времени	Duratio temporis	la durèe du Temps
Произведение	Effectus	Effet
Понятие	Notio sive Idea	Idée
Последствие	Successio	Succession
Свойство	Proprietas	Propriété
Случайное	Accidens sive contingens	Accident où Contingent
Существо	Essentia	Essence
Тождество	Identitas	Identité

КНИГА ПЕРВАЯ

К читателю

Всему злосключению в жизни рода человеческого по большей части причина, несовершенство рассуждения. Каков кто в рассуждении, таков и в житии. Человек имеет разум свой так как полномочного судию, к которому во всяком случае убегает. И сие действие так возвышает его перед всеми видимыми тварьми, что по справедливости он того достоин, дабы над всеми творениями Божиими ему одному владычествовать. Мы рождаемся с тем, чтобы час от часу дале мыслить и больше понимать; к чему разные дороги мы называем искусством и науками. Младенец, когда не свет родился, тогда и того не знает, что он из небытия в бытие пришел, но от времени до времени понимает самого себя и то, в чем он живет, принимая себе за образец сообщество, в котором растет. Не имея же образца или руководителя, тот час с молодых лет наделает лживых мнений обо всем и на тех все свои заключения утвердит так, что хотя бы оные были и праведны, да когда ложное имеют основание, все опровержены быть должны. Сие бывает, когда человек простое без доброго случая и без наук имеет воспитание таково же несчастье случается и с теми, которые в добром сообществе и в науках свое воспитание имеют, когда не приучили разума своего ступать по самым малым степеням, чтобы он мог всегда восходить снизу наверх чувствительно, и не пропуская ни одной степени. Ибо таким образом со всем своим учением в крайнее заблуждение отведены быть могут. Так равномерно, когда бы кто хо-

тел считать до двадцати, а пропустил два или три числа на середине, то хотя и начнет он двадцать, однако ж число будет всегда неполное. Мы рождаемся, как я выше сказал, с тем, что в состоянии с возрастом своим все понимать и вести себя на самую высоту разума нашего, когда к тому дорожку положим. Что сие однако ж значит, когда человек, будучи определен к новому делу, сперва в том туп и неискусен, а со временем совершен, говоря по-человечески, становится? Не то ли, что мало помалу себя приучит и навикнет. Трудно бы было земледельцу или работнику, который уже в том остался до тридцати или сорока лет, принять поступки человека, в неге родившегося и в благородном житии от младенчества воспитанного, хотя бы его тело таково же было статно и все составы таковы же были гибки как другого и хотя бы дарования природные разума его столько же были велики. Прикажи танцевальщику играть на скрипиче, а скрипачу танцевать. Невозможность тотчас видна и требует на исправление свое великого времени. Смотри на того, кто по канату на высоте скачет. Не привычкою ли они то себе приобретают? Все такие движения, которые превосходят почти разум человеческий, и за которые так, как за великую диковинку, платят люди деньги, чтобы только их видеть, все такие движения не что иное, как привычка тех людей, у которых все части и все их сложение то же, что у других, которые тому удивляются. То же самое делается с разумом, что с телом, ибо душа и тело суть части, из которых человек одушевленный состоит. И ежели кто хочет ближе присмотреться, тот увидит, что по большей части все сии великие и благородные разума свойства, которые за дарования или талант человеку почитаются, суть плоды частого обучения или употребления, которые приходят не инако в совершенство как через повторение беспрестанное. Есть люди, например, которые умеют издеваться разумно, а другие, которые умеют рассказывать приятно и кстати смешным образом. И думают обыкновенно, я чаю, что сие все происходит от натуры человека и что такой человек с тем будто и родился. Никак! рассуди прилежнее. Увидишь, что к сему люди через употребление привыкают, ибо всякое разумное слово или забавная сказка, которые имели счастье, паче чаяния, того, кто сказывает довольную хвалу получить, обязывают его, чтобы он и другое тому подобное рассказал, ежели кстати случится. И до тех пор, пока он то употребляет сам для себя неприметно, покамест при всех случаях придет в такую способность, что напоследок он и сам не будет знать,

каким путем к тому пришел. Я не говорю, чтобы не надобно было к сему натуральной в человеке способности: но она, конечно, одна не приводит человека в совершенство, а надобно наипаче частое употребление, которое и в разуме тоже действо производит, что и в телах. Может быть не один стихотворец потаен остался в ремесленном человеке, за тем только, что он в таких обстоятельствах родился, что ему легче и ближе можно было научиться ремеслу, нежели приучить врожденный свой талант духа стихотворческого к тому, чтоб ему стать совершенным стихотворцем. Таким образом с разумом нашим счастье или несчастье бывает. Августин говорил, что разум человеческий уподобить можно ключу водяному, из которого когда вода проведена через пески и камни, то больше очиститься, буде же пойдет через навозы, то наконец выйдет болотная вода.

Мы обо всем мыслим, только о силах разума не находим запотребно думать, и не удивительно то, ибо всякую вещь, которую хотим ясно понимать и рассмотреть — надлежит представить разуму нашему наружно. Первый способ к исследованию сил разума нашего тот, чтоб разум человеческий представить разуму нашему так, как вещь отделенную от разума, и разумом силы, количества, и все сокровища его исследовать. Что же полезнее, как сие? Всяк ведает, что мы от зачатия нашего обязываемся по закону нашему к Богу, монарху и ближнему, но основание такого обязательства не тщимся ведать, что оно зависит непосредственно от изыскания правды при всяком случае, где бы только оную разум наш понимать мог. хотя и видим совершенно, что все наши беспорядки от того только единого происходят, что мы в мнении нашем часто ошибаемся. Разум человеку, по-человечески говоря, совершенный, есть прямой руководитель к нашему благополучию, но когда не на истинной дороге поставлен, то всему злключению бывает виновник. Из повседневных примеров и повсечасных усмотреть можем, что он нам на вред служит, когда мы способны к отвращению ослепления ни во что вмняем. Душа наша почитаться должна за первую тварь, которая ко владычеству над всеми другими сотворена и к благосостоянию их, а свойство ее первое — разум. От разума цветут все художества, от разума все бывают изобретения ко всякому состоянию рода человеческого полезные. Все разумом живет и все разумом обращается. Напротив того, от его же погрешности, почитай, все зло истекает. Для чего же бы в разум не можно было постановить таких правил, по которым разум

человеческий — разумом совершеннейшим делается? Мы видим, что человек человека способнее бывает по тому только одному, когда доброе воспитание к тому способствует. Христианская богословия есть наилучшая философия к воспитанию человеческому потому, что и философия прямая ничего иного не научит, как только, как разум несовершенный по природе, а воспитанием часто в крайнее заблуждение от истинности отведенный, выводит из предубеждений. Чего ради и философская наука неложная, постановляет человека на истинное разумение пути спасительного, а богословия так как часть ее первая, определяет нам вечность и производит удовольствие к благосостоянию временному. Следовательно, в науке философской все то заключается, что человека делает Богу угодным, монарху своему верным и услужным, а ближнему в сообщество надобным. Как скоро человек получит здравое рассуждение через науки, то ко всему себя способным учинить может. От чего и наука Философская разделилась на многие части.

Прежде нежели приступим до изъяснения наук подробно, мне показалось прилично здесь краткую истолковать пользу, которая от наук происходит. Наука философская в первом разделении есть двоякая теоретическая и практическая. теоретическая называется та, через которую знать можно всех тел чувствительных и видимых бытность, качество, количество, движение, перемену и все из того происходящие явления, что обще называется физикою. Практическая показывает разуму нашему через философию моральную должность к Богу, монарху и ближнему, обязательство к самому себе, к дому своему и проч. Чего ради как теоретическая, так и практическая разделяются еще на многие части. И прежде, нежели приступим к другим частям, намерен я дать потребное известие о знаниях вообще, касающихся до философской науки, что учиню в сей первой книге.

Часто бывает, что многие называют то бесполезным, чего они не умеют. Сие их обыкновенное отщепенение или укоризна тем, перед которыми молчать случается. Многие, почитай, части математики и физики у нас еще не ведомы, и для того идут за науки непотребные. причина тому, что приступить к ним трудно. Такие люди, довольствуясь своим незнанием, часто говорят: «На что нам астрономия? К чему великий кошт издерживается на строение домов и башен, на покупку инструментов, на плату людям, которые днем спят, а ночи

на башнях просиживают? У нас есть и были люди, которые и без астрономии календари делали. Мы де имеем Луну, которая нам служит светилом ночи. Что нам в том нужды, что около планеты Юпитера четыре звездки ходят или по их же рассказам, четыре таких же луны. В Луне, де мы, почитай, глазами видим огонь и для того она нам ночью светит. А Юпитер, таков ли он как земля, и спутники светятся ли на него, по чему нам догадаться. Ведь де сам там никто не бывал, а показывают только мудрецы на цифире». Вследствие таких сожаления достойных рассуждений, давно бы уже надобно было перестать в трубы зрительные примечать и о спутниках юпитеровых осведомляться. И подлинно, что по сие бы время много потеряно было того, что с пользою Галилей, Кассин⁴², и Гугений⁴³ уже изобрели. Вся наука и все изобретения, которые ныне имеют ученые люди в землеописании и мореплавании, суть плоды того времени, с которого почали подлиннее осведомляться о сих четырех юпитеровых лунах или спутниках. И они больше принесли в географии и навигации пользы, нежели в познании самих себя. Спутников сих последующее примечание всегда будет служить час от часу больше к сочинению карт морских, которые несравнительно в нынешние времена исправнее, нежели в другие, и помощью которых спасается бесчисленное множество мореплавателей. И только ли в астрономии пользы, что делать календари и примечать спутников юпитеровых? Можно много того показать, что извинит довольно все великое число вычетов трудных и столь прилежное и подробное испытание в примечаниях; так что все приуготовление исправнейших инструментов и все великолепные дома и башни, которые для сего единого иждивением великих государей в свете сооружаются, ненапрасны всякому кажутся. Простой народ, однако ж, или не знает имени спутников юпитеровых, разве по одному слуху, и то неясному, а то еще и меньше того, что спутники юпитеровы имеют столь великое соединение с навигациею; или ж то смею сказать, знает ли и про то, что навигация в нынешний век совершеннее, нежели в прошлый.

Таково еще счастье или определение многих наук, что они малым числом людей поддерживаются. Блаженные и вечностойные памяти Государь Император ПЕТР ВЕЛИКИЙ, прозорливый монарх и Отец Отечества о распространении своея Империи во всем крайнее тщание имел, но в том наибольшее благополучие своего народа полагал, чтоб просветить оный знанием наук. К сему он учреждал ака-

демии, заводил художества, не имел случая дома, и сам путешествовал и подданных своих путешествовать принуждал в иностранные государства для того только одного, чтобы собою подать образ поданным своим и их возбудить к просвещению своего разума и к склонности к наукам и художествам. Ведал совершенно сей великий монарх, что как скоро внутреннее познание открыто будет народу собственной его пользы⁴⁴, то распространение его империи из того непосредственно будет следовать. Польза дальних изобретений в науках еще многим не известна, тем наипаче, что оные закрыты именем и профессиями многим неизвестными. Что ныне с большим искусством у нас умеют вести реки, рыть каналы, стрелять из пушек, учреждать и ходить по морю, копать для укрепления городов рвы, сыпать валы, кто скажет к чему сие? И не прежде ли сие надлежало знать, нежели стараться о совершенном обогащении своего народа? Плотники, каменщики, корабельщики и прочие ремесленные люди, не все ли, так сказать, свет увидели от математических наук? Я говорю здесь о тех, которые их искусство изобрели и им во владение и потомство предали.

Возьмем в рассуждение другие науки, которых польза не меньше закрыта нежели надобна. Все физические, например, испытания и опыты в натуре бывающих перемен, о которых человек искусный осведомившись, довольные способы имеет к сохранению своего и чужого здоровья. Анатомия, которой люди от древнего времени с несусыпным почти прилежанием обучаются, так кажется непотребна, что люди с насмешкою и отвращением об ней рассуждают. Однако ж через старание прилежных и любопытных людей, она уже в такое совершенство пришла, что все по большей части докторские и лекарские операции с большею смелостью и удостоверением отправляются, нежели в прежние времена.

Сей плод знают только те, которые пользуют больных, а болящие о том не уверены. Кто хочет ведать, как анатомия новая разнится от старой, тот без сомнения обучаться того должен. Но не всякого звание его к тому допустить может. Удивительно только то, что мы много вещей перед глазами нашими видим, а не рассуждаем о их начале и приращении и о тех способах, через которые они в большее совершенство пришли. Того уже довольно для пользы и благополучия общего, когда трудящимися надлежащее поощрение делается. но насупротив того, науки еще в таких границах, что плодов их немногие вкусили, и

потому цена их не столь высока. Все они не таковы были от начала своего, каковыми теперь их видим. Отложим прилежание даде поступать в изобретениях, не то же ли бы для потомков наших случилось, что нам могло случиться, ежели бы предки наши о всем не радели и говорили, что полно с нас и того, что имеем. К чему голову ломать? Мы хлеб и без дальних вымыслов едим. По наш век его станет.

Много еще осталось, что в натуре так закрыто, будто как бы оно в свете не пребывало, а к житию нашему полезно быть может. Для чего же о том не радеть, что не меньше чести и славы как пользы принесет, буде не нам, то потомкам нашим? Не сумнительно, что много изобретений философских между учеными людьми делается, которые великой остроты разума и великого ума стоили, хотя сами по себе и никакой еще пользы не приносят, однако ж из сего ученых людей труда и любопытства три пользы видимы. Первая та, что буде изобретение на наш век ничего не принесло, то принесет на будущий. Так случилось со всеми магнитными опытами, которые прежде несколько сот лет для забавы только служили, а ныне магнит служит руководителем всем мореплавателям. Подобный сему опыт теперь видим электризования, которое еще недавно открыто и которое по сие время от всех ученых людей для одной только забавы показывается. Для чего же бы и сие надежду нам отнимало со временем быть полезно? Не все одному человеку и не все в одно время даваться может. Один то сделал, чего другой не постигает. Один начал, а другому даде поступать осталось. Тому еще нет тридцати лет, как почали ученые люди догадываться о силе электрической, но видим уже, в какое совершенство опыты сии приведены.

То, что могли они разуму только нашему представлять, представляют уже глазам нашим. Профессор математики, покойный Вальц в Дрездене делал при мне опыт электрический над младенцем девяти лет, дабы узнать тем больше видную какую ни есть перемену в теле слабом человеческом от электризования. Он его при моих глазах держал около четверти часа, и через то в такое бессилие привел, что младенец после того около девяти часов бесчувственен стал, а от того избавился от лихорадки, которою он тогда действительно мучим был. Причины довольной еще сему показать невозможно, да довольно того, что сие причину подает ко многим основательным рассуждениям. Сие, правда, не со всеми после случилось, так как не всякому по сложению его тела равно то же лекарство успех равный

делает. А можно со временем что-нибудь от сих опытов генеральное заключить. Так как я думаю во всех болезнях хронических или долговременных, которые докторам наибольшую трудность делают, и которых делается наибольшая часть от запора крови и разных влажностей в нервах и фибрах, ибо то наибольшее действие есть электрическое, что сила сия в самые последние и тончайшие поры всех тел проходит. Другая причина изобретений и трудов ученых людей та, что они трудятся в изобретениях бесполезных, но великого труда и остроумия требующих, много по дороге и ненарочно находят и открывают таких тонкостей в натуре, о которых они никак не могли прежде думать, и которые с превеликою пользою к жизни человеческой нам надобны. Так случилось со многими изобретениями, которые через химистов тогда найдены и открыты ненарочно, когда они бесполезно искали камня философского. О сем наука аптекарская довольно засвидетельствовать может. Третья та польза, что человек такой, который изобрел что ни есть славное в свете, не только славным и знатным учинить себя может при жизни своей, но и в роды свои покидает имени своему славу. Изволь вспомнить всяк про кого ни есть из ученых людей в свете, которые прежде живали. Всяк через то себя знакомым свету учинил, что изобрел что ни есть полезное.

Много таких художеств есть в свете, которые нечувствительное приращение к своему совершенству чрез долгие веки имели. Строение, например кораблей, таково ли оно было в древние времена, каково оно ныне находится? И потому мореплавание только ли уже ныне безопасно, сколько прежде было? Того недовольно, хотя бы и все астрономические примечания были в великом совершенстве, так как в наше время астрономы думают, однако ж сие только показывает путь по морю. Что мне тогда за польза, когда я знаю путь к Америке, а пуститься на воду не смею? Надобно думать, что столь великие корабли, которые с безопасностью на бесконечные, почитай, воды смелость имеют опускаться, и не устрашаются ужасных волн и бурь, начало свое имеют от маленьких лодок, или, справедливее сказать, от выдолбленных бревен или корыт, которые смелость имели только плавать по речкам и ручьям дождевым. Все сие есть ни что иное, как плод наук и непрестанного об них попечения.

Изволь всяк посмотреть на толикое множество товаров, которыми купеческие лавки наполнены. Посмотри на фабрики художников и мануфактуры. Не все ли наполнены вымыслов и изобретений уче-

ных и разумных людей? Того только не достает, чтоб было равное число охотников смотреть на сие умствующими очами, удивляться остроумию человеческому и благодарить предкам за их труды и старание. И то, что от них сделано, и то, чем они делают есть все разума человеческого дело.

Ежели, например, собрание ученых людей привело и приводит в совершенство математику, анатомию и все философические части теоретической философии, то не всякому ли то понятно, что легче их трудами пользоваться, нежели самим в том трудится. Чего ради и корпусы особливые на то во всех европейских государствах учреждены так, как место для того единого устроенное, которое попечение имеет о распространении наук изобретениями своими. Невозможно думать, чтоб всякое изобретение равную пользу, равную похвалу и равную цену имело, да всяк рассудить может, что много и такого в изобретениях ученых людей найдется, которое совершенно никакой пользы не имеет. Однако ж не надобно думать, что оно и вовсе осталось без употребления ни в наше, не в следующее время. Когда предки наши имеют людей нашего века к себе благодарными, то надобно, чтоб и мы потомкам своим служили. Изобретение долготы чрез спутников юпитеровых в астрономии и обращение крови чрез изобретение или открытие жилы, которая называется в анатомии *канал торахический*, правду сказать, хотя не таковые новости, которые бы в людях забаву и глазам их веселье делали, однако ж, если рассудим их пользу, то подлинно увидим, что они стоят по своей цене поэмы или риторской речи. И как первое Галилею яко изобретателю труб зрительных и спутников юпитеровых, так последнее *Гарвею*⁴⁵, изобретателю же циркуляции или обращения крови в животных не меньше славы и чести приносит, нежели *Гомеру* и *Виргилию* описание троянской осады и города Трои разорения.

Польза от математики и физики подлинно в народе нечувствительна, но из того не следует, что оные науки бесполезны.

Мы пользуемся докторами и лекарями. И хотя в животе и смерти человеческой Бог един властитель, однако ж через посредство искусных людей исцеление людям посылает. Все, что в силе человеческой, чтоб сохранить другого здравие чрез посредство искусства своего и произвести в народе пользу, то принадлежит к физической науке. Следовательно, наука физическая есть самая нужная часть между всеми науками и оная разделяется на три класса, на анатомию, химию и

историю натуральную. То уже многие ведают, сколь необходимая нужда, чтобы испытать сложение тела человеческого, к содержанию которого способов искать надлежит через посредство химии, которая учит о минералах или рудах земных, и через посредство ботаники, которая учит о травах, так как часть истории натуральной. Так равномерно и художества все содержатся науками, частию физики и математикою. И хотя математические части не все таковы, чтоб равную изо всех пользу иметь, однако ж так тесно между собою соединены, что одна без другой быть не может. Ежели бы кто хотел математические науки в такие границы затворить, чтоб в них толико тому обучаться, что пользу видную делает, то бы только то осталось к изучению, что непосредственно надобно к художествам. Прочее все оставлять бы надлежало как теорию. Сколько бы сие мнение напоследок утраты принесло в обществе? Искусство в мореплавании, например, единственное происходит от астрономии, однако ж вся астрономия служить никогда не может к одному только мореплаванию. Астрономия же сама по себе имеет тесное соединение с оптикой, без которой не можно бы было сочинить труб зрительных, а обе сии науки первое свое основание имеют на геометрии и постираются до алгебры. Словом сказать, в науке математической много такого учения находится, которое совсем кажется бесплодно, для того только, что оно от обыкновенного людского сведомства удалено, а однако ж нужды свои необходимые в простейших науках имеет, которые мы с пользой в жизни употребляем. С физикой почти то же делается, что с математическими науками. Мы часто издеваемся над теми людьми, которые не только любопытны в анатомии тела человека, да и в анатомии животных. Часто говорят люди, что безумное де дело резать тело мертвое, а то еще и того смешнее, что мертвую скотину или живую для одного любопытства, будто как бы для забавы. Но такие рачители о науках, которые по видимому во всю свою жизнь за науку одно свое незнание почитают, должны хотя несколько рассудить и присмотреться к тем плодам, которые к здравии человеческому через анатомию уже оказаны. И не довольно того. Увидим чем больше углубимся, сколько еще в анатомии знать остается, да нельзя подлинно усмотреть или за тем, что живого человека внутренности видеть не можно, или за малостью тех частей, в которых усмотреть движение или иную какую потребность надобно. В таком случае уверимся, что без разрезывания скотины тем людям,

которые анатомии обучаются, обойтись невозможно. Часто случается, что та часть в теле человеческом, не видна или видна не ясно, которая в теле какого ни есть животного гораздо больше открыта. Свидетельствуют о сем еще и прошлогодские изобретения, которые г. доктор и профессор академии Бургав⁴⁶ немалым трудом открыл в разрезывании слона мертвого, и в Санкт-Петербургские комментарии академические внес на латинском языке. Отчего следует, что и таких тел, которые уродами рождаются, в анатомии отметить совершенно не надобно. Ибо, как все сложение тела человеческого основано на движении механическом, то когда механика закрыта на части обыкновенного корпуса, открыта быть может на части чрезвычайного. То уже многократно от ученых людей усмотрено, что натура многих тварей Божиих часто совершенно закрыта, но однако ж иногда будто как ненароком или нехотя открывает свой секрет.

Знали и в древние времена, что магнит есть и что он силу притягательную к железу имеет. Но или такое чудо в натуре презирали, или столько остроты не имели, чтоб пользу какую из сего камня себе произвести. Один только уповательно опыт их научил знать, что сей камень сам собою всегда обращается к полюсам мира. И сие натуральное действие с несказанною пользою вошло в компас, без которого ныне мореплаватели ступить на воду не умеют. Для чего же и со всеми действиями природы, которых употребление нам еще по сие время не открыто, не может равномерный же успех учиниться? Пусть ученые люди собирают свои изобретения в одно место. Не то ни другое со временем надобно к житию человеческому и к сообществу окажется. Когда одно бесполезно собою, то другое найдется надобно. Что не делается искусством и разумом, то может сделаться случаем. Не все сделалось одним временем. Много есть таких изобретений, которые порознь взяты не делают пользы, но соединены с другими, оказывают немалую. Хуже всего то, когда много остроты, труда и прилежания в каком то ни есть искании, а пользы и надобности не видно ни настоящей ни будущей, но и в таком случае остается та корысть, что человек разумом своим открывая в натуре правду, делает себе и другим в уме просвещение. Когда человек дорогу находит в неполезном изобретении выискивать правду, то и в полезном способнее будет рассматривать все истинности. То уже самое за пользу почитать надлежит, чтоб при всяком случае хотя полезном, хотя неполезном к житию нашему, человек приучил себя справедливо мыс-

лить. Пусть первые черты и линии в геометрии и первые выкладки в алгебре ни к чему нас полезному не ведут в жизни, да та уже из них польза, что мы разум наш приучим к исследованию правды.

Можно бы много показать, какая польза от науки происходит, однакож, чтобы не утрудить читателя, за излишнее почитаю пространнее о сем говорить. Предприятие мое многим удивительно покажется тем, что я вместо изрядных книг к познанию философских наук, сочиненных от славных философии учителей, предлагаю мое особенное сочинение. Могу я перевести какую ни есть философскую систему лучшего автора, но мне показалось дело невозможное, чтоб все методы, сколько я их знаю, на латинском и французском языке изданные в свете, могли служить к моему особенному намерению, которое я предпринял. Словом сказать, мой не тот конец, чтоб сия книга сочинена была для школы, по которой молодым людям учиться, но для тех, которые общее познание хотят иметь о науке философской, хотя притом никаких наук не учились и учиться не намерены. И для того изъяснить я намерен все философские положения не математическими и не такими, которые из других частей науки философской взяты примерами, да принужден был брать то, что в обыкновенном людском житии случается. Станным многим покажутся в сей книге слова принятые, как напр. тождество, правдоподобие, бытность, идея, предубеждение, предрассуждение и проч. Однако ж сам благосклонный читатель, ежели прилежно вникнет в материя, о которой речь идет, увидит, что такие слова не что иное, как перевод сколько возможно исправный слов латинских, которые в философии необходимо надобны. Цицерон, великого красноречия человек, но он своих латинских слов, когда впервые с греческого их перевел, стыдился, а иных и перенести не мог, да оставил в философии греческими. Сие случилось в наши времена с французским языком, а наипаче с немецким. Вольф⁴⁷, профессор, за свои переводные слова философские был от многих, а наипаче от Лейпцигского университета посмеян, а ныне нигде так как в Лейпциге в университете, вошли слова его перевода в употребление. То же случится имеет и в русском языке.

Все намерение сего моего труда состоит в том, чтоб дать любопытным читателям, которые чужестранных языков не разумеют, изъяснение о первых знаниях, касающихся вообще до философской науки, а потом вторая книга заключит в себе правила логические по возможности.

Часть первая. О должности и имени философа

Глава первая. О должности философа

Прежде, нежели правила логические и прочие части философии покажем, надлежит ясно и основательно знать, что значит сие слово философствовать. Что есть философ и чем рознится философия от всех других на свете вещей. Сколько в нашем народе о сей науке понятия, о сем не нужно пространно говорить. Многие оную называют уединенным житием, а философом того, кто от общества человеческого удален, о котором, хотя он и ничего не делает, говорят: живет де по-философски. Может быть сие понятие о философе и философствовании имеет свое издалека произведенное начало: однако ж не к нашему намерению. Сие народное мнение или от недостатка книг, или, буде на других языках читать могут, от недостатка разумения происходит. Я не говорю здесь о всех вообще; ибо многие в нашем народе по сие время не только в философской науке довольно познание имеют, но и свое знание на природном языке другим сообщить бы могли, ежели бы их к тому или время допустить могло, или должность иная по званию их от того не отвращала. Сих ради причин я охотникам принял намерение сообщить краткое и сколько можно подлинное о сей науке известие, которое таким образом сочинил, чтобы могли оным и те пользоваться, которые не только что никаких наук не училися, но и языков чужестранных за неимением к тому случая не могли обучиться.

§ 1

Чтоб кратче и способнее можно было понять, что значит слово сие философствовать, того ради я три знания наперед предлагаю: знать вещи просто бытность, знать бытности причину, знать причины количество и силу. Кто старается все сии три знания иметь, тот философствует, а тот, кто о какой-нибудь вещи все сии три знания получил, тот прямой философ. Но что сие есть знать просто бытность, бытности причину, причины силу и количество? Дело сие требует целой жизни человеческой, а всегда и того мало. Иппократ⁴⁸ свои афоризмы начинает сим словом *vita brevis, ars longa* — жизнь краткая, а наука пространна. Удивительно, сколько разумы человеческие между собою в познании какой-нибудь вещи не согласны. Такое

несогласие по тех пор продолжаться может, пока мы не разыскиваем о всякой вещи, что она? откуда? и для чего? сколь велика тому причина? Но к тому надобно иметь способ, который мы за начало и градус необходимо при всякой вещи рассуждать должны. Через способ я разумею помянутое выше тройственное познание, а через градус всякое познание особливо. От сего мы видим, что те, которые просто смотрят на вещи и просто слушают разные слова или речи понимать совершенно ничего не могут, ежели сколько возможно к тому трех помянутых знаний не присоединяют. Такому неразумению не вещь самая, на которую просто смотрим, и не речь, которую просто слушаем причиною, да наше собственное о них непонятие, наше нерассуждение, наша тупая или иногда неприлежная мысль. Так, мы обыкновенно когда кому приписываем о какой вещи знание, и говорим про него, что он лучше о сем знает нежели другие, тогда розницу делаем и градусы не между вещьми, о которых они знают, да между их знаниями. Одного знание с другого знанием сносим, сравниваем, повышаем, понижаем. Что мы тогда делаем, например, когда говорим про одного огородника, что он лучше садовые дела смыслит нежели другой его брат? Не о садовых делах мы тут рассуждаем, то есть о земле, травах, деревьях, но о его знании, ибо та же трава под его приглядом лучше вырастет, нежели под другого, чему причиною его в том большое искусство. Можно познание всякой вещи или о всякой вещи и речи внимание разделить на бесчисленные статьи или классы, которые могли быть не мало между собою различны, полезны и примечания достойны. Но опасаясь, чтоб подробными делениями не сделать трудности ко вниманию. Ибо многочисленные деления не обучающимся, но учащим полезны. Да и первый случай меня о науке философской говорить природным языком и читателя совсем нового допустить столь подробно слушать не может. К тому же наиболее смотреть надобно, дабы столь тонкие деления не произвели ему скуки. Материя хотя и вкратце предложена быть имеет, однако ж на первой час великой от него требует терпеливости.

§ 2

Многие находятся как на латинском, так и на французском и других языках писатели, которые старались понятию человеческого дать градусы или степени и оное разделили на классы: но в том наиболее себя отменил Чирнгауз⁴⁹. Он когда своего разума остроту употребил в то,

чтоб разыскать, в чем состоит философская истина или, по его словам, философской истины болезнь: то нетрудно было многим узнать, что прежние философские знания или пустыми словами были наполнены, или знание в философии было только историческое. В «Логике» своей, которую он называет лекарством для мыслей⁵⁰, предлагает он тройственных математиков и тройственных философов.

§ 3

Первыми математиками он тех называет, которые только еще знают одни математические разделения, означения слов или терминов и некоторые самые главные основания науки математической наизусть вытвердили. Таким же образом и философами действительными он тех называть не хочет, которые философии разделение, терминов силу и главные философские правила затвердили на память, а при том наук философских розницу, самой философии историю, то есть начало, порядок и все ее происхождение. Такие, как он говорит, самого первого степени суть философы, и потому философского еще имени недостойны.

§ 4

Другой род математиков есть целым степенем больше первого, а однако ж и тех еще он не удостоил совершенными быть математиками, которые уже знают, что Евклид, Архимед, Аполлоний⁵¹ и другие древние математики в сей науке изобрели и что новые к тому авторы в сей науке присовокупили. Но еще сами равномерным образом собою ничего нового изобрести не могут. На той же степени поставил философов тех, которые далее первых поступили. Они уже знают, какие старинных философов о том или о сем были мнения, какие новых, кто лучше о сем или о том рассуждает. Какие прибавления и приумножения в науке сей от времени до времени присоединены и т. п.

§ 5

Вышними тех называет и совершенными, которые не только старых и новых математиков изобретения, хотя им и не истолкованы, находит и разыскивать собой могут, но и того, что еще в математике темно и не исследовано осталось, разума своего собственною силою дойти могут. Потому же и философов, которые к такому совершенству пришли, что все то, что еще не известно в философии, но только бы

человеческому уму было понятно, собственным своим разумом на свет, так как известное произвести могут, и таких он почтил прямыми философами. Из таких людей во всех науках корпус академический всегда состоять должен, и они прямо называются академики, которым открыт талант и способность расширять науки в их роде и в их частях.

§ 6

Мы видим теперь действительных математиков и действительных философов, хотя после о должности их прилежнее еще рассмотреть будет должно. Главное мое в том состоит теперь намерение, чтоб дать понятие некоторое о науке философской тем, которые за незнанием чужестранных языков, на своем природном собственном прилежанием постигнуть что-нибудь захотят. Чего ради при вступлении в таковую материю сколько возможно удаляться надлежит от безвременной и бесполезной обширности в речах. О пользе сего разделения, кто знает латинский язык, смотри предисловие в «Логике» Чирнгаузовой, которую он назвал лекарством для мыслей второго выхода в Лейпциге 1695 года⁵².

§ 7

Разделение его к тому служит, чтобы изъяснить, в чем состоит должность прямого философа. Ежели же прямо его мысль разумеет, то нет в свете и не бывало философа, который бы сим именем назваться мог по достоинству. Ибо он такие свойства прямому философу приписывает, которых кто бы каков себе не казался быть философ, никогда столь высокого совершенства не получит, чтоб мог сего имени удостоится. Кто одни только изъяснения к вещам сыскивает, или умеет правило какое в науке философской сочинить, тот и по моему мнению в философии дале ничего не изобретает и потому он назваться ученым в таком разуме, в каком сие слово на других языках принимают, а не на нашем, не может. Многие у нас не зная прямо должности философа или довольствуясь тем, когда они первый градус только философии поняли, о котором я прежде уже упомянул, льстят себя, что они концы философии уже постигли и слынут особливым латинским именем *Consumati*, по их же переводу совершенные, хотя по прямому не только их столь малое знание не просветило, но больше еще замешания в голове сделало. Не сказал бы иной на вопрос: «для чего огонь жарок?», — «Для того де, что в

нем жаркость есть». Не думал бы он при том, что он сие ответственал по логике, если бы понявши помянутый низкий градус только философии не вздумал про себя, что он и философию знает и философom отчасти можно ему называться. Сия погрешность из обыкновения и по сие время еще в академиях выйти не может, что не одни те, которые обучают философии, но и те, которые лишь только начали учиться, называются философами. Удивляются с жалостью новые философы тому состоянию философии, когда Аристотель дал всем образец и правило, из которого никто не должен был дале выступить, но тем только довольствоваться, что он вымыслил. Тогда за великого философа и того почитали, кто смог другому только последовать, ежели не сравниться, и когда превысить кого было не можно, тому почти божественную мудрость приписывали.

§ 8

Сего разделения довольно было бы для познания, что есть должность философа, и что должность математика. Но я намерен предложить о философии вообще и нечто специальное. Все мое предприятие в том только особливую новость имеет, что я сколько возможно о философии не философскими словами буду говорить, и предлагать оную таким порядком, чтоб не трудно было всякому разбирать, хотя бы кто и предводителя в том не имел. Надпись сея главы обязывает меня объявить здесь о должности философа и для того примем тройное в философии познание. Первое историческое, второе философическое, третье математическое. В сем случае довольно нам будет того, когда сможем изъяснить мнение и мысли барона г. Вольфа, славного философских частей учителя нынешнего века. Он иностраннее о сем пишет в большой своей «Логике», которую он называет «Philosophia rationalis»⁵³.

§ 9

Познание историческое я называю простое известие, которое мы или от других имеем или сами собой усмотрели о вещи или действии каком, не ведая еще причины, для чего сие так, а не иначе сделалось или кажется. Философское познание то, когда мы о всем обстоятельно изведавши и имеючи понятия между собой отдельные о вещи или действии каком, скажем, для чего оно подлинно так, а не иначе сделалось, то есть причину оногo объявить в состоянии нахо-

димся. Математическое познание те имеют, которые знают определить количество и силу причины, а притом величину произведения измерять могут.

§ 10

Тройственное вещей познание человеческое не в вещах мы ищем, как уже выше сказал я, но в разуме самом. Ибо об одной вещи три человека трояко знать могут, один будет знать его по исторически, другой по философски, а третий по математически. Все мы знаем, что пары на воздух поднимаются, и то есть наше познание историческое. Философ говорит, что пар поднимается от тяжести окружающего воздуха, которая есть больше, нежели тяжесть пара, и что пар есть ни что иное, как воздух, включенный в водяных пузырьках, который не может быть под низом той материи, которая его действительно тяжелее, и потому опускается книзу по свойству всех тел тяжелых, и то пространно и явственно толкует, в котором случае мы об нем говорим, что он о той же вещи познание имеет философское. Математиков есть должность, познав первотяжесть воздуха, а после тяжесть воды, объявить, сколь велика пропорция между водой и воздухом, и притом какая пропорция в тяжести между паром и тою воздушною материею, в которой пар наверх поднимается, или, лучше сказать, всплывает. Так же математик и ту пропорцию сыщет, какая состоит между пузырьком и воздухом, который в нем включен. Ибо, по видимому, воздух в пузырьке больше имеет силы, которою влечется кверху, нежели водяной пузырек тяжести, которая бы погрузить его могла. Но чтоб о познании историческом яснее все оно обстоятельство мог я предложить, то без сомнения должен о всех трех, как историческом, так философском и математическом познаниях в особливых главах показывать, дабы познавши одно основательно, другие меньшим трудом могли окончить, ибо сие знание всей философии я почитаю за первое основание.

Глава вторая. О познании историческом

§ 11

Все то, о чем мы заподлинно уверены, или от других, или через свой собственный опыт, что оно действительно есть или случайно быть может, называется познание историческое, потому, что оно и

простой народ в таком же совершенстве иметь может, как человек ученый. Так например знает человек ученый, что олово, ежели к огню припустить, потечет; Солнце летом больше греет, нежели зимой; печаль здоровью вредительна и проч., но то же самое и простой человек знает или не ученый. В котором случае, как тот, так и другой познание исторического вещи или ее бытия имеют. Хотя сие столь есть легкое познание, что оно без дальней остроты ума можно получить, однако ж мы видим из повседневных примеров, что люди часто не токмо простые, но и ученые в познании историческом ошибаются. Сие легко статья может потому, что познание историческое помощью чувств мы получаем, ибо когда мы видим какую вещь, или об ней слышим, то сие не что иное есть как только произведение некоторой или в видении или в слышании нашем перемены, каковые таким же образом и в других чувствах произведены быть могут. Но как наши чувства не всегда и не у всякого равно совершенны, то не редко и то случится может, что нас оные обмануть могут по несовершенству своему, кратко сказать, слепой, не имев видения, не может рассуждать о цветах, а глухой о гармонии музыкальной, а однако ж нередко случается, что оба умствуют, один о цветах, другой — о музыке, буде они не совершенно еще чувств своих лишены.

§ 12

От чего видеть можно, что познание историческое есть самый первый и низкий градус разума или понятия человеческого, потому что познание историческое помощью чувств получается. И как мы получаем только голое известие о бытности, то конечно оно есть самый низкий градус разума человеческого, ниже которого уже никакого познания понимать не можно. Например астроном видит комету. Имеет он тогда об ней познание историческое, пока еще не примечает, откуда она и куда идет. Для чего такова, а не инакова кажется. Как скоро идет и проч., хотя рассуждать дале об ней еще может. А потому, что видеть оную и тот и другой, и всяк, кто только глаза и случай к тому имеет, хотя дале об ней рассуждать и не может по неискусству своему для чего такова, то следовательно и астроном должен наперед то же сделать, что сделать могли простые люди, то есть комету усмотреть. Почему познание историческое есть самое низкое понятие и первая степень разума человеческого.

§ 13

Памятовать надобно, что в сем толь низко понятии рассуждение весьма потребно, ибо чем больше ошибка происходит от слабости чувств, тем прилежнее стараться надлежит оную через рассуждение исправлять. Разум человеческий обуздан быть должен рассуждением. Как скоро мы видим некоторый предлог и не рассмотрев его подлинно, но через одно только темное понятие произносим о нем мнение наше несправедно, то от того мнения помощью разума произведены быть могут новые следствия, которые потому, что от лживого начала произошли, могут быть все ложные. Сие случается в простом народе в простых вещах, от которых по большей части иногда и суеверия рождаются, но то же равномерно и между учеными людьми бывает в ученых делах, ибо и ученые люди в своих науках часто бывают суеверами. Итак, когда мы здесь предлагаем о первом познании разума человеческого, то есть о познании историческом, то не о таких мы мнениях говорим, которые обыкновенно называются скоропостижные, по латински *vitium fubreptionis*, то такое познание человеческое не историческое есть, да никакое, ибо, когда кто лжет, тот тогда говорит чего нигде и никогда не бывало, а потому и заключение лживое от начала лживого произведенное, есть не заключение, так как и познание не есть уже историческое. да никакое.

§ 14

Все равно, хотя кто сам о чем изведал хотя через кого другого, лишь бы было известие праведное. В том теперь я разнствия не делаю, простым ли кто или натуральным образом что приметил, или через эксперимент вымышленный. Многие такие правды суть, для которых не надобно головы много ломать, чтоб вымышлять остроумием опыты очевидные, как, например: всякая тяжесть вниз опускается; железо на воде тонет; огонь жжет и прочие, ибо такие эксперименты сама натура нам показывает, которые мы понимаем помощью чувств наших. А многие, напротив того, такие правды, что без помощи инструмента, нарочно к тому вымышленного, об них удостоверяться не можем, например, явления планет без помощи зрительной трубы видеть не можно, движение крови в животных без помощи микроскопий, силы воздуха без помощи Англии Пневматической⁵⁴, тяжесть и движение многих между собой уравненных жидких тел без

трубок хрустальных, что в физике называют *tubi capillares*, волосу подобные трубки, серебра отделить от меди без сплавления, то есть особого к тому искусства и прочая. Через способ опыта какого познаем мы вещь в натуре несколько, иногда и совершенно закрытую. И так, в обоих случаях, мы еще ничего более не получаем как познание историческое. Но способ художественный к получению познания исторического часто открывает нам познание философское, особенно когда мы через инструмент какой находим такую правду, о которой без посредства оного уверены быть не могли, и при том случае осторожно смотрим на все околичности при оном случающемся, то мы находим и вещи той, или какому-нибудь явлению свои собственные причины.

§ 15

Почему легко рассудить можем, что познание историческое двоякое быть должно, ежели только посмотрим на различие и множество вещей прилежно. Первое есть простое, другое осмотнительное. Первое служит для тех, которые кроме очевидного свидетельства ничего не ищут, а другое через посредство разума наибольшее открывается в философии и математике. Такое-то и я познание желаю, чтоб всяк имел при чтении сея книги, то есть осмотнительное, при котором бы всякое мнение мое ни инако понять мог, как только осмотревшись, в том ли разуме понимает он, в котором я здесь предлагаю. Первого познания довольно сыскать можно примеров в жизни человеческой, а другого много опытов имеем в физике и в самом употреблении многих математических частей, которые по латыни называются *Partes Matheseos applicatae*, от чего уже прямо ныне физика разделилась на две части, первая часть ее называется физика историческая. В исторической показываются только явления, как, например, помощь антлии пневматической показать можно, что животное всякое без воздуха дыхания иметь не может и то-то называется физика экспериментальная. В философской находим или познаем историческим познанием явлений тех причины, которые при показании самых экспериментов открываются, и потому на экспериментах основание свое имеют, так, как бы теория на искусстве. Я уже о других не упоминаю, ибо астрономия вся есть познание историческое, а однако ж разница великая между примечаниями астрономическими и теорией, которая вся стоит на вычетах.

§ 16

Чтобы лучше мы могли распознать познание историческое простое от познания исторического осмотрительного, то надобно нам приметить недостатки в познании историческом простом, и в познании историческом осмотрительном, которые часто случаться могут, ежели не присоединено тут будет познание философское и математическое. Я усматриваю, что понятия смешанные бывают иногда довольны без отделенных и ясных, а особливо, когда успех производится по удаче. И тогда познание историческое простое самое назвать можно, которое силу свою без осмотрительного имеет. Сие случается наипаче в простых и незнающих, но умствующих людях со вредом, а в работных с немалою удачею, ибо ясное и между собою отделенное понятие не иначе как через науку приходит, о чем ниже в своем месте буду говорить, потому что понятия столь разные требуют особого истолкования. Но познание историческое простое просто чувствами мы получаем. Не видим ли мы и без науки докторов, лекарей, физиков, химиков и проч. Сии все не имеячи понятия ясного и отделенного, трактуют о делах помянутых, да еще часто с удачею и с добрым успехом. Мало ли видим в простом народе таких людей, которые смелость принимают лекарства давать противу болезней, про которые они столько же неизвестны, как и про самую болезнь, которую лечат, а однако ж лечат так иногда, что им приписывают в том великое знание, хотя притом такие люди не один грех свой и в землю зарывают. Отчего сие бывает? Он о лекарствах тех не разумом своим дошел, что они полезны к отвращению той или сей болезни, ибо в противном случае должен был бы знать причины болезни и причины пользы той, которая от лекарства происходит, в котором бы случае он имел о действии сем понятие ясное и отделенное, но он о всем сем слышал и слух тот подтвердил первым, каким ни есть слепым опытом. Итак, познание историческое в нем простое, а не осмотрительное. Таких мы видим у нас механиков, которые, совершенно не зная правил механических, по которым то или другое движение тела быть должно, уверены бывают прежде о действии машины своей для того, что они прежде то или тому нечто подобное и сами делали, и бываючи при работах видели. Таковыми механиками с наилучшим успехом у нас многие тягости поднимаются. Я слышал, что большой колокол поднят был в Троиц-

кой Александро-Невской обители того монастыря крестьянином в то самое время, когда лучшие городские архитекты и механики несколько недель о том голову ломали и делали разные проекты к апробации. И много таких примеров показать можно, которые потому достопамятны, что люди ученые меньше успеха в них имели, нежели такие простаки. Видим с таким же успехом многих учителей, которые при воспитании молодых детей пользу производят, следуя только какому-нибудь примеру. Равным образом бесчисленное почти видим множество таких музыкантов, которые приятно играют на как-нибудь инструменте, и согласно, хотя сами не знают для чего та или иная нота согласна с другою, и никакого понятия не имеют не только о согласии нот математических, но ниже простой музыкальной композиции.

§ 17

Не уподобил бы я сего здесь разделения, ежели бы оно мне не нужно показалось в самой логике, в которой, конечно, надо отличать теорию от практики. В оной я показать намерен, как всякое в словах непостоянство и темность или сумнительный разум происходит от одного только, что о том, о чем речь наша, имеем темное и конфузное понятие, и что понятиям между собою больше или меньше разнствующим одно имя часто случается давать. К сему я причитаю все риторические фигуры, метафоры, аллегории, в которых ежели прилежно станем разбирать, то безмерное множество найдем противоречия. Пространнее о сем упомяну в «Логике»⁵⁵, в особливой главе о понятиях, где стараться буду показать, сколько ясные и пространные понятия нужны в познании историческом, без которых никакой учитель обойтись не может, ибо мы инако ни о чем рассказать не можем, ежели сами понятий ясных и пространных наперед о вещи, о которой говорим, не имеем.

§ 18

Показать теперь надлежит, сколь есть обманчиво познание историческое, ежели оно не соединено с познанием философским и математическим. Все, что мы видим, имеет свои обстоятельства, от которых оно так зависит, что тех обстоятельств никак переменить не можно. Часто случается, что хотя при познании какой-либо вещи очень осмотрительны бываем, однако ж находятся такие обстоятель-

ства, которые так закрыты, что мы их усмотреть не можем. Итак, буде одно такое пропустим, то при заключении нашего дела мнение произойти может ложное. В пример я привожу для изъяснения следующее, по которому узнать можно, как во многих изобретениях, которые нам только в разум приходят через познание историческое, философское и математическое познание правду оног объявляет. Нашел некто, именем Биньон, человек по характеру своему знатный и по склонности, как видно, ревнитель к пользе своего отечества, шелк из паутины прясть, и таким же образом оный употреблять как шелк червиный, так, что в 1709 году из паутинного шелку его тщанием сделаны были уже чулки и перчатки⁵⁶. Невозможно сказать, сколько сия новость всех удивила тогда, а особенно тех, которых льстила польза из сего. Им показалось, что шелк сей гораздо нежнее, как то и самая правда и дешевле. Ежели правду сказать, то ошибка его весьма не удивительна, ибо он имел резоны, для которых успеху доброму быть надеялся. Он приметил, что один паук кладет 600 и до 700 яиц, из которых разве некоторые без плода, и то редко остаются, напротив того, шелковый червь насилу положит 300 яиц, а некоторые говорят еще, что насилу 100, но из тех насилу всегда 40 остается. После того он рассудил, что паутинного шелку на чулки, например, три лота⁵⁷ надобно, а на такие же чулки шелку обыкновенного червиного насилу 6 и 7 лотов довольно и много еще других корыстей мнимых тут нашел. Сие пространно описано в ученых записках, которые называются *Journal des savans*, 1710 году, месяца ноября на стр. 507, 522. Все помянутое его рассуждение, хотя кажется и не безосновательно, однако ж оно только познание историческое, которое потому, что не соединено с математическим, то совсем его в обман привело. Приложил тщание по прошению Академии наук первый тогда французский математик Реомур, все сие рассмотреть глазами математическими, и нашел не токмо через вычисление математическое, но и через опыт самый, что насилу 12 пауков могут столько в одно время наделать шелку, сколько в то же время надделает один шелковой червяк, да еще и то усмотрел, что паутину только пускают одни самки. Того ради против одного шелкового червяка должны считать 24 паука, итак, вместо 2 304 шелковых червяков, которые делают целый фунт шелку, надобно иметь в заводах 55 296 пауков для одного фунта, а притом чтобы сами себя не переели, то надобно такое же количество еще их прибавить, потому что столь великого количест-

ва мух, кроме которых они ничем иным почти не питаются, взять негде. Он еще тут не принимал малых пауков в рассуждение, да таких, которых довольно было двенадцати вместо одного червяка, а ежели бы считал и малых, то насилу довольно бы быть могло 663 552 для одного фунта шелка их. Таким образом, когда к познанию историческому соединено познание математическое, то Биньон совершенно стал лишен своей надежды. Могло бы сие стать, ежели бы кто новый способ сокращеннее сего выдумал, однако ж из французских, немецких, российских и других европейских пауков кажется никак сего ожидать невозможно, но разве из американских. Смотри *Memoire de l'Académie des Sciences* 1710 года, стр. 504–532, выходу амстердамского.

§ 19

Дополнить еще и сие хочу. Всяк, кто только довольствуется одним только историческим познанием, тот равномерных ошибок всегда опасаться должен, а ежели захочет о чем заподлинно через одно познание историческое без философского и математического удостовериться, то ему к тому долговременная надобна экспериенция, или опыты. Правда, оные его всегда будут научать и показывать погрешения, ибо когда что сделано в первый раз, то сделано в другой с лучшим осмотрением быть может. Итак, через великое множество таких проб, конечно получить несколько познания философского и математического, которым всегда уверен быть может о добром успехе своего начинания. Но к какому успеху мог бы прийти в одно лето, буде бы к познанию историческому соединил познание философское и математическое, к такому через одни опыты должен несколько сот лет употребить, чтоб оное получить мог в совершенстве. Пусть бы Биньон шелк свой начал делать из пауков. В первый год он еще и того не узнал, в чем его погрешность состоит, и только бы удивлялся, для чего не то вышло, чего он ожидал, а такой эксперимент в целый год однажды только можно сделать. Итак, принужден бы был другого дожидаться года. Тоже самое Реомур сделал одним часом или одним днем, то есть доказал через познание математическое, что Биньон напрасно надеялся из пауков шелку и лучше и дешевле. Теперь можем и то рассудить, что напрасно многие говорят, будто философские и математические тонкости к житию человеческому не нужны. Не спорю и я, чтоб все то было непосредственно

надобно, чему в школах учатся, но много таких есть философских и математических положений или правд, которые неразрывно соединены с теми, которые к житию нашему непосредственно и необходимо потребны. Познание историческое мы прежде сказали двоякое есть, простое и осмотнительное. Но видели уже и то, что в житии нашем не довольно и осмотнительного, как то изъясняется прежде упомянутым примером, но без соединения философского и математического оно состоять не может. Теперь покажу еще посторонние недостатки познания исторического, которые со стороны приключаться могут, так что познание историческое без помощи философского и математического приводить нас не только к ошибке, но и к обману может.

§ 20

По тех пор всякая вещь сама собою кажется трудна, а иногда и человеческому не понятна, пока ее причины закрыты. То есть самое, что часто человека к напрасному удивлению приводит. Туда принадлежат такие примеры, из которых можно усмотреть, что человек при познании историческом, когда небрежение имеет о философском, то есть когда видит феномен, или явление какое, а притом не рассуждает о причине оною, из которого бы мог узнать, что оною есть натуральное, то не токмо в простой обман приходит, но ежели можно сказать, по большей части и суеверия от того у язычников начало свое имеют. Такое историческое познание простое производило в простых людях великое несчастье, а тем, которые могли соединять с историческим философское, подавало немалый успех в их плутовствах. Например, бедный народ иудейский, не зная того, что день субботный для человека был определен, что праздноделие в нем определено было для того только, чтоб тем наилучше мог человек со вниманием и без помешательства молитвы свои в благодарение Господу Богу приносить, столько в оном наблюдал праздноделие, что Антиоховы послы без всякого их сопротивления в сей день перебили насмерть. В такой же почти мере удивительный пример нашел я в Англии в 1715 году, мая 3 дня по новому штилю, когда было солнечное полное затмение, то столько оною произвело в республике Англинской опасности, что в то время славный англинский астроном Вистон особливую книжку принужден был издать, которой объявил столь великого затмения причины натуральные, и тем самым уско-

рил у всех бунтовщиков отнять причину к лживому толкованию, которое они могли в пользу свою разгласить в народе, и к повреждению состояния республики. Найдутся, может быть, такие еще люди, которые могут сказать, что и небесприбыльно иметь познание историческое, которое бы соединено было с познанием философским, которое, ежели один имеет, то другого легко обмануть может, кто просто историческое только о вещи познание имеет. Пишут о Христофоре Колумбе, что когда он был у американцев, просил припасов, и ему дать не хотели, то он осердяся сказал, что в будущую ночь у них луну помрачит, о котором затмении он уже или из примечаний астрономических или из календаря прежде ведал. Такая его угроза и после того действительное исполнение в такую робость простых людей привели, что они наутро добровольно всякими его припасами снабдили.

§ 21

Я не думаю, чтоб сие надобно было презирать для повседневной пользы человеческой, ибо ежели бы не соединено было познание философское с историческим, то бы многих мы опытов рукодельных, а через то и многой прибыли лишены быть могли. Отчего рукодельники во многих своих ремеслах всегда искуснее становятся? Оттого только, что получают новые способы всегда к исправлению своего мастерства, которые они сами редко вымышляют, ибо такие люди часто не рассуждают о причинах своих машин, которыми они работу свою отправляют, да изобретения им надобно что б такие люди делали, которые к их историческому познанию свое философское могли приложить. В таком случае мы посмотрим на все инструменты, к рукоделиям надлежащие, а особливо на многие машины, которыми и труд облегчается и через кратчайшее время с лучшим успехом происходит. Изволь всяк в пример взять те машины токарные, которые в академических палатах у нас за наилучшую и дражайшую диковинку при Кунсткамере хранятся. Такие истории или портреты, которые помощью сих машин вытачиваются, можно бы и без машин сих делать, но как великого искусства и как долгого времени на сие надобно! Тот, кто точит, имеет историческое только познание о сей машине, но ежели бы хотел еще что примыслить к лучшему совершенству, не должен ли бы он был знать причин многим движениям, и через то усмотреть недостатки, которые ему надобно допол-

нять. Тоже самое случается во многих других мастерствах, в которых ежели о причинах действия рассуждаем, то всегда нам легко можно усмотреть недостатки. Так, мне рассказывали про одного славного механика Гертнера, который недавно умер в Дрездене и славу себе немалую получил в особенное искусство в сочинении зажигательных зеркал, что сперва его уговорить было не можно, чтоб он на зеркалах делал вогнутую пологость параболическую, так как по доказательствам геометрическим. способнейшую к собиранию лучей солнечных в одну зажигательную точку. Он всегда думал, что его пологость, которую он делает, лучше, а сие от того происходило, что он познание только историческое в своем мастерстве имел, а о причинах и доказательствах геометрических не думал.

§ 22

Через познание историческое мы разумели одни только простые действия без дальних наших рассуждений о причинах натуральных. Такое действие ни что иное есть, как только практика самая, которая без теории, то есть без познания философического сколько полезна и сколько вредительна, о том я уже довольно выше предложил. много бы еще надлежало о сей материи упомянуть, однако нетрудно уже разуметь всякому о следствиях таких, которые непосредственно из прежде помянутых моих рассуждений происходят.

Глава третья. О познании философском

§ 23

Все те, которые познание имеют вещей одно только историческое, хотя и знают подлинную о вещи какой правду, однако ж не так как подлинную. Они буде что знают, то конечно, не инако как через опыт, а опыт не знание делает в человеке, но только о том или о сем уверяет его. Например, что пар кверху поднимается и что он из воды и воздуха состоит, то самая правда, но тот, кто оную знает оттого только, что он действительно сие видел, не так знает, чтоб он подлинно сию правду не выдавши еще опыта, нашел разумом своим. Философ напротив того через свое рассуждение может знать, надлежит ли сему верить или нет. Кратко сказать, кто знает по исторически, тот не знает, да только верит. Знает, что сие бывает, и видит, да не знает для чего. Опыт верить его заставляет, а не знать. Почему видим,

что одни, буде что знают, по случаю знают, а другие по разуму, то есть одни знают просто, другие — с причиною. Чего ради конечно одни другим разумом своим предпочинены быть должны. Знать вещь какую через разум и рассуждение не только есть честнее, нежели через один опыт, но и полезнее, ибо мы, когда причину какой вещи знаем, то не довольствуемся тем, но желаем еще больше знать, и такое знание возбуждает в нас всегда любопытство. Напротив того, тот, кто только через познание историческое о чем уведомился или через опыт, не только не имеет любопытства дале рассуждать, но еще часто случается, что довольствуясь одним опытом, прочее рассуждение все презирает. Видим многих, которые кричат: «На что астрономия? На что математика? На что прочие науки? Мы де и без астрономии затмения видели и без дальних доказательств вычет сделаем». От чего сие бывает? От того, что такой человек, получив знание через известие какое, например о затмении через календарь, а о счетах через простую арифметику, и иное все понял, не представляя себе никаких тому причин, следовательно, он не ведая, как то или другое делается, не имеет дале ни побуждения, ни охоты рассуждать, а часто и не знает, осталось ли что дале о том ему знать, потому что всякий человек к неведомому никакого желания не имеет. Но тот, кто уже столько знает астрономии, что умеет вычесть, когда затмению случаться надобно, конечно знает и причины оногo. И потому не можно об нем сказать, чтоб он дале не имел любопытства о сем рассуждать, а особливо когда и сам за собою видит, что ему еще не все причины известны, что наипаче в таком случае легко за собою усмотреть может. Те, напротив того, которые о причинах думать не починали, и того, я чаю, не знают, есть ли тому или сему причина. Чего ради тем меньше дале стараются рассуждать, а думают про себя, что коли увидели и поняли то, что Луна затмевается, то им уже больше не остается думать о Луне, и что они уже все то знают, что о Луне знать надлежит. Я в пример взял случай один астрономический или физический, а тоже самое почти и во всех науках случается.

§ 24

Все то, что я в первой главе предложил, показывает, сколь мало в человеке делает знания познание историческое, как простое, так и осмотнительное, хотя на оное смотрим особливо, хотя снося с философским и математическим. Последнее больше еще увидим на

следующих. Мне кажется, что и удовольствия такого, которое подлинно особенное нечто в душе нашей производят из познания исторического, иметь не можно. Наше удовольствие из совершенства всегда происходит. Когда что видим или в себе совершенное или в ином чем, то и удовольствие тогда в себе чувствуем, о чем со временем в правилах нравоучительных показано быть может. Но познание историческое сколь много есть само в себе не совершенно, о том уже выше показано. Итак, в познании историческом, в котором совершенства не видим, нет и удовольствия. Не можно сказать вовсе, чтоб познание историческое было не нужно, ибо в тех только науках, мне кажется оно не нужно, ибо в тех только науках, мне кажется оно не нужно, в которых от самого начала доказывать невозможно, но таких очень мало. Яснее теперь понять можно познание философское, к которому я приступаю. С тем намерением я нарочно об историческом пространнее говорил, чтоб кратче можно было сказать о философском, потому что многое рассуждение из прежде показанного само собою следует. Главное действие есть в познании философском — находить подлинные причины из понятий отдельных. Что мы называем философиею? Философиею называем и изъясняем науку, которая в себе заключает действие разума такое, через которое кто может предложение некоторое, из праведных и прямых начал законными следствиями доказать, или называем такое знание, через которое можем вещи доказывать через ее причины, или от известных вещей знать их неизвестные, чего ради обыкновенно ученые люди говорят: философ — ничто без доказательств.

§ 25

Невозможно праведной причины ничему дать, как только надобно о тех явлениях или вещах, которые доказываем, наперед иметь в разуме понятия определенные. Все то, что действительно и ли случайно быть может, иметь довольную свою причину, для которой оно или действительно так, или случайно быть может, и для которой так, а не иначе есть и бывает. Сего я теперь не доказываю, с тем намерением, что в следующих частях книги сей, а особливо в главах при окончании сей части показано будет. Познание довольной причины есть то, когда объявляем такую причину, из которой заключается, для чего что действительно есть или случайно быть может, и для чего сим, а не иным образом. И сие то называется познание фило-

софское. Следует из сих праведных положений, что нет в свете такого предлога, какой бы он ни был при котором не можно иметь познания философского. Я здесь говорю и о таких вещах или делах, которых мы не знаем довольной причины, однако ж разумею, что довольная причина быть должна, хотя мы оные за слабостью нашей остроты понимать не можем. К тому же находятся и такие вещи, которых причины хотя и суть, однако ж от силы разума человеческого утаены и исследованы нами быть не могут, потому что выше нашего свойства, и нам не дано от Бога об оных подробно рассуждать, но через одно только показано откровение. В таком то случае надобно памятовать все то, что разум человеческий небесконечный есть, но имеет свои пределы или границы, которые не дале человечества простираются. Итак, наше прежнее предложение через сие не разоряется, но ту же силу свою имеет, что всякая вещь должна иметь довольную свою причину, хотя не о всякой мы рассуждать можем и должны.

§ 26

Я уже прежде сказал, что философское познание или должность философа в том состоит, чтоб умел причину дать феноменам или каким-нибудь явлениям из понятий отделенных. Но что сие есть, причину дать одной вещи из другой? Есть то, когда мы действие и силу одной вещи находим в другой, о которых вместе рассуждаем. Например, сплавливание металла от силы огня. Как мы можем причину дать тому, для чего золото, серебро и проч. расплывается на огне? Сей феномен или явление причину свою в том имеет, ежели мы о всякой вещи особливо станем рассуждать и находить понятия отделенные. То то есть самое, что я выше сказал: причину дать вещи одной из другой, или когда из тех свойств, которые мы понимаем в огне, толковать можем свойства те, которые понимаем в сплавливании металла. Чтоб сие толь легче сделать было можно, то надобно в обоих вещах части, знаки и свойства особливо познать и приметить. Тогда увидим, что нет ничего в произведении, что бы не согласовало с тем, что в причине находится в сплавливании. Мы примечаем, что металл или руда есть расжиженная, которая крепкое свое прежнее частице соединение уступая силе огненной оставила, и что как некоторые думают, частицы оные в сильном тогда движении находятся. Огонь, мы знаем, что состоит их субтельнейших частиц, которые

проходят в наималейшие скважины или поры по свойству своему. Итак, когда мы видим, что огонь есть столь субтелен, что в малейшие поры металлов, которые мы также в металлах заметили, проходить может. И металлические части, которые крепко соединены с собою, одну от другой разлучает и приводит в сильное движение, то и сплавливание есть нечто иное, как только частиц соединенных через помощь огня взаимное отделение, следовательно мы причину нашли, рассуждая вещь одну из другой. То же самое можно понять и из примеров моральных или нравоучительных. Для чего, например, Полидора можно склонить к постоянству, а Гортенсия нет? Для чего один чувствителен, а другой нет? Для чего один завидит твоему счастью, а другой тем тебя от сердца поздравляет? Один сожалеет о твоем несчастье, а другой радуется? Спрашиваю теперь всему тому причины. Нетрудно тот будет найти, ежели на обе вины или на оба начала тому посмотрим, то есть рассматривать станем, кто Полидор и кто Гортенсий. И все одного приметыв состояния, нрава и с ними прежнего обхождения, рассудив сношение и соравнение, сделаем с состоянием, нравом и обхождением прежним с нами Гортенсиевым. Таким образом, тотчас причину найдем, для чего один таков, а другой инаков.

§ 27

Усмотреть можно также, что с одними тут темными понятиями и с понятиями конфузными ничего сделать не можно. Тот уже, кто философское познание имеет, сколько может, старается убежать от сумнительных и пустых слов. Он может всякое напрасное и сумнительное усмотреть и уничтожить, мысль свою ясно и раздельно предложить, к своему мнению других привести, очистить себя от объекций разных способно, и все то может рассудить, что противу его выдуманно из одних только темных и конфузных понятий. Отчего без всякого сомнения и то следует, что познание философское делает в человеке через кратчайшее время больше разума и рассуждения в делах, нежели познание историческое. В познании историческом, как мы прежде сказали, надобно великого примеров повторения и долголетнего, дабы о вещи какой удостовериться. Но в познании философском, кто всякого дела и случая старается знать причину из обстоятельств и все примечания понимает порознь, тот легко видеть может, как одно из другого происходит по тех пор, пока он последний эффект или про-

изведение найдет, о котором речь есть и которого искал причины. Такой человек способно может о всем судить вообще и основательно, хотя б что такое случилось, которое ему совсем дело новое, ибо он обо всем может делать понятия отделенные, и признаками особливими всякую вещь особе отделять.

§ 28

Однако ж не вовсе можем полагаться на познание философское. Как мы выше видели, что в познании историческом много знания нашлось, которое не может еще любопытства нашего удовлетворять, так как первое основание всем знаниям и то познание философское многие в себе несовершенства имеет без математического. Без сомнения познание человеческое само собою великое уже благополучие в жизни человеческой принести, но математическое наиболее еще разум наш просвещает и всякие искомые правды к совершенству приводит. Мы можем еще показать беспримерное множество и таких случаев, в которых познанию историческому с познанием философским без математического ни по какой мере не обойтись не можно. Не довольно, например, знать, что через реку, ежели льдом покрыта, уже перевести тягость можно, а сие есть познание историческое, а сие есть познание историческое, недовольно знать крепость льда, на которую бы надеяться было можно, и причины все его твердости рассудить, что называется познание философское, но надобно притом найти и пропорциональную толстоту льда, которая бы могла поднять тяжесть, что собственно уже касается познания математического. Ибо можно знать, что лед есть, и что твердость его усмотрена, но ежели толстота неизвестна, то все действие стало бесполезно. Я нарочно пример самый низкий и простой предлагаю, чтобы лучше только мог изъяснить, как соединяются часто все три познания, историческое, философское и математическое, так что одно без другого часто совсем бесполезно. В таких маловажных случаях, какой я теперь предложил и тому подобных, конечно мы можем обойтись без нашего философствования, ибо повседневные примеры нас без нашего дальнего умствования учить могут и некстати всякому человеку, кто хочет перейти через реку, делать наперед вычет по математически, поднимет ли его лед, по которому он идти хочет. Но я через такие примеры о трудных случаях разумею, в которых историческое знание недостаточно без философского, а

часто и оба сии недостаточны без математического. Знают кажется те, которые шлюзы и плотины делают, какова сила, тяжесть или напор воды. Знают и архитекты, в чем состоит крепость строения, так же и машинисты свои причины, от которых какое произойти может движение. Но отчего шлюзы и запруды прорываются с превеликим хозяйским убытком? Отчего дома падают, своды проламываются и часто внезапную смерть жителям наносят? Отчего те убытки происходят, которые уже от многих с превеликим потом потеряны, чтоб только найти вечное движение, что обыкновенно ученые люди называют *Mobile perpetuum*? Та ли тому причина, что меры будто угадать не могут, или вычислить силы и количества не умеют. Мне кажется, что хотя бы кто при своих вышепомянутых искусствах и столько математики знал, чтоб оную способно употреблять мог при помянутых случаях: однако ж часто случается, что во время своего действия сии люди бывают нерадивы или не внимают того, сколько бы познание математическое им тут помогло. А нередко случается, что и способности к понятиям таким надлежащей не имеют. Для того многих мы у нас видим фонтанных мастеров, архитектов, механиков, которые ничего не делают, но починают наугад, и буде им удастся, то окончив, счастием называют. В сем случае говорю только о неискусных мастерах и архитектах.

§ 29

Напоследок можно уже из всего прежнего видеть, что мы правду подлинную знаем так только далеко, по коих мест простирается познание философское. Ежели, например, мы знаем, что вода в реке течет от одной стороны в другую, для того только, что вода как тело текущее свойственною своей тяжестью напирается по натуре всех тел вещественных к центру Земли и оттого верхняя ее часть нижнюю давит, а нижняя для покатога в одну сторону дна имеет место, куда уступать, то сию мы правду, что вода течь должна в реке в одну сторону, так только далеко знаем, пока наше философское о сем познание простирается, и по коих мест правда сия с своими началами тесное соединение имеет. Но познав, что есть познание историческое, и что философское, во многих случаях сами усматриваем, что сии два знания, хотя и довольны сами по себе кажутся, однако ж часто от математического просвещены бывают. Чего ради приступим и к третьей части знания человеческого, то есть к познанию математическому.

Глава четвертая. О познании математическом

§ 30

Видели уже как то не довольно того, что б знать вещь и ее праведную причину, но праведной причины о силах и количестве должны мы рассуждать. Математическим познанием мы то называем, когда явления какого или действия причины измеряем. Знает например артиллерист, что ядро пушечное получает силу свою от силы пороха, знает фонтанный мастер, что вода, приведенная с высокого места в низкое, будет кверху подниматься сама собою, но по коих мест еще ни тот, ни другой не покажут, как далеко ядро лететь из пушки может и как высоко вода будет подниматься, то оба они историческое или философское о своем деле имеют только познание. Буде же артиллерист может узнать сперва силу пороха и вес ядра, а от того вычислить может и определить точное расстояние, до которого лететь ядру должно, тако ж фонтанный мастер высоту измерения горы, с которой вода приведена и количество ее, а притом силу и количество воды, и от того вычислит высоту, до которой фонтан подниматься может, то в таком случае оба они математическое познание уже имеют.

§ 31

Мы в сем познании можем только такие количества понимать, которые определение и конец свой имеют, или в рассуждении того, что мы собственно количеством называем, или в рассуждении степеней каких, которые мы можем сравнить с другим чем. Словом, что-нибудь принять можем за единицу, лишь бы могли мы каким-нибудь образом счет свой производить, например: день меряем часами, расстояние места — верстами, вино — ведрами и проч. Ибо не можем ничего счислять, не принявши в сравнение какой-нибудь вещи, которую бы мы могли назвать единицею и ею счет наш производить. Много таких есть случаев, при которых мы с числами никакого вычисления сделать не можем. И такие все к вышней математике принадлежат. Между учеными людьми есть двойственная математика или знание оной. Первое показывает явление натуральных действий, то есть простые части математики, по которым то или другое случается. Другое есть то, через которое открывается причины количества, сколь она велика или мала, сколь произведение велико и сколь

мало, можно ли оно в равновесии положить с своею причиною. При последнем необходимо надобно то, чтоб наперед нам было известно было познание философское, но при первом довольствоваться можно одним историческим. Оно хотя и само через себя в жизни человеческой полезно и довольно, чтоб в аппликации или употреблении в нуждах случающихся не обмануться, хотя немало побуждает к разысканию дальней в натуре правды, хотя законы, по которым в натуре Творец определил, ясно открывает с немалой пользой в жизни временной, однако ж всегда один еще недостаток в таком познании математическом находится. Не знаю как дух любопытного человека неспокоен, когда он по историческому познанию знает вещь какую или явление, что оно есть, знает начала все, от которых что бывает по философскому познанию, знает порядок и законы по математическому простому, то есть первому, но не знает еще, для чего таким порядком то, а не другое бывает, и то-то есть второе или высокое познание математическое, которое в алгебре уже находить надобно. Я за основательное и праведное почитаю напоминание тех ученых людей, которые говорят, что математики должны всегда дале простираться, ежели уже явления или задачи какой узнали законы подлинные, по которым они бывают. Не довольно того, они говорят, что б знать только порядок или количество прямое, но должны стараться находить причины тех количеств и того порядка, который они усмотрели. От того многие грешат из ученых людей, которые некоторые только причины усмотрев, то есть недалекое свое и незрелое еще рассуждение публикуют за первое положение или за основание всего действия или явления, в разыскивании которого много бы надобно было дале трудиться.

§ 32

Из всего моего предложенного рассуждения о тройственном познании человеческом ясно доказывается, что познание вещей человеческое есть самое совершенное то, в котором познанию историческому философское последует, а после оба они просвещаются от математического. Таким образом, чего недостает в познании историческом, то доподлинно быть может. или частым повторением и опытом, или из философского познания, что в философском не достаточно, то математическое исправит, но что и в математическом простом или первом знании несовершенно, то вышняя мате-

матика довершит. Здесь говорю только о таких случаях, в которых сии знания нужны и возможны, а инако всевидцем быть невозможно. Между тем всяк может усмотреть, сколько математическое знание полезно и надобно, кто только хотя с некоторым прилежанием в науках упражняться захочет, тем наиболее, что новейшие философы все уже приняли правды свои не инако как математическим способом доказывать.

§ 33

Довольно, мне кажется, я предложил рассуждения, из которого бы знать можно было разницу и достоинство тройственного о вещах человеческого познания, то есть исторического, философского и математического. Видели мы, что уже старая философия, которой вся мудрость по большей части в словах и толкованиях слов состояла, к нынешней весьма не годится, хотя оной много сие долженствует. Познание историческое принуждены были мы на двоякое, на простое и осмотнительное разделить, из которых понятий уразумели, что осмотнительное историческое весьма совершеннее нежели простое, и то доказали многими примерами, показывая всегда, что в физике, астрономии и медицине наипаче сие разделение надобно. Философское мы познание все поставили на историческом, а математическое представили так, как свет всем прежним познаниям. Может быть через последующий труд, когда я во второй книге представлять буду правила логические, сего тройственного познания употребление и нужда наилучше окажется.

Глава пятая. Изъяснения слова философии

§ 34

Философия наука такая, в которой через разум наш и заключения от известных вещей познаем неизвестные. Сие краткое изъяснение иным образом сказано на российском языке нежели в своей философии многие учителя на латинском, немецком и французском языках говорят. Изъяснение слова, что называют ученые дефиницией, быть должно коротко, ясно и свойственно. Ибо каким образом и способом дефиниции сочинять надлежит, о том в логике самой покажется. В школах говорят, что философия есть наука всего возможного, поколику оно сбыться может. Для меня сие изъяснение очень темно и

сомнительно показалось. Сия самая правда, но обратно сказать не можем, что б все то, что есть познание возможного, поколику есть или быть может, было философия. Кто не может под таким изъяснением легко разуместь и истории? Ибо и исторические дела, которые мы знаем, так же возможны, хотя притом прошедшие. В дефиниции не сказано, что философия есть наука возможного, что было, что есть, и что может быть, но просто возможного. Почему мы видим, что сие изъяснение не одну философию значить может, но и другое нечто. Чего ради я с позволением моих читателей оставив многие изъяснения философии, которые на других языках написаны, так как несвойственный, на нашем предлагаю изъяснение новое. Когда я говорю, что Философия есть наука такая, в которой через рассуждение и заключение от известных вещей знаем неизвестные, то я конечно могу сказать и обратно, что все то знание, в котором мы через рассуждение и заключение от известных вещей знаем неизвестные, называется философия.

§ 35

От сего непосредственно два следуют разумения, которые сами себе непротивны, а оба в философии находятся, и оную почти составляют. Когда мы говорим про философию, что она есть наука такая, в которой через разум наш и заключения от известных вещей познаем неизвестные, то конечно оную разделяем на две части. Первое: на способы, которые в ней находятся, как познавать через заключения разумом нашим и рассуждением от известных вещей неизвестные. Второе: и на вещи самые, которые уже таким образом познаны и от них новые другие, которые удобно познаны быть могут.

Что есть наука философская? Есть способность то доказать правило через заключения, чему кого верить заставляют или из начал неподвижных и праведных вывести законное заключение. Но через заключения правильно что доказывать помощью логики мы можем: итак логика есть ключ всей философии. Она показывает дорогу и способ, как в философии нам с разумом нашим поступать надлежит. Что же значит начало неподвижное и праведное? Что значит законное заключение и каким образом оно установиться может и должно? Из сего видим, что соединение логики есть неразрывное с философией. Чего ради и в дефиниции оно слово науки рассуждения и заключения вошло. Что же я говорю, что мы от известных вещей по-

знаваем неизвестные, то самые вещи в философии находящиеся разумею. Таким образом через изъяснение мое, полное понятие, как мне кажется, даю о философии. Мы уже прежде приняли за основание всей философии три познания человеческих. Историческое, потому что никакому рассуждению не подвержено, того ради как простое познание не отделяем от философии, но как легкое оставляем. Философское познавается помощью логики, а математическое помогает и дополняет оное. Математика сама в себе части свои имеет, как например: механику, оптику, астрономию, гидравлику, гидростатику, аэрометрию и проч., в которых метод делает сама математика. Помощию оной мы познаем в механике, то есть в математической части силу и количество движений. Ее же помощь находим в астрономии движение тел небесных и т. д., отчего видим, что как в познании философском показывает нашему разуму дорогу логика, так и в математических частях, которые называются *Mathesis applicata*, способ и дорогу открывает *Mathesis pura*. Изъяснить я сих слов не могу иным образом, как только показать действием самим, что математика прямая называется только арифметика, геометрия и алгебра или еще одна только алгебра, потому что она в себе обе прежние части заключает, однако ж что есть действующая математика и что чистая, о том в своем месте после будет сказано.

§ 36

В философии первая та должность, что б рассуждать о том, что есть и что быть может. Все то, почему что сбывается, есть причина бытности. Философ для того только всегда должен смотреть всякого явления и всякой вещи ее причины и обратно, на всякое явление должен смотреть так, как на причину, которая то или другое от себя произвести может. Откуда и то, что еще не сбылось, можно понять, что оно сбыться может, ежели уже причина его видна. Таким порядком заключает от одной бытности в другу. Доходит он до самых дальних вещей, которые хотя еще не суть, однако ж сами в себе называются возможные. Потому в философии все возможное доказано быть может. Что же свыше понятия человеческого, то мы называем таинством или сокровением. Доказывать есть ни что иное, как показывать вещи свою причину, и не токмо то, но ежели случится две или многие вещи, которые бы по нашему мнению могли в одном времени или в одном месте быть. Философ может доказать, для чего та, а

не иная вещь случилась, например: статья может, что человек сердит на своего неприятеля или ласков к нему и его любит. Может философ и тому и другому причину сыскать, ибо как то, так и другое не может быть без довольной причины. Почему легко и то может доказать, для чего он своего неприятеля любит, а не сердит на него. Из чего следует, что в философии ни о чем так стараться не надобно, как чтоб всякое было рассуждение праведное, и чтоб всякое заключение основание свое имело на правде, для того, что философия есть такая наука, в которой все доказывать надобно через заключение, которое выводить надобно из начал прямых и бесспорных, что ежели всегда учинено будет, то никогда сомнительства никакого не сделает. Начала самые надлежит брать из опытов, что мы прежде уже называли историческим познанием. А для совершенного доказательства математика служить должна. Сие-то есть прямое средства к сысканию правды, то есть, что в опыте видим, то математикой доказать должны.

§ 37

Ясно уже видим, как далеко простирается познание историческое и математическое в философском, то есть оные два познания столько нужны в философском, что они к наибольшему нас уверению привести должны. Из опыта мы видим через познание историческое, что жар солнечный полуденный не во всякое года время на том же месте ровен и одинаков, и что на местах разной широты всегда различен бывает. От равнонощия даже до равнодействия мало помалу всегда прибывает, и обратно, от равноденствия до самого равнонощия всегда таким же образом убывает. Чего ради на всякий день жару солнечному определять надобно свой градус, который в первом случае всегда больше становится, а в последнем меньше. Вода по наклонности дна речного, с особливою быстротою и устремлением бежит, и та же самая, когда ее приводят каналом к водяной мельнице, у которого не столь великую наклонность дно имеет, с меньшей быстротой устремляется, но когда пуститься к самому колесу, тогда уже третий градус течения своего имеет. Сие мы знаем через опыты. И когда видим определенные степени скорости, силы и быстроты, то можем помощью математики и удостовериться об них подлиннее. Так слово в слово и в делах невещественных случается. Прилежание в разных людях будто бы степенями разнится. Один имеет больше

прилежности, а другой меньше. Один столько терпелив, что хотя бы какую трудную и долгую материю в книгах читал, не отстанет по тех пор от оной, покамест не поймет, а другой любит только легкие и короткие вещи читать. Буде же, что хотя несколько при начале трудно ему покажется, то тот час покинет. Кто не знает, что есть степень в добродетелях и пороках по различию субъектов? Сие все решению последнему математическому подвержено. В таком случае мы опыт или что тоже значит познание историческое за первое начало всему почитаем, и оттого свои дальние произведения и заключения делаем, а другое, то есть математическое, все учиненные заключения поверяет. Суть такие в натуре случаи, что оных причина закрыта, и их никак понять не можно. В таком случае одна только математика способствует потому, что такой случай тогда зависит или от определенной некоторой фигуры, или от некоторого количества так, что может быть тогда совсем иной бы случай был, ежели бы в нем иная фигура была, количество большее или количество меньше. Например: философа должность есть показать причину для чего пчелы в своих сотах делают шестиугольные ячейки, и для чего не иной какой фигуры. Ежели он хочет во всем быть по должности своей исправен, то надлежит ему не меньше употреблять познание математическое, как познание историческое и философское, через которое он мог бы доказать, что изо всех фигур возможных в данном случае сия выбрана так, как самая пристойная и согласная. Такие доказательства великую силу имеют в философских делах.

§ 38

В изъяснении моем имени философия я показал, что она есть наука такая, в которой через разум от известных вещей познаем неизвестные. Кроме того, что нам логика показывает и отворяет путь пространный, как рассуждать о вещах известных, и как от них приходиться в рассуждение к вещам неизвестным. Мы в философии находим удовольствие то, что можем великое или бесконечное множество вещей знать и их между собой согласие и связание. Все то, что мы понимаем так как возможное, уже философ о том рассуждать может. Я говорю о таких вещах, которые разуму нашему подвержены. Ибо когда то знаем, что нет такой на свете вещи, с которою бы не можно было соединить знания философского, то и то разумеется, что о всякой вещи философствовать можно потому, что философствовать не

что иное есть, как иметь познание философское, то есть рассуждать о причинах и прочая, как уже выше о том многократно было говорено. Сколько мы в состоянии в жизни нашей философствовать, и сколько философия в нашей власти есть, о том всяк легко удостоверен быть может. Делом самим мы усматриваем, что философы не без доброго успеха по сие время трудятся в изыскании причин всему тому, что есть и что быть может. Теперь надобно только на настоящее смотреть. Всякого, кто хочет трудиться, успех научит, сколь трудное дело есть, а особливо вновь философствовать, напротив того, когда оный усмотреть будет сколь приятное оно кажется.

§ 39

Что полезно употребление философии, о том уже никакого сомнения нет, ибо оную не только в науках людям ученым можно употреблять, но и простым людям случается ею же пользоваться в жизни равномерно, с той только отметиною, что ученые люди знают про себя, что они философствуют, и для того поступают по некоторым к тому учрежденным правилам, а простые то же самое делают в повседневных случаях, не думая, что они философствуют. Когда ученый человек обязан или разумный от известных вещей поступать умом своим далее к неизвестным, то рассудить надобно, сколько же такое умствование или философствование потребно в таких науках, в которых разум один достохвальные опыты показывать должен. Юриспруденция, медицина, а к тому и красноречие разумом и умствованием философским наполнены быть должны. Так, например, в юриспруденции обучаются прав и законов натуральных и гражданских, но когда тому есть причина, для чего сей, а не иной закон гражданам предписан, для чего сей, а не иной указ в народе опубликован быть должен, то потому можно сказать, что есть и наука такая, которая изъясняет натуральным образом те причины, для которых что бывает и оная называется философия юридическая, ибо мы прежде уже сказали, что всяк, кто причины вещам выискивает и оттого новые следствия выводит, тот философствует. В медицинской, или по нашему докторской, науке речь идет о здравии человеческом, о болезнях, о том, что здравие человеческое сохраняет и что отвращает болезни. Но когда есть тому причины прямые и подлинные, что человек здоров и что человек болен, для чего то или сие сохраняет человеческое здравие, то и сие лекарство болезнь отвращает, то видим,

что и тут надобна такая наука, которая изъясняет всего сего причины и потому должна быть философия и в медицине. Словом, во всякой не только науке, но и во всяком художестве надобно, чтоб были свои причины, и надобно, чтобы оные через философствование открывались. Возьмем такое рукоделие, которое бы непохоже было ни на какое искусство. Например, дрова колоть, сего рукоделия уже нет подлее, но и тому есть причина, для чего они колотьяся могут и для чего токмо клином или топором быть сие должно. Силу клина и тех ударов, которыми он посылается, легко можно математикой доказывать. Не сказал бы кто, что я знание сие на тех взыскиваю, которое простою работою питается. Я только примером говорю. Почему можно видеть, что и сего толь подлого рукоделия есть познание философское и математическое, так что первое из последнего подлинное и совершенное свое известие имеет.

§ 40

Здравое рассуждение нам ясно представить может, что мы легче и способнее то можем употреблять в пользу нашу, что понимаем познанием философским. Напротиву того, познание историческое, как я прежде показывал (§ 18) часто нас к великой ошибке приводит, потому что мы тогда не рассуждаем о причинах, но смотрим только просто на вещь. Видит например кто, что ежели кол возьмет осиновый и воткнет в землю, то даст от себя корень и ростки пустит, да хотел бы тоже сделать и с березовым или дубовым колом. Труд его подлинно будет напрасный. Ежили кто старается сыскать тому подлинную причину, для чего так делается с осиною и с другими тому подобными деревьями и травами, и для чего не может то же сделать с березой, тот, конечно, напрасно не станет трудиться над березою и дубом для того, что он уже ведает про ту особенность, которая в осине находится. Некто францискан монах, именем Мирандола особым искусством выращивать дерева целые из листьев одних только лимонных и померанцевых умел. Тому же пробы не без доброго успеха при Санктпетербургской Академии покойный профессор ботаники Амман⁵⁸ делал, а многие трудились в немецкой земле напрасно, для того, что они не знали того секрета, в котором все сие искусство заключается, то есть не знали философствования того, которое при сем случае быть должно. В нравоучительных и политических делах и по сие время совсем оставлена еще философия. Я не хочу говорить о

наших судных делах, которые иногда с правилами философскими не соединены, но особливую форму по способности народа и по нужде в обществе имеют. Мы видим из многих иностранных процессов, в которых хотя дело и прямою дорогою пошло, хотя умные люди и философствуют, однако ж всегда конец еще сомнителен бывает. От чего сие бывает? От того, что когда или по пристрастию или по незнанию одно, что лживо будет рассуждено, то от того все заключения пойдут ложные. Так мы склонны бываем к милосердию, для чего? Для того, что к чувству нас приводит бедного бедность. Напрасно бы убогие тем себя льстили, чтоб всякому без разбора представлять и описывать свою бедность. Не у всякого столько есть понятия, что б мог тотчас чувствовать их бедность, и в сем случае философствовать. Ибо иногда милосердия в иных совсем не находят, а иногда к посмеянию и ругательству через представление своей бедности возбуждают. Тот, кто имеет философское познание знает уже, что в том человеке милосердие быть не может, который любви не имеет к бедным и для того и не покусится одним только представлением своей бедности склонять такого к милосердию, или по крайней мере буде начал, то надежды не имеет пользу из того видеть.

§ 41

Ежели мы о какой одной вещи имеем познание философское, то оно можем и в других вещах с таким же добрым успехом в жизни нашей употреблять. И хотя не всегда, однако ж по меньшей мере больше нежели то знание, которое мы понимаем о какой вещи только исторически. Но сие в таком случае бывает, когда причина вида находится в роде. Положим, что род есть животное, а виды — разумное и неразумное. Разумным животным мы называем человека, который душу разумную имеет, а неразумным — скотов, которые без разумной души пребывают. Такой человек, который только познание историческое имеет, ежели через свое историческое знание ведает например, что животное неразумное говорить не может, то он не может далее и заключения своего производить, как только к тем вещам, которые того же вида, то есть ото льва к слону, от слона к собаке, к птице, к рыбе и проч., ибо все сии суть одного вида животные неразумные под своим родом животные, а к другому виду, то есть к человеку, так как к животному разумному того заключения производить может. Но человек, который познание философское в

таким случае имеет, знает, что возможность говорить от того происходит, что род животных не всякий имеет те органы или уды, которыми бы он говорить мог. Следовательно он может заключить от одного вида и вообще к роду, то есть может сказать, что и всякое животное, хотя неразумное, хотя человек, хотя скот да ежели удов к говорению не имеет, то и говорить не может, для того, что мы видим многих и людей, которые говорить не могут и с природы немь. Почему о животных вообще сказываем, что они или говорят или не говорят. Кратко сказать, тот кто историческое познание имеет только, ежели он одного человека увидел, что он имеет способности говорить, то и о всех людях генерально тотчас скажет, что все люди говорить могут, или, ежели птицу увидел, что не говорит, то и все птицы, скажет, что не говорят. Но тот, кто философское познание имеет, знает подлинную причину, отчего то в животном вообще бывает, что иное говорит, а иное не говорит. То есть в одном уды причены к движению, а в другом — нет. Итак, он знаючи и тому и другому причину заключить может совсем противное. Он иногда скажет, что и человек говорить не может и птица говорит. Я в сем примере не инако принимаю говорение, как только выговаривание слов. Ежели о какой вещи познание имеем философское, то оно можем употреблять и в других вещах, буде того только вида в роду причину сыскать можем, то есть, буде только узнаем, от чего вообще животные говорят или не говорят, то и заключим от одного животного к другому праведное мнение.

§ 42

От сего следует, что философское познание, как уже мы и прежде о том показали, есть прямой путь к познанию вещей, ибо когда я ведаю, что о скоте, дереве, камне и проч. вообще, то ведаю уже тоже и о всех сих вещах особно. Чего ради не только польза из того происходит, но и забава непосредственная. Как тот человек не пользу приносит в жизни себе, который зная вещам или случаям многим причины, легко может и к другим вещам праведные заключения делать. Мы уже по натуре так сделаны, что всегда тем веселимся, когда нечто знаем, чего другой не знает, а философ, который всем вещам и их бытностям знать должен причины, в том наипаче перед другими незнающими преимущество имеет, что чувствовать может, сколь великая ему из философии его утеха. Такую его забаву я не знаю, может

ли кто иной понимать кроме того, кто сам несколько себя сей науке сделал уже участным. В сем случае мы можем видеть, что и между философами есть великая розница. Один больше вещам знает, другой меньше, и потому один больше философ, другой меньше. Да и быть тому иначе не можно для того, что не всяк все понять может. Посмотрим же притом и на множество вещей, о которых философ рассуждать может. Увидим тотчас бесконечное. И не только то, но еще различные роды философской науки, которые суть части вообще всей философии. Один мыслит о телах чувствительных, и делает заключения к телам нечувствительным и к таким, которые бы только быть могли, и что делает один вообще, то другой о всякой вещи особенно. Иной старается о духах, о страстях человеческих, разбирая все сие подробно, а иной предписывает законы натуральные, по которым человек сам с собою поступать должен и с ближним своим, какую должность он имеет к Богу, государю и обществу в житии общем, домашнем, сыновнем, рабском и прочая. Итак никто о себе не может сказать, как бы он ни учен был, что он совершенный философ. Когда он искусен в одной части философии, которая сама по себе бесконечна, то недостаточен будет в другой.

§ 43

От сего разуметь должно, что философами хотя и называются учителя, которые рассуждают о причинах всех вещей вообще, однако ж в таком разуме не можно принимать имени философа, чтоб он был всеведец и во всех частях философии равно был искусен. Довольно, когда он генеральное нечто о философии всей знает, и получив некоторое вообще искусство, определить себя к некоторой части философии опасно. Чтоб человек сколько был искусен во всем познании вещей в мире пребывающих, чтоб погрешить никогда не мог, того иметь невозможно, но и тот уже человек в философии искусный называется, который имел познание вообще о философии, имеет способность о всем том, о чем он прежде не думал, праведно мыслить. Сие есть великое познание, к которому через великий труд и долгое время привыкать надлежит. Итак, кто только предложения философской науки знает наизусть, а доказать истинность оных не может, тот оную знает так как историю, и потому он о философии не философское познание имеет, но историческое. Как же я могу такого назвать философом, который не зная правил и предложений

философских истинности, никаким образом философии своей употреблять не может к изобретению новых вещей? Равным бы образом я погрешил в том, ежели бы того математиком совершенным назвал, который по нашему обыкновению выучил арифметику, геометрию и прочие части математики, но без всяких математических доказательств, не ведая сам того, каким образом и для чего решение то или другое бывает праведно, отчего и сам нового никакого изобретения в математике сделать не может.

§ 44

Не вовсе я откидываю такое философии и математики знание, которое называть должно историческим, но еще соединяю с оным великие пользы. Кто хочет в философии своими мнениями дале поступать, тому сие необходимо надобно, чтоб все философские предложения крепко наизусть затвердил, дабы без дальнего труда обо всяком мог припамятствовать в случае потребном. Историческое философии познание чем тверже, тем больше оно можно употреблять в жизни человеческой. С философскою наукою равно случается как и с математикой. Кто у нас не видит, что многие арифметику практическую в разных случаях с наилучшим успехом употребляют, хотя доказательств тех всеконечно не знают, которыми истинность своих действий в потребном случае доказать должны. Мы видим, что многие архитекты, геодезисты, инженеры и проч. наилучшим образом отправляют свою должность через одну только практику, и решать свободно все практические измененные задачи, хотя их и не могут доказать. Однако ж, что б всякое решение уметь доказать, сие пользу еще большую могло бы им приносить, но не всяк способность такую иметь может, чтоб получить познание в философии философское, а в математике математическое, хотя сие необходимо было потребно. Со всем тем я уповаю, что и такие люди, которые по исторически научатся философии, могут причтены быть к числу последних ученых людей, для того, что они получают первый градус наук, сами могут распространяться своим разумом и разыскивать праведные причины своим предложениям и доказательствам. с такими людьми, которые по исторически желают быть научены, надобно особым порядком в обучении их поступать. Невозможно им с самого начала всякое предложение с доказательствами показывать таким образом, как Вольф свою философию предложил, но всегда полез-

нее им будет, ежели сперва все предложения, правила, изъяснения, следствия и задачи историческим образом представлены будут, к которых именам и действиям должны они привыкнуть, а потом оные ясным образом надлежит доказывать. В сем случае легче понять можно доказательства, а в доказательствах уже то разумеется, что ученик должен знать очень твердо предложение то, которое ему доказывается. Кто прежде в том искусен, тот при доказательствах самых трудных великое облегчение чувствовать может, и в науке философской с лучшим успехом делать прогрессы.

§ 45

Примечать мы еще должны, что тот, кто про философию или наслышкою знает или способною памятью многие предложения наизусть затвердил от чтения и помнит оные по исторически не может никогда быть судьей в делах философских. Кто спор какой в философии хочет развести, тот должен доказать, согласно ли сие заключение с прочими заключениями, и в чем оно состоит или согласие или несогласие. Но такое знание мы не приписываем тому, кто познание о философии имеет историческое, и для того не может и судьей в философских делах быть. Однако ж мы иногда противное видим, да и нередко. Кто не рассуждает у нас об ученых делах? Кто не диспутствует, когда только малую самую частицу сея науки ухватил или наслышкою в компании, или по случаю из чтения? Ведаю, что для тех, кто в философии и вообще в науках мало или несколько искусен, сия наука не столь тяжела быть кажется, но и я говорю, чем глубочае в оную вникнуть, тем большие трудности окажутся.

§ 46

Есть еще между таким человеком, который по исторически философию знает, и таким, который знает по философски, то есть всякого предложения умеет истинность доказать, среднее некоторое знание, которое не может уже назваться познанием историческим, а не доходит еще до философского. Я почитаю в таком градусе тех людей, которые знают философские предложения по исторически. Знают их истинность, но не через доказательства, да через опыты или примечания. Ибо они доказательств самых, которые бы состояли в одном разуме нашем, понимать не могут. Что прямой философ знает доказать через заключение по разуму, то сей по опыту и при-

мечанию. Я бы желал, чтоб те, которые столько способности не имеют, или времени им не достает, всякое философское мнение разумом понимали и доказывали, и, желая получить некоторое знание философии, могли прийти хотя к сему градусу философскому. Многие оптические знания доказываются экспериментами, потому, что их доказательства состоящие в разуме одном, не столь легки, что б всяки мог или хотел понимать. Мне и самому рассуждается, что первый и самый лучший градус философствования — эксперименты или опыты физические. Много можно в философии пользы найти, ежели она предлагается добрым порядком и нетрудными словами. Таким образом я стараюсь служить охотникам до наук философских. Однако ж о предприятии моем конец дела больше удостоверит. Надобно к тому и доброе частей философских разделение, что б всегда от легких правил и предложений к дальним и труднейшим поступать. Тот, кто память благополучную имеет, перво бы упражнялся в затвержении одних правил и предложений философских, не рассуждая еще о том, почему оныя, но верил бы слепо. Потом показать ему должно опыты философские и заставить его самого или ввести в него охоту делать философские примечания, по которым бы он о истине философии уверен быть мог. Напоследок должно ему самую науку показывать, которая разумом одним только поднимается. Итак, всей философии порядок начинается от логики, в которой правила показываются к философствованию, переходит в физику, где эксперименты, а напоследок кончается моральной или нравоучительной философией. Первую часть в школах называют философией инструментальной, другую философией теоретической, а третью — философией практической. Таким порядком я намерение принял предложить знания вообще касающиеся до философии на природном нашем языке, надеясь через сие хотя несколько защитит наш язык от того порекания, будто бы он собою недоволен был к предложению философских наук. Искусные и ученые люди не совсем может быть довольны будут толкованиями моими, так как и ожидать от меня иного успеха невозможно, но я тем веселиться буду, что возбужу в них может быть охоту поступать далее к исправлению моему и к пользе народной. В сих кратких строках, что можно было предложить вообще о философии, то я уже учинил. В следующей части покажу начало и приращение от времени до времени науки философской.

Часть вторая. О начале и приращении философской науки даже до нашего времени

Глава шестая. О философии варварской

§ 47

Из прежде предложенных рассуждений о философии можно довольно рассудить, сколь сия наука полезна в жизни человеческой. Чего ради прежде нежели к правилам логическим приступим, потребно я еще рассудил дать подлинные известия о начале и происхождении философии по самое наше время. Здесь я покажу разделение ее по временам и розницу, места, где она прежде началась, пребывала и до которого времени, имена всех знатнейших в ней учинителей, секты все и их последователей, а при том не оставлю вкратце и о том, упомянуть, в чем оных наиболее учительство состояло, какая отмена и какое согласие с другими было.

§ 48

Для лучшего представления разделим историю философии на три части: на философию *варварскую, греческую, среднего века и новую*. Сие бесспорно, что варвары и самые старинные времена прежде всех других народов великие были в философии учителя, и что прежде нежели греки в том прославились, с несказанным уже тогда удивлением они философствовали. Между всеми старинными писателями один только Диоген Лаерций⁵⁹ спорит сему, доказывая весьма несильно, который будучи грек природою, больше любя свое отечество, отнимает честь у варваров, а приписывает нации своей. Чрез варваров я разумею все прочие азиатические народы, которых так называли греки. Следовательно, не выключая из них и народ иудейский. По большей части их философия к нашим временам пришла через предания: ибо все варвары один другому так покидали премудрость свою, что преемники не инако оную почитать были должны как предание. Чего ради от них не можно многих в кратком времени ожидать было изобретений, но надобно, чтоб они от своей философии чрез долгое расстояние времени пришли у других народов в толь великую славу, в каковой они тогда находились. Не надобно притом думать, чтоб они очень были сублильны и тонки тогда в своей философии, как философы ны-

нешние; хотя при том то нам кажется больше и удивительнее, что давно уже миновалось. Как было тогда быть столь ученым людям, когда всяк за закон почитал старшему себя последовать, напротив того за беззаконие и великую дерзость вменяли отменять те предложения, которые от предков вымышлены. Потому не могли быть тогда и новые изобретения. Есть однако ж из нынешних ученые люди, которые противное сему думают и почитают варварских философов за превеликих полигисторов или за таких людей, которые во всех науках совершенно были искусны. Но основания к сему мнению никакого не имеют.

§ 49

Иудейский народ есть самой первый, которой упражнялся в премудрых философских делах, и между всеми другими варварскими народами в том славу и честь первую имеет, как видим из Святаго писания, начиная от Адама и Ноя, премудрыя книги Моисеевы, Давидовы, Соломоновы и других. Их премудрость состояла в самых главных и житию человеческому не только временному, но и вечному преполезнейших делах, как то в истинном Бога познании и богоугодном нравоучении, а не в физических умствованиях. Довольно бы, кажется сего знания было для благополучия человеческого, ежели бы только в оном одном упражняться наша должность была. Но как все твари для человеческой же пользы созданы, то и то не без нужно человеку показалось, чтоб тех вещей, которые для его угодности созданы, рассмотреть причины и сложение, как для лучшего употребления, так и для славы и удивления премудрости создателя их. Сия то часть в философии называется *физика*, о которой нимаго знания в народе иудейском не видим, хотя Кирхер, Иоганн де Пинеда⁶⁰ и другие некоторые пишут, что иудейские патриархи во всех науках философских как практических, так и теоретических были люди весьма ученые. Есть некоторые из нынешних ученых людей, которые еще мнения свои приписывают Моисею и другим иудеям, а особливо Дикинсон⁶¹, англичанин в книге о старинной и правдивой физике в Лондоне 1702 в 4 на лат[инском] [яз]ыке. Также безымянный некто доказывал, что будто Моисей Коперникову систему почитал и проч. Для сего незнания в физических делах народ иудейский от прочих умствующих народов в некотором был тогда презрению. Почему не можно думать, как другие говорят, что б у

Пифагора и Платона, все, что они ни говорили, не свое было, но мнение иудейское. Смотри о сем Иог[анна] Клерика письмо критическое 7, Иог[анна] Фабриция Греческую библиотеку кн. 2, гл. 12 § 2 стр. 450, кн. 3, гл. 1, стр. 40; Никол[ай] Гиерон[имус] Гундлинга «Истории философии нравоучительной» гл. 7, § 1, стр. 74⁶² и следующие, которые все доказывают ясно сего невозможность. Такая в физических науках по их мнению простота в народе сем пребывала до первого разорения иерусалимского. Но когда они возвратились из плена вавилонского, то почали и в греческой философии по несколько умствовать, отчего произошли в сем народе секты фарисейские, саддукейские и ессенские⁶³, которых всех Иосиф жидовин в книге 2 «Войны иудейской»⁶⁴ почитает за философов тогдашних. И еще не довольно того, но он в житии своем в томе 2 во второй части дел своих фарисеям приписывает стоическую философию, саддукеям эпикурскую, ессенам пифагорическую, о которых мы в греческой философии яснее покажем. Между тем, видеть в доказательство нашего мнения можем еще великие знаки философии пифагорической в Каббале жидовской⁶⁵, о которой все жида ученые очень спесиво ныне говорят. Вся сея Каббалы система есть пифагорическая и платоническая, а не жидовская, как люди ученые разумеют, однако ж признана от всех ученых людей за особливую секту жидовскую. Сите слово *Каббала* взято из еврейского языка *Кибель*, что у них называется *предал* или *научил*. И так как каббалисты такие люди, которые всю науку полагают в преданиях предков своих, или в таких науках, в которых, как они сказывают, замыкаются все таинства их прежних законов и особливо то, которое у них в имени Божиим *Егова* закрыто и которого они выговорить не могут. Чего ради и поныне у них учат сие слово *Егова* не читать так, как оно в Библии написано, но выговаривают Адонай вместо того. Также замыкаются таинства гиерархии небесной, то есть священного небесного правления и оттадывание чисел и проч. Они учат, что секрет Каббалы открыт был одному только Моисею на горе Синайской, и что оный от отца к детям словесно переходя остался без повреждения даже до наших времен в их только народе, а на письме его иметь никому не позволено. У них толкуют, что будто каббалистическая секта началась от самого воплощения сына Божия, и много притом толкований христианству противных делают, безумное рассуждение! Первый автор каббалистической секты Симон Иоахов⁶⁶ сын, ибо прежде его нико-

го знать не можно, о котором сказывают, что он жил немного задолго до разорения иерусалимского через Тита Веспасиана⁶⁷. Жиды о сем Симоне Иоахове и некоторые христиане думают очень высоко. Но многие думают, что он жил в десятом столетии после рождения Христова. Каббалисты разделяют сию науку на теоретическую, которая не состоит в ином, как только в умствовании изобретать сие таинство или секрет, и на практическую, которая состоит в астрономическом угадывании будущего, что у них называется талисман, в познании созвездия, в волшебстве и в изыскании камня философского. Ибо по рассуждению всех разумных и ученых людей, Каббала есть источник всех пустых преданий, яко то волшебства и прочего тому подобного. Есть очень много и поныне жидов, которые каббалистической науке много верят, однако ж, которые поразумнее, те за враки и сказки почитают. А многие, которые по ней волшебствуя призывают всуе имя Божие и ангелов, дабы чрез то больше тем жидам, которые попростяе, показать дела чрезвычайные и чудеса. Можно видеть однако ж некоторые следы, что каббалистическая секта свое основание имеет на философии пифагорической и платонической, как я выше упомянул и что некоторые жиды основания оные смешали с мнениями своей нации и наполнили, или, лучше сказать, обременили сновидениями, которые происходили от празднотелия и суеверства. Во первых веках церкви христианской еретики наипаче верили суеверствам каббалистическим. Валентинианы⁶⁸ наиболее участники таких мнений были. Находятся и поныне древности и медали, на которых вырезаны фигуры гиероглифические, которые весьма подобны талисманам жидовским. Можно видеть так же некоторые у них фигуры, которые по латыни называются амулеты. Оные употребляются вместо лекарства, которое вешают у младенцев на шею и у животных для отвращения всякой болезни, а наипаче для заговоров. Кирхер, иезуит, который много в том трудился, чтобы ясно растолковать их задачи, описывает все сие пространно. Он разделяет каббалистическое учение на три класса, которые называются гаметрия, нотарика и темура⁶⁹. Гаметрия показывает толкование слов, которое делается через переложение в слове литер. Например, в книгах Моисевых «Исход» написано *и предеидет тебе Меллах*, то есть *ангел мой*. Каббалисты толкуют, что здесь ангел *Михаил* разумеется, для того, что литеры в слове *Меллах*, когда переложены будут с их точками еврейскими, то будут *Михаил*. Нотарика учит,

чтоб делать из всякой литеры особливое слово, которое содержит в себе то же число. В псалме написано 3-м: «Мнозии воссташа на мя»⁷⁰. Слово *мнозии* состоит из одного *Р*, из одного *Б*, из одного *И*, из одного *М*, откуда каббалисты разумеют, что сие означает римлян, вавилонян, ионический в Греции народ и мидян. Они также говорят, что слово *Макон* тоже значит у них, что *Иегова* для того, что как в слове *Иегова*, так и в слове *Макон* в литерах их тоже число 186 находится. *Темура* или *Зируф* состоит в перемене литер, которые, если переложить другим образом, не прибавляя и не убавляя других, то выйдет из того иное нечто. Возьмем что ни есть из русского языка. Пишется, например *лето* из четырех литер, а из тех же самых можно написать *тело*. И так в жидовском языке часто случается, что находятся такие слова, которых они не разумеют, но в таком случае каббалисты смотрят, не можно ли из тех самых литер без прибавки и убавки иных выбрать что ни есть также, чтобы кстати разуместь было можно. Почему видим, что каббалистическое учение в сих трех частях служит только для забавы невеликих умов, и что такие их толкования делаются по произволению. Ибо из того же слова *Мелак*, когда оно по еврейски с точками написано, можно не только выбрать слово *Михаил*, но и *Хамиель*, *Химель* и тогда будет значить *беса* или *ангела язвы*. Так равномерно вместо литер начинающихся *Р Б И М* можно вместо римлян, вавилонян, ионов и мидян читать раввинов, бактриан, итальянцев и моавитов и прочая. Все сие учение признавается наиболее за вымысел новых раввинов, то есть еврейских законоучителей. Читать надлежит Рейшлина⁷¹, Морана, Афанасия Кирхера и многих других, которые о Каббале пространнее писали. О нынешних жидках ничего уже в рассуждении наук их заподлинно сказать не можно. Народ сей ныне как безвестный по свету скитающийся, ничего точного иметь не может. Собственных у них философских училищ никаких нет, а буде и есть где какие, то или в талмудских преданиях больше состоят, или, буде которые в философии умствуют, Аристотелевой последуют философии и помянутой каббалистической. Та только собственная учителей их отмена, что ни одной части философии аристотелической не оставили они, которой бы по примеру арапских учителей, не прикрыли своими еврейскими рассуждениями. О чем многие люди ученые свидетельствуют.

§ 50

Египтяне после иудеев уже в науках моральных славу себе получили. Некоторые из ученых людей, а особливо Маршам и Шпенцер⁷² свидетельствуют, что иудеи от египтян себе премудрость и хитрость в науках получили, а не египтяне от иудеев, ссылаясь на Деяния Апостольские, в которых упоминается в гл. 7, ст. 22⁷³, что Моисей изучился всей хитрости египетской: однако ж рассуждать надобно, что чрез хитрости разумеются науки математические и физические, и что премудрость человеческая пребывать может и без сея науки, и потому кто с прилежанием чет моисеевы пророческие книги, тот легко может рассудить, какая разница между египетскою хитростью и премудростью иудейской была. Как мы видим Священное Писание, которое нам показывает, что иудейская премудрость состояла в истинном богопознании и богоугодном нравоучении, так напротив того, многие знаки еще до сего времени остались, что египтяне были искусны в одних только хитростях, а не в нравоучительной философии. Свидетельствуют сему наипаче столпы старинные, камни и пирамиды египетские ужасной величины, что египтяне особливо тщились о геометрии и других как знанию, так и действию подлежащих математических частях. О богословии их и философии нравоучительной пишет Ямблих⁷⁴, что сии науки совсем у них на пифагоровом основании были. Можно догадываться такожде, что у них и физическая не совсем оставлена была наука, в которой они не много трудились, но один от другого как предание принимал, однако ж при том видно, что они под прикрытием оную великим содержали, или старались об ней темными словами и знаками говорить, ибо все, что о физике их знать можем, то только осталось в их иероглифах или загадках, которые видеть можно в Горapolле изданном чрез Давида Гершелия в Авсбурге 1595 на латинском языке в четверть⁷⁵. Плиний, историк натуральный, где пишет о столпах египетских удивительных и от избытка имения сооруженных, тут же и о том упоминает столпе, который Августом перевезен в Рим и поставлен на площади, сказывая притом, что как сей, так и другие в Риме из Египта в разное время перевезенные, расписаны натуральными фигурами, то-есть зверями, птицами, гадами, но которые фигуры по толкованию египетскому не что иное значат, как физические и философские вещи. Смотри в его книге 36, гл. 9, 10, 11, 12⁷⁶.

§ 51

Про Халдеев Диодор Сикул⁷⁷ пишет, что во всю свою жизнь философствовали: кн. 2, гл. 29. Всей их премудрости начальник был Зороастр⁷⁸, о котором ничего почти заподлинно знать не можно, то только кажется известно, что они не прежде стали египтян философствовать. По сие время никаких почти писем от них не осталось, кроме некоторых оракулов, которые собраны от Гемистия Плетона, Михаила Пселла и Франциска Патриция на лат. языке⁷⁹, однако ж Алберт Фабриций в своей библиотеке⁸⁰ не без основания почитает оные по большей части за подложные. Смотри его библиотеку греческую, книги 1, гл. 36, § 10. Между тем, можно видеть из сих оракулов, что некоторые из них прямую их халдейскую показывают философию, из которых можно разуметь, их многие чудеса, явления, многобожие, духи и ангелов их. Они умствовали, что от предвечного бога произошел первоогонь или свет сверху небесный и бесконечный, от которого все другие чины тварей и существ по три вдруг произошли. Тоже почти самое платонические философы думали чего ради особенного ничего, или что бы было христианское от Зороастра халдейского заключать мы не можем.

Пишет также в кн. 2 Диодор Сицилийский⁸¹, что халдеи натуру мира за предвечную почитали, и что она никогда начала своего не имела, также, что мир не от Бога создан, но он сам Бог есть, и прочия тому подобные безумия. Не много такожде видим премудрости и из хитростей их астрономических, астрологических и других тому подобных, о которых пространно пишет Станлей в истории философии восточной на лат. языке части 2, главе 27 и проч.⁸² и также месопотамский монах Марк много о бесах их пишет, которые напечатаны через Пселла на лат. языке⁸³.

§ 52

От халдеев перешла философия к персам. Их умствования также начальник был Зороастр, только иной, а не тот, что у халдеев, ибо в истории находим многих сего имени людей. Сей Зороастр целым веком после халдейского жил и был в одно время с Дарием царем персидским, сыном Истаспа, который низверг тиранство магов или волхвов, и когда между собою их шесть человек бунтовщиков выбрали конским ржанием на царство, то он хитростью и проворством

конюшего своего избран царем Персидским, потому что его конь прежде всех других заржал. Пишут о сем Зороастре некоторые, что он в превеликом почтении у Персидского народа был за свою премудрость. В философской науке великие у них учителя были волхвы, о которых притворстве, науке астрологической и придворной силе много находим свидетельства в старых писателях. О богословии они кроме безумия ничего иного не говорили. Известно, притом, также то, что от их умствования в триста лет после Рождества Христова произошло манихейство⁸⁴. Сей ереси был основатель Манис, которого история есть следующая. Терebinт, ученик Скифиана Волшебника, принужден был бежать из Палестины в Персию и там нашел всех ученых людей противниками своей науки и своим намерениям, чего ради принужден был скрыться в доме к одной вдове и там убит. Сия вдова, получивши наследие, деньги и книги Терebinтovy, купила себе эсклава⁸⁵ или раба, который назывался Курбик, и которого она после, усыновивши, обучила всем тем наукам, которым научиться можно было в Персии. Курбик после смерти вдовы переименовал свое имя, стараясь закрыть подлость рода своего и прозвал себя Манис. Страшно и вспоминать его ереси, однако ж вкратце объявлю для вящего презрения безумное его учение, которое описывают церковные учителя Августин, Эпифаний, Феодорит, Евсевий, Кирилл и прочие светские писатели Пратеол, Сандер, Бароний, Годо, Генебрард и Филастр⁸⁶. Он себя называл апостолом, наполненным духа святого. В учении своем два основания полагал: добро и зло. От одного происходит добрая душа человеческая, а от другого злая, такожде тело и все твари вещественные. Не исповедовал воскресения мертвых и отменял брак, позволяя, однако ж жить своим ученикам во всех скотских сластолюбиях. Запрещал делать милостыни и подаяние тем, которые не его ереси были. Приписывал похотные движения плоти злой душе, и уверял по учению Пифагорову, что души переселяются из одного тела в другое. Притом сказывал, что души учеников его восходят на небо по элементам, сперва на круг Луны, а оттуда на круг Солнца для очищения своего и там соединяться с Богом. О душах же тех людей, которые его учению не последовали, рассуждал, что им место в аде, и там говорил, что они преселяются де в другие тела. Утверждал злочестиво наитяжчайшие ереси противу христианства, и о них распространял безумие свое, о которых упоминать пространно не место и не нужда. Да и что может от такого скверноучителя про-

изойти доброго, который книги Священного писания принимал те только, которые ему нравились? Яйца, сыр, масло, молоко есть и вино пить запрещал, сказывая, что сие сотворение от худого начала происходит. И много тому подобного в законе и в политических делах бредил. Невозможно почти изъяснить все заблуждения сего безумного учителя, о котором Лев Папа Римский говорит, что *Демон, имев царствие свое во всех ересьях, создал себе крепость и поставил престол в Манихее*, в котором он царствует не одним и единственным каким-либо беззаконием, но всякими злочестиями и бешенствами, которые только слабый ум человеческий постичь может, ибо все, что язычники имеют беззаконного, жида телесного, волшебнические тайности непозволенного и еретичества кощунного, истекло из манихея как из смрадного сосуда. Смотри в лексиконе морериевом⁸⁷ под именем Manes. Такое его злое учение уплачено в его жизни равномерным возмездием, ибо он живой по указу царя персидского растерзан на части и тело его повержено зверям на съедение. Смотри Вольфа в трактате о манихействе прежде манихеев и в Лексиконе критическом Белевом⁸⁸ под словом Manicheus. Есть еще и до сего времени в Персии остатки их науки, ибо находятся у них учителя, которые старинной философии волхвов последуют. Такие у них учителя и поныне называются Гауры.

§ 53

Были также и у арапов свои учителя, которые тем же именем волхвы назывались. Плиний пишет историк, что волхвов как персидских, так и арапских вся хитрость и наука состояла в толковании снов, в угадывании счастья, в пророчествах лживых и тому подобных обманах. Неудивительно то, что они в превеликом почтении были у своих народов, как то мы видим в священном писании, а особливо в пророчестве Даниловом во время Дария и Кира, царей персидских. Причину к тому легко могло подать их первое начало науки. Оно произошло, как многие старые писатели думают, от докторской науки, в которой они всегда были искусны. Простые люди об них думали, когда они успех добрый в лекарствах показывали, что такое знание не от человеческой силы происходит, но от некоторой божественной. К тому ж умели много рассказывать и показывать о себе, сколь они сокровенные дела знают, которые по склонности простой народ к суеверствам за удивительные и непостижимые разуму чело-

веческому почитал. Употребляли они при своих рассказах математические и астрологические задачи, которыми, по видимому, легче простой и неученый народ к удивлению приводить могли. Таким образом, они столько овладели простотою своего народа, что еще и в Плиниевое время, то есть в первом после Рождества Христова веке у восточных государей в превеликой силе были. Начало и силу их ясно и кратко описывает Плиний историк в кн. 30, в гл. 1. Находятся также свидетельства в историях, что они помянутою своею хитростью престол иногда получали. Так, мы видим в Евангелии у Матфея Евангелиста в гл. 2 в ст. 1. Ибо известно, что то арапские учителя, а не персидские были, потому что часто иудейский народ арапов называет восточным народом кн. Судей Израилевых гл. 6, ст. 3. Хотя сомневаться, кажется, не надлежит, что арапские учителя не мало имели премудрости, как видеть можно в книгах Иовлих⁸⁹, и в 3 кн. Царств гл. 10, ст. 1. Однако ж напоследок их похвальная премудрость и наука или вся Саббейская философия⁹⁰ на прямое суеверие обратились, кроме того, что Иовли друзья философствуют не очень остроумно о том, для чего после добра случается зло, ежели есть прредуведение: Иов гл. 4, ст. 11, 15 и гл. 13, ст. 15 и прочие, которых ученые люди почитают за учителей из секты Саббейской. Видим также, что они и о телах небесных ничего не рассуждают.

§ 54

С другой стороны пограничны были персам *индийские* учителя, которых особливим именем называли *брахманы* и *германы*, от которых остатки еще и поныне под именем *брамины* находятся в Индии. Многие о сих учителях и их учениях писали, однако ж ближе всего изъяснение их можно видеть в лексиконе Белевом французском критическом⁹¹ под словом Brachmannes. Прочие все авторы совокупно в одной книге изданы через Едуарда Биссеа о брахманах в 1605 году в четверть⁹². Учение их в том состояло, что все твари произошли от Бога, и что Бог ни что иное, как сии самые твари, то есть мир, но в конце последнем сие протяжение и распространение возвратится само в себя, или, когда оно так сократится и придет в себя, то будет последний день. И потому они думали, что все то, что мы ни видим, недействительно находится, но вид только некоторый действия имеет, и что самый мудрый человек, ежели бы никакой страсти не имел, не мог бы ничего мыслить, чувствовать и разуметь, но мыслить для того,

что какую-нибудь страсть имеет. Изрядно система их учения описана через Гобнера в предисловии к книге об установлениях императора китайского⁹³ и в продолжении сея же истории о великом *Моголе* на французском языке стр. 202. Теперь не трудно дознаться, для чего столь презрителен был в свое время сей народ к бедам, мучительствам и самой смерти за одну только добродетель, ибо видим в арриановой истории о походах Александра Великого, кн. 7, стр. 276⁹⁴, что некто индианец, Калан именем, сам себя сжег в некоторый праздник на жертву. Причина тому та, что они, почитая себя самих за тварь мира, думали, что они истовая часть божества, которая после смерти ничего не имеет опасаться, понеже через смерть свою, она возвращается так как часть к целому, то есть к божеству своему полному.

§ 55

Подобная сей из самых старых времен *китайская* была система. Та только отмена, у сих народов была от индианцев, что они почитали себя очень больше нежели индианцы. Они думали, что никто больше и выше их не умствует, и что все другие народы вершки только схватывают, а они глубоко обо всем рассуждают. Такая спесь и по сия время еще в сем народе осталась. Правда, что сей народ весьма много о исправлении нравов и жития человеческого философствовал. Но, ежели внутренне присмотреться к их философии, то все в их философии начала те же, что и Спинозины, которых еще и ныне многие последователи Конфуциевы⁹⁵, главного их в философии учителя, безумные последователи держатся. Вся наука Конфуциева, о которой многие думают, что она безмерно глубока в своем разуме, издана на лат. языке в Париже 1687 году в лист⁹⁶.

§ 56

После сих варварских учителей известны еще *финикийские Санхуниат* и *Мосх*⁹⁷ учителя. Славятся также старинные *французские и немецкие друиды и барды*⁹⁸, *фракийский Орфей*⁹⁹, но как их философия было очень темно, то и знать почти о их учениях ничего подлинного не можно, кроме физических некоторых преданий и то самых малых, как, например, *учение о множестве миров*, о *зарождении всех тварей из одного яйца* и тому подобных баснях. Смотри Философию Плутархов Плат. кн. 2, гл. 13 и Ешинбаха в Епигене стр. 95 и проч. стр. 111 и проч.

Глава седьмая. О философии греческой

§ 57

Греческая философия есть другая часть нашего разделения истории философской, о которой можем сказать, что она с большим успехом на свете показалась, нежели варварская. Правда, хотя много они у варваров переняли, или от них приняли, однако ж то в сем народе похвально, что он остроумнее и прилежнее о всех философских делах рассуждал, нежели варвары, и всегда самой справедливости или последовал, или последовать старался. Она разделена была на многие части, как будто как на многие фамилии. Одна была *философия стихотворческая*, другая *итальянская*, третья — *ионическая*, четвертая — *элеатическая*. Кроме сих были еще другие секты философские, как то скептики и другие тем подобные, о которых ниже в своем месте упомянем. Стихотворческая философия из греческих за старейшую между всеми почитается. О чем свидетельствует Цицерон в Тускуланских своих вопросах Кн. 1, гл. 1¹⁰⁰. И как многие предания их видеть можно о сотворении и других божеству приписуемых вещах, так и многие правила моральные баснями и сказками прикрыты, разуместь можно. От чего произошло, что все стихотворческие фабулы весьма разуместь трудно, так, что я думаю, и в их самое время не все прямо разуместь оные могли. Между тем произошли различные образцы и способы к толкованию их. Иные под сими сказками разумеют тайности физические и метафизические, иные за пустые рассказы почитают, а иным кажется, будто таким образом писано истинное нравоучение.

§ 58

Итальянские философы начало свое имеют от Пифагора из Самии, о котором пишут, что Олимпиады 43 в 4 год родился, или олимпиады 52, то есть до Рождества Христова за 671 год¹⁰¹. Сей в тогдашнее время премудрый человек, бывши прежде во всех землях и научась в разных местах философии, около олимпиады 67 в 7 год пришел в Италию, и там через Кротона целую Академию в своей науке учредил, из которой великое число произошло учеников его, между которыми не все были пифагоровы ученики, но были многие последователи только его. Из сих первенствующие Архитас Тарентинский, Оцеллус, Лукан, Эпихарм, Гиппарх, Филолай, Тимей Локр и

другие¹⁰². Житие Пифагорова видеть можно в Порфирии, Ямблихе¹⁰³ и других через Лудольфа Кустера изданных на латинском языке¹⁰⁴, а философию его в Шевере¹⁰⁵ о философии итальянской. Правила философии Томас Гале напечатал, к тому же нимало показывают и стихи, называемые *золотые*¹⁰⁶, его искусство в философской науке, которые напечатаны на русском языке в Примечаниях на 1740 год при Императорской Санкт-Петербургской академии наук¹⁰⁷. Напоследок то еще дополнить надобно, что не мало уже кажется, и взводят на Пифагора премудрости нравоучительной, и как думается, для того только, чтоб показать, как великие герои были в язычниках, и тем самым отвергнуть христианское нравоучение, ибо многие еще и о том имеют причину сомневаться, Пифагор ли совсем оные стихи написал, как то ясно доказывает Станлей в истории философии Пифагоровой гл. 21, стр. 699¹⁰⁸ и приписывает больше сочинение оных Епихарму, или, как Фабриций думает, Емпедоклу¹⁰⁹: см. в Библиотеке Греческой его книгу 2, гл. 22, § 6. Хотя же Пифагор, последуя обыкновению египетскому, всю науку прикрывал иными видами, так что и ученикам своим ничего не сказывал, однако ж то заподлинно от всех признается, что он геометрию, арифметику и музыку в лучшее состояние привел наиболее новыми своими изобретениями, между которыми монохорд его, пропорцию тонов показывающий, и задача геометрическая, в которой он нашел, что четвероугольник гипотенузы равен других двоих боков четвероугольникам вместе взятым, которая его именем называется, теорема пифагорическая, великую славу ему принесли. Имя философии от него изобретено, и он назвал оную знанием существ, пребывающих в мире. Всю сию науку он разделил на две части, на теоретическую и практическую. Конец философии, сказывал тот, чтоб *ничему на свете не удивляться*. Части его философии были *вразумительное* и *натуральное*. *Вразумительное*, которое только разумом понимается, как, например, о Бозе и богах, *натуральное*, которое чувствами разуметь можно, как, например, познание всех тел в мире находящихся. Про божество говорил, что оно не что иное есть, как всех в мире ожитворенных вещей душа, которая есть нам неосязаема и разумна. Под Богом разумел он еще другие духи невещественные, как, например, героев и демонов. Все то, что выше Луны, Божию предусмотрению оставлено, рассуждал, что же под Луну находится, то врал, что управляется по нашим определениям, советам, судьбами, счастьем и предусмотрением.

О мире говорил, что он не временем сотворен, но через продолжение с рассуждением и для того никогда ему конца не будет. Что касается до движения всех тел небесных, то его система, как многие говорят, совсем была сходна с Коперниковою¹¹⁰. При том, что он бредил о гармонии, или приятном согласии тонов, которые происходят от движения семи планет небесных, то можно видеть в Цицероне из сна Сципионова¹¹¹. О Земле он думал, что она, конечно, движется, только не в центре мира стоит. В самой средней точке всего мира он разумел Солнце, которое просто называл огнем, или, как по тогдашнему назывался оный *vesta*, то есть священный или божественный огонь. Однако ж сам он о сем столько сомневался, что его резоны нелегки к опровержению. Между тем и о душе человеческой не оставил он умствовать. Все то, что неведественно он существом, по латыни *Ens* называл. И так и о человеке думал, что его существо в *мысли* его состоит. Мысль человеческую он почитал за некоторую частицу само божества, а тело человеческое за узы некоторые, которыми божественная частица сия связана, почему и о смерти человеческой не инако рассуждал, как только, что она есть благополучие такое человека, в которое мысль как часть божества из своих уз разрешается. Тело человеческое он почитал не за эссенциальную часть человека. Много еще оному приписывают Станлей¹¹² и другие ученые люди, однако ж оное все больше еще пустыми рассказами наполнено.

§ 59

В тот же век философия *ионическая* начало свое имеет. Думают многие ученые люди, что *Талес Милезиус*¹¹³ философии ионической первый основатель у того *Ферецида Сирского*¹¹⁴ учился, у которого и Пифагор. Сей учитель таким же образом как и Пифагор большую часть жизни своей в peregrinationax¹¹⁵ проводил и через то, научаясь в разных местах философии, напоследок от многих греческих учителей признана за первого греческого философа и в таком состоянии он, будучи не женат, в отечестве своем, Милеете, жизнь свою в глубокой старости окончил. После Талеса последователь его учинился Анаксимандр¹¹⁶, изобретатель гороскопия, сферы, гномона, сциотера, таблицы географической, наклонности зодиака и эквинокциев. Наследники его были Анаксимен, Анаксагор, Архелай¹¹⁷, из которых последний тем славен учинился, что Сократов учитель был. Филосо-

фии ионической учителя ничего особенного в практической философии не оставили кроме Апофегматов¹¹⁸ и некоторых речей остроумных, которые приписываются семи мудрецам греческим. О физической они науке столько умствовали, что ионических философов особенно в те времена физиками называли. О начале вещей различные и весьма несогласные у них мнения были. Талес сам думал, что все вещи начало свое имеют от воды. Анаксимандр от нескончаемости природы. Анаксимен и Архелай — от воздуха. Анаксагор за начало почитал *единство множественное Homocomerian*¹¹⁹ называемое, то есть частицы бесконечные, *similaris*, противоположные, стесненные, одна другую поддерживающие и все обе собою держимые. Почему сих философов вообще не надобно еще почитать за безбожников, потому что они над всем сим создателя еще некоторого, то есть Бога признавали. Цицерон О натуре богов, 11 и 20¹²⁰. Примечания в них достойно и то, что демонов много признавали. Они же притом изобретатели многих теорем и проблем геометрических, о которых подробно Станлей пишет в части Истории фил. 1, гл. 7, стр. 15¹²¹, где видеть можно и то, что они многие верные наблюдения учинили явлений, созвездий, метеор и других вещей перемен, случающихся в натуре. И с довольным остроумием о многом рассуждали, а о многом весьма неразумно. Почему многие Талеса называют и астрологом. Между другими его рассуждениями неостроумными о феноменах, смеха достойное рассуждение, что разливание Нила происходит от ветров эфесских. Подобно тому Анаксимандр думал, что в Солнце и Луне огонь затворен тогда бывает, когда мы видим на том или другом светиле затмение. Анаксагор, хотя и за умнейшего почитался от других, однако ж он столько врал, что ныне молодому человеку, который, хотя некоторое в физике познание имеет, не можно без смеха читать философские его положения.

§ 60

Ионическая философия много очень должна Сократу, великому тогда философу, который в Афинах родился, около Олимпиады 46 в 4 года. Отец его был Софрониск, каменщик. Мать Фенарета. Перво всего сей человек с молодых своих лет начал учиться художеству отца своего, но после по способности ума почал философствовать и, поучаясь несколько у философа Архелая, о котором выше сего упомянуто, начал остроумно о всем и во всех местах между друзьями свои-

ми разговаривать. Напоследок доносителем на него был Анит Мелитский, некто яко бы он сам был безбожник, и многих тем людей молодых повредил. Чего ради афиняне ко великому своему бесславию принудили его выпить отраву. И таким образом сей славный их философ живот свой скончал. Сей первый был философ, который философскую науку в лучшее состояние начал приводить, тем наиболее, что оную очищать начал от лживых и обманных софистических заключений и от многих пифагорических пустых мнений. И как между философами ионическими многие были, которые и о физических вещах умствовали, хотя без всякого основания и все их мудрствование из пустых и смешных враков состояло, то он все такие физические учения оставя, больше старался о том, что к жизни человеческой полезно, то есть к философии практической или нравочению всю свою прилежность употребил. Между тем не можно наподлинно сказать, что б и он не довольно бредил, что касается до признаний их богословских. Изрядно он философствует о Боге, так как Создателя всех тварей, и его предусмотрении, о бессмертии души. Но как видим в Платоне его ученик мнение то, что душа прежде быть должна и при рождении человека только включается она в тело, так как в узы, то видим еще, что и Сократ довольно в себе пифагоровых басней имел. Мы ничего не имеем в нынешнее время сократова сочинения, и все ученые люди согласно в том думают, что он ничего сам не писал, но все то, что знаем о его учении, должны Ксенофону и Эхину, его подлинным ученикам. Много очень в своих Диалогах Платон приписывает Сократу, которые может быть ему и в голову не входило. За то сам Сократ не на одном месте Платоном недоволен, смотри в Лаэртии 111, 35¹²².

§ 61

Первый из сократовых учеников был *Аристипп* Киренейский, *Федо* Елиацкий, *Евклид* Мегарицкий, *Платон* Академик, и *Антистен* Циник¹²³. Сии пять разделилися на секты и всяк своей секты был первый учитель. Киренейской секты был первый учитель Аристипп, которым учитель его был очень недоволен. Он за начало всего философствования положил *роскошь*, для которой человек живет и умствует. Сие свое учение не только рассуждением, но и порядком своего жития всем представлял. В Киренейской секте философствовала после Аристиппа дочь его *Арете*, а после ее сын ее Аристипп и Анти-

патр. Первому из сих Федор Атекст, а другому *Эпитемидес* были последователи. И как Федор много новизны тогда ввел, то особливая его философия секта учинилась, которая так называлась теодорианская, и которой последователь был *Бион*¹²⁴. Но от *Аристиппа* через *Эпитемиду* перешло учение к *Паребату*, которого ученики *Гегезиас* и *Анницерис* две секты от имени называемые сочинили¹²⁵. Впрочем, вся их философия на глупых и незаконных основаниях поставлена. Они учили, что наши чувства нас во всем генерально обманывают, и все то, что мы видим и чувствуем, оно иное, а не то, что мы видим. То только прямым называли, от чего мы внутреннее или удовольствие или неудовольствие и болезнь имеем, чего ради физику и всю философию натуральную совсем отменяли. Что же до нравочения их касается, то они главное человеческое благополучие полагали в удовольствии телесном настоящем, а не прошедшем и будущем. Способность телесную способности душевной во всем всегда предпочитали. Добродетель не за что иное хвалили, как только за то, что чрез оную можно достигнуть до удовольствия телесного. В себе же самом нет ничего ни справедливого, ни честного, ни несправедливого, ни нечестного. К таким Киринойской от Аристиппа, ученика сократова секты вракам, присоединили немало безумия философы теодорианские, о которых выше в сем стихе упомянуто. Они явно исповедали безбожие чрез изданную книгу *ἀποκαρτερῶ* v¹²⁶. Смерть самовольную таким красноречием всем внушали, что многие от них довели себя до столь великой глупости, что самоизвольно в море бросались, чтоб утопиться. Смотри Циц. О вопросах Тускуланских кн. 1. гл. 34. Валерия Максима кн. VIII гл. 9¹²⁷.

§ 62

Елгацкой секты первый учитель *Федо Елгацкий*. Сей был из фамилии знатной, но по несчастию, когда он в руки морских разбойников попал; о чем пишет Лаэрдий кн.: 11. 105¹²⁸, и ими предан был льву на растерзание, то по совету Сократа через Алцибиада и Платона искуплен. По чему видеть можно, что его Сократ и Платон безумно любили. Он напротив того по смерти их новую секту учредил, в которой последователей и наследников имел, Плистона, Менедема и Асклепиада. Много еще до времени Платона исчислить можно учителей и их учений между собою равнствующих, но краткости ради должен я их был оставить; тем более, что Платоново учение всех

прежних по большей части помрачает. Сей был своей секты первый основатель и установитель Академии новой. Родился он в Афинах от родителей как пишут благородных, и будучи красноречив употребил оно на учение философское. Слушал долго Сократа. Был в Египте, и там навык довольно Гераклиеву и Пифагорову учению, сперва в Академической Гимназии, где он на дверях с прихода подписал *peto philofophiae ignarus ingreditor*, то есть, *кто философии не знает, тому пойти не позволяет он*, учить заново начал, а после в Колоней перешел, Леэртий кн. III. ст. 5, дела его в Париже изрядно напечатаны 1578 в 3 томах.

§ 63

Его наука на выборных стояла принципиях. По чему Лаэртий в кн. III, 8 пишет, что он иногда последовал Пифагору, а особливо в том, что касалось до понятия человеческого, иногда Ираклию в рассуждении того, что чувствам человеческим вредительно. В нравоучении всегда последовал Сократу. О философии говорил, что она есть наука такая, которая учит, как душу отделять от тела, приводит оную к тому, что прямо называться пребыванием может, и что мы разумом только нашим понимать можем. Смотри в вопросах Академии: кн. I гл. 8, у Цицерона¹²⁹ пространнее. Учения его физические, хотя по тому времени много просвещения в ученых людях создали: однако ныне по большей части смешны, не только, что не полезны кажутся. Между тем во многих вещах ему как первому изобретателю много мы должны. Прежде всего, он думал, что материя уже та была в своем пребывании, из которой сложению сего мира быть было должно, которую он назвал *Materia prima*, то есть вещество первое. Свойство ее, он говорил, есть то, что все вещи, в мире пребывающие, производит в свое пребывание, хотя она никакой фигуры, то есть ни долготы ни широты не имеет. Выше сей материи он, однако ж, Бога начальником поставил, который всему есть виною, и который всем вещам первые образцы постановил, таким образом, как они теперь по натуре сами собою бывают. О Божестве говорил, что Бог есть вещь предвечная и вечная, добро совершенное в себе имеющая, истинная, неизреченная, невещественная, которая материю от предвечности в непорядке бывшую привела в порядок, украсила пристойным числом, фигурою и мерою, так, что огонь положила вверху, землю внизу, а воздух и воду посреди. О всем мире говорил генерально, что он

душу имеет такую, которая от Бога будто бы не сотворена, но сама собою предвечна, и которая всем миром управляет по божию предуготовлению. Кроме сего главного божества, от которого сотворение мира произошло, разумел он еще младших богов, от первого божества происходивших, про которых он говорил, что они ему подвластны, и им поручено воспитание человека и смотрение над ним. Тело человеческое почитал за сосуд такой, в котором хранится душа, так как частица небесная. Душе же приписывалось безначальное бессмертие, для того, чтоб она, прошедши равные тела, и через то, будто очистившись, к богу возвратилась. Сие то, как думают некоторые богословы, первое начало *чистцу* Римскому, который они называют *purgatorium*, уверяя, что церковные учителя, а особливо Августин, были последователи философии Платоновой. Но понеже в римском законе оно еще многими де фабулами украшено: то несколько вид иной уже имеет. Примечание сие найдешь в Хемниции в исследовании собора Тридентского¹³⁰. В рассуждении философии моральной называл то наибольшее блаженство, когда мы уподобляемся Богу, в чем он последовал учению пифагорическому. И для того, чтоб до такого блаженства скорее достигнуть, всегда он похвалял добродетели, которые разделены, были от его учеников на многие части.

§ 64

Последователи *Платоновы* разделились на три академии. Первая от *Платона* до *Кратеса*, вторая от Арцезилая до Егезина, третья от Карнеада до Клиптомаха. В первой и старейшей славны были *Слейзилл* по сестре Платонов внук, *Ксенократ*, *Полемон*, *Кратес* и *Крантор*. Во второй *Арцезилай*, *Лацидес* Киринейский, *Евандер*, *Егезин*. В последней *Карнеад*, *Клиптомах* или *Газдрубал* Карфагенский. Была еще четвертая и пятая академия, но по свидетельству Цицеронову в Академ. вопросах кн. 1, гл. 4 их к себе не причитали первых трех академий учителя. Главное несогласие между сими сектами было в изыскивании того, в чем состоит подлинное познание человеческое. Платон, как учил, что мы понимаем вещи иные чувствами, а иные разумом, то заключал, что мы о вещах знаем помощью одного только разума, а чувства одни сами собою к тому тупы, нескоры и неспособны, и понимают всякую вещь слепо и неразумно, см. Циц. О вопросах Академии, 1, IV, 32¹³¹. *Арцезилай* учил, что мы ничего знать не можем для того, что натура или свойство вещей в них самих закры-

то. Корнеад говорил, что свойство вещей внешних не трудно было бы разыскивать разумом нашим, если бы чувства наши часто нас не обманывали и не производили часто мнения весьма противного. Такие споры между платоническими академиями по Рождестве Христове совсем утихли, но многие начали последовать во всем больше Платону, как то из Иудеев *Филон*¹³², а из христиан *Юстин* мученик, *Климент* Александрийский, *Аммоний* Саксей, *Ориген* Сирианин¹³³. Из язычников греческих многие, а именно *Плотин*, *Амелий*, *Прокл*, *Марин* и *Сидор*¹³⁴, хотя последние семь, которые были из греческого народа по большей части были Екклектики, как многие люди ученые думают. А из латинских *Апулей* и *Халкидий*¹³⁵. Между тем надобно смотреть П. Балта в защищении святых отцов от платонической секты, в Париже 1711, 4 и в мнении их о философии нравоучительной языческой в Страсбурге 1719, 40, которые писатели доказывают, что учителя церковные ни в чем не последовали Платону. Лютеране, однако ж, противного ему мнения.

§ 65

Между Платоновыми учениками славен учинился через свои дела философские Аристотель¹³⁶ называемый Стагирит. Человек был великого остроумия и достойный учитель Александра Великого, которые еще при жизни Платоновой в великую славу через свою науку пришел, чего ради по смерти его тем большую приобрел. Как скоро Платон умер, то он свою школу начал, и потому, что прохаживаясь перед учениками их учил, то его школа назвалась перипатетическая, в которой учинились ему наследники *Теофраст Ерезий*, *Страто* Лампсакский, *Ликон* Трааденский, *Аристо* Цеус, *Критолай* и *Диодор*¹³⁷. Сего учителя кроме сих последователей столь великое сделалось и между христианами наследие, что и по сие время во многих академиях философии его обучают. О разных случаях и переменах философии Аристотелевой от времени его смотреть надобно в Иог. Главное в книге о равном счастье Аристотелевом в Париже 1653, 8. Пространно упоминать о делах Аристотелевых и о его учении мне показалось излишнее дело. Но, однако ж, то, что в нем наибольшую особенность делает, в сем месте пристойно упомянуть. Первое его начало или основание в философии весьма противно мнению Платонову, его учителя, то есть что душа получает всех вещей познание через чувства, или помощью их, которые ей служат как посланники,

и которые ей о всем том доносят, что вне ее делается. Через известия те, которые ей служат как посланники, и которые ей о всем том доносят, что вне их делается. Через известия те, которые она от чувств получает, сама в себе или исправляется, или повреждается. Таким образом, вся наука, хотя худая, хотя добрая, чрез посредство одних только чувств в душу входит. Чрез сие она заключает, что душа от познания всех в мире вещей чувствительных и вещественных особно и единственно восходит к познанию вещей генеральных и невещественных. Сие основание он почитал за несомнительное и о том совершенно был уверен, что ни что в душу и в разум наш войти не может без посредства чувств. Потому что человек, говорил он, будучи таков, каков он есть, не может без помощи чувств ни о каких вещах вещественных и чувствительных рассуждать и ни малейшего об них иметь известия. Порядок, которому он последует, есть тот, что человек разумом своим всегда поступает от причины к эффекту или произведению. Августин называет сей метод, или порядок дорогою к науке. Первый сей порядок Аристотель перенял у философа *Архитаса*¹³⁸, который сам перенял у *Дексинта*¹³⁹. Дексипп первый был основатель категориям. Но потому, что сие универсальное познание вещей, основанное на познании всякой вещи партикулярно, начало свое имеет подвержено повседневной ошибке, то есть чувству, Аристотель, желая первое сие начало исправить, думал, что сделал оное уже беспогрешным через свой *орган универсальный*. Сие мнение второй его порядок или метод. В сем органе он постановил художество к доказательству, или науку особливую, чрез которую доказывать бы все было возможно, то есть силлогизмы. В сем заключаются всей его философии первые начала. Кроме его дел философических писал он еще книги о стихотворстве, риторике, политике, юриспруденции и грамматике. Диоген Лаерций пишет, что Аристотель написал в жизнь свою около четырех сотен книг. Немалым помешательством в жизни Аристотелевой было то, что он мешался во многие интриги придворные между Филиппом отцом и сыном Александром Македонским¹⁴⁰. Пишет Диоген же, что философия его не делала диким и необходимым человеком, что наипаче редко случается с учеными в великом превосходстве людьми. Он был чист, приборен, поступок честных, добрый друг. У него спросили, что значит добрый друг? Отвечал он, что *одна душа в двух телесах*. Теофраст¹⁴¹ особливо был его добрый друг, и после был в его философии первый по-

следователь, бывши сперва верным его учеником. Аристотель был родом из маленького города македонского, называемого Стагирита, родился в 99 олимпиаде, то есть около 384 года прежде рождения Христова. Некоторые еще пишут, что Никомах, Аристотелев отец, лейбмедикус Аминты, деда Александра Великого, был из фамилии Ескулапа. Лишился он своего отца и матери Фестиады еще в самом своем младенчестве и воспитан был от друга дома их Проксена, но весьма худо. Ибо он почал учиться и грамматике и стихотворству, но научившись несколько стихотворству все свои науки чрез своевольство бросил. После многих его в юношестве перемен, напоследок сама его натура привлекла к науке философской, в которой чрез краткое время так себя прославил, что Филипп Македонский, имея крайнее попечение о воспитании сына своего, не мог достойнейшего ему учителя выбрать, как Аристотеля. Сей трудился через восемь лет и перво научил Александра красноречия, потом физике, нравоучения, политики и некоторой еще особливой философии, которой он по известию Плутархову, никого другого не обучал. Филипп так трудом его был доволен, что в честь Аристотелеву статую ему поставил, и Отечество, город Стагирит, который через много лет был разорен, для одного только имени в наилучшее состояние привел и украсил. Но по некоторым подозрениям после смерти Филипповой, Александр был весьма недоволен Аристотелем, так что Аристотель принужден был возвратиться в Афины, где он принят был с наилучшим почтением, а особливо и для того, что при жизни своей много делал добра Афинам за то только, что Аристотель в Афинах философии был научен. Некоторые же пишут, что сие подозрение Александрово неосновательно, и что Александр к Аристотелю всегда был склонен, или, по крайней мере, Александр все доносы на него за клеветы поставил, и что напоследок он ему приказал написать историю о всех животных и прислал на сие иждивение восемьсот талантов, что учинить на наши деньги около 300 000 рублей. К тому же, дав ему великое множество охотников, егеров, рыболовов для ловления всех земных, водных и воздушных животных. Сие мне весьма имоверно кажется, потому что его история о животных по тогдашнему времени с такой исправностию написана, что такого описания партикулярному человеку своим иждивением никак, кажется, сделать не можно, хотя от него уже времени через многие лета по сие время натуральная история далеко в лучшем совершенстве. Я уповаю, что сия

наука ни в котором государстве с таким совершенством со временем произведена еще дале быть не может, как в нашем отечестве, ибо российское государство по пространству своему наиболее к тому оказии имеет. О смерти Аристотелевой ничего подлинного сказать не можно. Некоторые думают, что он, будучи в Афинах, дал на себя великое подозрение в законе, где наипаче народ был в том деликатен, и, памятуя по той же самой причине смерть Сократову, удалится принужден был от своих неприятелей в Халк, город Евбейской. И как и там не мог с покоем остаться от своих неприятелей, то как будто отравил сам себя. Юстин¹⁴² и Григорий Назианзин¹⁴³ пишут, что он от досады смерть сам на себя навел, когда не мог причины найти, от чего делается флюкс и рефлюкс в Еврипе¹⁴⁴. Нынешние писатели от того уже фабулу выдумали, будто Аристотель, трудясь долго в изыскании причины, отчего делается всякий день прибыль и убыль воды, напоследок бросил себя самовольно в Еврип, так называемой пролив морской, сказав притом, *пусть я утоплюсь в Еврипе, коли я его не разумею*. Некоторые также пишут, что он от колики умер в 63 года лет своих, в третий год Олимпиады 114, то есть около 322 года до рождества Христова, в два года после смерти Александра Великого. Сказывают, будто стагириты тело его украли и, похороня у себя, над ним гробницу великолепную построили. Он оставил одну только дочь после себя, которая во вторые в замужество вышла за Демаратова короля Лакедемонского внука. Притом он оставил натурального сына именем *Никомаха*, которого он очень любил и к которому свои нравоучительные книги писал¹⁴⁵. При смерти своей Аристотель все свои книги завещал Теофрасту с тем завещанием, что б он в народ не публиковал, но как *Страбон*¹⁴⁶, *Ликон*, *Димитрий Фалерианский* и *Гераклит*¹⁴⁷ учинились в философии Теофрасту наследниками один по одному, то Теофраст никому иному Аристотелевых книг не вручил как Нелею, который был его собственный ученик и которого он безмерно любил. Нелей оставил оные наследникам своим, которые их сохранили в погребах. И как сей город *Сцетсы* называемый в Миссии принадлежал к королю Пергамскому, который собирал великую библиотеку, то они наипаче опасались, чтобы он дел Аристотелевых себе не отнял. Таким образом сие сокровище лет около 160 утаено было и наконец неведомо каким слепым случаем было открыто от тех же наследников и продано знатному некоторому афинскому мещанину именем *Апелликону*, однако

ж все сии письма почти совсем уже были повреждены. У сего-то уже несколько времени спустя *Силла* Римский консул постарался все Аристотелевы дела украсть и, таким образом внес оные в Рим, что незапно дошли до руки одного римского грамматика именем *Тираникона*, от которого наследников купил *Адроник Родийский*.¹⁴⁸ Сей был первый восстановитель дел Аристотелевых, ибо не только то исправил, что было так долгим временем повреждено, но и все в них замешательство выкинул, и свою перепискою в порядок привел. Он был первый, который потерянное почти имя Аристотелево объявил в свете. Были некоторые ему в сем деле во время двенадцати Кесарей Римских последователи, а наипаче при владении *Адриана* и после *Антонина*¹⁴⁹ оные размножились. Первый был профессор философии перипатетической *Афродизей*¹⁵⁰ именем, которого к тому нарочно в Риме избрал император, *Марк Аврелий* и *Луциус Верус*¹⁵¹. В следующих уже веках учинилось много последователей и толкователей философии Аристотелевой. Однако ж много очень философию Аристотелеву повредило то, что арапы азиатические и схоластики в средние веки оныя учились, как то *Андрей Целзатин*, *Пикколомини*, *Бернгард*, *Цезарь Кремонский* и *Помпонат*¹⁵² И как прежние многими тонкостями оную наполнили, так последние к безбожию и многими беззаконным мнениям чрез оную дошли.

§ 66

По Аристотеле следуют *Циники*¹⁵³, которых секту уставил *Антисфен* Афинский¹⁵⁴. Сей, хотя и сам Сократу больше, нежели другим последовал, однако ж за его притворство часто от других философов был посмеян. Был он родом афинянин и того ж города гражданин. Человек бесстыдный и грубый, ругатель и презритель всех других ученых людей. Но как в науках сам немало обращался, то за свое грубиянство от всех других ученых людей был презрен. Сие ему дало случай из своих единомышленных учредить себе особливую секту, которая в том особливость свою имела, что б жить без прихотей, спать на голой земле, ходить почти нагими и босыми, пить воду, а есть простое мясо и хлеб, говорить без учтивства, просить с гордостию и принимать без благодарения, иметь нужное, презирать честь и славу, не искать богатства, жить в конурках или шалашах и без всякого прибора, отговариваясь тем, что боги ни в чем нужды не имеют, так как и те, которые им последовать хотят ни в чем же иметь нужды

не должны. Сия секта, мне кажется, что много лицемерства в себе заключает. Многие авторы того же о них мнения, как то Епингет, Свидас, Елиан и Лаерций¹⁵⁵, что сии люди весь свой век проводили в празднodelии, лицемерии, покрываясь простотою, ругали безстыдно всех мимо проходящих, без труда и работы, будто бы грабительством жили. Словом, пожиратели были чужих трудов. Некоторые в похвалу сея секты пишут, будто Александр Великий сказал, *ежели бы де я не был Александр, то хотел бы быть Диогеном*. Хотя в то время секта сия многим гнусна казалась, однако ж последователей своих очень много имела. Из первых был Диоген Синопский, жестокий сократянин, Мононим, Онисикрит, Кратес и его жена Иппархия, Метрокл, Менедем¹⁵⁶ и проч., которых пространно исчисляет Фабриций в своей библиотеке греч. III, гл. 13, стр. 360¹⁵⁷. После времени Антонина, философа римского, философия сия в немалый упадок пришла, однако ж секта еще долго в Африке осталась, как пишет Августин *О граде Божиим*, кн. XIV, гл. 20¹⁵⁸. Сие известно о циниках, что философию теоретическую совсем они отметали, а умствовали только в одной нравоучительной. Начало или основание в их философии было *самовольство*, которое они называли *вольностью*. Но сие основание очень слабо, потому что ничто столько от вольности не происходит, как пороки. Человек чем больше в своей воле, тем больше пороки от него чаятельны. И как сему основанию внутренне противостояли пороки, а внешне законы гражданские и установления по состоянию всякого государства, то они плоть свою удручают через жестокое житие, в котором пребывают, то есть пища, нагость и вольная нищета, а притом повседневное терпение, следовательно противу законом тем погрешить не могут, что они удаляются от мира. Буде же что не по их нраву им повелевается и по насильству, то они упрямятся и напоследок самовольную смерть сносят. От сего Диогеново заключение следующее произошло, *что без законов нет доброго правительства. Без правительства гражданского ничто. Гражданство есть то же, что город. Когда города нет, то и законов не надобно. Следовательно, закон есть дело гражданства*.

§ 67

От сея секты произошла новая стоическая, в которой был начинатель Зенон¹⁵⁹. Не только греки, но и позже римляне оную в превеликом содержали почтении, а особливо юрисконсульты. Зенону по-

следовали бывшие его ученик *Клеандр*, а по нем *Хриситт*, *Зено Тарсийский*, *Диоген*, *Антитатр*, *Панетий*, *Посидоний*¹⁶⁰ и проч., смотри в Фабр. библ., кн. III, гл. 15, стр. 386¹⁶¹. Стоическую философию изъяснять наиболее почали Юстус Липсиус и Каспар Сциопей¹⁶² и разделили оную на логику натуральную и нравоучительную философию. Логику они почти боготворили, буде кому нужно будет все зеноновы правила знать пространно, смотри в Станлеевой истории философской, часть 7, в Зеноне стр. 556 и следующие¹⁶³. Физика и философия их натуральная в следующих мнениях состояла. Перво всего они толковали о телах, потом о принципиях, или началах вещей и элементах, а напоследок о богах, о месте и пустоте, что называют философы *васиит*. Лаерц. 7, 132¹⁶⁴. Все то, что пребывание свое имеет им казалось телесное, так что и душу, день, ночь, голос и добродетель телесными называли. *Тело* изъясняли тем, что оно или действует или страдает¹⁶⁵. То, что действует, — есть бог, а что страдает — есть материя. Сие начало своей философии они называют натурою, которая у них есть самый бог, включенный в мир, Лактанций о божественных установлениях 7, 3¹⁶⁶. Мир почитали они в известных границах состоящий. Пустоты или *васиит* в нем никакой не признавали, но за пределами мира они все уже бесконечною пустотою называли, Лаерц. 7, 140. Элементов четыре признавали. *Огонь*, из которого по их мнению произошли тела все небесные. *Воздух*, о которого протяжении, действии, свойствах и явлениях очень темно и мало рассуждали и философствовали. *Вода* и *земля*, из которых смешения говорили, что весь мир состоит. Богословское их учение в следующих мнениях содержалось: бога почитали за начало всех вещей и называли вещью одушевленную, бессмертною, разумною, совершенною, из свойства огненной состоящею, и всех вещей будто бы семена в себе содержащую. О предудсмотрении Божиим не оставили так же рассуждать. За одно почитали и бога и мир. В философии моральной основание всему называли то, чтоб жить натуре согласно и угождение делать всем склонностям своим. Доказывали притом свое начало тем, что желание натуральное не к чему иному склоняется, как к сохранению самого себя и к добру своему. *Добрам* называли одну только добродетель, а *злом*, — пороки. Прочие же вещи все почитали за посредственные, хотя притом, некоторые им казались к пользе, а некоторые ко вреду склоняющиеся, некоторые же совершенно посредственные. И как добродетель за одно только

средство к благополучию почитали, вещи же вещественные за начало всему злу человеческому, то сластолюбие всякое плотское по их учению отмечается, от которого все похоти происходят. Напротив того, жестокое житие от всех слабостей человека отводит. И так вся их нравоучительная наука к тому свое склонение имеет, что человек тогда только свободен, мудр, себе полный властелин, покоен в совести и не выступает из должности своей, когда попечение имеет о добродетельном житии.

§ 68

Что принадлежит до философии ионической, о том уже все нужное упомянуто. Следует теперь *элеатическая*, которая имя свое получила от города, находившегося в Италии, или в великой Греции, называемого Елея или Велга. Из сей еретической будто бы фамилии философов произошел Зено Елиатский, изобретатель правил логических. Были притом и другие, о которых не упоминаю за краткостью. Славны наипаче в сей школе были *Демокрит* и *Гераклит*, первый из города *Абдерита*, или по некоторых мнению из города Милета, а другой из *Ефеса*¹⁶⁷. Сии оба были в учении своем по большей части не согласны, однако ж последователи философам в первоначальных частицах всю натуру вещей определяющих, которая особливо называется по лат. *Philosophia corpuscularis* и которую после наиболее Эпикур в совершенство привел. Житие сих учителей и науку пространнее сыскать можно в Лексиконе Морериевом¹⁶⁸ историческом и в Белевом критическом¹⁶⁹.

§ 69

Как я упомянул, что сия философия Эпикуром наиболее в совершенство приведена, то о нем занужно показалось пространнее упомянуть. Он был родом из пределов афинских, из села Гаргециум называемого. Из учения его видеть можно, что он больше из книг Демокритовых, нежели от учителей научился. Пишет Лаерций, что он школу свою в особливом от города местечке Пераменгум называемом имел, в котором жизнь свою с друзьями в весели проводил. *Гассенд*¹⁷⁰, новый французский философ, его философии великий последователь. Пространное описание Эпикуровой философии смотреть надлежит в Лаерции, который с такою прилежностью оную описал, что и сам признан за то последователем оныя. Физические

мнения его состоят в следующем: мир, по его мнению, состоит из пустоты и тела, и то всей его физики первое начало. Тело, он говорил, то, что прикасается и прикасаемо быть может. Пустота, напротив того, неприкосновенна своею натурою. Доказывал свое мнение следующим доводом: ежели бы де пустоты не было, то бы тело не имело места ни для пребывания своего, ни для движения. Лукрец. кн. 1, стр. 336, 427 и следующие¹⁷¹. Мир понимал бесконечным, или будто бы бесконечным и неподвижным для того, что вне его ничего не признавал, в чем он движение свое иметь мог. От того заключал, что он непременный, для того, что от самой предвечности всегда таков был. Пребывание богов исповедовал чрез одно только недозведомое предчувствие, как Цицерон пишет о натуре богов. Назвал их блаженными, бессмертными, вечными и в праздности пребывающими, плоть человеческую и образ имеющими, телесными. Кроме тела и пустоты посредственного ничего мыслию понять, говорил, невозможно. Рассуждение его о зачатии вещей также как и многое вышеупомянутое здравому рассуждению весьма было непонятно. Он говорил, что все вещи нами видимые, или разуму представляющиеся начало свое имеют от некоторой материи, и ту материю называл *атомами*, которые между собою разнствуют величиною, фигурою и тяжестью. Цвет, теплота и холод в них одинакая, так как и другие многие свойства. Свойство они в движении своем имеют двойное, одно от тяжести, а другое от упругости. Зачатие всех вещей происходит только от соединения сих атомов или частиц, а окончание от разрешения и разделения их, и, таким образом, все в мире явления начинаются, происходят и оканчиваются. В сих мнениях вся его физика состояла. В нравоучительной философии также особое его основание было, как то, он учил, что всего нашего жития тот конец, чтоб быть нам в сем мире благополучными и говорил, что сие мнение всяк в голове своей имеет нечувствительно и тайным некоторым образом, как себе самому, так и другим неведомым. Благополучие он не называл такое, в котором бы никакого недостатка не было, но некоторое еще совершенное всегда кроме того разумел. Здешнее благополучие он разумел в похотях и удовольствии телесном, а другое, о котором он ничего не учил, разумел в спокойствии душевном, которое приобретается через посредство добродетелей. И как по видимому он бессмертия души, Божие предвидение и страх его в философию свою не принимал, то и никакого поощрения к житию доб-

родетельному в ней не находится. Как то все Епикурияне житием своим сластолюбивым и непорядочным то на себе доказали действительно безумное суетумудрие!

§ 70

После секты Епикурской непосредственно следует секта эклектическая. Философия эклектическая в том состоит, чтобы все предложения принимать по выбору и никогда на том крепко не утверждаться, что от учителя сказано. Хотя изо всех преждепомянутых сект учителя по большей части были эклектики, как то *Пифагор*, *Сократ*, *Зено*, *Демокрит*, *Епикур*, *Платон* и сам *Аристотель*, почему они все и розного мнения были. Однако ж наибольший философ эклектический был Потамон¹⁷². Сей был родом из Египта от стороны Александрийской. Жил немного прежде Диогена Лаерция, около времени Августа Кесаря, про которого пишут, что он толкование на Платоново рассуждение о республике после себя оставил. Смотри Лаерция в предисл. 21. Удивительно бы было, если бы Потамон имел своих последователей, ибо в его философии то наибольшее было, чтоб никому не последовать. Однако ж все александрийские философы и их наследники как из христиан, так и из язычников способ сей философствования крепко наблюдали. В числах сих начальные были *Аммониус Сака*, *Христип* и его ученики язычники *Плотин*, *Геренний*, *Ориген*, *Порфирий*, которого учитель церковный *Иероним* называет *псом, сбесившимся противу христианства*, *Ямблих*, *Сопатер Сирский*, *Едесий*, *Хрисанф*¹⁷³ и прочие, которых обыкновенно называют последователями платонической философии, как то *Сириан*, *Олимпиодор*, *Прокл*, *Марин*, *Гегнас* и *Сидор Дамаскинский*¹⁷⁴ и прочие, которых многое число находится. Между теми, которые христианству были несколько подражатели эклектическими философами прославился *Аммоний Сака*, *Климент Александрийский*, *Ориген Адамантский*, *Григорий Фавматург*¹⁷⁵. И сия то причина, что си учителя много раздоров в церкви сделали, как то примечают многие богословы. Смотри *Фомы Иттингенского* библиотеку церковных учителей, т. II, в Прологоменах¹⁷⁶. Но хотя в сей секте и великий выбор делали в том, кому больше последовать должно, однако ж сие очень видно, что больше всех Платона почитали. Чего ради большая часть сих философов, которых я в сей секте исчислил, причтена быть может по мнению многих ученых людей к секте платониче-

ской. Сие тем наиболее можно доказать, что Потамон¹⁷⁷, первый человек в сей секте, оставил после себя толкование на книгу Платону о республике.

§ 71

Напоследок, как всякая сказка без смеху ничто, так и в философии греческой между такими философами, которые *догматически* называются, была особая смехотворная секта, называемая скептическая или что то же есть *апотетическая*, которая беспрестанно о всем сомневается и потому все то, что ни есть в натуре, назвали они непостижимым и непонятным, то их назвали *акаталептиками*. Пишут, что сия секта начало свое имеет от *Пиррона Елейского*¹⁷⁸, который в одно время с Аристотелем жил и который, читая Демокритовы книги и обучаясь у многих философов, а особливо у *Анаксарха*, ничего праведного в философии не нашел или во всем сомневался, что самое и в философии своей постановил, Лаерций, IX, 70¹⁷⁹. Между тем, сие их постановление в философии и в тогдашнее время тем самым смешно казалось, что все за невероятное почитали, а притом свое положение так им было подлинно, что ни малого об нем сомнения не имели. Смешно бы весьма казалось, ежели бы и сия секта имела своих последователей, ибо как в сей, так и в преждепомянутой эклектической самые их положенные правила запрещают последовать. Однако ж несмотря на сие, последователей было очень многое число, между которыми был *Секстус Эмпирикус*¹⁸⁰, который, доказывая то, что она ничего подлинно не знает, показал удивительное свое во многих вещах философских знание. И как подлинно рассудить, то немалой остроты разума быть надобно человеку, который бы мог доказать, что неподлинно знает то, о чем он сам в другом случае удостоверен.

Глава осьмая. О философии Средних веков и Новой

§ 72

Таким образом видим мы, что философия греческая на бесчисленное почти число разных сект разделилась. История Средних веков показывает нам, что в сие время во всех почти школах Аристотелева философия была в употреблении. И как известно, что в Средних веках по Рождестве Христове народы азиатические вошли в Европу,

у которых сия философия в наибольшем почтении была, то она и у христианских народов будто как бы по наследству или по преданию осталась. Народы азиатские, а особенно аравитяне, которые из Африки сделали переселение по тогдашним обстоятельствам в Португалию, Гишпанию и прочие многие европейские земли, с собою внесли и переводы Аристотелевой философии с греческого на своем языке, и не только то, но и толкования на все его дела, которые написаны были через первых их учителей *Аверроа и Авиценну*¹⁸¹. От сего случая сделалось превеликое смешение в Аристотелевой философии, из которого родилась новая, называемая *школьная*, по лат. *Philosophia Scholastica*. Первые в схоластической философии назывались *Петр Абелярд, Петр Ломбард, Александр, Алберт Магнус, Томас Аквинас, Иоганн Дунс Скот, Дуранд*¹⁸² и проч. Сии все и еще многие по ним безрассудным любопытством и всякому разумному человеку смешным образом, как в учении, так и в обучении, крайнее на себя презрение и посмеяние навели. А особливо, что при всей своей глупости так много о своих науках думали, что сами себя высокоумными не стыдились называть. Отчего ныне нам смешны кажутся их прозвания. Магистер Галезиус¹⁸³ назывался *irrefragabilis*, то есть непреодолимый. Рихард¹⁸⁴ *auctoratus*, будто бы полносильный, или который погрешить не может. Скот — *subtilis*, т. е. тонкий, Бонавентура¹⁸⁵ — серафимский, Фома Аквинас — херувимский и проч. А однако же сии ангельские, херувимские и серафимские учителя не только всю философию и богословию наполнили бесчисленными заблуждениями, но и в философию нравоучительную внесли столько начал особенных, что почти их разуместь невозможно, как то *probalismus methodi dirigendi intentionem reservationis mentalis, peccati philosophici*, то есть *утверждение способа, как управлять намерение, чтоб найти истину и порок по философии*. Надобно знать, что я из догадки только одной сие перевел. Сколько оно на русском языке ни темно, на латинском еще меньше вразумительно. И мысль глупая и по латыне скаредно, которыми основаниями в философии езуиты и поныне хвастают и хвалятся.

§ 73

Около пятого на десять и в шестом на десять веке после Рождества Христова показалось много учителей, которые все свои крайние силы употребляли Аристотелеву философию низвергнуть. И во-пер-

вых в Италии *Лаврентий Вала*, *Марий Низолий*, *Адриан Кардинал*, *Франциск*, *Патриций*¹⁸⁶ с великой дерзостью и раздражением всех тогда ученых людей противоречить почали. Но во Франции *Петр Рамус*, а особливою жестокостью *Петр Гассенд* и в немецкой земле *Дан Гофман* опорочили¹⁸⁷, хотя им не во всем удалось. Что касается до Лаврентия Вала, тот с досады больше Аристотелевы дела критиковал, смотри Белев Лексикон¹⁸⁸ под именем Вала. Низолиевы толкования, называемые *Антибарбар*, изданы с разумным предисловием чрез Лейбница¹⁸⁹, а Адриана Кардинала издана книга о праведной философии 1548 в Кельне¹⁹⁰. Но исчисление всех авторов сих подобное не к месту здесь, и для того подобное оставляю. Довольно того, что мы знаем первых противников Аристотелевых, которых начатки к наибольшему рассмотрению философской науки многих охотников привели, и чрез сие оную к немалому совершенству ученых людей ныне прославили. Надобно притом и то упомянуть, что в сии Средние веки после рождества Христова многие учителя немало о том старались, чтобы вместо Аристотелевой философии привести в употребление философию какую ни есть из старых сект. И хотя *Франциск*, *Георгий* и *Мирандула*¹⁹¹ возобновляли Пифагорическую, *Кардинал Виссарион* и *Марсилиий*¹⁹² Платоническую, *Юст Липсий*, *Каспар Сициотий* стоическую, *Петр Гассенд* эпикурейскую, *Бернардин Телезий*¹⁹³ элеатскую Парменову, однако ж никто из них совершенно своей философии внести в народ не мог. Аристотель еще был Аристотель. В том только надобно признаться, что они через сии свои критики и споры о справедливейшей философии к тому привели Аристотелеву, что она хотя и не отброшена совсем, однако ж много поправлена. Я не могу о всех прочих сектах заподлинно сказать, имеют ли они в нынешнее время своих последователей.

§ 74

В шестом и седьмом на десять веку новые философские системы много учинили Аристотелевой философии упадка. И не только в сие время, но еще и в то, когда потерянные науки почали в лучшее состояние понемногу приходить, то есть в конце пятого на десять века. Из числа сих учителей были Раймонд Луллий, Франциск Патриций, Петр Рам, Гиероним Кардан Томас Кампанелла¹⁹⁴. Но и сии последователей своих имели не в великом числе. Патриций написал новую систему, которую назвал *Новая о всем философия*¹⁹⁵

и, хотя оную приписал Георгию, папе четвертому на десять, однако ж за то в инквизицию попал. Смотри историю Туанову, кн. 99, стр. 812¹⁹⁶, и потому и последователей себе почти никого не имел. Петр Рам сочинил только одну Диалектику. Смотри о его случае и удаче, также и основаниях логических в *Беле* под именем *Рам*¹⁹⁷. Кардан житие свое сам описал¹⁹⁸ и его система по большей части наполнена враками, как то о снах, о демонах и о прочем тому подобном, почему его обыкновенно между учеными называют *гимнософистою*¹⁹⁹, лжеучителем. Кампанелла особливую также систему сочинил, но на основаниях Кардановых, особливого однако ж ничего не написал.

§ 75

Все охотники до философской науки никому столько одолжения не имеют, как тем людям ученым, которые изобретением многих физических экспериментов философскую науку иначе просветили и обогатили. Ибо движение или циркуляцию крови открыл нам Вильгельм Гарвей, молекулярные сосуды или жилы *Каспар Асселий*, микроскопия и их употребление *Корнелий Дребеллий*, *Антоний Левенгук*, *Роберт Гокк*, *Петр Борелл*, зрительные трубы и спутников Юпитера, планеты Галилей, спутников Сатурна планеты *Кассин* и *Гугений*, зеркала зажигательные *Чирнгауз*, барометры *Торицеллий*, термометры *Корн Дребеллий*, антлюю²⁰⁰ пневматическую *Отто де Герик*, магдебургский консул *Роберт Боиле* и другие²⁰¹. И таким образом многие многое нашли, или в совершенство изобретенное от других привели. Некоторые спорят и думают, что уже многие из сих изобретения сделаны прежде помянутых изобретателей, как то движение крови нашел, говорят, *Павел Сервий* и *Андрей Цезаллин*²⁰². Микроскопия приписывают *Лудовику Септалию*, спутников планет *Симону Марию*, пятна солнечные *Льву Аллацию*, барометры *Валерию Магнусу Капуцину*, термометры *Роберту Флудду*, стекла зажигательные вымыслил *Архимед* и *Прокл*, трубы зрительные *Иоганн Бабтист Порта*²⁰³ и проч. Но, однако ж сие всегда имоверно, что многие одно изобретение могут сделать не в одно время и не имея никакого с собою сношения. Между сим временем не мало просвещения в философской науке сделал *Франциск Бакон Веруламский*²⁰⁴, которого примеру все славные тогда соиететы с немалым прилежанием последовали.

§ 76

Вскоре после сего в великую славу пришли системы *Картезиева* мистикохимическая, так и *Лейбницева* и *Невтонова*²⁰⁵ математическая, метафизическая. Системы картезиевой был изобретатель Ренат Картезий по фр. *des Cartes*²⁰⁶, родом был из Голландии, а по природе француз. В молодых своих летах он был обучаем и воспитыван от Езуитов, и после того несколько времени своего проводив направно, прилежно начал учиться философии, с которой долгое время неизвестен был в свете. Напоследок с превеликою там славою между учеными людьми написал свои книги и умер в Стокгольме в 1650 году по Рождестве Христове Февраля 15 дня. Имел по себе последователей немалое число, между которыми были *Генрик де Роа*, *Дан. Листорф*, *Адриан Гееребоорд*, *Иог. Клауберг*, *Ант. ле Гран*, *Луд. де ла Форж*²⁰⁷ и их тщанием до такого градуса сия система приведена, что хотя учителя тогдашнего времени и все свои силы к тому употребляли, чтоб отвратить новое сие философии учение, и все духовенство голландское противу картезиевой системы стояло, однако ж во всей Голландии теперь иной философии не обучают, как Картезиевой, а притом, как примечают многие ученые люди, что много уже и таких начал Картезию приписывают, о которых он никогда не думывал. Приращение и подкрепление сей системы по большей части приписывают *Кокцею*²⁰⁸, который между учеными называется великий, и *Христофору Вичу*²⁰⁹, смотри Лексик. Белева том 4²¹⁰, которые по правилам больше, думаю, политическим систему сию приняли и себя строгими картезианами учинили. Но потому, что некоторые, покрываясь Картезием, свои многие начала установили, то между самими картезианами произошли великие споры от двух сторон, и всяк себя называл прямым картезианом. Чего ради я нахожу за полезно при сем случае пространнее объявить, в чем состоит все картезиево учение. В картезиевой логике первое основание или начало есть то, *чтоб обо всем сомневаться*. Но как таким образом его философия тотчас бы могла причтена быть к секте скептической, о которой я выше упомянул, то он допускает одно только положение признавать за твердое и подлинное, то есть *я есмь, я мышлю*, и о сем едином не дозволяет сомневаться. Да и кто бы мог о сем усумниться? Он говорит, когда я перстом осязаю землю, то я и уверен, что она пребывает. Так и то, когда я думаю моею головою, то я и то чувствую, что я пре-

бывание свое имею, и что в теле моем существо некоторое есть, которым мышлю. Хотя же и случается, что нам кажется, будто мы что осязаем, и случается, что видим, будто чего нет действительно в пребывании своем, но происходит только от одной нашей мысли. Однако ж, когда мыслю, что рассуждаю, то уверен, что рассуждение мое худое или хорошее происходит от нашей мысли, которая следовательно пребывание свое иметь должна. И так понеже о сем сомневаться никак не можно, что мы ясно понимаем, следовательно он сие положение, *я емь, я мышлю*, за несомнительное и за такое, от которого все другие правды произвести и заключить можно, положил в своей философии. Но каким образом еще яснее сие первое положение понимать надлежит и от него другие заключения производит, то его последователи, а особенно *Ант ле Гранд и Клауберг*²¹¹ сочиненными логиками пространно все растолковали. И также его Логика на сем основании приводит к метафизическому следующему рассуждению. Пребывание Божие картезианы доказывают от существа всесовершеннейшего. Картезий говорит, ежели я понимаю существо всесовершенное, то и понимаю оногo пребывание. Ибо все прочие существа, которые мы ни видим, которые мы ни чувствуем, имеют какое-нибудь еще в себе несовершенство, следовательно, они сами от себя не имеют своего пребывания, но получили от существа другого, которое есть совершеннее их. Чего ради естественный разум всякому показывает, что есть некоторое всемогущее и всесовершенное существо, которое все другие существа в свое пребывание привело, и которое всему есть творец. Такое существо он называет *существо первое*, которое есть само от себя, и которое сотворено быть ни от кого другого не может, ибо в противном случае было бы оно не всесовершенное. И таким образом он заключает, *Бог есть* и он *сам от себя*, а когда сие положение праведно, как то есть и быть должно, то он есть предвечный и бесконечный, ибо что не сотворено от другого, то не сотворено и от себя самого. Но коли пребывает, то пребывает без начала и без конца. Предусмотрение на нас повсечасное Божие он доказывает от самого течения времени. Время есть течение моментов одного за другим непрерывное. И как сие доказано выше, что все твари в мире имеют своего творца и создателя, то все твари имеют над собою и Божие всечасное правление. Бог сотворил твари в первое время. Сие мы признаваем, но из сего не следует, чтоб в следующее время пребывание свое без воли Божией име-

ли. Таким образом, тотчас можно бы было сказать, что тварь в первое время только сотворена, а в следующее она сама себе творец. Но натуральный разум показывает, что тварь в одно время сотворенная в следующее от того же творца сохраняется, и будто бы в другой раз созидается и так дале. Отчего беспосредственно заключать должно, что все твари того же, кто их создал, имеют над собой и правителя, который ими владеет всечасно и управляет. И как сие уже доказано, что Бог есть и всесовершенный, и что он сам от себя, а не рожден и не произведен от чего другого, то из сего следует, что он и все совершенства в себе заключает, то есть безначальный, бесконечный, безмерный, живой, бессмертный, разумный, самовольный, милосердый и всех сил и добродетелей в себе совершенства имеющий. Посему заключается и сие, что его над нами правление есть премудрое и всесовершенное. От сего непосредственно следует, что он есть *невещественный*, ибо все, что есть естественное, то какое-нибудь несовершенство иметь в себе должно, так как все, что телесное есть, иметь должно телесное чувство, все, что имеет телесное чувство, то иметь должно страсть, все, что имеет страсть, о имеет погрешность, но Бог есть совершенный во всем, следовательно, он есть невещественный. Сие основание картезиане называют во всей философии *первоначальным*, и доказательства из онога следующие, называют непосредственно произведенными. Существо мыслящее есть дух, а существо протяжение имеющее есть *тело*. Физическое его учение есть следующего содержания: он принимает только три элемента, которые, говорит, имеют свое распространение бесконечное и которые составляют разные и многочисленные вихри, солнца и планеты, из которых всякая плавает или носится в своем вихре. Систему мира и расположение планет он принимает Коперниково. Прочих в мире вещей естественных приключения, движения и причины из начал механических толкует и доказывает, и в том ему многие по сие время великую силу и похвалу приписывают. Нравоучительной философии он насилу только прикоснулся, хотя и положил некоторые основания в книге о страстях душевных, на которых после ученики его целую систему постановили. Итак, по мнению многих, своей славы Картезий весьма достоин. Хотя многие также ученые люди еще в том несогласны, о всем ли он совершенно рассуждал, однако ж, по последней мере, он был первый, который философскую науку от ига Аристотелева освободил, и многие достохвальные примечания уче-

никам своим покинул. Но как сам он за первое дело то почитал, чтоб не во всем последовать учителям своим, так не виноват он и в том, что многие ему в сем слепо последуют. Многие ему клевету наносят, будто бы натуралист *Спиноза* произошел из его школы. Спиноза хотя и толковал Картезиевы основания Философии и доказывал методом математическим, однако ж ересь в законе или паче безбожие он не у Картезия выучил, но у себя дома имел.

§ 77

После Картезия многие еще произошли химики, которых были различные основания, как то *Теофраст Парацелс*²¹² и другие. Но как они сами между собой несогласны, так и последователей по себе очень мало имеют. Были еще ученые люди, которые во исправление философии практической довольно трудились, а особливо в правах натуральных немало изобретений сделали, как то *Гуго Гроций*, *Гобезий* и *Пуфендорф*²¹³. Последовали им и другие, но не с такою похвалою. Все сии три писателя во всей нравоучительной философии почитают за первое основание *общество человеческое*, от которого все другие права натуральные производят. В том только между собою разнствуют, что Гроций говорит: жить надобно в обществе для того, что с натурою здравого рассуждения так сходно. Гобезий, для того, чтоб друг на друга не восстал. Пуфендорф для того, что Божия заповедь повелевает. Таким же образом и политическую науку к немалому совершенству привели *Герман Конфигий*²¹⁴, *Иог. Генр. Беклер*²¹⁵ и прочие о которых смотри в *Станлее* и *Гейнекици*²¹⁶.

§ 78

Таким образом, мы видим напоследок, сколь великое философ число, и какие между всеми сими умствующими людьми от самого начала происходили несогласия. Не можно сказать, чтоб все их здоры были в нынешнее время крайне бесполезны, но ежели какую пользу из сих несогласий можно заключать, то, конечно, не иную, как что их различные толкования всех в натуре произведенных вещей и различных от воли человеческой происходящих действий, подали случай разумным людям от времени до времени производить праведнейшие изобретения. Ибо сие натурально, что всякая вещь в большее совершенство приходит, когда она разыскана на кривую сторону не меньше как на прямую. Не к том говорю, чтоб принимать

должны уже мы были нынешние положения философские за совершенные. Когда прежние положения через большее время приведены к большей истинности, то и нынешние не могут быть так совершенны, чтобы не осталось ничего дале рассуждать. Наука философская состоит в одном только человеческом разуме. Но когда мы сорассуждаем пределы разума человеческого с пределами природы, которая сотворена от всемогущего творца, то тотчас понимаем, что разум наш никогда до последнего совершенства и познания Божией премудрости достигнуть не может, а довольствоваться тем только должен, что возможно его силами изобрести. Человек разумный и о том удостоверен быть может, что мы еще и разума своего прямых границ не знаем. Мы видим между малым числом народа какое разнствие в разумах и понятии их. Один может о сем рассуждать с основанием, что другому крайне непонятно. Один памятлив, другой не помнит того, что вчера говорил или видел. И не только от природы Божия дарования всякому равны, но и лета возраста самого и воспитание делают столько в нас разницы, что временем можно одного с другим так сравнить, будто бы он не от того, но от другого произошел прародителя. Что же мы из познания философии лучше иметь можем, как способы к тому, как открыть можно хотя некоторую часть в натуре того, что без оных весьма непонятно. К сему потребно первонатуральные наши понятие и острота, а потом труд и прилежание, которые суть наибольшие средства к дополнению нашей природной тупости и просвещению нашего разума. Человек никогда с таким разумом не рождается, с каким живет и умирает. И как философом никто иной назваться не может, кроме того, который многим в свете вещам праведные начала не только сам знает, но и другому оные показать и изъяснить в состоянии, то посему видно, что наука философская не так легка, чтоб оной всяк научиться мог без особых к тому правил, без любопытного разума, без труда и прилежания. Такой человек, который о всем сем крайнее в молодых своих летах старание имеет, при старости крайнее видит утешение. Он чувствует своего создателя из сотворения самого себя, не простирает разума своего так далеко, чтоб показать себя участником советов Божиих. Верить натуре по тех пор, пока чего не видит противного Божию откровению, причем все свои рассуждения прекращает. Все, что ни делает в жизни, делает побужден праведною причиною. И таким образом, проводив век с покоем, умирает в чаянии будущего блаженства веч-

ного. Не удивительно, что многие язычники имели весьма иные начала философские, нежели люди познавшие Бога, закон и откровение его. Ибо в них многие, как мы выше видели, по природе недалежного ума люди, или ненавистники истины, или сластолюбием сего жития прельщены, или особливо высокомерностью разума своего надменны, так как не ведавши Бога и христианского учения весьма свое философское учение на ином основании имели, нежели мы. Итак, чтоб способнее дать наставление охотникам к сей науке, то я предложил в сей главе краткую сей науки историю. Не для того, чтоб я хотел научить оную, но чтоб показать все противные мнения, которые до сего времени в сей науке были, надеясь, что две противные вещи, когда вместе снесены бывают, всегда лучше изъясняются. Разумный человек, прочтя оную, со мной скажет то, что некогда один ученый человек сказал: Не можно того в горячке сбрендить, чего бы философы до сего времени уже не сказали.

Часть третья. О средствах, надобных для управления разума нашего для исследования истины

Глава девятая. О бытии вообще и существе всех вещей особно

§ 79

В преждепоказанной первой части довольно было исследовано, что к должности человека принадлежит, которой о какой вещи философствовать хочет, то есть иметь ему надо в непосредственном совершенстве три познания: историческое, философское и математическое. Итак, в сей части покажем, каким образом вещи бытие свое имеют. Сие ничто иное есть, как указание дороги, через которую душа наша начинает приводить себя в способность, каким образом во всех вещах разыскивать надлежит правду. То уже само через себя разумеется, что человек, который хочет быть прилежен, должен иметь талант особый от Бога в понятии и распространении мыслей своих. Без сего таланта все его прилежание суетно. Философы обыкновенно понятие называют перцепцией. Перцепция или понятие есть самое первое дело во всей жизни человеческой. Все, что мы чувствуем, знаем, видим, делаем, должны наперед разумом понимать. Не понявши же разумом, ни до чего коснуться не можем. Но понимать есть дело так малое в рассуждении всего последующего дейст-

вия, что почти действие не почато, когда мы только одно простое понятие о бытии вещи имеем. Напротиву того, столько справедливость оногу нужна, что оно, то есть первое основание во всех вещах искусства человеческого. Ежели первое понятие худо учреждено или поставлено, то все последующее рассуждение как бы ни остро было, так как на лживом основании положенное, не годно. Например, будучи я уже прежде известен о часах, какая они машина, как скоро взгляну на них, то хотя не рассуждаю всех окрестностей, однако ж разумею уже, что они не животное, которое движется собою, да серебряный или золотой сосудец, в котором приведена до известного времени обыкновенная машина в движение. И таким я образом имею о сей вещи самое первое понятие, от которого производить могу все следующие заключения, то есть качество их, нужность и прочая. Человек же, например, который от роду часов не видал и не слышал про них, да, положим, что б и того знания не имел, могут ли какие быть на свете машины, которые бы оживотворяли будто какое ни есть тело не животное, то в таком случае, ежели он легкомысленно посмотрит на часы, тотчас возьмет мнение о них дикое. И напоследок как рассудит: что все, что не оживотворено, регулярно и долговременно двигаться не может, то без дальних хлопот скажет, что в сем сосудце сидит животное, которое движется, что с малыми детьми случается. От такого-то первого самого понятия и пойдут у детей детские мысли. Я сам, когда еще был очень малолетен, думал, что в стенных боевых часах есть церковь, поп, дячок и колокольня и что в них служба маленькими людьми отправляется. Отчего сие слабое мнение? Оттого, что я о внутренности часов и машине перцепции и понятия за малолетством еще не имел, а церковь с колокольнею уже видал. Но ежели бы такое же тупое понятие и в возрастном человеке случилось, то его надобно причесть к бессчетным глупцам. Я не к тому сей пример пишу, будто бы столь слабые в людях понятия когда быть могли, да изъясню только, какова нужда человеческому разуму в самом первом понятии, чтоб оно не ложное было. Рассудить надобно, не всех ли прежних философов мнения о многих вещах да и о самом божестве иногда смеха достойны были, как мы выше видели. И не от того ли то все происходило, что не основали они в себе первого понятия доброго, например, одни говорили, что земля стоит на четырех столпах, другие говорили, что души человеческие переходят из человека в скота, из скота в человека. Первые погрешали от

того, что они не имели ни через науку, ни собою никакого понятия о том, что земля кругла, и что ей надобно быть в движении, которое бы нам производило лета и дни. Другие погрешали потому, что они не имели никакого учения философского, а паче христианского, которое утверждает закон наш, и наиболее приводит в познание откровений Божиих. Так мы видим, сколь нужно первое понятие, чтобы оно было праведно, хотя понятие есть такое знание, которое не требует от нас еще никакого рассуждения. Ибо когда я вещь какую познаю, то еще не рассуждаю какова она, к чему, для чего. Одним словом, еще не почал об ней думать, только что узнал ее бытность просто. И прежде, нежели мы приступим к способам, через которые должны разум наш в познание и разыскание правды приводить, я рассудил предложить свойства и тонкости, которые к бытию всякой вещи или к ее пребыванию принадлежат, и которые только в душе нашей мы себе представить можем. Такие свойства называются у философов отдаленные, о которых я часто в тройственном познании выше упоминал. После покажу дорогу, по которой мы разумом нашим доходить должны до познания истины. Первая половина сея части касаться будет до метафизических некоторых рассуждений, другая до самой логики.

§ 80

Все вещи, хотя нам известные, хотя неизвестные, то общее между собою имеют, что они пребывают. Итак, все, что пребывает, называться должно бытие. Философам обыкновенное слово *Ens*. И как всякая вещь начало свое должна иметь от другой ей подобной или неподобной, то напоследок поступая заключениями нашими вдаль должны мы будем прийти до вещи всех вещей превосходящей, то есть всех Творца и Бога нашего, который не сотворен и не создан ни от кого, но собою предвечно пребывает и потому,

бесконечно. Познание богословское натуральное, есть часть науки немалая, которая к философии же принадлежит. Однако ж, посмотря при сем случае на пребывание и существо Божие, которое, которое всем другим вещам и невидимым, знаемым и незнаемым есть сущее начало, поступим к рассуждению вещей временных, которые в нас наиболее утвердят существо Божие и пребывание его вечное. И так у нас теперь понятие о *бытии* весьма отдаленно от всех вещей, которое так тонко взято, что мы не качаемся никаким

рассуждением ни до какой вещи, но только по себе представляем и понимаем, что она есть, она пребывает, и равно как одна, так и другая, какая бы она ни была. Мы не рассуждаем о том, что к ней принадлежит и что с нею соединено для ее всецелого пребывания. Например, я хочу понять, что значит круглость, и то понимаю, смотря на шар или на ядро. В таком случае мне и в мысль не входит из чего тот шар или ядро сделано, к какому употреблению, как велико, да и того не думаю, круглость имеет ли в себе прямые линии, углы, или состоит из одной кривой линии, которая сама в себя возвращаясь всеми своими точками, отстоит ровно от центра или средней точки, около которой она обведена. То только одно понимаю, что круглость вижу, которая на свете есть. И таким образом, ежели я о всякой вещи, о которой подумаю или на которую взгляну, буду рассуждать, то я понимаю, что значит *бытие*, и что бытие есть понятие такое, которое о всех вещах в свете вообще иметь можно.

§ 81

Философы через слово *бытие*, или что у них *Енс* называется, не только то разумеют, что действительно пребывает, хотя оно нам знакомо, хотя нет. Да и то, что пребывать может, хотя его нет. Например все циркулы, градусы и прочие разделения астрономические на небе. Их нет, однако ж их так понимают, будто как бы они действительно быть могли. Для того, буде не вообразишь таких себе понятий, то не можно будет понять и тех вещей, которые действительно пребывают на воздухе и которые сами по себе натуральны. рассуждая таким то образом о вещах, увидим, что все вещи, которые в свете пребывают, имеют какую ни есть между собою разницу, так что вещь одну от другой всегда отличить можно. И потому заключить должно, что всякая вещь имеет в себе нечто особенное для своего всецелого пребывания. То-то самое есть существо вещи, которое у философов называется *Essentia*. Философы говорят, про существо, что оно де делает вещь тем, что она есть. Например, в круглости существо то, что всякая точка кривой линии отстоит ровно от центра или срединной точки. Изволь отнять хотя в одной круглой точке линии сию ровность, то и круглость не стала больше круглость. Так слово в слово в геометрии называется квадратом или четвероугольником та фигура, которая имеет четыре равных угла и четыре равных бока. Отыми или прибавь один угол, не будет больше четвероугольник. Сделай

один бок доле. другой короче, не будет уже квадрат. Итак, все равно, хотя я сказал равнобокий и равноугольный четвероугольник, хотя квадрат. Чего ради ясно видим, что существо вещи мы в мысли только от самой вещи отделить можем, но физически же того нам учинить никак не возможно так, чтобы вещь осталась в своем всецелом пребывании и в том же, в котором она перед сим пребывала. Философы от сего понятия сделали себе генеральное правило, что существа вещей суть непременные по своей натуре, разве бы Бог благоволил новую положить всех вещей натуру. Возьми кто в рассуждение, например треугольник. Всяк видит его натуру, что он имеет три, а не четыре угла. Прибавь или убавь один угол, уже не будет то треугольник, да станет иная фигура. Так слово в слово палка не может быть об одном конце, и две прямых или параллельных линий не заключают в себе места и не сделают двух углов. Ежели кто скажет, что треугольник конечно состоять должен их трех линий и трех углов, то я тотчас понимаю, что значит сие слово треугольник и такое предложение мне тотчас покажется ясно. Скажи же кто например, что в натуре может и то сделаться, что треугольник может иметь четыре угла, то я только одни слова тут разумею, вещи же той, о чем он говорит, никак разуму моему представить не могу. Есть такие люди, которые говорят, что наш разум не только понимает, что видит, и он уравнен в своем понятии с натурою вещей. А ежели бы де в натуре сделалась перемена, то бы и разуму нашему понимать немудро было те вещи, которые по нынешнему сложению природы нам странны кажутся. Я не спорю, что разум наш может переменен быть, и может то понимать в треугольнике, что теперь понимает в четвероугольнике, да однако ж треугольник в его существе тот же останется, который был. Сие равномерно тоже бы было, когда бы вода сушила, а огонь мочил. Могла бы так натура учредить. Однако ж огонь, что б таков был, каков он есть, существом своим непременен и вечно в своем существе останется, а вода такова будет, какова есть. Итак, существо вещей всегда вечно, по коих пор свет на своем основании стоять будет. Чтоб существо перемениться когда могло и вещь в тоже самое время всецело пребывала, то сие так невозможно, как то, чтоб в одно время быть и не быть. Быть и не быть, сии два понятия такие, которые одно от другого разрушаются и уничтожаются вовсе. И сие равным образом таково же безразумно сказаться может как то, что Бог свет сотворил и не сотворил. Что сотворил, то видим, и разумом чувствуем,

что же будто бы не сотворил, того никаким остроумием понять не можем, для того, что сии два понятия такие, что одно другое уничтожает. к тогда о первом ясное понятие имеем, то о другом никакого иметь понятия не можем. Кто когда может об одном человеке праведно вдруг сказать, что он велик ростом против всех людей, и что он мал против всех же. Надобно, чтоб конечно одно тут было праведное, а другое неправедное. И когда видим, что существо то же, что вещь самая, для того, что она бытие вещи делает такое, какое она имеет, то и вещь то же, что существо, для того, что вещь ни была бы вещь собственно та, ежели бы своего собственного, из которого она так, а не инако состоит существа не имела. Итак, существо вещей конечно непременно во веки. Теперь мы довольно кажется показали, что *Ens* или бытие у философов называется вообще и что существо всякой вещи особно.

Глава десятая. О веществе и о его различных образах

§ 82

Чем дале поступаем, тем ближе приступать будем от общего рассуждения к особному всякой вещи. Ежели в том мы совершенно уверены, что все вещи пребывание свое имеют, то видим и то, что всякая вещь особно имеет свои совершенства, по которым она та совершенно, а не иная и не подобная прежней. Так, когда мы усматриваем, что нет ни одной вещи, которая бы совершенно похожа была на другую, не говорю уже дерево на камень, сукно на железо и проч., да и одного дерева лист не похож на лист того же дерева и той же самой ветви, а притом видим, что все пребывают, то из того, что они различны, заключить можем, что всякая вещь свое особое существо имеет, своим особым манером или образцом в пребывании себя держит. Пребывание же вещей есть двойное. Одни все то в себе самих имеют, что к пребыванию их нужно, другие занимают к своему совершенному пребыванию от других вещей. Так, например, дерево в таком состоянии, в каком мы его видим, само собою совершенно пребывает в тот самый момент, в который на него взглянем. Камень так же сам в себе то имеет, почему он камень сей, который видим и проч. Круглость же, напротив того, которую мы захотим видеть, ту не можем осязать без такого тела, у которого бы она себе не заимствовала чего-либо к своему совершенному пребыванию. Долготы, на-

пример, мы не можем видеть, ежели не видим меры, сделанной из какой-нибудь материи. Движения видеть так же не можем, ежели причина посторонняя не придет, которая бы привела тело в движение. Все вещи однако ж поелику они таковы, каковых мы их видим. называются вещество или *substantia*, хотя они сами в себе к полному своему состоянию все имеют, хотя у других занимают. Почему вещество называется то, когда все части вместе взятые, вещь самую в полную бытность приводят. Части же, которые составляют вещество, суть так же двойкие. Одни называются образцы, другие приключения. Итак то уже, что мы веществом назвать можем, должно конечно иметь в себе обе сии части, образец, каким в ней части сложены, какие они и приключение, и на каком оное месте. Чего ради и сказать можем, что вещество само собою довольно, чтоб оно было вещество, а части или образцы без вещества состоять не могут. Например, целое. Я понимаю, что значит сие слово, а половина, — сие слово мне непонятно, по коих мест я имею понятие о целом. Ежели я рассуждаю аршин так, как вещество состоящее из частей своих, то есть из четвертей и вершков, то аршин уже ни занимает ни у четверти, ни у вершка ничего к своему совершенству, и он без заимства их состоит в своем совершенстве полон. Отъими от него хотя один вершок, то будет тогода мера пятнадцати вершков, а не аршин. Как скоро слово аршин поймешь, то в том понятии то разумеется, что он состоит из шестнадцати вершков, то есть из частей своих. И сие значит, что вещество само собою к пребыванию своему довольно. Возми в рассуждение шестнадцатую долю, то по тех пор о шестнадцатой доле понятия иметь не будешь, пока не приложишь сие слово — аршин. Итак, части, или образцы и приключения без целого состоять и поняты быть не могут.

§ 83

Во всяком теле свойство называется то, что всякое тело имеет долготу и широту, твердость и мягкость, жар и холод, и сии так же свойства отделены от тела так, как от его вещества быть не могут. Ибо как скоро одно из сих отымет или переменит, то вещество уже то остаться не может, а будет иное. Приключение есть надлежность к телу, так как веществу, а однако ж по воле отнято быть может, как, например, место, на котором стоит. Сие подлинно, что никакого вещества или тела понятия не можно, которое бы могло быть без места, на котором оно пребывает, однако ж сия надлежность такая к веществу, которая переме-

нена по произволению быть может и не помешает веществу быть тем же веществом, которое было в целом своем бытии. Перенеси шар с одного места на другое, обороти его куда хочешь. Подлинно, что шар без места быть не может, а однако ж шар шаром всегда тем же и останется. Итак, свойство от вещества отделено быть не может, так как и вещество без свойств своих веществом не будет. Приключение потому и приключение называется, что случаем при веществе бывает. Вещество понять иначе не возможно, как только через понятие всех вместе свойств, из которых оно состоит, так как фигуры человеческой целой вообразить себе не можно, чтобы не взять в мысль свою, головы, рук, ног и всего обще тела. Так, равномерно им свойства понимаем мыслью, разумея их в веществе. Отделенно же ни вещества не свойств представить разуму никак не можем.

§ 84

Вещество есть двоякое: одно, которое разум имеет, другое, которое дара сего не имеет. Что разум имеет, таких веществ два — Бог и душа человеческая. Есть между сими и другие, о которых нас святое писание учит, как то ангелы, то есть духи благие, и противные им, то есть духи злые. Вещество же не имеющее сего дара не находится иное, как только тело и расстояние места. Бог, яко создатель всея вселенныя и всех совершенств, сам в себе виновник и преисполнен, из века пребывает, несумнительно разумом всю вселенную управляет. Душа же человеческая потому, что различные склонности имеет и волю, отличает себя от всех тел одушевленных и неодушевленных. Но тело неодушевленное и пространство места, сии две вещи противного от прежних состояния. Они не мыслят и не рассуждают. И таким образом подробно я изъяснил, что значит вещество и что значит свойства.

Глава первая надесять. О взаимности вещей, когда они одна без другого быть не могут, в которой изъясняется, что значит небытие и прямо ничто

§ 85

Как всех понятий мы не можем себе никак представлять, не назвав их каким-нибудь именем, чтобы можно было нам говорить по философски, то еще следует понятие, которое мы называем взаим-

ность или *Relatio* и которое к бытию вещи крайне принадлежит. Я уже изъяснил, что значит бытие, существо, вещество и свойства. Взаимность же есть то, когда мы сравниваем две между собою мысли или понятия или сносим их. Есть такие вещи или мысли, которые мы понять не можем, непонявши прежде других, так, например, ежели я говорю половина, то я должен понять наперед целое. Обижен, сего слова не могу разуместь, неразумючи самого действия и той персоны, от которой кто обижен и проч. В таких случаях сказавши я одно слово тотчас разумею и другое, хотя об нем и не думаю. Сюда принадлежат понятия больше, меньше, вдвое, сильнее и все уравнивательные слова. Ибо, когда я говорю больше, то разумею в мысли моей нечто другое что меньше того. Вдвое то разумею половинное, сильнее — понимаю бессильное и проч.

§ 86

Ко взаимности принадлежит и небытие. Когда я понимаю нечто такое, что быть не может, то иначе понять сей невозможности не могу, как через соравнение или сношение с тем, что бытием называется. Сие я тотчас понимаю, когда говорят, что человек мыслит и потому и почитаю то за бытие или за понятие такое, которое есть и быть может и которое бытием назваться должно. Ежели же кто скажет, что камень мыслит или камень льдяной, огонь мокрый, вода сухая, сие мне тотчас будет непонятно. А непонятно для того, что я знаю, что оно недостаточно и знаю, что только животное мыслит, огонь сух, а вода мокра. Буде же бы я не знал, что камень мыслит понятие неизбыточное, и что оно прямо назваться может небытие. Видим мы однако ж, что и небытие есть понятие такое, которое пребывает, и которое сопротивно бытию. Обоих сих мы вообразить себе не можем одного без другого. И как у философов *negatio* т. е. отрицание или прекословие есть точно то, когда мы приписываем свойство вещи такое, которое крайне принадлежит ко взаимности, для того, что прекословлю я взаимно тому, чего не знаю и чего не понимаю, взявши в сравнение то, что знаю. Например приписывают человеку честному бесчестность. Я подлинно об нем уверен, что он честен, а сказывают мне о нем такое свойство, которого в нем нет. Итак, я соравняю его добродетельные свойства в уме моем, да и говорю, что того в нем нет, что ему приписывают. Чего ради я в небытии понимаю взаимность, сделав сношение с бытием.

§ 87

От небытия еще произвести можно другое понятие, которое называется у философов *privatio* или лишение. Лишение есть отсутствие такого свойства в вещи, которое не только что может быть в вещи, так как нужное, но и быть должно для ее совершенства. Например, глухой человек не имеет слуха, слепой — зрения, и все увечливые и уроды. Сие понятие так же принадлежит к реляциям или взаимности, а для того, что глухоты и слепоты я не могу знать, не зная, что [есть] слух и зрение. Есть еще много таких понятий, которые принадлежат ко взаимности, между которыми слово рассуждение ставить надобно, ибо рассуждать не что иное значит, как мнение находить лучшее. Но о сей взаимности говорить будем в «Логике». Довольно сего при сем случае, когда мы определяем теперь место, к которому принадлежит понятие о взаимности. Того нам не можно сказать, что взаимность есть ничто, и что оно не бытие, однако ж знать надобно, что оно нам вне нашей души ничего не представляет особенного от понятия. И не так как вещество и его свойства, которых мы чувствуем, будто как копии находящиеся вне души нашей или наших мыслей. И для того, хотя взаимности и пребывают, однако ж не так как вещество. Отчего и вопрос еще сей несовершенно у философии разрешен, к которому классу бытия присоединить надобно взаимность? По моему мнению оною всякое называться должно бытие. Потому что бытие называется все то, что есть и быть может, хотя нам ведомо, хотя не ведомо, и что мы в бытии понимаем сопротивное небытию. Философы между бытием и небытием находят посредственное нечто, но такая подробность в моем порядке сделает затруднение. Я бы желал несколько из философии слов выкинуть, ежели только можно было без них обойтись, но по необходимости делаю может быть читателю трудность и темноту принятием многих терминов. Слова или термины в философской науке не закон, но принимаются по произволению. Довольно только того, когда под словом вещество, или под другим именем, читатель разумеет то же понятие, которое и я. Бытие и ничто: сии два понятия себе сопротивны и одно от другого разрушаются, как уже выше сказано. Однако ж случаются две вещи сопротивные, которые одна другую, хотя вовсе уничтожает, а обе ясно понимать надобно так как бытие. Так как одни философы говорят, что пустоты нет на свете, а другие говорят,

что пустота есть. Тот, кто говорит, что пустоты нет, говорит, что все места в свете заняты телом, то есть бытием. Другой, который спорит, что есть пустота, тот говорит, что есть такие места, в которых нет ничего. Итак, один говорит про бытие, а другой про ничто, а однако ж оба они представляют свои понятия так, как бытия, хотя одно подлинно бытие, а другое подлинно небытие и ничто. Та только разница, что одно понятие представляет нам действительно нечто вне нашей души, а другое не представляет ничего.

Глава вторая надесять. О возможном и невозможном

§ 88

Из первой главы мы уже довольно разумеем, что бытие не только то называется, что пребывает, хотя нам сведомо, хотя не сведомо, да и то называется бытие же, чего хотя нет действительно, да быть может. Такое бытие у философов называется возможное, например, хотя еще вечного движения и по сие время не найдено, однако ж для того только оно не видим, что материи вечной и столь твердой найти не можно, из которой машину можно бы было сделать. В натуре же самой легко понимать можем вечное движение, и потому сего хотя на деле и не видим, однако ж почитать оно надобно за возможное. Но что статься николи не может, то в науке философской называется невозможное, как то вода не может сушить, а огонь мочить. Четвероугольник не может быть о трех боках, а треугольник о четырех углах. Сколько таких еще вещей, которые действительно еще не находятся в своем пребывании, однако ж рассуждение нас к тому доводит, что они быть могут так как все другие, которые уже пребывают. Например, река Нева течет из Ладожского озера в Балтийский залив. Но она таково же легко может течь и из Балтийского залива в Ладожское озеро, ежели бы только Балтийский залив поднят был выше Ладожской воды. Сего нет действительно и не будет: однако ж быть оно может, и не надобно его почитать за невозможное по понятию разума. Философская невозможность не то называется, чего быть не может действительно, да чего и разумом понять невозможно. И то не только уже невозможно да и ничто. Хотя сие ничто также мы понимаем, будто как вещь какую. Например, вал земляной без горы быть не может, а ров без ямы. И ежели собственно сие наименовать захотим, то оно называется ничто. Всяк понять может из

арифметики, что когда из пяти вычешь пять, останется ничто. Так равномерно, представь себе земляной вал, отъими в мысли гору от него, а думай, что оно место гладкое и ровное, то и вал тем же понятием уничтожит.

§ 89

Невозможность в натуре суть различных образов. Часто случается, что вещь сама собою возможная, но к возможности ее помещательством бывает что ни есть постороннее, которое не допускает до того чтоб она сталася. Таким же образом часто помешательством видим и самосложение вещи, по которому она та, а не иная быть может. Пример первому: арестант человек такой же как и другие и так же ходить на свободе может, как и другие, однако ж посторонняя причина, то есть указ и при нем караул, не допускают его до сей возможности. Буде же он допущен до свободы, то уже не есть больше арестант, да человек свободный, как и другие. Итак, не в нем состоит невозможность, да в другом. Пример другому: когда человек мыслит, тогда он чувствует, что не рукою, но головою работает. Он бы хотел и в руке иногда чувствовать сей труд, когда голова его трудна, однако ж сия вещь сама собою уже так устроена, что ее переменить невозможно. И потому сие называется само через себя невозможное. Есть еще невозможность так называемая через взаимность. Например, ядро большего калибра невозможно вкатить в пушку калибра меньшего. И сия только невозможность по тех пор бывает, пока сносим ядро большего калибра с пушкою калибра меньшего. Но невозможность сию можно тот час привести к возможности. Бывает так же невозможность через сношение или взаимность, что некоторую жидкость невозможно удержать в известном судне, как например, крепкая водка никогда не удержится в судне железном, а надобно ее хранить в сосуде стеклянном. Такие все вышепомянутые невозможности называются в философии физическими.

§ 90

Есть еще невозможности, которые мы понимаем совсем особенного рода, так как совсем возможные и часто случающиеся в людях, а однако ж у философов называются невозможностями. Одни называются физическими, другие моральными или нравоучительными. Такие невозможности не принадлежат прямо к сему месту, да мы будем

говорить об них в «Логике», когда речь будет о правдоподобии. Невозможность нравоучительная, о которой у нас речь теперь идет, есть та, которой мы искать должны в разуме нашем. Например: разумный человек из доброй воли никогда не кинется ни в огонь, ни в воду. И не только разумный, но и в дураке столько смысла есть, что б от добровольной смерти бегать и удаляться. Для того сие и невозможно называется. Однако ж сия невозможность не такая, которая бы могла принята быть в число тех невозможностей, о которых я выше говорил, потому что она не физическая, но моральная и состоит только в силах разума нашего. Итак прежде нежели какую то вещь хочет назвать возможною, надобно оную утвердить так, чтоб никакое из преждепомянутых помешательств к пребыванию ее, помешательства приключить не могло.

Глава третья наделять. О том, что необходимо надобно, и что по случаю только бывает

§ 91

Все вещи, когда мы подробно разбираем, каким образом они свое пребывание имеют, одна от другой совершенно отличны, как уже вышеупомянуто. Видим, притом, что одни совершенно надобны, а другие по случаю только. Однако ж сие прилежно высматривать надобно, что б не всякой вещи необходимую нужность приписывать. Многие философы по большей части согласны, что вещь, у которое противное невозможно, есть необходимо нужна. в таком случае надобно всегда на все те невозможности посмотреть, о которых я в 12 главе упоминал. Например, что треугольник имеет три угла и три бока, то противное тому треугольник о четырех углах и четырех боках. Но четыре угла и четыре бока треугольник уже разоряют и переделывают его в четвероугольник, следовательно треугольник по тех пор треугольником, пока он имеет три угла и три бока. Итак, сие необходимая надобность в треугольнике иметь три угла и три бока. Сие то значит, что вещь, у которой противное невозможно, называется необходимо надобная. Короче сказать, то что быть должно в философии, то не быть не может. Чего ради, что быть может или действительно есть, то нужно к содержанию самого себя. Но когда все в прежней главе помянутые невозможности примем в рассуждение, то увидим, что не всегда сие следует, чтоб то, что возможно, не

необходимо надобно было. Возьми только все невозможности моральные а некоторые и физические. Не часто ли то случается, что по здравому рассуждению почитать надобно за невозможное, а однако ж с лишившимися здравого рассуждения случается, хотя и невозможное. Совершенная нужность называется та, у которой противное крайне почитается за невозможное, как например, треугольнику иметь надобно три угла и три бока. Дерево что б росло, необходимо надобно, чтоб влажность имело. Нужность же физическая называется та, у которой противное некоторым образом за возможное почитается, но невозможность бывает только по разуму или моральная. Отчего в одно время бывает нужность и физическая и моральная. Человек, который имеет употребление здравого рассуждения, изберет конечно добрую пищу себе в кушание, а не яд или отраву, когда ему и то и другое представлено будет. Ежели же бы он отраву лучше взял, а не другое, то он бы то сделал, что и по разуму почитается за невозможное и по физически. Однако ж между сими невозможностями, физическая некоторым образом возможна, потому что дурак и лишенный совершенно человеческого разума, сделать такой худой выбор может, моральная напротив того, крайне уже невозможно.

§ 92

Называют обыкновенно случайным то, что быть может и может не быть, то есть вещь такую, которая определения себе по натуре не имеет. Сие слово случайно двояко разумеется может. Некоторые разумеют через случайность то, что противно необходимо надобному: однако ж такое знаменование не всегда одинаково бывает. Обыкновенно мы говорим, что то, что по необходимости моральной сделалось, учинилось случаем. Для того, что действие, которое учинено, оно подлинно есть случай, а необходимость моральную мы понимаем в персоне той, которая по здравому рассуждению действие такое учинила. На примере, что человек из предложенных двух служб выбрал ту, которая ему сносна и понятна. Действо его учиненное есть случай, а он делал сие предприятие так как надобность, которая происходит от разума. Случайно же оно потому называется, что мог бы он того и не сделать. Мог бы, например, и такую службу на себя принять, которая ему и непонятна и несносна; как то часто и случается, но говоря по моральному, то действие его не было бы необходимо надобно по разуму. Итак, что по разуму, то есть моральное называет-

ся надобное, то самое называется может и случайное. Простой народ однако же случайным называет то, что учинилось паче чаяния, хотя оно не только не случайное, но еще необходимо надобное, да нам только прежде было не известно. Говорят, например, человек де шел по льду, да прорвался и утонул, и сие случаем называют. Сие то самое есть и не случайно, да надобно, для того, что он противу разума сделал, что по худому льду пошел. Кратко сказать можно, что по моральному возможно, то случайно, говоря, буде уже действие какое учинено. Для того, что человек то что сделать в состоянии, делает по произволению и по своей воле. И буде уже он что сделал, то на то было определение разума его, а потому и случайность такую надобно назвать необходимостью, так как действие такое, к которому человек определяет себя по склонности, происходящей единственно от воли грехом порожденного человека. Но о таких случайностях, которые необходимы или надобны бывают, в практической философии показывать надлежит. Здесь только о такой случайности говорится, которая физическое нам понятие дает, как, например человек обыкновенно день ходит, а ночь спит, а может и день и ночь не спать, или день и ночь спать. Табакерка может быть кругла и может быть четверугольна, а всегда к тому же употреблению служить равно будет.

Глава четвертая на десять. О продолжении пребывания вещей и времени

§ 93

В первой главе сей части мы изъяснили, что всякой особенно и всем общее свойство — пребывать. И то мы назвали бытием. Но как вещи бытие на может быть бытием, ежели не присоединено к бытию понятие о долгоденствии и временности, то в сей главе надлежит и сие понятие изъяснить. Продолжение пребывания вещей, каково бы оно ни долго было, имеет свой конец, и не видим ничего, что бы своего конца не имело, кроме Творца всея твари. Чего ради и к бытию вещей соединяем понятие о долгоденствии и временности. В пребывании или в продолжении пребывания мы понимаем начало и конец, а ежели то отыдем, то продолжение пребывания называется вечное. Отыдем одно только начало от пребывания, то оно будет предвечное или безначальное. Возьмем прочь конец, то будет вековое или бесконечное. Итак, о продолжении времени два вопроса раз-

решить надобно. Первый касается до разделения времени, а другой до последствия. В вопросе о разделении времени спрашивается, есть ли момент неразделимый, который бы меньше был самого меньшего? Отвечается — нет. И в сем случает то же понимать надлежит, что понимаем в единице, которой меряется долгота. В количестве долготы мы принуждены всегда принять что ни есть за единицу, которою можем мерить количество. Но какую бы кто ни принял малую единицу, она будет всегда не самая меньшая. И потому и в долготе первая мера не разделяется. Тот, кто себе в мысли представляет пункт или точку невидимую, какова бы она мала не была, разделена на меньшие быть может другие. Чего ради в продолжении времени ничего нет, что было бы не разделено, кроме того мгновения, в которое один момент другому последует. Но оный есть конец первому, а начало последующему, и потому неразделен, что он не означает никакого продолжения времени для того, что он есть частица отделенная в мысли только нашей.

§ 94

Второй вопрос есть тот может ли быть продолжение какой вещи? Равным образом так как бы дом построен был на двадцать только лет, и второй год за первым, третий за вторым последуют. Различные мнения многих философов: одни думают, что сукцессия или последствие времени в пребывании всех вещей есть, другие думают, что нет, но по мнению некоторых, как те, так и другие то же самое говорят, только одни разумеют пребывание вещей так, как по перемене времени видят по человечески, другие понимают в разуме и силе Божией всю тварь прежде век сотворенную. Ответ на вопрос сей весь состоит в том, чтоб согласиться о разуме слова сукцессия или последствие продолжения пребывания. Итак, по предвечию Божию, нет, по временности человека и всей твари, есть. Все вещи, которые от Бога сотворены которые в мире пребывают, имеют свои премены, а премена никакая быть не может без последствия. Так, например, человек когда родится, то тело его растет и стареет, а душа зародившись с годами разумнее становится. С годами волю и страсти перемениет. С годами и во всем ослабевает. Почему натурально рассудить можем, что ничто вдруг не делается, но все с последствием. Как год за годом, день за днем, час за часом и проч., так человек и все его с ним течет и перемениется. Сие только последствие нам по

человечески кажется и уравненное с повседневным людским понятием. Само же в себе ничто последствия не имеет. Прими только в рассуждение с надлежащим прилежанием и внятностью все свойства Божие. Тотчас легко поймешь, что последствия ни в чем нет, но все, что было, что есть и что будет, пребывает в своем порядке без последствий. Нам по человечески сие кажется невозможно, но Богу, творцу столь совершенному все есть свойственно. Кто может оспорить, что Бог предвечный и вечный, всех видимых и невидимых тварей содетель? Кто может и то сказать, что б его пребывание было, будто бы с каким-нибудь последствием, когда он никакой не подвержен сам премене? И когда он столько совершенен, как натура сама исповедует, то такого творца все мысли, весь разум его бесконечный и все его определения суть настоящие. Нет в нем ничего прешедшего, нет в нем ничего и будущего. Творца нашего ни о чем уведомить не можно, он ведает и предведает, что от чего последовать может и так на бесконечие. На все он вещи, которые сотворены были, есть и будут, от века взирает так, как на настоящие. Следовательно, всякая перемена в нем, какую бы мы понять не хотели, сама себя опровергает. То каким же образом мог бы кто себе представить, будто бы и пребывание Божие или продолжение сего пребывания подвержено было последствию. В Божием пребывании нет дней, ни моментов, ни в его свойствах каких отмен, но всегда един, всегда совершен, всегда собою самим доволен и всегда тот же. Ибо время соединяется только с тварью временною, которой положено от Бога начало и конец, с вечным же существо время не соединяется. Откуда заключить мы должны, что и все от него сотворенные вещи пребывают в его разуме и о судьбах сами в себе всегда равны, совершенны и таковы же. Но то, что в них подвержено временному только пребыванию, или способнее сказать, на время зрению и чувству только нашему отдано, в том есть последствие такое, которое само в себе ни есть последствие, да вещь настоящая, нами же только видимая в переменах своих. Ибо, что у Бога в каком состоянии или сложении, то всегда таково же во веке пребывает из века. Всегда вздумано, определено, сделано, и ничто в его совершенной воле и вседержительстве не становится ни прежде ни после, но все вдруг и все всегда, так как вещи такой, которая совершенного владычества и совершенного самовластия, премудрости и разума бесконечного преисполнена. И сейто будучи всего мира совершенное начало, раздает нам во власть разум и понятие

наше на некоторое время, по коих мест благодати его угодно, как через правила натуральные, которые с рождением нашим в нас вкоренил, так через закон свой и откровение святого своего писания, которым определил ведать волю свою с ним вечно и без последствия пребывающую. Итак, дела только наши и вещи переменяются и последствию подвержены, для того, что дела в волю совершенную нашу отданы, а вещи смерти временной преклонны. Прочее же все, что от Бога сотворено, то у Бога пребывает предвечно все в его разуме и в его власти, и не имеет в себе никакой сукцессии, то есть последствия. Таким образом, сии два вопроса, которые в сей главе нужны были, мы, кажется, разрешили. То только еще дополнить надобно, что обыкновенно у философов называется продолжение, текущее время, настоящее прямое. А когда оно рассуждается так как текущее, то понимается его последствие, которое разделяет его будто на части. Части же его какие кто изволит принять, однако ж приняты обыкновенно годы, месяцы, дни, часы, минуты, секунды, мгновения и проч.

Глава пятая на десять. Что разуметь надобно через слово тожде или тождество

§ 95

По принятому способу рассуждая прилежно состояние вещи всякой особно, безспоримо мы понимаем, что оные переменяются. Другие, напротив того, никакой не подвержены перемене, когда только сами по себе рассуждаются. В таком случае, когда вещь не переменяется мы говорим, что она та же, и что она отличена от всех в свете других вещей. И поэтому называется сие единство или особенность вещи. Однако ж называются вещи в различном рассуждении те же. Вообще все те, у которых одно какое ни будь свойство вещества не переменялось, слынут у нас так. Но в таком случае то памятовать надлежит, что было говорено о свойствах вещества в главе 10. Там было упомянуто, что всякая вещь (ежели внутреннюю ее перемену взять в рассуждение, которая беспрерывно в ней продолжается) ни на одну минуту не может остаться та же, но всегда будет иная. Чего ради, говоря по философски, не можно сказать о дереве растущем, чтоб оно было то же самое, что вчера, для того, что ежели бы в нем остановилась перемена, то бы и растению тут же конец случился. Следовательно мы видим, что тождество вещи состоит только в разуме нашем,

а в яве философское тоже не находится. Один человек, например, глядит на вещь в то же самое время, когда и другой, но один оную называет тою же, а другой спустя момент, говорит, что она уже не та, да другая сделалась. Употребление, однако ж повседневное нужды не имеет в таких точных изображениях, но сие к философствованию потребно. Так, возьмем в пример тело умершего человека, которое уже к погребению изготовлено. Все говорят, что тот же человек, который вчера на свете жил, и в том не ошибаются, но сие по обыкновению народному говорится. А по строгости философской сказать надобно, что тело того человека, который вчера жил, и что сие совсем уже не человек для того, что к сей вещи, которую мы называем человеком, принадлежит самая нужная часть, то есть душа его, которая уже отлучилась. Но когда мы рассуждаем при таком разговоре об одной только фигуре человека, то конечно так, а не иначе сказать должны, что тот же человек, который вчера на свете жил. От сего мы видим, что тожество (буде так по нужде сказать можно) состоит только в разуме нашем.

§ 96

Что же касается до существ, мы понимаем всякое особливо, и делаем великую разницу между одним и другим. Однако ж как долго всякое существо сохраняет те же свои свойства, называется тоже. заключаем от сего, что всякое существо не может названо быть тоже, буде его свойства отняты, так как и мертвое тело не может названо быть тем же человеком, который жил. И ежели когда речь есть о существе, которое отличается особливыми свойствами, то по тех пор оно то же, по коих мест свойства тогда упоминаемые в нем остались. Для того, что те же самые свойства не могут быть в другом существе, в то же самое время, и никакое свойство не может перейти из одного существа в другое, так, чтоб и то и другое существо в здоровом и ненарушимом своем прежнем состоянии остаться могло и быть тоже, что прежде.

§ 97

Равномерно и взаимность вещей по тех пор остается та же, по коих мест те вещи или свойства в них целы, которые их в союзство сие сводят. Однако ж надобно смотреть, чтоб обыкновенное понятие нас не обмануло, когда мы пишем в высокой речи, что сии две вещи тот же союз между собою или сношение имеют, который и другие

две, и в таком случае говорим сие, когда надобно бы только сказать было, что такой же. Для того между словом тот же и такой же великая в философии разница. Например, ежели я говорю, что между 15 и 5 та же разница, что между 6 и 2. Потому что последнее число содержится в первом трижды в одном и другом случае. Сии два сношения суть только между собою подобные, а не те же. То же называется, когда как в первом, так и в другом случае 15 и 5 разницу или сношение между собой делают. А как скоро я рассуждением на другое сношение переступил, то уже первое я в разуме моем совсем уничтожил. Пусть я понимаю, что существо испорчено и разделено из прежнего своего состава, то есть через Творца нашего уничтожено, то и понятие о том, что мы называем тоже истребится. Ежели кто скажет, что сие существо может быть сотворено на изнова? Я не отвечаю, что такое существо, буде оно имеет свое начало в другой раз, то уже оно не то же. Сие понятие простирается до самого истовства всех свойств, которые к существу принадлежат и которые составляют существо всецелое. Положим, однако ж, что некоторое существо может в пребывании своем перерваться и некоторое время не быть, а после вторично в то же пребывание войдет, и ту же фигуру и лицо на себя примет. В таком случае мы понимаем, что вещь сия та же, для того, что те же частицы, из которых тело состояло и тот же порядок, которм они в нем расположены были в прежнее свое истовое состояние пришли, вещей хотя на некоторое состояние и прервались в своем пребывании. Но сия соль возобновления или паче восстановление столь истого вещей и всех в свете существ Богу единому, всемогущему приписывается.

§ 98

Некоторые однако ж свойства всечасно переменяются в телах. Есть так же понятие в некоторых случаях о слове то же, которое не зависит от всецелости существа, да только от сохранения той умеренности, которой вещи расположены в существе. Например, все машины и всякой силу и употребление мы понимаем, так как существо. Они свою ту же силу по тех пор имеют, по коих мест в том же порядке части ее состоят и производят изобретенное в ней употребление. Пусть в машине порядок частей и расположение переменится, да когда сила еще так же и употребление равномерное осталось во всем, то и машину мы называем той же. И в таком случае мы не рассужда-

ем ее существа телесного, да только потому называем той же, что она то же действие производит. Дом, когда починивается малопомалу и совсем в таком состоянии уже находится, что мы без всякой отмены против прежнего в нем жить можем, не рассуждая его тела, называем тем же домом. Часы, которые изошли и после заведены, называем мы теми же. Но ежели дом был испорчен и по некотором времени сызнова переделан, то существо его не то, что прежде, а употребление его то же. Такая последствующая перемена бывает в растении трав, тел человеческих и тел животных, хотя и переменяются, однако ж пребывают всегда те же, но по философии прямо теми же назвать не можно, для того, что их некоторые свойства против прежнего отменились.

§ 99

Есть некоторые философы, которые говорят, что все растущие вещи в своем семени столько совершенны, сколько при возрасте, и что их растение не что иное, как только распространение тех частей и увеличивание, из которых семя состоит. Однако ж никакое, по моему мнению, увеличивание частиц не может быть без умножения их же самих или чего-нибудь постороннего, как то в физике теоретической о том показано быть может. И потому вещи малой свойство не то же, что великой. Но буде, что в животном остается навек из прежних его свойств, то одна только память и воспоминание прежних мыслей. Отыми только сие одно, то животное уже совсем не то в возрасте, которое было в малолетстве, хотя не так строго отменилось, как из рыбы камень бывает, из тела твердого — жидкое и прочая. Ибо хотя человек, например, от болезни и лишится памяти своей прежней, однако ж его персона та же осталась для того, что еще некоторое сложение частиц, из которых его тело состоит, то есть некоторое его свойство прежде в нем осталось.

Глава шестая надешать. О вине и от нее произведенных действиях, что у философов эффектом называют

§ 100

Рассуждая то, что мы повсечастно видим всех частей перемену и вещей начало, подает нам случай иметь понятие и о том, что значит вина, и что от нее произведение или эффект? Вина называется все

то, что из себя другое нечто производит, а произведение или эффект то, что от вины произведено бывает. Существо, свойства и вообще, что не может называться ничто, или имеет свое начало, или безначально. Сие, что не имеет своего начала произошло или само от себя, или от другого. Но что сие есть быть произведену от другого? Есть то, когда вещь одна должна начало свое другой вещи, так что, ежели бы первая не была, то бы и другая не показалась на свете и не имела бы своего пребывания. Почему заключить надобно, что все то, что произведено от другого, имеет свое начало. И так поступая дале от небытия к бытию, наконец дойдем до такой вещи, которая быть должна вина первая всем другим в свете вещам, ибо что не имеет своего начала, то пребывает само через себя. И как все вещи, которые имеют свое начало были прежде ничто, то такая, которая безначальна и пребывания своего вину в себе самой заключает, есть весьма иного совершенства. Произведенные вещи могут быть и могли прежде не быть, но вещь по безначалию своему и столь великому совершенству, что она всех в свете других вещей виною, никогда не быть не могла. Чего ради то, что прежде не быть не могло, и впредь не быть не может, и об ней единой сказать можно, что она для того есть, что не быть не может. Предложение первое было так сказано, что все, что не имеет своего начала, есть само собою вина своему пребыванию. Сие самое и потому справедливо, что хотя бы и на другую сторону переверотя сказать, то разуметь то же должно, например, все, что само собою есть вина своему пребыванию, то начала своего не имеет, так как всякое животное дышит — правда, все, что дышит, то животное есть, правда ж. Но есть такие предложения, которые в противную сторону фальшивы. Например, все, что на четырех ногах ходит — то животное, но вопреки, все, что животное — то на четырех ногах ходит, сказать не можно. После таких твердых и непреоборимых винословий или аргументаций бесспоримое следует заключение, что вещь, которая сама в себе вину своего пребывания имеет, не может иметь начала. Ибо, ежели она сама причиною или виною своему началу, то она же и прежде уже пребывала и действовала. Ничто не может действовать прежде, нежели оно есть, следовательно вещь безначальная не имеет вины своему пребыванию вне себя, но внутрь. Так как ничто не может никогда виною быть никакому произведению или эффекту, по тех пор, пока сие ничто будет, что ни есть.

§ 101

Положив твердое основание первой вины весь мир производящей, видим, что все видимое и невидимое иметь должно свое начало, и все, что имеет начало, должно зачатием своим чему ни есть внешнему от себя. Господа разных сект и систем метафизики, дают разнообразные виды и разделения винам, однако ж мое не то намерение, что б в подробности их вступать, но показать только то, что нужно рассудилось к познанию генеральному философии. Итак, предлагаю такие только разделения, которые бы довольны к решению нужных вопросов. Все вещи, которые начало свое имеют от других, не происходят всегда непосредственно, но часто одна от другой происходят через посредство многих других. Так, например, человек человека живота лишил. Сие подлинно, что один есть вина смерти другого, однако ж надобно что б смерть одному случилась от другого через посредство или какого орудия, или иного какого способа. Чего ради по необходимости я делаю винам два деления. Одну называю прямо и просто виною, а другую посредством, хотя сии два понятия так между собою соединены, что одно без другого в своей силе остаться не может. Например, ежели человек человека застрелил, то один другого смерти прямая вина, но с посредством или фузеи²¹⁷ или пистолета, или подобного чего. Так, слово в слово во всех вещах делается, что ничто без вины и посредства стать не может, и то самое, что мы называем азардом, удачею, слепым случаем или не нарочитостью, всегда свою праведную вину имеет, только временем от нашего понятия закрываю. Ибо слово сие, азард, по моему мнению, разума философского нисколько не имеет. Оно нам только служит на закрытие нашего незнания. Когда мы не умеем прямой сыскать вины какойлибо вещи, то обыкновенно ссылаемся на азард, или на ненарочность. Итак, всякая вещь свою вину имеет таким образом, что всегда к тому соединению посредством надобно, без которых вина в своей силе виною быть не может. У весов, например, когда одна чашка опускается, то в то же самое время другая поднимается. И так можно бы тотчас заключить, что одной чашки опускание есть виною другой чашки поднятию. Однако ж по правилам равновесия, сия вина не довольна собой к поднятию другой чашки, да надобно что б на чашке, которая книзу идет, был положен вес или тяжесть какая, которая в весах равновесие от-

нимает. Чего ради видим, что неопускание одной поднятию другой виною, да тяжесть та, которая чашку влечет книзу. От сего рассудить можно, как посредство к вине нужно. Отними посредство, отнимешь вину, которая действие производит. Сим способом поступая дале всегда найдем вины вину, и найдем, что одна вина виною другой вине, а та вина виною другому произведению. Между учеными людьми примеры для ясности употребляются таким образом. А вина есть к В. В, таким же образом виною может быть к С. Когда я кладу, что А производит по необходимости литеру В, а В необходимо производит литеру С, то потому следует, что А необходимо производит литеру С и так дале. То же самое есть, когда человек в другого чем стреляет. Зашибет пуля, а не человек, а однако ж человеку убийство приписывать надобно. Он тому причиною, что пуля силу приняла полететь. А пуля причиною, что человек умер. Да и все сии вины или причины можно еще на бесчисленные делить. А однако ж разуметь и говорить надобно, что человек убийству причиною. Надобно только при сем нам случае Бога и закон его познавшим, сие за правило себе принять, что от вины к вине не можно поступать бесконечно. Метафизики бесконечием называют, когда от вины поступать к произведению, а от произведения так как от новой вины к новому произведению и так без конца, и вопреки от произведения к вине и от той вины так как от прежнего произведения к третьей вине и так без начала. Но физики то только бесконечным называют, что ни прибавиться не убавиться не может. Ибо как скоро что прибавиться может, то уже не стало у них без конца, да знатно, что ему конец был. Однако ж, ежели надобно прийти к такому концу или началу, что или то первая вина или последнее произведение, то напоследок всегда обращаемся туда, откуда начало свое имеем. Вся натура начало свое имеет от первой вины, то есть от Бога. Потому и обращаться должна к Богу, поелику она удостоена быть может. На всякую вещь, когда мы посмотрим, в какой бы то момент ни было, всегда ее находим такову, каковой ей от Бога быть определил. Ежели же она переменилась или отменилась, то уже она больше не та. Но первая самая вина, которая есть начало всем произведениям, должна быть такого сложения, которая ни от чего другого не происходит, ибо как скоро она есть другой какой вины произведение, то и совершенство от нее отнимается, следовательно ни прибавиться ни убавиться сама в себе не может. Когда какая вещь переменяется, то в ней одно нечто про-

падает, а другое на то место прирастает. Но совершенство первой вины по разуму быть должно. Итак, что есть, то не быть не может. Следовательно то, что есть в совершенстве первой вины, то таково есть без начала, то таково и без конца быть должно. Сие есть следствие бесспоримое того правила, о котором я упомянул выше. Итак, вина первая есть предвечная и вечная, происходящие же от оной вины произведения по взаимности своей суть временные, потому что все они перемене подвержены. А все, что переменяется, то имеет начало. Все, что имеет начало, то иметь должно и конец и потому временное. Сие все то, что касается до генерального рассуждения о вине и произведении ее. Много бы можно о сем изъяснений дать, но сего учинить было невозможно, не употребив многих разделений, которые обыкновенно к школам одним принадлежат. Отчего бы больше трудности, нежели изъяснения подать я мог.

§ 102

Теперь видим, каким образом можно рассуждать о вещах генерально не прикасаясь их самих материи. Можно бы вступить в дальнейшие подробности метафизические, однако ж к нашей нужде и того довольно, когда мы рассудили вообще, что значит бытие и существо всякой вещи, что значит существо и его свойства. Что разуметь надобно через взаимность или соответствие вещей и понятий, где изъяснено и о том, что мы понимаем под словом ничто. Таким же образом возможное и невозможное, нужное и случайное по возможности истолковано. Из чего последовало, что б изъяснить о продолжении пребывания вещей и о времени, рассуждая потом силу слова то же, или тождество. Напоследок о вине и ее произведениях или эффектах. Все сии рассуждения суть внешние души нашей мысли, в которых мы силой душевной упражняемся. Во второй книге приступим до сил внутренних души нашей, которой мы о всем внешнем рассуждали, и посмотрим какие и каким образом операции или действия в ней самой отправляются. Равномерно как и художник должен всегда силу и качество своих инструментов знать, а после ими работать, так мы, показав внешние души нашей помышления, в следующей книге покажем силы ее и приступим от того к правилам винословия или аргументации, которые называются логика.

Конец первой книги²¹⁸

НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ

Оглавление правилам:

1. Будь добросердечен.
2. Опасайся быть корыстником на вред ближнего.
3. Будь экономом, а не будь скуп.
4. Щедрота без тщеславия двойной подарок.
5. Одолевай нищету трудом и прилежанием.
6. В счастье и несчастье взирай на будущие твои времена.
7. Будь храбр, а не будь забиячлив.
8. Не допускай до себя никогда худых привычек.
9. Не будь безумен в страсти любовной.
10. С кем поживешь таким и прослывешь.
11. Здоровье свое почитай первым для тебя сокровищем.
12. Не забавляйся игрою до убытка, паче разорения твоего.
13. Каков ты будешь промотавши имение.
14. Старайся говорить кстати и смысленно.
15. Отделяй прямую дружбу от фамильярности.
16. Не привыкай к издевкам.
17. Не будь упрям по своенравию, а соглашайся по разуму.
18. Не будь переносчиком вестей.
19. Не привыкай быть ласкателем.
20. Желания и вкус с годами переменяются.
21. Жизнь благополучная.

Вступив ты в четвертый на десять год возраста твоего, приближаешься к таким летам, в которых начинает оказываться свойство сложения твоего, и тобою будет владычествовать. Долг мой, есть долг попечительного о тебе родителя, и знание сие составляет меня объявить тебе, что стал ты теперь в дверях заблуждения. Оно многими и разноразличными путями неизбежно тебе представляется. Все твои склонности по природе, по сложению тела, и по бесчисленным соблазнам, поведут тебя с закрытыми очами, ежели не подашь руки твоей родителю, помощь тебе усердно подающему. Примь ее так, как самую для тебя надежнейшую. Рука его откроет тебе очи и укажет путь сколько возможно прямой к достижению предмета, на который ты рожден и с чем жизнь свою скончать должен. Сказывают друг мой, что век пере-

жить не поле гладкое перейти. Найдеши на пути твоём лес дремучий, и тернии непроходимое, и пропасти земные. Ты воспитан в вере православия, в которой родился, и основы ее были тебе от первого младенчества внушаемы. Больше будешь оной поучаем, когда силы естественные разума твоего укрепятся. Но теперь предписываю тебе некоторые правила выбора на главнейшие души твоей склонности, с которыми ты дело иметь начинаешь. Затверди оные в памяти твоей и последуй им по силе и возможности твоей. Практика сих наставлений в повседневной жизни тебе надобна. Они тебя проведут через отрочество к юности; а от юности к старости. Лес, тернии и пропасти, которые тебе предлежат, минуешь беспрепятственно; а я, пока жизнь моя для тебя продолжается, не отниму моего от тебя руководства. Проси Бога, чтоб я был здоров, доколе разум и лета твои созреют, и верь, что я буду усердным тебе предводителем.

Правило 1-е

Будь добросердечен

Первое и главное для все жизни человеческое счастье, *сердце праводушное*. Благополучен тот будет на веки, кто с добросердечием родился, и кто сей природы не токмо худыми примерами не потерял; но еще воспитанием в душе своей паче утвердил. Не довольно что от сего источника собственное удовольствие и жизнь благая истекает; но и всегда за сокровище для других он почитается. Такой человек чувствует несчастье ближнего и терпит равно с теми, кому он помочь не в состоянии. Не толкует он ничего во зло, и пороки чужие закрывает. Очи его слепы на слабости ближнего; а уши глухи на оклеветание внушаемое коварством. Ежели его одобрять, он тогда говорит; а ежели свидетельствовать злословящему, тогда он нем. Благополучным себя почитает, когда устроил другому благополучие, и радуется всегда чистосердечно. Когда он видит вражду между двоими крушится не притворно и примиряет их усердно. Воздерживает ярость ненавидящего и отдаляет его мнение. Он не знает имени зависти, а всякому доброжелательствует, несчастных утешает; а обременным делает облегчение. Скажу тебе правду: в наш век таких людей мало, но приближающихся к ним число довольно найдешь. Затверди сии добросердечного начертания в уме твоём, и с людьми в обхождении употребляй их по силе лет и смысла твоего. Привычка к

добру так же нечувствительно в сердце твое войдет, когда жить станешь с примечанием твоих поступков, как и пороки, которые вкрадываются в сердца никаким воспитанием не обузданные.

Правило 2-е

Опасайся быть корыстником на вред ближнего

И мал и велик, все действуют имея за цель корысть свою, а без нее никто не движется. Она так возведена высоко, что тот и разумным человеком почитается, который на ее целит своими действиями; а инако его простаком назовут. Ты не разумеи здесь корыстника, который ищет прибыли в имени и во всем другом святыми правилами каждому разумному не запрещенной; но разумеи такую лихву, которую многие на счет ближнего, на убыток; а иногда и на вред совершенный приобрести стараются. Представивши себе такого корыстника, памятуй, что характер презрителен. В нем много пороков найдешь, от которых честный человек иметь должен отвращение. Корысть такая, за адский порошок почитаема быть должна, который в глаза бросается для заслепления, что бы не видеть ни правосудия, ни должности, ни чести, ни дружбы. Она истребляет обязанность взаимную родственникам приличную: она жену с мужем в раздор приводит; она вражду между братьями возрождает; она огонь дружбы между приятелями погашает; и многих заставляет поборствовать иногда неправде. Она делает многократно ласкателя рабом, бойца отчаянным, духовного лицемером; а купца обманщиком. Кажется что корысть такая госпожа, которая все другие страсти за собой в порабощении ведет. Словом, действующий по корысти, почитает себя за разумного; а в самом деле он подлец и насыщает всеми мерами свою алчбу. Портрет сей многим есть общий: по тому, что бесстыдно порок захваливать на себя имя добродетели; но ласкатели и харю часто называют красотою, а ты старайся честного человека черты лице твое сохранный.

Правило 3-е

Будь экономом; а не будь скуп

Когда человек не имеет довольного богатства: то может быть нетороватым без его порицания. Добродетель и то, когда кто умеет сберечь приобретенное, и добрым экономом быть, есть знак разума. Хотя обыкновенно нетороватый идет в числе скупых, средства однакож другого нет заслужит имя хозяина. Таким образом сего рода скупой

человек прикрывается именем эконома: потому, что скупой, есть имя порицательное. Но когда неумная бережливость есть добродетель, то и согласиться надобно, ближайшая соседка пороку: потому, что она в близком свойстве с прямой скупостью; ибо по большей части, где великая бережливость имени внедрилась, тут и жадность к оному зародилась. Кто не любит сам давать, тот обыкновенно привыкает сам брать; а наконец и все неистовые способы употребляет к набогачению своему. Сие свойственно не одним хитрецам; но и глупые люди собирать умеют богатство. Разумный только один умеет оное сдерживать. Скупец и в богатстве нищим проживает; но прямой эконом собирает имение без стяжания, и по мере достатка расходы свои ведет. Приметить можно, что дети, которые с малолетства бывают на все вещи бережливы, часто случается что к старости перерождаются в великих скупцов, и что ежели что в двадцать лет всего жалеет, тот в тридцать смелости не имеет за своим собственным столом в сытость наедаться; а все оставляя на утро. Обыкновенно, кто смолоду любит страстно рюмку вина, тот под старость бывает не редко пьяница. И потому кажется, что такая экономия приличествует только старикам или старухам, которые всегда робость имеют, чтоб напередки не быть в нужде. Но прямая экономия всегда обитает между чивостию²¹⁹ и скупостью, и к той и другой стороне никогда не наклоняется. Тут надобно иметь разбор разумный и особое значение, которые качества редко вместе случаются. Есть род экономов у нас и такой, который прямо назваться может: смрадные скупцы, и их за то, что при великом своем достатке живут в домах гнусных, пьют скислое, а едят вонючее, одеваются изношенным, и детей воспитывают в таком же неблагообразии, называют великими хозяевами. Сие смешение имени происходит от не довольного понятия, в чем состоит прямая экономия, и что есть гнусная скупость. Разумные попечители питомцев, прежде стараются обучить правилам хозяйства: нежели о глубокости знания латинского языка в них трудится. Они видят, что невежа богатый, всегда выступает перед ученым бедным, и что люди с талантами имеющие недостаток в пропитании раболепствуют.

Правило 4-е

Щедрота без тщеславия двойной подарок

Все те которые изобилуют в имени, дарить могут; но не все дарить умеют. Сие есть секрет, который представлен только душам бла-

городным. Они знают что, когда и как кому дарить. Многие иногда дают изобильно, но с таким лицом, что их даяние больше досаждают нежели одождает приемлющего. Дар сих последних обыкновенно цену свою теряет, а первых удваивает. Те, которые притворствуют в себе щедроту, при даянии подарок свой тщеславным лицом возносят; а напротив того чистая и непритворная щедрота при людях и без людей всегда равна. Есть и такие, которые находят себя принужденными к щедроте по уважению к своему состоянию; делают однако ж что с урюмостью и на лице своем скрыть не могут, что им жаль всего что они дают. Их даяние не столько одобряется именем вспоможения, как налагает на приемлющего некоторое бремя. Честная и благородная душа не выискивает способа каким бы дать, чтоб и тот много чувствовал кому даешь, и люди бы то видели и его щедролюбивым за то прославляли. Она нужду всякого предвещает не приметно никому. Довольна, одождая другого без воздаяния от него. Все что делает не примешивает мысли взаимообразности и не ропщет на забвение и неблагодарность; а знает что довольно в отмщение и внутреннего тому терзания, кто одождение забывает. Не думай, чтоб были люди, которые вовсе забывали благодеяние. Их головою нет; но большая часть не хотят быть благодарными, каковых три рода я почитаю: первый получа одождение от тебя после бегает: второй злая того, он имея случай возблагодарить, от того удаляется; а третий урод есть самый презрительнейший. Сей вместо возблагодарности делает благодетелю своему мщение, стыдясь тем, что он жребий будто бы имел в жизни обидный роду или имени своему, когда принужден был благодеянием твоим пользоваться. Справедливо кажется разумные люди думают, что неблагодарного единожды не должно в другой раз уже одалживать. Повторенное твое такому благодеяние, есть обида прямому благодарному, которому бы ты оно сделать мог. Истинная щедрота всегда сопутствуется совершенством приятности, с которою один дает, и совершенством удовольствия, с которым другой принимает. Сего никогда почти люди не учатся; но врожденное души их свойство и привычка, отличность им делает в людях. Они по состоянию каждого приемлющего поступки свои умеривают. Часто нужда другого столь им чувствительна, что они имея уважение к нежности его духа, все способы употребляют ввести его в принятие своего дара ему неоскорбительное. Они при одождении, одолевают всякое затруднение, отвращая от него и от себя стыд, каковы обыкновенно

венно случается, когда один неотменно помощь сделать хочет, а другого необходимость, оную принять заставляет. Надобно так дарить, чтоб одолженного оставить в неизвестности, за подарок ли он больше тебе должен или способ, которым дар ты ему учинил. Ежели станешь людей примечать, бесконечно найдешь таких, у кого сему научишься.

Правило 5-е

Одолевай нищету трудом и прилежанием

Нищета часто приводит человека к пороку, когда он когда он твердости не имеет ее сносить. Сверх того она лишает иметь то, к чему натура его привыкла. Она погружает в вечную темноту часто добродетель и полезным замыслам гробом бывает. Она задушает в самом рождении благородные мысли и презрением покрывает дух разумной души.

Многие отличные разумы мертвы между живущими, или так сказать живые погребены во тьме нищеты, и словом: никакая ясная свеча не испускает света из фонаря непрозрачного. Некто из древних Римских писателей сказал: *Боги все за труд продают и трудящимся помогают*. Нет другого соперника нищете, как труд и прилежание. Не ослабевай в них. Памятуй, что сии два качества соединены с природным твоим разумом, доведут тебя быть надобным тому, кто от своего изобилия тебе поможет; а ты не взирай на то, что многие скорее помогают в бедности слепым, немым и увечливым, нежели ученым. Большая часть боятся сами умереть такими; а не боятся в бедности умереть учеными.

Правило 6-е

В счастья и несчастья взирай на будущие твои времена

Не меньше надобно разума иметь, как вести себя в благоденствии, нежели твердости как сносить несчастье. Всякой человек желает быть благополучным; а редкий умеет благополучием пользоваться. Не все что блещет, то золото, и не всякое благоденствие человека делает счастливым; и самые лучшие люди в счастья нашли иногда источник своего неблагополучия. Часто благоденствие рождает жизни неприятную, потому что счастье долговременное наконец бывает без вкуса; а нечаянная и малая перемена весьма чувствительна по своей новости. Таким правило надобно памятовать одно: в *благоден-*

ствии не забывать, что может быть несчастлив; а в несчастии утешаться, что может и к тебе придти счастье.

Правило 7-е

Будь храбр, а не будь забиячлив

Уязвленная честь всегда возбуждать должна храбрость. Кто сего свойства не имеет, тот прямо не знает хранения чести. Напротив того храбрость без причины есть забиячество, которое нужно вовсе помрачить. Она будучи законная, есть природное в человеке ободрение, которое ополчает его по разуму на своего обидчика. А забиячество продерзость приобретенная, то есть, происходящая от худого воспитания, у которой при отпуске из общества, обыкновенно проводником бывает палач. Первая прилична благородным, а последняя глупым невежам, хотя и в благоденстве рожденным. Недостаток рассудка многих заставляет посредством забиячества искать себе славы храброго человека. Но ты знай, что прямо храбрые люди оно презирают, не менее как и прямых трусов. Есть однако много безрассудных людей, которые сей порок называют добродетелью. За лучшее средство почитать надобно, чтоб не смешать своей храбрости с другого забиячеством, удаляться о общества забияки.

Правило 8-е

Не допускай до себя никогда никаких привычек

Древние уже нравоучители приметили, что привычка в человеке тот же что и природа. Ежели привычка добрая, то служить залогом концу благому, но ежели дурная, то она такие узы, от которых редко кто освобождается. Она вкрадывается от юности так неприметно, что тогда только ее узнаешь, когда уже властительски тобою обладает. Не решено еще любомудрым: по крови ли приходят склонности душевные или по воспитанию; но явные в человеке пороки, чему бы не долженствовали свое начало, привычке однако ж должныствуют свою необузданность. Кто крайне лжив, скуп, горд ленив, праздноделен и проч.: так как и кто головою мотает, лицом кривляется походку имеет странную, жрет не в меру, пьет до вреда своего или до безумия, закуривает и занюхивает себя табаком, голос отворяет в обыкновенных разговорах не в меру и прочее: тот все сие привычки долженствует, и сам своя природу в душе и на теле небрежением в неустройство привел. Ежели говорят, что у него отец был лжив, по-

ходку имел такую же и т. п., подражания неприметному от юности то прилипши к которому человек от младенчества имеет склонность, от которой найдешь и тут всегда привычку, превращенную в природу. Человек разумный крайне в том прилагает, чтоб не поработить себя такой властительнице, которая душе благородной, хотя в прочем добродетельной, наносит пятно помрачающее нрав приятный, или наносит безобразие красоте совершенной. Сии однако ж привычки суть меньшего уважения, а есть такие, которые производят пагубные следствия, и перерождают человека в адское исчадие: испорченная привычкою душа защищает всякое беззаконие, помрачает разум правая душа, ослепляет понятие истины, ожесточает совесть и самый порок в добродетель превращает. Привычки такие ведут ее на вред ближнему без примечания, отъемлют вольности без сожаления и заключают ее в узы, которых тягости ослепленная не чувствует. Представь себе богатого, бездетного, гнусно живущего, корыстного, правую сторону обвиняющего и разбойника, без ярости мучающего на смерть человека: скупость корыстолюбие и склонность к кровопролитию, суть те привычки, с которыми он не родился, но они поселились в душе его от воспитания, от небрежения и от зверского сожития с подобными, которых он же в пример себе поставил. И ежели беспрепятственно они сопутствовали тому, кто им попустился, то и вселилась в него новая природа, с которой оно не родился, а умирать с нею должен. Стерегись такой заразы в самой твоей юности, Всякому злу корень скоро распространяется и всякое зло скоро прозябает. Примечай в самом себе привычку в рождении ее и власти ей никогда над собою не давай. И добрым и худым быть с малу люди привыкают.

Правило 9-е

Не будь безумен в страсти любовной

Любовь или страсть любовная есть самая приятнейшая, и самая безумнейшая из страстей. Древние имея такую же склонность к ней как и мы, а не имея просвещения в вере, сделали из любви особенное божество; и не удивительно: они сластолюбие почитали за верх человеческого блаженства. Любовь хотя и слепа, однако ж всегда обитает в очах, и самые гордые сердца ей покоряются, все что живет одушевленно, то пребывание свое ей долженствует. Она не имеет уважения ни к полу ни к летам. Когда она представляется в прямом

своём виде, тогда она блистает в юности, но когда она хочет показаться насмешливою, тогда она разогревает сердца престарелых. Притом она замысловата, и часто делает храбрым, скупого чивым²²⁰, гордого снисходительным, а разумного дураком.

Правило 10-е

С кем проживешь таким и прослывешь

Человека всегда узнать можно через тех с кем он обхождение имеет. Хищная птица всегда бывает на падалище, а пчела на цветах. Нет ничего для тебя столь полезного в обхождении, от которых бы не только взаимодействовал себе честь, но и примерам поставлять к собственной твоей жизни, последуя их нравам и поведению. Наилучший способ искать компании в такими людьми, которые летами тебя старше, достоинствами выше и практикою в жизни искуснее. К таким первый твой приступ с почтением быть должен, а всегдашнее свидание с осторожностью. Они примут тебя не за чин и за леты, которых ты еще не имеешь, но за твое благонаравие, учтивость и к ним должное почтение. В неисполнении же сих отлучат тебе с презрением. Человек от младенчества будучи сотворен на уподобление другим, склонность природную имеет все перенимать не приметно, и доброе и худое в пример себе поставить, пока разум его одним, или осторожность другим уподобить. С кем он зачал обходится, в скорости тех людей в нем познаешь и в хуе и в добре. Есть еще и то несчастье, что доброе нескоро заимствуется, а от злого сообщения и самая сообщения и самая лучшая в сердце природа тотчас повреждается. Старайся перед всяким быть учтив, в всех тех удаляйся, кто худую славу в людях имеет, Разведывай прежде о людях и слепо друзей себе не выбирай. Нечаянное знакомство особливо между молодыми, начинаются всегда пороками, и все от них худое скорее припадет к твоему поношению. Исполнение сего нравоучения, есть самое трудное для юности действие. Живые и пылающие в нем страсти всегда ищут своего удовольствия, и потому избирают себе такое сообщество, в котором всякое безумие похваляется. Из долговременного примечания тебя однако ж уверяю, что много я видел детей весьма благовоспитанных, пока они были в призрении родительском, а пришед в собственную свою волю отделился в руки друзьям сумасбродам и от того сами не только повреждены стали, но и вовсе погибли. Ежели ты презришь сие наставление в юности, познаешь свою ошибку в

возрасте зрелом и расквасешься смертельно, Позднее однако ж сожаление, помочи никогда не приносит, а худой конец предвещает.

Правило 11-е

Здоровье свое почитай первым для тебя сокровищем

Повседневно видим таких нерадивых, что болезни их одолевают, а сохранение здоровья ни во что они ставят. Кажется что довольно бы тот был заплачен, кто проживет век без страдания. Великость, богатство и честь на свете, все притоны и ни малого вкуса в себе не имеют, ежели человек лишен первого сокровища, то есть здоровья. Человека страждущего в болезни ничто не веселит и ни что не утешает кроме облегчения, когда он болен, все вкусу его противно: но не видишь ли однако ж сколько таких, которые насильно стараются быть больными? Едят без гладу, пьют без жажды, ночи просиживают без принуждения. Согреваются без холоду, сидят без движения и движутся с излишним утомлением: словом, все делают будто бы нарочно с тем, чтоб лишить себя бесценного здоровья. Таких обыкновенно без старости старость нечаянно настигает. Все его члены вскоре одряхлевают, ослабевают мысли желания пресекаются. Тогда сам он признает все сие плодами прешедшей развращенной жизни. Тогда увидя век свой сокращающийся прежде времени, почувствует но поздно, что сам прилежно и заблаговременно о том старался. Увидит потеряв здоровье, утерял то, что бы могло ему другие заменить в жизни оскорбления. Все твоих лет юноши видят событие сего в других, но не все видя сие устрашаются. Ты распоряжай дни и часы твои благовременно. Знай, что день и ночь оба равно к сохранению здоровья устроены. Пища и питье не всякому и во всякое время равное питание делают. Все твои дела разделенные часами и благовременно, порядочное окончиваются и здоровья твоего не изнуряют. Раздели сутки твои но спокойной содержание твоего тела и на все твои упражнения. Более сделаешь порядком нежели хваткими в делах, заменяющими один час за другой. Ложись спать не поздно а просыпайся ране. Утреннее время разум чистой и к трудам удобной тебе представляет. Стол свой имей в час уреченный. И насыщайся не в полную сытость. Переложное в котле ни скипеть ни перевариться удобно не может. Время и мера для пищи и питья не отагчат твоего желудка. Старайся чтоб из порядка тобою принятого ни один день не выступил доколе то в твоей воли остается. Привычка такая в юно-

сти, сделает тебе другую природу на всю твою жизнь, и старость наградит твое в юности о себе попечение.

Правило 12-е

Не забавляйся игрою до убытка, а паче разорения твоего

Нет безразумнее, как посредством забавы бедствие ближнему, а и того смешнее самому себе проискывать. Сказывают будто в Лидии вымышлена была игра, которою люди забавляясь, голод прогоняли, а ныне много таких изобретено, которые голод наносят. Довольно кажется нам оскорбления и от нечаянных или насильством навлеченных приключений. Два средства есть получить достаток; или заслужить и из заслуженного трудом и рачением больше приобрести, или украсть. Перваго способ один, а последнего бесчисленные, между которыми игра хотя сама по себе дело невинное, но злоупотребление ее прикрывает многообразную кражу. Отложа размышление о бесчестной и самая честная несчастье тебе иногда принести. Ты кричишь и жалуешься часто на несчастье тогда, когда искусства в тебе не достает. Ты отваживаешь одно за другим свое, по жадности доставая чужого, и наконец собственного своего лишается. Игра в страсть перерожденная отъемлет тебе время ко всем полезным упражнениям, и здоровье вовсе сокрушает. Случится и с тобою то что с другими, обманутыми начнешь а обманщиком кончишь. Не будешь бояться ни угрожающего закона, ни поношения, когда игра тобою овладеет, а надежные на проворство собеседники тайно воспользуются твоею слабостью до крайнего твоего безумия, похваляя тебя устами, а внутренне тобою ругаясь. Страсть сия в ад изобретенная все почти беседы юношеские наполняет, а лакомство первейшее ее семя отрасль свою пускает и до глубокой иногда старости. Ты знай, однако ж, что всякую игру разуметь и ею в беседах забавляться с умеренностью, есть приличное тебе в воспитании украшение. Есть времена для отдохновения от дел. Есть беседы для препровождения времени, в которых игра карточная и другие бескорыстные, сопрягают дружеское сообщение. Она тебе служит украшением ежели ты ее разумеешь, а ежели не разумея играешь стыд и убыток наносит, малая и неразорительная цена без которой игра по большей части не забавна, в большой расход частым платежом тебя заводит. Лучшее средство, познав с первых дней свою неспособность, оставит вовсе сей пробыть век целый стыда тебе не будет.

Правило 13-е

Каков ты будешь промотавши имение

Ежели узнают, что был ты богат, стал нищ через худое твое поведение, тогда ты людям покажешься тело без души, мертвец ходячий или страшилище ночное. К кому не подойдешь, всем разговоры твои в тягость. Вздумаешь ли кого посетить, дома верно не застанешь, не успеешь только рот отворить, речь тебе перервут и не дадут докончить, боясь, чтоб последним словом ты денег не попросил. Все тебя удаляться будут как заразы, и все почтут за негодную тягость земли. Ежели ты природный ум имеешь, ни кто его в тебе не увидит, а ежели прост, не будет тебя презрительнее, все смотреть станут на тебя как не несчастное создание, которое будто натура с угрюмости произвела. Злодеи твои скажут, что ты вовсе негодница, а умеренные хотя и хвалу о тебе начнут, но не договорив ее сжиманием плеч знать будут давать о худом твоём поведении, нужда рано тебя разбудит, а бедность проведет в глубокую ночь к бессоннице. Питаться станешь как Хамелеон, который сказывают воздухом одним живет, а одеваться по моде общего нашего прародителя. Войдешь где-нибудь с людьми в рассуждение, ни кто тебя слушать не станет, а чихнешь никто не оглянется. Попросишь чего у купца, он попросит у тебя прежде заплаты, а выпрося в долг прослынешь по неволе бесчестным. Быть в таком состоянии друг мой, от рождения не прискорбно, Кто чего не имел, тот о том и не потужит. Желания никогда к неведомому не бывает, да и с природою бедностию не всегда пороки соединяются. Но стать таким, проживши мотовством достаток свой, тоже что и умереть. Тут нужда тебя обременит до отчаяния. Все способы к избавлению твоему, сколько бы ни поносны были, тебе покажутся дозволенными, и из одного бедствия поведут в другое. Советника тебе кроме зловерного, не сыщет. Тогда познаешь твоих истинных друзей, тогда и увидишь твою легкомысленность, что ты им верил; но знай, чего мало, то и дорого. В приискании друзей и золото и серебро тленными почитаются, затем что друг прямой есть сокровище вечное, а по тому и бесценное, которое ты однако ж с глупости роскошью хотел купить. Ты увидишь что миновались деньги, миновались и друзья твои. Друг непритворный подобен Фениксу, про которого все говорят, а ни кто его не видал, а друг твой мимомшедший подобен ластовице, которая с весною покажется, а с первым холодом улетает.

Такие друзья любят будто тебя, себя они любили в твоей персоне. За деньг ли твои, за приятную ли твою речь и за твое с ним сластолюбие или за иную какую страсть, которою ты их обласкал, того я не буду разбирать; но то увижу, что когда твой мешок опустел, то и они тебя покинули. Овидий сказал: *прямая любовь всегда познавается в безгодии*. Ты веселившись вчера за столом, рассказываешь на утро, что у тебя пять-шесть друзей обедали, а теперь видишь, что с скатертью со стола дружбу их сняли. Счастлив тот, который в жизни своей хотя одного друга имеет, а не ласкает себя сыскать многих: верь и смотри кому веришь, рассказы в книгах о древних друзьях, по большей части почитай за людской вымысел. Разсудивши прямо о сем что тебе теперь напоминаю, познай что Бог тебе один помощник и твоя добродетель; а друг неразлучный по не совершенству нашего добросердечия, часто бывает деньги, которые когда тебя вовсе покинут, то и дружба сего света с ними тебя оставит. Сию истину повседневно заметишь, ежели жить по разуму а не по склонностям определишься.

Правило 14-е

Старайся говорить кстати и смысленно

Обыкновенно те, которые говорят много, рассказывают пустошь, а временем и дурачество. По справедливости болтун заслуживает таковые себе имена прилагательные. Его рассказы столь неумеренны, что часто другим времени не дают тронуть своего языка. Распространенное его горло оглушает всех слушателей, а звонкий голос отнимает ему самому время вывешивать всякое слово, и рассудить, что он привычке скоро текущая и ни какую мыслию не удержанная в воздух один ударяется, а ушей слушателей не наполняет разумом. Она в беседах барабану подобна, который дробь стучит, а музыкальных тонов ни каких не издает. Такой человек более не годится в беседе, как для произведения шума. Он мыслей своих не разбирает, а и того меньше изречений, Все слова выплевывает из уст своих сырые и тем самым отвращение от себя, прочих навлекает. Чему верить, чего желать и что знает худо или добро, ложь или правду, все говорить без разбору и без остановки, а чтоб скорому обороту своего языка, так как мельничному жернову было что молоть, подсыпает и то, чего вовсе не знает. Умножает рассказы такими ненадобными обстоятельствами, что напоследок и сам позабывает о чем говорил.

Заболтавшись много и глух и слеп на присутствующих, которые давно скучают его болтанием. Все покидают его неприметно, а он опамтается тогда, когда уже увидит себя без слушателей. Приметь сей характер посмеяния достойный. Он бывает и в людях много учившихся и много читавших. Не все что ты знаешь, сряду говори. Примеряй твое знание к настоящим в беседе разговорам. Разум без знания ни что, но знание без свойственного употребления — посмеяние. Складная речь без мысли есть пустое болтание, а складная мысль украшенная чистою речью и к стати то прямое разуму твоему украшение.

Правило 15-е

Отделяй прямую дружбу о фамильярности

Уметь удалять фамильярность от дружбы, есть такое искусство, которого прямую цену мало кто знает. Чтоб узнать сколько многого сия наука стоит, то ведай что продолжение истиной дружбы происходит от разумных предосторожностей, которые в сей науке скрываются. Дружба имеет основание свое на почтение, а почтение есть дань приличия достоинствам. Всяк человек без слабостей не живет, а фамильярность их тот час открывает и ударяется об них невоздержанно, не рассуждая того, что самолюбие не терпит, чтоб по сей струне кто заиграл; а инако согласие друзей тотчас приходит в разстройку. Симпатия делает дружбу, учтивство взаимно ея питает, а не притворное сердце на веки сохраняет: но фамильярность все сие скоро рушить, и друзья между собою не познаются. Весьма тот ложно мыслит, кто думает, что по фамильярному обхождению узнавать можно друзей. Такой видно, что не знает нежности истиной дружбы. Кто от тебя требует взаимной фамильярности тот другом твоим быть не желает. Фамильярность к любви только дверь отворяет, а к истиной дружбе всегда запирает. Когда ты хочешь чтоб фамильярность смелости не имела тут появится. Сия матка всегда за собою ведет старшую свою дочь, презрение, которое бывает источником злобы непримиримой. Приметить со временем можешь, что многократно те друзья уже между собой бранились, которые слабости один другого осмеивают. Разумный, стыдясь, их скрывает, ежели впал невоздержанно, а фамильярность в смех то обращает, забывая истинному другу должное почтение основанное на его достоинствах. Старайся быть другом и в дружбе вовсе берегись фамильярности.

Правило 16-е

Не привыкай к издевкам

Всему можно научиться, а издеваться никто не учится. Надобно иметь к сему особенное в природе дарование. Счастлив тот кто сего таланта не имеет, а и того счастливее, кто его не старается приобрести. Кроме того, что характер насмешника всем честным людям ненавистен, но и ремесло сие вовсе опасно. Издевка, хотя и в одних только словах состоит, которые быются об воздух и в воздухе малое делают движение: но она производит иногда бурю между людьми. Впрочем издевки другого часто навлекают нам в людях презрение, и рождают мщение необходимое. Насмешливость такая профессия, которая человека в достоинство шута производит, и хотя тех до кого она не касается, заставляет смеяться, однако ж шута почтенным никто за то не делает. Она есть исчадие фамилиарности и покрывает тех презрением, кто ею себя перед другими отличает в беседах. Шутливость есть однако ж знак остроты разума. Она когда не соединена с бережением того, на кого ты оную целишь, есть безумная продерзость. Ежели хочешь над кем шутить, имей разум и речь приятную. Умеривай слова. Шутка без досады, есть взаимная досада а шутка язвительная, причина справедливая вражды и мщения. Пока тот над кем шутишь тем же тебе платит благопристойно, веди ее без опасности, но в случае ежели он замолчал, тотчас остерегись. Познай что ты ему досадил и старайся того же момента ошибку исправить. Шутить тому хорошо, кто не уязвляет и кто сам без порока, а инако ответствующего грубость тотчас тут замещается и выставит все пороки самого насмешника, не смотря на его бесстыдство. Когда сия забава столько в себе нежности имеет, и почти не можно довольно в ней принять осторожности, лучше стерегись вовсе ее не употреблять, или будь всегда разумен и осторожен в шутках.

Правило 17-е

Не будь упрям по своенравию, а соглашайся по разуму

Уметь соглашаться со мнением других, есть знак благоразумия. Упрямство свойство такое, которое прилично скотам, дуракам и младенцам бессловесным. Искусный кормчий всегда свой парус опускает, когда ветер дует не в меру. Редко кто выигрывает дело одним своим упрямством, напротив того все, почитай, оное теряют или и во все бывают несчастливими от сего порока. Человек разумный

старается уступать другому мнению с благопристойностью, дабы наконец теме ближе приступить к справедливости того, о чем бывает прение. Есть характер таких людей, которые когда единожды вызвались с мнением своим, по смерть уже от онаго не отступают, во что бы им то ни стало. Честь, дружба и общее об них мнение, ни какого препинания им в том не делают. Таких обыкновенно девиз бывает: лучше переломиться, нежели согнуться. Сия страсть начинается от самого младенчества, и по мере лет так высоко в человеке возрастает, что напоследок не меньше как природа в нем становится. В младенце она происходит от желания воли и свободы в своих прихотях, а в возрастном от самолюбия. И как в первом сокращается или и вовсе искореняется воспитанием, так в последнем остается вечным его пороком. Всякое тебе учение и всякое словесное наказание, кажется в младых твоих летах принуждением. Оно отымает твою волю и свободу, которые ты слепо своими руководителями считаешь. Сие есть один однако ж способ исцелить тебя от будущей язвы, которою многие самолюбцы заражены. Согласуйся теперь наставлениями твоих воспитателей. Не будешь упрям после в советах. Доброго и благоразумного судьи имя заслужишь на веки.

Правило 18-е

Не будь переносчиком вестей

Кто не умеет молчать, тот не умеет и говорить, древний латинский писатель сказал²²¹. Природа дала человеку один язык, а в помочь два глаза и два уха; кажется будто бы для того, что б виденного и слышанного говорить по половине. Характер переносчика всегда в домах ненавистен, и промысла сего честные люди удаляются. Такой неводержанный, хотя иногда и не важное переносит из дому в дом; но его уже цель всегда та, чтоб сыскать себе нового друга на счет старого. С ним наконец часто случается, что он старого потерял, а нового не приобрел. Прямая должность честного человека, всегда и везде заставляет защищать своего друга отсутствующего и присутствующего, а переносчик вестей в затруднение его приводит, когда его любя, вести об нем говорит угождая другим. Часто такие вестники возвращают целые дома и в смущение до тех пор приводят, пока примирение сделается с обличением смутителя и с изгнанием его из того общества. Склонность сия быть переносчиком вестей, есть или склонность к злодеянию или дурачество. Чести она ненавистна, а разуму

презрительна; кратко сказать: между переносчиком вестей и прямым шпионом та только разнь находится, что одному конец бывает достойная казнь, а другой оную всегда заслуживает.

Правило 19-е

Не привыкай быть ласкателем

Приметить можно, что всякой человеку хулить ласкательство, а не осердится на ласкателя. Самолюбие всегда берет поверхность над нами, и оно заставляет нас принимать похвалы, которых мы не достойны. Оно и самого хвалителя в любовь и кредит часто к нам приводит. Кажется будто ласкатель до тех пор не обличается, пока все пороки судом Божиим открыты и охаяны не будут. Ведай, что ласкательство есть самой злейший порок, и что оно питье подслащенное, которым наипаче великие люди напоиваются. Оно та отравя, которая слепоту всем почти зрящим навлекает. Человек похваляемый все что слышит не сходное с своими качествами, перьво стыдится, но напоследок самолюбием и привычкою обольщенный сам себе те достоинства приписывает, которых он не имеет. Некогого философа спросили: которое животное опасней для человека? Между дикими, сказал *клевветник*, а между домовыми — *ласкатель*. Сие подлинно, что сей последний все бесчестные в себе качества сокрывает; лжет, говоря то, чему сам не верит, обманывает приписывая свойства, которых не видит, трусит не смея никогда подлинно объявить своего мнения, и коварствует, делаясь другом и любимцем ближнему, заводя его в порок и заблуждение. Словом, он прямо злодействует, возливая елей на огонь самолюбия, и посему имя прямого заслуживает беззаконника. Да и что может быть злее как уверять своего ближнего, что его порок истинная добродетель, и что он его любит тогда, когда он лестию прикрывшись, тайную вражду ему объявляет. Начертание сего зловернейшего примечай повседневно, и хвали каждого достоинства хвалою не лицемерною. Не поноси ни чьих недостатков. А памятуй первое правило быть добросердечным. Благопристойнее промолчать, нежели открывать другого пороки. А и того злее хвалить не достойного.

Правило 20-е

Желания и вкус с летами переменяются

Живой жизненное всегда и мыслит, пословица площадная. Как жизнь с летами переходит, так и желания и вкус в человеке убывают.

Молодого веселят все те забавы, которые чувствами его удовлетворяют, и он с летами от одних к другим стремление свое напрягает. В прехождении же века своего, чем прежде веселился, то ныне осмеивает, а что впредь ему будет приятно тому не верит, или вовсе о том и не мыслит. Но как во всех человеческих склонностях, юность не поставляет меры: то одно правило остается на их ограничение; взирать надобно на леты к старости приближающиеся других, и от них заключать умеренность своих стремлений в юности. Человек в старости пришедший мыслить обыкновенно о спокойствии духа. Он знает из прешедней своей жизни, что пороки одолевают добродетель, и что большая часть людей по его вычету исключаются уже из его сообщения. Чем больше к развращенной жизни был привязан, тем паче в старости ее возненавидит, памятуя в какую цену приходила его слава и здоровью. Роскошь стола его совсем ему кажется излишняя, по тому, что чрево его малым насыщается и роскошь упитанным его не делает, когда старость тело сдает и червями снесь из оного готовится. Он не думает больше о путешествиях и посещениях отдаленных, которые единожды уже сделал. Везде ему скучно, и всякая новость повторение прешедшаго. Расходы и набогачения суть излишняя для него попечения; первое суетно, а другим пользоваться поздно. Так все проходит сколько ни казалось оно легко. Служба добродетельная отечеству, верность государю и благотворение ближнему, те одне юности и старости до гроба сопутствуют с его утешением. Мысля о живом, мысли и о конце жизни. Таким образом не сделав много расхода в здравии твоём от юности, на старость сделаешь продолжение твоей жизни.

Правило 21-е

Жизнь благополучная

Кто в тишине духа живет, то живет спокойно и благоденственно. Честь и богатство возвышенные когда отъемлются, чувствительности больше наносят нежели усладнения, когда кто ими ослепляется. Глубина ямы всегда бывает равна выкопанному из нее холму. Часто случается, что и достоинства, или приобретенные таланты разума излишние перед другими иметь опасно. Закрывая своими качествами других, делаются тебе сокрытые чрез то враги и непримиримые злодеи. Добрые свойства в человеке и отличные таланты разума, есть тоже что и честь и богатство, потому что первые ведут к последним:

но никто о совершенстве своих меньше не думает, как бы твои не велики были; а особливо ежели они одного рода. Не сомнительно, что ласка Фортуны безмерно человека обольщает, знай однако ж что отвлечение ее несносно ее любимцам. Ты, идучи по стезям твоих достоинств, не думай чтоб всяк пути твои правыми нашел. Большое число невеж, которые о тебе судят, всегда преодолеют самое малое количество разумных. Как бы тебя ни далеко возвели твои достоинства, многие скажут однако ж, что не по пути к тебе они пришли, и что чуждое добро ты отъемлешь. Ни честь высокая и богатство чрезмерное, ни похвала за твои таланты счастья тебе еще прямого не составляют, а отъемлют часто твое только спокойствие умеренность в первых, а собственное удовольствие последними тишине твоего духа, то прямое счастье и жизнь благополучная.

Ф. И. Дмитриев-Мамонов

ДВОРЯНИН ФИЛОСОФ: АЛЛЕГОРИЯ

Дворянин-философ, имея время и способность рассуждать, к чему разум человека возноситься может, получил некогда желание сочинить план света на пространном месте своего селения. Он всегда почитал систему Коперника²²² сходную с делом и для того предпринял тем планом подражать его системе. Надлежит себе представить, что место, где имел он свое селение, была великая и обширная долина и его дом стоял посреди оной. Дом оный имел основание круглое, его диаметр был $29 \frac{1}{2}$ сажень и $\frac{8}{55}$ аршина, он имел вид замка и возвышен был своим зданием. Тогда расположил он свой план таким образом: дом мой пусть будет Солнце, и потому вокруг оно означил он пять разных кругов; но как, по пропорции диаметра замка, Земля должна иметь в своем диаметре один аршин, и Сатурн по сей пропорции должен бы иметь свою отдаленность от замка $59629 \frac{2}{3}$ аршина, что учинит 119 верст 129 сажень и $\frac{2}{3}$ аршина, то было бы несогласно с намерением философа-дворянина, потому что та долина не имела сего пространства; да как располагал он сей план для единого себе увеселения, то какое бы увеселение искать Сатурна в таковой отдаленности. Ради того самой отдаленнейшей планете от своего дому определил он орбиту в 285 саженьях, а отдаление прочих планет по настоящей их пропорции разучредил он следующим образом: Меркурию назначил он место от своего замка в 12 саженьях, а величина его диаметра против пропорции замка стала быть $\frac{9}{52}$ аршина. Венере отдаление от своего замка положил он в 21 сажене, а величину ей дал точную Земли. Землю поставил он от своего дому в 30 саженьях, Марса отдалил он от себя в 90 саженьях; величину его диаметра определил $\frac{12}{25}$ аршина, Юпитер получил свое место во 156 саженьях, величина его диаметра стала быть 2 сажени, 2 аршина и $\frac{362}{500}$ аршина, а орбита Сатурна уже стала быть в 285 саженьях от замка, величина его диаметра 2 сажени и $\frac{446}{500}$ аршина. Каждой планете дал он надлежащих им спутников, спутник Земли Луна получила меру своему диаметру 4 вершка, четыре спутника или четыре луны Юпитера и пять лун Сатурна, каждая в величине не меньше Земли, вокруг своих планет получили также свои места. А как в отдалении от орбиты Сатурна в 678 саженьях и одном аршине, к северной стране, в пространной сей долине случился быть круглый остров, который диаметр свой имел 56 сажень и 2 аршина, и окруженный со всех сторон пространным озером,

то философ-дворянин проименовал оный звездою Сириусом из числа неподвижных звезд. Все оные планеты вместо их вихрей и воздуха обвел он каналами, каждый шириною в 4 диаметра своей планеты. Таким образом, канал, окружающий Сатурна, получил в свою ширину 9 сажен $376/500$ аршина, а спутники его каждый получил канал шириною в 4 аршина. Канал, окружающий Юпитера, стал быть шириною 11 сажен и $468/500$ аршина, его луны получили ширину каналов таким же образом, как и луны Сатурна; канал Марса стал быть шириною в 1 аршин $22/25$ аршина; канал Земли — в 4 аршина, канал Венеры — также 4 аршина, а канал Меркурия получил широты 1 аршин $16/25$ аршина; но не обвел он каналом свой замок; потому что солнце не может иметь ни воды, ни влажностей воздушных. Но дабы не к одной стране лежали все оные планеты, то он положил оные пред своим домом на их путях следующим образом: Сатурн получил свое место к стране южной, Юпитер — к северной, Марс — к восточной, Венера — к западной, Земля с своим спутником получили свое место к стране зюд-веста, а Меркурий — к стране норд-веста.

Когда все сие намерение привел к окончанию дворянин-философ, он посадил на пять главных его планет животное; на Сатурна посадил он лебедей, журавлей — на Юпитера, на Марса — букашек, то животное, которое вид имеет круглый, величиною в половину горошины и цвет зеленый блестящий; но крылья их как крепкие латы. Земля получила жителей себе муравьев, Луна — такие же букашки, какие имел Марс. Венера имела букашки красные с малыми черными пятнами, Меркурий — букашки дикого цвета, но не было у него такого животного, которым бы возможно было ему населить остров Сириус сходно с его пропорцией против прочих светил.

Учреди таким образом философ весь свой план, позвал к себе своих соседей тем повеселиться. Уже был вечер, ночь была тогда хотя без луны, но исполнена звездами, и твердь неба, как позавидую сим мирам философа, объяснила все свои звезды таким образом, что прекрасное сияние оных обратило всех гостей ко вниманию небес. Дворянин-философ повелел осветить весь свой дом со всех сторон множеством тысяч лампад; когда оные возжглись, бесчисленное множество огня в едином месте произвело вокруг себя паки новый день. Все изображенные миры философа от воды их каналов просияли; а настоящие небесные миры, вместя свой вид в воды изображенных планет, усугубили на плане философа миры и тем оные наименее приятнейшими учинили. Все сие так

приятно предстало зрению гостям, что многие из оных и не могли воздержаться, чтобы не сказать: о если б возможно было разуметь тех народов рассуждения, которыми теперь населены оные миры; и с самым оным их словом, ударил сильный гром, потряся оный дом, и сим ужасным разом потухли все лампы, едва могли остаться возженные свечи внутри дома; снисходящая с небес беспрестанная молния покрывала своим пламенем оный дом, но не возжигала.

И тогда как ужаснейший страх обнимал сердце и чувства всех присутствующих тут людей, вокруг посреди залы, где было все собрание, открылся муж в важном виде, облечен в черную одежду, препоясан широким золотым поясом, покрыт длинною черною епанчою; но на голове имел он шляпу из бархата, чермленного огненного цвета. На правой стороне его епанчи изображено было золотом Солнце, на левой изображена была серебром Луна, напереди его шляпы означен был малый голубь с распростертыми крыльями. Никто не видел, как страшный сей муж прибыл и откуда он вошел, но как скоро явился он среди всего собрания, гром и молния престали и все лампы вокруг дому возжглись паки сами собой. Не удивляйтесь, говорил он всему собранию самым приятным образом, что вы меня зрите здесь, и я также философ. Преизрядная мысль хозяина-философа подала мне желание усугубить вашу забаву. Вам подлинно недостает токмо того, чтобы вы знали рассуждение тех животных, которые населяют теперь миры вашего философа. Вот вам перстень, кто его наденет, будет знать мысли всего живого, что есть в свете. Будет знать мысли самих тех, которые от нас живут в безмерной отдаленности. Подите, о мудрое общество, которое избрало в забаву философство. Подите, говорите со всяким животным, сей перстень имеет силу такую, что вы в том удовольствованы будете. Животные оные сообщат вам мысли настоящих жителей тех планет, которых населению они изображение. Сказав сие, съемлет с своей руки перстень, который имел цвет самой алой крови, но столь пылающий огнем и столь приятный, что жалостно было то время, тот час, когда отнимали его от глаз. Примите, повторяет страшный сей философ, сие таинство и умножьте вашу забаву. Но кто, мыслите вы, взял оный перстень? Хозяин отрекся и сказал: он нелюбопытен и все его гости мужского рода сказали также, на что нам знать всякой твари рассуждения. Мы своим состоянием довольны, нам во век с муравьями говорить не будет нужды, ни нам самим никогда не быть муравьями: вещь сия до нас не принадлежит, и не стоит труда, чтобы для того

снисходить вниз из палат и ходить по полю, чтобы токмо знать, что муравьи думают. То были жены, которые прияли сей перстень. Се из их числа была Ева, которая любопытствовала съесть яблоко, се из их числа была жена Лота, которая в любопытстве своем обратила взор к горящему Содому, и Пандора из числа была жен, которая любопытствовала вскрыть коробок ей врученный от Минервы; и так се суть жены, которые прияли перстень с огненным камнем от философа, и отправились в миры, устроенные дворянином-философом.

Но прежде нежели они отправились, философ-гость говорит обществу: ваша неподвижная звезда Сириус не имеет еще жителей, я вам помогу и в том; с сим словом вознес он к небесам свой жезл и сделал им единое манование и произнес неизвестное никому некое ужасное слово. Тогда услышали в воздухе великий шум от биения крыльев и страшный и смущенный неизвестных птиц крик. Но то были струкофомилы, которые великим ветром неслись мимо дома философа, от восточной страны на остров Сириус. Струкофомилы оные в довольном множестве остановились все на том острове, и хотя они не могли потом размножить свой род в Европе, но великое употребление их перьев, которые европейцы носят и поднесь в своих шляпах, надлежит, чтобы свое начало получили от того времени, а может быть, носят и собственно еще в честь двум сим философам. Вот вам жители для Сириуса, сказал философ-гость, и подлинно великому сему миру по пропорции муравьев иметь больше невозможно себе жителей: животное сие сложением было особливо от прочих всех животных, вышина их была 3 фута и ноги их имели копыта верблюдов. Они пожирали жесточайшей твердости кремни, медь и железо, которое все растощалось в их желудке, подобно намягчайшей пище.

Но да не удивится читатель узря оных струкофомилов вдруг во множественном числе в Европе. Элиогабал²²³, сластолюбивый римский император, который судить женский пол сочинил Сенат из единых жен и мать свою определил в оный президентом, сей сластолюбивый император во время славного своего пиршества в Риме в единый раз поставил на стол 600 голов струкофомилов ради сладостнейшего вкушения их мозга. И кто возможет тому противоречить, чтобы силою просвещения великого христианского закона в краткое время из Африки не могли предстать в Европу множество струкофомилов. Великий пророк Моисей единым движением своего жезла навлек в Египет скнипов²²⁴ и жаб и силою движения оногo ис-

пустил из камня воду и разделил моря, и кроме просвещения его духом пророчества, кто отнимет у него право быть ему философом, потому что философия есть ни грех, ни противность закону. Величайший философ, царь и пророк Соломон учинен был философом всемогущею силою единого Бога. Се во время то, как получил он сию премудрость, он говорил таким образом: «Бог даде мне во сущих познание неложное, познати составление мира, и действие стихий, начало и конец и средину времен, возвратов премены, изменение времен, лет круги и звезд расположение, естество животных, и гнев зверей, ветров усилие, и помышления человек, разноство летораслем, и силы корений. И елика суть скрыта и явни, познах: всех бо художница научи мя премудрость». А дабы еще яснее показать, что есть философия или премудрость, то он об ней еще сказывает таким образом: «Премудрость бо есть дух разума свят, едиnorodный, многочастный, тонкий, влагодвижный, светлый, нескверный, ясный, невреждительный, благолюбивый, остр, невозбранен, благодетелен, человеколюбив, известный, крепкий, беспечальный, всевидящий, всеильный и сквозе вся проходяй духи разумичные чистые, тончайшие, всякого бо движения подвижнейший есть премудрость. Достигает же и проникает сквозе всякая ради своа чистоты. Пара бо силы Божия»²²⁵ и пр.

И так, в том никакого нет сумнения, что великому философу надлежит много быть любиму всеильным Богом. Антоний Римлянин²²⁶ в 1106 году, сентября месяца, конечно, не басенным образом в двои сутки прибыл из Рима в Великий Новгород водою; по что всего удивительнее, он приплыл на камне, вот видите ли, сколь прилично здесь назвать сей камень к истинным философическим камнем, таким, который над всякою семуудренною философией превознесен есть. Сей угодник Иисуса Христа повелел рыбакам бросить мрежи в воду и извлек столько рыбы, что мрежа едва не прорвалась, хотя прежде день и ночь они ничего поймать не могли. Се видно, сколь он любим неисчерпаемым источником истинного нашего закона, и что он был ему подражатель. И Иоанн, Новгородский чудотворец²²⁷, заключив в сосуде своей рукомоицы беса силою креста, единою нощею съездил на том бесе из Новаграда во Иерусалим и паки из Иерусалима возвратился назад в Новгород. Но кто может сказать, чтобы он особливым даром, в благоугождении Господу не стяжал и духа премудрости, или философии. Он во время своей жизни создал в Новгороде семь храмов божиих. Иоанн Богослов²²⁸, писав исполненное премудростию

видение Апокалипсиса, явил нам в оном книгу запечатанную седми печатями, и Соломон утвердил премудрость на столпах седми²²⁹.

И так, надлежит, чтобы истинный философ был истинный угодник и Богу; но как вся моя аллегория ни к чему больше клонится, как явить разные неосновательные мнения суетумудрых людей о свете, то как и все наши священные писания, преизнаполнена притчами нравоучения. Мое намерение не иное есть, как доказать притчею же несправедливость некоторых светских мнений. И так, да не причтется в чрезвычайное удивление, что принеслись мои струкофомилы в единое мгновение ока из Перы в Россию.

Сим образом отправились любопытные жены видеть устроенные миры и слышать жителей оных рассуждения, и путь их был прямо к планете земле. Но я не скажу, чтобы в оном обществе жен не было и мужеского рода, но токмо то есть правда, что все мужи были тут не ради ни планет, ни муравьев, но ради прекрасных жен, к которым естественно все мужи больше всего имеют склонность. Как скоро достигнули они Землю, то та жена, которая имела таинственный перстень, возопила от удивления. Ах! боже, какой неописанный разум вижу я в муравьях, как премудро они трудятся в новом своем селении, какие приготавливают себе магазейны для своего житья и какие покойные и с чудесным разумом устраивают себе жилища. Все обыкновенные из них имеют цвет дикий, но вот токмо двенадцать из оных цветов так черны, как уголь. Ах, какой чудесный, но приятный их язык. Я все разумею до слова, что ни говорят они. Все ее товарищи по совету того философа, который дал перстень, взяли за ее одежду, и тех паки взяли за одежду прочие, и все стали разуметь их.

Подлинно все дикого цвета муравьи упражнены были в своем труде, ни о чем другим не размышляли, как о своем труде домостройном, часто они промежду себя и дрались, но больше все за самую такую часть земли, которая им часто ни на что была потребна, однако дрались они смертельно и на оной умирали. Но прочие двенадцать черных муравьев, по их важному виду, казались быть или их судьями или учителями: и подлинно не ошиблись они, ибо видят, что один из оных возшел на самый верх одной хворостинки, которая выше всех была на их земле, и все прочие муравьи, то узрев, замолкли. Но оставшиеся одиннадцать черных муравьев в важнейшем виде преклонились лицом к земле до того времени, как он стал их учить следующим образом: я и в сей раз, говорил он к ним, имел долгий разговор с самим тем, который ни о

чем так не печется, как об одних нас, и словом сказать, с тем, который из столь далеко нас освещает и который, конечно, не иное что есть, как муравей же, нам подобный; он говорил ко мне таким образом: послушай, возлюбленный мой муравей, вы, двенадцать черных муравьев, во всем свете токмо разумная тварь, а прочие муравьи все скоты, и для того что они скоты, вы смотрите за ними, чтобы они не распропали. Мое лучшее утешение есть жить на вашей планете. И для того я ни на час не отхожу от вас, но не дразните меня, говорит он, ежели раздражите, я буду есть ваше мясо и сосать вашу кровь. Великий огонь, который вас здесь освещает, есть не что иное, как золото, а внутри его ничего нет, и оный свет я сделал не для себя и не в свое удовольствие, но токмо чтобы вам светло было. Но сей муравей, который сделал все, что вокруг нас светится, и который сделал самый сей великий свет, крепко мне наказал, чтобы вы от своего стяжания приносили каждый год ко мне десятую часть, которую я немедленно ему вручить должен, а он относит в свое жилище, ему без того никак не есть возможно обойтись. Сверх того, подтвердил он мне, скажи ты всем муравьям-скотам: что все их счастье состоит в том, чтобы они целовали твою и твоих товарищей задницу. Потому что все оные одиннадцать муравьев знают, что единое посредство быть всегда счастливым есть то. Я знаю, что вам потребно, чтобы я истолковал вам все, что вокруг нас светится, и на что все оное сделано: большое сияние есть золото, и оное есть тело, кипящее беспрестанно одним золотом, и сделано только для единых муравьев, чтобы было светло сносить десятую долю вашего имени ко мне и чтобы видно вам было целовать мою задницу; как скоро вы просмотрите исправить оное, все угаснет, и вы будете в темноте вечной, а прочие светила суть зеркала, которые также сделаны для единого того, чтобы вам виднее было сносить ко мне десятую долю вашего имени и целовать мою задницу. Все одиннадцать других, которые должны мне наследствовать по очереди, точно то же видят и то же знают. Но я паки слышу глас, призывающий паки меня к себе. Се грядет ко мне тот, который сильное оное сияние устроил.

Тогда все слышащие оных муравьев люди не могли воздержаться, чтобы этому обманщику не сказать: ах мошенник, ты только зриаешь на свою корысть и самолюбие, а что ты им ни наказывал, ничего того не бывало. Мы видим отсюда, помощью перстня, что господин сего села, который сделал вам сие жилище, не токмо сюда говорить пришел, ниже о вас думает. Он упражнен во всех родов забавах, которые потому, что

он несравненно больше вас, больше у него и продолжаютя. А самый сей час он упражнен еще во умножении своих миров; вот он велел еще назначить там один мир, еще тут один, и везде, где токмо место позволяет и ему угодно кажется. Что нам здесь медлить, у обманщиков, сказали все оные зрители, и смотреть презренную сию тварь, одну часть оных на высочайшей степени невежества, другую — на высочайшей же степени обманщиков. Оставим оных и пойдем к северной стране видеть, что делает тварь в Юпитере и какого рода есть оная.

Но тогда как они хотели лишь вступить в свой путь, к удивлению узрели, что один из дикого цвета муравьев влез также на сучок, подобно черному муравью, и также прочие муравьи все замолкли, и стал ко всему своему свету говорить таким образом: Послушайте, муравьи, мои братья! Все, что черный муравей вам ни говорил, он вас обманывал. Землю нашу сделал не муравей, ее никто не делал, она сделалась сама собой, и весь сей свет великий также сделался сам собой. И хотя то подлинно есть правда, что сей великий свет, или сие великое сияние, есть ничто другое как золото, токмо оно сделано не ради того, чтобы нам сносить десятую часть к черному муравью, а ради того, чтобы светло было всему свету. И вы десятую часть отнюдь черным муравьям не относите, они вас обманывают. А что светится вокруг нас, это не зеркала, черные муравьи врут, это все такие же свету, как наш свет, и живут в них точно такие же муравьи, как мы. Вон видите ли вы от нас вдали планету Сатурна, в ней муравьи каждый длиной в тысячу сажень. А далее еще оной, вон видите ли вы звезду блестящую, как точку: и точка та есть также мир, и там живут такие же муравьи, токмо по мере их планеты они имеют долготы каждый муравей 120000 парижских футов. Таким образом, что великий наш Океан для муравьев Сатурна не глубже есть в самой своей середине, как до половины их ноги, а муравьям Сириуса едва можно омочить оным пяту.

Но вот какое было несчастье сего мудреца, что все дикого цвета муравьи слушали больше черных муравьев учение, нежели его. Им нравилось то, что черные муравьи сказывали, что они всегда говорили с тем муравьем, который сделал большое сияние и все зеркала, и чрез них они думали найти у него милость. А муравей-мудрец лишил их единым разом всего онога их утешения, всей их надежды: ибо надежда почиталась великою добродетелью на их земле. И так черные муравьи склонили сею лестью всех диких муравьев, чтобы они поймали сего еретика, и уже привели его связанного посреди великого

их множества, уже соклали великий костер из тончайшего хвороста, и осудили его сжечь, и уже возвели его на костер. Но зрители, гости философа-дворянина, зря все сие происшествие, не могли воздержаться, чтобы не смеяться. А один из последующих женам сказал: «я избавлю сего мудреца от его погибели, ибо не могу видеть нигде жалостных приключений»; и тогда, как естественно, сей муравей объят был величайшим ужасом и горестию, зритель простер тихо свою руку к костру и самым искусным образом снял его с оногo; а как избавитель сего мудреца имел в своем кармане футляр с некоторым числом математических инструментов, то он его посадил в оный. Весь народ муравьев принял сие приключение за чудо, руку зрителя они почли за облако, а взятие его они не могли другим почесть, как что он взят живой на небо. Но некоторые оставшиеся мудрецы рассуждали, что он помещен в число зеркал. Между тем общество зрителей, смеясь, все сказали: отнесем мы сего мудреца на остров Сириус показать ему, что жители на оном муравьи ли, и подобны ли ему в своем сложении, чтобы вывести его из заблуждения, и потом покажем его тому, который учредил все оные селения.

Сим образом отправились зрители из Земли к северной стране плана, где лежал Юпитер, они прешли чрез путь Марса и прибыли к Юпитеру. Когда достигли зрители оной планеты, они удивились, найдя на оной совсем род жителей с жителями планеты Земли разный, свободное их летание с их острова и паки на оный произвело некоторый род особливого удивления в смотрящих. О, сказала одна из зрительниц, будем слушать, что журавли о своем селении рассуждают; во-первых, примечено, что у них нет никакого начальника, они не трудятся ни о чем и все для них потребное имеют, потому что они питаются тем, что земля и вода им производит. Вид их независтливый, неприемлющий ничьего участия, удивил всех внимателен. Они говорят между собой таким образом: смешны нам муравьи, малая сия тварь, в их мнениях, мы видим и разумеем, что они мыслят, не токмо, что они делают. Они думают, что токмо они животное и есть в свете. Вместо того, что их недостаточнее ничего в свете нет. Мы летаем куда хотим, летаем и к ним в жилище, летаем к самому дому нашего господина, которого они столько мало знают, сколько мы его знаем совершенно. О, если бы у них такие крылья, как у нас, они бы научились знать, что не напрасно созданы наши жилища, что не напрасно оные пред их жилищем безмерно велики и что в муравьях ли одних желал бы господин наш изъяснить свою ве-

ликолепность, который всегда, когда токмо желает, преисполняет всю обширность сих мест новыми мирами, которые получают от того времени свое начало и исчисляют от того часа свои лета. Вот наше жилище, говорит один из оных, устроено столь давно, что уже мы здесь произвели своих детей, а жилище муравьев сделано токмо вчерась. И еще большая часть из них не знают и поднесь, что они есть такое. Однако мы не знаем того времени и году, когда сделан светлый сей дом, знаем мы то, что не даром он светел, что не даром стоит в середине всех миров, что не даром все планеты и все небо производят вокруг его свое течение, как мореходные суда плавают для почтения пред дворцом своего государя, в нем живет наш господин, и за тем дом сей стоит в среди всех миров, что он оттуда всех нас видит, светит, произращает и оживляет нас. Не в правду дом сей есть кипящее золото, как то немудрые муравьи мыслят, ибо растопи во время ночи великое количество золота таким образом, чтобы печь с огнем не была видна, а видно было бы одно кипящее золото, тогда увидишь, что собственно от него никакого не будет света. Пристойно бы его почесть веществом единого огня, но огонь должен иметь вещество, которое бы его питало, но по мере его сияния и времени ему было бы не довольно всего света на пищу. И так видно, что там есть ничто другое, как собственная сила господина нашего, свет, никогда не мерцающий. Мы знаем одного нашего господина и лицо его знаем, он нам ни в чем не есть подобен. Разный его от нас образ описать не может достать нашего разума. Один, то услышав, ему сказал: он не летает и у него нет крыльев; но сей паки ему отвечивал: куда бы ты желал, чтобы летал он; когда все сии здания суть творение его руки и сам всего он больше; ему летать нет нужды, он из своего дому всех нас видит и управляет, и какое место довольно пространно быть может для его летания.

Удивясь путешествующее общество благородному рассуждению жителей Юпитера, оставили они великих сих жителей и отправились к Югу, идя по орбите Сатурна, наконец, достигнув оных планеты, тут остановились, чтобы слышать их [обитателей] рассуждение о их состоянии. Лебеди были в кубическом своем количестве много меньше журавлей. Но натура одарила их многим преимуществом перед планетою Юпитера. Во-первых, их планета имела пять спутников. Юпитер того не имел, и в Сатурне не было ночи, свет, собственно принадлежащий им, венчал беспрестанно планету Сатурна, се есть тот свет, который почитают астрономы кольцом Сатурна. Ибо ежели светлое то

кольцо возможно усмотреть с планеты Земли, то не безмерное ли великое сияние должно оно производить собственной его планете. Но будем слушать, что говорят лебеди, жители Сатурна. Они говорят, что они, конечно, преимуществуют во всех своих преизбытках пред Юпитером; потому, говорят они, что господин наш устроил планету Юпитера, точно на смех, чтобы она вид имела, не подобный всем нашим изрядным планетам. Мы все круглые, она одна продолговатая и единственно затем так устроена, чтобы ей в нерасторопности своей ни обращаться, ни светить не способно было так, как есть свойство всех прочих планет. Что ж надлежит до нас, то наша планета так порядочно устроена, как все прочие порядочные планеты, с тем преимуществом, что собственным нашим светом, который не знающие оного, называют кольцом, не токмо освещается в единый раз вся наша атмосфера, но мы освещаем оным светом и извне оной, великую часть вокруг нас света. О, коль смешны муравьи, говорят лебеди: они измеряют наши чувства по чувствам своим. Вон посмотрите, какое множество их ворочают соломинку и устремляют в нашу сторону нас видеть; вместо того, что мы их видим и слышим без всякия в том помощи. Но, о смешное их рассуждение, слышите ли вы, что они о нас рассуждают: они думают, что нам не токмо их видеть невозможно, что с трудом мы можем видеть и урода Юпитера, не рассуждая того, что мы одарены от нашего создателя 1849657040 раз больше их чувствами, и столько же раз можем больше их видеть, и больше их слышать, и летание наше мы можем делать то в один час, чего они не могут сделать скорее как в 21114 лет 294 дней и 8 часов по их исчислению, полагая пять верст их пешему пути на один час. Сверх того, они из вертекса²³⁰ своей планеты, а вся крылатая их тварь из их атмосферы никаким образом изыдти не могут: ибо воля Создателя была прицепить их всех к центру их планеты. Напротив того, мы летаем куда хотим и можем, летать на собственную их планету и на все другие. Но что удивительнее, все жители прочих планет и самая спутница Земли Луна имеют своих жителей крылатых; единая Земля, она есть единая, которая не имеет сего прибытка. И бедные оные муравьи по своему состоянию хотят предписывать сложение всем прочим мирам. Удивясь рассуждению лебедей, отправились зрители в дальнейший путь к Сириусу, ибо у Сатурна уже стояла заложенная коньми линия, и, прибыв к озеру, вошли они на гондол, устроенный подобным прекрасным венецианским гондолам, и отправились к острову. Род струкофомиллов был для зрения челове-

ков довольно ужасен. Они вышиною превосходили людей два или три фута. Прибывшие на сей остров зрители удивились безмерной их благородности в их мнениях, они говорили: множество миров, которое мы видим столь способно отсюда, имеют в тысячи разных видах свое сложение. Они все пред нами брэнность, жизнью, силою и разумом проницания. Нам недостает одного чувства против многих животных других планет, мы не имеем слуха (и ради того весь их глагол состоял из движений лица и тела); но нам он есть излишний, потому что с первого зрака мы друг друга разумеем. Все сие животное, которое столько меньше нас, мы отнюдь не презираем, мы их любим, ибо от того сложение наше не может быть меньше; при оном их слове зрители рассудили выпустить муравья на планету Сириуса, по великодушию струкофомилов, ему тут было не опасно. Узрев жители Сириуса жителя Земли, собрались и стали вокруг его; но о сколь они стереглись, чтоб не задавить его копытом, чтоб не утопить его в пыли и чтоб дыханием и движением крыльев не забросить его из виду. По правде сказать, то мудрец-муравей принял сперва все оное животное за лес, но, имея он при себе соломинку, величиною в половину его ноги, он, посмотря в оную, узнал и разобрал, что то есть великое животное. А сила философического перстня помогла ему узнать и то, что он был в звезде Сириуса. Как скоро он то узнал, то поднялся на задние ноги, видно в намерении сравняться с сирианами, и принял на себя толико горделивый и осанистый вид, что струкофомилы стали хохотать, но с столь страшным криком и с толикою силою, что движением их уст сделался столь великой вихрь для муравья, что он отнес его паки к собранию зрителей, и к великому всех удивлению сие презренное животное пало на юбку к той, которая имела таинственный перстень, и она приняв его рукой, всеми пятью пальцами, вместила его сама паки в футляр математических инструментов.

Между тем жители Сириуса говорили, что им от света Солнца или дому философа-дворянина и очень светло и очень жарко. И один из оных с смехом говорил: посмотрите бредни муравьев, которых мы отсюда видим столько, что их разумеем нашим зрением. Они думают, что мы такое же светило, как дом нашего господина, и что будто не достигает до нас его свет. Вместо того, что наш мир столь нежен в своем сложении, что нам нестерпимо жарко от сего малого света, и подлинно была то правда, ибо то было время песиих дней, а Сириус есть самая та звезда, которая лежит при самом зеве великого пса. Надобно, продолжают

они: чтоб кто ни есть растолковал всем неразумеющим благодетельства нашего господина. Он устроил таким образом свет своего дому и чувство наших миров, что Меркурий, как ближайший к нему, в весьма великом его жару, имеет весьма крепкое сложение, таким образом, что он никогда не чувствует больше нашего жару и не имеет больше нашего свет, и если б поставить там наш мир в его сложении, он бы там растаял и исчез; напротив того, когда поставить Меркурия вместо нашего мира, все живое на нем ничего не будет видеть, и свет, который для нас столько силен и столь велик, будет для них вечная ночь, а те миры, которые мы видим в величайшей отдаленности от нас, должны иметь столь много нежнее нашего сложения и чувство.

Возвратились путешествующие зрители от Сириуса паки к центру света, где пребывал господин дому со всеми почитающими его лицами, и в отчет своего путешествия они ничего так не желали, как показать ему муравья-мудреца с планеты Земли, покоящегося в футляре математических инструментов, и слышать его учение; но бедный сей муравей, невозможши перенести столь великого путешествия, умер, и для памяти не мог ему господин другого сделать, как повелел его положить в своем саду под тополевое древо, на которое место каплющая смола учинила его не токмо нетленным, но и драгоценным, он тем вмещен стал быть внутри янтаря чистейшего.

Любопытнейшая из жен, которая имела таинственный перстень на своей руке, возвратила оный его обладателю, который, приняв его, стал им дарить дворянина-философа. Прими, говорил он, достойный муж владеть оным таинством, ты оным усугубишь свое просвещение. Но философ-дворянин его спрашивал; могу ли я вечно не умереть с сим таинственным перстнем? Нет, отвечал философ-гость, сей жребий есть неминуем для всех человеков. Однако ты силою оного можешь в десять крат больше обыкновенного продолжить твою жизнь. Но я хочу знать, вопрошал его на то хозяин: кому утешнее, тому ли, которому тысячи лет напоминали бы каждый час, что он должен приуготовляться к смерти, потому что она есть неминуема, или тому, которому объявят токмо за один день его конца? И кто счастливее, тот ли который решил свою судьбину, или тот, который токмо к оной влечется²³¹? Не надобно мне для сего таинственного твоего перстня. Возьми, говорит философ-гость, способом сего перстня тебе будут все сокровища света отверзсты. К чему бесчислимое сокровище служить мне будет, отвечал философ-хозяин, не на единое ли то, чтобы привлечь свет к удивлению,

но я думаю, что свет может иметь причину удивляться тому, что я имею оный перстень в моей воле и его не желаю? Ты знаешь, о великий философ, продолжает философ-хозяин, мое состояние; ибо тебе все известно: оно именем точно столько извешено, что на мою жизнь пребудет оно со избытком. К чему мне исступать из границ моими желаниями, когда тленность всех людей столько ограничена? Ты будешь Папою, говорит философ-гость, сие достоинство есть единое у всех католиков. И все они припадут целовать твои ноги. На то ли, отвечает дворянин-философ, чтоб я был цель ненависти? Всему католицкому народу невозможно всем быть довольным Папою, и так, какое есть утешение восходить на ту степень, где целая половина людей будет меня ненавидеть? Ибо всем людям правым быть не возможно, но я должен буду всем винным определять тягость, следовательно, я сам волею приму на себя причину оных тягостей, зная притом, что и все винные также люди и такая же течет в них кровь как в невинных; а тщеславные люди, которым ради суеты прелестно есть сие достоинство, будут целить на жизнь мою. Какое есть утешение мне, что суеверные люди будут целовать мои туфли тогда, когда я гордость почитаю наипрезрительнейшим пороком? Какой Папа не желает спокойной жизни; но он того лишен повсечастно, ибо каждый раз его пищи и питья он представляет себе смерть. Ты через сей перстень, продолжает гость-философ, будешь ведать всех своих неприятелей и от них будешь остерегаться. О, какое мне будет мучение, отвечает философ-хозяин, когда я буду видеть тех себе врагами, которых бы всем сердцем желал видеть себе приятелями; и они суть те, которые ко мне присоединены наближайше. Когда я не знаю их злости, я их люблю, когда буду знать их злость ко мне, не естественно есть любить оных. Ты будешь, наконец, говорит философ-гость, производить действия всех стихий, по твоему желанию гром, молния, дождь и град будут внимать твое повеление. Я их никогда из их естественного порядка не извлеку. Какая нужда мне беспокоить свет? Рожден я с мужеским спокойным сердцем. Я ли буду приводить свет в страх и уныние? О небо, вопиет философ-гость, не я философ; философ он, указывая на благородного хозяина. Нет нужды учить быть премудрым. Сей философ премудрым рожден на свет. Тогда надевает философ-гость таинственный перстень себе на руку, и гром и молния излились паки на дом философа с такую силою, что дом от того потрясся. И в самый тот час паки незрим стал быть философ-гость, и гром и молния престали.

С. Е. Десницкий

СЛОВО О ПРЯМОМ И БЛИЖАЙШЕМ СПОСОБЕ К НАУЧЕНИЮ ЮРИСПРУДЕНЦИИ. В ПУБЛИЧ- НОМ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВ- СКОГО УНИВЕРСИТЕТА БЫВШЕМ ДЛЯ ВСЕРА- ДОСТНОГО ДНЯ ВОЗШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙ- СКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИ- ЧЕСТВА, ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЯ ДЕРЖАВНЕЙ- ШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ

Уже довольно, слушатели, Вседержитель благословил и препрославил российское оружие. Соседние державы, с удивлением взирая на необъемлемую обширность здешней империи, единомысленно утверждают, что свет еще не видывал таких пространных под одним народом владений, какие ныне себе оружием приобрела Россия. И думал ли из древних кто, чтоб славянин, с начала своего немногочисленный и неизвестный почти и в последующие времена, мог сделаться когда обладателем толиких стран и законоположником толь многочисленных народов? Могуществом Творца и множество миров из ничего в бытие произведено, и его словом уничтожено быть может; однако смертным представляется, что распространить государство до половины гемисферы²³² есть не одного народа, но целого рода человеческого дело. И если кто еще желает из прошедшего и настоящего узнать, каким путем и до коликого величества доходил и возвышается ныне росс, тот может из истории уверен быть, что и он к достижению своего благополучия имел подобные греку и римлянину желания, которые дабы счастливо совершить, призывал Бога и человек на помощь. Божиим и человеческим пособием подкрепляемый и ревностию к своему Отечеству воспаленный, он издревле мужественно ополчался против иноплеменных и совокупленными силами и оружием чрез множество веков защищался от неприятельских нападений. Во многих своих предприятиях росс имел непреодолимые и внутрь и вне Отечества препятствия, которые подвергали жизнь его и правление разным переменам и крайнему опасению. Частые перемены и великие затруднения уменьшали в нем одну

только силу, а не разум, довольный к изысканию средств для отвращения общего злополучия. Ибо хотя он иногда, препобежденный большею силою и не единожды наподобие римлянина страшных ганнибалов²³³ у себя во вратах видеть имел несчастье, однако, и обураваемый такими напастьми и воздыхая под игом работы чужия, имел своих Сципионов²³⁴ и поборников великих, под которых предводительством он, аки некий исполин, проходя сквозь горы, огонь и воду, наконец, простер свои завоевания до таких границ, к которым и смертных род еще приблизиться не смел. За что он был уже неоднократно увенчан славою в середине льдов и в пределах знойных носил неувядаемый венец за свой кровавый подвиг. В минувши годы он Европу в самой середине мечом и пламенем устрашал, и его ныне, как собственный вития говорит*, и в образе изваянного страшится галл, гот, сармат и сарацин²³⁵. Такой, свет уже видит, был успех российского оружия, и такие оным издревле совершались чудодействия! Грек и римлянин не могут похвалиться толиким обширным завоеванием, каковым росс ныне по справедливости возносятся. Творец его намерениям и предприятиям поспешествует во благое, и аки бы единственно для него, оставя на Юге и возлюбленные себе издревле места, ныне в полночных странах невечерний россу жиздет познания свет. Азия уже отворяет ему своих сокровищ недро, из которого девицы и юноши его почерпают себе великолепие и украшение. Серебро и золото истекает у него в своем Отечестве, и народы носят ему дани, где лишь только меч его сверкнет. Соседние державы, в брани изнемогая, главы свои преклоняют под его покровительство и заступление. Своею ныне силою и могуществом он отворяет и морем и землею новый проход на иной свет** и своим любопытством и изысканием он хочет свету доказать, сколько росс один в состоянии обитать и в самых неприступных народам странах. Сии исполнив желанья и принеши воздаяние совершителю толиких благ, россы, шествуйте в другой храм славы! Настоящая Минерва²³⁶ российская старается воздвигнуть вам новый Олимп, на котором дела ваши и труды, надобные при мирном состоянии отечества, сугубую честь вашему имени принесут и радостнейшее преобразование в житии вашем

---

* Смотри *Ломоносовы* похвальные надписи. Надпись 5. ПЕТРУ Великому.

** В Северную Америку Ледяным морем.

произведут. Вы видите и из намерения ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА, коль достойное она своих великих дарований и коль достойное общего всех и ревностного старания ныне в отечестве предприимлет дело. Такие предприятия, полезные роду человеческому, одним оружием и единственным упражнением военным в желаемое действие произведены быть и достигнуть до своего совершенства благопоспешно не могут. В сердце человеческое никто проломом не входит, и люди с природы все к одному и тому же упражнению рождены и способны нигде не бывают. У всех народов и во всяких государствах примечается издревле и поныне разная склонность и отменное дарование к различному упражнению; и что люди в ином государстве, не последуя толикому многообразному и природному в них стремлению желаний, одно военное упражнение за величественное почитают и к оному все свое старание прилагают, тому бывают причинами смежное со многими такого народа поселение и долговременное оно с начала закоснение в войне с соседними народами*²³⁷. В противном случае и в других обстоятельствах народы по своей склонности, охоте и дарованию избирают себе разный образ жития, и от такого многообразного упражнения обыватели купно с целым отечеством несравненно больше прославляются и бывают не только себе, но и целому свету несказанно полезнейшими. Сие не в предосуждение военачальному в государствах чиноположению сказано, но только здесь для доказательства общему всех рассуждению предлагается то, что при мирном состоянии и что во брани народы за главное правило наблюдать и к чему большее, в обоих случаях, старание прилагать

---

* Греческие республики и нынешнее Великобританское государство единственно по причине своего поселения на островах, из которых они неприятельским нападениям не столько подвержены бывают и, пользуясь таким выгодным положением мест в купечестве, науках и искусствах упражняются. Напротив того, Римские народы, будучи сначала в таком поселении, в котором их соседние народы всегда беспокоить могли, принуждены были прилежать к военному упражнению и ободрять свое через 700 лет. В России по той же причине военное искусство и упражнение в великом почтении и уважении. В других европейских государствах военное чиноположение отдано в торг охотникам и ранги военные и команды покупаются и продаются офицерами, которые сами со всем войском бывают наемные. Впрочем, какой успех в рассуждении целого общества имеет стоящая армия, наемные войска и обыкновенно называемая милиция, и какие суть лучшие средства в учреждении армии по времени и месту, сие составляет предмет рассуждения в натуральной юриспруденции.

должны, дабы таким обоюдным во все обстоятельства проницанием могли заблаговременно узнавать, к чему больше их отечество преклоняется, в чем оного большая сила и крепость и в чем прямое оного и общее всех благополучие состоит. Пленить и покорить многочисленные народы и распространить державу есть только доказать военное искусство и превосходную оного силу; но удержать безмерные завоевания в единомысленном повиновении и с удовлетворением всенародным есть такое дело, которым неоспоримо доказывается человеческая премудрость и счастливое правительствующих дарование к совершению великих дел. Первого славу заслужили кровию предки российские, и сего последнего честь остается заслужить потомкам неусыпным попечением о народной пользе и ревностным споспешествованием к окончанию добродетельных намерений и предприятий наша всемилостивейший монархини. Варварские герои Атила, Генгисхан и Тамерлан²³⁸ с своими гуннами и татарами внезапно ужасные завоевания сделали. Тогда при нападении толикого варварства на варварство Европе представлялось, что сих народов оружием, как всемирным потоком, премногие государства поглощены и покрыты были; однако их победы и завоевания кончились во всем не иначе, как ветреная буря, которая, восстав от Востока и с ужасным стремлением прошед до Запада, обратно на Восток с шумом возвратилась, оставляя за собою только одни следы своего свирепства в государствах, чрез которые проходила. Подобные были завоевания и Александра Великого, то есть вскоре за победой исчезающие. Внезапным превосходного в силах одного народа нападением завоеванные народы разного правления, разных нравов и состояния в скором времени не могут действительно соединиться во единый народ с победителями и не могут быть удержаны в покорении чрез долгое время. Для верного соединения подданных и для их единомысленного повиновения своему правлению требуется веков, изрядного законоположения, согласного исповедания веры и великой взаимной коммерции с своими и с соседними народами^{*239}.

---

* Купечеством больше народы скрепляются и соединяются нежели каким другим средством. Доказательством неоспоримым есть целая Европа, в которой ныне совсем невозможно победителю овладеть целым государством или разорить оное вконец. Ибо прочие державы, будучи в взаимном между собою купечестве и прежде объявления войны восстают против зачинающего. В последнюю Прусскую войну многие державы переведались оружием без всякого

Римляне своими продолжающимися победами и немощными сначала силами подобную Российской империи создавали. Они не в единое нападение на всех соседних, но покорив сперва один народ и вооружаясь потом на другой, распространяли свои завоевания. Сначала им всегда счастливо удавалось совершать свои намерения. Непрерывным и неизменным успехом своего оружия они довольно ободрены и заохочены были к непрерывной войне с окрестными народами. Победа у них всегда последовала за победою, и всякое завоевание было им воспалением к кичливости и горделивому мнению о своей военной славе, от чего напоследок то произошло, что у римлян одно только упражнение военное в мыслях, в славе и почтении было, а прочие упражнения, необходимо надобные при мирном состоянии отечества, в презрении оставлены. Ибо у всех народов, что большая часть людей за величественное признает, к тому у всех все желание и помышление стремится, и в том одном каждый всяко-

---

почти завоевания знатного и без всякой корысти. Господин Волтер, описывая Полтавскую баталию, говорит, что с начала нынешнего века в Европе уже до двухсот знатных баталий выдержано знатнейшими самими и кровопролитнейшими победами завоевано было несколько маловажных провинций и городков, которые по замирению паки возвращены кому принадлежали. А от Полтавской победы и баталии, говорит он, родилась наиобширнейшая в свете империя. *Voyes L'Histoire de Russie sous Pierre le Grand par Mr.de Voltaire* tom 1. P.350 . Сему причине господин Волтер никакой не определяет, однако, без сомнения можно утверждать, что в тогдашние времена и в тамошних местах, где толикая война происходила, купечеством соединенные области, каковы были Британские, Франция, Гишпаниа, Португалия, Итальянские и Голландские республики, не дозволяли ни одному победителю великого завоевания оружием приобрести. Многие приписывают сие действие союзному ныне заведению междоусобных в Европе трактатов; однако можно спросить, для чего учреждается между нынешними державами такой взаимный союз, и откуда ведут свое начало самые междоусобные трактаты? Купечество было их началом и для купечества по большей части оные ныне учреждаются. и что без купечества такие трактаты и союзы действительными не бывают и удобно нарушаются, тому кроме нынешних примеров доказательством есть бывший и у Греков Амфиктионский конгресс, общим согласием всех Греческих областей учрежденный для наблюдения равновесия во всех державах, который без знатного купечества желаемого успеха не имел и вскоре после заведения был уничтожен. Купеческий азиатский трактат (the Asiatic League) и заключенные в оном (Hanse Towns) города, когда восточной Индии коммерция Итальянскими республиками чрез Средиземное море вся отправляема была, можно сказать, началом и заведением были нынешних в Европе союзных трактатов. Желющие о сем уверены быть могут прочесть Martin's history of trade et commerce 2 vol. folio the last London Edition.

го ревностно превзойти старается*²⁴⁰. По сей причине мы видим, что в государствах, в которых одна военная слава и военное чиноположение предпочитается во всем, свободные науки и художества благопоспешно не процветают, и сходно с сим заключением мы також видим, что у римлян при военном состоянии, которое у них чрез 700 лет продолжалось, никаких почти философов, стихотворцев, историков и знатных художников не было**²⁴¹. А когда такие науки и искусства в небрежении у военного народа, то в каком забвении и несовершенстве суд и истина у него оставлены бывают, когда оные одним мечом предписываются. Солдат с природы не любит и не терпит продолжительных и трудных исследований в тяжёбных и криминальных делах; у него короткий раздел и решение в обоих случаях. Разделяй и повелевай (*divide et impera*) у него только и правила главного для всего отечества; даю, сказываю, приговариваю (*do, dico, addico*) был генеральный издревле у римских судей ответ на все и самые партикулярные дела, которые к сим трем только словам истцы приноровливать должны были; в противном случае и за одно слово вовсе удовлетворения своего лишались***. В нынешних судах, где только милость и истина

---

* Сам Цицерон, который совсем не рожден быть солдатом и который публично говаривал, да уступит победа миру (*cedant laurea togae*) принужден был наконец искать Консульства единственно для того, чтоб получить себе публичный триумф и показать себя достойным такого величественного состояния, к которому тогда у римлян каждый достигнуть старался. *Conf. Ciceronis epistolam ad Marcum Catonem.*

** Virgilius, Tibullus, Propertius, Ovidius, Horatius et Livius появились у римлян в мирное время при Августе, при котором их Янусов храм затворен и войско учреждено было наемное, которое до Августа составляли сами граждане и обыватели римские, служа во оном по очереди.

*** Невежественный народ обыкновенно осуждает человека во всем, естли только он в одном неправым явится; человек рассудительный и просвещенный снисходительно принимает в рассуждение, что хотя иногo требование не согласно бывает в одном, однако для того не должно лишать го своего удовлетворения, естли только оное в другом явиться вероятным. Римские судьи, видно, издревле все дела судили, принимая или отвергая оные вовсе, естли только они в одном чем не приноровлены были к их генеральному ответу, приведенному к одному из сих трех слов *do, dico, addico*. По старинным римским законам никто не мог взыскивать ничего, кроме как только по одному праву, если кто стяжанную вещь отчасти подарком и отчасти куплею потерял, тот оной за одним процессом взыскать не мог. Но принужден был двойной и особенный суд об одной вещи иметь. И кто за незнанием больше взыскивал чего на ком перед судом, тот и всего требуемого лишался. *Qui plus petebat, causa cadebat.* Conf. tit. 13. D. De Edendo.

совокупно присутствуют, натуры глас вопиет, отвори всем пути к блаженству, и пушай тот больше преимущества, чести и достоинства наслаждается в отечестве, который больше в оном тягости несет! Ограничь судью и судимого, да никто из них предписанного им предела не преходит! Утверди права, принадлежащие всякому с первого до последнего! Внемли с кротостию к немощному и обидимому и накажи низвержением сильного и попирающего нагло святость прав! Сделай, чтоб всяк в своем грехе достойно и праведно казнен был! Дозволь ходатайствующим с обеих сторон иметь свободный и публичный голос пред судом за судимых, дабы ничто в тайне, но откровенно и посторонним известна судимо было и исходило бы во свет для научения народного, поелику сим одним средством всяк нечувствительно научается всему тому, чего ему в житии и во владении своем опасаться должно. Добродетельный кроме защищения пред судом ничего не ищет, и закон, сколько бы оно строгость ни тяжела, не для его, но для преступников издается. О сем теперь. слушатели, предприимется дело в российских селениях и о сем нашей Премудрой Монархини продолжаются денно-нощные труды и что ее добродетельные намерения к утверждению общего всех благополучия простираются, тому довольным доказательством есть ее матернее попечение, по которому она и последнего спокойство старается утвердить столь непоколебимо, сколько возможность смертным дозволяет счастливо жить. Римлянин, не допуская пришельцев и покоренных оружием в отечественное усыновление и запрещая оным равномерными себе правами пользоваться законом, утвердил вечное иметь преимущество одному природному гражданину пред всеми, находящимися в отечестве*²⁴². Но свет уже видит. что Российская Монархиня и последнего из подданных самоеда²⁴³ приглашать участником быть в законодательной власти.

Итак, поспешествуя сей справедливости и благоразумию в толь полезных роду человеческому предприятиях Всероссийской предводительницы, усердствующему купно с нами ее намерениям собранию вознамерился при нынешнем всерадостном. нашей премудрой и трудолюбивой Монархини, восшествии на Всероссийский престол, доказывать надобность наук при настоящем России возобновлении. Причем:

---

* Сей закон у римлян в 12 таблицах издан был так «*aduersus extraneum aeterna auctoritas esto*».

- 1) Наша должность будет — изыскивать причины, которые побудили народ учиться законоискусству.
- 2) Показывать, какие части юриспруденции по времени и месту необходимо нужны для преподавания в училищах.
- 3) Изъяснить примерами те части юриспруденции, которые за ближайши́е к делу усматриваются.

О НАТУРАЛЬНОМ ПРОИСШЕСТВИИ ЗАКОНОУЧЕНИЯ И О ПРИЧИНАХ, КОТОРЫЕ ПОБУДИЛИ ЛЮДЕЙ УЧИТЬСЯ ЗАКОНОИСКУССТВУ

В начале всякого общества, когда обыватели еще только начинают порядочно жить, законы в таком первоначальном гражданстве обыкновенно бывают над меру просты и, немногие, и потому всем известны и вразумительны без учения. В таком состоянии общества не случается никаких важных прав, происходящих от различного состояния, какие у нас примечаются между государем и подданными, между судьей и судимым, между отцом и детьми, между мужем и женою, между опекуном и состоящим под опекою, между господином и рабом и проч. И естли в таком натуральном состоянии народов были какие права, примечания достойные и происходящие от взаимных дел между обывателями, то оные, должно думать, были весьма маловажные и невеликую у них в движимых и недвижимых имениях производили чувствительность; потому что такие права еще ниже своею долговременностию во владении имения, ниже своим затруднением в стяжании оного великой надежды к непрерывному и непрепятственному присвоению имения и довольной власти к употреблению оного в первоначальных владельцах не производили. В недвижимом имении, как то в земле и подобных сему вещах, всякое насилие и всякая наглость, если какая случалась, удобно обывателями претерпеваемы были, ибо такое имение у первоначальных народов, будучи в крайнем изобилии, несовершенстве и дешевизне, еще и долговременным употреблением утверждено не бывает. Движимое ж у таких народов имение толь маловажное понятие в рассуждении собственности производило, что оного право у них не больше чувствительно было, как только до тех пор, пока движимое имение в руках владетеля находилось; а как скоро из рук пер-

вого владельца потерян или другим каким случаем выходило, тотчас такое право и такое имение собственным невозвратно другого владельца становилось^{*244}, ибо человек с природы за то больше стоит и с тем удобно расстаться не желает, что он с большею трудностью снискивает. От трудности, которую он при стяжании ощущает, рождается в нем натурально некоторая неусыпная предосторожность, которая заставляет его всегда беспокоиться о своем имении; отчего такой, как обыкновенно говорится, дрожит над своим имением, опасаясь, дабы оно не радением, насильством или обманом похищено не было. Сие коротко можно доказать примером купцов и дворян. От купца щедроты не должно ожидать, когда он сам заботится и присматривает за всем, не имел приказчиков и сидельцев; напротив того, дворянин, которому все достается чужими руками и ни за что своего поту не проливает, тщеславится за предел в своей щедроте. Само чрез себя разумеется, что в натуральном состоянии люди не имеют почти никакого понятия о собственности и живут по большей части

---

* У всех непросвещенных и варварских народов, у которых кроме движимых вещей других обыкновенно во владении не находится, право собственности почитается совсем незаселенным от права стяжания. Знатный пример сего можно найти у Charlevoix, который в своем путешествии говорит, что одна старушка, имея только пожитка одно ожерелье ценою до 10 французских эю (росийскую монетою около 11 рублей с 1/2), которое она всегда с собою носила в сумке; случилось однажды, что она в работное время принуждена была повесить свою сумку на дереве; другая женщина, приметя то и желая похитить оное от нее, думала, что в таком случае удобно она могла то сделать без всякого подозрения на себя в воровстве. И дабы произвести такое свое намерение в действие, она желала только, чтобы она старушка несколько поудалилась, что как скоро сделалось, она прибежав к дереву и схватив сумку, вскричала: «Ах как счастливо я нашла толь драгоценную вещь». Бедная старушка вдруг оборотясь говорила, что она повесила ту сумку на дереве и сверх того утверждала, что она не потеряла и не позабыла ее на дереве, а хотела снять и взять с собою идучи домой. По многом споре между сими двумя женщинами у которых со всем тем никаких укоризненных в воровстве слов не происходило. Напоследок все дело отдано было на рассмотрение посреднику, который был в деревне первоначальным, и который по исследовании дела говорил, что по сущей правде такая вещь таким образом снисканная принадлежит к тому, кто нашел; но понеже обстоятельства, говорил он, суть такие, что естли нашедшая сумку женщина не хочет слыть сребролюбивой, она должна возвратить оную взыскивающей старушке, довольствуясь некоторым подарком, который по совести за возвращение обязуется та сделать.

управляемы не законами, но застарелыми обычаями, каковыми управляемы были древние афиняне, лакедемоняне и нынешние камчадалы*²⁴⁵.

Но как скоро польза и надобность вещей движимых и недвижимых стала народом столько чувствительна, что многие чрез потеряние оных в разорение приходили казались, то отсюда начали в обществах происходить тяжбы, ссоры и смертоубийства, для отвращения которых законы сысканы, показующие, в чем святость прав и в чем принадлежащая всякому собственности и наследие состоит. Кратко сказать, опытом дознанная в возвышающемся состоянии человеческого надобность вещей и трудность в снискании оных купно с долговременным и непрерывным оных владением напоследок ограничили все то, что ныне у нас *своим* и *чужим* называется. Таким образом, постепенно возвышаясь, народы, в познании собственности и довольствуясь сначала немногими простыми и несовершенными законами, не требовали нарочитых людей для истолкования оных. Римляне; которые почти и всему свету законы предписывали, сначала столь немного законов и для себя имели, что оные и с прибавлением греческих в 12 таблицах поместиться могли. В сии времена и в таком состоянии у римлян законы были чрезвычайно просты и немногие. Цицерон однажды сам публично пред сенатом римским изъяснился, что он, будучи обязан премногими своими и публичными делами, довольно надеялся доказать себя наиискуснейшим юриспрудентом в три дни. Сие явно доказывает, что юриспруденция у

---

* Удивительное сих народов примечается сходство. По законам Ликурга не дозволялось воровать соседям у соседей; и если кто против сего закон отважился сделать, тот должен был поступать в том столь проворно, что б никто его похищения не сведал. *Г. Миллер* и другие с ним писатели Камчатской Гистории объявляют, что подобное ж сему закону наблюдается и в Камчатке, так что в Чутском девица не может и замуж выйти, пока не окажет такого удачливого искусства в воровстве. Суверенные любители древностей подумают, что камчатские народы переписывали когда-нибудь законы у Ликурга; хотя в ликурговы времена, может статья, люди столько же искусны были в рукописании, сколько и нынешние камчадалы. Народные обыкновения везде бывают сходны, когда самые народы находятся в подобном между собой невежественном и варварском состоянии. Так должно рассуждать и о всех греческих законодателях установлениях, каковые были у них в рассуждении женщин, в рассуждении общего кушанья, в рассуждении их необыкновенной монеты и в рассуждении убийства рабов для научения дворян военной практике.

римлян и в цicerоновы времена еще не составляла трудной науки, поелику она, как видно, не требовала особенного упражнения и труда для изучения. Ибо во всех обществах, как скоро многие и различные обывателей права в свое и точное известное утверждение законами, уставами и обыкновением приведены бывают, тогда и сия наука самим опытом узнается трудною и неудобною для уразумения общего. Следовательно, не прежде, но в таком состоянии общества и законоучение начинает требовать особенных людей, которые одному оному должны посвятить свою жизнь и все свое упражнение положить в оном. В Риме даже до уничтожения республики каждый патриций (дворянин) ходатайствовал в суде сам за своих приятелей, и никто тогда не думал, чтоб такое дело требовало какого учения или долговременного упражнения. В таком состоянии правлений судьи також не больше искусны бывают, как и самые адвокаты; судейскую должность при начале всякого общества отправляют военные или такие люди, которые больше при дворах находятся. У турков паша есть военачальник, градоначальник и судья; и по объявлению странствующих в турецких приморских владениях, как то в Туне и Триполе, повар есть первый министр и действительно отправляет обе должности. Подобного ж происхождения примечаются министры и поныне в Польше, какие недавно присыланы были и к российскому двору от Конфедерационной комиссии. *Constable* во время феодального правления во Франции действительно был конюший королевский и считался между первыми министрами. В старину и в Англии *constable*, то же, что конюший, столь великим человеком почитался, что первое место занимал в военной коллегии. Нынешнее достоинство, что почитается первым в Европе, быть *Secrétaire d'état*, или *Secretary of the state*²⁴⁶, произошло от шпионов, которых в феодальном правлении высокие особы при себе держали. Но исправляющий житие человеческое частый опыт и ревностное областей о народной пользе старание великое преобразование в судах и в правлении производят, и мы видим, что те же римляне по долговременном благосостоянии своего отечества столь обширными в своих законах оказались, что оные, которые сначала в 12 досках все заключались, напоследок и в двутысячных книгах не вмещались²⁴⁷. Потомки, не рассуждая, что такого множества законов требует натуральное воз-

---

* Смотри L. II § i C de veter jur enucleando.

вышение народов в правлении, принимались сокращать римские законы, когда теперь во всех государствах противное на деле оказывается, и народы чем в большее совершенство приходят, тем больше законов в последующие времена требуют. Они нужны для точного и известного правоположения владельцев, граждан, обывателей и их имений; в противном случае наглость, посягательство, отягощение и утеснение везде попускается без наказания. Сверх сего разные дела в государствах с разными соседними державами равномерно, как и времена в правлении для войны, мира и коммерции, разного установления и законоположения требуют, которыми не меньше судьи, как и позываемые на суд, обязаны быть должны. По сей причине в Британии и других европейских государствах сенат и парламенты с государями ежегодно законы вновь делают, старые дополняют, поправляют и уничтожают, так как надобность и обстоятельства требуют, от чего все в законах сделалось столько обширно и неудобно для общего всех знания, что ныне нарочитые искусные люди на то везде в правлениях требуются, какие ныне в государствах воспитываются и в дела допускаются адвокаты и судьи. Теперь, узнав, какие причины побуждением были к законоучению, в следующем мы приступаем к рассуждению о надобных науках для учащихся юриспруденции.

О НРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ, О ЮРИСПРУДЕНЦИИ ВООБЩЕ И О ТОМ, ЧТО СОДЕРЖИТСЯ В ОБЕИХ СИХ НАУКАХ

Наше знание, касающееся до правил истины, зависит:

- 1) От свойственности наших рассуждений о том, что праведным и неправедным, добрым и худым почитается у разных народов.
- 2) Такое наше знание премного зависит от изучения разных решений судебных, случающихся в разных правлениях.

Первое руководство, показующее, в чем свойственность наших рассуждений состоит, есть нравоучительная философия и натуральная юриспруденция.

Второе средство для снабдения нашего разума разными примерами решений судебных есть учение такой системы законов, в которой бы можно ясно приметить начало, возвышение и совершенство правления. А поелику в свете кроме системы римских законов дру-

гой столь подробной и полной еще нигде не обретается, по сей причине римские права после натуральной юриспруденции должно показывать, хотя оных учение в иных государствах совсем для других причин введено.

После нравоучительной философии, натуральной юриспруденции и римских прав обыкновенно в университетах преподаются отечественных законов юриспруденция, что все учащиеся, окончив и будучи исследованы и засвидетельствованы во всем, допускаются адвокатами в дела тяжёбые и криминальные для оказания своего искусства на деле и напоследок бывают судьями*. Каким образом нравоучительная философия, натуральная, римская и российская юриспруденция преподаваемые должны быть, сие покажется в следующем:

О нравоучительной философии

Из всех писателей, которых я имел случай читать, усматривается, что ныне везде почти нравоучительная философия не совсем к делу ведет. Юриспруденция ж натуральная преподается или совсем старинная, обыкновенно ныне называемая казуистическою, или другая, не лучше прежней, сочиненная вновь, и вся почти выбранная из римских прав. Старинная нравоучительная философия основана есть на сих четырех добродетелях, *iustitia, prudentia, fortitudo, temperantia* (истина, премудрость, великодушие и воздержание), которые в сей науке доказываются главными (*virtutes cardinales*) и от которых любители древности выводят и других премножество производных добродетелей (*derivativas virtutes*)²⁴⁸, поднимая споры неугомонные о том, что справедливое может ли быть всегда полезным

---

* Нельзя всего здесь учения потребного для судьи или адвоката точно определить. Он сам больше узнает, что к его упражнению необходимо надобно, когда в сию должность вступит. Впрочем, можно о нем свободно утверждать, что он принужден иметь полное университетское воспитание, он долён знать разные языки, как, например, латинский, французский, немецкий, английский дабы посредством сих мог читать разные системы законов и чрез то мог усугубить свое знание нужное при встречающихся случаях в суде, в котором иногда бывают дела, не имеющие предписанных законов и которые судья должен решить по справедливости и истине. Упомянутые здесь науки довольно будут служить для основания, прочие ж преподаваемые права, как то положительное, вскельное, военное, морское и пр. желающие знать, могут читать сами и разуместь без всякого затруднения.

и полезное всегда ли и в каких случаях может быть честным, и так обратно. Такие вопросы и такие добродетели изыскиваются в старинной нравоучительной философии, и в подобной ей натуральной юриспруденции оные приводятся для подтверждения прав персональных и вещественных, с некоторым в сей последней метафизическим словопрением о суде внутреннем и внешнем (*de foro interno et externo*), в котором нынешние схоластики сияются доказывать, что в человеке сходствует с совершенством его внутренним и внешним и что согласно в нем с волею Божией и что не согласно, разделяя притом человеческую совесть по логически, на *предыдущую* и *последующую*, на *известную* и *вероятную*, на *сомнительную* и *недоумеваящую* (*in antecedentem et subsequentem, certam et probabilem, dubiam et scrupulosam*), seu ut aliis absurdus est, cautereatam²⁴⁹. В таком лабиринте они ищут общего всем натуральным правам начала*.

В Британии, где сначала великая вражда между светскими и духовными учеными происходила, от словопрения междоусобного премного появилось различных систем философии, называемой *speculative philosophy*²⁵⁰; и толикое множество политических, метафизических и нравоучительных сочинений в свет издано, какого еще ни в каком другом государстве не примечается. Отсюда прославились *Гоб, Комберланд, Мандевиль, Лок, Баркле, Болинброк, Сидне, Гарингтон и недавнейшие Гочесон, Давид Гюм*^{****251} и господин *Смит*²⁵², из которых последних один метафизику, а другой нраво-

---

* Теряют время трудящиеся в таких вот от чувств человеческих удаленных изобретениях. Мы можем узнать и доказать Божие всемогущество и подобные сему Вседержителя качества, но какая Его воля и намерение есть, в сем состоит тайна, в которую еще и высшие нас существа желают проникнуть и какая из того польза, что иной выводит начало всех натуральных прав, поставляя оным честность с полезностью, или выводя оное и из того, что всяк чего себе не желает, того и другому делать не должен. Ибо тем прав и законов изменить не можно. Суть и другие *principia Juris Naturea*, которые изысканы больше для меридиана немецкого, нежели к делу в судах. Сей род ученых чем недостаточнейший в своих знаниях, тем тщательнейший в своих изобретениях и как *empty vessels make a greatest noise* [от пустой посуды больше шума — англ. прим. ТА.]. свет еще ничего не видит, а он уже и в газетах гремит, что им сыскана *quadratura circuli* [квадратура круга — лат. прим. ТА.]. В следующую почту, может статься, и его ж *perpetuum mobile* [вечный двигатель — лат. прим. ТА.]

** See Hume's *Essays on Human Nature* 3 vol. and Smith's *Moral Sentiments of Sympathy*.

учительную философию к великому удовольствию ученого света издали. В моем рассуждении, если не обманываюсь, господина Смита нравоучительная философия ближайше с натуральной юриспруденциею соединена, нежели все другие системы сея науки.

О натуральной юриспруденции

В сей науке должно изыскивать причины, которые действуют во всех государствах и суть основанием всех законов и правлений. *Grotius*, по-видимому, был первый из ученых, который издал в свет нечто подобное натуральной юриспруденции. Его книга о мире и войне (*De bello et pace*), со всем ее недостатком и несовершенством, может стать, и до сих времен есть наилучшая система юриспруденции, какую только еще свет видел. Однако его сочинение есть казуистическое, сделанное умышленно для принцев и высоких областей, в котором доказывается, в каких случаях войну можно праведно объявить и сколь далеко оно право должно простираться. *Grotius* утверждал, что все государства, не имея верховного над собою единачальника, суть между собою наподобие первоначальных народов в состоянии натуральном; и потому война во всех государствах есть только и средство для отмщения обид государственных. По его мнению, войну можно праведно объявить во всяком случае и за всякую обиду, за которую удовольствия сыскать по законам в суде невозможно. Такой предмет в его сочинении о мире и войне натурально побудил его вникать во все установления государств и изыскивать начала гражданских законов, причем он принужден был описывать и доказывать права государей и подданных, разные законопреступления, различные владения и обязательства и кроме сего все то, что казалось быть предметом законов, так что иной подумает, что в сих он первых книгах намеревал издать целую и полную систему юриспруденции натуральной.

Другой по *Гроцию* некоторого примечания достоин был господин *Гоб*, агличанин. Сей человек имел великое отвращение и ненависть к духовенству, которому вкорененное в то время в Британии несносное суеверие подало причину писать и доказывать, что порабощение мыслей человеческих церковной власти было единственною причиною несогласий и междоусобной брани, происходившей тогда в Британии при Карле Первом²⁵³ и при регенте Кромвеле²⁵⁴. В сопро-

тивление усиливающейся тогда церковной власти он старался издать систему нравоучительной некоторой юриспруденции, в которой он доказывал, что совесть человеческая сначала и всегда повинна была одной только гражданской власти и что воля одного только государя всегда была предписанным внутренне правилом для поведения обывателей. По его мнению, народы, пока не сошлись еще в сообщество, все были в состоянии несогласном и жили один с другим враждебно, и что они, избегая зла, претерпеваемого в таком натуральном состоянии, договор сделали поддаться одному обществом избранному государю на тот конец, чтоб он один у них имел право решить все несогласия и жалобы, происходящие в обществе, и чтоб повиновение его воле составляло гражданское правление и благосостояние, без которого бы у них добродетели не было, что они уже из первоначального своего состояния дознали. Отсюда господин *Гоб* то выводил, что повиновение верховной власти было сначала и должно почитаться основанием и существом всех добродетелей. Богословы, почитая за должность опровергать такое странное учение добродетели, вооружились пером против господина *Гоба*, доказывая, напротив, что первоначальное состояние человеческое не было состояние враждебное и что общество могло, хотя не столь согласно, устоять и без гражданского правления. Они также доказывали, что человек и в таком состоянии имел некоторые права себе принадлежащие, как-то: люди могли иметь и тогда к защищению своего тела, к наслаждению плода от своих трудов, к заключению контрактов с кем хотели и пр. Сие подало причину многим писать *pro* и *contra*²⁵⁵. Славнейший из всех в словопрении сем сделался архиепископ Комберландский, писатель *De Legibus Naturae*.

*Пуффендорф*²⁵⁶, последуя отчасти господину *Гобу* и отчасти [архиепископу] *Комберландскому*, писал *De Officio Hominis Et Civis*, т. е. о должностях, какие человек наблюдать должен в состоянии натуральном и гражданском. *Пуффендорфов* труд подлинно был излишний, ибо писать о вымышленных состояниях рода человеческого, не показывая, каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается, есть такое дело, которое не совсем соответствует своему намерению и концу.

После сих один ученый прусский барон *Соссеиус* писал о юриспруденции 5 книг. Некоторые из них остроумно писаны и ясно, особливо те, в которых он писал о законах. В последней книге он дал

содержание разных систем немецких о натуральной юриспруденции. Кроме сих авторов, других нет никаких примечания достойных о сем предмете*.

Содержание юриспруденции натуральной заключается в четырех частях, из которых:

- 1) О происшествии правлений в разные веки и у разных народов;
- 2) О правах, происходящих в обществе от различного состояния и звания людей;
- 3) О правах, происходящих от различных и взаимных дел между обывателями;
- 4) О полиции, или благоустроении гражданском.

В первой части о происшествии правления можно делать некоторые наблюдения о причинах и натуральном происшествии власти и старшинства у народов, изъясняя оные историческим описанием, взятым от первоначальных народов, о которых мы ясное понятие имеем; после сего показывать должно здесь правления натуральные, какие случаются у народов, живущих сперва одною ловлею зверей, потом хлебопашеством и, наконец, купечеством; что учинив, показывать должно правления европейских держав, описывая оных начало феодальное, и их перемену из сего в аристократическое или монаршеское, или в какое оные преобразились напоследок правление, доказав сперва, что и самое правление феодальное не иное было, как аристократическое, состоящее из вельмож, имеющих над собою государя неполномощного; в заключение сей первой части должно показывать начало, возвышение и совершенство своего отечественного правления.

Во второй части показывать должно права натуральные, какие имеет человек к защищению своего тела, имени и пр. После сих изъяснять права приобретенные, какие случаются между государем и подданными, между судьей и судимым, между рабом и господином, между родителями и детьми, между мужем и женою, между опекуном и состоящим под опекою, причем должно показывать начало, возвышение и совершенство примечаемой во всех правлениях власти законодательной, судительной и наказательной с показанием, каким

---

* Ибо другие хотя и писали, однако не столько о юриспруденции, сколько о других науках вместе, как то обыкновенно немецкие ученые делают единственно для того, что б прослыть полигисторами.

персонам каждая из сих властей бывает поручена сначала и какие люди отправляют сии должности напоследок в правлении. Сверх сего здесь должно показывать историческим, метафизическим и политическим порядком введение в государствах порабощения и закрепления народов, какое бывает порабощения действие в рассуждении целого отечества, каким образом и для каких причин в иных государствах оно уничтожено, а в других закоснело; при сем можно показывать начало и возвышение дворян по линии природной, военной и штатской, и кроме сего в сей части должно показывать причины родительской власти над детьми, причины многоженства, или полигамии, введение бракосочетания и причины запрещения оною в известном поколении сродства.

В третьей части должно показывать свойство прав, происходящих от различных между обывателями дел, каковыя суть вещественные: собственность, право дозволенное, наследство, заклад и особливые привилегии и другие персональные; контракт и подобное контракту право; преступление и подобное право в преступлении. *Dominium, servitus, haereditas, pignus et privilegia exclusive; contractus et quasi contractus, delictum et quasi delictum.* Сии все права сколько недостаточны бывают у непросвещенных народов и сколько оные ограничены и в совершенство приведены у нынешних, сие историческим доказательством должно пространно изъяснять, показывая их точные основания, на которых они утверждаются, особливо здесь рассуждать должно, каких следствий произведением бывают в обществе дозволяемые между привилегиями откупы; и напоследок здесь же должно показывать, какие суть наилучшие и действительнейшие средства к восстановлению и подтверждению сих прав, когда они каким случаем нарушены бывают; и потому здесь должно принимать в рассуждение различные жалобы и прошения.

В четвертой и последней части натуральной юриспруденции, называемой полиции, должно показывать все то, что принадлежит до благоустройства и благосостояния, удобного содержания и безопасности обывателей, и рассуждать о средствах, надобных к предупреждению внутренних тревожений и к защищению от неприятельских нападений. Почему здесь первый рассуждения предмет занимает учреждение посланников своих и иностранных с принадлежащими им правами. Потом должно рассуждать, какие наилучшие суть средства к учреждению и содержанию армии по времени и месту и сколь

опасных следствий произведением бывает находящееся всегда внутри государства великое войско. При сем введение и ободрение мануфактур, покровительство коммерции, надежное учреждение банков и монеты для благопоспешности купечества и несомнительной доверенности во всем в рассуждение здесь принимать необходимо должно. А понеже земля, как недвижимое имение, почитается всегда во всех государствах за надежнейшее сокровище, по сей причине должно рассуждать, какие здесь наилучшие средства суть к приведению хлебопашества в совершенство. И поелику для удержания достоинства, власти, славы и величества империи, равномерно как для заведения и содержания наук, художеств и войска требуются великие государственные иждивения, затем должно здесь паче всего стараться изыскивать способы для собирания на то казны государевой и для рачительного оной соблюдения, причем должно показывать, какие точно вещи и какие люди надежны и способны для сборов и пошлин государевых.

О римской юриспруденции

По разорении Римской империи великим переменам и предосудительному нареканию подвержен был и закон римский. В иных государствах он принят и, соединясь с феодальным, имеет свою некоторую силу и поныне, как, например, в Германии, особливо в Померании*²⁵⁷; напротив того, в других юриспруденцию римскую столько возненавидели, что оной и учиться неоднократно запрещено было. Сие происходило оттого, что римские права вводимы были в иных государствах насильно для приватной пользы некоторых и с намерением для уничтожения отечественных в государствах законоположений. В 12 веке монахи, которые хотели все науки сами поглотить и оставить светских во тьме и невежестве, юриспруденцию римскую с таким усердием по всей Европе учить и вводить оную в разные правления старались, что не устыдились доказывать и государей узаконения еретическими, которые не имели своего основания на римских правах. Им прибыль советовала то делать; ибо они, предвидев, что светские за незнанием прав римских и языка, на котором они писаны были, при введении римской юриспруденции не

---

* Confer. historiam juris de Balthasar pag.43 et 44.

могли бы в своем государстве ни судьями, ни адвокатами быть, в котором случае монахи, пользуясь светских невежеством, чрез такое свое учение юридическое могли бы сами со временем вступать в гражданские дела и быть судьями и адвокатами. В таком намерении и предприятии они действительно столько своим законоучением римским успели, что в Англии издревле *nullus clericus, nisi causidicus*²⁵⁸ было законом утверждено, судьи в то время в Англии все почти из духовных выбираемы были. Папа Иннокентий IV²⁵⁹, видя такой успех в юриспруденции своего причета церковного и желая, чтоб одни благословенные им римские права имели свое действие, еще и больше умышленно запрещал и читать аглинские права для того, что оные не были на римских основаны. Напротив того, аглинский король Стефан²⁶⁰, видя такое бессовестное и вредное монахов с успехом производимое в делах гражданских намерение, указом запретил читать и учиться римской юриспруденции, монахами преподаваемой, за что они сего государя безбожником и богоотступником почли^{*261}. Чрез такие приключения римская юриспруденция отчасу в омерзение приходила и преподаваема была во многих государствах не с тем намерением, с каким оную должно было преподавать. Теперь она преподается здесь единственно для того, чтоб снабдить наш разум довольными примерами разных решений, слушающихся в обществе, и чтоб нам иметь подробное понятие о полной системе законов. Для такого намерения нет в свете лучших законов, кроме римских, ибо ни один еще народ в Европе столь долговременно не жил и столь не скоро до своего совершенства доходил, как римляне, которых течение столь продолжительное было, что нам из их законов можно видеть всякую степень, по которой они восходили до своего величества. В противном случае для такого на-

---

* Желаящие о всем том уверены быть могут прочесть Mr. Blackstones «Discourse of the body of the law». Откуда всяк может видеть, что монахи в тогдашнее времена в Англии во всем не иначе поступали, как немецкие ученые в России поступают, которые один вой Геттингенский университет забралом всей премудрости доказывают, что в России не имеют и Бога вразумительно изображенного на своем языке, не рассуждая, что их *Gott* и этимологии почти своей не имеет. Когда на российском *Бог*, естли взять от *Божий*, весьма натуральное и естественное сем первоначальным людям имеет свое произведение *etenim timor primos in orbe fecit deos*. Удивительно, что Бишинг, живучи сам в России сего не познав, пишет так своей географии.

мерения можно бы преподавать и другую какую-нибудь систему, например немецкую, французскую, аглинскую, если бы только она была столь полная, какова есть римская.

О российской юриспруденции

Удивительно, что в России до сих времен никакого почти особого старания к отечественной юриспруденции прилагается не было. Мы не имеем и поныне никаких сокращенных по примеру других государств наставлений российских законов; и хотя старинные сводные уложения и не однажды деланы были, однако за неимением совершенных и печатных трудный доступ есть к запертым в частных хранилищах рукописным. Причиной тому, может стать, было то, что в России на природном языке все во всенародное известие издаваемо было, и в российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие примечаются в законах феодальных правлений^{*262}. Сверх сего, тому причиною было сначала множество законов в России и дел государственных. Ныне в России по причине множества дел, и внутри и вне государства происходящих, и по причине разных беспрестанно устанавливаемых возобновлений законы и дела довольно умножились и требуют уже необходимо, чтоб сделаны были и напечатаны для общего всех знания краткие наставления всероссийских прав. Что нетрудно бы сделать, показав, во-первых, главное всех российских прав разделение на права, происходящие от различного состояния людей в России, и на права, происходящие от различных и взаимных дел между обывателями российскими. В первой части показывать должно прерогативы монархов российских и права, дозволенные от них подданным своим, каковые суть между дворянами и крепостными, между родителями и детьми, между мужем и женою, между опекуном и состоящим под опекою, между судьей и суди-

---

* У нас не было и издревле ни в тяжбных, ни криминальных делах таких невразумительных латинских и французских слов, каковые приняты в Англии и поныне наблюдаются. Например, *quo Warranto*, *sur concessit*, *sur cognizance de droit tantum*, *fur grand and render praemunire*, *mittimus*, *habeas corpus*, *distringas corpus*, *carias*. От таких странных форм у нас в судах еще не претерпевают затруднений, когда в Британии все оные столь строго наблюдаются, что и мужик у них иногда принужден просить секретаря, сделай мне *habeas corpus* или *mittimus*.

мым, где показывать должно всех департаментов и коллегий государственных учреждений и дела, к ним принадлежащие. Ко второй части российской юриспруденции относить должно права вещественные и персональные, то есть собственность, владение, наследие, право дозволенное, заклады, откупы, контракты и подобные сим права; и сверх сего все тяжёбые и криминальные дела с назначенными по указам наказаниями к сей же части относить должно. Таким или подобным сему образом можно сделать наставления российских прав для общего знания и для удобнейшей практики в судах. Для преподавания такой юриспруденции российской особый требуется профессор в училищах российских, которого должность есть — показывать оную порядком историческим, метафизическим и политическим, снося притом, законы российские с натуральным об них рассуждением.

Сии в моем рассуждении науки для благопоспешного в России законоучения необходимо нужны. Впрочем, немецкие докторы *iuris*²⁶³ могут выдумывать стольку надобных юриспруденции, сколько им угодно будет.

Для лучшего изъяснения описанных здесь наук я принужден здесь присовокупить два примера, из которых бы читатель мог довольно видеть, каким образом натуральную и римскую юриспруденцию преподавать должно.

Рассуждение о происшествии преимущества власти и старшинства в народах, от которых происходит и их правление

Когда мы посмотрим на правление какого-нибудь просвещенного и вычищенного народа и когда рассудим со вниманием столь огромную и многосложную оную машину, столь искусно приноровленную к наилучшему и важнейшему намерению и совершению дел, истинно сего в свете не находим удивительнее и непонятнее. Откуда то произошло, что толикое число уединенных и рассыпанных по степям людей, наконец, в сообщество сошлось и согласилось жить совокупно? Каким образом немногие числом персоны превысили прочих всех и приняли преимущество и власть над многими? Каким образом другие премногие склонились уступить свою природную вольность и поддаться власти и повелению немногих? И, наконец,

каким ухищрением тьмы народов удержаны в покорении, против собственной воли и собственного интереса избрали последовать таким мерам, какие только заблагорассуждалось правительствующим для их поведения предписать.

Чтоб уразуметь происшествие правления, мы должны, во-первых, рассудить, какие случаются обстоятельства в обществе, которые советуют одному поддаваться власти и повелению другого.

Такие обстоятельства, которые натурально снискивают одному преимущество над многими и повиновение от всех, могут случиться в обществе трояким и отменным образом. *Первое* из таких обстоятельств случается в обществе одного человека превосходство в качествах телесных, как то: его дебелость и крепость тела необыкновенная; *второе* обстоятельство такое случается в обществе одного человека превосходство в качествах душевных, как то: его хитрость, проворство, предвидение, прозорливость и проч.; *третье* из таких обстоятельств случается в обществе одного человека превосходство в богатстве и изобилии всего.

1) Что и одно превосходство в телесных качествах в состоянии снискать довольное человеку преимущество и уважение, то случается у таких народов, которых состояние советует уважать и почитать такие качества, ибо в непросвещенном веке, когда еще науки и художества мало известны, дебелость и крепкое телосложение весьма надобно роду человеческому. Сие качество телесное премного им служит на войне, на уловление животных и в снискании нужного пропитания. Следовательно, такие только качества необходимо нужны для непросвещенных и варварских народов; сими они возносятся и в сих они с ревностью стараются превзойти один другого. Тот, кто несравненно превосходит всех своих сверстников в крепости и поворотливости своего сложения, чрез такое качество происходит в великую честь и достоинство. Такие качества в человеке, особливо когда случаются при каком жестоком телодвижении, например: на войне, на уловлении и убиении зверей, заслуживают ему великую честь и славу у всех даже до раболепства. Его знатные и геройские дела прославляются везде, один он их надежда и слава в отечестве, в котором он живет, он их Голиаф и защитник во всех их ссорах и несогласиях с соседними народами; во всяком случае он воспримлет от всех с отменным вниманием и уважением; при всех их увеселениях и забавах и во всех их предприятиях его мнение и слово за бо-

жественное почитается, так что, наконец, он бывает во всем не иначе, как вождь и первоначальник, у всех своих сверстников и знакомцев единственно по причине ослепленного удивления, которое непросвещенные оказывают таким превосходным его телесным качествам.

Сверх сего, непросвещенные народы отдаются под власть человеку превосходных качеств телесных не только с ослепленного своего удивления таковым его качествам, но также и с намерения для того, чтоб в таком своем подданстве сыскать себе выгоду и покровительство в житии. Ибо у народов, которые за неимением ружейных изобретений не знают, как уравнить гиганта с пигмеем, превосходная крепость и сила телесная, без сомнения, должна оказаться с явным выигрышем в бою и в сражении. Следовательно, у таких народов немощный по принуждению поддается сильному и покоряется, опасаясь в противном случае худых следствий, которых он, будучи довольно уверен, с своим сопротивлением иначе всячески миновать не может. Почему у таких народов, особливо при важных предприятиях против общего неприятеля, малосильные обыватели поддаются и охотно сильному, уповая, что под такого предводительством и управлением в походе все их намерения счастливо совершатся. Таким образом и в таких обстоятельствах превосходство в крепости и действовании телесном может человеку снискать довольное преимущество и уважение пред прочими. Так, например, и в школах между юношеством мы видим, что если случится один, который бывает несравненно проворнее и сильнее всех своих соучеников, такого все за богатыря и предводителя во всех своих играх и забавах признают, так точно же делается и у непросвещенных народов: главный у них, или атаман, обыкновенно в своей шайке уважается с великой отменностью перед прочими, единственно для чрезвычайной дебелости и крепости телесной. В таких непросвещенных странах, где такие атаманы общенародно выбираются, они часто производят их в великое старшинство и достоинство так, что и самое царское имя часто придают им с одного своего пристрастного удивления к их превосходным качествам телесным. Когда иудейские колена, из различных обывателей состоящие, вознамерились соединиться и жить под державой одного, на время выбранного государя, их избрание одного главного обывателя в государя явно доказуется, что происходило единственно по причине его дебелости и крепости тела, которые качества сверх еще соединены были с осанистым взором. Как то из

следующего видно: «И муж от сынов Вениаминовых именем *Кис* муж силен крепостию и сему бе сын именем *Саул* доброличен, муж благ, и не бе в сынах израилевых благ паче его, от рамен и выше высок паче всех людей»²⁶⁴. Царств кн. 1, гл. 9, ст. 1 и 2. По избрании его в государи и, когда его показали всему народу, мы видим, что он единственно своими телесными качествами привлекал взор на себя всего народа «и взя *Самуил Саула* и постави его посред людей, и бысть выше всех людей от рамен и выше высок, и рече *Самуил*, видесте ли его же избра, яко несть подобен ему во всех вас, и познаша все людие и реша, да живет Царь»²⁶⁵. Царств кн. 1, гл. 10, ст. 23 и 24.

2) Превосходные качества суть и другие, которые еще большее уважение и преимущество человеку перед прочими снискивают, нежели те, что в теле примечаются; когда народы начинают хотя мало возвышаться в познании вещей, они вскоре опытом уверены бывают, что качества душевные несравненно превосходят телесные и что премудрость, хитрость и прозорливость сравниться не могут с одной скотской дебелостью и крепостью тела. В полководстве на войне или в посольстве к неприятелям неподражаемое искусство Нестора и неудобьпонятная хитрость Улисса скоро ими усматриваются, что такие качества произведением бывают больших следствий, нежели телесная крепость Аякса, и потому сии дарования больше исходатайствуют человеку преимущества, нежели первые. При сем надобно знать, что люди в разуме, остроте и замыслах обыкновенно больше превосходными других кажутся, нежели каковы они в самом деле суть. Ибо мы, не имея средства никакого, по которому бы могли измерить такие дарования и поставить им точный предел, ослепленные и пристрастные часто отдаем почитание таким в человеке дарованиям, которых сами не понимаем, и увеличиваем оные больше, нежели оные в самом деле суть. Сие точно так случается и ныне везде в собраниях, где, если кто сыщется превосходнее прочих в изрядных разговорах, в приятных и замысловатых шутках, на того всех и глаза обращены, к того разговорам всех и уши наставлены, словом, того все больше уважают, нежели он достоин, и такой нечувствительно столько предуспеваает над всей компаниею), что ему только одному внутренно от всех дозволяется подавать вид, какой хочет, всем и склонять всех в какое угодно самому мнению. Одного его разговоры и шутки со вниманием от всех восприимлются, когда других все, что ни говорят, с презрением часто мимо ушей у всех пропускается. По-

добным образом философ, генерал, придворный или какой-нибудь другой человек, какой только случается, или гораздо выше прочих всех в компании по своему рангу, или который по отменному своему дарованию в обществе редким слывет и не имеет себе в компании подобного, — таковым людям всегда счастливо удастся уловлять сердца слушателей и делать из них премножество раболепных себе потатчиков и подражателей во всем. Сим случаем, то есть пристрастным удивлением одних к превосходным в человеке примечаемым дарованиям душевным и несправедливостью рассуждений других о таких качествах, один, пользуясь, снискивает уважение и преимущество над всеми; притом и польза, которой ожидают люди от человека превосходных дарований душевных, есть сама чрез себя явна и известна. В походе и на войне люди имеют великую причину премного надеяться на себя, когда они состоят под предводительством полководца с великим знанием и упражнением в воинском искусстве, и потому в великих и важных предприятиях самый разум им советует отдавать себя защищению и управлению такого человека, который неоспоримо доказанные такие на то дарования в себе превосходные имеет. При делах государственных, как то при заключении трактатов и других подобных сим, люди великою надеждою себя ласкают в ожидании общего благополучия, когда такие их дела поручены бываю-т министру премудрому, искусному и прозорливому, и потому в сомнительных обстоятельствах и трудных делах правление поручается такому, который довольные уже в таком звании свои оказал дарования. Сходно с сим заключением и утверждением мы видим, что у всех народов невежественных и просвещенных превосходные качества душевные возводят человека на высокую степень достоинств и власти. Доказывать сие еще больше у нынешних вычищенных народов излишним покажется. Уважение и покорность, которую отдают великой премудрости, есть началом и источником той тиранской власти, которая у непросвещенных и варварских народов старым над своими детьми попускается. Но сие пространнее изъяснено будет, когда я буду говорить о родительской власти, ибо у непросвещенных народов за неимением рукописания и печати и за неимением никакого другого удобного средства к замечанию достопамятных дел собственная всякого человека долговременная жизнь и довольная в свете упражнением есть только источник всей премудрости и всего знания, и те только у таких народов превосходными в знании

слывут, которые прожили довольно время в свете. Отсюда тако ж и то происходит, что у непросвещенных народов выбираемые на старшинство, как то в первоначальники или атаманы, обыкновенно бывают посредственных лет люди, которые при таких летах, не потеряв крепости телесной, снискали уже довольно упражнение в свете и в искусстве военном. Сие самое хоть по случаю, однако кстати здесь может истолковать невероятную долготу царствования некоторых государей, упоминаемых в истории варварских веков. По общему и единомысленному всех историков счислению примечено, что царствованиям некоторых государей, о которых мы только ясные предания имеем, и по самой ближайшей догадке не выходит больше как двадцать два года, считая по стольку на каждого царствования. А в римской истории объявляется, что и семь государей царствовали двести сорок лет, так что если нам разделить сих государей долготу царствования равномерно, по тридцати по четыре года почти достанется на каждого царствования. Такая необыкновенная долгота царствования не будет казаться удивительной, если только примется в рассуждение то, что тогда государи выбирались крепкого, сильного и дебелого сложения, а они не всходили на престол по наследству, и такие государи у них обыкновенно бывали средних лет и возраста до восхода на престол. Следовательно, тем чаще им удавалось долговременнее царствовать, нежели нынешним государям наследственной короны, которые в нынешние просвещенные и роскошные веки имеют право всходить на престол один после другого без всякого разбора в летах и телесной крепости.

3) Но что больше еще из сих обстоятельств придает человеку чести, достоинства и преимущества, то есть превосходное человека богатство и изобилие во всем человеку достаточному и изобильному. По причине его безмерного богатства все пути отворены к достоинству и чинам; в таком состоянии он, будучи над меру знаменит, привлекает взор на себя всех других нижнего состояния и меньшего достатка. Прочие все взирают с удивлением на его великолепие, украшение, роскоши и различные прихоти и увеселения, посреди которых он со всей своей свитой блещет и сверкает всем в глаза. Предстоящие зрители, свидетели и проповедники его величества, славы и великолепия, с природы склонны увеличивать все такие его выгоды и прохладения, усугубляют своим проповеданием еще больше его превосходство над всеми. Одного его слухом земля наполняется. Ок-

рестные народы отовсюду стекаются к нему на поклон, и когда пред-
стоят его лицезрению, всякий из них, будучи исполнен ужаса и удив-
ления, благоговейно всякую честь отдают ему. Сие столь изрядно
изъяснено благоразумным сочинителем новой нравоучительной
философии господином Смитом, что описания больше не требует.
К такому человеку люди в подданство идут не только с удивления на
его великолепие, но больше еще для пользы и покровительства. Ибо
человек такого величественного состояния, дабы показаться везде
сходственно с его рангом и достоинством, принужден покупать пре-
много вещей для величия своего и славы, и потому многие сни-
скивают у его себе хлеб и пропитание, снабжая его такими надоб-
ностями или отправляя ему те услуги, которые к такому его величе-
ственному состоянию надобны; а поелику он всегда требует
премножество людей в службу для своего спокойствия, роскоши,
прохлады и тщеславия, того ради множество бедных идут к нему
в службу и тем снискивают у него себе пропитание. Если он пожела-
ет сделаться еще больше знаменитым и властелином над всеми со-
обывателями и согражданами, для такого намерения он не щадит
своего богатства. Через щедрое свое гостеприимство и задобрение,
через хитрое подаяние своей милости и чрез многие свои ко всем
одолжения и обещания он старается снискать и подкупить к себе
премножество отступников и последователей. Таким образом, чело-
веку, несравненному всем в богатстве, множество бывает обяза-
ных людей, которые принуждены отдавать ему честь и уважение. Не-
которые раболепствуют ему от тщеславия, желая отличными сде-
латься его к себе милостью. Некоторые от благодарности то делают
ему за полученные от него одолжения, когда другие служат и угожда-
ют ему, имея в намерении свой верный прибыток и ожидая предст-
ательством его снискать себе будущее благополучие. Итак, превосход-
ное богатство есть первый источник всех достоинств, чинов и пре-
имущества над другими. Превосходное також богатство
действительное есть начало и основание всех чиновположений и
оного разделения властей, которые столько ныне взошли в употреб-
ление во всех государствах. Каждый человек доказывает свой ранг и
родословную в своем отечестве и как такой везде принимается с из-
вестным уважением и отличностью, которые ему отдаются по мере
его богатства и достатка. У варварских народов единственно посред-
ством богатства превосходного начальники или атаманы делаются

повелителями над своими согражданами и удерживают свое достоинство и власть над всеми. Ибо такие, имея великий достаток в земле, скоте и в пище, довольно в состоянии кормить премножество бедных и недостаточных людей, которых пропитание совсем зависит от них. Единственным тако ж посредством превосходного богатства и в нынешних *народных правлениях* правительствующие удерживают свое достоинство, величество и власть, соединенные с уважением и с всеподданнейшим повиновением. Их безмерные сокровища и великолепности, зависящие от них единственно все места, чести, достоинства, определяемые ими жалованья и прочие сим подобные правительствующих прерогативы, по которым они довольно в состоянии премногих жаловать, многих к месту доставить, а неисчислимым почти и самое нужное пропитание подать, — сии все суть такие обстоятельства, в которых великие особы удобно могут тьмы народов единственно от себя зависящими сделать. При сем примечать должно, что хотя богатство и достаток всегда бывают источником достоинств и чинов, однако они не с равномерным успехом действуют во всех веках и у всех народов, поелику не всякое богатство не всяких людей уловляет сердца. То, например, богатство, которое богатый расточает на покупку всего того, что касается до его роскошей и прохладного жития, не делает ему столько преимущества над теми, от которых он покупает, сколько над другими, которые, съедая покупаемые им роскоши, участники и служители бывают его благополучия. Купец и фабрикант, которые доставляют ему все потребности на его великолепие, весьма мало надеются на его милость и доброе сердце, поелику их прибыль и интерес несравненно больше зависит от множества покупателей, нежели от единого только, а потеряннием одного покупателя они не много раскаиваются; но люди, которые умножают его честь, власть и преимущество больше всех, суть его питомцы, его надворные, на его земле живущие, которые от его единственно зависят и которых он в состоянии несчастливими и благополучными сделать. Какие точно народы и в каких обстоятельствах, завися от богатых, умножают их достоинство, честь и преимущество над многими, сие подробно показывается в принадлежащих к сей части юриспруденции рассуждениях, в которых изъясняются три народного правления перемены и состояния, какие случаются у обывателей, когда они живут сперва одною ловлею животных, потом хлебопашеством и, наконец, купечеством?

Рассуждение о родительской власти, которую у римлян имел отец над своими детьми и которая примечается и у всех народов, когда они в невежественном и варварском состоянии находятся

Когда мы рассуждаем о правлении, законах и обычаях римского народа, ничто нам с первого взгляду так странным и противным в натуре не кажется, как родительская у сего народа неограниченная власть над своими детьми. Мы думаем и по правде то твердим, что есть противно натуре и несходно с людкостью и обыкновением нынешним дозволять и враждебным державам на войне порабощать и кабалить людей; однако такую власть, которой мы не дозволяем ныне иметь победителю над своим неприятелем, римляне давали отцу над своими детьми.

По старинному закону римскому отец имел полную власть продавать и убивать своих детей, и сей закон в последующие времена принят и подтвержден был в 12 таблицах так: *in liberis iustis vitae, necis venun dandique patri potestas esto*, то есть в своих детях отцу живота, смерти и продавать власть да будет.

У римлян сын при жизни своего отца и до выпуска из отцовской фамилии по обыкновению, что у римлян бывало *per emancipationem*²⁶⁶, почитался во всем не иначе, как собственное имение своего отца или, вразумительнее сказать, как крепостной человек у господина. Ибо хотя он в сравнении с прочими людьми и в рассуждении других персон почитался вольным человеком и хотя он мог отправлять всякие должности публичные и иметь на себе высокие звания государственные, однако со всем сим в рассуждении своего отца не больше почитался, как раб и крепостной у своего господина; он не мог владеть никаким имением под своим именем, и все, что бы он ни приобретал собственным трудом или щедротою и подаянием других, оное всегда не себе, но отцу своему приобретал, так что отец всякое стяжание сыновнее мог отдавать по произволению кому хотел и постороннему. См. § 1. *inst, per quas personas cuique acquiritur*²⁶⁷.

По стилю римских судей, сын в приобретении имения назывался орудием или инструментом, находящимся в руках своего отца, равномерно как и раб у них почитался только за орудие, оставленное в руках своего господина. Такое по старинному закону римскому было бедственное состояние сына! При отце своем, пока он

содержался в его фамилии и власти, ему не только не дозволялось приобретать себе ничего, но сверх сего он подвержен был смертной казни у своих родителей и мог быть продан отцом в рабы и отдан в заклад по произволению отцовскому. См. § 7 inst. de noxalibus actionibus²⁶⁸.

Старинное сие у римлян узаконение, строгое чрез себя и несносное, каковым оно нам кажется, продолжалось не с великою переменю и в самом цветущем состоянии правления римского.

Первое предстательство, которое, мы видим, учинено было римским правлением в пользу сына, состояло в дозволении ему права к приобретению имения упражнением военным, которое приобретение у римлян называлось *peculium castrense*²⁶⁹. При Юлии и Августе императорах многие законы изданы были в пользу и поощрение тех, которые желали служить в римской армии, и вследствие чего узаконено было, чтоб все то, что ни приобретал сын своею службою на войне и в солдатстве, было собственным его имением и больше бы не почиталось отцу приобретенным стяжанием чрез сына.

В последующие времена подобное ж облегчение законами учинено детям для поощрения к свободным наукам, в котором указано, чтоб все то, что ни приобретал сын упражнением в таких науках, оставалось собственным у сына, а не у отца. Больше еще усугублено права сыну в приобретении имения по пренесении столицы римской в Константинополь. По указам Константина^{*270} и некоторых после его государей^{**271} установлено было, чтоб сын имел собственность и полное владение в тех маетностях, которые он получал в подарок от своей матери или от матерних сродственников, равномерно как и в тех имениях, которые ему доставались при женитьбе, и чтоб отец мог только пользоваться одними доходами от таких маетностей и имений сыновних^{***}.

Напоследок Юстиниан^{****272} узаконил, чтоб сын в полученной маетности в подарок и от какой-нибудь персоны, кроме своего отца, равномерно как и в снисканном имении собственным трудом и ху-

---

* Констан. L.I.C. de bon matr.

** Аркадием и Гонор. L.2. Cibidem.

*** Leo et Arthemius L.I.L.4.L.5. C de bonis, quae liberis.

**** L.5. C de bonis, quae liberis.

дожеством, имел полное владение и собственность; а отцу бы в сих сыновних имениях только пользоваться одними плодами и доходами, покамест жив.

Подлинно неизвестно нам, в которое точно время власть продавать детей у отца отнята, а уповательно, что сия власть совсем уничтожена прежде Диоклетиана, как то видно из указа сего императора²⁷³; однако в одном случае и сия власть продавать детей позволялась и продолжалась даже до Константиновых времен. Сей государь, стараясь прекратить старинное варварское у римлян обыкновение выкидывать детей, дозволил еще отцу в крайнем убожестве продавать новорождаемых младенцев, с тем приказанием, чтоб родителям после или и другим людям невозбранно было выкупать таких детей, заплатив покупателю цену, за которую они проданы были.

Живота и смерти власть над своими детьми, во-первых, уменьшил своими указами Траян и его наследник Адриан²⁷⁴. Сии государи употребили свою власть наказывать и отца в таких случаях, когда жалоба происходила на него за убийство неповинных смерти детей. Також и во время императора Северия²⁷⁵ мы не видим, чтоб отцу дозволялось по своей власти казнить смертно своих детей, кроме как только в смертоубийственном детей покушении на своих родителей. Но и в таком случае не дозволялось отцу управляться своею рукою, но приказывалось ему жаловаться на них в суде, в котором по рассмотрении дела дозволялось ему предписывать казнь виноватым детям, какую он хотел. *Leg. 3. Cod. de patria potestate*²⁷⁶.

Наконец, живота и смерти власть у отца совсем отнята указом императора Константина, в котором велено и отца, убивающего своих детей, казнить, точно так, как и отцеубийцев. *Leg. I. Cod. de his, qui parentes vel liberos occiderunt*²⁷⁷.

Итак, из вышепоказанного видно, что власть продавать и кабалить своих детей, прежде нежели власть живота и смерти над оными, законоположением у отца отнята. И что сие действительно учинено так, то явно подтверждается в изданном законе императором Константином. *Leg. ult. cod. de patria potestate*²⁷⁸.

Сей порядок, которому правление римское следовало при уничтожении толикой различной власти отцовской, не будет казаться нам странным, если возьмем в рассуждение такой власти свойство и

---

* *L.I.C. de pat. qui filios distraxerunt.*

различные побудительные причины, которые заставляли отца употреблять оную над своими детьми.

У римлян, точно так, как и у других народов, редко случаться могло, что отец (хотя бы то ему дозволялось и по законам), против природной в нем к детям горячности, дерзал завсегда убивать бесчеловечно тех, которых он в любви родил. Такому жестокосердию в груди родителей гнездиться не попускает натура, которой закон выше всех обязательств поставляется. Но отец для ненасытной жадности и сребролюбия скорее и чаще может отважиться у варварских народов продавать своих детей в рабы без меньшего в сем, нежели в первом дерзновении, совести угрызения.

Следовательно, сходнее и удобнее представлялось правлению римскому зачинать сперва прекращать ту власть у родителей, которая ими чаще могла быть на зло употреблена, дабы сим средством наперед отвращено была то зло, которое во всех фамилиях несноснейшим чувствовалось и о котором повсеместный в государстве происходил вопль.

Такая неограниченная и полномочная власть, законами дозволенная у римлян отцу над своими детьми, хотя совсем противная обычаям просвещенных и вычищенных нынешних народов, согласна всячески с нравами невежественных и варварских народов.

У варваров и диких народов чего натуральнее ожидать надлежит, как только что сильный всегда отягощать будет немощного и что каждый человек больше будет склонен к употреблению той власти с строгостию, которую он у себя имеет. Человеколюбие, сожаление, милосердие и подобные сим добродетели, которыми Бог и просвещенный человек любителю не престаивает, редко можно сыскать у варварских народов, так что и самая горячность природная к детям редко великой и никогда нежною чувствительностию в груди зверского человека не ощущается. И хотя бы жалость одна и наисильнейшая из всех союзных страстей, чувствительность, в таком человеке действовала, однако при многих случаях не в состоянии противустоять его врожденному жестокосердию и вспыльчивости. Она не может его удержать от такой крайней ярости, чтоб в оной он, как скоро не понравились ему, не оставлял вовсе и не предал своих детей гладу и смерти.

Выкидывать и бросать куда-нибудь как щенков невинных и несмысленных младенцев кажется нам столь бесчеловечное и против-

ное натуре человеческой дело, и сверх сего, оное ж столь сильно за-
прещено в совести не человеколюбием уже, но чадолюбием, что в
наши времена разве тот отважится такую бесчеловечность сделать, в
котором, можно сказать, есть столько чадолюбия, сколько и выраже-
ния такого на нашем языке; однакож мы видим из истории, что сие
делать в обыкновении было у всех почти народов, когда они находи-
лись в невежественном и варварском состоянии.

Отсюда мы можем свободно заключить, что у народов, у которых
выкидывать младенцев обыкновение есть, пришедшие в возраст
дети у отца не в великой нежности и любви содержатся; в таком со-
стоянии и у таких народов отец думает о себе, что он не меньше
есть как самовластен и самодержец над своими детьми и над своей
семейей; он понуждает их служить себе во всяких случаях и нести
всю тяготу в отправлении всякой должности в дому; будучи с приро-
ды сам горд и ленив, он прохлаждается в роскошах и праздности и
почитает все другие упражнения за подлые, кроме тех одних, кото-
рые требуют в нем отважности, крепости, проворства и скотской в
его теле дебелости, как таких качеств, в которых он только одних
возносит и всех своих сверстников превзойти старается. А поели-
ку он всегда взирает на своих детей не иначе, как на своих слуг и ра-
бов, того ради он удобно может польститься на хороший барыш за
продажу детей. И поелику ярость и гнев в таком варваре удобно за-
гораются и поелику он всегда поступает как самовластный государь в
своей фамилии, в которой он не обык слышать и видеть никакого
ни в чем сопротивления, для сих причин не должно удивительным
казаться то, когда он при некотором и необыкновенном к себе со-
противлении и неуважении, разъярясь и взбесясь, иногда часто
удержаться не может и от самого необыкновенного и неслыханного
в натуре варварского дела убить, зарезать или растерзать рожден-
ных из себя детей.

Сверх сего, у таких народов и самые дети, в малолетстве будучи
не в состоянии пропитать и защищать себя, не могут не поддаваться
во всем самовластному произволению отцовскому и не только тогда,
когда они в малолетстве находятся, но равномерно и после, когда
уже они в возраст и крепость приходили, ибо нельзя стать, чтоб
они вскоре могли сделаться не зависящими от отца и могли бы от-
вергнуть такое иго и власть, которой они с малолетства столько вос-
питаны были.

У нас и под старость лет натуральные остаются навыки и склонности к почитанию таких людей, которых мы под их смотрением с юности научились уважать. Мы видим в течение нашего жития, что весьма трудно нам сравниться с теми персонами, которых мы чрез долгое время навывкли признавать за несравненно высших себя.

Рабы у римлян, воспитаны и выросли в доме своих господ, не вскоре за получением вольности от них оставляли те поведения и склонности, которым они в подлом своем состоянии научены. Они еще и после, как уже на волю выпущены были, почитали за должность отдавать своим патронам то же подобострастие и раболепность, которые им делали прежде как своим еще господам. Сию натуральную и происходящую от долговременной привычки рабскую покорность римское правление, наконец, и за должную быть узаконило господам от своих выпущенных на волю людей, по которому узаконению *liberti*, или выпущенные на волю принуждены были отдавать своим патронам то, что в их законе называлось *obsequium et reverentia*, то есть покорность и почтение.

Так точно и дети, которые с младенчества навывкли служить и повиноваться тиранской власти отцовской, думают и после, что такое повиновение и покорность во всем отцу есть достойное и праведное и что противное поведение воли отцовской есть незаконное и предосудительное. И хотя бы сын иногда и отважился поступить против врожденного в нем такого к отцу повиновения, однако в таком случае долго он может сомневаться о своей собственной силе при сопротивлении отцовской. Он долго не позабудет тех ударов, которыми его отец в юности благословлял, и будет дрожать и в возраст пришедши той руки, от которой он столь частые побои принимал и которою — он сам был многократный свидетель — коликие геройские дела совершались в соседстве.

В такой повиновения чувствительности сын еще больше уверен бывает, когда начнет рассуждать, что отец, имея во своей власти многочисленную фамилию и будучи при такой многочисленной фамилии самодержавен и почитаем от всех с трепетом, довольно в состоянии и другим всем приказать сопротивляющегося одного покорить и наказывать, как самому угодно.

Сверх сего и другое обстоятельство, которое придает отцу над детьми толикой власти немало и под старость лет, есть то великое уважение, которое у варварских народов приписывается и отдается

обыкновенно старикам. У невежественных варваров, которым ни рукописание, ни печать и ниже другое какое средство к замечанию достопамятных дел и вещей не известно, долговременная жизнь есть только и источник всякого знания и премудрости; следовательно, у таких народов те только учеными и премудрыми сльвут, которые довольное время на свете пожили и у которых трясущая зима на бороде казалась. При сем должно еще примечать, что у непросвещенных и невежественных народов превосходное знание обыкновенно бывает источником також достоинств и чинов. У них человек, который знает некоторые натуральные явления толковать и предсказывать, каковых чернь и подлость не понимает, всегда уважается с безмерным суеверием и удивлением. Они думают, что такого человека знание простирается и до таких вещей, о которых он в самом деле ни малейшего понятия не имеет. При всяких важных предприятиях все у него совета и наставления спрашивают. Им кажется, что он имеет сообщение с некоторым невидимым существом и может предвидеть и предсказать будущего событие и в случае приказать переменить стройный чин и порядок в натуре одним своим чародейством и обаванием²⁷⁹.

Мы видим из истории, что в непросвещенные веки и невеликое понятие о небесных телах всегда разумеемо было соединенным с высокою астрологиєю и малое знание химии представлялось им, что в состоянии было открыть неоцененное сокровище и сделать их бессмертными.

А понеже старые люди у варварских народов для своего долговременного в свете обращения обыкновенно бывают, а по крайней мере почитаются превосходнейшими всех молодых в знании и премудрости, того ради старых людей по мере их лет все больше почитают, уважают и боятся их молодые. У греков во время Троянской войны человек, который жил до третьего века, повсеместно уважался для премудрости и наставлений и первым почитался советником и наставником во всех их предприятиях. Известно из универсальной истории на аглицком, что у татарских народов избирание в государи всегда достается по жребию старому человеку из царского поколения. У арапов, что называются бедуильские арапы, предводительство или, лучше сказать, атаманство всегда достается тем, которые довольно пожили и обращались в свете, и на их языке слово, которое значит предводителя или начальника, значит оно ж и старого чело-

века. У американских индейцев ничего важного никогда отнюдь не предпринимается без совета и согласия старых людей, что самое строго ж наблюдалось в старину у иудеев в завете иудейского законодателя, и сие удивительное завещание для старых людей написано: «Пред лицом седого востани, и почти лице старче» *См. Левитских книг гл. 19, стих 32.*

Когда Иов рассказывал свое несчастье и бедственные приключения, он жаловался предстоящим: «Одесную мне юношество восташа» *Иов гл. 30 ст. 12* и Елиус сын Варахиилев вузитянин рече «юнейший убо есмь леты, вы есте старейшие, тем же молчах, убояхся возвысити вам хитрость мою. Рех же время есть глаголющее и во мнозех летех видят премудрость». *Иов. гл. 32 ст. 6.*

У китайцев, у которых великое примечается пристрастие к старинным своим обычаям и у которых рукописание и печать еще многим известна, подобное и ныне уважение отдается седине и долговременной жизни; говорят, что у них ни знатный, ни богатый, ни придворный первый министр не может позабыть отдавать почтение, которое у них должно старым людям, так что и сам император не может не почитать старость, примеченную и у подлости.

При сем надобно знать, что старые люди больше почитаются для премудрости у невежественных народов, нежели у просвещенных уважаются такие люди с людкости и по человечеству. Сие ясно доказывается из одного приключения у греков, у которых однажды в Афинах, в публичном собрании в комедии, представленной в честь и торжество всей республики, случилось, что старый человек пришел поздно, ища места в собрании публичного по своей старости и достоинству. Многие из юношей афинейских, видя старика, продирающегося с трудностию в тесность, издали руками давали знать, чтоб он к ним в ложу пожаловал, что увидя старик полез сквозь толпу народа к афинейцам; но когда он пришел к ним в ложу, узнал там, что намерение у молодых ребят было сидеть тесно и издеваться над стариком, которому вскоре после начало смеяться все дворянство афинейское в ложах. По счастью старика, в собрании тогда особенные места назначены были для чужестранных, в которые приметя старик, что в них лакедемоняне сидели, принужден был выйти к ним, где по приближении его лакедемоняне, народ больше набожный и добродетельный, нежели вежливый и ученый, привстали старику все даже до единого и с великим почтением посадили его с со-

бой. Что увидя, афиняне вдруг тронулись спартанской добродетелью и, узнав своих нравов такое развращение, в ладоши ударили спартанцам, на что посаженный старик вскричал: «Афиняне узнали, что есть похвальное, но лакедемоняне сделали похвальное» *См. Спекта[тор], кн. 1*²⁸⁰.

Когда такое уважение, которое у варварских народов старым людям отдают, соединится в одном человеке с тем повиновением, которое дети с привычки столько склонны отдавать отцу, то должно думать, что подобострастие и суеверие у детей к родителям может удобно выходить и за предел.

В таком порабощении и с такого пристрастного удивления к их премудрости и старости лет дети будут почитать своих родителей за некоторое вышнее существо и верить, что от них все их благополучие зависит, почитая родителей клятву за единственную причину всего неблагополучия и их благословение — за неоцененное в жизни наследие. Доказывать сие еще больше излишним покажется.

Из вышепоказанных примеров и доказательств видно, что такая полномощная власть над своими детьми дозволялась отцу не только у одних римлян, но и у всех народов, когда они находились в состоянии невежественном и варварском.

У старинных галлов отец имел живота и смерти власть над своими детьми *См. Caesaris Comment, de bello Gall, lib. 6*²⁸¹, и весьма уповательно, что отец имел толикую же власть над детьми в старину и у немцев *См. Heineccii Elementa iuris germanici*²⁸².

Из истории татарской о Тамерлане и Чингисхане и из других премногих писателей, которые странствовали в варварских государствах, видим, какое безмерное уважение дети отдают своим родителям *См. Histoire generale des voyages, tom. 9, page 2*.²⁸³ У татар и арапов дети почитают и боятся своего отца, как самодержавного государя. Правда, что у татар не слышно, чтоб продавали детей в рабы; причиной сему, может быть, то, что у них нет надобности и нужды в рабах, равномерно как у них нет еще и сообщения с купеческими государствами, ибо многие у сих народов находятся такие орды, которые и поныне живут, не поселясь, одним скотопитательством и ловлею зверей без хлебопашества и коммерции, в котором состоянии излишнее число рабов причиняет только затруднение в прокормлении. По сей причине у татар только продают и покупают одних дочерей замуж.

Напротив того, в Северной Америке, где европейцы великое отправляют купечество и барышничают людьми, точно как скотиной и вещьми, у таких народов отец и ныне продает детей обоюбого пола невозбранно. Я слышал от англичан, что у сих народов иногда и сын отца продает европейцам. Но сие редко случиться может для причин вышеобъявленных. Впрочем, весь свет довольно знает, что в Африке во всех приморских варварских поселениях ужасная власть отцу дозволяется над своими детьми и ничего столь в обыкновении нет, как продавать детей. У сих народов дети не могут появиться своим родителям и не могут принять от рук их ничего без низкого колена-преклонения перед ними (см. *Histoire général des voyages*, tom. 5, page 368 и page 359).

У израильтян видно, что отец издревле имел живота, смерти и продавать власть своих детей (Бытия, гл. 42, ст. 37²⁸⁴). Моисей запретил отцу предавать смерти своих детей и узаконил, чтоб сын за великое дерзновение против отца приводим был к старейшинам града и чтоб люди того града камением побивали того сына до смерти (Второзак., гл. 21, ст. 18²⁸⁵); однако кажется, что Моисей еще дозволил отцу продавать своих детей, а по крайней мере он, как видно из книг (Исхода глава 21, ст. 7²⁸⁶), не отнял такой власти у родителей.

Один писатель на латинском языке (Sigonius, *De antiquitatibus juris civilis Romani*, lib. 1, cap. 10²⁸⁷) утверждает, что и в России издревле отец имел живота и смерти власть над своими детьми; но о сем я ближайшего известия еще не имею. Впрочем, если отец или мать сына или дочь убьет до смерти, за такое смертоубийство родителей в России велено только в тюрьму на год заключать, и что сыну с отцом в России ни в тяжбном, ни в криминальном деле суда нет, на то у нас и поныне есть в Уложении изданный и самым делом часто доказываемый закон, с старинным римским сходный: *inter patrem et filium nulla actio* (L. 4. D. de iudiciis)²⁸⁸. И если сын или дочь станут в суде просить на своих родителей, то за дерзновение детям велено поставлять и за то бить кнутом. И не велено притом с стороны детей ничего в оправдание принимать и не верить им ни в чем, о чем просят на своих родителей, так что и одно слово родителей в суде довольно в состоянии сына и дочь довести до кнута и сделать обоих вечно несчастливими и шельмованными без всякого в таком случае к немощному полу женскому снисходитель-

ства и сожаления. Желаящие о сем уверены быть, могут прочесть в Уложении главу 22, статьи 6, 3 и 5.

У персиян во время Аристотеля, греческого философа, отцу власть над своими детьми точно такая дозволялась, какая и господину над рабами (см. Aristot. Ethic, lib. 6, cap. 10)²⁸⁹.

Сверх сего, то должно о всех народах вообще примечать, что в тех государствах, где полигамия, или многоженство, водворяется, чрез которую родительская горячность к детям, будучи разделена на многих, уменьшается и истребляется, в таких государствах больше власти и с большею строгостью употреблять дозволяется отцу над своими детьми. И сия власть в таких государствах долго не уничтожается и после, как уже они и в совершенство начнут приходить.

Так должно думать о китайцах и персиянах, ибо хотя китайцы уже и вышли из варварства, однако усилившееся у них многоженство, или полигамия, удерживает и поныне в обыкновении неограниченную власть родителей над своими детьми.

У китайцев ничто так не почитается за святость, как родительская власть над своими детьми. Они, когда хотят доказывать кому, какую власть имеет китайский император, обыкновенно говорят, что она есть такая великая, какую и отец имеет у них над своими детьми. Ибо у них действительно отец и поныне имеет власть живота, смерти и продавать своих детей; продавать он может их и privately по произволению, но когда ему надобно убивать их, он должен приводить их в суд и там обвинять их на смерть. Где какое бы ни было преступление сына виноватого, в том верить судья должен и одному слову отцовскому, не принимая ничего во оправдание с стороны сыновней; о сем иезуитские миссионеры и Père le Comte в своих «Mémoires Chinoises»²⁹⁰ так уверяют нас.

Выкидывать младенцев у греков чрезмерно в обыкновении было и не запрещалось законами. По старинному закону афинскому отец имел полную власть продавать своих детей в рабы; Солон, запретя отцу продавать сынов, дозволял дочерей продавать, которые не хранили своего девства и непорочности нравов (о сем Petit, in legem 44 и Плутар[x]).

Из толиких народов довольно видно, что полномощная власть над детьми родителям у всех народов, равномерно как и у римлян, дозволялась с тою только разностию, что у римлян сие варварское

обыкновение продавать и убивать своих детей продолжалось больше и после, как уже они в цветущее состояние пришли.

Причины сему, может статья, были следующие:

1) Римляне были народ военный и беспокойный. Они мало упражнялись в искусстве, надобном при мирном состоянии государства. С начала их правления, даже до преобращения оного в монаршеское состояние, они заняты были в войне непрерывно, в которой им сначала всегда удавалось счастливо, от чего их владение сделалось над меру обширным не в одной земле, но в разных за морями, за горами, за островами в государствах завоеванных; от чего их мысли больше всегда заняты были в изыскании средств к удержанию в покорении столь обширного государства не законами, но силою войска. И, следовательно, военная слава у них должна для такого их течения дел составлять первый предмет, к которому достигнуть всяк с первого до последнего старался, оставя все другие упражнения и науки.

От сего, наконец, то произошло, что у римлян мало старания и внимания приложено было к вычищению нравов, к поправлению законов и к преуспеванию в таких науках и упражнениях, которые смягчивают жестокие сердца и нежными делают чувства в человеке; для сих причин римляне и в последующие времена, когда они сделались богатыми и роскошными, они не доказали столько ж себя вежливыми и законоискусными, сколько другие народы по мере богатства и прохладного жития. Ибо много у них осталось и поныне старинной суровости и зверских обычаев, и многие из их варварских установлений, продолжаясь без поправления, чрез долгое время, наконец, не в предосуждение нынешним просвещенным векам сказано, почитаются у потомков с таким уважением, какое отдают суеверные подражатели вещи, которая получает все свое освящение от одной глубокой древности.

2) Другою причиною продолжению римских варварских обычаев и узаконений было их правление народное, то есть республика.

В прямой республике, как в таком правлении, которое больше есть правлением законов, нежели людей, весьма трудно можно обойтись без смятений и тревожностей. И всячески невозможно удержать всех в единомысленном повиновении верховной власти, в которой всякий гражданин принимает равномерное участие. Здесь и последний думает о себе, что он наравне с первым. Такое мнение

равенства часто в республике выходит за предел и делаемся препятственным к согласию возобновляемых установлений в государстве. Народ не повинуется магистрату, который он сам выбирает к управлению государством. Каждый желает себе столько власти в законоположении, сколько и в осуждении по законам. В таких обстоятельствах законы и не делаются и не исполняются со строгостью и беспристрастностью, от чего рождается всенародное своевольство и раздор в отечестве.

Вольное или общенародное правление продолжалось у римлян чрез долгое время. При начале у них правление было аристократическое. У них государь был первый судья, выбираем сенатом и подтверждаем всем народом. По уничтожении государей их правление сделалось демократическим, или всенародным, и, следовательно, тем самым больше подверженным бунтам и несогласиям.

Другие обстоятельства, которые сделали республику Римскую несогласной и непорядочной, были их обширные безмерно завоевания в своем владетельстве, ибо несравненно труднее удержать республику в пространном, нежели в умеренном владетельстве, и удобнее восстановить спокойство и тишину в немногочисленном, нежели в бесчисленном гражданстве.

Для сих обстоятельств во всех древних республиках порабощение некоторых людей премного способствовало к устоянию такого правления и к восстановлению тишины и спокойства в отечестве. Ибо в таких правлениях целость и благосостояние отечества того требует, чтоб те, которые большую часть составляют народа и которые больше склонны бывают к бунтам и возмущению, всегда содержались в неволе. Следовательно, в государстве, где правление иначе не может своего величества и власти удержать, порабощение и невольность для некоторых людей необходимо произойти должны. А понеже римские кроме сих обстоятельств имели еще обширные во владении своем завоевания, нежели какой другой из древних народов, того ради по мере толикого пространства империи больше пресечения вольности и порабощения в римском народе требовалось. В сей политике римляне поступали еще и далее, продолжая и другую кабалу в своем отечестве, то-есть порабощение детей своих. Такая полномощная власть, дозволенная отцу над своими детьми, равномерно надобна была у римлян, как и порабощение других подлого состояния людей необходимо нужным казалось для подкрепления слабо-

сти в правлении и для восстановления спокойства и тишины в народе. Ибо верховная римская власть, покорив начального в фамилии, удобнее могла в повиновении к себе содержать и прочих в фамилии чрез дозволение полной власти тем, которые в магистрате первенство иметь могли.

Итак, римляне с намерения, видно, политического, чрез долгое время не только не отнимали у родителей сей власти, но еще и подтверждали оную законами до тех пор, когда уже ей надобно было и совсем уничтоженной быть.

Из всего сего, что я ни говорил здесь, то надобно вообще знать, что такая власть отцовская у римлян, сколько бы ни казалась на теории противною натуре человеческой, на деле не могла быть столько вредная, сколько оная другим народам такой представляется, и что оная, когда народ в просвещение приходит, родителями действительно не может быть совсем на зло употреблена по причине природной в родителях к детям горячности и усердия. Свидетельством и доказательством сего неоспоримым суть нынешние просвещенные веки и вычищенные народы, у которых ныне и детям почитать от любви своих родителей и родителям не раздражать своих чад бог и натура приказывает.

Такие и подобные сим знания и науки требуют от вас, российские юноши, ревностного старания при мирном состоянии. Вашего спокойства ничто ныне ни внутри, ни вне отечества не мятет. Живем теперь без бранного навета, златой и безмятежный препровождая век, который по предсказанию зиждителя Российской империи к нам возвращается и в котором публичные дела с беспрепятственным успехом отправляются, науки, художества и всякое искусство без помешательства продолжаются; путешественник ныне российский ни на море, ни на земле не одерживается, все препятствия, какие только могли б помутить столь дорогой порядок в отечестве, везде премудрый ЕКАТЕРИНЫ заступлением и предвидением, как манием божественным, отвращаются. Такие выгоды, столь нужные к совершенству юношества российского, Монаршеским Ея везде предварением доставляемые, не могут учащимся не быть довольно чувствительными. В таких благоприятных обстоятельствах находится ныне Россия, и свет уже довольно видит, что премудрая наша монархиня такое имеет к учащимся милостивое благоволение, каковым ныне никакой монарх в Европе праведно похвалиться не может. Почему из одной чув-

ствительности одолжений во всех училищах, которые она, не щадя великих иждивений, старается на всегдашнем своем матернем попечении утвердить, учащиеся не преминут усугубить ревностное старание и крайнее разумение для доказанья себя достойными толикой покровительницы наук. Поставленные при таких местах и по сердцу ее избранные предводители, отправляя ревностно порученную себе должность, взаимным с подчиненными себе рачением не оставят прочим всем доказать, сколько целость и крепость отечества и общее всех благополучие в исполнении прилежном ее повелений состоит. Сия искренняя единомушность, столь достойная от целого света трудолюбивой монархине, вскоре разольется по всем сердцам в ее державе, с сугубою ревностью к отечеству, с сугубым единомыслием к признанию и прославлению ее добродетельных намерений и предприятий.

Н. И. НОВИКОВ

О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИЯХ К БОГУ И МИРУ

Ежели захотим мы рассматривать человека надлежащим образом во всех окрестностях его, тогда неминуемо должны будем разобрать и то, в каких отношениях находится он ко всем вещам, вне его сущим. Но ежели рассмотрения наши ограничим и на одну только внутренность его, то и тогда без прекословия должны будем признаться, что в природе человеческой находится много такого, что внушает в нас истинное к нему почитание и искреннюю любовь. Бессмертный дух, дарованный человеку, его разумная душа, его тело, с несравненным искусством сооруженное к царственному зданию, и его различные силы суть такие вещи, которые безмерно важны и трудны для рассмотрения посредственно рачительного. Между тем человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечный цепи действительно существующих веществ.

Когда единожды во предисловии нашем изъяснились мы и обещали любезным согражданам нашим стараться мало-помалу познакомиться их самих с собою, и прежде всего высокое достоинство человеческое представить понятным, то и желали б мы усердно, дабы все почтенные читатели наши с самого начала возымели сие высокое понятие о свойствах человеческих: ибо мы предполагаем, что ни единый человек не может ни мыслить, ни делать благородно, когда он, возвышаясь благородною гордостью, не будет почитать себя важною частию творения.

Правда, есть много и таких людей, которые, ослепляясь тщетною гордынею, думают о себе очень много. Но мы постараемся доказать, что таковой высокомерный горделивец ни истинная своя цены, ни высокого достоинства человеческого отнюдь не знает и превозносится тем, что к человеческой природе или не точно принадлежит, или составляет малейшую частицу его совершенств. Богатство и знатность рода не точно проистекают из человеческия природы; следовательно, высокомерие богача или дворянина есть смешная гордость. Но кто хочет мыслить о себе возвышенно и гордиться человеческим достоинством, тот должен рассматривать себя совсем в других видах.

Много было нравоучителей, да еще и ныне находятся между человеками пресмыкающиеся духи, которые человеческую природу столь страшно унижают, что, если бы возможно было им поверить, надлежало бы стыдиться быть человеком. Иные думают, что божественное смиренномудрие требует, дабы о человечестве иметь толь низкие понятия, и потому почитают за должность свою презрительнейшими и гнуснейшими образованиями учинить человеческую природу мерзостною и ненавистною. Но человек, себя за ничто почитающий, не может и к другим иметь никакого почтения и к обоим сих случаях являет низкость мыслей.

Вне человека находится высочайший виновник природы и весь мир. И так если мы восхотим рассматривать человека в отношении его ко всем веществам, вне его существующим, тогда долженствуем обозреть не токмо то, в каковом отношении находится он к Богу, но и сие, сколь тесно связан он со всемирным зданием.

Когда рассматриваем мы, в каком отношении человек по естеству своему находится к Богу, то всеконечно должно возыметь превосходное понятие о человеческой природе, если рассудить, что сия человеческая природа от Бога истекает, от него беспрестанно сохраняется и что он сам ее к тому употребляет, дабы открыть себя и свою славу, достойную обожания, и представить оную в мире светлейшею и блистательнейшею. Богу было бы возможно произвести другие бесчисленные творения: бесконечно многие иные от нас отменные люди суть возможны; и мы бы вечно пребыли в нашем *первом ничтожестве*, если бы наш Творец не преимущественно нас извел из оногo своим всемогуществом. Он восхотел устроить мир, который бы его Божества достоин и его премудрости приличен был. И так при сем поступил он как мудрый строитель, который лучшие деревья, лучшие камни и проч. избирает; и потому мы надежно уверены быть можем, что понеже Бог из всех возможных веществ, которые на место нас могли бы произведены быть, преимущественно нас, как свое совершеннейшее творение, одушевить удостоил, то, следовательно, мы и были лучшее в царстве веществ, из коих господь нас предизбрал. Всякое иное существо, сотворенное вместо нас, столько ж бы совершенно, как мы, занимало наше место в сем мире; следовательно, мы Богу были угоднее других бесчисленных веществ, им не сотворенных для того, что он нас сотворил. И если великий и премудрый монарх восхочет возложить на кого важную должность

и из множества особ, ему для сего представленных, единую изберет, тогда по справедливости заключить возможно, что такое избрание той особе творит великую честь. Сколь же таковое избрание мало в сравнении со избранием всемогущего и премудрого творца! Благоразумнейший монарх во своем выборе может ошибиться: но всевидящий не может обмануться; следовательно, по справедливости можем мы то для себя великою честью почитать и тем гордиться, что Бог нас из многих других возможных веществ в человек избрал, человеками создал и человеками сотворил. К сему еще следует, что он нас своим провидением от самого первого мгновения времени нашего бытия во веки веков сохранять хочет. Мы в тот же бы час погрузились паки в первое наше ничтожество, если бы творец нас, так сказать, не беспрестанно носил на своих дланях; если бы в наших действиях ежечасно своим могуществом не действовал; и если б все окрест нас таким порядком не учреждал, чтобы мы беспрестанно жить могли. Когда же великий Бог, Господь Господей ежечасно нами упражняется, то из того единственно следует, что он непрестанно о нас помышляет, что его бдящее око беспрестанно на нас и на наши малейшие деяния обращено и что он в нас ежеминутно действует. И так предписал уже он начертание всей нашей жизни даже до будущая вечности; и таким образом учреждает все, дабы сие начертание во всех его частях совершенно точно исполнено было. Какою ж радостью и каким благородным возвышением духа сия мысль долженствует оживлять каждого человека особенно и всех совокупно, созерцающих все сие во всей важности и во всех отношениях! Колико радуются и колико гордятся служащие земному монарху, когда познают, что он об них часто воспоминает и часто уверяет о попечении своем о их благоденствии! Но сколь далеко отстоят сии воспоминания и уверения от тех, кои проистекают от Существа Всевысочайшего! Первые иногда бывают для некоторых только намерений, для других же позабываются и без действия остаются; да и одни неприятели наши часто разрушают все наше земное счастье: но в промысле Божиим о нас сего изменения не долженствуем опасаться; ибо в каждое мгновение ока приобретаем мы новые доказательства о неперменной его к нам любви, милости и щедроте; даже и тогда, когда действиями нашими и не заслуживаем оных. И так сия мысль, что Всевысочайшее Существо беспрестанно об нас помышляет и преимуущественно пред всеми другими творениями об нас печется, не

долженствует ли вперять в нас почтение к самим себе? Сие Всевысочайшее и милосердное Существо никогда не позабывает и никогда не теряет нас из вида между бесчисленным множеством тварей. Он, яко всеведущий, может помышлять о всем; яко всемогущий, может обо всем пещися; яко сущая любовь и милость, изливает благодеяния избраннейшему творению своему, даже что и бесстыднейшая неблагодарность человеческая от сего не отвращает.

Какое отношение может с тем сравняться, в котором мы, человеки, находимся, как человеки, к нашему Богу, к нашему Создателю, к нашему Отцу? Познайте же, любезные сочеловеки сего мира, величие и достоинство, которыми вы в сем отношении превознесены. Мы уверены, что вы чувствуете в сердцах ваших ощущения, приличные сему вашему достоинству.

Очевидно, что Бог нас сотворил и содержит для того, дабы нами свое величество, силу, славу и премудрость вселенной предьявити. Мы дело рук его; а дело превозносит творителя своего. Когда мы совершеннейшие из всех веществ, которые бы могли вместо нас сотворены быть, то Бог поступил бы противу собственнй своей чести, если бы он вместо нас другое что сотворил. А если мы такие творения, которых виновник естества сам почел достойными поместить на чреду своих величайших и славнейших деяний, то для чего же сие не должно нам дать достопочтеннейшего и преимущественнейшего вида во всех окрестностях творения?

Могут сказать, что все здесь о нашем отношении к Богу говоренное может быть сказано и о червяке, который в наших глазах есть презреннейшее творение; и, следовательно, непонятно, как сия мысль в нас, человеках, такие высокие помышления о самих себе внушить удобна? Неоспоримо, что все твари в равном отношении к Богу в рассуждении их бытия и сохранения состоят; но сии суть против разумных тварей несмысленные и разумным подчиненные творения. Человеки, как разумное существо, принадлежат ко классу творений первого степени; следовательно, что о всех тварях сказано быть может, то преимущественно и прежде о человеках должно быть сказано. С нашим предметом не согласно выискивать из высочайшей феологии²⁹² основания к доказательству того, что Бог веков преимущественно своя любви и почитания пред всеми другими тварями предпочтил. Сверх сего, мы не хотим сими мыслями человеков возгордить. Гордый все окрест себя презирает и хочет

единый имети все, что имя чести носит. Но благородная гордость думает о себе возвышенно, присволяет себе честь, соразмерную своему существу, а притом и о других думает высоко и от всего сердца готова им такую же честь, или еще и большую, приписывать, когда того истина требует.

Если теперь рассмотрим, в каком отношении состоят человеки по своему естеству ко прочим тварям и к остатку всего мира, то предположим, что все вещества в мире таким образом друг со другом соединены, как реки с океаном, которые попеременно свои воды друг другу сообщают. *Всякая вещь в мире есть цель всех других и средство ко всем другим.*

Если человеков почтем за *цель всего мира*, то как великолепно поставлены они в оном, как средоточие в сей окрестности творения; как владыки мира, как божества, для коих солнце сияет, звезды блистают; которым звери служат; для которых растения зеленеют, процветают и плоды приносят. Человеки преимущественно пред другими творениями имеют по естеству своему возможность мир себе представлять, об оном размышлять и рассуждать. И так можно их почитать за властителей, для коих некто театр со всеми махинами великолепно устроил, оперу сочинил и оную действительно представляет, дабы и очи и ушеса сих властителей увеселены были. Весь мир есть сей театр, а человеки суть зрители сего мира, которые должны, оный созерцая, веселиться и всяческие выгоды из оного извлекати; да и надежно сказать возможно, что Бог весь мир для каждого человека устроил таким, каков он есть, а не иначе. Исполнен сею мыслию, ступай во время прекрасного летнего вечера во приятный сад прогуливаться; тогда поистине о себе не низкие мысли возымеешь. Увидишь, как нам и небо и земля свои услуги оказывают; как они нас ущедряют и рачительно платят нам должную дань; луна освещает нам зрелище природы; звезды украшают своды небесные; зефир, шумящий древесами, веет нам благоуханием, собранным со цветов; бдящий соловей увеселяет пением наш слух; словом, вся тварь стремится к нам, дабы доставити или выгоду какую, или удовольствие. И так человеки могут, по благоугождению своему, всем царствовать и всем учреждать, а из прочего, что не в их власти состоит, могут они себе, по крайней мере когда восхотят, почерпать увеселение. И потому всякий человек может некоторым образом сказать сам в себе: *весь мир мне принадлежит.*

Если же мы воззрим на человека как на *средство* всех прочих вещей сего мира, то и по сему не меньших же мыслей должны мы быть о нем. Если бы люди были токмо единою *целию* всех вещей сего мира, а притом не были б средством оных, то были бы они подобны шмелям, которые у трудолюбивых пчел поядают мед, а сами оного не делают. Тщетная честь! бедное достоинство, которое людей равняло б со свиньями, проядающими все время жизни своя и в сластолюбии валяющимися во грязи и которые уже после смерти становятся *средством*. Истинные человеки не должны тако проводить жизнь. Если они хотят быть властителями мира и достойными почтения, то да будут подобны достопочтенным монархам, которые себя отцами отечества своим сочеловекам оказывают и которые то думают, что чем важнее и достойнее почтения сан в общежитии, тем более особа, облеченная в оный, долженствует отечеству служить и быть полезною. Какое величие! какое достоинство! какое превосходство! Всякий в государстве ли, в земле ли какой или во граде живущий человек, почитая себя *средством*, долженствует своему отечеству и каждому своему сочеловеку служить и быть полезен. Какое благородное упражнение, какое гармоническое велелепие, какая искренняя любовь, верность, честность и справедливость в таковых местах будут встречаться на улицах! И когда единое сие воображение вливает уже во все наши жилы сладчайшее чувство удовольствия, то что ж бы было, если бы сие в самом деле исполнялось? если бы всякий человек по величию своего достоинства поступал? — И так если люди будут почитать себя за *средство* всех вещей сего мира, то, не согрешая, могут думать, что они в оном много значат и что остатку прочего света в них великая нужда: собственная польза сего мира требует оного. Мир и все прочие творения, исключая человеков, не могли бы никоим образом так быть совершенны и столь бы хорошо им не было, если бы мы не были человеками, как теперь они то обретают, когда мы человеки.

Сия последняя мысль открывает нам в человеческой природе еще особливую сообразность с Богом, которая придает ей совершенно достопочтенный вид. Бог никоим образом от вещи вне себя не может иметь пользы: ибо он сам в себе столь совершен, что ему самого себя для себя довольно и не имеет нужды ни в какой вещи. Он, напротив того, сам всесовершенно полезнейшее существо, сотворяет все твари совершенными, сколько возможно, и, им всем всяческое

благо уготовляя и подая, оным утверждает их благоденствие единственно только для них, а не для себя. Здесь да вообразит себе каждый из человеков, которые по достоинству человеческому живут, как цари мира, себя *средством* почитают, окрест себя только единое устроят благо, во всех частях себя до совершенства довести стараются и всякое благодеяние чинят не из какого другого намерения, как только из единого удовольствия творить добро; таковые человеки да возымеют том более божественное мнение о себе самих, чем более они исполнением сего своего царственного достоинства всевысочайшему божеству уподобляются. И так человеки, почитаемые *средством*, суть более, нежели когда бы они только почитаемы были единою *целию*, или *средоточием*, для которого все вещи на свете пребывают. И так при толико ясных доказательствах и истинах нужно лишь нам желать искренно благосклонным читателям нашим неутомимого наблюдения и сохранения величия их достоинства.

О ДОБРОДЕТЕЛИ

Добродетель есть искусство содержать свои страсти в равновесии и управлять себя в наслаждении наших желаний. Аристотель сказал, что молодость не способна к нравовучению, для того что ограничивание страстей погубляет семена добродетели и разум делает не способным к рассуждению; в совершенном же возрасте, в котором можно бы пользоваться наставлениями философов, никогда их не читают, для того что отвращаются от того попечением о своем благосостоянии; старость повреждена политикою, которая ничем не различает пороков от добродетели, как только одним именем, и которая рассуждает о должностях по корыстолюбию, а о достоинстве по успехам. Удивительная превратность мыслей называть все то похвальным, что есть полезно! Махиавел²⁹³ утверждал, что несчастный Цезарь был больше ненавидим, нежели Катилина²⁹⁴, но Цезарь, не употребляя во зло честолюбие, был самый великий человек из всех людей, и Катилина имел тысячу еще пороков, гораздо беззаконнейших, нежели обладаему быть страстию.

Прежде вступления в политику вооружитесь вы превосходными правилами добродетели, их без того скоро и прежде времени можно потерять при дворах государских или в делах, ибо больше имеют удовольствия в свете и больше распространяют сей яд, повреждающий нравы.

Все может служить к добродетели: разум читаемых нами авторов, вкус посещаемых нами приятелей, отеческие наши законы и все то, что мы слышим, входит в наши нравы, получают и они вид тех предметов, которые нас окружают.

Премудрость есть действие разума, непросвещение ума и необузданности сердца всегда находятся вместе, и следует или преследует одна другую взаимно, столько-то находится согласия между добродетелью и истиною! но для чего же люди просвещеннейшие часто бывают весьма порочны? Сие происходит от того, что можно познать истину, не любивши ее, и что можно любить добродетель, не узнавши ее; от сего-то каждый предмет имеет два вида, из которых один принадлежит разуму, а другой, относившийся к нашему благосостоянию, принадлежит к свободе.

Вся наша жизнь протекает во всегдашнем непостоянстве, иногда мы рассуждаем, иногда бесимся; о, если бы могли выключить такие

несчастные для нас часы!.. Но к сему нужны долговременные рассуждения, намерения, часто подтвержденные, и беспрестанные старания, которые бы могли нас удерживать на пути добродетели.

Наука производит по порядку и по частям, а все делать вдруг прилично одной только природе. Резчик, окончивши голову, начинает прочую часть тела, но цветок или всякое растение произрастает вдруг во всех своих частях, природа его обрабатывает и совершает одним разом. Таким же образом происходит и с добродетелью: когда прилепляются только к ней одной, то прочие ослабевают; но когда обще к добру прилепляемся, то приобретаем все добродетели; сие подобно произрастанию, которое находится всегда в действии и по обстоятельствам производит всякого рода благие плоды.

Общие добродетели довольно прославлены, все их видят и все об них говорят; но мало бывает случаев для редких добродетелей, и великодушные не состоят в одном пустом сиянии: благородная и бескорыстная душа, отдающая сама себе отчет в справедливости своих дел, гораздо приятнее вкушает удовольствие после неудачного успеха в каком-нибудь деле, нежели когда она достигает до исполнения великих своих желаний.

Злодеи, объявленные враги добродетели, не столь пагубны хорошим нравам, как те, которые притворяются быть честными и которые пороки прикрывают маскою честности.

В несчастьи больше сияет добродетель, и кажется, что она уподобляется пахучим духам, которые выдавливаются для того, чтобы изведать их благовоние.

Малые несовершенства делают препятствие великим добродетелям, для чего? Для того, что нравоучители внушили нам ложные мысли о совершенстве или что люди, великими добродетельми одаренные, не имели довольно снисхождения, открывая свои погрешности. Аристотель справедливо сказал, весьма вредно, что возвышают человека выше человеческого совершенства. Плиний²⁹⁵ же не что иное был, как льстец, когда он сказал, что Боги не могли благосклоннее быть Траяна к смертным.

Нравственное сочинение, которое не основывается над действиями человеческими, есть бесполезно, и которому подобны многие сочинения молодых или в уединении живущих нравоучителей, которые почерпнули познание нравов только в изучении самих себя или в школах у таких людей, которые по своему состоянию не могут

знать светской науки. Что же думают при дворах об их нравоучительных сочинениях? То же, что думал Аннибал²⁹⁶ о примечаниях Фармиона в рассуждении воинской науки. Говорят, что рассуждения философов уподобляются восторгу стихотворцев, весьма способному увеселять воображение.

Самое лучшее расположение к добродетели есть вообще прямое добросердечие, благородство и честность во всех наших действиях; но сие праводушие должно сходствовать с слабостию человеческого: если всегда ходить наклоня голову, то, спотыкнувшись, можно опасно ушибиться.

Зритель лучше видит погрешности, нежели игрок; но тогда, когда он сам научился чрез свои погрешности. К невинности же должно присоединять благоразумие, а сие-то благоразумие есть познание зла. Без сего добродетель всегда впадает в руки своих неприятелей, и какое бы преимущество имел честный человек над сердцем злого, если бы он не проницал всех умыслов злости? Понеже то, в чем занимаются несправедливые души в превратности, из которой делают они систему, есть не что иное, как удостоверение, которым думают, что честность происходит из слабости разума или из простоты нравов, которая не иначе познает пороки, как чрез нравоучительные проповеди: но когда б они увидели, что мерзостное покрывало их беззаконных дел открыто, тогда бы они воздавали должное почтение добродетели, подобно сему говорит (можно прилепиться к пороку) басня о Василиске²⁹⁷, что как скоро увидишь и предупредишь его, то он яд свой теряет.

Удивления достойна злобная пословица итальянцев! если говорят об каком человеке, то они вам скажут, *что он столь хороши, что со всеми добродетельми не стоит ничего.*

Одно из главных расположений к добродетели есть благожелательство, сие есть душевная склонность, которая простирается далее, нежели человечество ко всем творениям; сие есть чувство, которое во всех сердцах разливает род некоторого приятного снисхождения, чрез которое они никогда не раскаиваются о добром деле, какое бы ни было оного употребление. Без сего свойства, которое вас больше уподобляет божеству, человек есть тварь беспокойная, бедная, не полезная как земле, так и самому себе.

Склонность делать добро, чтоб она могла назваться добродетелью, имеет нужду в правилах, они различествуют от той способности

обязывать, которая вас делает больше рабом, нежели благодетелем людей. Вы оставляете друга, дабы помочь чужестранцу, вы бросаете жемчуг петуху, который просит только у вас зерна, сие значит не иметь связи в предметах и в средствах в вашей благосклонности. По-неже вы не можете услужить всем людям, то будьте только благосклонны к большей части, а услуги ваши оказывайте малому числу.

Гостеприимство есть добродетель великой души, которая привязана к целой вселенной чрез узы человечества, благодарность в малых благодеяниях доказывает, что чувства предпочитают богатствам.

Находятся ли такие люди, которые полагают свое удовольствие в злости и которые вкушают особливую радость видеть печали и несчастья других людей? Или не подобны ли они тем насекомым, которые прилепляются к чирью? Однако со всем тем из них происходят политики. Таким образом Махиавел думает, что христианская религия весьма полезна злым людям, для того что она в их волю предаст добрые сердца, но в самом деле нет такого закона, который бы так утешал несчастных, как евангелие, которое повелевает иметь столько же снисхождения, сколько и повиновения.

[«ПРАВОУЧЕНИЕ КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ»]

Писатели по обычаю, давно введенному, обязаны давать публике отчет в том, чего ради предприяли явиться пред ней и привлечь ее на себя примечание; мы охотно и с удовольствием подвергаем себя оному обыкновению, ибо нас ободряет намерения нашего непорочность, приведшая нас к сему предприятю, и потому что мы уверены, что никто, кому она известна, не может нас порицать. Оканчивая издание наше сим месяцем, сообщаем здесь план, по которому поступали, и надеемся, что те, кои оказывали некоторое неудовольствие, признаются, что предприятие наше заслуживает если не похвалу, то по крайней мере доброе имя.

Каждый писатель должен иметь два предмета: первый научать и быть полезным, второй увеселять и быть приятным; но тот превосходным долженствует почитаться пред обоими, который столько счастлив будет, что возможет оба сии предмета совокупить во единый. Рассуждение публики о писателе утверждается на тех же двух предположениях, и он почитается тогда счастливым, когда признан публикою оных исполнителем. Если же, напротив того, по мнению оной не только не достиг обоих предметов вместе, то есть быть полезным и приятным, но ниже одного из оных, притом если с своей стороны не утверждён справедливостию и чувствованием великой и благородной в себе души; и если не надеется, как Сократ или Милтон²⁹⁸, на правосуднейшее и правильнее мыслящее потомство или если уличается совестью о несправедном своем намерении, то достоин сожаления.

Сильное стремление к добру, возбужденное человеколюбием и истиною, или слепая, суетным самолюбием надутая гордость и тщеславие перед подобными себе, или, наконец, подлое корыстолюбие рождают писателей и наполняют земной шар бесполезными вздорами и книгами, которые служат лучше для завивания волос, нежели для чтения.

Если смеем себя причислить к писателям, то какого об нас мнения? Не полагают ли нас недовольные журналом нашим в число тех, которые самолюбием и жадностию корысти побуждаются к изданию сочинений, погубляющих время и нравы читателей? Хотя бы то было и правда, но для нас нет ничего удобнее, как опровергнуть та-

ковое мнение. При издании сего журнала мы не могли иметь гордости и самолюбия, потому что крайне было бы смешно, если б мы хотели величаться и гордиться переведенными токмо с других языков правилами. Сверх того, мы весьма удалены как от самолюбия, так и не могли иметь столь глупой мысли, что будто мы одни только достигли нужных к таковому предприятию познаний и разумения языков, нет, конечно; мы удостоверены, что и другие имеют также познания и разумеют языки, да еще, может быть, и более и лучше, нежели мы.

Но положим, что можно гордиться и одним только переводом, но и в сем случае гордостью укорить нас не можно; потому что тот, который других перед собою не уважает, должен непременно сделаться известным; но что до нас касается, мы никогда публике себя не объявляли. И так сколь мало побуждала нас к предприятию суетная гордость и безумное самолюбие, столь же мало, да еще и менее могла в том иметь участия корысть. Мы еще до начатия сего сочинения объявили публике, на какое употребление плата за журнал назначается. Она определена была на заведение училища для неимущих детей, которые бы, может быть, без того остались навсегда жертвою невежества и, следовательно, не столь полезными членами для общества. Всевышний благословил труды наши, что легко усмотреть можно из сообщаемых ежегодно нами известий о успехах. И, может быть, увидят скоро оных и плод в некоторых воспитанниках, соответствовавших намерениям и желаниям нашим. Таким образом, когда все оные суетные намерения были от нас удаленными, то можем заключить, не нарушая скромности, что мы в предприятии своем не имели другой побуждающей причины, как истинное, а не слепое и безумное к заблуждению, стремление, или энтузиазм, и любовь к отечеству, проистекающую из чистейших источников. Ласкались мы изданием такового журнала, каков наш, искоренить и опровергнуть вкравшиеся правила вольномыслия, которого следствия как для самых зараженных оным, так и для общества весьма пагубны. В сем намерении избирали мы только нравоучительные и умозрительные материи, о изящности, превосходстве и пользе которых уверены не только благоразумнейшие из наших соотчичей, но и вся Европа, и которые казались нам способнейшими для вкоренения и утверждения добрых нравов и истребления гнусных и страшных некоторых правил. Почему весьма для нас удивительно, что толь общие, толь

драгоценными и полезными от всякого здраво мыслящего человека признанные материи могли неугодными быть для некоторой части наших соотчичей. Но хотя и не понравились некоторым, однако восчувствовали другие всю великость и важность оных во всем их виде. Самые служители и толкователи слова Божия познали цену некоторых отделений и мыслили толь благородно, что после говоренных ими с великою похвалою проповедей, когда вопрошены были, откуда почерпнули оные, то откровенно признались, что одолжены оными «Утреннему свету»²⁹⁹.

Доселе сообщали мы более о самых материях нравственных и умозрительных, или метафизических, нежели о пользе оных; ибо надеялись мы, что достоинство оных может говорить само за себя; но изведав опытом, что некоторому числу людей совсем неизвестна подлинная и существенная польза высоких оных истин, осмеливаемся теперь читателям нашим представить великую пользу, проистекающую от нравоучения и уверения о бессмертии души. Нравоучение есть наука, которая наставляет нас, управляет действия наши к нашему благополучию и совершенству, которая внушает нам истинные правила великих должностей наших ко Творцу, высочайшему нашему благодетелю, к ближним и к себе самим, которая предписывает сии должности и показывает средства исполнения оных. Такая наука не должна ли быть достойною всего нашего внимания? не должна ли составлять во всю жизнь главные наши упражнения? Так, без сомнения, нравоучение есть первая, важнейшая и для всех полезнейшая наука; оной прежде и паче всего должно научать юношество; в оной особенно должны упражняться пастыри и учителя церковные, и она по справедливости должна первое занимать место в христианских поучениях. Возьмем искуснейшего богословских систем учителя, который нравоучения не знает или не любит, может ли он быть столь приятен Богу и полезен человеческому обществу, как тот почтенный и правдивый муж, который хотя никогда не углублялся в системе богословской, но знает нравоучение и любит оною правила и по оным поступает?

В каком виде мы ни рассматриваем нравоучение, оно всего полезнее, нужнее и необходимее как для временной жизни, так и для вечности. Нравоучение, подобно дневному светилу, являющемуся на горизонте, освещает душу нашу от юности, от наступления дней, в продолжении, при конце оных и в самый час смерти. Оно распро-

страняет свет свой по всем душевным силам, оным управляемым; человек, открывающий глаза свои при сем светильнике, видит всю великость своих должностей, употребление всех способностей и преимуществ и причину своего бытия. Оно есть не один токмо свет, освещающий разум, но пламя, воспальющее и оживляющее человеческое сердце: сия приятная теплота, подобно божественному огню, согревает добрые природные склонности, оживляет оные, питает совесть, умерщвляет страсти и преклоняет волю. Желание делать добро тем более в нас умножается, чем более знаем и чувствуем силу побудительных к тому причин и изящность добродетели: от чего происходит неизвестное некоторое внутреннее удовольствие, первый плод, первое воздаяние добродетели. Нравоучение, подобно тихому источнику, производит плодородие в сердце нашем, питает находящиеся в оном счастливые склонности, утверждает глубоко корни оных и приносит сладкие плоды. Умножается оным купно и отвращение к пороку; открывается его гнусность, и представляется злополучие, влекомое им за собою; сия ненависть бывает во искушениях нашею спутницею и помогает нам восторжествовать над оными. И так нравоучение, просвещая разум, образует оный к мудрости, очищая сердце, готовит оное к добродетели и сими путями ведет человека к земному и, надежнее еще, к небесному блаженству. Кратко сказать, сие божественное учение не оставляет человеку большего желания: ибо, наставляя его в должностях, показывает ему купно отношение его к предвечному существу; и сие познание, ведущее человека к любви, почитанию и повиновению божественным уставам и провидению, совершает его счастье. Таких понятий и чувствований достигнувший человек готов бывает на всякие жертвы для исполнения своих должностей: ибо помогает ему Бог, подкрепляет его и утверждает. Удостоверенный человек о вечной жизни и совершенном блаженстве, яко о наградах за добродетель, в состоянии произвести великие дела; сердце его стремится к сему блаженству, силы его возвещают ему явно оное, а высочайшая благодать совершенно уверяет.

Итак, упражнение во нравоучении есть важнейшее для всякого возраста и для всякого состояния; оно составляет существенную закона часть, которая наипаче заслуживает внимание и старание мудрого мужа. Сия наука есть не тщетная теория, не пустая схоластическая наука, не в спорах состоящее учение, которое, к сожалению, вкравшись в систему толь простого, толь краткого и толь святого за-

кона, обезобразило оную; нравоучение есть не слабая пища памяти, не такая наука, которая служит людям к показанию их перед другими в разговорах или книгах: нет, оно есть практическое наставление, которое должны мы носить в сердцах наших, которое должно освещать совесть и преклонять без упущения волю и которое должно служить правилом наших поступков в уединении и между людьми, в трудах, спокойствии и забавах, в несчастии, счастии, в здравии и болезнях, в отдалении от конца жизни и при самом конце оной; кратко сказать, во всех отношениях и состояниях, отцу, сыну и брату, мужу и жене, гражданину общества, мира и вечности. Чтоб немногими словами изобразить весьма известную истину: нравоучение есть наука настоящего и будущего блаженства, для временной и вечной жизни; следовательно, оно есть изо всех наук самое полезнейшее, нужнейшее и необходимое.

Самые древнейшие народы знали важность, великость и необходимость сея науки. Между ими были законодатели и любомудрия, или философии учителя, которые с большим или меньшим успехом упражнялися во нравоучении и оное другим предлагали. Египтяне, китайцы, персы, греки и римляне имели нравоучителей, которые, распространяя свет в сей науке, благодетельствовали человеческому роду. Жрецы нигде, кроме Египта, не были нравоучителями; они занимались более распространением догматических своих правил, нежели небесными истинами чистейшего нравоучения. Святой церкви небесного отца предоставлено было составить полную систему высокого нравоучения, яко сущности учения божественного.

Нравоучение св. Моисея, одного древнего еврейского законодателя, изъясняет своим совершенством и изящностию божественное свое происхождение. Ведя человека к почитанию единого и истинного Бога, показывает, что любовь к ближнему есть главнейшее правило всех должностей к оному и что управлением своих страстей и желаний отдаляется все ведущее к пороку и беззаконию. Блаженны были бы иудеи, если бы могли возвысить души свои до сих высоких и чистых чувствований и не оставались при одних наружных обрядах.

Последовали греки, из оных Сократ во нравоучении превосходил всех язычников; он, удостоверившись о достоинстве сея божественной науки, углубился совершенно в одну оную, презрев все баснословия. Ему следовали Платон, Эпикур, Зенон³⁰⁰ и многие другие. По-

том варварство и происходившие от оногo предрассуждения истребляли время от времени сие божественное учение и одержали верх. Наконец Бакон и Гроций возобновили путь, по которому следовали Волфий, Николе, Паскаль³⁰¹, из которых последнего особенно мы благодарить обязаны.

Сие толь нужное учение, от которого зависит благополучие как частного человека, так и целых фамилий и обществ, сия божественная наука должна ли быть у нас в пренебрежении? Отрицание сего вопроса сколь для нас неприятно, столь оно справедливо. Приметь различные и повсеместные в общественной жизни случаи и реши тогда, основательно ли наше рассуждение. Откуда происходят развращение между полами, множество несчастных браков, подозрение и вражда между братьями и сестрами, отцами и детьми, повсеместные леченя, бесчисленные обманы, несправедливости, на которые все жалуются, не размышляя, что сами ежедневно то делают, откуда, наконец, убивства, если не от недостатка во нравоучении?

Желал бы я более говорить о важности нравоучения, но отвлекает меня другой мой предмет, о котором говорить должен, то есть благотворная польза, приносимая уверением о бессмертии души. Приведение доказательств о бессмертии оной за нужное теперь не считаю: ибо, кажется, довольно уже было о том рассуждаемо во многих местах нашего журнала.

Когда же мы точно уверены о бессмертии нашей души, то научаемся, во-первых, оным уверением познавать величество свойств Творца нашего, потом в особенности бесконечную его премудрость, благость и правосудие, и признавать оные с величайшим благоговением и благодарностию. Уверение о великости нашего существа и о великости того, что определено для нас в будущей жизни, естественно побуждает нас ко простиранию проницаия нашего в будущее и заставляет нас пещися о том, что после нас последует. Сие уверение производит то, что мы стараемся делать вечным имя наше и память и что мы не равнодушны во мнении об нас позднейшего потомства. Сие чувство, что душа наша бессмертна, есть надежнейшее правило всех наших благородных, великих и человеческому обществу полезных деяний, без которого правила все человеческие дела были бы малы, низки и подлы. Сие уверение истребляет порок, возвышает и питает добродетель в самых опаснейших обстоятельствах. Сие уверение делает неразрушимым союз человеческого общества и

дает естественным законам ту важность, которую требует честь высочайшего законодателя и благо человеческого рода. Сие чувствование подает страждущему христианину в жесточайших болезнях утешение; он мнит: есть вечность, в которой престанет болезнь моя и где ожидает меня непреходящее веселие. С оным уверением невинно утесненные и гонимые подвергаются без роптания всем неправосудным случаям, их угнетающим, в несчастии и превратностях пребывают постоянными и верными добродетели, презируют опасности и с мужеством идут на угрожающую смерть, радуются, уверены будучи о вечности, где ожидает их за страдание награда и где венец непрестанного веселия увенчает главы их. Коль свята, коль славна выгода для нас, когда уверены о сей несомненной истине, но какие мучения, какое бедствие для нас, когда будем отрицать оную? При всем нашем полном благополучии будет недоставать нам покоя совести, не восхитит нас никакое великодушное и благородное действие, и менее того еще мы сами будем в состоянии что-нибудь великое произвести. Чистейшие небесные чувствования должны будут уступать скотским похотениям, правда неправде, добродетель беззаконию; несчастный отчается, невинность утеснится, злодей и порочный восторжествует; имение, честь и жизнь будут в опасности, словом, вся земля сделается адом.

Самые язычники ощущали сладчайшее удовольствие и успокоение, размышляя о бессмертии души. Оное размышление было для них твердейшею подпорою посреди несчастья, причиненного им за их добродетель. Оное размышление, удостоверяя их о блаженной будущей жизни, возбуждало к исполнению полезнейших добродетелей и к покорению и содержанию всегда в повиновении их страстей разуму.

Сего-то ради оные великие мудрецы Египта и Греции преподавали сие учение с крайним прилежанием и представляли оное ученикам своим яко одно из величайших и важнейших. Пифагор³⁰² снискал оное в Египте; но неразумение или не довольное знание иероглифического языка совлекло последователей его с правого пути, и чистейшие правила египтян были совсем обезображены. Сократ первейший из язычников и Платон возобновили сие учение во всей оного чистоте и имели великое множество последователей. Все оные предлагали истины свои ясно: но египетские мудрецы для чужестранца, который не был допущен до великих таинств и, следова-

тельно, не разумел тайного иероглифического письма, были непонятны. Ибо они под непонятными для очей незнающего, но в самом деле глубокомысленными изображениями сокрыли важнейшие познания. Если бы мы имели совершенное изъяснение оногo, без сомнения важного, иероглифического языка, то увидели бы, что многие познания, которым в наши времена удивляются как новым, известны уже были египетским мудрецам, и нашли бы, может быть, такие вещи, о которых не имеем ни малого познания и которых открытие было бы весьма полезно. Мы сообщили нашим читателям некоторые опыты и сего языка для поощрения к большему обработанию сего поля. Но как мы заметили, что многие из наших читателей сими троякими материями несколько или совсем были недовольны, то сею частию оканчиваем наш журнал. Просьбою ж некоторых побуждены с наступлением будущего года начать новый, мы никак не отступим от нашего предмета, но всегда будем стараться оный иметь, хотя в различном и прменном виде. Материи нового сего журнала будут состоять частию из нравоучения, из описаний жизней славных героев и политиков и описания славных сект; все оное будет переменяемо политическими, историческими и географическими отделениями. Мы ласкаем себя, что сим расположением более угодим вкусу публики и склоним к ощущению удовольствия и тех читателей, которым казалось, что будто журнал наш весь наполнен одинакими материями.

О ВОСПИТАНИИ И НАСТАВЛЕНИИ ДЕТЕЙ. ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ И ВСЕОБЩЕГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Кто несколько только размышлял о влиянии человеческих распоряжений в благополучие человеческое, особенно ж о влиянии воспитания во всю прочую жизнь человека, тот признается, что воспитание детей как для государства, так и для каждой особенной фамилии весьма важно. С самыми лучшими законами, с самою религиею, при самом цветущем состоянии наук и художеств государство имело бы весьма худых членов, если б правительство пренебрегло сей единый предмет, на котором утверждается все в каждом государстве. Самое изрядное учреждение правосудия не делает служителей оног совестными, а судей неподкупимыми; самая религия не может воспрепятствовать, чтоб недостойные служители не делали ее иногда покровом гнуснейших пороков и не злоупотребляли к споспешествованию вредных намерений; изящнейшие законы благочиния мало могут действовать, если честность, искренность, любовь к порядку, умеренность и подлинная любовь к отечеству суть чуждые гражданам добродетели. Все зависит от того, чтоб всякий образован был к добродетелям состояния своего и звания. Но когда должно, когда может предпринято быть сие образование, если не в том возрасте, в котором душа отверзта всякому впечатлению и, нерешима будучи между добродетелию и пороком, столь же удобно исполняется благородными чувствованиями, приобывает к справедливым правилам и утверждается в добродетельных способностях, как и предается механизму чувственных похотей, огню страстей и заразе обманчивых примеров и принимает несчастную способность к дурачеству и к пороку? Итак, процветение государства, благополучие народа зависит неотменно от доброты нравов, а доброта нравов неотменно от воспитания. Законодательство, религия, благочиние, науки и художества хотя и могут сделаны быть споспешествовательными средствами и защитами нравов, однако если нравы уже повреждены, то и оные престают быть благодетельны; стремительная река развращения разрывает сии защиты, обессиливает законы, обезображивает религию,

прекращает успех всякой полезной науки и делает художества рабами глупости и роскоши. Единое воспитание есть подлинный творец добрых нравов; чрез него вкус добродетели, привычка к порядку, чувствование изрядного, чрез него отечественный дух, благородная (на истине и знании основанная) народная гордость, презрение слабости и всего прикрашенного и маловажного, любовь к простоте и к натуре со всеми другими человекодружественными, общественными и гражданскими добродетелями должны овладеть сердцами граждан; чрез него мужчины и женщины должны образованы быть сходственно с их полом, а всякий особенный класс государства тем, чем быть ему надлежит. Все прочее делается удобным, когда воспитание достигнет возможной степени своего совершенства; законы успевают тогда сами собою; религия, в величестве своем исполнена простоты, пребывает тем, чем вечно бы ей быть надлежало, то есть душою всякой добродетели и твердым успокоительным предметом духа; науки делаются неисчерпаемыми источниками действительных выгод для государства; художества украшают жизнь, дают благородство чувству, становятся ободрительными средствами добродетели; всякий отдел граждан пребывает верен своему определению; и всеобщее трудолюбие, подкрепляемое умеренностию и добрым домостроительством, доставляет и самому многочисленному народу безопасность от недостатка и довольствие своим состоянием.

Толико важно воспитание юношества для государства и для всеобщего отца великого сего семейства, то есть для правителя. Великая монархиня наша, зная сие, с самого начала достославного своего правления неутомимое прилагает попечение о распространении в империи своей доброго воспитания. А сие премудрое матернее попечение не обязывает ли каждого из подданных ее отца фамилии стараться споспешествовать в своем семействе великому благодетельному ее намерению; а особливо, когда всякий отец побуждаем к тому должностию и собственною выгодною. Ибо поистине воспитание детей весьма важно не только для государства и правителя, но и для всякой особенной фамилии, для всякого отца и для всякой матери. Хотя бы находились родители, могущие толико ослепиться в округе своих должностей, чтобы спокойно могли сносить мысль, что они пустят в свет злодея или глупца, либо, худо воспитавши дочь, сделают несчастливым брак и подадут случай к целым поколениям худых и потому несчастных людей: то по крайней мере должна бы

ужасна им быть та мысль, что самые сии пренебреженные в воспитании дети накажут их за их беспечность и, вместо того чтоб быть утешою и радостию старости их, будут рушителями их покоя и удовольствия. Всякий друг человечества пожелает, чтоб ни одна фамилия не узнала себя в сем образе; но всякий внимательный наблюдатель находит, что, к сожалению, еще немало родителей сему подвержены. Коль многие из тех самых, которым Бог даровал все, в чем человеки поставляют обыкновенно свое блаженство, потому только несчастливы в своей старости, что от детей нажили себе вместо радости печаль, что развращенность сына приводит фамилию в замешательство либо и совсем погубляет, что глупости дочери подвергают ее публичному презрению. И не сугубо ли огорчительно должно быть сие оскорбление таковым родителям, когда они в часы размышления (которые непременно бывают и при самом легкомысленном, самом рассеянном образе жизни) находят, что они сами беспечным воспитанием положили основание к сим порокам или глупостям, что они сами соплели бич, наказующий их теперь за их беспечность.

Но может быть, не беспечность или небрежение причиною тому, что между вступающим в свет юношеством нередко бывают худые люди и негодные граждане; может быть, недостает еще надлежащего распоряжения познаний, нужных для домашнего воспитания; может быть, некоторые предрассудки и худые обычаи не допускают сих познаний распространиться. Ибо, действительно, не можно сказать о нации нашей, чтоб родители не старались о воспитании своих детей. Трудно сыскать фамилию, которая бы, не имея довольно иждивения на приватное воспитание, не отдавала детей своих в училище; а многие находятся такие, которые с великим иждивением содержат для детей своих гофмейстеров, гофмейстерин, учителей языков, танцованья и рисованья. И так, конечно, есть нечто, противящееся сим добрым и похвальным попечениям родителей и делающее оные по крайней мере бесполезными великому предмету воспитания. Может быть, при многих распоряжениях и великом иждивении на воспитание детей и при самом непрерывном и многообразном наставлении оных пропускается истинное образование разума и сердца. Справедлива ли сия наша догадка или нет, то оставляем на рассуждение почтенным нашим читателям. Можно, державши при детях с малолетства их гофмейстеров и гофмейстерин, воспитать их худо, можно, употребивши многие тысячи на их воспитание, не сделать,

однако, ничего к истинному их благу: а именно, когда все сии распоряжения употребляются на то, чтоб сообщить им некоторые знания и способности, которыми бы могли они блистать в свете; а первое, великое, толь много в себе заключающее дело воспитания, то есть образование сердца, пренебрегается; когда вместо того, чтоб приучать разум их к правильному размышлению и вести к познанию истины и добра, наполняют головы их ветром, и вместо того, чтоб очистить волю их и направить склонности к добру, благодетству и величеству, делают сердце их чувствительным только к малостям или совсем к глупости и пороку. Без сомнения, трудно будет доказать некоторым родителям возможность сего в таких фамилиях, в которых дети имеют гофмейстеров и гофмейстерин; но сию-то самую доверенность к своим распоряжениям, сие-то самое неосновательное успокоение, воображая себе, что они для воспитания детей своих сделали уже все, давши им гофмейстеров и гофмейстерин, сие-то, во-первых, и должно им откинуть; впрочем же, может быть, круг собственных их знакомств представит им говорящие доказательства помянутого. Между тем истинно то, что воспитание есть весьма запутанное, трудное дело, в котором весьма удобно и различно можно что-нибудь упустить и в котором, однако, всякое упущение причиняет вечный вред, если не будет примечено и поправлено заблаговременно. Оно есть особенная тонкая наука, предполагающая себе многие знания и в исполнении требующая много наблюдательного духа, внимания и просвещенного практического рассудка. Итак, никто не рождается с нею; и не постигают ее также в течение жизни, подобной жизни какого-либо растения или бабочки; но должно научиться ей из благовыбранного чтения, из опыта и размышления. Посему неудивительно, что сия наука (она называется педагогикою) еще мало известна; неудивительно и то, что она особенно неизвестна тому классу людей, которым здесь обыкновенно поручается приватное воспитание, и, может быть, иногда по недостатку лучших и должно быть поручаемо; но неудивительно ж и то, что воспитание во многих домах еще худо.

Сии рассуждения и печальный опыт того, что книги мало еще читаются, что всегда еще ложная бережливость, нерачительное расположение времени, излишняя склонность к увеселениям или что бы то ни было препятствуют успехам вкуса в чтении и в полезных знаниях; сии рассуждения и опыт привели нас к намере-

нию сделать чрез публичные «Ведомости» известными те правила и положения воспитания, без знания и исполнения которых все распоряжения и все издержки по большей части бесплодны. Мы будем при сем справляться с лучшими сочинениями иностранных*³⁰³ и порадуемся, если возможем споспешествовать на сем пути просвещению и возбудить всеобщее постоянное желание к сему великому важному делу.

О ВСЕОБЩЕЙ И ПОСЛЕДНЕЙ ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ И О ЧАСТЯХ ЕГО

Всякое человеческое дело, требующее в исполнении распорядков и времени, тем лучше удастся и почти тогда только и бывает хорошо исполнено, когда сначала представить себе ясно его предмет и после в исполнении никогда не будешь упускать оный из вида. Тогда только бываем мы в состоянии рассуждать правильно о всяком шаге, поступленном в сем деле, испытывать всякое представляющееся нам средство, познавать и отвращать всякое препятствие. Последуем сему всеобщему правилу благоразумия и в толь важном деле воспитания! Итак, исследуем здесь сперва: какой есть подлинный, истинный и последний предмет воспитания. Сие исследование послужит нам купно ответом на вопрос: какое воспитание действительно всех лучше? Также проложит оно нам путь к познанию всех главных оно-го частей. Может быть, при сем исследовании окажется и то, для чего честные и рачительные родители столь редко достигают цели в воспитании детей своих; может быть, откроется, что сие происходит от того только, что они не знали главного предмета воспитания и, почитая некоторые посторонние предметы и средства за главную цель, посвящали оным все свое попечение.

В предыдущем отделении видели мы, что обязанность родителей воспитывать детей своих как возможно лучше основывается на должностях их детям, государству и самим себе. Из сего следует, что достижение подлинной главной цели воспитания должно заключать в себе купно исполнение должностей. А как, наконец, все должности родителей детям состоят в том, чтоб сколько возможно споспешест-

---

* Одно из преимущественных сих сочинений, а именно: англичанина Локка рассуждения о воспитании, давно уже переведено на российский язык; но многие ли его читают?

воватъ благополучию детей; должность же государству в отношении к детям их есть та, чтоб в оных доставить ему полезных граждан: то явствует, что благополучие детей и польза их государству составляют существенные части предмета воспитания.

Принявши сии правила и рассматривая по оным разные особенные намерения, случающиеся при воспитании детей, увидим, что все сии особенные намерения никак не могут быть главным воспитанием предметом и что сей, напротив того, не в чем ином состоит, как в образовании детей благополучными людьми и полезными гражданами. Если б, например, какой-нибудь отец захотел стараться сделать сына своего только ученым; или если б другой захотел образовать его светским человеком или воспитать искусного художника либо купца: то все сии отцы сделали бы, может быть, для намерения своего весьма много, но не споспешествовали бы нисколько истинному благу детей своих; ибо со всеми сими качествами можно быть худым и потому несчастливым человеком. Они, конечно, дали бы детям своим некоторое воспитание; но совсем не исполнили бы должностей своих оным и самой должности государству не совершенное сделали бы чрез то удовлетворение, ибо худой человек всегда бывает и худой гражданин.

Итак, все сии и подобные особенные намерения, или образования к известному состоянию, никоим образом не составляют главного предмета воспитания. Никакой отец не может хвалиться исполнением должности воспитателя, достигнувши с детьми своими до цели того или другого из сих намерений или нескольких вкуче. Они суть посторонние предметы, которые, яко средства к главному предмету, могут быть хороши и похвальны по свойству обстоятельств*;

---

* Мы говорим по свойству обстоятельств; ибо не всегда, не во всех обстоятельствах бывают сии особенные намерения хороши и похвальны. Напр. не только не хорошо и не похвально, но и весьма глупо было бы, если б отец, имеющий сына с природы глупого, захотел его сделать ученым человеком; или если б другой захотел воспитать художником либо виртуозом сына, призываемого породю и богатством к политическим делам и в большой свет; или если б иной намерился образовать сына светским человеком, несходственно ни с породю, ни с имуществом своим. Тогда только сии особенные намерения хороши и похвальны, когда соразмерны обстоятельствам родителей и детей; ибо тогда бывают они не только весьма пристойными, но и нужными средствами к споспешествованию главному предмету воспитания, как то вскоре мы покажем.

главный предмет воспитания, как мы уже сказали, есть тот, чтоб образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами. Все иные определения, будучи слишком несовершенны, не могут даны быть столь пространному воспитанию; сие только одно заключает в себе его во всей обширности. Теперь поступим далее в нашем исследовании.

Мы думаем, что продолженным доселе разысканием и определением истинного главного предмета воспитания означили мы родителям цель, по которой могут они узнать прямой путь в воспитании. Сей цели не должны они, как выше упомянуто, никогда упускать из вида, если не хотят совратиться на разные распутия, и должны достигнуть ее, если хотят приобрести ту великую заслугу, чтоб воспитать детей своих самолучшим образом. Но только истолкованием сего всеобщего и главного правила воспитания можем мы приблизить к ним ту довольно отдаленную цель, то есть проводить их по сему мрачному пути. Сие самое истолкование также подтвердит паки справедливость одного всеобщего и главного правила, ибо откроется, что можно из него вывести все главные части воспитания.

Дети наши должны образованы быть счастливыми людьми и полезными гражданами. При сем опыт и человеческая натура напоминают нам, что здоровье и крепкое сложение тела весьма споспешествуют нашему удовольствию и что в молодости лежит основание как здравия и крепости, так слабости и болезней тела. И так оказывается теперь первая главная часть воспитания, то есть попечение о теле, или должность родителей стараться о том, чтоб дети их имели здоровое и крепкое сложение тела. Сию часть воспитания называют ученые физическим воспитанием; а первая есть она потому, что образование тела и тогда уже нужно, когда иное образование не имеет еще места.

Никакой человек не может быть ни довольным и счастливым, ни добрым гражданином, если сердце его волнуется беспорядочными пожеланиями, доводящими его либо до пороков, либо до дурачеств; если благополучие ближнего возбуждает в нем зависть, или корыстолюбие заставляяет его домогаться чужого имения, или сладострастие обессиливает его тело, или честолюбие и ненависть лишают его душевного покоя, без которого не можно никакого иметь удовольствия, или, наконец, если сердце его столь скудно чувствования-

ми религии, что помышление о смерти ввергает его в уныние без всякой надежды; а все сие зависит от образования сердца в юношестве. Из сего следует вторая главная часть воспитания, имеющая предметом образование сердца и называемая учеными нравственным воспитанием.

По свойству всякого гражданского класса, к которому человек принадлежит, для пользы государству и для собственного его удовольствия нужно, чтоб он имел большую или меньшую меру познаний, высший или низший степень просвещения; некоторые гражданские классы требуют даже определенной меры познаний в науках; просвещение разума вообще споспешествует высокому степени человеческого благополучия, и, наконец, всякий человек тем полезнее бывает государству, чем просвещеннее его разум. Из сего происходит третья главная часть воспитания, имеющая предметом просвещение или образование разума.

Итак, имеет воспитание три главные части: воспитание физическое, касающееся до одного тела; нравственное, имеющее предметом образование сердца, то есть образование и управление натурального чувствования и воли детей; и разумное воспитание, занимающееся просвещением или образованием разума. Все сии три части вывели мы из правила, положенного всеобщим и последним предметом воспитания, то есть: «Воспитывай детей твоих счастливыми людьми и полезными гражданами».

Каждая из сих трех частей имеет особенные свои правила, положения и действия, без которых не может она хорошо быть исполнена и которые впоследствии предложим мы по принятому здесь разделению.

Может быть, нечто из того покажется некоторым из читателей наших странно или совсем смешно, так, как теперь то, что мы образование тела причисляем к науке воспитательной; потому что бывают родители, воображающие себе, что к телесному воспитанию ничто более не нужно, как только хорошо кормить детей. Неприятно, может статься, иным родителям будет и то, что мы, по свойству самой материи, откровенно представляя доброе и похвальное при воспитании или вредное и хулы достойное, упомянем о таких злоупотреблениях, которым и они причастны. Однако предмет наш не есть тот, чтоб сокращать время нашим читателям или усыплять их во вредных предрассудках; но с искренним и чис-

тосердечным намерением стараемся мы сделать известною общепользную и нужную истину. Посему не можем мы заботиться о всем том и должны еще по совести избегать рачительно всего, могущего споспешествовать сну греховному, столь вредному во всяком пункте нравоучения.

Теперь, при конце первого отделения, повторим вкратце сказанное нами досель. В самом начале видели мы, что воспитание детей весьма важно как для государства, так и для всякой особенной фамилии; видели, что родители тройкою имеют обязанность воспитывать детей самым лучшим образом; притом представили как благодетельные следствия доброго воспитания, так и печальные следствия воспитания пренебреженного. Доказавши таким образом необходимость самого лучшего воспитания детей, старались узнать сперва вообще сие самолучшее воспитание. На сей конец старались сыскать то, какое последнее или главное намерение должны иметь родители при воспитании, или, другими словами сказать, какой есть всеобщий и последний предмет воспитания. Сие исследование сперва показало нам, что все особенные намерения, обыкновенно при воспитании бывающие и за главное дело почитаемые, не суть главное дело или главный предмет оногo. Оно показало нам, что сии суть посторонние дела, которые по обстоятельствам хотя и могут быть добрыми и похвальными, но как исполнение их не исчерпает еще родительской при воспитании должности, то не суть они главный предмет и, яко посторонние предметы, тогда только могут быть действительно хороши и похвальны, когда употребляются пристойно, то есть сходственно с обстоятельствами родителей и детей, и служат посредством ко главному предмету. Потом открылось нам из сего исследования, что последний главный предмет воспитания есть тот, чтоб «образовать детей своих счастливыми людьми и полезными гражданами». Сие положение признали мы всеобщим главным предметом воспитания и, рассуждая о воспитании как о науке, всеобщим и первым в оной правилом. О справедливости сего положения уверились мы, нашедши при исследовании его то, что оно исчерпает всю родительскую при воспитании детей должность и заключает в себе все главные части воспитания. Сих главных частей нашли мы три (физическое, нравственное и разумное воспитание) и узнали главное содержание каждой из них, или предмет их, и связь его с

главным предметом. Чрез сие стала нам известна обширность воспитания в первоначертании; причем также увидели мы, что сии три главные части воспитания и между собою столь же близкую имеют связь, сколь натурально проистекают они из помянутого главного предмета, или из первоначального положения.

Итак, из сказанного нами до сих пор не более сего только узнали мы о воспитании! В самом деле, это не много, а в сравнении с целым еще и мало. Взявши все вместе, не более еще узнали мы, как только необходимость, главный предмет и обширность воспитания: не знаем еще ничего о подлинном произведении оногo; ничего о том, чему вместе и особенно быть или чего избегать надлежит. И так бесспорно стоим мы еще только при входе. Но либо мы весьма обманываемся, либо всеобщие понятия, которые написали мы здесь наперед в порядке их и связи для проложения себе пути, могут большей части читателей наших быть весьма полезными. Они могут, по мнению нашему, не только объяснить и исправить вообще понятия о важном сем деле, но и довольно ясно показать единый путь, ведущий к цели. Они могут показать, что несправедливо делают все те родители, которые либо стараются образовать один только разум детей своих и пренебрегают столь нужное образование сердца; либо при образовании разума не рассуждают совсем о будущем вероятном определении детей; либо по нерачению или по худым обыкновениям при физическом воспитании воспитывают их нездоровыми; или, наконец, столь неискусно поступают при воспитании, что пренебрегают все существенное оногo, а стараются, напротив того, вперить в детей своих только такие познания и способности, которые, падая более всех прочих в глаза, ласкают собственной их суетности, но разум и сердце детей если сами собою не портят, то по крайней мере оставляют без всякого образования. В прочем могут сии всеобщие понятия истребить то заблуждение, будто можно хорошо воспитать детей своих и без знаний, без размышления и без многогo попечения. Они делают, напротив того, понятным то, что для сего дела, столь много объемлющего, столь многообразных требующего действий и столько лет продолжающегося, нужны не только некоторые знания, но и многогo внимание, многогo размышление и многогo осторожность, если надобно исполнить его хорошо. Наконец, могут предположенные здесь всеобщие рассуждения, а особливо разделе-

ние воспитания на три главные его части быть руководством, по которому можем мы удобнее расположить особенные правила оною, а читателям нашим удобнее будет найти их.

Но не можем еще мы последовать сему руководству, видя на пути нашем различные другие камни преткновения, вообще препятствующие воспитанию, так, как и помянутое неведение о важности, предмете и обширности доброго воспитания. И так потребно нам постараться отвратить в особливом отделении сии препятствия, прежде нежели приступим к собственному изъяснению особых частей воспитания.

О НЕКОТОРЫХ ГЛАВНЫХ ПРЕПЯТСТВИЯХ ДОБРОМУ ВОСПИТАНИЮ

Бывают при воспитании предметы, не составляющие самого воспитания, но принадлежащие только к распорядкам оною, однако имеющие превеликое влияние в образование детей, так, что становятся они действительными вспомогательными средствами или препятствиями доброду воспитанию, по доброду или худоду их расположению. Некоторые из них таковы, что влияние их в образование детей всякому видно или видно быть должно; другие ж, напротив того, кажутся столь отдаленными от существенности воспитания, что немногие усматривают связь их с оною или влияние их в образование детей; однако ж, несмотря на то, бывает оно велико и не подвержено сомнению.

Мы думаем, что по многим причинам полезно будет собрать все сии предметы в особенном отделении и поставить здесь наперед то, что имеем мы о том сказать, яко нужные предварительные познания о некоторых главных препятствиях воспитанию, хотя и могли бы мы о них говорить порознь при каждой главной части воспитания.

Вообще принадлежат сюда: 1) род жизни родителей, 2) внутреннее учреждение домостроительства, 3) поступки родительские с гофмейстерами и гофмейстеринами и, наконец, 4) выбор сих самых особ.

Итак, будем мы в настоящем отделении говорить о сих предметах и о связи их с воспитанием. Мы еще предварительно повторяем о них вообще, что все они вместе и порознь по доброду или худоду

обстоятельству их бывают вспомогательными средствами или препятствиями воспитанию.

Во-первых: род жизни родителей тогда бывает препятствием воспитанию, когда они либо преданы каким-нибудь грубым порокам, либо живут столь рассеянно и легкомысленно, что не имеют времени на полезное и образовательное с детьми своими обхождение. Ничто не действует в младых душах детских сильнее всеобщей власти примера, а между всеми другими примерами ничей другой в них не впечатлевается глубже и тверже примера родителей. Мы желаем, чтоб читатели наши глубоко вкоренили в сердца свои сие положение, подтвержденное опытом во все времена. Оно есть одна из великих истин, касающихся до воспитания, которые весьма полезны для всего нравственного образования детей и которых никогда не можно потерять из вида без великого вреда.

Родители должны быть детям почтеннее всех других особ, которых сии имеют случай видеть; ибо совершенная зависимость от родителей, чувствуемая ежедневно детьми весьма натурально, сама собою приводит их к сей должности, хотя бы родители не употребляли никакого к тому посредства, никакого наставления и увещания. Сие чувствование может утушено быть в детях чрезвычайно только и беспрерывно развращенным поведением родителей, и непочтение их к сим надежно можно почестъ неложным знаком весьма худого воспитания; столь натурально детям сие чувствование! Но посему сколь же натуральна и сила примера родительского во младых, всяким впечатлениям отверзтых сердцах детей! Того ради весьма удобно образовать детское сердце, если пример родителей хорош и нравоучителен; того ради опытом изведено, что бедные родители, не могущие употребить никакого или довольного иждивения на воспитание своих детей, часто воспитывают их лучшими людьми, нежели многие богатые и знатные. Но от того ж происходит и великая трудность или паче невозможность вкоренить в детей добродетельные склонности и способности, когда пример родителей ничего им не показывает, кроме грубейших или легчайших пороков. Где отец расточитель или картежник, где мать ведет распутную жизнь или где оба сребролюбивы, несправедливы, немилостивы и жестокосердны к ближнему, там умеренность, бережливость, целомудрие и супружеская верность, справедливость, человеколюбие и щедрость неизвестные суть для детей добродетели, и гофмейстеры и гофмейстерины

не воспрепятствуют им предаться еще в детстве тому либо другому из сих пороков, к которому лета их склоняют их будут. Однако мы пишем для просвещенного состояния людей; и так предположим лучше, что для таких грубых пороков не нужны наши напоминовения, а особливо когда опасность примера в сем случае всякому самому падает в глаза.

Но и кроме грубых пороков со стороны родителей бывает жизнь их препятствием воспитанию, если провождают они ее в таком рассеянии и легкомыслии, что никогда не упражняются ни в чем важном и не имеют времени на обхождение с детьми своими. Не нужно, чтоб родители всегда упражнялись в трудах или большую часть дня посвящали своим детям; ибо, бесспорно, могут они позволенным образом наслаждаться своим именем и состоянием без противности добродетели воспитанию. Но непременно нужно, чтоб все родители подавали детям своим пример полезного упражнения и никогда не были бы образцом пропания своей жизни или проведения ее в безделках и чтоб они хотя один час в день содействовали воспитанию своих детей приличным сему предмету с ними разговором. И так, если сын знает, что отец его на несколько часов в день занимается в кабинете своем важным чтением или письмом либо чем-нибудь иным; а дочь равным образом видит мать свою упражняющуюся в домостроительстве, пристойном рукоделии или тому подобном: то сего довольно уже для отвращения худого примера у таких родителей, которые содержат для детей гофмейстеров и гофмейстерин. Притом если родители, как сказано, хотя один час в день помогают гофмейстеру в воспитании сходственно с предметом и если гофмейстер искусен в своем деле, то может он удобно сделать безвредными прочие рассеяния жизни родителей, к которым их принуждает или прельщает их состояние. Напротив того, где время до полудня препровождается во сне или в безделках, а остаток дня за столом и за карточною игрою, там натурально бывает то, что дети получают отвращение от всякого важного упражнения, что они кушанье, питье, сон, убирание, визиты и карточную игру почитают определением человеков, или по крайней мере своим, и что им смешно кажется, когда гофмейстер хочет уговорить их к другому, несколько труднейшему. От сего происходит то, что утверждается в детях несчастливый тот характер, который особенно часто находится в молодых знатных людях; та сиб-

ритская нежность, расслабляющая человека, делающая его неспособным ко всякому славному делу и заставляющая его сугубо чувствовать всякое несчастье, всякое беспокойство в жизни; та лень, почитающая сон за высочайшее благо и унижающая состояние человеческого до скотского; та рассеянность, отвращающаяся от всякого важного и полезного упражнения, любящая только ненатуральное и маловажное, гоняющаяся всегда за радостями, однако не ведущая истинных радостей и таким образом ввергающая человека в дурачества и распутства, а особливо в несчастное пристрастие к карточной игре, которая разоряет фамилии. Если бы такие родители знали, сколь велика и чиста та радость, когда наблюдаешь молодые детские души по всем степеням их развития, испытываешь и управляешь их склонности, берешь участие в невинных их забавах и когда при некоторых случаях справедливо можешь сказать: этот бодрый, трудолюбивый мальчик, эта тихая, кроткая, прелестная девушка воспитана тобою! — тогда бы собственная склонность побудила сих родителей к частейшему обхождению с детьми своими и отвлекла бы их чрез то от рассеянной их жизни. Но как все сердце их занято искусными и шумными утехами большого света, то не знают они сего, то не в состоянии они чувствовать сии чистые натуральные утехи. И так должны они против склонности своей, по рассуждению и по родительской обязанности, по крайней мере переменить несколько жизнь свою; самый пример равных им состоянием бездетных людей не может их извинить, ибо родители беспрекословно более имеют причин располагать рачительно жизнь свою, нежели другие.

Во-вторых: внутреннее учреждение домостроительства тогда бывает препятствием воспитанию, когда оно не подает примера известных гражданских или общественных добродетелей, к которым собственно детей воспитывать надлежит. Всякое домостроительство есть небольшое правление, в котором дети могут видеть примеры разных отношений, разных дел, образа исполнения оных и пр. Сии примеры по доброте или худобе своей делают доброе или худое впечатление в детях; а сие впечатление бывает образовательно потому, что пример бывает неприменен, непрерывен и подкрепляем уважением родителей. Мы разумеем здесь наипаче порядок и чистоту. Порядок есть душа всех дел, облегчитель всех трудностей, споспешествователь разным удобствам и приятному

жизнию наслаждению и охранитель наш от многообразных до-сад. А чистота (во всей своей окружности) утончает вообще чувствования, возвышает красоту тела, споспешествует здоровью и делает человека приятным в обществах. Неопрятным человеком, а особливо женщиною, гнушаются общества, и он бывает всегда человек грубых чувств*. Итак, порядок и чистота суть два свойства, к которым собственно детей воспитывать надлежит. Сии свойства принадлежат также к обыкновеннейшим ежедневным делам, и потому всякое домостройство ежедневно показывает либо образец их, либо противность. Невозможно описать всех особенных случаев, при которых в домостройстве можно подать детям худой пример беспорядка и нечистоты; но нужно нам коснуться до некоторых из них, дабы можно было нас выразуметь и дабы возбудить внимание на некоторые беспорядки, почитаемые обыкновенно малостями. Здесь разумеем мы наипаче беспорядки, которые производят по большей части слуги, а господа либо по небрежению, либо по снисходительности, либо по ложной бережливости просматривают или еще и сами подают оным повод. Они оказываются во многообразных малостях исполнения домашних потребностей, услужения, присмотра за столом и т. д. Где во всех сих принадлежностях является порядок и чистота, где всякий приказ господ исполняется тщательно, всякая потребность доставляется в надлежащее время, где нет никакого недостатка и пр., там легко приучить и детей к порядку и чистоте, ибо они имеют ежедневно пред глазами подтвердительный пример. Напротив того, где слуга на всякий приказ отвечает: «тотчас», а исполняет его спустя два или три часа или совсем не исполняет, не бывая за то наказан; где дворецкий не прежде покупает дрова, как пока сгорят последние, и тем заставляет гофмейстера и детей полдня зябнуть; где лаксй чистит башмаки или сапоги молодого своего господина рукою и слюною, для того что щетку должен бы он купить на свои деньги; где при столе прислуживают мужики, причиняющие всякому благовоспитанному человеку омерзение; где дети вне дома ходят в драго-

---

* Есть книга о гнусных обычаях в Польше, под заглавием: «Орангутанг». Если половина того истина, что говорится в оной о польских госпожах, то никто не придет в искушение жениться на польской урожденке. Потому книга сия и другим женщинам может служить великим увещанием об опрятности.

ценных нарядных платьях, а дома в изорванных и запачканных; где постели детские скудны и нечисты; где пол или печь употребляется вместо кровати, а платье вместо одеяла, и т. п. и где, наконец, все сие не однажды только или дважды бывает, но издавна в обыкновении и родителями одобряется, — там можно ли надеяться, чтоб дети если не вообще лишены были всех тонких чувств, то по крайней мере порядок и чистоту не почитали весьма обходимыми и беспокойными добродетелями. Ибо сколь маловажны и низки ни кажутся упомянутые здесь вещи, однако известно, что нет ничего маловажного и низкого, что не споспешествовало бы или не препятствовало достижению великих предметов, и что в воспитании самые большие предметы достигаются чрез множество малых средств. И посему весьма несомненная и преползшая истина есть то, что воспитание подобно сложной машине, в которой составлены многие разные пружины и колеса, которым надобно приводить в движение одному другое, если должно воспоследовать потребное действие.

Третье: поступки родителей с гофмейстерами и гофмейстеринами бывают вспомогательными способами или препятствиями воспитанию, по тому, когда сии особы в своей службе родителями ободряются или подвергаются скуке, а детское к ним уважение либо споспешествуемо и подкрепляемо, либо ослабляемо и совсем истребляемо бывает. Препятствие воспитанию находится особенно в следующих трех случаях:

1. Когда родители не держат гофмейстерам и гофмейстеринам своего слова либо в плате договорных денег, либо в доставлении им прочих небольших потребностей.

2. Когда они по ложной и неблагородной бережливости не хотят доставлять им нужных принадлежностей, касающихся до наставления и воспитания.

3. Когда они презрительно обходятся с сими особами или слуг своих допускают презрительно с ними обходиться.

Рассуждая по нравоучению, первый случай есть не менее, как грубая несправедливость и действительная бесчестность; ибо он есть точно то, что Священное Писание называет *молотящего вола обортати*³⁰⁴. Гофмейстеры и гофмейстерины, поручая время свое и силы какой-нибудь фамилии, надеются на честь ее. Однако не довольно того, что сей поступок несправедлив и постыден; но и в рас-

суждении предмета воспитания весьма неблагоприятен: ибо сим особам приносит он неудовольствие и досаду, а чрез то вредит детям и самим родителям. Может быть, никакое дело не требует столь много доброй воли и такого непрерывного спокойствия души, как должность воспитателя и учителя. Без обоих сих свойств не может гофмейстер сделать того, что сделать ему надлежит. Хотя может он и без доброй воли и спокойствия души исполнять свою должность, ибо всякие должности могут отправляемы быть многоразличными образами: но, без сомнения, будет он во всем поступать худо. Не только наставление будет безуспешно, ибо в оном главное дело есть то, чтоб учение детям облегчить и сделать забавным, что без великого внимания и снисхождения учителя, так, как и сие без доброй его воли не возможно: но и образование сердца подвергнется опасности, ибо оно еще большего требует внимания, нежели учение, и еще более зависит от гофмейстера с детьми обхождения, нежели от его наставлений.

Но как же можно надеяться, чтоб гофмейстер удержал сии свойства, столь нужные для блага детей, и чтоб не возымел негодования и досады, когда сами родители столь мало доброй воли ему оказывают и строят или допускают строить ковы на первые неоспоримые его права? Чаше всего случается сие при тех небольших потребностях, исполнение которых зависит от дворецкого и от слуг. Невероятным коварствам и непристойностям подвержены при сем в некоторых домах гофмейстеры: либо должны они рачительно снискивать дружбу тех тварей, которую не могут приобрести иначе, как поя их всякий день водкою; либо не могут доставать удобно ни одной потребности. Мы видали контракты, в которых упомянуто было о самых маловажных безделках и положен об оных договор, для того что прежний гофмейстер, не употребивший сея (часто бесполезною бывающей) предосторожности, был их лишен. Поистине непонятно, как могут некоторые родители унизиться до столь же неблагоприятного, сколь и несправедливого поступка. Не можно извинить одного и тогда, когда худ гофмейстер; ибо худой гофмейстер без доброй воли станет воспитывать еще хуже; а что будет с детьми, когда он унижится до того подлого средства, которым может защититься от скупости или худого домостроительства господ? Если ж он честный и благородномыслящий человек, то такой с ним поступок есть самая грубая несправедливость, ибо он

никоим образом не заслуживает лишен быть своих потребностей и того, чтоб честь его отдана была на поругание слугам. Худых гофмейстеров надлежит родителям чем скорее тем лучше высылать из дому и скрытно нести наказание за то, что избрали худого человека. Но всем без изъятия, пока находятся они при детях, должно отдавать принадлежащее им добровольно, порядочно, без ругательства и без коварства.

Еще бывают поступки родительские с гофмейстером препятствием воспитанию тогда, когда родители отрекаются доставать нужные книги и другие орудия воспитания и наставления. Надлежало бы написать целую книгу, если б захотели мы исчислять все вредные следствия, производимые в некоторых домах худо выраженной бережливостию: здравие, порядок и чистота, воспитание детей, спокойствие домашних — все приносимо бывает на жертву сей безрассудной ложной бережливости. И так остановимся только при предлежащем нам теперь случае. Вред, происходящий от оногo, состоит в том, что гофмейстеру наносится досада и делается препятствие тому добру, которое могут и должны произвести требуемые гофмейстером орудия воспитания. Никакой художник или ремесленник не может ничего сделать без надобных ему орудий; и есть пословица: *ученик без книги, как солдат без ружья*. Однако в некоторых домах терпят гофмейстеры и в книгах недостаток. Грамматики и лексиконы почти одни признаются всеми за необходимые без противоречия. Не трудно вразумить некоторым родителям то, что нужны также книги, касающиеся до наук, и кроме сих всякого рода книги для чтения. Иные родители требуют даже того, чтоб гофмейстер покупал книги на свои деньги; или по крайней мере не могут понять, для чего трем детям не одна надобна грамматика и не один лексикон. Если ж еще требуются другие орудия кроме книг, например: эстампы, земные и небесные глобусы, математические инструменты и т. п., то такие родители неотменно полагают, что можно обойтись и без сих вещей или что гофмейстер должен достать их за свои деньги. Даже и тогда, когда надобны для употребления детям самые последние малости, как то: черная доска, письменный столик и т. п., отказывают гофмейстеру, почитая сии вещи обходимыми, или поручают купить их дворецкому; что обое равно бывает. Дворецкий, уверен будучи еще более господ своих о ненадобности сих вещей, либо совсем не исполняет приказания, либо исполняет его столь медлительно, что черная

доска и столик бывают куплены тогда уже, когда гофмейстер отстанет от того дома. Однако черная доска и крепкий, покойный письменный столик гораздо полезнее и нужнее двадцати других вещей в доме, которые стократно дороже: ибо на такой доске можно многое удобно объяснить детям, что иначе бывает трудно или совсем непонятно; а от писания за столом слишком высоким, или низким, или стоящим не твердо делаются дети нездоровыми. И так весьма несправедливо поступают родители, отказывая гофмейстеру и в таких малостях, требуемых им явно для пользы детей, и подвергая его притом шиканствам³⁰⁵ такого мужика, которому ни об одном деле гофмейстера судить надлежало бы не позволять. Не только такие малости, но и все, что гофмейстер для детей ни потребует, должны родители охотно и с приязнию ему доставлять по первому его слову и благодарить еще ему, что он печется о том, что к пользе детей служить может. Ибо в противном случае, без сомнения, покинет он сие попечение, будет пробавляться по желанию родителей и детей также оставит пробавляться как-нибудь в учении*.

Но гораздо обыкновеннейшим и важнейшим препятствием воспитанию бывают поступки родителей тогда, когда они презрительно с гофмейстером обходятся и слуг своих презрительно поступать с ним допускают ибо сие препятствует как учению, так и образованию сердца детей. Всякое образование, какое дети от гофмейстера получить могут, основывается на доверенности, которую они к нему имеют; а сия основывается на почтении, любви и уважении их к нему. Без сей доверенности не много может гофмейстер сделать с детьми. Ни наставления его, ни пример не произведут в них впечатления, потому что обое кажется им столько неважным, что не прилагают они к тому внимания; а выговоры его и наказания, не исправля их, раздражат только против его: ибо людям, наипаче ж детям, не свойственно принимать без ненависти и к исправлению своему хулу и наказания от непочитаемого и нелюбимого человека. И так почте-

---

* Сие пробавление вообще, принято будучи всеобщим правилом, есть весьма неблагоприятно и причиняет много вреда. Например, можно построить целый дом, не употребляя при том пилы. Но если топор будет заменять пилу, то не только пропадет над тем много времени, но еще рубкою по сплоченным же бревнам связи и сплоты так опять разобьются, что дом развалится десятью годами прежде, нежели как последовало бы сие при порядочной постройке. Не изрядная ли это бережливость?

ние, любовь и основанная на оных доверенность детей к гофмейстеру суть единственные подпоры всего добра, которое он детям сделать может. А родители опровергают сии подпоры, подкапывают совершенно основание всякого наставления и образования, обходясь презрительно с гофмейстером или допуская слуг презрительно с ним поступать. К кому дитя должно иметь почтение, того и отец и мать почитать должны. Сия истина столько же бессомненна, сколько и та, что все люди умереть должны. Но почтение их не в том состоит, чтоб оказывали они ему обыкновенную учтивость, а в том, чтоб поступали они с ним как с высокоценным другом их фамилии, чтоб они при детях своих никогда презрительно о нем не рассуждали, чтоб не требовали они от него такой униженной покорности, как от домашнего официанта или лакея, и чтоб они не позволяли сим людям никаких презрительных оказывать к нему поступок (которых бесчисленные примеры не возможно нам здесь исчислить). Дитя весьма удобно различает модное притворство обыкновенной учтивости от действительного почтения: оно не слушает увещаний гофмейстера и бывает упорно против его выговоров, как скоро приметит, что родители его презирают или что более уважают они дядьку и дворецкого, нежели его. Но при всем том в некоторых домах сии люди бывают судьями гофмейстеров, и от их приговора зависят все господские с сими поступки!

Но если гофмейстер не такой человек, с которым бы можно было поступать почтительно, так, как с другом фамилии? Мы отвечаем на сие: должно его оставить, а при выборе нового наблюдать то, что мы скажем теперь о избрании гофмейстеров.

Что худой гофмейстер великим бывает препятствием воспитанию, сие, по мнению нашему, столь же удобно усмотреть, как и то, что злая жена великим бывает препятствием домашнему благополучию. Однако никто отрицать не будет, что еще и ныне множество худых людей скитаются по здешним странам под сим именем. Необходимость учиться чужим языкам и не довольное число добрых собственных учителей принуждали родителей давать гофмейстерам великую плату; а сия привлекла в отечество наше множество чужеземцев, которые во всю жизнь свою и не помышляли о воспитании и наставлении детей, а еще менее читали нужные к тому книги, которые сами воспитаны были весьма худо и в отечестве своем питались самыми низкими ремеслами; но здесь все они принимаются за вос-

питание юношества, и некоторые знатную за то получают плату*³⁰⁶. Бесспорно привлекло сие в отечество наше и многих добрых людей; однако число худых и поныне еще гораздо превосходит число добрых, и потому весьма еще трудно выбрать доброго гофмейстера. Все сие известно родителям; однако ж многие поступают при выборе гофмейстеров для детей своих столь легкомысленно, что принимают оных даже без университетского экзамена, по которому могли бы они по крайней мере увериться в том, что выбирают не совсем неспособного к толь важному делу человека. Особливо два предрассуждения приводят родителей в заблуждение при выборе гофмейстеров. Первое из оных то, что они требуют непременно такого гофмейстера, который бы совершенно исправно и чисто говорил по-французски; а другое то, что воображают они, будто всякий урожденный француз имеет сие главное, по мнению их, свойство доброго гофмейстера. Обое суть предрассуждения, и весьма вредные, ибо от них дети часто впадают в руки самых худых людей. По необходимости французского языка не можно опорочить родителей в том, что требуют они от гофмейстеров знания оного; однако если гофмейстер, имея основательное и философическое знание языка, не совсем неправильно произносит и если притом другие нужные знания и свойства доброго гофмейстера ему не чужды: то крайняя тонкость и правильность произношения бывают тогда весьма маловажны, и родителям не должно на них смотреть. Ибо как гофмейстер, так и дети могут исправить выговор свой в светском обхождении; а при прочих свойствах доброго гофмейстера недостаток совершенно хорошего

---

* Для показания читателям нашим, что не одни мы так рассуждаем и что зло сие известно уже и в Германии, хотим мы выписать здесь одно место, могущее и с другой стороны быть полезно: «Если спросишь в Петербурге или в Москве французского парикмахера, что хочет начать он за 400 или 600 рублей с тем молодым господином, к которому принят он гофмейстером, то отвечает он, что хочет ему *ouvrir l'esprit et former le coeur*. Это известный хвастовской его ответ, выкраденный им откуда-нибудь; но в дальнейшее оного раздробление он не впускается. Да еще трудно и вразумить ему то, что раздробление сие полезно и нужно. Надлежит сперва неприметно представить ему понятия: *perruque, friser, cheveux* и потом изъяснить по аналогии, что к действительному решению всякой практической задачи, до чего бы она ни касалась, до сделания ли парика или до открытия духа, потребно множество специальных правил, которые все должно знать для произведения их в действо (см. Versuch über den Kinder-Unterricht, S. 229, т. е. «Опыт о наставлении детей»).

на французском языке произношения есть такая малость, что неразумно оставлять для одного в прочем исправного гофмейстера. Менее всех должны стараться о том такие родители, которые либо сами чисто и правильно говорят по-французски и, следовательно, могут сами научить тому детей своих, либо живут в таких городах, где находятся особенные хорошие французского языка учителя.

Но весьма смешно, если родители воображают себе, будто надлежит только быть урожденным французом, дабы разуместь и говорить хорошо на сем языке. И во Франции, так же как и в других землях, чернь говорит худо своим языком, а разумеет его еще хуже: ибо знание всякого языка получается только из книг, а исправное произношение из обращения в хорошем сообществе; а обое сие не есть дело черни. И так находятся и между французами люди, говорящие своим языком столько же худо, как и здешние простолюдины говорят по-русски. Учитель, произносящий на сем языке совершенно хорошо, не может еще по тому быть хорошим одного учителем, а еще менее гофмейстером: ибо для первого потребно основательное и ученое знание языка, а к последнему принадлежат еще другие познания и свойства, которых худовоспитанные и неученые люди не имеют.

Родители, знающие истинную пользу свою при выборе гофмейстера, наипаче должны пещись о следующем и стараться сколько возможно изведать:

- 1) правильно ли и чисто он рассуждает;
  - 2) имеет ли он столько гибкости и уклонности в своем характере, чтоб поступать с детьми сообразно летам их (без ребячества в себе самом);
  - 3) добронравный ли он человек по крайней мере вообще;
  - 4) имеет ли он ясное и основательное (а не глубокое и пространное) знание тех языков и наук, которым обучать должен;
  - 5) может ли выговор его на тех языках быть по крайней мере сносен, то есть не быть преткновением и препятствием для детей;
  - 6) может ли наружное поведение его служить образцом детям.
- Вот главные свойства доброго гофмейстера, а не те, чтоб был он урожденный француз или чтоб имел крайнюю тонкость и исправность в произношении: ибо с обоими последними качествами можно быть худым гофмейстером.

Но все свойства сии вкупе, может быть, гораздо реже находятся в здешних гофмейстерах, нежели хорошее произношение фран-

цузского языка. И так спрашивается: что надлежит делать родителям? Выписывать из чужих стран гофмейстера; не всякая фамилия имеет довольно на то достатка и случая; и часто по приезде выпитого гофмейстера оказывается, что в собственном отечестве можно было найти лучшего. Также бывает в сем случае то великое неудобство, что гофмейстер совсем не разумеет здешнего языка и не знает нравов и обычаев здешней нации. Сие неудобство столь важно для образования детей, что мы советовали бы всякой фамилии в таком случае содержать гофмейстера целый год вне своего дома и не требовать от него за то ничего более, кроме того, чтоб учился он здешнему языку; ибо, не зная оного, бесспорно испортит он детей в один год более, нежели сколько в три года потом исправить их может.

Итак, при сих обстоятельствах бесспорно трудно найти хороших гофмейстеров. Но не возможно ли отвратить сию трудность? Не можно ли из самой здешней нации воспитать достойных домашних учителей и гофмейстеров? Разве хотим мы вечно оставлять воспитание детей наших чужестранцам? Знающему российский язык известно, что оный все язычные у человека органы обделывает так, что россиянину не трудно научиться совершенно французскому и немецкому языкам, если он захочет. Сие подтверждаемо и опытом; ибо все наши единоземцы, имевшие некоторый случай учиться из обхождения сим языкам, говорят на оных весьма исправно. Следовательно, необходимость французского и немецкого языков не препятствует нам иметь собственных достойных домашних учителей и гофмейстеров, и еще тем более, что в столичных городах премногие находятся случаи научиться основательно обоим сим языкам и привыкнуть к правильному произношению оных чрез обхождение. Итак, отчего происходит то, что не имеем мы еще собственных хороших гофмейстеров, а должны исправлять сию должность чужестранцы?

По справедливости происходит сие от двух малостей, которые можем мы отвергнуть, как скоро захотим; они суть следующие:

Во-первых, что учащееся юношество не имеет случая посещать хорошие дома и в оных образоваться к гофмейстерскому состоянию.

Во-вторых, что самое гофмейстерское состояние если не презираемо, то по крайней мере не столько уважаемо, сколько оно заслуживает и сколько должно быть уважаемо, если надлежит произойти

достойным гофмейстерам из собственной нашей нации и сделать чужестранцев ненужными.

Юношество наше может учиться всем языкам и всем наукам, нужным гофмейстеру: для сего в обоих столичных городах здешних преизрядные находятся заведения. Но во всех училищах, семинариях и университетах не может молодой человек научиться тому поведению, которое для гофмейстера нужнее еще языков и наук. Сие может он приобрести, имея случай часто видеть и посещать общества благовоспитанных людей; ибо один только свет и обхождение вообще образуют человека, и особенно должны образовать того, кому других образовать надлежит. Но откуда должно учащееся наше юношество получать сей случай, когда дома благородных людей для его затворены? Молодые люди, имеющие в самой фамилии своей случай образоваться чрез обхождение с благовоспитанными людьми, не принимают гофмейстерских мест; а принимающие такие места живут либо дома в фамилиях, не имеющих такого обхождения, либо в семинариях и в единообразии академической жизни, в которой может образоваться ученый человек, но не гофмейстер. Итак, если тому классу людей, который определяется для частных учителей и гофмейстеров, надлежит иметь случай к сему толь нужному образованию, то должен патриотизм вспомоществовать законодательной власти, то богатые и знатные люди должны отворить дома свои учащемуся юношеству, допускать их к своим столам и забавам и чрез то подавать им случай к тому образованию, которого не может дать публичное воспитание.

Но дабы образованные таким образом молодые люди возымели охоту принять на себя то звание, к которому они способны стали, и не предпочесть ему иных должностей, то нужно отвергнуть то презрение, в каком доселе, по-видимому, находится гофмейстерское состояние, и дать ему тот степень почтения, который оно заслуживает. Если бы знатнейшие люди нашей нации приняли первое наше предложение отверзти дома свои учащемуся юношеству, то чрез сие нанесен бы был первый удар тому весьма неразумному предрассуждению о людях, пекущихся о столь важном для народа и для особенных фамилий деле, каково есть воспитание детей. Но для совершенного истребления сего предрассудка или для оставления его одной черни потребно, чтоб знатные люди особенно старались сделать гофмейстерское состояние почтенным; чтоб они сего ради обходились ува-

жительно со всяким искусным и честным гофмейстером, а поступающих противным образом презирали бы самих; чтобы опровергли с увещанием всякое несправедливое мнение о состоянии и достоинстве гофмейстера и чрез то распространяли бы между народом великую и нужную ту истину, что просвещенный и честный человек, воспитывающий хорошо детей какой-либо фамилии, много споспешествует общественному благу и без чинов и титулов весьма достоин почтения и уважения.

Сим образом чрез несколько времени может перемениться несчастливое положение, в каком находятся ныне родители в рассуждении гофмейстеров. Учащееся юношество получит от того случай образоваться к гофмейстерскому состоянию и в светском обращении, а молодые люди, образованные таким образом, не усомнятся посвятить себя состоянию, представляющему им честь и довольное пропитание. Чрез сие получит нация наша в короткое время достойных собственных гофмейстеров; а сии если не всех иностранных гофмейстеров сделают ненужными, то по крайней мере вытеснят худых и принудят их возвратиться к подлинному своему званию.

Сим заключаем мы отделение о всеобщих главных препятствиях воспитанию и купно с оным всеобщие предварительные напоминания к нашему предмету. Если мы не обманываемся, то предварительными сими нужными познаниями привели мы читателей наших в состояние с проницанием и уверением употреблять особенные правила воспитания, которые предложим мы теперь по определенным трем главным оною частям. Также если желание соотечественников наших воспитывать детей своих самолучшим образом соразмерно доброй воле нашей споспешествовать сему, то смеем мы надеяться, что сказанное нами доселе и то, что скажем впредь, будет не проповедь в пустыне, но слово благословения, произнесенное в надлежащее время.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ О ТЕЛЕСНОМ ИЛИ ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

Сократ, мудрейший из всех язычников, увидев некогда мальчика, весьма шалящего, сказал провождавшим его друзьям: сего мальчика родил отец пьяный. Согласно с Сократом думали великие врачи во

все времена: и так предположили мы сии слова доброго Сократа для тех, которые захотят их заметить; но не будем мы изъясняться о них более, ибо то здесь неприлично. Также и завело бы то нас слишком далеко, если б захотели мы начать говорить о физическом воспитании с сего пункта; хотя известно, что как при оном, так особенно во время беременности матери многое произойти может, имеющее влияние в детское здоровье*. По той же причине не можем мы странно доказывать, но не можем также оставить без напоминания, сколь нужно ввести в отечество наше большее знание науки повивальных бабок. Ибо невероятно, сколь велико неведение и упрямое ослепление народа, какие вредные обычаи употребительны при сем искусстве, сколько детей ежегодно от того бывает изуродовано и сколько матерей умирает.

Однако, как сказано, и сие не принадлежит к нашему плану и потому не терпит дальнейшего здесь исследования. По рождении начинается воспитание; и так имеем мы дело только до рожденных уже и неизуродованных детей, то есть до таких тварей, которые и в лучшем своем состоянии выходят на свет бессильнее и беспомощнее всякого другого животного и которых благоразумное только попечение взрослых людей может сделать тем, чем быть они определены.

Пища и питье, сон и одежда суть всеобщие потребности человеческие, следовательно, и детские. Дети не могут удовлетворить ни одной из сих потребностей без помощи взрослых людей, ни одна телесная их сила не может развиваться без способствия и содействия сих. Сия помощь и содействие сие есть предмет того, что называется телесным или физическим воспитанием и чего никакие родители совсем не упускают. Но поступки их при том столь же различны, сколь различны в прочем их знания и образы жизни и мыслей; а от сих поступков зависит все телесное образование детей. И так потребны здесь те правила и предписания, которые опытом и искусством доселе за лучшие выдаваемы были.

С той самой минуты, как дитя родится, должно пещись о том, чтоб не связывать его тесно, не должно употреблять головных пе-

---

* Кто хочет обстоятельнее получить о том сведение, тому рекомендуем мы читать на немецком языке преизрядную небольшую книжку г. Цукерта о том, как надлежит поступать беременным и кормящим детей грудью женщинам. Желательно, чтоб книжка сия была переведена на российский язык и напечатана.

ревязок, подушек и пр., но мягкие и широкие пеленки, которые всем членам его оставляли бы свободу и не были бы ни столь тяжелы, чтоб удерживать в принуждении все его движения, ни столь теплы, чтоб причинять ему ненатуральный пот и горячку. Дитя по толь долгом согбении необходимо желает протягивать и двигать свои члены, которых бездейственность и принуждение препятствуют обращению крови и соков и не допускают младенца укрепляться и расти. Связанное дитя, стараясь освободиться, всеми силами коверкает свои ноги, от чего происходят повихнутия, переломы и повреждения членов. Разные сыпи, столь обыкновенные у младенцев, суть также следствия ненатурального сего принуждения. Оно имеет даже влияние и во нрав детский, ибо первое чувствование младенца бывает от того чувствование болезни и муки, которое купно с чувствованием препятствия всем его движениям посевае в нем семена гнева. Обыкновенно опасаются того, чтоб дети, будучи свободны, не принимали таких положений и не делали таких движений, которые могут быть опасны хорошему образованию их членов. Но опасение сие неосновательно. Натура не дает детям столько силы, чтоб могли они опасные делать движения; а когда принимают они насильственные положения, то боль принуждает их скоро переменять оные. Опыт подтверждает также, что сие свободное движение детей по крайней мере не опасно и что, напротив того, от перевязок и крепких пеленаний гораздо чаще портятся у детей члены.

Лежать младенцу надлежит в колыбели, и не надобно класть под него больше постилок, нежели сколько потребно для содержания его в умеренной теплоте. Русо и некоторые другие совсем отвергали колыбели, а советовали употреблять вместо оных коробки. Но побуждены они были к тому одним только злоупотреблением колыбелей. Когда либо колыбель неискусно сделана, так, что движение ее тяжело, тряско и производит скрип; либо когда качание употребляется к тому, чтоб усыпить детей, которым тесные пеленки, великий жар, голод, жажда, нечистота или другой какой-нибудь боль не дают спать; тогда, бесспорно, качание бывает весьма вредно. Но кроме того и вообще есть оно весьма свойственное детям и здоровое движение; и все зависит только от пристойного употребления. Чем тише и ровнее движение колыбели, тем лучше для младенца; и посему те колыбели суть самые лучшие, которые, сделаны будучи наподобие под-

линных кроватей, качаются на двух железных крюках, а те суть самые худшие, которые прикреплены непосредственно к самому потолку комнаты и притом сделаны грубо и тяжелы. Завешивая колыбель, надлежит наблюдать, чтоб занавес был по крайней мере на три четверти аршина от головы младенца, и не закрывать колыбель так, чтоб не могло проходить в нее извне несколько воздуха, которой бы освежал, очищал и делал удобным для дыхания внутренний воздух. Сему предполагается то, чтоб и самый внешний воздух в комнате был чист; и для того все портящее его должно быть удалено от детской комнаты, и ежедневно надлежит впускать в оную свежий воздух чрез отворенное окно или дверь. Детская комната не должна быть столовою комнатою, ниже для кормилицы; наипаче ж нужно, чтоб не бывало в ней много людей или чтоб не вношены были туда горящие угли либо другие вещи, вредные пары производящие; ибо все сие делает нечистым воздух, который и сам собою портится, если не ежедневно бывает освежаем. Весьма вредно обыкновение некоторых матерей и кормилиц класть ночью детей с собою на постелю; ибо, кроме опасности задушить их во сне, чему частые случаются примеры, причиняет сие младенцам сухотку и другие болезни, для того что тело матери или кормилицы привлекает в себя тончайшие части тела детского.

В рассуждении пищи младенца матернее молоко должно предпочтено быть всякому другому, если особливые, какие-нибудь обстоятельства не делают исключения из сего всеобщего правила. Молоко в грудях матери есть столь явное повеление природы кормить оным младенца, что не можно его не познать, и удобно усмотреть, что те соки, из которых произросло дитя, и впредь должны ему быть самою пристойнейшею и здоровейшею пищею, доколе соки сии сами здоровы. Если ж, напротив того, мать больна или с природы слаба или если не имеет она довольно молока, то должно стараться о пропитании младенца другим образом, а не приводить мать и дитя в опасность упрямым и неразумным последованием всеобщему правилу. Во всех сих случаях или вообще когда мать не может либо не хочет кормить сама своего младенца, надлежит сыскать для него недавно разрешившуюся от бремени кормилицу. Ибо натура у всех женщин переменяет густоту молока по возрасту младенцев; и для новорожденного младенца весьма нужно, чтоб первая пища его была молоко, которое не было бы ему отяготительно и имело бы в себе

силу очищать его внутренности; а обое сие находится в молоке недавно разрешившихся от бремени женщин.

Кроме сего нужного свойства доброй кормилицы, должна она быть здорова телом и душою, то есть надлежит ей не иметь никакой болезни и не быть преданной некоторым порокам и сильным страстям. Кормилица, преданная похотливости или пьянству или склонная к злобе и гневу, опасна для младенца, ибо чрезмерность страстей портит ее молоко и препятствует ей поступать с младенцем с тою рачительностпю, терпеливостию, кротостию и осторожностию, какой требует беспомощное его состояние. Хотя и должно кормилице питаться лучшими ествами и жить спокойнее, нежели прежде, однако не должна она переменять совсем обыкновенного своего рода жизни, потому что всякая скорая перемена жизни вредна. Кормилице не нужно есть много мяса, дабы много иметь молока. Также полезен матери или кормилице некоторый порядок в кормлении младенца грудью; а дитя удобно к оному приучить можно, давая ему довольно сосать и не стараясь утишать всякий крик его кормлением.

Если мать сама не может или не хочет кормить дитя и если нет доброй кормилицы, то две трети воды и одна треть молока от здоровой, хорошо кормленной и ежели возможно всегда от одной коровы суть самая лучшая для младенца пища. Но как сию пищу всегда надлежит наперед подогреть, то должно стараться, чтоб не была она слишком горяча, причем удобно ошибиться можно не думая о том, что язык и гортань младенческие гораздо чувствительнее наших. Впоследствии, когда уже сварительные силы младенца увеличатся, тогда можно переменить сию меру и давать ему две трети молока с одною третью воды; но притом всегда должно стараться, чтоб молоко сие было от здоровой, хорошо кормленной и от той же коровы. На сей конец полезно держать корову дома и рачительно велеть надсматривать над ее кормом. Сие и ту еще имеет пользу, что по обстоятельствам младенца можно сделать молоко лекарственным, кормя корову лекарственными травами, причем, однако, всегда должно советоваться с лекарем.

Когда крепость и твердость волокон в детском теле мало-помалу прибавятся и купно с тем желудок больше получит силы к сварению пищи, тогда молоко не может служить к пропитанию младенца в прежней мере. И так дитя, питавшееся довольно время матерним молоком, должно от оногo быть отучаемо к употреблению крепчай-

шей пищи. Но при сем спрашивается: в какое время и в каком возрасте надлежит отнимать дитя от груди? Несправедливо определяется сие время по тому, когда у матери недостает молока или когда начнет она чувствовать тягость. Некоторые матери, будучи совсем неспособны к кормлению детей, по худо выразуменным правилам или из своемыслия принимают на себя сие дело; такие женщины чрез немногие месяцы либо чувствуют недостаток молока, либо претерпевают опасные болезни. Хотя сии обстоятельства и позволяют им перестать кормить детей, но непростительно бы поступили они, лишивши младенцев своих совсем молока и захотевши давать им крепчайшую пищу и тогда, когда бы уже оным более 6 месяцев от рождения было. Ибо и в сем возрасте дитя еще столько слабо, желудок его столько бессилен, а волокны столь мягки, что не может оно сносить крепчайшую пищу. Такое преждевременное отнятие от груди приготовляет бедному младенцу путь к неизбежной смерти. Напротив того, опыт также доказывает, что дети, питающиеся матерним молоком чрез долгое время, не бывают от того сильнее и здоровее отнимаемых от груди в надлежащее время; да еще великое множество молока, употребляемого укрепившимся и довольно взросшим младенцем, которое нередко портится в желудке и вредит телу, также дурное оного свойство, происходящее от долгого слишком кормления младенца, причиняют часто болезни, которым бы не подвергнулось дитя, если б не поздно было отнято от груди. И так по изобилию или по недостатку молока у матери не можно определить надлежащее время отнятия младенца от груди, и обое вредно, если отнимется дитя либо слишком рано, либо слишком поздно.

Надежнейший признак надлежащего времени отнятия детей от груди есть тот, когда дитя здорово, когда кости и тело его довольно укрепится и когда имеет уже оно много зубов. По большей части бывают младенцы в таком состоянии чрез двенадцать месяцев, и того ради сие время по справедливости можно почесть обыкновенным временем отнятия от груди. Некоторые дети и после осми месяцев в толь добром находятся состоянии, что без всякого вреда можно отучать их от груди; а некоторым, напротив того, потребно на сие пятнадцать или осмнадцать месяцев, иным же и целые два года, но только весьма немногим, и только слабым и недужным. Но все сии исключения подтверждают определенное по свойству младенца правило и в рассуждении точнейшего определения времени показы-

вают только то, что без нужды и без явного знака от природы никакого младенца не должно отнимать от груди прежде десяти месяцев или, без противного знака, не давать ему сосать долее пятнадцати или осмнадцати месяцев; но при последнем надлежит быть уверену, что слабость младенца происходит не от худобы молока.

Во время кормления младенца грудью еще примечать должно:

- 1) чтоб содержать дитя всегда в чистоте;
- 2) чтоб давать ему часто наслаждаться свежим воздухом, не подвергая его при том острым ветрам, великой стуже и влажной погоде;
- 3) чтоб не принуждать его к лежанию и сну, а носить прилежно и в спокойном положении;
- 4) стараться способствовать вырезу зубов не слоновою костью, волчьим зубом и тому подобными твердыми вещами, от которых пухнет и твердеет околозубное тело, но жеванием хлебной корки;
- 5) чтоб за несколько дней до отнятия младенца от груди допускать его реже сосать и давать ему другую пищу, дабы предуготовить его к совершенной отвычке от матернего молока, столь для него неприятной.

Самое отучение сие производится так, что либо отнимают только дитя от груди, причем должно не показывать ему более ту женщину, которая его кормила; либо делают ему противным сосание, намазывая кормилицы груди вещами дурного запаха и вкуса, как то: польным соком, желчью, чесноком и т. п., что возбуждает отвращение от сосания. Последний способ есть самый лучший, ибо одно отдаление кормилицы недостаточно для истребления во младенце охоты к матернему молоку и потому, что матери натурально неохотно отстают от детей либо и отстать не могут. Но весьма нужно для отучения младенца, чтоб мать оставила все безвременное сожаление и, не трогаясь плачем и криком младенца, не допускала бы его опять ко груди. Ибо в противном случае глотает дитя молоко столь скоро и в таком множестве, что может подавиться или могут произойти весьма худые приключения. Сверх сего такая безвременная нежность затрудняет только более отнятие его потом от груди.

По отнятии надобно заменять отнятую у младенца пищу другою, пристойною ему. Удобно усмотреть, что выбор пищи при том важен; ибо различность есть великое имеет действие и в теле взрослых людей. И так весьма нужно знать, какая пища отнятому от груди младенцу пристойна и какая вредна; а упомянуть здесь о сем нужно потому,

что весьма многие кушанья отвергаются врачами, яко весьма вредные, но матерями и кормилицами почитаемы за пристойные или по крайней мере безвредные.

Все грубые и жирные кушанья, также все кислые и горячие вредны детям: первые потому, что для подания доброго питательного сока требуют гораздо большей силы сварения, нежели какую детский желудок имеет; а последние потому, что, действуя весьма сильно, могут повредить нежную внутренность младенца.

Сего правила одного довольно бы было для определения детской диеты, если б только всем известно было, какие кушанья принадлежат к означенным в оном. Но сие можно предположить по крайней мере только о кислых и жирных кушаньях, ибо вкус их различает, а не о грубых и горячих; ибо врачи подразумевают под сими и такие кушанья, о которых матери и кормилицы и не думают, чтоб могли они быть вредны. И так упомянем мы здесь о всех кушаньях, запрещенных лучшими врачами.

Грубые и потому детям вредные кушанья суть: все суровые мучные кушанья, как то: супы, каши, пироги (выключая делаемых из такого теста, которое рассыпается во рту, без всяких приправ или с немногими и слабыми приправами. Таковы суть: бисквит, кофейный хлеб и миндальные пироги). Еще ко грубым кушаньям относятся: большие и жирные рыбы, яйца, сыр и масло, а особливо когда последнее не совсем свежее; всякого рода конфекты; всякие огородные и полевые плоды, как то: горох, бобы, чечевица, пшено сарацинское, некоторые крупы, земляные яблоки, репа, пастернак и т. п.; равным образом всякие травы: капуста, также цветная капуста, спинат, салат и пр.

Горячие и потому вредные детям кушанья суть: все кушанья, приправленные пряными зельями, какого бы рода сии ни были; мясные кушанья, а особливо дичина; все мясные похлебки, а особливо весьма питательные.

Кроме всех упомянутых кушаньев, еще вредны детям все неваренные овощи, конфекты, сырой сахар, а особливо крашенные сахарные товары, миндаль, орехи, изюм и другие такие лакомства.

Сия довольно долгая роспись, может быть, многим смешною покажется; однако ничего из нее выключить не можно: все означенные в ней кушанья вредны детям либо потому, что наполняют желудок детский нечистотами и портят кровь, либо потому, что

разжигают кровь, иссушают соки и портят внутренность и крепкие части у детей. В сем должны читатели наши поверить нам и искусным врачам, по словам которых мы здесь пишем; а если бы надлежало нам доказывать вышеупомянутое почасти из свойства всякого кушанья, то написали бы мы пространную книгу. О некоторых ествах удобно им будет поверить, для того что непристойность оных для детей очевидна; но некоторые гораздо труднее будет почесть непригодными для детей, а именно все вещи, до лакомства касающиеся. Однако мы сказали уже, что последуем в том врачам; а для лучшего о сем уверения сообщаем теперь собственные слова одного из них. «Сии деликатные кушанья, — пишет Цукерт, — принадлежат также ко грубым и вредным, как и вышеупомянутые; и еще опаснее оных потому, что приятным своим вкусом побуждают к частому и излишнему собою наслаждению. Однако почитаются они столь обыкновенною пищею знатных детей, что за непристойность и скудость признано было бы отнятие их у детей. Сия мода столь усилилась, что врачи и некоторые благоразумные родители едва осмеливаются противоречить ей».

Причины вредности лакомств суть следующие: по большей части пирожное делается из пшеничного теста, которое либо киснет посредством дрожжей, либо совсем бывает некислое и смешивается со множеством масла, яиц и разных других вещей. Пшеничное же тесто имеет в себе более всех твердости и клейкости, которые хотя кислоту и мешанием несколько разбиваются, делаются тонее и способнее ко сварению в желудке, но большая часть твердости остается, ибо пшеничное тесто не много кислоты в себя принимает. Следовательно, пирожное несваримо для детского желудка; оно причиняет надутие ветров, дает вообще грубую и крепкую пищу и наполняет желудок множеством нечистоты.

Сии худые действия еще скорее происходят от пирогов, делаемых из пресного теста. Кроме сего масло, мешаемое в их, весьма легко производит в желудке остроту и гнилость и причиняет возгорение в шее и в желудке и судорожные припадки в чувствительной внутренности детской.

Таким же образом и еще более вредят конфекты, потому что все они вообще клейки, тверды и довольно несваримы. Краски, которыми раскрашиваются некоторые роды конфектов, суть весьма неразумное изобретение, ибо они содержат в себе вредную остроту и по-

тому повреждают нежную внутренность младенца, хотя и в малом употребляются количестве.

Древесные плоды хотя и никому не вредны, если употребляемы бывают совершенно зрелые и с умеренностию, но как содержат они в себе много воздуха, то грубы для слабого детского желудка и причиняют ему резь. Обсахаренные плоды вредны своею твердостью и клейкостью, а сушеные и печеные совсем несваримы.

О мясных кушаньях пишет Цукерт, что как самое мясо, так и питательные мясные похлебки разжигают кровь и чрез то скупают соки и иссушают волокны; а сие препятствует телу детскому расти и подвергает его горячим болезням. Также не годится мясо для детей и потому, что детям вообще не должно есть ничего такого, чего не могут они порядочно разжевать; а к сему зубы двухлетнего, иногда ж и трехлетнего младенца не довольно еще крепки. Но если мясные похлебки не весьма питательны и зубы у младенца все уже вырезались, то можно такие похлебки принимать в число его кушаний для перемены, а иногда давать ему понемногу и уваренного нежного мяса, как то телятины и т. под.

Но чем же питаться детям, когда столь многие кушанья им употреблять не должно? В самом деле, после столь обширного исчисления запрещенных кушаний остается мало таких, которые бы могли быть употребляемы. Но мы хотели только сказать, что пища детская должна быть не испорченная приправами, а простая и натуральная, как то пристойно детскому здоровью и слабым силам сварения. При исчислении вредных для младенца кушаний не упомянули мы о хлебе и молоке.

«Хлеб и молоко, — пишет Цукерт, — суть самая простая и лучшая пища, в небольшом количестве весьма сытная и укрепляющая тело». И так, следуя лучшим врачам, полагаю я хлеб и молоко в число лучших и приятнейших кушаний для детей сего возраста. Молоко дается детям либо одно, либо смешанное с жидким овсяным отваром или с ячменного водою; также делается из него и из некоторого количества хлеба кашица или суп. Каким бы ни было образом приготовленное молоко пристойно и полезно детям каждого возраста, кроме того случая, когда бывают они больны; но не должно оно быть слишком жирно и переварено, также и не слишком водяно. В болезнях, происходящих от прокисшего в желудке и в кишках молока, не должно детей оным кормить, если не хочешь подкрепить и умно-

жить причину сих болезней. Сия предосторожность весьма нужна при рези в животе, при несварении желудка и при других подобных болезнях; однакож по большей части пренебрегается. В таких случаях надлежит сделать исключение из общего правила и заменять молочные кушанья хлебным супом, жидкими мясными похлебками и овсяным отваром.

В рассуждении хлеба также должно наблюдать выбор. Для сварения черного или грубого хлеба потребен крепкий желудок, и потому оный слишком тяжел для детей сего возраста. Но если он хорошо выпечен, то можно употреблять его, а особливо корку, в супы. Один пшеничный хлеб не годится потому, что, не имея довольно кислоты, содержит в себе много сырой муки. Иногда можно безвредно давать детям калача и сухарей, однако чтоб в последних не было грубого сахара. Самый лучший хлеб есть состоящий из смешения пшеничной и ржаной муки. Но должно смотреть, чтоб не вмешивать в хлеб ячменной муки, ибо ячмень надувает желудок и производит много нечистоты.

Иногда можно давать детям уваренное коренье, как то петерсилию и сахарный корень³⁰⁷, чтоб они их жевали, высасывали из них сок, а волокнистую часть опять выплевывали. Через сие не только действительно питательные части входят в кровь, но также умягчается околозубное мясо и весьма облегчается вырез коренных зубов. Когда дитя начнет хорошо жевать, то можно давать ему понемногу сушеной рыбы, выбравши наперед из нее рачительно кости.

Сими кушаньями, говорит Цукерт, может довольствоваться малое дитя; и в самом деле, кажется, что они пристойны и достаточны, а особливо когда позволяютя между оными и некоторые лакомства, как то бисквит, кофейный хлеб и миндальный пирог.

Когда дитя достигнет третьего года (а если оно слабо, то по прошествии трех лет), тогда должно совсем отнять у него молоко. В сем возрасте зубы, а особливо коренные, вырезывающиеся обыкновенно позже других, получают столько крепости, сколько потребно на разжевание пищи. Однако надлежит приучать дитя и прежде к употреблению зубов и не допускать его ничего проглатывать не жевавши. Ибо чрез жевание не только пища разделяется на малейшие части, но смешивается со слюною и разжижается оною прежде, нежели дойдет в желудок. Сие жевание столь нужно, что древние говорили: «Кто не жует, тот ненавидит жизнь свою». Нежеванная пища и у взрос-

лых людей варится нелегко, угнетает тягостию своею желудок и дает несовершенный и худо отделившийся питательный сок.

Но при сей перемене детской диеты надлежит наблюдать то, чтоб не вдруг отнимать у детей молочные кушанья, а приучать их мало-помалу от слабейшей пищи к крепчайшей. Ибо вообще при диетическом воспитании детей должно примечать важное то правило, чтобы никогда не предпринимать скорой с ними перемены, но понемногу доводить их до свободного употребления необходимых для жизни вещей, смотря по тому, как натура постепенно делает тело их крепче и совершеннее. Сие правило столь всеобщее, что беспрестанно надлежит помнить его при пище и питии, при тепле и стуже, при бдении и сне, при движении и спокойствии.

В рассуждении сохранения пищи примечать должно, чтоб не держать определенную для детей пищу в оловянных или медных сосудах, ибо как вовлеченные ею в себя металлические части и взрослым людям причиняют вред, то гораздо скорее и сильнее действуют они в слабых детских нервах.

На третьем и на четвертом году возраста младенца можно умножить несколько число его кушаний. Поутру можно давать ему чай с молоком и с сухарем или сухим хлебом; в обеде суп с сарацинским пшеном, перлового крупую и т. п., уваренными в воде или в жидкой мясной похлебке, также немного весьма мелко изрезанного вареного или жареного мяса, с парюю вареных яблоков либо груш или с некоторыми удобно сваримыми кореньями; а в вечеру для насыщения дитяти довольно одного супа с булкою. Но чем старше дитя становится, тем большую можно позволять ему свободу в выборе кушанья. Тело его и желудок от времени до времени становится крепче, а последний всегда более получает способности ко сварению твердой и густейшей пищи. И так, когда достигнет оно пятого года, то можно позволить ему употреблять в обеде и в ужине более мяса, а в обеде давать иногда отведывать и грубую пищу, которая при умеренном употреблении может уже хорошо в нем свариться, а особливо когда имеет дитя хорошее движение. По прошествии шести лет можно позволять детям всякое кушанье (кроме приготовляемого с крепкими приправами, которые вредны и во всяком возрасте) и с осторожностью и умеренностью приучать ко всему. Кто с малолетства воспитан самою простою и натуральною пищею, тот будет не только здоров, но крепок и силен, и кто постепенно ко грубейшей

привыкал пище, тот безвредно употреблять может самые простые и суровые ествы. И так с сего времени чрез все последующие годы, даже дотоле, как дети совсем отстанут от родительского попечения, в рассуждении пищи надлежит только то наблюдать, чтоб вкоренять в них умеренность вообще и особенно при грубейших кушаньях, а не приучать их к презрению простых натуральных еств и к приятности прикрашенного яда французского поваренного и кондиторского искусства.

Вот диета детская в рассуждении пищи, о которой не могли мы написать короче потому, что при многих кушаньях мало еще известна у нас истинная детская диета в рассуждении оных.

О питье для детей нужно сказать гораздо менее, ибо, по счастью, напитков не столь много и действия их в человеческом теле известнее. Но и в том делают злоупотребление слабые родители, сообщающие охотно детям своим все то, чем сами наслаждаются. И так должны мы сказать нечто и о сем.

Вино должно исключено быть из детской диеты. Дети имеют много мокрот, скользкие волокны и чувствительный состав нерв. Сие состояние существенно и нужно их возрасту; но вино переменяет его и потому весьма бывает опасно в детские лета, летучим и острым спиртом своим снедает оно соки, потребные к образованию крепких частей в детстве, иссушает тело и чрез то препятствует натуральному росту. Молодым детям может оно причинять смертельные бессонницы и параличи, растягивая насильственно мягкий детский мозг и препятствуя чрез то отделению жизненных духов и вступлению их во все части тела. Сверх того примечено, что дети, употребляющие в обеде хотя весьма понемногу вина, подвержены припадкам, которые перестают, как скоро они вина лишаются. И так надлежит совсем исключить его из диеты детской, пока дети растут; а как они вырастут, то можно, однако не нужно, давать им по несколько сего напитка.

Водку не употребляют дети тех состояний, для которых мы пишем. Одна только чернь и некоторые глупые или бессовестные кормилицы дают детям выпивать ее по несколько либо обмакивать в нее хлеб, дабы дети крепче спали; но для того принадлежат они к черни.

Кофе есть весьма обыкновенное питье, даемое и детям. Если варится для детей особенно слабое кофе, то вред от оногo состоит только в том, что он слабит без нужды желудок, как то делает всякий

теплый и водяной напиток. Но обыкновенное крепкое кофе, употребляемое взрослыми людьми, гораздо опаснейшие для детей имеет действия. Оно разжигает кровь, производит в ней остроту, сдает соки, иссушает волокны и препятствует росту и образованию тела. То же производит *шоколат* чрез пряные зелья и какао-совое масло, отягощающие желудок.

Пиво также не годится для детей, по крайней мере для молодых и не имеющих довольно движения. Если оно крепко, то делает детей пьяными, сгущает их кровь и множество других худых имеет действий. Если ж оно слабо, то находящиеся в нем дрожжи надувают желудок и наполняют его мокротою; оно причиняет беспокойный сон и, гоня мочу, производит запор оной либо столь сильно действует в почках и в пузыре, что дети ночью загаживают постелю.

Самое лучшее питье для детей и для всех людей вообще есть вода. Она и молоко единственными служили средствами утоления жажды первым человекам, когда неизвестно еще было пиво, вино или другие искусством приготовленные напитки. Вода есть единый и самый простой способ, приготавливаемый натурою к утолению нашей жажды и протекающий повсеместно; и она гораздо способнее к тому всякого другого питания. Она довольно разжигает кровь, напоет волокны, прохладяет и укрепляет тело, прилична ко всякой пище, способствует распущению и сварению оной и производит все сии полезные действия не разжигая кровь и не раздражая нервы. Вредит она тогда только, когда употребляется в излишестве, либо неблагоприятно, либо весьма холодная. Взрослым людям, которых желудок привык с детства более к пиву и другим крепким напиткам, несколько трудно бывает сначала привыкать к употреблению воды; но употреблявший ее с малолетства предпочитает к великой своей пользе всякому иному питию и находит сей напиток везде удобно; а пьющий пиво, напротив того, часто должен бывает либо терпеть жажду, либо довольствоваться противным и нездоровым пивом.

Наконец, не должны дети вообще пить много, а особливо пива: как имеют они слабые волокны и много мокроты, то не нужно им великое напояние волокон и разжижение крови; а многое питье ослабляет только более волокны и желудок их.

Прежде говорили мы о диете детской в рассуждении пищи и питья. Все предписания наши об оной вместе взятые клонятся к тому,

чтоб приучать детей к самой простой и натуральной пище и питью. И так на сем всеобщем и первом правиле должна основываться вся диета детей и молодых людей. Родители тогда только исполняют совершенно свою должность, когда последуют сему правилу во всем его пространстве; а дети получают ту выгоду, что тело их будет здорово и крепко, что научатся они рано любить и сохранять умеренность и воздержность, а чрез то сохраняют себя от опасных, телу и духу вредоносных, пороков.

Есть еще некоторые пункты, принадлежащие также к физическому или телесному воспитанию, хотя и не касаются они до пищи детей. Сии суть обстоятельства, касающиеся до одежды и до движения и покоя их, и некоторые другие, имеющие влияние в образование телесных сил. При сих обстоятельствах против многого погрешить можно.

В рассуждении одежды и при возрасте младенца, грудью еще питающегося, упомянуто, что весьма вредно завивать детей в узкие пеленки. Сие, яко всеобщее правило, надлежит наблюдать во все последующие годы, чтоб детское платье не было узко, дабы не препятствовало оно свободному движению и образованию которой-нибудь части тела. Особенно преступаемо бывает важное сие правило тогда, когда дети носят узкие башмаки, исподнее платье, камзолы и кафтаны, галстуки и шнуrowанья.

Узкие башмаки не только препятствуют надлежащему образованию ног и пальцев вообще, но причиняют еще столь обыкновенные мозоли и врезание ногтей в тело, которое, само по себе будучи не малость, навлекает весьма опасные хирургические операции. Женщины, дабы прибавить себе роста (что, однако, человеку невозможно), носят башмаки с превысокими каблуками; от сего нога изгибается столь ненатурально, что не может ступать тою частию, которою ступать должно, и, потерпя несколько времени сие насилие, не может уже более разгибаться. По сложению человека надлежит ему ступать всею плоскостью ноги и пятою; но высокие каблуки так искривляют ногу, что пята и плоскость поднимаются вверх, а вся тяжесть тела упадет на одни пальцы. Потому женщины в высоких башмаках не могут ходить вообще скоро, или сходить с горы, либо свободно прыгать, но и по ровному пути ходят колеблющимися шагами и согнувши колена, дабы не упасть. И так пока женщина не совсем еще выросла, дотоле опасны для нее такие башмаки, препятст-

вующие образованию ноги, и по крайней мере дотоле должна она носить башмаки с низкими каблуками, которые не переменяли бы натуральное сложение мускулов и костей в ноге и не затрудняли бы нужные движения.

Узкое исподнее платье у мужчин вредит особливо коленным суставам и мускулам, от которых зависит вся сила человеческая в хождении, верховой езде и прыганий и большая часть здоровья в старости. И так надлежит стараться, чтоб сие платье не делано было тесно.

Узкие камзолы и кафтаны еще опаснее. Ибо как они более частей тела покрывают, то и вредят более, если сделаны бывают так, что сжимают сии части и чрез то препятствуют их росту и образованию. Когда узок камзол, то претерпевает вред от того грудь, желудок и вся внутренность. Грудь, которой должно подниматься, дабы дать место растущему легкому, прижимается и остается плоскою, а легкое бывает от того мало и тесно. Желудок и кишки ограничиваются в своем движении, и, следовательно, образованию их наносится препятствие; а от сего происходят запоры и расстройки во внутренности, которые, купно с недостатками легкого, причиняют бесчисленные болезни и обыкновенно кончатся сухоткою и обмороками. Узкие кафтаны вредят образованию плеч и локтей, стесняя их; а если они у груди застегиваются пуговицами или крючками, то сжимают и грудь, так, как узкие камзолы; также весьма удобно причиняют они безобразные горбы, когда плеча вверх поднимаются.

Сии вредные действия узкого платья тем опаснее, что дети в известные годы беспрестанно растут, а платье весьма только немного изнашиваться может, да и самое сие изнашивание причиняет уже насилие телу. Сему не иначе пособить можно, как давая детям новое платье, как скоро примечено будет, что старое становится им узко, и потому не снабжать их вдруг многим платьем, а переменять только оное чаще и делать снова столь пространное и покойное, чтоб не причиняло насилия ни одной части тела и годилось бы по крайней мере на несколько месяцев.

Галстуки и воротники рубашечные могут быть опасны, ограничивая свободное движение шеи. Они препятствуют тогда обращению крови, разделявшейся повсюда от головных пульсовых жил, и причиняют чрез то глазные и шейные болезни, помрачения и обмороки, а молодым многокровным людям нередко и параличи. Часто причиною тому бывает неразумие слуг, а часто и легкомыслие самих детей;

и так родители весьма рачительно должны оберегать их от такой злой привычки, могущей нанести им вред.

Наконец, принадлежат к узкой и потому опасной одежде шнурованья. Что оные не безотменно нужны, то доказывают дети простолюдимов, имеющие и без шнурованья прямой и хороший рост. Винслов³⁰⁸ приметил, что из ста женщин, возросших в шнурованье, едва ли десять имеют равные плеча. Правое плечо бывает у них всегда больше и выше левого. Сие происходит от того, что правая рука, имея всегда более движения, высвобождается из шнурованья и поднимает плечо свое вверх, которое растет потому удобнее и становится выше и больше левого; а сие напротив того, оставаясь всегда прижато, расти не может. Но сей вред, от шнурования происходящий, маловажен, ибо неравенство плеч можно скрыть; и как сие небольшое безобразие не имеет влияния в здоровье, то не может почтено быть дорогою платою за хороший стан, а особливо для женщины. Однако шнурованье не сие только одно производит: оно наносит другой, гораздо важнейший вред, касающийся до самого здоровья, как то можно усмотреть из следующего Цукертова описания женского тела. «Зашнурованное женское тело, — говорит он, — состоит из острой груди, плоской спины, вжатого брюха, вытесненных плеч и то из прижатых, то из выдавленных вперед и назад ребр». И так все, что сказано о вредности узких мужских камзолов, еще в высшем степени разумеется о женских шнурованьях; ибо сии гораздо крепче сжимают грудь и брюхо и потому гораздо сильнее препятствуют образованию оных, нежели камзолы, которые, будучи не столь упруги, оставляют еще некоторую свободу сим частям тела.

Прежде говорили мы о вредности узкого платья. Теперь предложим о том, что слишком тяжелое и теплое платье вредит детям.

Многие родители не только приучают детей своих к теплоте покоев, но еще одевают их в шубы и другие толстые теплые платья, а когда надлежит им выйти на воздух, то обвертывают их во многие одежды, так, как будто они суть такой товар, который при пересылке рачительно должно сберечь от худой погоды. Где ни бывают дети, везде окружены они теплым, нечистым и отчасти гнилым паром. Ибо шубы и другие толстые одежды для того только греют, что собирают в себя и удерживают выходящие из тела пары. Натура нарочно изгоняет сии пары, дабы освободить соки наши от бес-

полезных и нечистых частиц; но в шубах сии частицы собираются и входят мало-помалу опять в тело. Для того дети, весьма тепло одеваемые, бывают слабы и склонны к разным болезням, происходящим от худобы и нечистоты соков. От самонаименьшей стужи получают они весьма опасные припадки, потому что простуда тем удобнее может последовать и тем чувствительнее бывает, чем теплее тело. — Но не только то вредно, когда одевается весьма тепло все тело: вредно и то, когда особенные части оного в отменной содержатся теплоте; ибо тогда закрытые меньше части подвергаются опасности простуды, не столь удобно последовать могущей, когда все тело равно покрыто бывает. При сем некоторые ту еще делают погрешность, что одевают теплее прочих такие части тела, которым менее всех сие потребно, а закрывают хуже те, которым рачительное покрытие нужнее всех.

Обыкновенно думают, что преимущественно надлежит содержать в теплоте голову, а ноги оставлять с легким прикрытием. Ничего нет несправедливее, как сие мнение, весьма обыкновенное людям среднего и низкого состояния. Опыт научает нас, что ни одна часть нашего тела не может сносить удобнее стужу, нежели голова, которой состав всякому делает сие понятным. Толстые кости, волосы и беспрестанное стремление крови к голове защищают ее от суровости холода. Привыкшие с детства ходить с открытою головою не чувствуют никогда головных болезней и совсем не знают о шуме в ушах, насморке и других таких припадках. И так Лок справедливо заставляет детей днем и ночью ходить и спать без шапок, как скоро голова их покроеется довольно волосами. Находятся люди, выходящие в самый жестокий мороз на улицу с открытою головою без всякого вреда, для того что они еще в детстве к сему привыкли. В мокрую только и ветреную погоду, при весьма великой стуже и при жестоким солнечном жаре нужно покрывать голову: потому, что мокроты не может сносить никакая часть нашего тела; суровый ветер и великий холод причиняют простуды тем, которые не совсем против оной ожесточали; а жаркий солнечный зной производит часто смертельные припадки тому, кто долго оному подвержен бывает. Особенно надлежит наблюдать сие над детьми, имеющими болезнь в ушах, слезливость глаз или пролом на голове. Сим должно вообще рачительно покрывать голову, когда выходят они на воздух. Но здоровых детей, кроме вышеупомянутых обстоятельств, всегда надобно

заставлять ходить либо совсем с обнаженною головою, либо с прикрытою умеренно, как в тепле, так и на стуже; а особливо должно откинуть шапки, подложенные мехом, которые ослабляют мозг и делают дитя тупоумным.

Напротив того, гораздо рачительнее надлежит покрывать ноги. Они более всех прочих членов отдалены от сердца, и кровь не может столь сильно пробегать чрез их сосуды, как чрез другие части тела. Посему ноги менее имеют теплоты, и впечатления внешнего воздуха бывают в них сильнее, а особливо когда тело находится без движения. И так достаточное прикрытие ног весьма способствует детскому здоровью, споспешествуя свободному обращению крови чрез сии члены и освобождая тем голову и грудь от великого прилива крови и соков. Но для того не нужны ни весьма толстые чулки, ни сапоги, разве когда должно детям в холодную погоду и в грязь ходить по улице. Тогда надлежит стараться, чтоб хорошие подошвы и крепкое шитье сапогов сберегало ноги их от вредной мокроты. Но кроме сего случая весьма толстые чулки и сапоги вредны детям, потому что кто в молодости привыкнет содержать ноги в тепле, тот в дальних летах не может их согреть ничем, кроме теплых сапогов, а чрез сие склонен бывает к простудам. Сапоги отягчают детей и приучают к дурной походке.

Наконец, весьма нужно закрывать рачительно шею и грудь у обоего пола детей, по крайней мере дотоле, пока не достигнут еще они шестого года. Ибо если заставляют их еще в самом нежном детстве ходить с непокрытою шеею и грудью, то подвержены они бывают многим и опасным болезням. Для закрытия сих частей весьма пристойны мягкие и широкие галстуки для мальчиков, а платки для девушек.

Теперь приступаем мы к другой части физического или телесного воспитания, касающейся до движения и спокойствия детей. Оба сии слова принимаются здесь в пространнейшем значении и столь много в себе заключают, что под сим заглавием можем мы предложить все прочие правила физического воспитания.

Первое, всеобщее и всякому человеку необходимое движение есть *ходить*. По большей части дети получают силу к хождению по прошествии первого года, по крайней мере если они рождены здоровы и не испорчены худым присмотром. Однако весьма остерегаться должно, чтоб не заставляли их ходить прежде, нежели сами

они окажут к тому силы и охоту. Пока кости их весьма еще мягки, а ноги слишком еще слабы для ношения тела, дотоле весьма опасно принуждать детей ходить. Сие не только вредит их росту, но производит кривизну и безобразие ног. Бессилие для ходьбы продолжается у некоторых детей даже до третьего года, а у других и более. Но чем долее не могут дети ходить, тем основательнее подозревать можно, что они подвержены тайной болезни; ибо в таком случае редко поднимаются они на ноги прежде третьего года, а некоторые даже прежде шестого и седьмого. Тогда надлежит заблаговременно советоваться с врачом и остерегаться рачительно от того, чтоб не учить детей ходить принужденно.

Когда дети начнут ходить, то должно водить их на помочах. Сперва надлежит допускать их якобы качаться и ступать крепче ногами мало-помалу. Наконец можно давать им ходить одним, причем, однако, надобно беспрестанно надзирать над ними и покрывать голову их шляпою, предохраняющею от упадения. Сия шляпа над лбом должна быть набита чем-нибудь столь толсто, чтоб дитя, упавши, не могло повредить себе нос, а в прочем надлежит ей быть столь пространной, чтоб не угнетала она голову. Самый лучший способ к раннему навыку и облегчению хождения для детей есть тот, чтоб допускать их беспрепятственно двигать ногами, когда они сидят или лежат. Посему никогда не должно запрещать детям ложиться на землю, раскидывать руки и ноги свои во все стороны и вертеться всем телом. Без сомнения приметить можно, что они великое от того чувствуют удовольствие и что сама натура побуждает их к таким упражнениям для споспешествования гибкости, подвижности и протяжению членов. Помочи должны к тому только служить, чтоб удерживать дитя от упадения, а в прочем должно совершенную оставлять ему в них свободу.

Как годы бессилия детского протекут и дитя может ходить твердо и порядочно, то надлежит стараться, чтоб не злоупотребляло оно сию свою приобретенную силу на безмерное бегание. Ибо сколь полезно и нужно детям многое хождение и умеренное бегание, столь, напротив того, вредно им последнее, когда оно часто и неумеренно употребляется, так, как и всякое слишком сильное движение вообще, потому что отчасти делает оно насилие нежному легкому, а отчасти, возбуждая пот, ослабляет тело, снедает соки и делает волокна преждевременно твердыми и окреплыми, а чрез то препятствует росту.

Посему также не все детские игры пристойны для всякого возраста и для всякого дитяти. До пятого года надлежит им позволять только маршировать, бить в барабан (которое движение весьма полезно для рук) и т. п.; а запрещать все сильные движения.

Из таких движений, при которых тело потрясаемо бывает без собственного содействия, пристойны детям помянутого возраста тихая езда в карете, езда на деревянной лошади и качание на висящей веревке. Не должно только допускать детей одних к сим забавам, для того что их безопытность может подвергнуть их при том великому вреду; но при всех таких движениях и играх надобно всегда быть с ними смысленному человеку, который мог бы удержать дитя в случае падения.

От пятого до двенадцатого года надлежит допускать детей играть мячом и другими подобными сей играми, которые делают руки и ноги весьма гибкими, дают хорошее образование телу, приучают зрение к скорому и справедливому чувствованию и, наконец, доставляют всему телу полезное движение, если не употребляемы бывают чрез меру, то есть ежели не продолжаются даже до усталости и ослабления. Борьба есть также изрядное упражнение, придающее особенно великую силу рукам и ногам. Однако должна она позволяема быть детям только в присутствии родителей либо учителей, для того что в противном случае дети весьма удобно могут вывихнуть члены друг другу или от шутки поспориться в самом деле, когда один другого уронит или ушибет.

Все сии и подобные игры и телесные упражнения должны производимы быть на вольном воздухе, для того что сие не только возвышает и умножает пользу их для тела, но развеселяет дух и чрез то кладет основание тихих страстей.

К сим летам принадлежит танцованье; по крайней мере начинают учить оному детей между пятым и двенадцатым годом. Если кто хочет сделать детей своих преимущественно искусными танцовщиками, тому нужно начинать учение сие столь рано; а если кто при воспитании печется только о здоровье, для того, может быть, лучше было бы, при злоупотреблении сего искусства, как скоро дитя не много оное разумеет, подождать дотол, пока все детские члены, а особливо легкое сделаются крепче и сильнее. Но как бы то ни было, однако танцование принадлежит к воспитанию, и так должны мы здесь сказать о нем свое мнение.

Танцевание есть бесспорно одно из прекраснейших, благороднейших и самых лучших телесных упражнений для обоого пола. Оно соединено с движением почти всех частей тела. Самомалейшие мускулы в ногах двигаются; руки, плеча и все тело упражняется в разных движениях и оборотах; дети приучаются ко благопристойным и пригожим положениям тела; музыка, соединенная с танцованьем, возвышает удовольствие, чувствуемое душою от приятности телу. Короче сказать, дух и тело очищаются, укрепляются и увеселяются сим упражнением.

Но все сии выгоды происходят только от тихого танцования, как то от менуэта, польского танца и от некоторых русских танцев. Напротив того, сильного движения требующие танцы, как то английские и немецкие, не только не производят сих выгод, но и вредят еще здоровью. Они, утомляя и истощая тело, причиняют горячки, кровохаркания и болезнь в легком.

О ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Как любовь родителей к детям столь натуральное и столь сильное есть побуждение, как родители толь часто и толь охотно жертвуют собственным благополучием благополучию детей и некоторым образом живут более для них, нежели для самих себя, то есть причина удивляться тому, что они не более пекутся о воспитании их или в рассуждении оногo столь многие и важные делают погрешности. Основание сего состоит *не столько в недостатке любви и нежности, как паче в ложных и несовершенных понятиях о воспитании*. А именно, должность сия часто ограничивается только тем, что пекутся о жизни и здравии детей; что научают их некоторым только механическим работам и искусствам; что отягощают память их множеством слов, которых они не разумеют; что наставляют их в правилах внешней благопристойности и учтивости; что остерегают их от грубых преступлений, влекущих за собою публичное поношение и казнь; что вооружают их против натуральной простоты и чистосердечия и приобучают к удержанию себя, притворству и ласкательству; что вперяют в них некоторые, по большей части ложные, представления о упражнениях, удовольствиях и выгодах общественной жизни и стараются, наконец, каким-нибудь образом сделать их способными пешись впредь о содержании себя или управлять полу-

ченным в наследство имуществом и утверждать свое состояние. В сих намерениях большая часть родителей не щадят ни труда, ни иждивения для споспешествования тому, что они называют благом своих детей, и чрез сие в самом деле много споспешествуют их благосостоянию. Итак, нет ли причины надеяться, что они то же самое делали бы гораздо полезнейшим образом, если б сами имели справедливейшие представления о принадлежащем к воспитанию? Сие побудило нас показать, что подлинно требуется к воспитанию детей и как при том поступать должно. А именно, воспитание состоит наипаче в том, чтоб стараться образовать *разум* и *сердце* дитяти и чрез то наилучшим образом приводить его к *добродетели, религии* и *христианству*.

I. О образовании разума

Образовать разум, или дух, детей называется *вперять в них справедливые представления о вещах* и приучать их к такому образу мыслей и рассуждения, который соразмерен истине и посредством которого могли бы они быть мудрыми. Человек помощью разума своего может представлять себе не только то, что в нем самом происходит, но что и вне его; он может рассуждать о свойстве сих вещей, соединять их и отделять одну от другой и, сравнивая одну из них с другою, собирать новые представления, могущие до бесконечности быть умножаемы. Но натуральное расположение его не таково, чтоб он те вещи, которые познавать может, необходимо так себе представлять долженствовал, как они действительно суть, или чтоб не мог он заблуждаться в своем о них рассуждении, в сравнении их, в согласии или противоречии, им в них находимом. Он может все окружающее его представлять себе с нескольких сторон либо с одной только стороны; он может почитать то большим или меньшим, лучшим или худшим, полезнейшим или вреднейшим, нежели каково оно в самом деле. Он может связывать вещи, никоим образом не совокупимые, а другие, неразрушимым связанными союзом, самовольно одну от другой отделять. Он может почитать одну вещь действием или причиною другой, когда, напротив того, они совсем никакого не имеют сообщения; и чем менее он упражнял силы разума, чем небрежнее и беспечнее употреблял их, тем чаще должен делать такие погрешности в размышлении, рассуждении и заключении. Сколь

важно то, чтоб он в то время, когда начинает оказывать и употреблять сии силы, в употреблении их так был управляем, чтоб научился делать оное справедливейшим и самолучшим образом! А в сем и состоит образование разума детей. На пути, по которому достигают они до познания истины, нужен им благоразумный и опытный вождь, который бы не только остерегал их от всех распутий и в случае совращения возвращал, но и научал бы их избегать всех окольных дорог и лабиринтов и стремиться прямо к своей цели. Разум их должен быть не только упражняем и обогащаем разными познаниями, но и так упражняем, чтоб они мало-помалу приобретали способность исследовать и разбирать то, что они знать желают, удобно отличать истинное от ложного и при сих исследованиях и рассуждениях следовать всегда надежнейшим правилам и по кратчайшему итти пути. Но сие делается не столько посредством научения их сим правилам размышления и впечатления оных в память их, как наипаче *посредством того, когда при всех случаях учат их примечать, справедливо или несправедливо они мыслили и рассуждали и для чего то делали; также когда обще с ними и соразмерно их возрасту думают, рассуждают, исследуют, сомневаются или решат.* Сие делается посредством того, когда их мало-помалу делают внимательными к шествию собственного их духа и таким образом объявляют им основательные положения и правила, по коим он действует, и по собственному их опыту научают знать препятствия, задерживающие его в его действиях, и выгоды, облегчающие ему оные.

Сие всеобщее предписание понятнее будет чрез то, что устремит внимание читателей на особенные части вещи. Дело, о котором я говорю, весьма трудно; самолучших предписаний не довольно на предупреждение всех затруднений, при оном происходящих; а упражнение и в сем случае есть наилучший учитель. Между тем, по мнению моему, можно облегчить сие дело и трудиться с благополучнейшим успехом в образовании разума детей и воспитанников, когда родители, гофмейстеры и наставники будут наблюдать следующие правила.

Первое правило есть сие: *Не погашайте любопытство детей ваших или питомцев.* Само по себе не есть оно погрешность. Паче есть оно сильное побуждение и изрядный способ сделаться разумным и мудрым. Когда дети о чем-нибудь спрашивают или не довольствуются первым ответом, то обыкновенно по невежеству, либо гордости,

либо лени, или угрюмости приказывают им молчать и попрекают их непристойным и достойным наказанием любопытством³⁰⁹. Бесспорно должны они учиться скромности, а особливо тогда, когда находятся в сообществе чужих людей, пришедших не для них, но для их родителей. Но родители, надзиратели и наставники пропускали бы наилучший случай к научению их, требуя от них всегда того, чтоб были они только немymi слушателями. Нет, они должны, а если любят своих детей или воспитанников, то и удовольствие их будет состоять в том, чтоб отвечать на их вопросы не одними только угрюмыми словами: *да* или *нет*, но таким образом, чтоб они действительно научились тому, что узнать желают, и чтоб то купно принесло им удовольствие. С радостию должно схватывать сей случай к упражнению размышления дитяти или юноши и посредством продолжения вопросов делать их самих изобретателями неизвестного еще им. Хотя б вопросы их были и таковы, что родители или надзиратели не могли бы отвечать на оные³¹⁰; однако сии должны не негодовать на то, но либо признаваться в своем неведении, либо извиняться вообще несовершенством человеческого познания, либо стараться вразумить спрашивающему, что ответ на его вопрос предполагает такие познания, которых он еще не имеет и иметь не может, но которыми некогда награжден будет за свое прилежание, если продолжит оное.

Второе правило есть сие: *Упражняйте детей ваших или воспитанников в употреблении чувств; научайте их чувствовать справедливо*. Впечатления, делаемые в нас внешними вещами посредством наших чувств, и представления, происходящие от того в душе нашей, суть якобы материалы, которые дух наш обрабатывает и на которых основываются наконец все познания и науки человеческие. Чем многообразнее, справедливее и полнее сии представления, тем более может дух упражняться в размышлении и тем удобнее и безопаснее может он подниматься к высочайшим и всеобщим познаниям. Но как мы чувственные вещи гораздо лучше научаемся знать по впечатлениям, делаемым в нас их присутствием, нежели по описаниям, какие делают нам о них словами, то не заставляйте детей ваших из книг или по изустному наставлению учиться тому, что они сами могут видеть, слышать и чувствовать; но показывайте им то действительно, как скоро и как часто будете находить к сему случай. Так, дайте им видеть и примечать красоты природы, чудеса царства растений и животных, многообразные воздушные явления, великолепие

усеянного звездами неба и помогайте им мало-помалу различать и приводить в порядок множество темных представлений, теснящихся со всех сторон в их души. Но давайте им видеть все сие собственными глазами и чувствовать свойственным им образом и не ослабляйте получаемых ими от того впечатлений *неблаговременными и издалека занятыми* изъяснениями.

Водите их в дома и житницы крестьянина, в работные дома художников и рукодельцев; показывайте им там, как обрабатываются многообразные богатства земли, как приготавливаются они к употреблению для пользы и удовольствия человек; научайте их знать главнейшие орудия, к тому употребляемые, и почитать надлежащим образом людей, тем занимающихся. Сие откроет разуму их и рассудку, так, как силе воображения и вымышления, многие обильные источники полезных и приятных размышлений. *Притом упражняйте их всегда во внимательности.* Внимательность есть мать всякого основательного познания. Приучайте их не переходить слишком скоро от одной вещи к другой, всякую вещь рассматривать со многих, и если возможно, со всех сторон, смотреть не только на целое, но и на особенные части его. Хотя не должно вам в первые годы воспитания утомлять внимание их, принуждая их останавливаться слишком долго при одной вещи, но желательно, чтоб вы мало-помалу чувственно уверяли их о великой пользе глубокого внимания. Случай к сему могут подавать и самонаименьшие вещи. Например: они удивляются изрядным краскам цветка или приятному его запаху и довольствуются тем. Научайте их тогда, сколь много других красок, сколь много признаков искусства и мудрости видит навывшее око знатока в составе цветка сего, в образе его листков, в свойстве его семяницы и пр. И так показывайте им часто, коль многое еще могли бы они заметить при той или другой вещи, если б на долее при ней остановились. Сей способ упражнять и укреплять их внимательность, без сомнения, более над ними подействует, нежели самонаименьшие увещания о должности и строжайшие наказания за упущение оной.

Третье: *Остерегайтесь подавать детям ложные или не довольно точно определенные понятия о какой-нибудь вещи, сколько бы ни была она маловажна. Гораздо лучше не знать им совсем многих вещей, нежели несправедливо оные себе представлять;* гораздо лучше вам совсем отречься от ответственности им на некоторые их вопросы, нежели давать двусмысленный и недостаточный ответ. В первом слу-

чае по крайней мере знают они то, что та вещь им неизвестна, и могут со временем помочь сему недостатку. В другом же случае, напротив того, думают они, что довольно уже уведомлены об оной вещи, и по сему самому остаются в неведении. К сему присовокупляется и то, что первые понятия, о натуральных или нравственных предметах нами получаемые, суть якобы основание всех прочих. Если они неопределенны и ложны, то распространится от того вредное влияние и на сии. Но коль обыкновенны чинимые в сем рассуждении погрешности! Думают, что всякий ответ на вопрос дитяти или молодого человека довольно хорош быть может. Часто не усомневаются вперять в них явные заблуждения, дабы только они замолчали. Утешаются тем, что впоследствии сами они узнают лучше сию вещь. Но надежда сия весьма обманчива. Первые впечатления продолжают долее всех, соразмерны ли они истине или ведут к заблуждению. Хотя человек в постоянных летах и научается усматривать свои заблуждения, однако должен всегда весьма остерегаться, чтоб не вмешивались они неприметно в его представления и мнения и не обманывали бы его. Например, доставляют дитяти ложное понятие, что гром и молния суть действия и знаки Божиего на человека негодования* и что они определены для устрашения и наказания обитателей земли! Сколь глубоко вкоренится сие мнение в детской душе! Сколь трудно будет такому человеку и в зрелом возрасте почитать действием премудрости и благодати Божией то, что он столь долго признавал за очевидное доказательство гнева его! А хотя юноша или муж и переменит первое заблуждение на сию истину, однако сколь часто впечатления, оставшиеся в нем от первых его представлений, будут против воли его совращать его к ложным заключениям или исполнять страхом и ужасом!

Не сия ли погрешность в воспитании, о которой я говорю, есть причина того, что столь трудно истребить некоторые роды суеверия и что оные часто преследуют чрез всю жизнь и тех людей, которые действительно усматривают глупость оных:**

Четвертое правило, тесную с предыдущим связь имеющее, есть сие: *Не учите детей ничему такому, чего они по возрасту своему*

---

* Обыкновенно говорят тогда: «Бог гневается».

** Как, напр., представление, что Бог есть более самовластный господь, нежели премудрый и преблагой отец.

или по недостатку других предполагаемых при том познаний разуметь не могут. Не размеряйте детские способности по своим. Не делайте опытов научать их таким вещам, которые сами вы едва понимать можете или о которых вы в поздние лета приобрели некоторые понятия посредством особенного напряжения своего духа. Например: тщетно стали бы вы стараться философскими доводами уверить их о начале мира, о необходимости первой и вечной оною причины, о духовной натуре души нашей и т. п. Такими стараниями сделали бы вы только наставление ваше для них скучным, и напрасно бы потеряли они свое время и свои силы. Самая память их не долго могла бы сохранять в себе слабые впечатления, полученные ею о таких непонятных вещах. То только, чему научаемся мы с уверением и при чем разум наш или сердце занимается, делает в нас такие впечатления, которых время загладить не может. И так не отягощайте память их знаками и словами, не доводя их купно до познания вещей, оными означаемых. Также не допускайте их употреблять такие слова, при которых они ни о чем не мыслят или мыслят совсем о другом, а не о том, что оными выражаемо быть должно. Когда услышите вы, что употребляют они такие слова и выражения, истинное значение которых чаятельно им еще не известно, то спрашивайте их, что они под тем разумеют; заставляйте их показывать вам те вещи, которые они означить тем хотят; или когда сие невозможно, то спрашивайте их о свойствах или действиях того; приводите их при сем на правый путь, представляйте им сколько возможно чаще сии свойства и действия; или если предмет таков, что не можете вы им показать либо как-нибудь иначе вразумить оные, то по крайней мере остерегайте их от злоупотребления сих слов и учите их почитать оные за пустой только звук, которого, значение должны они научиться знать со временем. Столько ли было бы злоупотребляемо большею частию человеков дарование языка, слышимы ли бы были они столь часто говорящие надежным и скорым тоном о таких вещах, которых они либо совсем не разумеют, либо сбивчивые только имеют о них понятия, если б они в детстве и юношестве приучены были к тому, чтоб при всяком слове мыслить что-либо определенное и прилагать внимание не ко знакам только, но паче к означаемым вещам? Но сколь редко наблюдается сие правило! Что обыкновеннее, как то, что слушают не твердо еще говорящих детей, употребляющих множество слов, которых понимать им невозможно, лепечущих, на-

пример, о воздухе, о душе, о существе, о духах, о Боге, о вере, о добродетели, не показывая им их неведения или не стараясь извлечь их несколько из оного?* Какое ж следствие сего? Они продолжают употреблять сии слова иногда пристойно, иногда непристойно, по случаю и удаче; думают, что разумеют их, и не мыслят еще и в мужественном возрасте при оных ничего или мыслят что-нибудь совсем ложное. Слова суть знаки Богатств нашего духа; но сии Богатства только воображаемы, и знаки сии подобны ложным монетам, когда не знаем мы их значения.

С сим предписанием соединяется пятое, не менее важное: *Старайтесь не только умножить и распространить их познание, но и сделать его основательным и верным.* Гораздо лучше им знать точно немногие вещи, нежели мелкое иметь познание о многих**. В сем рассуждении остерегайтесь от гордости, обыкновенно свойственной родителям и надзирателям. Часто думают они более о удовлетворении собственному тщеславию, нежели о споспешествовании истинному благу детей своих и питомцев. Они торжествуют о счастливом успехе своих стараний, когда сии могут говорить о многих и разных вещах с некоторою скоростью и смелостию, удивляющею несмыслящих слушателей; когда они в одно время занимаются многими искусствами и науками; когда они, будучи еще детьми или отроками, умеют отвечать на такие вопросы, на решение которых не отважились бы разумные и пожилые люди. Однако невозможно, чтоб разум, долженствующий обнимать столь многое и устремлять внимание на столь многоразличные вещи, различал все надлежащим образом и приобретал бы о всем основательное познание. Напротив того, приучит его сие смотреть на все беглыми глазами и ни в чем до основания не добираться. Избегайте сея погрешности, определенные к образованию и наставлению других человек! *Научайте их мыслить основательно. Не учите их тому только, что какая-либо вещь существует и такие-то имеет свойства и действия; но также наставляйте их, сколько сообразно их понятию, и в том, для чего вещь сия такова, а не инакова, и для чего имеет она сии свойства и действия. Притом никогда по лености*

---

* Да мы и жалуемся еще, когда дети наши воспитаны не так безумно, как мы.

** О последнем пекутся несмысленные учителя, старающиеся только хвастать воспитанниками своими пред их родителями.

или самолюбию не требуйте от них, чтоб они верили во всем одним вашим словам и чтоб почитали они изречения ваши беспозрешиными. Приучайте их паче мало-помалу, чтоб они сами спрашивали вас об основании того, что вы им сказываете, и признавали бы учения ваши за истинные не по уважению к вам, но по вашим доводам. Когда не будете вы наблюдать сие, то сделаются они либо сомнителями, либо слепыми последователями. Говоря прямо, не будут они ничего знать, но будут только уметь рассказывать то, что другие прежде их думали и сказывали.

Однако величайшее старание, которое могли бы вы прилагать к образованию разума детей ваших или учеников, мало доставило бы им истинной пользы, если б вы наставляли их только в познании, а не купно и в мудрости, в правильном одного употреблении состоящей. *Посему при всем, чему вы их научаете, показывайте им употребление того, которое они для себя и для других делать могут и должны.* Научайте их смотреть на все с практической стороны и при всех способных случаях производить то в действо. Преимущественно ж и беспрестанно старайтесь научать их судить право о цене вещей. Сия есть истинная мудрость, которая гораздо дороже всех наук вообще и которую никогда не можно вперить в человека слишком рано, если надлежит ей быть путеводительницею в его жизни. И так научайте детей ваших *замечать великое различие между внешними, преходящими, бранными благами и преимуществами и между теми, которые собственно нам принадлежат и которые мы навсегда сохраняем.* Научайте их *здравие и крепость тела ценить выше Богатства и красоты, похвалу совести выше почтения и похвалы людской и добродетель и праводетельность выше Богатства, чести, здравия и жизни.* Сии учения столь неоспоримы и самому дитяти столь понятными могут быть сделаны, что почти всегда родители только или надзиратели его виноваты бывают в том, когда оно иначе научается мыслить. Например, если удивляется оно блистанию, богатству, драгоценности какого-либо платья, то спрашивайте его иногда: становится ли от того лучшим злой человек, его носящий? может ли платье сие дать больному здравие, слабому силу, невежде ум и благоразумие? не благороднее ли, доставляя отраду многим бедным, одеваться несколько хуже, нежели быть немилосердным, оставлять братий своих томящихся в убожестве и гордиться сими украденными у них вещами? Если дитя слишком высоко ценит

красоту, то показывайте ему других детей или взрослых особ, которые, менее пригожи будучи, более почтенны и любимы, ибо они кротчае, добросердечнее, благодетельнее и лучше; или научайте их знать таких особ, которые лишились красоты своея от разных приключений или которые при всей своей красоте презренны и ненавидимы для того, что не имеют доброй души и никаких действительных достоинств. Если надмеается дитя получаемыми собою похвалами, то показывайте ему при случае, сколь расточительно и безрассудно раздает большая часть людей похвалу свою; сколь часто хвалят люди то, чего они не знают, не уважают, не любят; сколь корыстолюбивы и переменчивы они в своем мнении, и т. д. Когда ж детям или воспитанникам вашим надлежит научиться право судить о сих и подобных сим вещах, о вы, назначенные от Бога быть родителями и наставниками! *то не должны они слышать от вас никаких других, кроме справедливых, мнений.*

Но когда самих вас ослепляет блистание пышного платья, красоты или других таких наружных преимуществ*; когда вы сами вкусную пищу хвалите, яко изрядное и превосходное благо; когда сами вы много уважаете сии вещи и посредством ревности и важности, с какою поступаете с ними, великую прилагаете им цену; когда вы сами особенное оказываете почтение особам, хвастающимся такими преимуществами: то бесплодны будут и самолучшие наставления, которые вы можете давать о сем детям вашим в учебные часы или в другое время. Но когда сами вы поступаете в рассуждении сих вещей с некоторым благородным равнодушием, когда сами вы уважаете и почитаете истинное достоинство, под каким бы видом, в каком бы наряде и состоянии оно ни показывалось, то учения ваши, собственным вашим примером подкрепляемые, без сомнения изряднейшие принесут плоды.

Из сего следует еще следующее правило: *Оберегайте детей от скоропостижности в заключении и пользуйтесь всеми случаями посредством наблюдений доводить их до осторожности и точности в их заключениях и рассуждениях.* Коль много погрешностей может наделать человек, например, тогда, когда он почитает за действие и причину две вещи, вскоре одна за другую следующие или провождающие одна другую. Коль многие роды суеверия, коль

---

* Или когда сами вы хвалите детей за хороший их убор.

многие заблуждения как в физике, так и в морали начало свое имеют и продолжают единственно от сея скоропостижности. Например, правдивый человек, постигнутый тяжкими несчастьями и печалью, был ли бы столь часто почитаем лицемером, а безбожник, коему удаются его предприятия, любимцем небес, если бы по скоропостижности судьба человека не почиталась необходимым следствием доброго или худого его поведения, необманчивым признаком благоволения или неудовольствия Божия?* Уроны, отягощения, страдания, которые добродетельный человек часто по случаю претерпевать и сносить должен бывает, приписываемы ли были бы самой добродетели и представляема ли бы она была под самыми неприятнейшими образами, если б по привычке не смотрели на все одно за другим последующее яко на вещи, необходимую имеющие связь? Основание ж сего преимущественно в первом находится воспитании. По крайней мере в оном можно его по большей части отвратить.

Коль трудно образование духа детей! Коликое внимание, коликая прилежность, коль неутомимое терпение, коликое снисхождение требуются к тому, чтоб дитя или юношу научить право чувствовать, право мыслить, право рассуждать! Коликой различности сих стараний требует различность способностей и склонностей человеческих! Часто надлежит видеть себя принужденна почти неплодородную обрабатывать землю, и коль удобно плевелы могут одержать верх и на доброй пашне!

Но чем труднее дело сие, тем более предприемлющий оное должен напрягать свои силы для благополучного совершения оного. *Самые величайшие трудности наконец преодолеваются, если всякий раз, когда они показываются, прилагается старание к истреблению их и если не упускается от внимания ни единая выгода, могущая облегчить победу.* Таково воспитание вообще; таково особенно образование духа детей. Огранича сие упражнение некоторыми только часами, а в другое время совсем его оставляя, если не совсем не достигнете вашего намерения, то по крайней мере достигнете его весьма несовершенно. Дух дитяти или юноши всегда в движении; и так всегда нужен ему надзиратель, путеводитель. Когда вы провоз-

---

* О первом человеке говорят обыкновенно: «Бог его наказывает»; а о другом: «Бог его благословил».

даете его, сколько возможно, неотступно; когда вы не только назначенные учебные часы, но также забавы и игры его почитаете и употребляете яко способы и случаи к образованию его разума; когда пользуетесь вы всяким случайным обстоятельством, могущим облегчить вам оное: то старания ваши, конечно, не будут тщетны, плоды их превзойдут ваше ожидание.

Сколь трудно и сколь много прилежности требует дело сие, столь же благородно и приятно оно. Что может пристойнее и что должно бы приятнее быть для разумного существа, как то, чтоб другому существу своего рода, в столь тесной связи с ним находящемуся, облегчать достижение до совершенства, к которому оно способно; примечать первые лучи восходящего разума его и многообразные действия сильнейшего и слабейшего света оно; помогать слабым стараниям еще колеблющегося его рассудка; споспешествовать могущему служить к успеху оно и отдалять могущее тому препятствовать; ссужать своими опытами еще безопытного и силами своими бессильного; отвращать препятствия, встречающиеся на пути его; предостерегать его от соделанных собою погрешностей; соделывать его знатоком и почитателем истины, право мыслящим и основательно рассуждающим человеком, истинным мудрецом? Сколь много должен получить от сего пользы и сам тот, кто охотно и прилежно оное делает, и коль много может он споспешествовать чрез то не только благу частных особ, но и благу целых обществ!

Посему не важно ли и паче не весьма ли опасно оставлять часто и долго детей под надзиранием и в сообществе *людей, имеющих совсем грубый и занятый заблуждениями и предрассудками разум?* Чем могут такие люди споспешествовать образованию их духа? В состоянии ли они, при самолучшей воле, наблюдать правила осторожности, нами здесь предписанные? Может ли безопасно слепой водить другого? Не приучатся ли паче дети ваши в обхождении с ними употреблять слова, которых они не разумеют, судить о вещах, которых они не знают, соединять истинное с ложным, чудное предпочитать натуральному, таинственное понятному, решить по своемумыслию и без основания, утверждать упрямо свое мнение и ослепляться всяким блеском? С другой стороны, сколь много потеряете вы чрез то случаев наставлять их, ободрять и удерживать, пользоваться теми счастливыми минутами, в которых дальнейший можно иметь успех,

вывести из заблуждения и привести их к познанию истины? *О, будьте ревнительны к сему счастью и верьте, что родители или надзиратели никогда столько почтенны и велики не бывают, как имея при себе детей своих либо воспитанников и научая их наставлением и обхождением своим мудрости.* Сие соответственно вашему определению, сие угодно Богу порядка, поставившему вас в сие состояние, и за такие только поступки можете вы надеяться благословения его в сем и награды в будущем свете.

Но все преимущества духа, приобретаемые человеком чрез мышление и упражнение, все сведения, которые он посредством оных получить может, тогда только драгоценны бывают, когда он чрез них споспешествует собственному и других людей истинному благополучию. А сего не может он иначе делать, как следуя охотно и верно свету разума своего, не только мысля и рассуждая соразмерно истине, но и поступая соразмерно ж оной, не только различая справедливо добро от зла, но также любя и снискивая первое, ненавидя ж и убегая другого. И так разум его и воля, мысли и поступки должны согласоваться друг с другом. Познание истины должно его приводить к любви и исполнению добродетели. Следовательно, разумное воспитание состоит не только в образовании разума, но и сердца.

II. О образовании сердца

1. Вообще

Образовать сердце детей называется устремлять склонности и желания их к самолучшим вещам, вливать в них владычествующую любовь ко всему тому, что истинно, справедливо и добро, и чрез то соделывать исполнение должности их для них удобным и приятным. Образование сердца, как всякий удобно усмотреть может, предполагает образование духа, и хотя последнее может некоторым образом отделено быть от первого, однако сие без него быть не может. В натуре нашей основано, чтоб воля наша в большей части случаев следовала познаниям и предписаниям разума. *Мы желаем того только, что представляем себе добром; если ж иногда к добру мы беспристрастны или ненавидим его, а зла желаем и ищем, то почитаем мы тогда добро злом, а зло добром.* И так чем справедливее мыслим мы и рассуждаем и чем удобнее и натуральнее соделался для нас сей образ мыслить и рассуждать, тем справедливее будут определения

нашей воли и происходящие от того желания и отвращения. Следовательно, чем рачительнее обрабатывается и образуется разум дитяти или юноши, тем большего можно надеяться успеха в рассуждении образования его сердца. Сие образование по большей части в том только состоит, чтоб научать его: *все справедливые понятия и рассуждения*, ему доставленные или к достижению которых помоществуемо ему было, *употреблять при всем том, что касается до нравственного его поведения и как до его собственного, так и других людей благополучия*; чтоб облегчать ему употребление сие благоразумным воспользованием всеми благосклонными обстоятельствами; чтоб стараться ослаблять и отвращать внутренние или внешние препятствия, удерживающие его от последования познаниям своего разума или делающие оное для него трудным. В сем рассуждении должны и могут предпринимаемы быть разные упражнения и употребляемы, так сказать, разные искусства, которые весьма многообразны по различности особ, с коими дело иметь надлежит, и представляющихся случаев. Посему и невозможно в сочинении, назначенном для наставления многих, сказать все то, что всякому особенно знать и примечать нужно. И так должны мы ограничиться здесь некоторыми только всеобщими правилами благоразумного поведения при образовании сердца или нравственного свойства детей.

Первое правило есть сие: *Старайтесь узнать их сложение и располагать поступки свои по свойству оногo*. Сложение есть якобы земля, которую обрабатывать должно, и различие земли сея не столь велико, чтоб не скоро могло быть открыто. Более или менее живости и скорости в представлениях, более или менее чувствительности к добру и злу, к удовольствию и болезни, более или менее горячности в желаниях, более или менее склонности к спокойствию либо действенности, вот что составляет главную различность того, что можно назвать детским сложением. Все сии различности сложения могут вести как к добродетелям, так и к порокам. Главное попечение честных родителей и надзирателей есть то, чтоб примечать и споспешествовать первым и препятствовать другим. Великая живость, чувствительность, действенность суть изрядные свойства, когда устремляются они на добрые и достойные предметы и имеют путеводителем рассудок. *Итак, не должно вам истреблять их; но надлежит только всегда стараться дать им самолучшее устремление и удерживать их в пределах умеренности*. Живость духа

должна употребляема быть на важные и полезные познания и науки; чувствительность сердца надлежит образовать к чувствованию всего того, что истинно изрядно, благородно и велико; а действительностию так управлять должно, чтоб она превратилась в ревнование быть услужливым и общепольным. Дети и молодые люди, имеющие сии свойства, часто и выразительно должны предостерегаемы быть от злоупотребления оных, и надлежит возбуждать внимание их ко злу, происходящему из такого злоупотребления как для них самих, так и для других. Напротив того, оказывающие в представлениях и действиях своих более медлительности, склонные более к лени и спокойствию и не столь удобно в движение приводимые не должны приводимы быть в уныние и заглушаемы огорчительными попреками или суровыми поступками. Натурально бывают они робки и не много доверяют самим себе. Того ради должно поступать с ними кротко и терпеливо, ободрять их, извлекать из искомого ими мрака и приводить часто в такие обстоятельства, которые способны сделать в них сильнейшие впечатления и якобы дать душе их новый полет. Всякое сложение нрава, как мы уже сказали, может доводить до погрешностей. Всякое желание может в беспорядочную превратиться страсть. Надзирайте только рачительно над детьми своими, вы, долженствующие образовать их сердце и наставлять их в добродетели! Не щадите никакой погрешности и трудитесь над исправлением оной, как скоро она окажется. Особенно старайтесь истребить *пер- вые* злые движения и похотения, от сложения их происходящие, и не допускайте сделаться в них привычкою той погрешности или тому злу, к которому они по сложению своему сильнейшую имеют склонность; а когда такие привычки уже произойдут в них, то ни о чем более не пекитесь, как о ослаблении и истреблении юных, представляя детям живо непристойность их и вредность отдаляя от них все случаи, могущие служить к утверждению оных, и заставляя их часто повторять противоположенные оным действия.

Во-вторых, *приучайте детей действовать по усмотрениям и причинам, а не по слепым побуждениям или по одному своемыслию.* Делайте им понятным то, что сие есть великое преимущество, какое имеет человек пред неразумным скотом, и что человек, не употребляющий сие преимущество унижает самого себя и поставяет в подлейший класс тварей. Спрашивайте их часто, *не повелительно, но доверенно и дружественно:* для чего они это делают, а того не дела-

ют? для чего некоторых особ отменно почитают и любят, других же, напротив того, презирают и убегают? для чего они из разных выгод и удовольствии, которые они могут иметь, выбирают те самые, а не другие? какие намерения имеют они при сих или других упражнениях и стараниях? и т. п. Старайтесь при том приобрести себе их доверенность, дабы открывали они вам мысли свои чистосердечно, а если они иногда будут отвечать на вопросы ваши только: «и сам этого не знаю», или «я не могу этого сказать», то не раздражайтесь сим, но помогайте им открывать причины их поступка, которых сами они часто не ведают; разговаривайте с ними дружественно о том деле, о котором речь идет, и о намерениях, какие при том иметь можно; рассуждайте обще с ними, как бы лучше можно поступить в том или в другом случае, как удобнее и надежнее можно получить успех в некоторых намерениях, и если сие касается не слишком до важных вещей, то допускайте их самих избирать и беспрепятственно следовать своему выбору, но после напоминайте им о погрешностях, какие они при том сделают, и о худых следствиях, от того происшедших. Предписывая им какие-нибудь приказания, наставляйте их, если не во всех случаях, то по крайней мере в большей части оных, о истинных причинах и намерениях приказаний ваших*. Сказывайте им, для чего вы сие им приказываете, а то запрещаете, и старайтесь сделать для них понятным то, что причины ваши и намерения справедливы и хороши — Когда, наконец, требуют сами они от вас некоторым образом отчета в собственном вашем поступке, когда спрашивают они у вас: для чего вы при некоторых случаях так либо иначе поступаете; для чего вы это теперь делаете, а в другое время оставляете? то не всегда отвергайте сии вопросы, яко действия наказания достойного любопытства, и не думайте, что, ответствовав на оные, потеряете вы несколько уважения вашего у них; показывайте им паче, что вы всегда стараетесь следовать правилам истины, порядка, умеренности и справедливости, и когда хотите, чтоб действовали они по усмотрениям и причинам, то берегитесь, чтоб не имели они повода думать, что вы сами без причин и по одному своемыслию действуете**.

---

* Или по крайней мере сказывайте им истинные причины и намерения приказаний ваших тогда, когда они их исполняют либо пренебрегут.

** В противном же случае все ваше научение и наставление будет тщетно.

Третье: не довольствуйтесь сим, но и *научайте их действовать по добрым, самолучшим и благороднейшим причинам и с чистыми и благодетельными намерениями*. Остерегайтесь возбуждать только честолюбие их и поощрять их к прилежанию и должности всегда только представлением того, как другие люди о них судят, и добрых либо злых мнений, какие они о себе подать могут. Когда сие желание допустите вы соделаться владычествующею в них страстию, то они погибнут для истинного блаженства*. Понеже большая часть высочайших добродетелей должны исполняемы быть скрытно и без свидетелей, и кто не иначе счастлив, как по благосклонному о нем мнению людей, тот мало может надеяться совершенно удовольственных дней. Нет, тот только *добродетелен*, кто имеет независимую от суждений и мнений людских и всегда действительную склонность ко всему тому, что справедливо и добро, и тот только может быть *счастлив*, кто умеет довольствоваться невинностию своего сердца и одобрением совести. К сей добродетели и к сему счастью старайтесь вести детей или учеников ваших, о вы, занимающиеся образованием их сердца! Рассуждайте иногда с ними, от мнения ли зрителей справедливые, правосудные, благодетельные, великодушные действия становятся справедливыми, правосудными, благодетельными, великодушными действиями; не бываю ли оные таковы и во всякое время, во всяких обстоятельствах и тогда, когда никто, их не видя, не может ни судить о них, ни хвалить их; раскаивались ли они когда-нибудь, сделавши какое-либо добро скрытно, и не чувствовали ли они некоторого от того удовольствия; не находится ли великое и неперменное различие между истиною и лжею, между порядком и беспорядком, не ведет ли за собою добродетель порядка и спокойствия как в сердце человеческого, так и в общественной жизни, а порок, напротив того, смятения и раздора? Спрашивайте их, теми ли же приятными чувствованиями, тем ли же удовольствием наслаждаются они, когда их хвалят за такие добрые свойства или дела, которые совесть их им оспаривает, как и тогда, когда одобряют и хвалят их за действительно сделанное ими добро, и намучайте их выводить из сего заключение, что мысли наши и действия сами по себе должны быть добры или злы, пристойны или непристойны, как бы люди о них ни рассуждали.

---

* И сделаются искусными лицемерами.

Четвертое: дабы сделать им сие понятнее, то *научайте их примечать следствия их дел или поступков*. Научайте их надлежащим образом почитать спокойствие духа, удовольствие, бодрость духа, здравие и крепость тела, умножение своих познаний или способностей, уважение и честь и прочие выгоды, какие приобретаются правильным и добрым поведением. Поздравляйте их с сими выгодами и радуйтесь вместе с ними об оных. Напротив того, сожалеете с ними о тех, которые по собственной своей вине лишены сих драгоценных благ и которые потому только несчастны, что пренебрегают свою должность и поступают противно ей. Также заставляйте их чувствовать злые и вредные следствия их поведения, сколько нужно для остережения и исправления их, и старайтесь не прежде отвратить оные, как они сами, узнавши свою торопливость и глупость, раскаются. Показывайте им отчасти в их собственных, отчасти ж в чужих примерах, какой беспорядок, какие неприятности и болезни, какие страшные зла влекут за собою неумеренность в чувственных удовольствиях, жестокость гнева и других страстей, недостаток прилежности и трудолюбия, расточительность и скупость и вообще все грехи и пороки, как они мало-помалу ослабляют и унижают дух человеческий, низлагают бодрость, разрушают здравие, сокращают жизнь, подрывают внешнее благосостояние, делают человека бесполезным, презренным, вредным членом человеческого общества, терзают его совесть и наводят на него тысячи смущений, горестей и бедствий. Показывайте им, с другой стороны, какие богатые награждения обретает праведный и добрый человек в одобрении своей совести, в спокойствии сердца, в представлении пользы и удовольствия, доставляемого им своим братьям, в почтении и любви, какой может он от них надеяться, и в уверении о благоугодности Богу; коль счастлив бывает он от того, что действует по твердым и справедливым положениям, что научился владеть самим собою и ограничивать свои желания, что может без труда и с радостию употреблять телесные и душевные силы свои на то, на что они ему даны от Бога, что никого не должен он убегать и бояться, понеже убегает от зла и боится Бога, что не всякое несчастье может привести его в уныние, что умеет он утверждать истинную свою свободу и не раболепствует привычке, суетности или собственным своим похотям*.

---

* Показывайте им примерами, с каким спокойствием и высоким удовольствием можно взирать на все гонения и клеветы, исполнив свои должности!

Выхваляйте обстоятельно при всех случаях сие добродетельного счастье детям вашим и ученикам; но делайте сие с веселым лицом, с чувствительным сердцем и заставляйте их примечать, сколько сами вы драгоценностию оного проникнуты, сколь много предпочитаете вы то всему Богатству, всему могуществу, всем забавам несправедного и порочного.

Пятое: *Старайтесь сделать должность для них удовольствием.* Приучайте их *соединять в представлениях своих должность и удовольствие столь тесно, как натура оные соединила.* Показывайте им как собственный вашим примером, так и наставлениями, что всякая охотно и радостно исполненная должность награждает удовольствием. Пример ваш может служить к сему тогда, когда вы в присутствии их предаетесь чистой радости о совершенной вами верно должности. Например, если вы, как опекуны или друзья, привели в порядок дела какой-нибудь вдовы, сироты или оставленного друга; если имели случай одного из знакомцев ваших совратить с пути глупости и порока или подать ему повод к добродетельному делу; если были вы столько счастливы, что утешили несчастного или знатную подали помощь бедному и немощному; если с отменно добрым успехом исполнили вы должности чина вашего и звания или испытали приметное при том благословение; и когда от сих благородных и приятных упражнений возвращаетесь вы к детям вашим или ученикам: то дайте им участвовать в вашем удовольствии и радости, объявляйте им причины того, *сколько можно без нарушения скромности**, и показывайте им чрез сие, сколь много награждает человека уверение о правом и добром своем деле. Показывайте им то же и наставлением вашим, научая их примечать и различать приятные и радостные чувствования, которые сами они в подобных случаях испытывают, сравнивая с тем неудовольствие, беспокойство и досаду, вкрадывающиеся против воли нашей в сердце тогда, когда мы не сделаем того, что сделать должно, или сделаем неправильно.

Увещевая их к должности, уверяйте их поступком своим при том, что вы намерены не показать господство свое и силу над ними или причинить им ненужное затруднение и отягощение, но споспешествовать только совершенству их и благосостоянию. Научайте их почитать добродетель не за строгую повелительницу, не за непри-

---

* Но не хвалите пред ними сами своих дел.

ятельную радость и увеселения, но *за самолучший и единый надежный способ к истинному блаженству*. Не говорите им того, что хотя порочный обыкновенно в свете счастливее добродетельного бывает, однако должно быть добродетельным, для того что Бог сие повелел. Нет, сие представление ложно и не может сделать никаких иных, кроме вредных, впечатлений в уме, не знающем еще различать вид блаженства от самого блаженства. Научайте их паче, что добродетель одна делает людей счастливыми, а порок несчастными; что Бог ничего нам не запрещает, кроме злого и вредного, и что он не требует от нас ничего, кроме того, что и в сем мире уже действительно нам полезно и добро; что благочестие и невинная радость не противоборствуют друг другу; и что случаи, в которых праведный и благочестивый человек много претерпевать должен, не часто происходят*.

Шестое: для облегчения им всего сего *доводите их заблаговременно до испытания самих себя*, которое есть изрядное средство к тому, чтоб всегда делаться благоразумнее и добродетельнее. Не надлежит вам налагать на них испытание сие яко упражнение, которое бы ежедневно они делать были *должны*. Такое принуждение сделалось бы для них скучно, а чрез сие и бесполезно. Также должны вы *представлять* при том *не строгого судию, но паче друга*, приемлющего участие во всем касающемся до его друзей, радующегося вместе с ними о соделанном ими добре и оказывающего сердечное огорчение тогда, когда они имеют несчастье сделать зло. Коль многие случаи на то представляются внимательным родителям и надзирателям! Когда вы, например, при окончании дня или недели окружены бываете детьми своими, когда они, будучи с вами, находятся в удовольствии и благополучии, когда даете вы им познавать нежную любовь и попечительность и возбуждаете в них чрез сие взаимную любовь и благодарность и приобретаете себе их доверенность, коль удобно бывает вам тогда устремлять внимание их на прошедшее и подавать им повод к исследованию сих и подобных вопросов: «Как препроводил я сей день, сию неделю? — Сделал ли я в сей день, на сей неделе

---

* Ибо когда благочестивый страдает, то претерпевает вред только во внешних и преходящих благах; но никогда не можно благочестивым и добродетельным действительно нанести вред, потому что добродетельный не может быть обижен, не может быть несчастен.

что-нибудь таимое, что действительно подает мне причину к удовольствию и радости и что еще впредь мне либо другим полезно быть может? — Успел ли я в сие время в каком-нибудь художестве, науке или искусстве столько, сколько успеть мог? — Или не сделал ли или не говорил ли я что-либо такое, чего ныне стыдиться должен, о чем, может быть, долго еще раскаиваться стану, чего вредные следствия, может быть, долго еще чувствовать буду? — Не воздыхает ли ныне кто-нибудь о том, что я его обидел или сделал ему несправедливость? — Не терпит ли ныне кто-нибудь болезни или других трудностей от того, что я отказал ему во вспомоществовании и утешении, о котором он меня просил и которое дать ему я мог? — Не причинил ли я каким-нибудь словом или поступком беспокойства, неудовольствия и досады моим родителям, учителям либо и служащим мне домашним?» Благо вам и детям вашим, если вы таким образом мало-помалу приучаете их к испытанию самих себя, если иногда показываете им сами в том пример, если вы не стыдитесь признавать пред ними свои погрешности, по крайней мере в присутствии их учиненные, раскаиваться в оных, сожалеть о пропущении случая к соделанию добра, радоваться с ними при напоминании действительно произведенного вами добра и сим образом, рассматривая свое и их поведение, научать их мудрости и добродетели!

Седьмое: *Научайте их также пользоваться сим образом и поведением других людей.* Бывая с ними в компаниях (и желательно, чтоб вы редко без них бывали в оных), примечайте то, что при них говорится и делается, и после дружественно с ними о том разговаривайте. Делайте сие и тогда, когда возвращаются они из таких компаний, в которые вы провожать их не могли. Сами они подадут вам довольно материя к таким разговорам. Дети и молодые люди обыкновенно бывают внимательнейшими наблюдателями происходящего в их присутствии, нежели пожилые особы. Большая часть вещей имеет еще для них прелесть новости; а внимание их менее ослабляемо или прерываемо бывает собственными мыслями и рассуждениями, нежели внимание тех, которые приходят в компанию, обременены будучи разными заботами и трудными делами. И так заставляйте детей своих или воспитанников сообщать вам наблюдения, сделанные ими при таких случаях, и не предупреждайте их своим мнением. Изведывайте добрые или злые впечатления, сделанные в них разговорами, ими слышанными, или поведением других людей, коего были они

свидетелями. Старайтесь представлениями и доводами утвердить полученные ими добрые впечатления, а злые ослабить и загладить. Остерегайте их от погрешностей и запрометчивостей, примеченных ими в других. Показывайте им, сколько вреда наносят чрез то сами себе сии люди и сколь нарушается тем удовольствие общественной жизни. Представляйте им образцами для подражания отличившихся от других своею праводетельностию, скромностию, кротостию, осторожностию, человеколюбием и научайте их, сколько почтения и любви заслуживают они тем у всякого. *Но не позволяйте им судить ближнего с беспощадною строгостию**, приучайте их паче к тому, чтоб охотно извинять то, что извинить можно, и рассматривать с *самолучшей* стороны такие слова и дела, которые удобны к различному толкованию. При том поставляйте для них должностию не разглашать далее о порочном и достойном наказании, примеченном ими в других и вам пересказанном, не насмехаться и не шутить над тем; но употреблять оное на собственное только остережение и исправление. Чрез сие соделаете вы обхождение с другими людьми не только для них безвредным, но еще и полезным училищем мудрости и добродетели.

Осьмое: *Также употребляйте к сему историю*. Не думайте, что дети ваши или ученики тогда учатся ей, когда вселяют в память свою и могут пересказывать множество более или менее важных приключений со всеми оных обстоятельствами и следствиями. *История должна нас делать благоразумнейшими и лучшими; из нее должны мы научиться знать себя и других людей, когда надлежит ей действительно быть для нас полезною*. Но дети и молодые люди должны еще в сем быть наставляемы; ибо не довольно еще; упражнялись они в размышлении, дабы искать и обретать пользу сию без чужой помощи. Однако посредством сего наставления история те же может доставить им выгоды, какие доставил бы им собственный опыт, да и доставляет в самом деле гораздо удобнейшим и безвреднейшим образом. И так при чтении оной спрашивайте их часто: как судят они о тех или других мыслях либо действиях человеческих? для чего называют они сии правосудными, справедливыми, великодушными, благодетельными, а те несправедливыми, подлыми, свирепыми, бесче-

---

* А еще паче не делайте сего сами в их присутствии столь же беспощадно, как и неразумно.

ловечными? Для чего смотрят они на первые с удовольствием и радостью, а на последние с отвращением и страхом? для чего принимают они более участия в судьбе одной особы, нежели другой? — Спрашивайте их: что бы почли они за должность в таких обстоятельствах? — к чему бы они вознамерились? — к которой бы стороне пристали? — не пропустили ли бы они сего случая к соделанию добра и воспротивились ли бы сей прелести ко злу? — Прилагайте все читаемое или слышимое ими к ним самим и к особенным обстоятельствам, в которых они тогда обретаются или впредь обретаться могут. Научайте их при том всегда примечать собственное свое сердце, открывать сокровенные склонности оною, и если склонности сии беспорядочны и злы, то одолевать их тем заблаговременнее и ревностнее, чем яснее из приключившегося другим усматривают они, до каких распутностей и злодейств могут довести сии склонности человека, придержащегося их. Таким образом, история в одно время будет их забавлять, научать и исправлять. Она послужит изрядным способом к образованию их сердец и к соделанию их добронравными человеками.

Из первого отделения о сей материи видели мы, что труднообразование духа детей. Но не менее важно и трудно образование их сердца. К сему потребны великое внимание, неусыпная прилежность, неутомимое терпение, потребно много осторожности и благоразумия. Родители и надзиратели беспрестанно должны бдеть над собою самими, так же как и над детьми, примечать всякую добрую или злую склонность, в них появляющуюся; пользоваться всяким случаем к утверждению первой и к ослаблению последней; не почитать за малость ничего могущего иметь влияние во нравственное их свойство*; беспрестанно соединять учение с упражнением; обоему придавать силу и важность собственным своим примером; всегда поступать по тем положениям и стремиться безуклонно к той цели, хотя бы и ежедневно находили они новые препятствия на пути, ведущем к оной. Кто исправляет дело сие токмо яко постороннее; кто надеется все сделать посредством приказов и предписаний; кто поступает с детьми или учениками своими не яко с разумными тварями, коих надлежит просвещать и представлениями доводить к добру, но

---

* В сем погрешают особливо те, которые прямо до них не касающееся почитают за малость.

яко с машинами, которые только понуждать и толкать должно; кто не охотно снисходит к их слабости и не воображает себя часто на их месте, дабы размерять наставление и учение свое по их понятию и потребностям; кто сегодня так, а завтра иначе, сегодня с чрезмерным послаблением, а завтра с чрезмерною строгостию поступает; кто первыми затруднениями, первыми неудачными опытами отстрашится от своей прилежности и не столько постоянен, чтоб *целые годы* трудиться с одинакою верностию, хотя и не видит отменных плодов своей работы: тот не много успеет в сем важном и многотрудном деле; но он не может обвинять никого, кроме себя, когда весьма прерывные, погрешностями исполненные и сами себя разрушающие старания его почти совсем бывают напрасны. Примечайте сие наипаче вы, имеющие счастье быть матерями! Вы должны по большей части споспешествовать образованию сердца детей ваших. Вы можете, вы должны ежедневно и ежечасно над тем трудиться, и ваша только нежная любовь может преодолевать соединенные с тем трудности. Когда ж вы сию должность вашу исполните во всем ее пространстве, то гораздо большую окажете роду человеческому услугу и гораздо более споспешествовать будете его благополучию, нежели сколько могут все другие люди, какого бы состояния они ни были.

II О образовании сердца

2. Особенно

а) К добродетели

К прежним всеобщим правилам хотим мы присовокупить еще некоторые особенные, относящиеся ко главным добродетелям, в которых дети и молодые люди должны наставляемы быть предприемлющими образовать сердце их или нравственное свойство.

Первое: приучайте их с первых лет к повиновению и уступчивости. Кто не научился сему в молодых летах, тот во всю жизнь свою бывает несчастен*³¹¹. Все мы бываем в тысячеобразных обстоятельствах, в которых должны мы повиноваться, уступать, если не хотим преступить нашу должность или причинить неудовольствие самим себе либо другим. Либо должны мы избегать человеческого общества, отказаться от всех выгод и удовольствий оного и искать

---

* «Ласкай чадо, и устрасит тя, играй с ним, и опечалит тя». Прем. Ис. Сирах.

себе жилища в лесах и пещерах; либо должны мы пожертвовать некоторою частию натуральной свободы нашей безопасности и спокойному употреблению прочей, довольствоваться некоторыми ограничениями и уступать взаимно друг другу. Но коль неспособен к сему должен быть тот, кто чрез десять, пятнадцать или еще более лет мог беспрепятственно следовать своим мыслям, не мог терпеть никакого сопротивления, которого желания для всех окружавших его были приказами, которому слепая любовь его родителей и надзирателей во всем уступала и которому после вдруг надлежит мыслить и действовать иначе! Вступает он в большой свет. При всяком шаге находит себе препятствия. Желания его не только не с ревностию исполняемы, но едва и примечаемы бывают. Противятся всем его хотениям и намерениям. Своемыслие его оскорбляется то сим, то другим образом; а ничто его переломить не может, ибо оно крепко уже в нем укоренилось. Несчастный человек! плачевная жертва чрезмерной нежности и послабления! коль часто, впускаясь в размышления, будешь ты вздыхать о сей свирепой нежности и послаблении! коль часто будешь ты желать, чтоб твои родители и надзиратели употребляли над тобою правильную свою власть и научили тебя повиновению!

О вы, родители, если хотите пощадить детей своих от сих вздохов, от сих жалоб и от сих зол, извлекающих оные, то упражняйте их, *упражняйте* в повиновении и уступчивости; ибо единые предписания и увещания к тому не много принесут пользы. Допускайте их легко себя упрашивать, предупреждайте даже иногда их просьбы, если касаются они до безвинных и добрых вещей, и доказывайте им самым делом, сколько печетесь вы о истинном их удовольствии и благополучии; но не допускайте их ни к чему вас принуждать, не уступайте их своенравию и упрямству, слезы своемыслия не должны преклонять вас к безвременному совладению. Не приказывайте им ничего без зрелого рассуждения, без достаточных доводов; справедливость и снисхождение к их возрасту и слабости должны определять все ваши приказания; однако давши оные, не возвращайте уже, но требуйте непременно оных исполнения и не преклоняйтесь к отложению их ни упрямым сопротивлением, ни хитрым ласкательством. Но берегитесь также предписывать детям в одно время слишком многие или различные приказы. Чрез то наложили бы вы на них несносное бремя и некоторым образом принудили бы их к непови-

новению; либо сделали бы вы их робкими невольниками, с величайшею нетерпеливостью дожидаящимися той минуты, в которую могут они без наказания злоупотребить своею свободою. И так оставляйте собственному их произволению то, что само по себе не важно и не может иметь никакого вредного влияния в их нравы, и довольствуйтесь тем, чтоб в рассуждении таких вещей делать им иногда полезные представления и показывать доводы, по которым они сами вознамериться могут. Подражайте в сем Богу, всеобщему нашему законодателю. Коль многое оставил он нашей свободе и колико облегчил тем для нас повиновение заповедям его! Пренебрежение сего правила бывает главною причиною того, что толь немногие дети научаются повиновению. Налагая всегда приказания на приказания и якобы желая всякий поступок, всякое слово, всякое положение и всякое движение дитяти или молодого человека определить предписаниями, не можно принуждать его к исполнению всех сих приказаний, и необходимо надлежит пропускать с молчанием разные преступления своих предписаний, а чрез то теряют силу все прочие, и самые важнейшие, приказания, и неповиновение становится привычкою.

Вливайте в детей ваших владычествующую любовь к истине, праводетельности и чистосердечию. Они им природны. Вам потребно только удерживать их и не стараться истреблять. И так не насмехайтесь над невинною их откровенностию. Берегитесь научать их притворству, лжи и ласкательству. Печальная необходимость научит уже их со временем не говорить все то, что они думают. Но горе им и вам, когда вы учите их говорить противное тому, что они думают*! Кто научен в детстве и юношестве лжи, притворству, ласкательству, кому выхваляемы были сии пороки, яко важнейшие правила благоразумия и искусства жить, тот почти всегда делается либо вредным, либо по крайней мере весьма скучным и неприятным членом общества. Он приобыкнет чрез то лукавствовать, обманывать, в делах своих с другими без размышления употреблять всякие хитрости и коварства, которые только не прямо запрещены законами. В мнениях своих будет он весьма переменчив; он будет сего дня хвалить и почитать то, что вчера

---

* Горе вам, когда вы собственным примером научаете их некоторым порокам, яко добродетелям, как то подслушиванию, клеветанию, неприязненному или презрительному суждению о других, чужих людей заочно порочить, а в присутствии их хвалить, и т. п.

порочил и презирал. В учтивостях и уверениях о дружестве будет он щедр до расточительности; но ни о чем не станет менее думать, как о исполнении оных, если не побуждает его к тому необходимость или собственная польза. Никогда не отважится он противиться несправедливым и пагубным действиям таких особ, которых научился он почитать ползая. Наконец, неспособен он будет к истинному дружеству, не только всякою лежею гнушающемуся, но и ненавидящему самое удержание; а чрез сие какого утешения в жизни, каких чистых радостей лишится он! Не жалуемся ли сами мы ежедневно на погрешности и недостатки общественной жизни, о которых теперь упомянуто было? Для чего ж хотим переселить их и в будущий род? Для чего выхваляются оные детям и молодым людям, яко добрые свойства и яко добродетели*? Для чего почитают то преступлением, когда они сказывают истину или открывают сердечные свои мысли о какой-либо вещи? Для чего хвалят, для чего награждают их преимущественным уважением и любовию, когда они умеют все, что слышат и видят, хвалить, уважать и чрез то льстить? Родители и надзиратели, избегайте сих весьма обыкновенных погрешностей! Воспитывайте детей ваших не ласкательными невольниками, но свободно и благородно мыслящими человеками, умеющими ценить самих себя, любящими паче всего истину и не боящимися ее сказывать, когда их должность или благо других человек того требует. Верьте, что ни один чистосердечный, честный, открытый человек не раскаивался еще о том, что он чистосердечен, честен и откровен, что он враг всякого притворства и ласкательства.

С другой стороны, *старайтесь охранять детей своих от многоречия и болтливости*. Научайте их говорить и рассуждать с размышлением. Показывайте им, коль многие досады причиняет себе и другим и сколь наскучивает обществу тот, кто хочет в оном якобы один только говорить и заглушает прочих без различия добрыми и худыми замыслами, какие только собрать может. Притом приучайте их к молчаливости в рассуждении таких вещей, которые объявлять должность нам запрещает. Вверяйте им иногда какую-нибудь тайну** и по поступкам их с оною размеряйте большую или меньшую доверенность, какую вы впредь иметь к ним можете.

---

* Яко искусство жить, яко скромность, яко учтивость?

** Или по крайней мере рассказывайте им о известном деле за тайну и наблюдайте, как они то употребят.

Сколько возможно заблаговременно *приучайте их к трудолюбию, порядку и прилежанию в их делах*. Наставляйте их, коль разумно и справедливо то, чтоб всякий употреблял самолучшим образом свои дарования, силы, время и имущество, и коль несправедливо было бы принимать помощь и услуги от столь многих людей, не оказывая им по возможности взаимной помощи и услуг*.

Показывайте им, коль тесно связаны между собою все человеки, сколь одному нужен другой и коль выгодно для каждого особенно и для всех вообще бывает, когда они с общею ревностью стараются споспешествовать взаимному благосостоянию. Научайте их, сколько порядок облегчает каждому его дела, сколько почтения и доверенности чрез него приобретает, сколь Богато награждается, наконец, непрерывное прилежание, коль изрядным средством служит трудолюбие к охранению человека от грехов и дурачеств и от несносного бремени скуки, коль чисто, коль велико бывает удовольствие трудолюбивого, когда помышляет он о совершенной благополучно работе, о преодоленных при том затруднениях и о пользе, доставленной им чрез то себе и другим. Когда впечатлеете вы глубоко в детей ваших сии учения и будете предшествовать им своим примером; когда станете занимать их всегда полезными вещами, сколько позволяют сие их возраст и силы; когда приучите их предпринимать всякое дело в надлежащее время и производить все с надлежащим рачением: то любовь к порядку и трудолюбию сделается им натуральна. Не возмогут они впоследствии быть беспорядочны и нетрудолюбивы. Не будут они впредь почитать дела звания своего угнетающим бременем и не станут гоняться за всяким летучим удовольствием; а чрез то охраните вы их гораздо безопаснее от недостатка и убожества и сделаете их гораздо полезнейшими членами общества, нежели оставя им с противными склонностями великие Богатства.

С величайшим рачением наставляйте детей в смирении и скромности, которые столь благопристойны всем людям, а особливо детям и юношам, и столь нужны к споспешествованию их совер-

---

* Особенно приучайте их вставать рано, скоро и самих одеваться к сожалению, сами родители по большей части сего не любят или по крайней мере допускают детей спать долго, под пустым предлогом, будто утро для них бесполезно и будто они только другим в отправлении дел препятствуют. Чрез то приучаются дети к лености, источнику самых гнуснейших пороков.

шенству и благополучию. Не хвалите их за такие преимущества, которые не сами они приобрели, но обязаны за них только породе своей и состоянию, и не позволяйте другим вперять в них великие понятия о красоте их, знатной породе и Богатстве. Научайте их почитать выхваляющих и почитающих их за то подлыми льстецами или невежами и корыстолюбцами, либо совсем иначе думающими, нежели как говорят, либо ищущими в том своея только выгоды. Показывайте им, сколь мало истинной цены имеют наружные сии преимущества, сколь удобно можно их лишиться, сколько обязывают они человека к отменно доброму и общеплезному поведению и коль презренным делают они его, когда он либо злоупотребляет их, либо менее добродетелен и полезен бывает, нежели другой, не столько способов и побуждения к тому имеющий. Но и сами вы никогда не гордитесь сими преимуществами; не презирайте бедных и низких людей и почитайте только мудрость, добродетель и честность, хотя бы они окружены были блистанием счастья или сопровождаемы недостатком и убожеством. Вперяйте в них также скромные мысли о природных или приобретенных способностях, знаниях и добродетелях. Научайте их, коль неведающ и слаб человек сам по себе, колико зависит он во всем от высочайшего существа, коль удобно может он многоразличными случаями низвергнут быть с опасной высоты, на которую вознесся. Научайте их, коль несовершенны и ничтожны бывают величайшие познания и добродетели человеческие и как то зависит по большей части от наставления, воспитания, внешних обстоятельств, а наконец все от божественного провидения. Показывайте им, сколько превосходят их во всем другие, которые, может быть, менее имеют вспомоствований и ободрений, и сколь много еще остается им сделать для того, чтоб быть столько мудрыми и добрыми, сколько быть могут и должны. — Упражняйте их в смирении особливо тогда, когда они почитают себя обиженными и когда не оказывают им всего того уважения и почтения, на кое думают они иметь право. Напоминайте им тогда о собственных их слабостях и погрешностях, о недостатке действительных заслуг, о великом снисхождении, какое им самим от других нужно, о безрассудности, с какою большая часть людей говорят и действуют. Делайте для них понятным то, коль удобно без злых намерений или враждебного духа, по неосторожности можно сказать или сделать что-нибудь такое, что другим не нравится и способно к весьма худо-

му истолкованию. Оберегайтесь малые ссоры их делать чрез то важными, когда сами вы великое принимаете в них участие и поступаете с ними яко с такими вещами которые заслуживают много внимания или собственную вашу честь приводят в опасность.

Упражняйте их паче при всех случаях в примиримости и великодушии. Вместо того чтоб по обыкновению кричать им: «Сего не должны вы стерпеть, а то не должны оставить без отмщения; вам нет нужды делать так, как делают другие, и вы можете за неприязнь платить неприязню же», говорите им лучше: «Вам должно поставлять себя выше таких малостей; они не стоят того, чтоб вы их примечали или беспокоивались ими; радуйтесь, когда вы умнее и лучше других, и сожалеите о тех, которые менее вас умны и добры, но не имейте к ним ненависти». В сем же намерении не допускайте детей своих быть долго в несогласии друг с другом или с иными людьми. Показывайте им, коль неприятно и насильственно такое состояние и коль многих выгод и удовольствий оно их лишает. Когда они отдалятся друг от друга, то сводите их вместе и представляйте им, сколь ничтожна была причина их отделения и сколь удобно могли бы они сами то усмотреть, если б только лучше рассмотрели дело, а не вдруг рассердились. Запрещайте им всякое мщение, хотя бы оно предметом своим имело зверей или безжизненные вещи*, и научайте их, как скоро они понимать то могут, что только чувствование вины и слабости рождает охоту ко мщению, а уверение о невинности и силе производит великодушие.

Старайтесь влиять в них искреннюю любовь и благоволение ко всем человекам, без различия состояния, религии, народа или внешнего счастья. Научайте их почитать братьями всех человек, низких и знатных, бедных и Богатых; человек признавать за человек, то есть за тварей разумных и бессмертных, а внешние их обстоятельства за случайные вещи. Впечатлевайте в них глубоко натуральное равенство человек, дабы блеск могущества их не ослеплял и не совращал бы либо к подлости, либо к суровости, гордости и свирепству. Не позволяйте им говорить о *черни, подлом народе*, сопровождая речи сии презрительным видом и ужимками**. Такие

---

* Не бейте сами тот стул или камень, о который неосторожное дитя ушиблось.

** Ибо чернь, подлый народ, суть не низкого состояния человек, но подло мыслящие и порочные люди, знатны ли они или нищие.

выражения в устах всякого разумного человека достойны наказания: заблуждение и порок их родили, а в устах дитяти или юноши суть они самая глупость и нелепость. Когда дети ваши или ученики употребляют сии выражения, то показывайте им, что те люди, которых они чернию и подлым народом называют, гораздо более имеют заслуг и суть гораздо важнейшие и полезнейшие члены общества, а потому и более заслуживают чести и уважения, нежели они, и что весьма еще неизвестно, не придут ли сами они либо чрез худое свое поведение, либо безвинно по несчастным приключениям в сей же низкий класс людей и не увидят ли себя принужденными искать сожаления и помощи у тех, коих теперь без причины столько пренебрегают. В сем рассуждении надсматривайте также рачительно над поступками их с домашними служителями. Не допускайте их обходиться с ними презрительно, сурово или повелительно и вести себя как строгих и своемысленных господ, когда еще самим им надлежит учиться повиновению. Напротив того, научайте их познавать цену услуг, оказываемых сими людьми их слабости и неопытности, и познавать с надлежащею благодарностию; вливайте в них человекодружественные, благодетельные мысли об оных; и когда отважатся они в вашем присутствии приказать что-нибудь слуге, то не позволяйте исполнять такие приказы. Сохраняйте детей еще с самых первых лет от хладнокровия, отвращения и вражды, весьма часто причиняемых между человеками различием народа и религии. Научайте их, что не одежда, не наружные обычаи и употребления, не мнения определяют истинное достоинство человеческое, но свойство и поведение; что наставление, воспитание и случай величайшее имеют участие во мнениях и вере большей части человеков; что никто с намерением не заблуждается и не отвергает истину яко истину; что дела нужнее знания; что не заблуждение, но порок осуждает человека; что всякий должен следовать своей совести, хотя бы она и заблуждалась; что Бог не взирает на лица, но между всеми народами боящиеся его и творящие правду ему угодны.

Притом приучайте их к сожалению и благодетельности. Желая образовать сердца их к сим добродетелям, не только представляйте им оные весьма изрядными и благо родными, но учите их действительно познавать многообразные роды убожества и несчастия, в которых толь многие братия их воздыхают. Водите их иногда в печальные, но поучительные жилища бедных, больных и

умирающих. Заставляйте их там сравнивать свое состояние с состоянием столь многих других тварей одинаковой с ними природы и, может быть, имеющих более заслуг, нежели они. Показывайте им гладный и ужасный вид, суровое ложе и столь же суровый хлеб бедных и нуждающихся и заставляйте слышать прискорбные их вздохи. Не удаляйте их от таких трогających явлений, опасаясь оскорбить изнеженный их вкус или причинить им болезненные чувствования. Чувствования сии суть честь человечества. Радуйтесь тому, когда явятся оные в детях ваших; давайте течь свободно слезам сожаления; не сокрывайте от них свои слезы и показывайте им примером своим, что вы и в мужественных летах не стыдитесь похвальных сих слез. Но разделяйте с ними и удовольствие благотворения и помощи, оказываемой вами оставленным и нуждающимся. Советуйтесь иногда с ними о самом лучшем способе делать сие. Представляйте им то отменною честью, «оказываемую им от вас за доброе их поведение, что вы исполняете обще с ними какое-нибудь благодеяние. Приучайте их ограничиваться несколько в своих забавах и удобствах, дабы тем более помогать не имущему и необходимому. Делайте заблаговременно понятным для них, что благотворение, не стоящее нам ничего или при котором мы ничего иного не делаем, как отдаем то, чего сами употребить не можем, что для нас совсем излишне и бесполезно,— что сие благотворение не может большую иметь цену, не может быть добродетелию. Награждайте их за благодетельность не подарками, но допуская их участвовать в радости бедного и нуждающегося, вами подкрепленного, больного, получившего от вас облегчение, печального, вами утешенного, и давая им слышать, с каким исполнением сердца благословляет он своих благодетелей.

Научайте их отречению самих себя и одержанию владычества над чувственными своими похотями. И в сем намерении соединяйте упражнение с наставлением и начинайте обоим столь рано, сколько возможно. Сие весьма важно для таких отчасти чувственных отчасти ж разумных тварей, как мы. Кто в первых летах свои не учился отрицаться самого себя и противиться сильным чувственным похотям, тому в дальнейшем возрасте весьма будет трудно, если не совсем невозможно приносить должности и добродетели жертву, которой они в нынешнем состоянии учения и упражнения толь часто от нас требуют.

И так приучайте детей своих или порученных надзору вашему отказываться иногда добровольно от какого-либо невинного удовольствия и прерывать наслаждение оным и чрез то доказывать силу духа и владычество над собою. Предшествуйте им и в сем своим примером. Назначайте какие-нибудь удовольствия или увеселения, которыми вы намеряетесь наслаждаться купно с ними; радуйтесь наперед оным; а если некоторые должности или случайные обстоятельства воспрепятствуют вам наслаждаться сими удовольствиями или отзовут вас от них, то ненарушимым спокойствием и дружественным наставлением показывайте тогда детям, сколько предпочитаете вы должность свою всяким забавам и сколь благо уметь умерять свои желания и владеть самим собою. Просите их упражняться при сем случае в сих благородных добродетелях или по крайней мере при сем поводе подать сильное доказательство их к вам любви и наградайте делающих то охотнее прочих отменным уважением и дружеством. Хотя сначала будет им тяжело делать себе столько насилия, хотя будет им стоить труда удерживать слезы и не производить жалоб, однако безвременное сожаление не должно вас склонять к избавлению их от сего труда. Чем чаще будут они иметь полезное сие упражнение, тем удобнее сделается оно для них, и чрез то приведете вы их, наконец, в состояние приносить без отрицания драгоценнейшие жертвы добродетели и праводетельности, как скоро должность того от них потребует.

Наконец, *научайте их терпению в страдании, бодрости и постоянству в несчастии, смелости и неустрашимости во всяких обстоятельствах.* Сии свойства и добродетели в нынешнем состоянии нашем необходимо нам нужны. Кто не научился страдать с равнодушием, кого всякое небольшое приключение потрясает и ввергает в уныние*, кто ужасается и дрожит от всякой угрозы, от всякого вида опасности, тот не достигнет высокого степеня в нравственном совершенстве, и благополучие его подвержено весьма многим и скорым перелетам. Терпеливый только, постоянный, неустрашимый способен к преодолению трудностей, облетаемых иногда на пути должности и праводетельности, к сопротивлению стремительной реке владычествующей гибели и к сохранению не-

---

* Кто при всяком печальном или только неприятном известии падает в обморок.

винности своея и спокойствия духа при всех переменах и искушениях внешнего счастья. Но к сим добродетелям должны мы благодарно быть приучаемы; сперва должны мы научиться им в малости, когда хотим пополнить их в дальнейшем возрасте и при важнейших приключениях. И так не только выхваляйте детям своим или воспитанникам сии мужественные и благородные добродетели, но и упражняйте их в оных при всяких случаях. Не допускайте любовь вашу к ним преклонять вас к изнежнию их вкуса, к пощажению их от всего трудного и неприятного и к приучению их к слабости*. Приучайте их паче к суровой несколько жизни, дабы никакие удобства не сделались им столь необходимыми, чтоб они не могли пробывать без оных, не будучи несчастны. Когда случаются им небольшие несчастья, когда терпят они какую-нибудь болезнь или отягощение, когда теряют они такие вещи, которые почитают драгоценными, то не умножайте чувствительность их, принимая в том великое и прискорбное участие, поднимая громкие жалобы, стараясь с чрезвычайною ревностию купно со всеми вас окружающими утешить их в сем несчастий, заменить их потерю и в то же мгновение утишить весьма сносную их болезнь. Немного стоящим вещам не давайте в глазах их большей важности, нежели какую они имеют, своим об оных мнением и поступками**. Старайтесь паче успокоивать их вашим спокойствием и вливать в них бодрость вашу смелостию. Научайте их всякую вещь почитать тем, что она есть; разговаривайте с ними дружественно о свойстве зла, их угнетающего, чувствуемой ими болезни, потерпенной ими потери; показывайте им, коль многообразным злоключениям и несчастьям человек подвержен и сколь многое может он сносить и терпеть, когда только захочет. Приводите им примеры таких людей, которые гораздо более их страдают, однако терпеливы и постоянны, и вместо того чтоб устрашать их представлением всех возможных злых следствий, могущих произойти от их несчастья, научайте их мало-помалу познавать многообразную пользу, которую мудрый и добродетельный человек может получать из самых противностей, ему случающихся. Но и сим учениям давайте жизнь

---

* Или не прислуживайте им сами, как то матери иногда делают.

** Напр., платью, пищу, удовольствиям и т. п.

и силу вашим примером. Снесите сами с терпением страдание, вам приключаящееся. Не давайте им никогда слышать от вас роптательных и горьких жалоб на судьбы божии; показывайте им собственным вашим поведением, что вы умеете и в несчастьи успокаиваться и с твердым мужеством итти на неизбежную опасность.

Наконец, охраняйте сколько возможно детей от всяких впечатлений страха и ужаса, происходящих от таких вещей, которые страшный и ужасный вид дают только невежество, либо суеверие, либо трусливость, либо рабские мысли. Показывайте им сии вещи, когда находите к тому случай, делайте им оные известными и представляйте им в яснейшем свете слабость и несчастье тех, которые всегда бредят о опасностях и повсюду видят опасность.

Вот главные добродетели, коим дети и молодые люди должны быть научаемы и в которых беспрестанно упражнять их надлежит. Когда вы, которых Бог родителями или надзирателями и учителями соделал, твердо и верно будете наблюдать данные в сем рассуждении правила, часто и пристойным образом делать соединенные с ними упражнения и при том никогда не утомитесь, моля Бога о благословении, то, без сомнения, не будут труды ваши тщетны. Ранее или позднее произведут они обильные плоды мудрости и добродетели в сердце и поведении под надзиранием вашим находящихся. Дети приучатся к повиновению и уступчивости, к люблению истины и честности, к трудолюбию, к прилежанию и к порядку в своих делах; они будут смиренны и скромны, будут всех человек любить, яко братьев своих, удовольствие свое искать в благотворении, владеть самими собою и отрицаться от сильных чувственных похотей; научатся они терпению в страдании, постоянству в несчастьи и неустрашимости в опасностях. Коль мудры, коль добродетельны, коль благополучны будут они с сими преизрядными и благороднейшими добродетелями! Коль возвысят добродетели сии блистание наружных их преимуществ или заменят недостаток оных! Коль угодны будут они чрез то Богу и человекам, коль полезны братьям своим! Коль спокойнее и беспечнее разлучитесь вы некогда с ними, зная, что сии добродетели, а с ними и все прочие суть их предводительницы в жизни.

б) К религии и христианству.

Но вернейшего наблюдения всех предписаний и упражнений, предложенных доселе для образования разума и сердца детей, не

довольно было бы к достижению великого предмета разумного и христианского воспитания, если б не были они соединены с толь же верным и рачительным наставлением в *религии* и *христианстве*. Через него только сии предписания и упражнения прямо важными и полезными становятся. Через него только разум человеческий образуется к истинной мудрости, а сердце к истинной, благороднейшей добродетели. Через него только становится человек способен к высочайшему, вечному блаженству. *Бояться Бога, се есть мудрость; из страха ж Божия убежать от зла, се есть разум*. Так говорит Соломон. И в самом деле, без ясного и надежного света, возжигаемого нам религиею и христианством в самоважнейших вещах, без твердых доводов, коими побуждают они нас к тому, что право и благо, без силы, даемой ими нам на исполнение должности нашей, в худом бы находились состоянии мудрость наша и добродетель. Они были бы подобны зданию, основанному если не на песке, то, без сомнения, не на весьма твердом основании. Беспреестанно были бы мы подвержены опасности заблудиться в заключениях наших и быть обмануты и прельщены нашими чувствами, нашим воображением, нашими страстями. Немногие только, немногие были бы мудры и добродетельны; да и сии немногие не успели бы ни в мудрости, ни в добродетели столько, сколько христианин, делающий честь своему имени, успеть *может*. И так всего нужнее наставлять детей и молодых людей заблаговременно и наилучшим образом в религии и христианстве, если надлежит им быть столь мудрыми, столь добрыми, столь общепользовными и столь блаженными, сколько они быть могут. А в сем тем нужнее некоторое наставление, чем небрежнее большая часть родителей и надзирателей исполняет важную сию часть воспитания и чем многообразнее и общее суть делаемые в ней погрешности. Никто не отрицает то, что дети и молодые люди должны наставляемы быть в религии и христианстве и что сие дело весьма важно. Но что делают для исполнения сея должности? Сперва заставляют их выучивать наизусть некоторые, по большей части трудные и невразумительные, молитвы, потом краткую или пространную систему религии и многие места из священного писания, довольно для них темные; принуждают затверживать в памяти со многим трудом такие вещи, которых они совсем не понимают, а чрез то нередко делают им вещи сии скучными, вместо того чтоб научать их почи-

тать и любить оные*. Впоследствии изъясняют им сии вещи, которые думают они разуметь, потому что говорить о них могут; а сие изъяснение производится обыкновенно так, что уверяет их более о их зависимости и подчиненности, нежели о важности и изрядстве вещей. Притом увещевают их иногда бояться Бога и быть благочестивыми, но по большей части мимоходом и слишком обыкновенным образом; принуждают их к посещению публичного Богослужения и заставляют при случае сказывать текст из Священного Писания или главное положение, о котором говорил проповедник, не заботясь о том, поняли ли они что-нибудь из проповеди и употребили ли к научению и исправлению своему. После всего того думают, что уже все сделано, что могут и должны делать христианские родители для устремления детей своих к господу. Но много ли внимания и остроумия потребно на то, чтоб усмотреть недостаток в таком наставлении в религии и христианстве, и не научает ли ежедневный опыт, коль недостаточно все сие для образования детей и молодых людей истинными христианами? Нет, наставляя детей и молодых людей в религии и христианстве называется не только то, чтоб научать их содержанию божественного учения сего пристойным возрасту и понятию их образом, но и делать почтенным и любезным сие учение и Иисуса Христа, открывшего нам оное, образовывать смысл их по его смыслу и стараться приучать их к наблюдению его предписаний и к подражанию его примеру. Родители и надзиратели должны сие предпоставить себе последнею целию не только в учебные часы, но и во всем обращении с детьми и во всех своих с ними поступках, если хотят удовлетворить своей должности. Для споспешествования некоторым образом достижению сего предмета хотим мы то, что наипаче при сем наблюдать должно, заключить в следующие пять главных правил.

Первое правило есть сие: *Вливайте в детей своих или учеников с первых лет благое предрассуждение о важности и истине религии и христианства.* Не хотим мы чрез сие сказать, что они должны только по предрассуждениям бояться Бога и быть христианами. Нет, они сами должны исследовать религию и христианство и доводами утвердиться в вере своей, когда достигнут до совершенного употреб-

---

* Прямой путь воспитать либо глупых суеверов, либо лицемеров, либо неверных, либо и совсем явных злодеев.

ления своего разума. Но как они живут и воспитываются между христианами, то весьма много зависит от первых впечатлений, получаемых ими о свойстве христианского учения, и сии впечатления весьма много споспешествуют к затруднению или облегчению их будущих исследований. И кто может опорочить родителей или учителей, которые сами делали такое исследование, которые сами, следуя ему, по истинному уверению суть христиане, которые познали и испытали святость, утешительность, божественность своєю религии, кто опорочит их, когда они с сея же стороны захотят научить детей своих или воспитанников; кто не обвинит их в противоречащем самому себе поступке, если они сего не сделают*? Зная о какой-либо вещи, что она меня исправляет, успокоивает и делает блаженным, не возможно мне представлять ее неважною тем людям, в благополучии которых приемлю я величайшее участие; необходимо должен я доставлять им выгодные понятия о сей вещи, хотя они и не в состоянии судить о ней по своим познаниям и опытам. И так делайте сие в рассуждении религии и христианства, вы, занимающиеся христианским воспитанием. Ваши дети или ученики имеют великое мнение о вашем разуме, о вашем остроумии, о вашей мудрости и благоразумии в выборе между добром и злом. То, к чему видят они почитание от вас, удобно приобретет и их почтение и склонность. То, что вы постоянно отвергаете и чем гнушаетесь, скоро привлечет на себя и их отвращение и ненависть. С чем вы поступаете небрежно, как с маловажною вещию, на то никогда не устремится ревность их и рачение. О, если б помышляли о сем все родители и надзиратели! Коль благополучнее успевали бы они в воспитании! Но какие впечатления о христианстве могут получить дети ваши или ученики, когда они ни из слов, ни из дел ваших не могут примечать, что вы почитаете его самоважнейшим делом; когда вы редко говорите о Боге, о Христе, о религии либо совсем никогда не говорите; когда они слышат, что вы говорите о том без важности, без радости или еще и с презрением; когда они слышат, что вы над тем насмехаетесь или одобряете насмешки других; когда они видят, коль охотно вы сами под всяким ничтожным предлогом оставляете должность публично-

---

* Не гораздо ли более облегчается сим воспитание, нежели когда хотят поступать во всем без предрассуждений? Не предшествуют ли нам в том благоразумнейшие народы?

го и домашнего Богослужения и коль рады бываете вы, свергнув с себя должности сии, яко бремя: что иное, говорю я, могут они заключить из сего, как то, что религия есть либо маловажное, либо весьма тягостное и скучное дело? Коль мало по большей части будут успевать против вашего примера все представления, которыми захотел бы кто-нибудь впоследствии вперить в них лучшие мысли! И так если хотите вы внушить детям своим или воспитанникам благое предрассуждение о важности и истине христианской религии, то давайте им примечать, что вы сами о том уверены. Не стыдитесь разговаривать с ними или с другими при них о Боге и божественных вещах. Но никогда не делайте сего без важности, без почтения, без знаков искреннего удовольствия. Являйте безопасно негодование ваше на все противоречащее сим мыслям. Спешите с радостью в то место, где собираются почитатели Бога для служения ему. Показывайте им, что вам прискорбно бывает, когда вы против воли своей там быть не можете.

Не оставляйте удобно наблюдение домашнего Богослужения; отправляйте его обще с детьми своими, как скоро станут они способны к некоторой внимательности, и делайте сие так, чтоб они могли видеть, что сие упражнение почитаете вы гораздо важнейшим и благороднейшим всех других. Сие, без сомнения, соделает спасительные впечатления в детях ваших или учениках, и впоследствии не возможно им будет легкомысленно поступать с таким делом, которое вы всегда почитали пред ними, яко нечто толь важное и святое, не возможно им будет отвергнуть оное без самого точнейшего испытания.

Второе правило, весьма тесно с первым связанное, есть сие: *Научайте их с самых первых лет признавать религию за самолучшее и надежнейшее средство быть добродетельным и благополучным и делайте сие не столько доводами, сколько собственным своим примером.* С одной стороны, показывайте им мудрым, умеренном, праведительным, благотворным, христианским поведением вашим, koliko способна религия к образованию последователей своих добрыми, благочестивыми, полезными человеками, гражданами, отцами дома и друзьями. На сей конец сказывайте им при случае сколь трудно было бы вам то или другое сделать, отречься от себя выгоды или принять на себя то отягощение, воспротивиться сему искушению на зло или преодолеть то затруднение в добре, если б религия учениями и обетами своими не сообщала вам охоту и силу, если б не имели

вы пред собою предписаний и примера спасителя вашего, толикую заслугу вам и всему роду человеческому соделавшего, если б не почитали вы себя людьми, определенными к другой и лучшей жизни; и коль удобным делают вам познания и ожидания сии то, чтоб последовать совести и исполнять должность и тогда, когда сие не может быть без отречения от некоторых земных выгод.

С другой стороны, смелостию и веселостию, твердостью спокойствия духа, радостию упования вашего на Бога, терпением в страдании, довольствием при неудавшихся предприятиях показывайте им, коль утешительна религия и коль счастливым делает она человека. Делайте сие преимущественно в таких случаях, когда утешение и помощь ее наиболее бывают вам потребны и когда вы счастливо оные испытываете. Разговаривайте с детьми или воспитанниками вашими о сих приключениях и показывайте им, какое благосклонное влияние имела религия во успокоение ваше. Сие, без сомнения, есть самый изряднейший способ к соделанию им ее почтенною и любезною. Например тогда, когда другие на вас клеветают, когда они порочат вас строго и несправедливо, когда самолучшим делам вашим злые приписывают намерения и вместо заслуженной похвалы, вами ожидаемой, наказывают вас презрением, если тогда в недре своей фамилии будете вы утешаться добрым свидетельством своей совести и уверением, что Бог знает и одобряет намерения ваши и поведение, то дети ваши научатся взирать более на мнение рассудка, нежели на мнение света, и предпочитать добрую совесть и одобрение Божие всем похвалам и почестям смертных. Если праведные предприятия ваши вам не удаются, если не награждается прилежание ваше, если благоразумие ваше бывает тщетно, если уничтожается надежда ваша, то удовольствие и ясность духа, удерживаемые вами при том, да научают детей ваших, коликую власть имеет над вами религия. Говорите им тогда: «Я исполнил мою должность, исполнил ее со всею возможною верностию; я не упустил ничего, от меня зависящего, для достижения доброго моего намерения; но я не уверен был в том, что его достигну. Я знаю, что все зависит и управляемо от Бога. Теперь вижу я, что мои намерения не согласны были с его; но я уверен, что его намерения всегда суть благи, всегда суть самые лучшие. Ныне хотя и не могу я это усмотреть, но, может быть, некогда узнаю. Я был орудие в руках его, я действовал по воле его, сколько она была мне известна. Без сомнения будет сие иметь добрые следствия в це-

лом, хотя и не те, которых я ожидал». Если при сих и подобных случаях будете вы так показывать детям или ученикам вашим и чрез такие разговоры и примеры якобы чувственною делать силу учения, вами исповедуемого, то религия, производящая такие действия, сохраняющая почитателей своих в таковых обстоятельствах бодрыми и довольными, приобретет почтение и любовь их, и они также будут искать там крепости и утешения, где вы, как они ведают, толь часто и толь обильно оные находили.

Когда сердца их таким образом предуготовлены будут ко вниманию гласу истины и добродетели, то и наставление, даемое им в религии учителями, гораздо благополучнейший будет иметь успех. Надлежит только, чтоб сие наставление распоряжаемо было по свойству дела и понятию ученика. Самое важнейшее, что при сем наблюдать должно, хотим мы заключить в следующем правиле. Оно есть сие: *Не начинайте наставление, даемое вами детям своим в религии, самыми труднейшими и высочайшими, ее таинствами**. Сие не только тщетно, но может еще быть и вредно. Тщетно оно потому, что сии учения, и в рассуждении того, что из них понимать и изъяснять можно, весьма возвышены над понятием детских или первых юношеских лет. А не тщетен ли тот труд, чтоб вперять в детей слова, при которых они столь же мало мыслят, как и при занятых совсем из чуждого для них языка? Делать же так не только тщетно, но и вредно. Дети приучаются чрез то довольствоваться словами вместо вещи, навек же некоторые выражения и речения пересказывать в некоторой связи почитать за действительное познание и науку; а сие должно при многих случаях заключать им путь, ведущий к истине. Сие еще не все. Непристойный такой поступок необходимо должен ослабить охоту и ревность их к изучению религии. Ибо и одно только соединенное с тем удовольствие и удовлетворение любопытству может содержать сию охоту и ревность. Но сие удовольствие и сие удовлетворение любопытству необходимо должны отпасть и уступить место скуке и несклонности, когда надлежит затверживать и сохранять в уме совсем неизвестные вещи. Коль удобно даже сей худой об-

---

* Сие правило столь соразмерно примеру Христову и рассудку, что удивительно, как некоторые начинают сперва самым труднейшим. Но трудно истребить привычку, сколько бы она худа ни была, если закрывается она покровом религии.

раз учения может родить впоследствии сомнения и неверие*! Коль удобно может религия соделаться подозрительного начинающему о ней размышлять юноше, когда он видит ее в толь мрачном одеянии, когда он в памяти своей находит более невразумительных слов и выражений, нежели ясных понятий! Желая отворотить от них сию опасность, прилагайте учения о таинствах религии к последней части вашего наставления! Между тем будет юноша размышлять о себе самом, он научатся знать самого себя и купно в свойстве и связи души и тела бездонные откроет глубины. Между тем достигнет он некоторых познаний о силах и действиях природы и уведает купно, коль непроницаем мрак, которым она закрыта. Короче сказать, он найдет довольно таинств в таких вещах, которых действительность отрицать он не может. А тогда не получит он никакого противного впечатления, увидя, что религия, а особливо божественное откровение, заключает в себе учения, имущие темную сторону и о которых можем мы весьма только несовершенное приобрести познание. И так начинайте наставление ваше тем, что всего легче и соразмернее понятию дитяти или юноши. Устремляйте внимание их сперва на многообразные их потребности и на способы, даемые нам природою и общественною жизнью к удовлетворению оных. Помогайте им примечать свои чувствования, желания и хотения; научайте сравнивать оные со внешними вещами и с чувствованиями, желаниями и хотениями других людей; доведите их до познания слабого и зависимого состояния своего и связей, в которых находятся они с тем, что вне их, и выводите из того главнейшие должности нравоучения, касающиеся до их самих и до их ближнего. Посредством примеров делайте им оные понятными и допускайте сердце их судить о том, что право и неправо, пристойно и непристойно. Показывайте им трогательнейшие красоты природы. Научайте их знать свойства и намерения главнейших тварей; старайтесь доставить им некоторые понятия о порядке, искусстве и мудрости; распростирайте, так сказать, пред глазами их Богатства, которые человек на земле сей находит для своего содержания, для своя удобства, для своего удовольствия; радуйтесь о том купно с ними и сказывайте им тогда, без пространных и ученых доказательств, что есть невидимое существо, есть Бог, со-

---

* Сей образ учения, к сожалению, часто имеет помянутые действия; а в ленивых людях производит он равнодушие к религии.

творший и соблюдающий все сие изрядное и доброе. Скоро почувствуют они сию истину. Она имеет основание свое в расположении нашего разума и сердца, которые, не совсем испорчены будучи, всегда воспротивятся всем делаемым против того возражениям. Представляйте им сего Бога не строгим господом и неумолимым судиею, но отцом, любящим всех своих тварей и пекущимся о них, оказующим беспрестанно более им добра, нежели самые нежнейшие родители детям своим оказывают, однако любящим их не слепую любовь, но требующим от них повиновения для их же собственного блага и коего милость не иначе можем мы приобрести, как делая то, что право и благо. Приводя их к собственным их чувствованиям, научайте их тому, чем они должны сему Богу. Например, говорите им иногда: «Я вижу, что ты меня любишь, зная, сколько я тебя люблю и сколь рачительно пекусь о твоём благополучии. Не должен ли ты еще паче любить общего нашего небесного отца, коего благое провидение содержит тебя и меня? От него только имею я мочь и склонность делать тебе добро. Ты считаешь должностию своею признавать благодеяния мои с благодарностию. Из благодарности желаешь ты мне угодить. Многие вещи оставляешь ты для того только, что они мне противны. Напротив того, делаешь многое, уверен будучи, что оно мне приятно. Не должен ли ты делать так же и для того, от которого все происходит и без которого нас с тобою совсем бы не было?» Сим образом весьма удобно уверите вы детей своих или учеников о главнейших должностях Богу и возможете рано наставить их к познанию его. Научайте их также, что человеки прежде сею все благотворения божий поноснейшим образом злоупотребили, что потеряли они совсем из вида его и должности свои; но что Бог, вместо наказания и истребления их, послал к ним Иисуса Христа яко посланника своего, дабы наставить их в том, чего они не ведали, и дать им паки способ избавиться от заслуженного наказания и сделаться мудрыми, добрыми и блаженными. Представляйте им добродетели искупителя в прекраснейшем свете; впечатлевайте глубоко в сердца их образ нравственного его изрядства; сказывайте им, коль свята и благотворна была вся жизнь его, коль много должны ему благодарить человеки, коль совершенными и блаженными хочет он соделать их и по смерти, когда повинуются они законам его и последуют его примеру, коль отменно благоугодно было Богу соделанное для нас Христом и коль благоугодны будем ему и мы, если постараемся в

состоянии и звании нашем доказать такую же праводетельность и верность, какую доказал спаситель наш в исполнении порученного ему дела. По сему пути доводите их к учению о бессмертии души и будущей жизни и представляйте им оное, яко единое истинное утешение человеку в страдании, яко самую твердую подпору его надежды. Научайте их почитать поведение свое в сем мире основанием состояния своего в будущем свете и приучайте их так усматривать, ценить и употреблять настоящее, как требует связь его с будущим. Когда распорядите вы наставление свое сим или подобным образом, то не будет оно заключать в себе ничего, что не было бы соразмерно понятию дитяти или юноши, что не занимало бы разум и не трогало бы сердце его с приятностию, что не сходствовало бы с собственными его чувствованиями и не могло бы прилагаться быть в разных случаях к ежедневному его поведению; и так религия соделается для него важною, утешительною, почтенною и любезною. А соделавшись таковою, утвердит она в сердце его корни и воспротивится всем бурям несчастья и сомнений; принесет она в нем изящнейшие плоды и соделает его действительно мудрым и блаженным.

Для большего еще споспешествования сему намерению старайтесь *возбудить и беспрестанно сохранять в детях ваших живое чувство совершенной их зависимости от Бога, от воли его, от его провидения.* Сие есть главное основание всего истинного благочестия, самолучший охранительный способ от зла, самое сильнейшее побуждение к добру, обильнейший источник успокоения. Благо тому, кто с первых лет приобик рассматривать все в зависимости от высочайшего существа, во всем взирать на Бога и давать сердцу своему такое направление, чтоб оно при всяких случаях без принуждения, с охотою и радостию возвышалось к тому, в нем же мы существуем и живем. Коль многие искушения ко злу преодолет без труда такой человек! Старайтесь, старайтесь доставить детям, воспитанникам вашим сии выгоды, сие счастье, о вы, которым подлежит их воспитание! При всем случающемся вам и им обращайтесь к Богу, от которого, чрез которого и к которому все вещи существуют. Научайте их познавать и почитать высочайшую его власть, премудрость и благость как в малом, так и в великом.

Охраняйте их от того заблуждения, якобы Бог взирает только на целое, а не на все части оною, не знает всех тварей своих особенно и не печется о них, будто правит он только по всеобщим законам и

никогда не имеет особого влияния в наши действия и судьбы. Сие заблуждение весьма вредно добродетели и благочестию, так, как утешению и радости, и хотя не совсем прекращает сношение наше с первым и самолучшим существом, однако весьма оно ослабляет. Говорите им часто, когда приключится им что-либо приятное и когда они радуются о том: «Бог, всеобщий отец наш, доставляет тебе сии выгоды, подает тебе сию причину к радости, а чрез нее новое доказательство отеческого своего попечения и любви. Молись сему многолюбивому существу, благодари ему за незаслуженную его к тебе благость и берегись забыть такого благодетеля или не явить ему должного повиновения». Когда приключается им что-либо противное и когда страх и печаль овладеют их сердцами, говорите им также: «И сие страдание, сей противный случай, сия опасность зависят от воли обладающего и управляющего всем на небесах и на земле. Он и тебя знает и любит. Подвергнись воле его: она всегда праведна и блага. Ему лучше всех известно, как вести тебя к мудрости, добродетели, благополучию. Почитай его с твердым упованием; предайся вождению его. Без сомнения окончится то спасением и благословением, радостью и веселием». — Таким образом надлежит вам наставлять детей ваших или учеников в истинном сердечном благочестии. Таким образом охраните вы их от равнодушия и легкомыслия в религии. Таким образом приучите вы их к тому, чтоб они, по словам священного писания, ходили пред лицом Божиим, чтоб имели они всегда Господа пред очами; а тогда не подвигнутся они, то есть ничто не совратит их с пути должности и добродетели, и в самых печалях и опасностях пребудут тверды и неустрашимы.

При сем надлежит нам сделать еще краткое примечание, касающееся до *молитвы*, которая, без сомнения, есть самый изряднейший способ к удержанию в нас чувствования зависимости нашей от Бога. Весьма малолетние дети не способны к сему упражнению набожности и благочестия; и приучая их к тому тогда, когда не могут еще они ни малейшего иметь понятия о высочайшем существе, приучают их молиться без разумения и все дело сие почитать за одну только церемонию. Но и тогда, когда разум их и размышление начинают обнаруживаться, когда делают они первые шаги к представлению себе всеобщего отца человеков, невидимого и могущественного благодетеля, когда они знают уже нечто о Иисусе Христе, яко величайшем друге человеческом, то и тогда рачительно остерегайтесь нау-

чать их трудным и долгим молитвам, заставляя их к сему упражнению принудительными средствами и наказывать жестоко за упущение оногo. Подавайте им иногда сами в том пример; пользуйтесь теми минутами, в которых находятся они в спокойнейшем и яснейшем расположении духа, в которых склонны они к размышлению или в которых тронуты они бывают живо особенными приключениями; представляйте им молитву честию и счастьем человеков^{*312}; приучайте их заблаговременно, но без принуждения к тому, чтоб выражать мысли и чувствования свои собственными словами кратко и просто; учите их примечать то добро, которым они ежедневно наслаждаются, потребности и недостатки, которые они имеют, погрешности, ими делаемые, и делать сии примечания содержанием своея молитвы. Таким образом соделаются они мало-помалу разумными молебщиками и полюбят сие святое упражнение. Не думайте, что детям трудно молиться без предписанных и выученных наизусть образцов**. Надлежит только вам давать им иногда в том наставление, пристойное их возрасту и понятию. Например поутру, когда им молиться должно, спрашивайте их: не радуются ли они тому, что они еще живы и здоровы, — не желают ли они и в сей день охранны бытъ от всякого несчастья, — не хотят ли они в сей день научиться чему-либо добромu или сделать что-либо доброе и поступать с родителями и учителями своими, как надлежит послушным детям и ученикам? и т. п. Научайте их тогда составлять из мыслей и чувствований своих краткую молитву сим или подобным образом: «Отче небесный! радуюсь я тому, что я еще жив и здоров. Тебе благодарю я за жизнь мою и здравие. Сохрани меня и сегодня от всего того, что мне вредно быть может. Помогни мне не выговорить и не сделать ничего злого, охотно повиноваться моим родителям и учителям, исполнить верно мою должность и час от часу становиться разумнее и лучше, дабы мог я угодить тебе, и т. п.». Избегайте при сем того весьма обыкновенного злоупотребления, чтоб заставляя их на всякий день по несколько раз читать молитву господню. Вообще она для них трудна; читая ж ее всякий день, без сомнения будут они часто, весьма часто молиться по ней без внимания и набожности.

---

* «О, коликое счастье быть толь высоко почтенну и стоять пред Богом на молитве!» *Геллерт*.

** Ибо кто научает их просить чего-либо у родителей?

Наконец, старайтесь подать детям вашим или ученикам заблаговременно наставление о истинном намерении религии и христианства. Впечатлейте в них глубоко, что христианское учение есть учение практическое, учение истины, ведущее к блаженству; что определено оно не для удовлетворения любопытству нашему и не для обогащения разума нашего различными познаниями, которых бы но могли мы иначе достигнуть без великого труда, но для исправления и успокоения сердца нашего посредством сих познаний и для надлежащего устроения наших поступков. Говорите и доказывайте им, что дола важнее знания; жизнь важнее веры; и что не тот самый лучший есть христианин, кто более прочих знает, кто учения христианства ясно и правильно предлагать и искусно защищать может, но тот, чьи мысли и поступки точнее сходятся с мыслями и делами Иисуса Христа, основателя религии нашей, кто далее успел в смирении, кротости, в люблении Бога и ближнего, в благодетельности, в терпении, в отвержении от самого себя и от света, и что таковые христианские мысли, таковая христианская жизнь самолучший суть способ к соделанию христианства почтенным для его презрителен и врагов. Оберегайте их при случаях от плачевного духа ненависти, владычествующего еще и ныне между христианами, и научайте их, что все, признающие Христа своим господом, приемлющие учение его и повинующиеся его заповедям, принадлежат к его последователям, коль бы многими обычаями и мнениями они друг от друга ни отличались. Напоминайте им всегда решительные изречения Христа и апостолов его, *что повинование лучше жертвы; что тот любит Господа, кто содержит заповеди его; что те суть друзья его, которые исполняют повеленное им; что не обрезание важно, но хранение заповедей Божиих; что по Иисусе Христе подобает только вера, чрез любовь действительную творимая; что вера без дел мертва есть.*

На сей конец представляйте им религию всегда с практической стороны и не причисляйте к ней ничего такого, что не может спешествовать ни исправлению, ни успокоению нашему. Показывайте им, какое влияние во все наши мысли и поступки должно иметь всякое учение, всякое предписание религии, какое утешение во всяких жизненных обстоятельствах могут подавать нам ее обетования, и напоминайте им о том при всех случаях. Помогайте им прилагать то к особенным случаям, в каких они иногда обретаются. Например,

если гордость хочет овладеть их сердцем, то спрашивайте их: соразмерно ли сие мыслям Христовым? и представляйте им пример его смирения и унижения. Если трудно им истребить свое любомщение, то представляйте им, сколь противна подлая страсть сия свойству и званию христианина и сколь явно противоречит она всему тому, чему христианство нас научает и что оно нам повелевает. Если склонны они к вспылчивости и гневу, то показывайте им кротость Иисусову и научайте их, к их устыжению и исправлению, сравнивать претерпенные им оскорбления с теми, какие они чувствуют. Приучайте их вообще к тому, чтоб всегда иметь пред глазами пример Христов и вопрошать часто самих себя: «На что бы вознамерился Спаситель мой, что бы он сделал, как бы он поступил, обретаясь в моих обстоятельствах? Как бы он судил о сих вещах? Какие бы впечатления произошли в нем от ласкательств, которыми меня прельстить хотят, или от презрения, которым меня стараются утратить?» Сие есть истинное христианство; и когда будете вы наставлять детей или учеников своих в таких мыслях, в таком поведении, то устремите вы их к господу, соделаете их истинными христианами, приведете их в состояние быть причастными преимущественного степеня совершенства и благополучия как в сем, так и в будущем свете.

Какие радостные виды для родителей, любящих детей своих, и для надзирателей и наставников, уверенных о достоинстве своего состояния и святости должностей своих! Какой труд не должен быть им легок и приятен, когда имеют они надежду достичь сих намерений! Коликакая честь образовать праводетельных и верных последователей Христу, препрославленному искупителю нашему, и чрез то распространять пределы царства его! Коль знатное благотворение настоящему и будущему роду человеческому! Коль восхитительная радость, коль неизреченная награда будет некогда для сих родителей, для сих надзирателей и наставников, когда они с детьми своими или с поверенными их надзиранию паки соединятся в небесных обителях, когда воспримут они от них благодарность за верность свою, когда услышат они глас нескольких блаженных, вопиющих к ним: «Благо тебе, ты спас мою жизнь, ты спас мою душу!» — О Боже! коликко должно радовать то счастье, чтоб быть спасителем души!

Вот все то, что мы почли за нужною сколько возможно вкратце сказать о образовании разума и сердца детей, о наставлении в глав-

ных добродетелях, а особливо в религии и христианстве. Но сие поле столь обильно плодovitыми размышлениями, что мы хотим еще несколько с него пожать прежде, нежели совсем его оставим.

III. Всеобщие правила

Итак, хотим мы сообщить еще некоторые всеобщие правила и примечания о воспитании детей, которые отчасти облегчают наблюдение вышеозначенных предписаний, отчасти ж могут ободрять к верности и постоянству в наблюдении оных. Сие подаст нам купно случай более истолковать и подтвердить разные мысли и предложения, до которых в предыдущих отделениях коснулись мы только мимоходом, и мы надеемся, что оные прочтены и испытаны будут с тем вниманием, которое заслуживают они по своей важности.

Первое правило есть сие: *Помышляйте часто, какие суть те творения, которых воспитанием и образованием вы занимаетесь.* Вы не можете почитать их ни совсем чувственными, ни совсем разумными тварями. Человек стоит на лестнице существ между зверем и ангелом. Не должен он ни унижаем быть до первого, ни возвышаем до другого. Но чувствительность и рассудок должны в нем приведены быть в согласование и обще споспешествовать к достижению единого предмета. Итак, если не будете вы полагать пределы чувственным пожеланиям детей ваших; если вы будете заставлять их судить о цене внешних вещей только по впечатлениям, делаемым оными в их чувствах; если будете приводить их к повиновению и должности только посредством чувственного удовольствия или неудовольствия; если по единому произволению своему деспотически будете управлять ими: то забудете вы достоинство их природы, и, может быть, они в мыслях и склонностях своих никогда не возвысятся над неразумными животными.

Если ж, напротив того, еще в молодых годах будете вы требовать от них важности мудрого старца; если всякий недостаток размышления будете считать для них преступлением, если потребуете от них, чтоб всегда поступали они по справедливейшим правилам; если запретите им всякую невинную детскую радость и будете стараться сделать чувства их якобы нечувствительными ко всему тому, что приятным или неприятным образом оные трогает; если будете упрекать их беспрестанно в строжайшем отвержении самих себя: то

забудете вы слабость их состояния, забудете, что они суть человека, которых слава состоит не в нечувствительности или истреблении своих чувственных пожеланий, но в приобретении мало-помалуладычества над оными.

Убегайте обоих сих распутий с равным рачением, если хотите сделать детей своих способными к достижению их определения. Учите их не изнеживать тело свое, но также и не мучить его без нужды. Научайте их почитать его яко существенную часть человека, но не признавать никогда за важнейшую часть. Допускайте их с веселым духом наслаждаться красотами природы, приятностями общественной жизни, удовольствием умеренного движения и свободы и всеми невинными радостями беспечного возраста; но также давайте им для предостережения чувствовать и болезни, случаем или собственною неосторожностью причиняемые; не трудитесь тщетно истребить натуральные их желания удовольствия, похвалы, чести, спокойствия и свободы, а старайтесь только благоразумно оные умерить и мало-помалу устремить на достойнейшие роды удовольствия, похвалы, чести, покоя и вольности. Собственными их и чужими опытами научайте их отличать вид от истины и соединять настоящее с будущим. Населяйте рассудок их по той же мере, по которой чувства их становятся способнейшими к живейшим впечатлениям; рассеяние мыслей и размышление, отдохновение и труд, веселость и важность должны у них переменяться в надлежащем отношении друг к другу. Подавайте им часто повод к таким действиям добродетели и благотворения, при коих вся чувствительность сердца их благородным образом могла бы явиться. Сим образом надлежит вам поступать с такими тварями, которые отчасти чувственны, отчасти ж разумны, и сим образом всегда более будут они приближаться к определению человека, которого рассудок не истреблять чувственные побуждения и желания должен, но только обладать и управлять ими.

Второе главное правило при воспитании детей есть сие: *Старайтесь самолучшими, средствами содержать себя в надлежащем уважении у детей своих**. От сего зависит весьма многое, да

---

* Сие правило по справедливости есть самое важнейшее, и доброе его исполнение согласуется с пятою заповедью. Ибо что побуждает нас почитать родителей наших? Не то ли, когда они при всяком случае стараются показать искреннее свое о нашем благополучии попечение?

можно сказать, что и *все*, а особенно в начале воспитания. Если надлежит детям вашим быть мудрыми и добродетельными, то должны они по одним словам вашим принимать с уверением и почитать за истину в первых годах своих многие важные положения, которые они хотя некоторым образом и понимают, но не могут еще усматривать причин их и связи с другими положениями. Они должны наблюдать многие должности и приучаться ко многим добродетелям, которых влияние в настоящее и будущее их благополучие и в благополучие целого общества не можно еще довольно ясно им показать. При различных и толь часто прекословных мнениях, слышимых ими от других, о добром и злом свойстве или цене некоторых вещей и действий надлежит им иметь такого человека, который бы определял собственное их мнение и на утверждения которого могли бы они спокойно полагаться. Наконец, должны они хранить повиновение и научиться часто из единого повиновения отказываться от своих склонностей и удовольствий. Но могло ли бы сие быть или могло ли бы быть действительно для разума и сердца их выгодным образом, если б вы не находились в великом у них уважении и не умели бы сохранять сие уважение? В необходимости сего сомневаются весьма только немногие родители и надзиратели; ибо во всех довольно есть самолюбия и все не охотно отступают от уважения и власти, какую они над другими имеют или иметь думают. Но способ приобретать себе и утверждать уважение сие не всегда бывает самый лучший; часто бывают в нем весьма многие и великие погрешности; а здание, утвержденное на худом основании, удобно поколебаться может, оно может опровергнуто быть малым приключением. Если уважение основывается только на власти и силе; если стараетесь вы утверждать его всегда, или обыкновенно, на пасмурном виде, суровых словах, строгих приказах, жестоких наказаниях, повелительных, угрюмых и сердитых поступках*; если непременно и во всех случаях требуете от них слепого повиновения и за всякое упущение оногo с неупросимою наказываете жестокостию, сколько бы оно ни было различно свойствами, источником и следствиями: то хотя и распро-

---

* Так поступают многие учителя превосходящие часто строгостию надсмотрщиков в американских плантациях; но зато и боятся их дети тогда только, когда находятся под их властью; а потом следует обыкновенно — презрение.

страните вы вокруг себя страх и ужас, хотя дети ваши или ученики будут чувствовать власть вашу над ними и оберегаться от действий оной, но вы сделаете их рабами, носящими с нетерпеливостью иго, вами на них наложенное, и они будут свергать его с себя столь часто, когда только думают, что могут сделать сие без великой опасности. Если ж хотите вы утвердить уважение свое на крепком и продолжительном основании, то старайтесь о том, чтоб дети ваши или ученики получили о вас доброе мнение, чтоб имели они великие мысли о вашем разуме и праводетельности, чтоб они почитали вас самих мудрыми и добродетельными, а чрез мудрость и добродетель счастливыми, и чтоб не сомневались они в том, что вы стараетесь только о их благе. Для доставления им сего доброго о вас мнения не нужно вам хвалить самих себя или прославлять пред ними на словах преимущества своего духа и сердца и доброту своего поведения; но хорошо бывает, когда другие делают сие в их присутствии скромно и непринужденно. Не показывайте только им в речах и делах своих ничего глупого, непристойного, противоречащего либо и совсем злого и порочного; последуйте только сами во всякое время и во всяких случаях предписаниям мудрости и добродетели и делайте сие сколько возможно с веселым видом, в котором не было бы никаких примет трудного спора с самим собою или внутреннего сопротивления требованиям совести и должности. Почитайте детей своих внимательными свидетелями и строгими судьями вашего поведения и удаляйтесь лучше от них как можно скорее, когда вы должны бываете опасаться, что какая-нибудь страсть вас преодолет или выведет вас из вашего положения вредным и соблазнительным для них образом. Не судите никогда о вещи без довольного о ней познания, дабы не надлежало вам возвращать свои мнения. Не действуйте никогда без причин, дабы не должны вы были стыдиться своих действий и могли бы в подобных случаях смело поступать так же. Рачительно скрывайте от них собственные свои слабости и погрешности, пока рассудок их довольно укрепится, чтоб почитать глас истины и повеления добродетели для их самих и без отношения к тем, которые объявляют им сии учения истины и предписывают должности добродетели. Наконец, давайте им примечать, сколько печетесь вы о их благополучии и сколь нежно их любите. Радуйтесь вместе с ними о всяком добре и не стыдитесь иногда брать участие в невинных их забавах. Такое

мудрое, добродетельное, чадолюбивое и благоразумное поведение, без сомнения, доставит им самое лучшее о вас мнение; а сие мнение, подкрепляемо будучи детскою благодарностию и любовью, соделает их во многих случаях безопасными от соблазна заблуждения и порока. Уважение ваше от них будет основательно и твердо, оно подаст силу всем вашим напомуновениям, наставлениям учениям и приказам; предупредит оно все вредные сомнения о правильности, щетине и справедливости оных; оно соделает послушание и повиновение детей ваших к вам искренним и охотным и вам самим весьма облегчит исполнение вашей должности.

Третье: *Следуйте в воспитании детей своих некоторому плану или некоторым со зрелым рассуждением принятым положениям и правилам и сколько возможно никогда от оных не отступайте.* При первом воспитании, как мы уже приметили, гораздо более зависит от беспрестанного упражнения в должности и в приобретении добрых навыков, нежели от наставления; а посему необходимо должно наблюдать при том точное единообразие, когда надлежит, чтоб сие упражнение сделалось способностью, а добрые сии навыки укрепились и сделались натуральными. Упущении сего правила есть одна из главных причин худого успеха многих в прочем похвальных стараний, употребляемых на сей конец. Когда главные особы, занимающиеся образованием дитяти, различаются друг от друга мыслями, мнениями, намерениями и положениями и сие различие в присутствии детей своих открывают или даже впускаются в споры и брань о том; либо когда одна особа по недостатку твердых положений поступает иногда так, иногда иначе, сегодня хулит и наказывает то, что вчера хвалила и награждала, сегодня приказывает то, что вчера запрещала, сегодня употребляет чрезмерную строгость, а назавтра неограниченное снисхождение и послабление: то не возможно достигнуть цели воспитания. Мнения дитяти будут сомнительны и нетверды; склонности его и намерения всегда пребудут неопределенны и противоречащи; а добрая его натуральная доверенность к родителям и учителям отчасу более ослабевать станет, а наконец и совсем прекратится. И как может оно дать силам своим известное устремление, облегчающее ему употребление оных, когда оно часто должно бывает употреблять их на вещи совсем противоположенные и противоречащие одна другой? Как может сделаться ему должность приятною, а добродетель любезною, когда оно за то иногда хулы, а

иногда похвалы, иногда награждения, иногда ж наказания ожидать имеет*? Оберегайтесь, воспитатели, от сея весьма обыкновенной погрешности. Советуйтесь часто друг с другом, отцы и матери; советуйтесь также и с теми особами, которые имеют некоторое участие в воспитании детей ваших или приметное влияние в их нравы. Сообщайте друг другу свои знания и опыты; утвердите между собою некоторые положения и правила и следуйте оным несовратимо.

Не противоречьте самим себе; не противоречьте друг другу; но паче взаимно один другого подкрепляйте; утверждайтесь на одинаком основании и трудитесь по одинакому плану; помогайте всегда друг другу и будьте уверены, что такие единообразные и согласные старания хотя и будут иметь некоторые погрешности, однако гораздо более принесут пользы, нежели другие, которые хотя и лучше сами по себе, но подвержены при том многим переменам и противоречиям.

Четвертое: *Будьте постоянны и неутомимы в произведении своего плана и не отстрашайтесь от него ни трудностями, ни худым успехом.* Не ласкайтесь достигь до благодетельных намерений своих в немногие месяцы или годы. Не требуйте того, чтоб всякое доброе семя, кинутое вами на землю, тотчас произросло и в определенное вами время принесло плоды. Часто может оно долго лежать сокрыто в земле, может казаться совсем умершим; но наконец беспрестанное попечение и какое-либо неожиданное обстоятельство даст ему новую жизнь и наградит терпение ваше надеждою благословенной жатвы. Многие учения мудрости должны предлагаемы быть сто раз прежде, нежели удастся учителю предложить их соразмерно понятию ученика своего. Многие худые привычки, многие непристойности могут стократ тщетно быть оспариваемы прежде, нежели потеряют несколько своей силы и дадут место упражнению в противоположенных добрых навыках.

Многие добродетели часто тщетно бывають выхваляемы, пока наконец явятся в том свете и представятся дитяти или юноше в том виде, который тронет его сердце и приобретет все его почтение и всю любовь. Разум и чувствительность обнаруживаются иногда поздно и показываются вдруг в такой силе, которая с избытком заменяет

---

* Когда за одно дело отец его хулит, а мать хвалит; или учитель хвалит, а родители бранят.

прежние тщетными казавшиеся опыты возбудить оные. Мудрость, добродетель и Богобоязненность суть преимущества, не без труда и не вдруг получаемые: они суть владельницы, часто долженствующие долго сражаться с пороком; прежде, нежели овладеют сердцем. Пользуйтесь только всякими случаями к облегчению им сея победы; не ослабевайте в отпоре врагу сему дотоле, пока он утомится сопротивлением вашим, и мыслите всегда о том, что детские или юношеские годы определены для посева, а не для жатвы. Несчастливый успех стараний ваших должен всегда делать вас внимательнее на самих себя, на воспитанников ваших и на самые малейшие внешние обстоятельства; но не должен приводить в уныние. Ищите причину такой неудачи в погрешности ваших поступков, а не в невозможности произвести то благополучно, и не удерживайтесь самолюбием от исправления сих погрешностей, как скоро вы их откроете; но делайте сие так, чтоб такая перемена в поступках ваших не весьма была приметна и не ослабела бы доверенность к вам воспитанников наших. Отдавайте часто самим себе отчет в прилежании и верности, употребляемых вами в сем деле; разговаривайте о том с друзьями своими и пользуйтесь их знаниями и опытами. Когда ж вы при добром свидетельстве совести своя не достигаете до исполнения намерений ваших или достигаете весьма только несовершенно, то утешайтесь тою мыслию, что вы старались сделать все зависящее от сообщенных вам Богом сил и способов и что под управлением премудрого и преблагого Бога не могут быть тщетны и те старания, которых пользы совсем мы не усматриваем.

Пятое: *Дабы не лишиться бодрости, представляйте себе часто многообразные и великие выгоды, которые сами вы можете почерпнуть из разумного и христианского воспитания детей, в рассуждении морального вашего характера, или нравственного совершенства.* Пока живем мы на земле сей, дотоле живем в всегдашнем воспитании и упражнении. Все мы должны воспитаны быть к лучшей жизни, к высочайшему блаженству, и воспитание сие оканчивается только смертию. Никогда не возможно нам бывает здесь сказать, что мы столь мудры, столь добродетельны, сколько быть и сделаться можем; и горе тем, которые думают в каком-нибудь времени своя жизни, что достигли уже до сея цели, и не стараются уже более о приобретении большего совершенства. Скоро лишатся они и того, что уже приобрели с трудом, и найдутся паки при начале полусвершенного

уже пути своего. Родители, учителя и надзиратели, любящие самих себя и желающие достигнуть определения своего, пекитесь рачительно и в сем намерении о предлежащем вам деле воспитания. Оно есть преизрядный способ к споспешествованию собственному вашему совершенству*. Трудясь с важностию и размышлением над образованием духа и сердца детей или учеников своих, будете купно и своему духу и сердцу доставлять новые преимущества. Стараясь других сделать мудрыми, сами будете всегда становиться мудрее; стараясь их исправить, всегда благополучнее будете успевать в собственном исправлении. Погрешности, примечаемые вами в них, сделают вас внимательнее к вашим, покажутся вам во вредных своих источниках и следствиях, и вы исполнитесь отвращением от них. Беспорядочные пожелания и страсти, которые стараетесь вы умерять и ослаблять в детях, сделают вас осторожными противу всех нападений сих врагов вашего покоя и благополучия и будут подавать вам всегда новые оружия для сопротивления оным. Самое опасение, которое должны вы иметь, чтоб не выговорить или не сделать в присутствии детей своих чего-либо, могущего сделать в них противные впечатления, охранит вас от многих проступков; оно наложит на вас спасительное принуждение, а чрез то исполнение труднейших добродетелей делается для вас навыком. То, что прежде делали вы только по нужде и осторожности или по любви к детям и ученикам своим, будете наконец делать по склонности и правилам, по любви к Богу и добродетели. Сверх сего найдете вы тысячу случаев научиться лучше знать сердце человеческое вообще и свое особенно, открывать тайные его ухищрения и нечистые намерения, благополучнее употреблять предписания мудрости и добродетели и различными упражнениями и правилами благоразумия делать должность свою себе удобнейшею и приятнейшею. Какие выгоды! Можем ли мы заплатить за них когда-либо слишком дорого? И тогда, когда старания наши в рассуждении других не имеют желанною успеха, можем ли мы по справедливости сказать, что тщетно истощили мы свои силы? Ибо от нас только зависит по крайней мере для себя толь великую получить от того пользу.

Возбуждайте в себе часто прилежание к воспитанию живым представлением важности оногo. Паче всего собственный ваш

---

* Уча других, учимся сами.

опыт должен научать вас великому влиянию, которое имеет доброе или худое воспитание в будущую жизнь человеческую*. Если сами вы наслаждались добрым христианским воспитанием, то представляйте себе часто, коль многим обязаны вы оному; от коль многих поступков и заблуждений оно вас охранило; коль часто к пользе и утешению своему испытывали вы силу добрых правил, полученных вами от родителей или учителей своих; коль удобно сделалось для вас исполнение должности вашей чрез то, что вы заблаговременно к оному привыкли и соединяли его с представлением удовольствия; коль далеко успели вы в некоторых редких и трудных добродетелях, для того что упражнялись в них прежде еще, нежели узнали порок; коль многое успокоение и облегчение в противных приключениях и печальных часах находили вы, для того что научили вас судить право о цене вещей и почитать и употреблять в пользу религию с ее утешениями. Потом спрашивайте себя, не желаете ли вы и детям своим сих же выгод и не будете ли справедливо и чувствительно укорять себя, когда они лишатся оных вашею виною? — Когда ж, напротив того, имели вы худое или не весьма доброе воспитание, то вспоминайте о вреде, происшедшем для вас из того, а может быть, еще и ныне происходящем. Говорите часто сами себе: «Не те ли погрешности делаю я ныне чаще всех и нахожу трудным преодоление оных, которым не сопротивлялся я в детстве и юношестве и которые почитал неважными? Беспорядочные страсти, одолевающие меня ныне чаще других и нарушающие спокойствие и благополучие мое более прочих, не те ли суть, которым в детстве и первых летах моих наиболее уступали либо даже и ласкали? Повеления мудрости и должности, к которым и ныне еще часто принуждать себя должен я бываю, не те ли суть, которые тогда мог я преступать без размышления и не опасаясь наказания, я преступал действительно, видя, что приставленные надо мною без опасения их преступали? Добродетели, которых исполнение еще и ныне стоит мне большою труда и отрицания самого себя, не те ли суть, в которых тогда мало я упражнялся либо и совсем не упражнялся? И так не должен ли я делать все то, что могу для избавления детей моих от сего труда, от сего принуждения, от сея брани с самим собою, для охранения их от строгого

---

* Всегда, или по крайней мере по большей части, родители только бывают виною доброго или злого свойства детей.

владычества злых страстей, для соделания им удобным того, что мне трудно, а узкой стези жизни, добродетели и благополучия столь равною и приятною, сколько возможно, и какова была бы ода ныне для меня, если б имел я лучшее воспитание? Могу ли я подать им причину вспоминать некогда обо мне с негодованием, вздыхать, может быть, во всю жизнь под злыми следствиями моего небрежения и по достоинству укорять меня за то?»

С тем, чему научает вас опыт, соединяйте размышление; да научает вас также и оно о великой важности воспитания детей. Представляйте себе, коль вообще тверды первые впечатления, получаемые нами о естественных и нравственных предметах; коль глубоко вкореняются в душе человеческой первые, добрые или злые, учения, правила, склонности и привычки; коль велика особенно сила примера; колико зависят друг от друга образы мыслей и нравы детских, юношеских и мужеских лет и коль твердо основываются они один на другом, а посему коль важно первое образование разума и сердца. Представляйте себе, что дети и ученики ваши со временем не будут уже детьми и учениками; что достигнут они некогда полного употребления своєю свободы и будут совершенно зависеть от самих себя; что вступят они тогда во многоразличные сношения с другими людьми; что, может быть, займут они важные места в государстве; что всегда будут они иметь большее или меньшее влияние в благополучие многих людей, в каком бы они состоянии ни были; что, может быть, сделают они тысячи человек счастливыми или несчастными, по свойству своего смысла и поведения; и рассуждайте о важных следствиях, какие может и должно иметь доброе или худое воспитание во всех сих намерениях. Помышляйте о великих и постоянных услугах, оказываемых вами всему человеческому роду мудрым и христианским воспитанием детей, и сравнивайте с тем превеликий и ненаградимый вред, причиняемый вами оному чрез упущение или пренебрежение сея должности. Особенно представляйте себе влияние, которое даваемое вами детям или ученикам своим воспитание будет иметь в то воспитание, кое дадут они некогда своим детям или ученикам, и устрашайтесь той мысли, чтоб сделать такие погрешности, которые уважение ваше якобы освятит и которые могут еще и детям вашим быть вредны.

Наконец, для придания всем сим размышлениям еще большей силы и жизни *воображайте себя при смерти и собирайте тогда*

в мыслях около себя детей и потомков своих. Спрашивайте сами себя: что споспешествовало бы тогда успокоению и утешению вашему, воспоминание ли многообразных рассеяний и веселостей, которыми наслаждались вы, пренебрегши рачительное и христианское воспитание детей; или воспоминание непрерывных и верных трудов, употребленных вами на сие дело, — представление ли богатств и драгоценностей, оставляемых вами детям, и прочих внешних преимуществ, доставленных им, или представление мудрых учений и добродетельных и благочестивых примеров, данных им вами? — Пребудете ли вы тогда тверды в сообщенных им положениях и правилах жизни и осмелитесь ли умирающими устами выхвалять им, яко самоважнейшее и лучшее, то же, что прежде выхваляли им словами и делами своими; или увидите себя принужденными переменить язык свой, осуждать собственные свои положения и поступки, остерегать их от вредного оных влияния и то, что вы прежде паче всего почитали и любили, представлять им такими вещами, которыми вы сами обманывались и которые не достойны вашего и их почтения и любви? — Что облегчит вам разлучение с детьми: то ли, когда вы сможете сказать им: «Я оставляю вас с сокровищами, с честью, со знатностию, со всеми способами к чувственным забавам и к удовлетворению страстям»? или то, когда можете сказать: «Я оставляю вам мудрость, добродетель и Богобоязненность путеводительницами в вашей жизни; а благодать всевышнего и надежду блаженного бессмертия постоянным утешением»? — Какие укоризны, какую тоску, какие угрызения совести долженствует причинить родителям и надзирателям пренебреженное воспитание в последние дни и часы их жизни, когда они увидят детей своих или воспитанников на душ дурачества и порока; когда представят они себе все вредные следствия, какие погрешное их поведение может привлечь и по вероятности привлечет за собою и на отдаленное, еще не родившееся, потомство; когда помыслят они об отчете, который должны будут отдать в рассуждении сего всеведящему судии мира; когда преселятся мыслями в вечность, имея причину страшиться, что дети и потомки их будут там приносить на них жалобы, яко на виновников несчастья своего! Можно ли вымыслить состояние печальнейшее сего?

Напротив того, коль велико должно быть удовольствие, коль восхитительна радость, оживляющая родителей и учителей при разлу-

чении их со светом, когда видят они тех, которые поверены были их надзиранию, ходящих по пути мудрости и добродетели; когда представляют они их добрыми, полезными, благочестивыми человеками, гражданами, отцами, учителями, начальниками и подданными; когда помышляют они о благословенном влиянии своих мыслей и своего примера во всеобщее благополучие собратий; когда они могут самих себя почитать благодетелями сущего и будущего человеческого рода и при том основательную имеют надежду соединиться паки в лучшем мире с теми, которые в сем были им любезнее всех, и обще с ними наслаждаться плодами взаимной праводетельности*³¹³! Какие чувствования! какие виды! коль Богато будут они сим награждены за все свое старание и рачение; коль обильно заменятся им все суетные, преходящие удовольствия, которыми они должности своей пожертвовали! О, да вкусите все вы, занимающиеся воспитанием или которым предлежит оно, сладость наград сих, и да возбудит вас представление оных к беспрерывному прилежанию и совестнейшей верности в наблюдении сих святейших должностей!

---

* Когда они с Аддисоном могут сказать в смертный час своим детям: «Смотри, коль спокойно умирает христианин».

А. Н. Радищев

О ЧЕЛОВЕКЕ, О ЕГО СМЕРТНОСТИ И БЕССМЕРТИИ

Le temps présent est gros de l'avenir. *Leibnitz*³¹³

Книга первая

Начато 1792 года генваря 15

Илимск

Друзьям моим

Нечаянное мое преселение в страну отдаленную, разлучив меня с вами, возлюбленные мои, отъемля почти надежду видеться когда-либо с вами, побудило меня обратить мысль мою на будущее состояние моего существа, на то состояние человека, когда разрушится его состав, прервется жизнь и чувство, словом, на то состояние, в котором человек находится будет, или может находиться по смерти. Не удивляйтесь, мои возлюбленные, что я мысль мою несу в страну неведомую и устремляюся в область гаданий, предположений, систем; вы, вы тому единственною виною. В необходимости лишиться, может быть, навсегда надежды видеться с вами, я уловить хочу, пускай не ясность и не очевидность, но хотя правдоподобие, или же токмо единую возможность, что некогда, и где — не ведаю, обლობызаю паки друзей моих, и скажу им (каким языком — теперь не понимаю): *люблю вас по прежнему!* А если бы волшебная некая сила пренесла меня в сие мгновение в обитаемую вами храмину, я бы прижал вас к моему сердцу; тогда все будущее и самая вечность исчезли бы, как сон.

Обратим взор наш на человека; рассмотрим самих себя; проникнем оком любопытным во внутренность нашу и потщимся из того, что мы есть, определить или, по крайней мере, угадать, что мы будем или быть можем; а если найдем, что бытие наше, или, лучше сказать, наша единственность, сие столь чувствуемое *я*, продлится за предел дней наших на мгновение хотя едино, то воскликнем в радовании сердечном: мы будем паки совокупны; мы можем быть блаженны; мы будем! — Будем?.. Помедлим заключением, любезные мои! сердце в восторге нередко ввергало разум в заблуждение.

Прежде нежели (как будто новый некий провидец) я прореку человеку, что он будет или быть может по разрушении тела его, я скажу, что человек был до его рождения. Изведши его на свет, я провле-

ку его полегоньку чрез терние житейское, и дыхание потом исторгнув, ввергну в вечность. Где был ты, доколе члены твои не образовались; прежде нежели ты узрел светило дневное? что был ты, существо, всесилию и всеведению сопричастное в бодрственные твои лета? Измерял ли ты обширность небесных кругов до твоего воплощения? или пылинка, математической почти точке подобная, носился в неизмеримости и вечности, теряясь в бездне вещества? — Вопросы дерзновенные, возлюбленные мои! но вопросы, подлежащие моему слову.

Удалим от нас все предрассудки, все предубеждения и, водимые светильником опытности, постараемся, во стезе, к истине ведущей, собрать несколько фактов, кои нам могут руководствовать в познании естественности. Не во внутренность ее проникнуть настоит нам возможность, но разве уловить малую нить, для руководства в постижении постепенного ее шествия, оставляя существам, человека превышающим, созерцать ее внутренность и понимать всю связь ее деяний. Но сколь шествие в испытании природы ни препинаемо препятствиями разнородными, розыскатель причину вещи, деяния или действия не в воображении отыскивать долженствует, или как древний гадатель, обманывая сам себя и других, не на вымысле каком-либо основать ее имеет; но, разыскивая, как вещь, деяние или действие суть, он обнаружит тесные и неявственные сопряжения их с другими вещами, деяниями или действиями; сблизит факты однородные и сходственные, раздробит их, рассмотрит их сходственности, и раздробляя паки проистекающие из того следствия, он, поступая от одного следствия к другому, достигнет и вознесется до общего начала, которое, как средоточие истины, озарит все стези, к оной ведущие.

Поищем таковых в природе фактов, до предрождественного существования человека касающихся, и обратим внимание наше на них.

Человек зачинается во чреве жены. Сие есть естественное происшествие. Он зачинается во чреве жены; в нем растет; и дозрев, по девятимесячном в утробе матерней пребывании исходит на свет, снабженный всеми органами чувств, глагола и разума, которые усовершенствования достигать могут постепенно; сие всем известно. Но деяние пророждения, то есть образ, как зародыш делается, растет, совершенствуется, есть и пребывает доселе таинством, от проницательнейших очей сокровенным. Любопытство наше в познании сего таинства удовлетворяем по возможности, и не токмо могли видеть,

как постепенно животное растет по зачатию своем, но счастливые случаи, любопытством неутомимым соглядаемые, послужили наукам в пользу, и в России имеем прекрасное собрание растущих зародышей от первого почти дня зачатия даже до рождения. Каким же образом происходит зачатие и питание или приращение, остается еще вопросом, которой в одних токмо догадках доселе имел решение. Но при сем, во мраке погруженном, деянии естественном можем провидеть нечто поучительное и луч слабый на испытание изливающее. Мы видим, что семя, от которого зародыш зачинается, в некоторых животных существует в матери до плододояния; но для развержения, для ращения бессильно. Сие в животных пернатых видим ясно. Яйцо есть сие семя, и до плододояния содержит в себе те же, существенность его составляющие, части — белок и желток. Но если мы обратим взоры наши на существа, единою степенью на лестнице творений от животных отстоящие; если мы рассмотрим земную собратию нашу, растения, отличающуюся от животных лишением местоменяющейся способности, и следствием может быть оной способности чувствования, — то мы увидим ясно, что для произведения высочайшего кедра, сосны или дуба равно нужно зерно или семя, как для произведения малейшей травы, на дерне стелющейся, или по голом камени растущего мха.

Итак о растениях и о птицах можно не токмо сказать с вероятностию, но почти с убедительною ясностию, что семя существует не токмо до зачатия, но и до плододояния. Сие однакоже для тех и для других необходимо, и самка без самца* семя дает бесплодное. Заключение выводя по правилу сходственности, сказать можно то же о всех животных и о самом человеке. Итак заключим, что человек преджил до зачатия своего, или сказать правильнее, семя, содержащее будущего человека, существовало; но жизни, то есть способности расти и образоваться лишено. Следует, что нужна причина, которая воззовет его к жизни и к бытию действительному; ибо бытие без жизни хотя не есть смерть, но полуничтожество и менее почти смерти.

Восходя таким образом от факта известного до вероятного, можно почти безошибочно сказать, что человек существует в жене до за-

---

* Славный естествоиспытатель Линней привел в ясность различие полов в растениях и плододояние их посредством цветочной пыли, без коей цвет в плод превратиться не может.

чатия своего, но в полуничтожном своем виде; и нужна необходимо плододетельная влажность мужеская, чтобы воззвать семя от бездеятельности к деянию, от полуничтожества к жизни.

Семя мужеское есть средство, коим семя жены становится зародыш, как то из предыдущего следует: оно дает жизнь. И если нужно, чтобы бездейственная вещественность для получения движения имела начальное ударение, то для дания жизни нужно также ударение плододетельного сока. Если мы рассмотрим сопутствующие деянию зарождения обстоятельства в животных (даже в растениях сие приметно, хотя не столь явственно), а паче в человеке, то ударение, которое мужеский плододетельный сок впечатлевает семени, не может почесться простым или единственно механическим. Сверх того, что сок сей имеет свойство весьма подстрекающее и способное возбуждать раздраженность семени женского, что он его проникает, кормит и образует; но воззри, до коликой степени возвышенна раздраженность и чувственность во время плотского соития; воззри, koliko живоносным веселием оно сопутствуемо; измерь, если можешь, на весах естественности и сие веселие и притяжание плотское и любовь. Или сия так же естественна; и в естественности имеет свое начало; но как пища, поглощенная желудком, превратяся в питательное млеко или хил, умножа грудю крови в животном, протекает неисчислимыми и неудобозримыми ходами, и очищаяся в нечисленных железах, достигает самого мозга, возобновляет его состав, и протекши и прешед тончайшие его каналы, производит нервную жидкость, едва понимаемую, но никогда незренную. Но сего мало. Кусок хлеба, тобою поглощенный, превратится в орган твоея мысли. Тако любовь, прияв начало в телесности, в действии своем столь же далеко отстоит от начала своего, как кусок снедаемый, от действия мозга в мысленной силе. О ты, вкушавший в объятиях возлюбленныя супруги кратчайшее, но величайшее веселие на земли, на тебя ссылаюся; вещай, не казалось ли тебе, что се конец бывает твоея жизни! Я не сладострастную здесь картину начертать намерен, но действие. Раздраженность всех частей тела, ею одаренных, чувствительность тех, коим она свойственна*, возвышаются в сию минуту до такой степени, что, кажется, тут предел бывает жизни. И действительно были приме-

---

* Славный Галлер доказал, что иные части чувственны, другие только раздражительны.

ры, что люди в соитии жизни лишались*. Иначе быть тому нельзя; се настоят прехождение от ничтожества к бытию, се жизнь сообщается. Не удивительно, что после соития слабость приметна в животном: он уделил жизни своя, коея нужное количество для своего состава он паки приобретет пищею, извлекая жизнь из того, чем питается: ибо все, его питающее, есть живо.

Но в сем безжизненном состоянии человека, когда он не есть еще зародыш, но семя или зерно, может ли он почесться человеком, может ли причтен быть к тварям разумным? Вопрос самой пустой и не стоящий ответа, если бы за ним не следовал другой, более казистый и вид сомнения имеющий. Что есть человек, и где он есть до произведения семени, из коего родиться имеет? Ибо, если можем понять, что семя предсуществует зачатию, то оно предсуществует в самке известной; но где оно было, доколе в ней не образовалось в виде семени?

Дерзновенный, ты хочешь взойти до бесконечности; но воззри на свое сложение; ты едва от земли отделен, и если бы око твое не водило тебя до пределов, солнечной системе смежных, и мысль твоя не летала в преддверие вечности, мог ли бы ты чем-либо отличен быть от пресмыкающихся? Вооружай зрение твое телескопами, за дальнейшие неподвижные звезды досязающими; вооружай его микроскопами, в миллионы миллионов раз увеличивающими; что узришь ты? что ты ни на единую черту от данного тебе пребывания отделиться не можешь, не взирая на недавнее твое и столь величественное воскресение. И узришь хотя часть органа, мысль тебе дающего; но какое стекло даст узреть тебе твое чувствование? Безумный! оно ему не подлежит. Устремляй мысль свою; воспаряй воображение; ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опричь телесности? Обнажи умствование твое от слов и звуков, телесность явится пред тобою всецела; ибо ты она, все прочее догадка.

Но дадим ответ на предыдущие вопросы, сколь нелепы они бы ни были. Если не достоверно, но хотя вероятно, что человек предсуществовал зачатию в семени, то суть две возможности, где существовало сие семя, опричь той вероятности, что оно в жене начиналося; а сие есть вероятнейшее других предположение. Но скажем хотя слово о них. Или семя содержалось одно в другом, из разверзшихся прежде

---

* Не говоря о других, можно в пример привести известного живописца Рафаэля.

его в бытие, и содержит в себе все семена, сколько их быть может, одно в другом до бесконечности. Или семя сие есть часть прежнего, которое было часть другого, прежде его к жизни возванного, и может делиться паки на столько частей или новых семян, сколько то быть должно и может; равномерно и отделенные от него части паки делимы быть имеют до бесконечности. Бесконечность... о безумные мы! все, чего измерить не можем, для нас есть бесконечно; все, чему в продолжении не умеем назначить предела, вечно. Но для чего не утверждать, как то сказали мы выше, что семя образуется в жене? Ибо, если чувствительность, мысль и все свойства! человека (не говоря о животных и растениях) образуются в нем постепенно и совершенствуют, то для чего не сказать, что и жизнь, которая в семени, яко в хранилище, пребывать имеет*, доколе не изведет на развержение, образуется в органах человека. Ибо всякая сила, не токмо действующая в человеке, но в вселенной вообще, действует органом; по крайней мере, мы иначе никакой силы постигать не можем. Когда всесильный восхотел, чтоб движение и жизнь нам явны быть могли, он поставил солнце: вот чувственный его орган! Почто же дивиться, что смертные его боготворили?

Прейдем к другому вопросу. Семя до зачатия, или человек в предрождественном своем состоянии, мог ли почесться тварью разумною, или другими словами, сопряжена ли была душа с семенем, доколе не прешло семя в зародыш? Какое слабое удовлетворение твоему высокомерию, если и согласимся дать семени душу! но что сия душа? свойство ее жизни, или в совершенном возрасте человека есть чувствовать и мыслить; а понеже ведаем, что чувственные орудия суть нервы, а орудие мысли, мозг, есть источник нерв, что без него или же только с его повреждением или болезнию тела исчезает понятие, воображение, память, рассудок; что нервы толико тупеть могут, что суть иногда в болезненном состоянии тела почти бесчувственны; если же общий закон природы есть, что сила не иначе действует (для нас по крайней мере), как органом или орудием, то скажем не обинуясь, что до рождения, а паче до зачатия своего человек есть семя и не может быть что либо иное. Бесчувствен, нем, не ощущаяй,

---

* Не возможно ли уподобить душу металлу минерализованному? Когда огонь руду проникнет, металл отделяется и явится в своем блеске: так и огонь жизни, проникнув семя, являет душу.

как может быть разумною тварию? И хотя бы (согласимся и на то), хотя бы душа жила в семени до начатия веков; но когда она начинает действовать и мыслить, того не знает, не воспоминает, что она когда-либо была жива. А поелику не помнит о своем предрождественном состоянии, то человек настоящий, я настоящее, я отличающееся от всех других обратных мне существ, не есть то я, что было; а хотя бы я нынешнее то же я было, которое было в предрождественном состоянии; но что в том мне пользы? Нет тождественности души в двух состояниях, то есть в нынешнем и предрождественном*; не все ли равно, что она не существовала до зачатия или рождения.

Но нет ли какой-либо возможности, что душа может существовать с семенем сопряженна до зачатия зародыша? Вы видели, мои возлюбленные, что все предыдущие умствования суть предположительные или паче гадательные, то и сие мнение о предрождественном существовании души, поелику противоречия в себе не заключает, есть возможно. А если к тому присовокупим, что поелику всякая сила действует свойственным ей органом, и семя есть орган, для действия души определенный, но не разверженный, то можно сказать, что сила живет в органе и душа в семени; ибо если орган или семя не разверженно и неустроенно, то из того не следует, чтобы оно было мертво; ибо смерть есть разрушение, или паче, как то увидим далее, смерть не существует в природе, но существует разрушение, а следствие одно токмо преобразование. Присовокупим к сему предварительно, что как из опытов знаем, что по разрушении каждая частица отходит к своей стихии или началу, да паки в сложение преидет, то сила жизни не отойдет ли к своему началу или стихии; и поелику стихия каждая одинакова, то частица оной может пребывать семени совокупна.

Вот что возможно сказать о предрождественном состоянии человека; но и тут, как видите, друзья мои, много предположений, систем, догадок. Таково есть положение наше, что мы едва ли можем удостоверены быть о том токмо, что предлежит нашим чувствам. Сведение о вещах внутрезрительное несть свойство нашего разума. Если чего

---

* Нельзя ли сказать: несть тождественности души в рожденном ее состоянии и по смерти; ибо душа есть сила, действующая органом, а орган-разрушится. Душа, лишенная воспоминования воплощенного ее состояния, будет особенна, будет высшее существо, потому что напомнимения лишение лишит ее всего, что нас терзает: она будет я. Итак, соединится ли она со своим началом или пребудет особенна, но будет высшее существо.

не ощущаем, то заключаем по сходствию. И дабы вам сие изъяснить примером: мы по сходствию токмо заключаем, что рождены и смертны есмы. Итак о прошедшем и будущем своем состоянии человек судит по сходствию. Блажен, если жребий его не есть блуждание!

Се настал час бытия и жизни! О Всесильный! отпусти дерзновение мое; я умствованием одним угадать тебя тщуся, доколе не воззван к жизни! Но я живу и тебя чувствую. О Всесильный! в том нет дерзновения!

Представим себе мужа и жену в цветущих силою летах, горящих взаимною любовию; представим себе невинные их лобзания, преддверие веселия. Представим их на непорочном ложе вкушающих его приятности, ужели думаешь, что восторг, исступление, забвение самого себя (во время соития) суть напрасны, и должны существовать без намерения? Когда есть цель малейшему микроскопическому зверку, ужели думаешь, что величайшее плотское веселие не имеет оной? И можно ли в ней ошибиться! Намерение есть чувствование, цель жизнь.

Уже жена зачала во чреве; уже зародыш жив. Сердце, сей источник крови и въемлище ее, в нем биет даже с первого дня соития. Началось кормление*, ращение. Уже мало помалу члены его образуются. Каждое волокно ищет своих подруг, с коими согрудится**, и составляют мышцы. Но паче всего образуется голова, растет больше и величает. В ней пребывание чувствий и умственных сил! — Пребыв во чреве жены предопределенные девять месяцев, зародыш стал дитя***. Орудии движения, чувствия, голоса и жизни получили свое

---

* Человек во чреве образуется подобно растению: он кормится пуповиною, как растение корнем.

** *Peut-être les affinités suivent les loix de la force magnétique ou électrique; ne pourrait on pas dire que l'affinité est universelle par les intermédiaires. S'il y a des affinités doubles, n'y peut il y avoir des triples etc.* (Возможно, что стремление тел к соединению повинуется магнетической или электрической силе; м.б. можно предположить, что это стремление при помощи посредствующих звеньев является всеобщим. Если существуют двойные соединения, не могут ли существовать тройные и т. д.).

*** Легкое его еще не дышит, а большая грудная железа сосет; кажется, и у человека нет еще правых сердечных камеры, и вместо крови белый сок протекает его жилы. Сердце потом образуется, кровь краснеет, и хотя легкого не касается, но обращение ее живее. Все в нем пульс; и как скоро выходит на свет, воздух и млеко составляют его пищу; самая боль и всякая потребность дают ему случай всосать теплоту тысячью стезями.

дополнение; основание уже положено разумным силам, орган их уже готов, как гладкая таблица готова на восприятие впечатлений. Упругость, содрогательность существуют уже в образованном, да некогда произведут страсти, притяжение и отвращение. И се рождается дитя — человек да будет.

Итак исшел на свет совершеннейший из тварей, венец сложенный вещественных, царь земли, но единоутробный сродственник, брат всему на земле живущему, не токмо зверю, птице, рыбе, насекомому, черепокожному, полипу, но растению, грибу, мху, плесне, металлу, стеклу, камню, *земле*. Ибо, сколь ни искусственно его сложение, начальные части его следуют одному закону с родящимся под землею. Если кристалл, металл или другой какой-либо камень образуется вследствие закона смежности, то и части, человека составляющие, тому же следуют правилу. Если он зарождается и растет во чреве матернем, прилежное розыскание показывает (хотя еще внимания на то не обращено), что для образования чего либо и в царстве ископаемом нужна матка; и если в животных то издревле известно, что матка без мужского сообщения бесплодна, то ныне явно уже о растениях и о подземных вероятно*. Но если кристаллизация, если руденение далеко отстоят от зачатия, питания и рождения, не образование ли есть цель того и другого? Образование есть видимое действие; — но причина? не сомневайся! то же начало, которое жизнь тебе дает, действует и в законе смежности.

Мы не унижаем человека, находя сходственности в его сложении с другими тварями, показуя, что он в существенности следует одинаковым с ними законам. И как иначе то быть может? не веществен ли он? Но намерение наше, показав его в вещественности и единообразности, показать его отличие; и тогда не узрим ли мы сопричастность его вышшему порядку существ, которых можно токмо угадать бытие, но ни ощущать чувствами, ни понимать существенного сложения невозможно.

Человек, сходствуя с подземными, наипаче сходствует с растениями. Мы не скажем, как некоторые умствователи: человек есть растение³¹⁴; ибо, хотя в обоих находятся великие сходства, но разность

---

* Что есть металлическая жила, что земля купоросная, селитренная, если не матки? что пары металлические, купоросный и селитренный газ, если не мужеский сок?

между ими неизмерима. В растении находим мы жилы, питательный сок, в оных обращающийся; находим различие полов, матку, плододение мужское, семя, зачатие, рождение, детство, мужественные лета, произведение, старость, смерть; следовательно растение есть существо живое, а может быть — и чувствительное, — (да не остановимся при словах!) но чувственность сия есть другого рода, может быть, одна токмо раздражительность. А паче всего вертикальное положение растений сходственно единому человеку. Хотя в растениях чувствительность не явна (и самая чувственница³¹⁵ из сего не исключается), но согласиться нельзя, чтобы обращение соков действовало в них по простым гидростатическим правилам. В них существует истинная жизнь. Они на земли не для обновления токмо родов своих, но служат в пищу вышшей степени существам. Сие есть одна простая догадка: но поелику органическое тело сохраниться может токмо пищею, то каждый род органических веществ питается веществами органическими же в разных их видах и сложениях; а питаясь сходствующими с органами его веществами, не жизнь ли он принимает в пищу, которая, почерпаясь из нижнего рода веществ, протекши и процежаясь, так сказать, сквозь бесчисленные каналы, единообразуется той, которая органы его движет.

Паче всего сходственность человека примечательна с животными. Равно как и они, он отличествует от растений тем, что имеет уста. Растение, стоя в нижней степени существ земных, есть вся уста, по выражению одного известного писателя³¹⁶. Сок из земли корнями, росу же небесную сосет оно листвием. Человек уже отличествует, как и другие животные, от насекомых; ибо и сии, как гниды, суть токмо рот, желудок и его продолжение. Все органы, коими одарен человек, имеют и животные, разумея в назначенной их постепенности. Слух, обоняние, вкус, осязание, взор, все они имеют. Побуждение к пище равно терзательно и усладительно для всех живущих на лице земли, не исключая и растений. Исторгни его из недра земного, или замкни токмо источники небесные, цвет увянет, иссохнет корень, отпадет листвие, и вместо красящегося зеленостию листов и всеми цветами раздробленного луча солнечного в цвету своем, узришь его поросшее мхом и плеснию подернутое, преходящее в разрушение. Равномерно, отыми яства от животного и человека, возбуди алчбу и жажду в недрах его, лиша его всего того, что обновляет в нем кровь, дыхание и жизнь, ты скоро узришь страшные признаки смерти, окрест его летающие. Шествие бу-

дет токмо доколе не изнеможет. Взоры поникли, коими жизнь, кажется, помалу исступает, глаза въямившиеся, тело все обвисло морщинами; но вскоре остатки жизни превращаются в болезни лютые, в нестерпимые корчи и судороги, и будто жизнь, сие неведомое нами существо, в каждой фибре, в каждой нерве заключенное и растворенное, так сказать, во всех соках и твердых частях телес животных, жизнь начнет отделяться сперва с великим возбуждением чувственности, раздражительность вникает при конечном расслаблении, чувствительность живет при исчезании, и жизнь, сей безвещественный огонь, дав животному вздохнуть в последние, излетает. Труп хладеет, кровь, лимфа и водяность приходят в согнительное воскипение, все члены распадаются, каждое начало отходит к своей стихии, каменородная часть животного, кости, противятся несколько времени проникшему в него тлению; но скоро могущественность воздуха, разрушив известное их сложение, разделит их на составляющие их части и, иссосав в воздухообразном виде содержащуюся в них кислоту, остатки предаст земле.

Человек, сходствуя в побуждении к питанию с животными, равно сходствует он с ними и растениями в плодородии. С большими и многими малыми животными он даже сходственные имеет уды детородные. Они все отстоят от главы в отдаленности, а вследствие возникшего положения человека они лежат в нижней его половине. Напротив того, они суть глава растений и их краса. Цветок — О ты, возмогший проницательностию твоею узреть сие таинство природы, бессмертный Линней³¹⁷, не возгнушайся жертвоприношением желающего тебя постигнуть! — цветок есть одр любовный, ложе брачное, на коем совершается таинство порождения. — Хотя многие животные, как то все птицы, разнствуют от человека в порождении, но сходствуют с ним все живорождающие. Многие самки носят девять месяцев; родят обыкновенно одного, и дитя своего воскармливают сосцами своими.

Внутренность человека равномерно сходствует со внутренностию животных. Кости суть основание тела; мышцы — орудия произвольного движения; нервы — причина чувствования; легкое равно в них дышит; желудок устроен для одинаковых упражнений; кровь обращается в артериях и венах, имея началом сердце с четырьмя его отделениями; лимфа движется в своих каналах, строение желез и всех отделительных каналов, чашечная ткань и наполняющий ее

жир, наконец, мозг и зависящие от него деяния: понятие, память, рассудок. Не унизит то человека, если скажем, что звери имеют способность размышлять. Тот, кто их одарил чувствительностию, дал им мысль, склонности и страсти; и нет в человеке, может быть, ни единыя склонности, ни единыя добродетели, коих бы сходственности в животных не находилоя.

Нашед многочисленныя сходственности между животными и человеком, нужно нам видеть и то, чем он отличествует от всех других животных, живущих на земле. Возниченный его образ отличает его внешность приметным образом и есть ему одному на земле свойствен. Хотя медведь становится на задние лапы, а обезьяны ходят и бегают на них, но сложение ног человеческих доказывает, что ему одному прямо ходить должно. Хотя сие хождение есть следствие искусственнейшего учения, хотя были примеры, что человек имел четвероножное шествие*, но из того не следует, что оно ему свойственно вследствие его сложения. Широкая его ступня, большой у ноги палец и положение других с движущими ступню мышцами суть явное доказательство, что человек не пресмыкаться должен по земле, а смотреть за ее пределы. Но сие то и есть паче всего человека отличающее качество, что совершенствовать он может, равно и развращаться; пределы тому и другому еще неизвестны. Но какое животное толико успевать может в добром и худом, как человек? Речь его и все оныя следствия, зверство его неограниченное убивая братию свою хладнокровно, повинуюся власти, которую сам создал; и какой зверь снедает себе подобного из лакомства, разве не он? Напротив, какое великодушие, отринование самого себя; но о сем говорить еще не место.

Оставя теперь все следствия возниченного положения человека, мы находим, что сложение его паче всех животных беззащитнейшее, а хотя нежнейший имеет состав, но твердейшее имеет здравие. Все звери, или паче животные живут в свойственном для них климате. Слон живет под жарким поясом, медведь белый на льдинах Северного Океана; но человек рассеян во всех климатах. Гладкая и бесшерстная, но твердая его кожа противостоит всем непогодам и водворяется во всех странах света. Но самая сия беззащитность родила вымысел, и человек облекся в одежду. Но не от единыя нагости восприял

---

* Пример младенца и диких зверей.

он свой покров. Если она была к тому побуждением в холодном климате, живучи под равноденственным кругом не токмо казалась не нужна одежда, но тягостен и малейший на теле покров. Однакож мы противное тому видим. Жители Гвинеи, Сенегала, Нигера, Конго, носят опоясье. Сколь чувствования народов сих ни притупленны, но стыдливость есть корень сего обыкновения. Сие суждение не есть произвольное или догадка; когда самки некоторых зверей дубравных чувствуют сие движение, когда многих родов самки ждут прислуги самца и обуздывают, так сказать, свою похотливость, то ужели самке человеческой стыд будет чужд? Возниченное положение, открывая детородные части в человеке, влечет, кажется, за собою неминуемое следствие — опояску.

Паче всего кажется человек к силам умственным образован*. Горизонтальное положение всех зверей, обращая зрение их, обоняние и вкус книзу, кажется наипаче определяет их блаженствовать в насыщении желудка; ибо и другое чувственное блаженство, соитие, всем зверям есть временно**. Самую обезьяну, и совершеннейшую из них и наиболее на человека похожую, орангутанга, из сего исключать не должно. Руки ее и ноги не сходствуют с человеческими так как и вся почти внешность. Сколь некоторые роды людей, например, эскимы и другие, внешностию ни уродливы (если можно разнообразие природы почесть уродством), но члены их соразмернее обезьяны. Бюффон называет род обезьян животным четвероруким; но не взирая на слабое сходствие очертаний у них с человеком, причтем и их к четвероногим; ибо по их сложению не имеют они той точки равновесия, которая, воздымая человека от земли, шествие его делает возниченным и вид приятным. Череп его круглеет, лоб воздымается, нос становится острее, две ровные губы составляют уста, где обитает улыбка.

Казалось бы, что понеже человек, наипаче к мысленным действиям определенный, иметь долженствовал отменное во всем образовании головного мозга, в котором, как то всякому чувствуемо, обитает

---

* Он превратил климаты, в холодной полосе он зной ощущает; он подвержен многим болезням, но живет долее земных зверей. Детство, отрочество, юность долее в нем. Он долее всех учиться должен, ибо должен иметь более знания других.

** Одному человеку не поставлено в нем меры.

мысль; и хотя находятся некоторые в нем отмены против мозга других животных, но доселе сие различие столь найдено повидимому маловажно, что нельзя сказать, в чем точно состоит преимущественная отмена в сложении мозга человеческого против мозга больших животных. Сверх же того, анатомия не была еще руководительницею к познанию, от чего в мозгу зависит память, воображение, рассудок и другие умственные силы. Сколь на сей конец опыты Галлеровы ни были многочисленны, но света действия умственные человеческия главы не распростерли. Доселе оно кажется трудно, а, может быть, совсем невозможно, если рассудишь, что действие разума есть неразделимо. И хотя толкователи сих действий решат оные неким (ими вымышленным) движением малейших фибр мозговых, но где находится среда, в которую все сии движения стекаются, никто не видал, ибо пинеальная железа, мозольное тело суть ли истинное пребывание души, о том только прежде сего гадали, а ныне молчат. Распространение просвещения и общий разум показали, что опыты суть основание всего естественного познания. Итак, может быть одно соразмерное сложение мозга, изящнейшее его положение, так, как приятная внешность человека, суть истинное отличие человеческого мозга в его образовании.

Некоторые писатели, представив себе мысленные линии, по человеческому образу проведенные, находили в большем или меньшем углу, от пресечения сих линий происходящем, различие человека от других животных, даже различие между народами; а известный Лафатер³¹⁸, в угле, также мысленно начертанном, не токмо находил различие разумов между людей, но оное выдавал за непреложное правило. Но оставим правила вероятной, но далеко распростертой и от того бессущественной его физиогномии; скажем нечто о других. Кампер³¹⁹ проводит линию чрез утлость уха до основания носа, и другую линию с верхнего края лобных кости до наиболее иссунувшейся части бороды. В угле, где пересекаются сии линии, он находит различие животных от человека, а наипаче различие народов и определение их красоты. Птицы начертают, говорит Кампер, самый малейший угол. Чем более угол сей расширяется, тем животное сходственнее становится в образе своем человеку. Обезьяны имеют в образе своем сей угол от 42 до 50 степеней; сия последняя степень уже человекообразна. Европейцы 80, а греческая воображимая красота от 90 степеней восходит до 100. Гердер, стараясь показать естествен-

ную сему причину, говорит, что она состоит в отношении животного к его горизонтальному или перпендикулярному строению и такому положению его головы, от которого зависит счастливое положение головного мозга и красота и соразмерность всех личных частей. Протяни, говорит он, линии от последних шейных кости, первую до точки, где кончится затылок, другую до высоты темя, третью до самого переда лба и линию до окончания бороды, то явно будет не токмо различие в образовании головы, но и самая причина оных; то есть, что все зависит от строения и направления сих частей к горизонтальному или перпендикулярному шествию.

Вот как человек пресмыкается в стезе, когда он хочет уловить природу в ее действиях. Он воображает себе точки, линии, когда подражать хочет ее образам; воображает себе движение, тяжественность, притяжение, когда истолковать хочет ее силы; делит время годами, днями, часами, когда хочет изразить ее шествие, или свой шаг ставит мерою ее всеобъемлющему пространству. Но мера ее не шаг есть и не миллионы миллионов шагов, а беспредельность; время есть не ее, но человеческое; силы же ее и образы суть токмо всеобщая жизнь.

Гельвеций не без вероятности утверждал, что руки были человеку путеводительницы к разуму. И поистине, чему одолжен он изобретением всех художеств, всех рукоделий, всех пособий, для наук нужных? Но сие в человеке изящнейшее чувство осязания не ограничено на единые персты рук. Примеры видели удивительнейшие, что возможен человек, лишенный сих нужных для него членов. Если чувство его осязания не столь изошренно, как осязание паука, то нет ему в том нужды; оно бы было ему бесполезно, ибо несоразмерно бы было другим его чувствам и самому понятию его. Равным образом, отделясь от лица земли, вследствие своего строения, чувство обоняния и вкуса в нем притупели; ибо прокормление не стало быть его первейшею целию. А хотя оно ему необходимо, то рука его, вооруженная искусством, заменяет стократно недостаток его в изящности упомянутых двух чувств. Но и тут с лучшим правдоподобием сказать можно, что вкус и обоняние суть в человеке изящнее, нежели в прочих животных. Если он не равняется обонянием со псом, следы зверя оным угадывающего, то сколь изыскателен он в благовоении следов. Сравни сладострастного сибарита или жителя пышных столиц в действиях вкуса и обоняния с действием тех же чувств в животных, и скажи, где будет перевес.

Человек равно преимуществует пред другими животными в чувствах зрения и слуха. Какое ухо ощущает благогласие звуков паче человеческого? Если оно в других животных (пускай слух и был бы в них изящнейший) служит токмо на отдаление опасности, на открытие удовлетворительного в пище, в человеке звук имеет тайное сопряжение с его внутренностию. Одни, может быть, певчие птицы могут быть причастны чувствованию благогласия*. Птица поет, извлекает звуки из гортани своей, но ощущает ли она, как человек, все страсти, которые он един токмо на земле удобен ощущать при размерном сложении звуков? О вы, душу в исступление приводящие, Глюк, Паизелло, Моцарт, Гайдн, о вы, орудие сих изящных слагателей звуков, Маркези, Мара³²⁰, неужели вы не разнствуете с чижем или соловьем? Не птицы благопевчие были учителя человека в музыке; то было его собственное ухо, коего вглубленное перед другими животными в голове положение** всякий звук, с мыслию сопряженной, несет прямо в душу.

Орел, паря превыше облаков, зрит с высоты своего взлетения кроющуюся под травным листием свою снедь. Человек не столь имеет чувство зрения дальновидно, как он; миллионы животных ускользают от его взора своею малостию; но кто паче его возмог вооружить свое зрение? Он его расширил почти до беспредельности. С одного конца досязает туда, куда прежде единою мыслию достигать мог; с другого превышает почти и самое воображение. Кто может сравниться с Левенгуком, с Гершелем³²¹?

Но изящность зрения человеческого наипаче состоит в созерцании соразмерностей в образах естественных. Не изящность ли зрения, изошренного искусством, произвела Аполлона Бельведерского, Венеру Медицейскую, картину Преображения³²², Пантеон и церковь Св. Петра в Риме и все памятники живописи и вааяния?

Но все сии преимущества обведены бы, может быть, были тесною чертою, если бы не одарен был человек способностию, ему одному свойственною, речью. Он един в природе велеречив, все другие живые его собратия немые. Он един имеет нужные для речи органы. Хотя многие животныя звуки гортанию производят, хотя птицы паче других в органах голоса сходствуют с человеком и некоторые изу-

---

* Могли ли бы они петь благогласно, не чувствуя благогласия?

** Уши зверей заостренные и все лежащие. Рассмотрение уха певчих птиц будет когда-либо сему ясным доказательством.

читаться могут произносить слова человеческия речи; но сорока, скворец или попугай ничто иное суть в сем случае, как обезьяны, человеку подражающие в его телодвижениях. Но если попугай может подражать в произношении некоторых слов человеку, если снегирь или канарейка подражают своим пением пению человеческому, то человек в подражании всех звуков пения превышает всех животных; и справедливо его один английский писатель назвал *насмешником* между всеми земными тварями³²³.

Речь есть, кажется, средство к собранию мыслей воедино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием. Кто б помыслил, что столь малейшее орудие, язык, есть творец всего, что в человеке есть изящно. Правда, что он может без него обойтись и вместо речи говорить телодвижениями; правда, что в новейшие времена искусство, так сказать, мысли распростерто и на лишенных того чувства, которое к речи есть необходимо; но сколь бы шествие разума без звучныя речи было томно и пресмыкающееся! О ты*, возмогший речию одарить немаго, ты, соделавший чудо, многие превышающее, не возмог бы ты ничего, если бы сам был безгласен, когда бы речь в тебе силы разума твоего не изощрила! Если немый, тобою наставленный, может причастен быть в твоих размышлениях, невероятно, чтобы разум его воспарил до изобретений речию одаренного. Хотя и то истинно, что лишение одного чувства укрепляет какое-либо другое; но вообще разум лишенного речи более изощряться будет подражанием, нежели собственною своею силою; не имеющий слуха коликих внутренних чувствований будет лишен, и, кажется, изъявления оных ему мало быть могут свойственны. — Итак, речь, расширяя мысленные в человеке силы, ощущает оных над собою действие и становится почти изъявлением всеислия.

Осмотрев таким образом человека во внешности его и внутренности, посмотрим, каковы суть действия его сложения, и не найдем ли, наконец, чего либо в них, что может дать вероятность бессмертия, или что, обнаружив какое-либо противоречие, идею второя жизни покажет нелепостию. Если заблуждение предлежит нам в стезе нашей, источник истины, Всеотче! простри луч на разумение наше! Желание наше в познании нелицемерно и не тщеславием вождается, но любовью.

---

* Аббе де Лепе.

Из внешнего сложения человека видели мы, что менее всех других животных он способен к хищности. Пальцы его не вооружены острыми когтями для раздиранья своєю снеди, как у тигра; нет у него серпообразных клыков на отъятие жизни; напротив того зубы его суть, кажется, доказательство, что пища овощная сходственнее его сложению, нежели мясная; да когда он и сию вкушает, то прежде изменит ее существенность варением. Итак, человек не есть животное хищное. С другой стороны, сложение его рук препятствует ему укрываться там, где могут животные, когти имеющие. Стоящее его положение препятствует ему избегать опасности бегством; но искусственные его персты доставляют ему оборону издали. Итак, человек, вследствие телесного своего сложения, рожден, кажется, к тишине и миролюбию. О, как он удаляется от своєю цели! Железом и огнем вооружив руки свои, на произведение искусственных действий сложенные, он воссвирепел паче льва и тигра; он убивает не в снедь себе, но на увеселение, не голодом в отчаяние приведенный, но хладнокровно. О, тварь, чувствительнейшая из всех земнородных! на то ли тебе даны нервы?

Уже в некоторых животных примечается опрятность и благопристойность. Птица ощипывает носом своєю перья, зверь лижет шерсть своєю языком, а более всех других человек любит соблюдение своєю благообразия. Хотя нередко страсти и неумеренность его обезображают, но примеры единственные не отвергают правила общего. Я пройду здесь охоту, примеченную во всех диких народах, к украшению своєю тела; умолчу о той степени, на которой она находится в ученейших народах; не скажу ничего, сколь все украшения уродуют тело вместо усугубления его красоты; но что человеку благолепие сродно, то, с одной стороны, вообразим, что когда он изящнейшие черты изобразить хочет, он изображает нагость. Облеки в одежду Медицейскую Венеру, она ничто иное будет, как развратная жеманка европейских столиц; левая рука ее целомудреннее всех вообразимых одежд. С другой стороны, представь себе вид безобразный: власы растерзанные, лице испещренное жжением, колонием и краскою, уши или нос дырявые, губы разрезанные и зубы непокрытые, шея и чрево задавленные, ноги и персты сжатые. Привычка нас заставляет находить украшением то, что сами с некоторою отменною почитаем безобразностию. Итак свойственная человеку опрятность и благопристойность учили бы его сохранению своєю образа

в природном его виде, если бы превратность не учила другому. А ты, о превратнейший из всех, ибо употребляешь насилие власти, о законодавец тигр^{324!} почто дерзаешь уродовать благообразие человека? Он хотя преступник, но тот же человек. Вникни в его естественность, увидишь, что благообразие ему дано тем, кто жизнь ему дал. Ты уничижаешь его паче всякия твари, отъемля у него образование. И какая в том польза?

Следствием нежности в нервном сложении и раздражительности в сложении фибров, человек паче всех есть существо соучаствующее. Соучастование таковое в животных уже примечается: звери стекаются к испускающему жизнь брату их. Но паче всех одарен им человек. Жаль видеть обезображение даже неодушевленного. Вздохнешь, видя великолепные развалины; вздохнешь, видя следы опустошения, когда огонь и сталь распростирают смерть по лугам и нивам. Преселись на место, где позабынулись земли до основания. Хотя бы животные избегли бедствий естественных и гнева стихий, но глубокопроницающая печаль обойдет твое сердце, и ты, если не камень, потрясешься и восплачешь.

Наипаче таковое чувствование возбуждается в нас, взирая на скорбь и терзание животного. Стрела болезни пройдет душу, и она содрогнется. Обыкнув себя применять ко всему, человек в страждущем зрит себя и болезнует. Все чувствие таковое, проникающее нас посредством органов глазных, производит в нас страх и ужас. Но томящееся журчание, но воздыхание, но стон, крик, визг, хрипение, выводит нас из нас самих, возбуждает исступление. Чувствование предваряет рассудку, или, паче, человек во мгновение сие становится весь чувствование, рассудок молчит и страждет естественность. Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится. Войдя во храмину, где веселие распростерло жизнедательную масть свою в сердца, где около торжествующих все блещет радостью, где руки плещут и ноги сопутствуют восторгу, а паче грудь, исполненная утех, образует глас в радование, вздыхает от нежности или испускает крик веселостей; когда сердце и душа, исполняясь блаженства, явить хочет свое наслаждение и гортань поет; скажи, если ты не Альцест или не Тимон³²⁵, не воспоешь ли с поющими, не умножишь ли хоровада пляшущих? Когда разве дряхлость отъяла силу движения в ногах, и лишила голос твой приятности, то не будешь участвовать в веселии общем. Но знай, что ты не токмо существо, соучаствующее

всему чувствующему, но ты есть существо подражательное. Если можешь с безумными обезуметь, то там, где Тирс Вакхов³²⁶ вооружен блистает, как не быть тебе Вакхантом?

Сие соучаствование человеку толико сосущественно, что на нем основал он свое увеселение, к не малой чести изобретению разума человеческого служащее. Скажи, не жмет ли и тебя змий, когда ты видишь изваяние Лаокоона? Не увядает ли твое сердце, когда смотришь на Маврикия³²⁷, занесшего ногу во гроб? Скажи, что чувствуешь, видя произведение Корреджия или Альбана, и что возбуждает в тебе кисть Ангелики Кауфман? Исследовал ли ты все, что в тебе происходит, когда на позорище видишь бессмертные произведения Вольтера, Расина, Шекспира, Метастазия, Мольера и многих других, не исключая и нашего Сумарокова? — Не тебе ли Меропа³²⁸, вознесши руку, вонзить хочет в грудь кинжал? Не ты ли Зопир, когда иступленный Сеид³²⁹, вооруженный сталию, на злодеяние несется? Не трепещет ли дух в тебе, когда встревоженный сновидением Ричард требует лошади? «Нет у него детей!» размышляет во мрачныхотихом мщении Макбет³³⁰; что мыслишь, когда он сие произносит? О чувствительность, о сладкое и колющее души свойство! тобою я блажен, тобою стражду!

Я не намерен здесь распространяться примерами о том, что каждому известно; но представьте себе и очарованное око театральным украшением, и ухо, отсылающее дрожание в состав нервов и фибров, возбужденное благогласием; представьте себе игру, природе совершенно подражающую, и слово, сладости несравненного исполненное; представьте все сие себе, и кто сказать может, что человек не превыше всего на земле поставлен? Увеселение юных дней моих! к которому сердце мое столь было прилеплено, в коем никогда не почерпал развратности, от коего отходил всегда паче и паче удобренный, будь утешением чад моих! Да прилепятся они к тебе более других утех! Будь им истинным упражнением, а не тратою драгоценного времени!

Мы сказали, что человек есть существо подражательное, и сие его свойство есть ничто иное, как последование предъидущего или, лучше сказать, есть отрасль соучаствования. Я не розыскивал того прежде, но и теперь того же воздержуся, какой существует механизм в подражании и соучаствовании, как образ, вне нас лежащий, как звук, посторонним существом произнесенный, образуют внутренность

нашу? Происходит ли то в первом случае какими-либо лучами, отражающимися от внешних тел, как будто электрическое вещество, исходящее заострениями, и несущими образ на сеть глазную посредством светильного вещества; производит ли, в другом случае, звук, раздающийся в ухе нашем и тимпан одного ударяющий, производит ли в нервах дрожание, струнному орудию подобное (что вероятно); или нервный сок, прирав в себя внешние образы, внутреннюю чувственную им сходственность соделывает. Я уже сказал, в познаниях сих многие суть догадки; и мы, прешед причины, ибо нам оне неизвестны, не скажем, как то происходит, ибо того не ведаем, но скажем: *оно есть*. Давно всем известно, что человек, живучи с другими, приемот их привычки, походки и проч., даже самые склонности. В семейственной жизни сие наиболее приметно бывает. Не токмо дети имеют иногда привычки своих родителей или наставников, но имеют нередко их страсти. Примеры сему не токмо из истории почерпнуть бы можно было, но можно иметь их из ежедневного общежития. И неудивительно уже, что частое долговременное повторение одинакового действия всегда имея пред собою, может в привычку преобразиться; но подражательность столь свойственна человеку, что единое мгновение оную приводит в действительность. На сем свойстве человека основывали многие управление толпы многочисленных. Первый Сципион³³¹, обвиняемый пред народом в злоупотреблении своею властью во время предводительствования Римскими войсками: «Народ! — воскликнул он, — сей день вождием моим вы победили неприятеля, воздадим благодарение богам!» и не ждав нимало пошел в Капитолию, народ ему последовал, и обвинитель его посрамлен остался. Ужели думаете, что убежденный благорассуждением народ Римский шествовал за Сципионом? Нимало! ни десятой доле бывшим в собрании не было слышно его изречение. Он пошел, друзья его за ним, и все машинально ему следовали. В магнетизме Месмеровом видели самое явное доказательство подражательности непреоборимой. Сидящие около его чана едва одного из среды своей зрели в содрогании, все приходили в таковое же. Воображение ли над ними действовало или что другое, до того нет нам нужды; но что все чувствовали в нервной системе потрясение, то истинно. И сей нового рода врач, основав искусство свое на сем естественном подражании, приводил сим простым способом в движение, казалось, силу неизвестную. Но если бы помыслили, что буде в собрании, где

наипаче объемлет скука, один зевнет, то все зевают, то бы Месмерово³³² чудо таковым не казалось.

Различие полов, как то мы прежде уже видели, есть постановление природы повсеместное, на котором она основала сохранение родов не токмо животных, но растений, а может быть и ископаемых. Постановив различие полов, она, может быть, столь же общим законом, возродила в них одного к другому побуждение; и можем ли ве-
дать, что сила притяжения, действующая в химических смежностях, не действует и в телах органических? Животное иначе живет, нежели растение; но кто отвергнет, что растение не живо? Чем более вникают в деяния природы, тем видима наиболее становится простота законов, коим следует она в своих деяниях. Итак на различии полов основала она в человеке склонность к общежитию, из коея паки проистекают различные человеческие склонности и страсти. Но последуем ее постепенности.

Из различия полов следует склонность их одного к другому, склонность непреборимая, сколь сладостная в сердце добродетельном, столь зверская в развратном. Толико могущественно, толико глубоко положила природа корень сея склонности, что единое произвольно кажущееся движение в растениях относится к ней. Я говорю здесь о так называемом сне растений.

В животных склонность сия временное имеет действие, но в человеке всегдашнее. В нем склонность сия хотя столь же почти необходима, как и в животных, но подчинена очарованиям приятности и оставлена его управлению, выбору, произволу и умеренности. В человеке склонность сия хотя в младости разверзается, но позже нежели во всех других животных, а потому самому может быть она в нем и продолжительнее. Она в человеке отличается тем, что сопрягает оба пола во взаимный союз непринужденно и свободно, нередко на целый их век. Кто из животных, разве не человеческие супруги, могут сказать: мы два плоть едина, мы душа единая! О сладостный союз природы! почто ты толико и столь часто бываешь уродован?

От любви супружней проистекает любовь матерняя. Зачав во чреве своем, родив в болезни, питая своими сосцами*, дитя есть, поистине, отпрыск матери, отрасль совершенная, не по уподоблению ток-

---

* Примечания достойно, что из видимых членов в человеке зубы совершаются после всех других.

мо, но в самой сущности. Союз их есть почти механический. Да не унизим его таковым изречением; он есть органический и будет нравственный и духовный, когда вскармление разверзет все новорожденного силы и образует его внутренность и внешность. О, чувствования преизящные! в вас лежит корень всякия добродетели. Наилютейшее чудовище смягчится семейственною любовию. Преторгла ею природа скитание зверообразного человека, обуздала его нежностью, и первое общество возникло в доме отеческом. Продолжительное младенчество, продолжительная в неопытности юность приучает его к общежитию неприметно. Сопутник неотлучный матери, лежа у сосцев ее и пресмыкаяся на земле, он, воспрянув на ноги отвесно, бежит во след отцу, естественному своему учителю. Малолетство его подчиняет его родителям в рассуждении его слабости; юность то же производит неопытностью. Привычка, благодарность, уважение, почтение делают сей союз наитвердейшим. Вот первое общество, вот первое начальство и царство первое. Человек рожден для общежития. Поздое его совершеннолетие воспретит, да человеки не разыдутся, как звери. О, Руссо! куда тебя завлекла чувствительность необъятная?^{*333}

Человеку, и может быть животному вообще, кажется быть свойственно, вследствие его чувственного состава, внутреннее ощущение правого и неправого. Не делай того другому, чего не хочешь, чтобы тебе случилось, если не есть правило, из сложения чувствительного человека проистекающее, то разве начертанное в нас перстом всевечного. Все превратности, все лжи, все неправды, злобы, убивства не в силах опровергнуть сего чувствования. Возникшая страсть запирает глас чувствительности, но ужели нет ее, когда лежит поприще?

Единому человеку между всех земных тварей удалось познать, что существует Всеотец, всему начало, источник всех сил. Я здесь не буду говорить, что он доходит до сего познания силою разума, возносясь от действий к причинам, и наконец к вышней из всех причин; не розыщу, что познание бога проистекло от ужаса или радости и благодарности; понятие о всевышнем существе в нем есть; сам он его себе сложил или получил откуда, того мы не рассматриваем. Но то истинно, что когда разум, а паче сердце страстями незатменно, вся плоть, все кости ощущают над собою власть, их превышающую. Называй

---

* См. «Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes».

сие кто как хочет; но Гоббес, но Спиноза³³⁴ ее ощущали; и если ты не изверг, о человек! то Отца своего ты чувствовать должен, ибо он всюду; он в тебе живет, и что ты чувствуешь, есть дар вселюбящего.

Итак, познание Бога может проистекать из единыя нашея чувствительности, и познание сие есть ее упражнение; упражнение, ведущее к вершине земного блаженства, внутреннего удовольствия, добродетели.

О, смертный, познавай бога! утешься, если страждешь, возблаженствуешь паче, если блаженствуешь. Он жив, и ты дышишь; он жив будет во веки, в тебе живет надежда, что и ты причастен будешь бессмертию. О, смертный! Отверзи очи твои, и узришь всеотца во свете*.

Обозрев человека в его чувствованиях и действиях, оттуда проистекаемых, порядок требовал бы, чтобы мы показали его во всей его славе, возносящегося превыше всего творения, постигающего начертание создания, и сим возвышающим его дарованием, разумом, божеству уподобляющегося. Но для постижения, koliko человек велик, нужно токмо воззреть на все его изобретения, на все вымыслы и творения. Науки, художества, общественная связь, законы суть доказательства избыточные, что человек превыше всего на земли поставлен. Но рассматривая и удивляясь величественности его разума и рассудка, увидим, что сие существо, творцу вселенныя сопричащающееся, проникающее незыблемыми стопами естественность, нередко уродствует, заблуждает; да и столь заблуждение ему почти сродно, что прежде нежели истины достичь может, бродит во тьме и заблуждениях, рождая нелепости, небылицу, чудовищей. И в том самом, о гордое существо, чем наипаче возноситься можешь, тем паче являешься смешон. Все однакоже заблуждения человека и нелепости суть доказательство мыслящего его существа, и что мысль есть наисвойственнейшее качество его.

Второе, что при рассмотрении умственных сил человека явно становится, есть то, что многие его умственные силы следуют законам естественности. Что сила воображения, например, зависит от

---

* В сем месте сочинитель начертал только предметы, о которых рассуждать был намерен; вот они. — О различии людей в их чувствованиях и страстях и о степени оных в каждом человеке. От чего зависят темпераменты? Откуда различия в представлениях Божества? Что оно часто похоже на человека, то неудивительно: человек его изображает, и поелику он человек, за человека зреть не может. Различие нравов, правлений и проч.

климата, и что люди совсем бы иначе нам предъявлялись, если бы естественное житие, правление, законы, нравы и обычаи не делали его совсем от того, как рожден, отменным. Одна теплая хранина климат преобразует, и какие из того последствия? Не из того ли проистекают и несообразности, которые видны часто в людских нравах и законоположениях?

Третье, что при рассмотрении умственных сил человека явственно становится, есть различие, в оных примечаемое, не токмо у одного народа с другим, но у человека с человеком. Но сколь один народ от другого ни отличается, однако воображая возможность, что он может усовершенствоваться, найдем, что может он быть равен другому, что индейцы, древние греки, европейцы суть по среде на стезе совершенствования; из чего заключить можно, что развержение народного разума зависит от стечения счастливых обстоятельств. Но совсем иначе судить должно о различии разумов между единственными человеками, и сколь Гельвеций³³⁵ ни остроумен, доказательства его о единосиили разумов суть слабы.

Четвертое, что замечается при рассмотрении разумных сил человека, есть то, что силы сии ничто при рождении, разверзаются, укрепляются, совершенствуют, потом тупеют, ослабевают, немеют и исчезают; что сия постепенность следует постепенности в развержении и уничтожении сил телесных, и что тесное есть сопряжение между плододетельного сока и человеческих умственных сил. Свидетельствуют тому брада или безумие, следствие несчастного саморастления. Но прежде всего скажем нечто о умственных силах человека, о действовании оных и о чудесности их.

Человек имеет силу быть о вещах сведому. Следует, что он имеет *силу познания*, которая может существовать и тогда, когда человек не познает. Следует, что бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе.

Мы вещи познаем двояко: 1-е, познавая перемены, которые вещи производят в силе познания; 2-е, познавая союз вещей с законами силы познания и с законами вещей. Первое называем *опыт*, второе *рассуждение*. Опыт бывает двоякий: 1-е, поелику сила понятия познает вещи чувствованием, то называем чувственность, а перемена, в оной происходящая, — чувственный опыт; 2-е, познание отношения вещей между собою называем разум, а сведение о переменах нашего разума есть опыт разумный.

Посредством памяти мы вспоминаем о испытанных переменах нашей чувственности. Сведение о испытанном чувствовании называем представлением.

Перемены нашего понятия, производимые отношениями вещей между собою, называем мысли.

Как чувственность отличается от разума, так отличается представление от мысли.

Мы познаем иногда бытие вещей, не испытывая от них перемены в силе понятия нашего. Сие назвали мы рассуждение. В отношении сей способности называем силу познания ум или рассудок. Итак, рассуждение есть употребление ума или рассудка.

Рассуждение есть ничто иное, как прибавление к опытам, и в бытии вещей иначе нельзя удостовериться, как чрез опыт.

Вот краткое изображение сил умственных в человеке; но все сии виды силы познания нашего не суть различны в существовании своем, но она есть едина и неразделима.

Однакож, раздробляя, так сказать, силу познания или паче, прилагая ее к разным предметам, ей надлежащим, человек воздвиг странное здание своей науки. Не оставил отдаленнейшего края вселенной, куда бы смелый его рассудок не устремлялся; проник в сокровеннейшие недра природы и постиг ее законы в невидимом и неосызаемом; беспредельному и вечному дал меру; исчислил неприступное; преследовал жизнь и творение и дерзнул объять мыслью самого творца. Часто человек ниспадал во глубину блуждения и животворил мечтания, но и на косвенной стезе своей велик и богу подражающ. О, смертный! воспряни от лица земли и дерзай, куда несет тебя мысль, ибо она есть искра божества!

Сколько есть способов познавать вещи, толико же путей и к заблуждению. Мы видели, что познание человеческое есть двояко: 1-е *опыт*, 2-е *рассуждение*. Если в первом случае, — мы ложно познаем перемены, происходящие в чувственности нашей; ибо заблуждение сего рода всегда происходит не от вещи и не от действия ее над нашими чувствами (поелику внешние вещи всегда действуют на нас соразмерно отношению, в котором оне с нами находятся), но от расположения нашей чувственности. Например: болящему желтухою все предметы представляются желтее; что белое для него было прежде, то ныне желтое; что было желтое, то кирпичного цвета, и т. д. Правда, что раздробление луча солнечного есть седмиично, как и

прежде, и болящему желтухою от рождения различие цветов будет равное со всяким другим; но тот кто видел предметы в другом виде, тот может судить о сем. — Например: колокол бьет; глухой, не чувствуя перемены в ухе своем, понятия иметь не будет о звуке, но другой скажет: слышу звон! И если звон колокола есть знак какого либо соборища, то слышащий пойдет, а глухой скажет: мне не повещали, — и чувства его обманут. Постепенность в таковых заблуждениях и все следствия оных, бывающие новыми заблуждениями по чреде своей, суть неудобоопределяемы и многочисленны.

Если знаем ложно отношение вещей между собою, то опять заблуждаем. Отношение вещей между собою есть непременно, но ложность существует в познании нашем. Например: два предмета предстают глазам моим, но не в равном расстоянии. Естественно, вследствие законов перспективы, что ближайший предмет должен казаться больше, а отдаленнейший меньше; но необыкшим очам они покажутся равны, и сравнение их будет ложно; ибо величина не есть сама по себе, но понятие относительное и от сравнения проистекающее. Число сих заблуждений, из познания отношения вещей проистекающих, происходит от рассуждения, и нередко заключая в себе оба рода предыдущих, тем сильнее бывает их действие, тем оно продолжительнее и преодоление их тем труднее, чем они далее отстоят от своего начала.

К рассуждению требуются две вещи, кои достоверными предполагаются: 1, союз, вследствие коего мы судим, и 2, вещь, из союза коея познать должно вещи, не подлежащие опыту. Сии предположения называются посылки, а познание, из оных проистекающее, — заключение. Но как все посылки суть предложения опытов и из оных извлечения или заключения, то *заключения* из посылок, или рассуждение, есть токмо прибавление опыта; следственно, познаем таким образом вещи, коих бытие познано опытом.

Из сего судить можем, коликократно могут быть заблуждения человеческие и нигде столь часты, как на стезе рассуждения. Ибо, сверх того, что и чувственность обмануть нас может, и что худо познать можем союзы вещей или их отношение, ничего легче нет, как ложно извлекаемое из посылок заключение и рассуждение превратное. Тысячи тысячей вещей претят рассудку нашему в правильном заключении из посылок и преторгают шествие рассудка. Склонности, страсти, даже нередко и случайные внешности, вмеща в среду рассужде-

ния посторонние предметы, столь часто рождают нелепости, сколь часты шаги нашего в житии шествия. Когда рассматриваешь действия разумных сил и определяешь правила, коим оне следуют, то кажется ничего легче нет, как избежание заблуждения; но едва изгладил ты стезю своему рассудку, как вникают предубеждения, восстают страсти и, налетев стремительно на зыблющееся кормило разума человеческого, несут его паче сильнейших бурь по безднам заблуждения. Единая леность и нерадение толикое множество производят ложных рассуждений, что число их ознаменовать трудно, а следствия исторгают слезы.

Сверх прямо извлекаемого рассуждения из предпосылаемых посылок, на опытах основанных, человек имеет два рода рассуждения, которые, возводя его к светлейшим и предвечным истинам, паки к неисчислимым и смешнейшим заблуждениям бывают случаем. Сии суть: уравниение и сходственность. Оне основаны на двух непреложных (сами в себе) правилах, а именно: 1-е, равные и одинаковые вещи состоят в равном или одинаковом союзе или отношении; 2-е, сходственные вещи имеют сходственное отношение или в сходственном состоят союзе. Сколь правила сии изобильны истинами, сколь много все науки им одолжены своим распространением, столь обильны оне были заблуждениями. Кто не знает, что мы наипаче убеждаемся сходственностью, что наши обыкновеннейшие суждения ее имеют основанием; что мы о важнейших вещах иначе судить не можем, как вследствие сходственности, и если надобен вам пример, то войдем во внутренность нашу на одно мгновение. Кто может, чувствуя токмо себя, рассматривая токмо себя, сказать: состав мой разрушиться имеет, я буду мертв! Напротив того, продолжению чувствования или жизни мы меры в себе не имеем, и могли бы заключить, что сложение наше бессмертно есть. Но видя окрест нас разрушение всеобщее, видя смерть нам подобных, мы заключаем, что и мы той же участи подвержены и умереть должны. Итак, заблуждение стоит воскрай истине, и как возможно, чтобы человек не заблуждал! Если бы познание его было нутрозрительное, то и рассуждение наше имело бы не *достоверность*, но *ясность*; ибо противоположность была бы во всяком рассуждении невозможна. В таком положении человек не заблуждал бы никогда, был бы Бог. Итак, воздохнем о заблуждениях человеческих, но почерпнем из того вышшее стремление к познанию истины и ограждению рассудка от превратности.

Мы видели, что заблуждения наши основание свое нередко имеют в чувственности нашей; но если мы покажем, что разумные наши силы определяются внешностию, то заблуждения человека суть почти неизбежны, и будем иметь вящее побуждение снисходительно взирать не токмо на все заблуждения рода человеческого, но и на самые его дурачества. Блаженны, если можем за словом нашим на месте строгости суждения возродить соболезнавание и человеколюбие.

Все действует на человека. Пища его и питье, внешняя стужа и теплота, воздух, служащий к дыханию нашему (а сей сколь много имеет составляющих его частей), электрическая и магнитная силы, даже самый свет. Все действует на наше тело, все движется в нем. Влияние звезд, столь глупо понимаемое прежде сего, неоспоримо. Что могут лучи солнечные или их отсутствие, тому доказательством служат негры и ескимы. Что может луна, то явствует из периодического женского истечения и видно над многими умалишенными. Хижина, поставленная над блатом и топью, дебрию или на горе вознесенная, различие производят в нас, и местоположение жилища нашего хотя не есть образователь единственный человека, но к образованию его много способствует. Все, что взоры наши ударяет, что колеблет слух, что колет язык или что ему льстит, все приятное и отвратительное обонянию, все образует чувства. Наконец, образователи осязания столь многочисленны, сколь различно бывает положение человека.

Из сего можно судить, сколь с чувственности нашею и мысленность превращением подвержена. Она следует в иных местах и случаях телесности приметным образом. Одним примером сие объяснить возможно. В Каире, даже в Марсели, когда подует известный ветер, то нападает на человека некая леность и изнеможение: силы телесные худо движутся, и душа расслабевает, тогда и мыслить тягостно. Вот пример действия внешней причины. Дадим примеры внутренних. Вольтер, сказывают, пивал великое множество кофию, когда хотел что-либо сочинять. Живя многие годы с немцами, я заметил, что многие из ученых людей не могли вдаваться упражнениям без трубки табаку; отними ее у них из рта, разум их стоит, как часы, от коих маетник отъят. Кто не знает, что Ломоносов наш не мог писать стихов, не напиваясь почти в полпьяна водкою виноградною? Кто не имел над собою опытов, что в один день разум его действует живее, в другой слабее! А от чего зависит сие? Нередко от худого варения желудка. Если бы мы действие сего прилежнее отыскивали в истории, то с

ужасом усмотрели бы, что бедствия целых земель и народов часто зависели от худого действия внутренности и желудка.

Физические причины, на умственность человеческую действующие, можно разделить на два рода. Одне действуют повременно, и действие оных наипаче приметно бывает над единственными людьми, как то из предыдущих примеров очевидно. Другие же причины действуют неприметным образом, и сии суть общественны, и действия оных приметны над целыми народами и обществами. Хотя смеялся над славным Монтескье³³⁶, что он мнение свое о действии климата основал на замороженном телячьем языке, но если вникнем, что климат действует на все тела без различия, а паче на все жидкости, на воздух, лучи солнечные и проч.; что роза, пресаженная из одной страны в другую, теряет свою красоту; что человек, хотя везде человек, но сколь он отличен в одной своей внешности и виде своем, то действие климата если не мгновенно, но оно чрезвычайно, и что оно человека погубляет, так сказать, неприметно и без явного принуждения. Возьми в пример Европейцов, переселяющихся в Индию, Африку и Америку, какая в них ужасная перемена! Англичанин в Бенгале забыл великую хартию и *habeas corpus*³³⁷; он паче всякого индейского набоба.

Наипаче действие естественности явно становится в человеческом воображении, и сие следует в начале своем всегда внешним влияниям. Если бы здесь место было делать пространные сравнения, то бы в пример списал некоторые места из *Гюлистан* Саадиева³³⁸, из европейских и арабских, мне известных, стихотворцев, что-либо из Омира и Оссиана³³⁹. Различие областей, где они живали, всякому явно бы стало; увидели бы, что воображение их образовалось всегда окрест их лежащею природою. Воображение Саадиево гуляет, летает в цветящемся саду, Оссианово несется на утлом древе, поверх валов. А если, кто захочет сделать сравнение исповеданий и мифологии народов, в разных концах земли обитающих, то сколь воображение каждого образовалось внешностию, никто не усумнится. Индейские боги купаются в водах млечных и сахарных; *Один*³⁴⁰ пьет пиво из чрепа низложенного врага.

Но если климат и вообще естественность на умственность человека столь сильно действуют, паче того образуется она обычаями, нравами, а первый учитель в изобретениях был недостаток. Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потреб-

ностей и определяем был местоположениями. Живущий при водах изобрел ладью и сети; странствующий в лесах и бродящий по горам изобрел лук и стрелы и первый был воин; обитавший на лугах, зелению и цветами испещренных, удомовил миролюбивых зверей и стал скотоводитель. Какой случай был к изобретению земледелия, определить невозможно; пускай была то Церера или Триптолем³⁴¹, или согнанный с пажити своя скотоводитель подражать стал природе сеянием злаков для питания своего скота, и после, возревновав его обилию, насадил хлеб. Как бы то ни было, земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу, и, облекши его багрянницею, поставил на олтаре превыше всех, воскурил ему фимиам; но наскучив своею мечтою и стряхнув оковы свои и плен, попрали обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шествие разума человеческого. Так образуют его законы и правление, соделывают его блаженным или ввергают в бездну бедствий.

Животное, нагбенное к земле, следует своему стремлению в насыщении себя и в продолжении своего рода. Примеченный в нем слабый луч рассудка ограничивается токмо на два сказанные побуждения, и в удовлетворении оных состоит его блаженство, если можно назвать блаженством тупое услаждение своя потребности. Животное исполняет сие, направляемо к тому непреоборимым стремлением. Но возникший³⁴² образованием своим человек, слабый в своем сложении, имея многочисленные недостатки, нудяся к изобретению способов на свое сохранение, свободен в своем действии; стремление его и все склонности подчинены рассудку. И хотя сей, для определения своего, имеет побуждения, но оные возвесить может всегда и избирать. Таким образом он есть единое существо на земле, ведающее худое и злое, могущее избирать и способное к добродетели и пороку, к бедствию и блаженству. Свободное его деяние сопрягло неразрывным союзом с женою, а с семейственною жизнью перешел он в общественную, подчинил себя закону, власти, ибо способен приять награду и наказание; и став на пути просвещения помощью общественного жития, сцепляя действия с причинами за пределы

зримого и незримого мира, то, что прежде мог токмо чувствовать, тут познал силой умствования, что есть бог.

Различие, примечаемое в разумных силах человека, тем явственнее становится, чем долее одно поколение отстоит от другого. Общественный разум единственно зависит от воспитания, а хотя розница в силах умственных велика между человека и человека, и кажется быть от природы происходящая, но воспитание делает все. В сем случае мысль наша разнствует от Гельвециевой; и как здесь не место говорить о сем пространно, то, сократя по приличности слово наше, мы постараемся предложить мысли наши с возможною ясностию.

Изящнейший учитель о воспитании, Ж. Ж. Руссо³⁴³, разделяет его на три рода. «Первое, воспитание природы, то есть развержение внутреннее наших сил и органов. Второе, воспитание человека, то есть наставление, как употреблять сие развержение сил и органов. Третье, воспитание вещей, то есть приобретение нашея собственной опытности над предметами, нас окружающими. Первое от нас независимо вовсе; третье зависит от нас в некоторых только отношениях; второе состоит в нашей воле, но и то токмо предположительно, ибо, как можно надеяться направить совершенно речи и деяния всех, дитя окружающих?».

Сколь Гельвеций ни старался доказывать, что человек разумом своим никогда природе не обязан, однакоже для доказательства противного положения мы сошлемся на опытность каждого. Нет никого, кто с малым хотя вниманием примечал развержение разумных сил в человеке, нет никого, кто б не был убежден, что находится в способностях каждого великое различие от другого. А кто обращался с детьми, тот ясно понимает, что поелику побуждения в каждом человеке различествуют, поелику различны в людях темпераменты, поелику вследствие неравного сложения в нервах и фибрах, человек разнствует от другого в раздражительности, а все сказанное опытами доказано, то и силы умственные должны различествовать в каждом человеке неминуемо. Итак, не токмо развержение сил умственных будет в каждом человеке особо, но и самые силы сии разные должны иметь степени. Возьмем в пример память: посмотри, сколь один человек превосходит другого сим дарованием. Все примеры, приводимые в доказательство, что память может быть приобретенная, не опровергнут, что она есть дар природы. Войдем в первое училище и в самый первый класс, где побуждения к учению суть весьма

ограниченны; сделай один токмо вопрос, и убедишься в том, что природа бывает иногда нежною матерью, иногда мачехою завистливою. Но нет; да отдалимся хуления! Природа всегда едина, и действия ее всегда одинаковы. — Что различие между умственными силами в человеках явны бывают даже от младенчества, то неоспоримо; но тот, который степению или многими степенями отстоит от своего товарища в учении, вследствие шествия естественности и законов ее, сотовариществовать бы ему не долженствовал; ибо семя, от него же рожденное, не могло достигнуть равной с тем организации, с коим оно сравнивается; ибо человек к совершенству доходит не одним поколением, но многими. Парадоксом сего почитать не должно; ибо кому не известно, что шествие природы есть тихо, неприметно и постепенно. Но и то нередко бывает, что наченшееся развержение останавливается, и сие бывает на счет рассудка. Если бы в то время, когда Ньютон полагал основание своих бессмертных изобретений, препят был в своем образовании и преселен на острова Южного Океана, возмог ли бы он быть то, что был? Конечно, нет. — Ты скажешь: он лучшую бы изобрел ладью на преплытие ярящихся валов, и в Новой Зеландии он был бы Ньютон. Пройди сферу мыслей Ньютона сего острова и сравни их с понявшим и начертавшим путь телесам небесным и доказавшим их взаимное притяжение, и вещай!

Сие наипаче явственно, когда поставишь в сравнение один народ с другим, или пройдеши историю умообразия одного народа чрез несколько веков. Кажется, что сему можно бы было дать доказательства, на естественности человека основанные. Но здесь тому не место и далеко отвело бы нас от предмета нашего. Случалось, и сей опыт повторять можно довольно часто, что взятому иногда во младенчестве дикому европейцы старались дать сходственное со своим воспитание; но оно не бывало удачно. Я здесь многих видал тунгузов, воспитанных в русских домах; но на возрасте тунгуз в силах умственных всегда почти далеко отстоял от русского. Кажется из сего заключить можно, что надобно природе несколько поколений, чтобы уравнивать в человеках силы умственные. Органы оных будут нежнее и тончее; кровь, лимфа, а особливо нервная, лучше преработанные, прейдут от отца в зародыш; и поелику есть в природе всеобщая постепенность, то и в сем случае она вероятна.

Как в постепенности таковой отстоит народ от народа, равно может отстоять человек от человека. Первый имел воспитание естест-

венное и нравственное лучше своего отца; сыну своему мог дать лучшее своего; третий того же семейства, вероятно, изощреннее и понятнее будет первых двух.

Таким то образом воспитание в поколениях может остановиться. Один произойдет постепенно и непрерывно, пользуясь всеми воспитания выгодами, другой, которого воспитание не было окончано, останется на пути. Могут ли они быть равны? Природа содействует в сем случае человеку. Возьмем пример животных, коих водворить хотим в другом климате. Перемещенное едва ли к нему привыкнет, но родившееся от него будет с оным согласнее, а третьего по происхождению можно почитать истинным той страны уроженцем, где дед его почитался странником.

Таким образом, признавая силу воспитания, мы силу природы не отъемлем. Воспитание, от нее зависящее, или развержение сил, останется во всей силе; но от человека зависеть будет учение употреблению оных, чему содействовать будут всегда в разных степенях обстоятельства и все нас окружающее.

Приступим теперь к постепенности, которая примечается в природе, и обозрим се в развержении сил умственных в человеке, которые, сказали мы, следуют во всем силам телесным. Будем восприимниками новорожденному, не оставим его ни на единое мгновение чрез все течение его жизни, и когда дойдем с ним до меты его, пребудем ему неотступны до последнего его вздыхания.

Четыре или пять месяцев после зачатия зародыш движется; сердце и глава образовались уже прежде и исполняли свое назначение. До девяти месяцев и до самого того мгновения, когда дитя исходит на свет, члены его и органы разверзаются и совершенствуют и, достигнув степени, превыше коей дальнейшее развержение и совершенствование невозможно в матерней утробе, он лучшая требует пищи, свободнейшего движения, лучшая жизни. Легкое проникается воздухом атмосферы, уста приемлют пищу, глаза приучаются к блеску и уши к звуку; но дитя едва ли в сии минуты может равняться с растением. Чувства его ударяемы внешними предметами, все жизненные соки обращаются, он уже чувствует. Нельзя, чтобы мозг был без действительности; но он еще токмо источник чувственности, а не орган мысленный. — Итак, дитя не мыслит; болезнь учит его, что он существует, но сие чувствование едва может сравниться с движением чувственницы. Болезнь, а потом голод нудят его изъяслять их криком. —

Помалу члены его укрепляются, движения его становятся сильнее, потребности величают; тогда делаются приметными в младенце побуждения. Он кричит сильнее и тем старается изъявлять свое желание. Если не удовольствован, то приходит в ярость, и сия страсть первее всех поселяется в сердце.

Все внешние предметы действуют на органы чувственные младенца неотступно, и приметно становится в нем начальное образование умственных сил. Он начинает познавать различие между вещей; знает, что вкусу его льстит и что ему противно; глаза его учатся размеру, слух привыкает ко звукам; он начинает распознавать вещи единими наименованиями; знает уже свое имя, следовательно, орган памяти также разверзся. Но хотя во всех сих случаях видна умственность, но сколь слаба она, сколь недостаточна и хуже звериного стремления. Иначе быть нельзя; он еще пресмыкается, ползает, четвероножен есть. Но уже восстает он от земли. Он зрит на выпренность; измерение ему становится свойственное, слух тончает, прилепление к дающей ему пищу становится сильнее. Он уже изучился изъявлять свою радость; изъявление скорби было первое его движение. Улыбка его преходит в смех, ярость становится нетерпелива, все побуждения стремительнее. Память его расширяется, приметно становится суждение, но весьма недостаточно. И язык его, произносивший доселе неясственные токмо звуки, начинает произносить слова. С того времени, как младенец научается говорить, развержение его умственных сил становится все приметнее; ибо он может изъявлять все, что чувствует, и все, чего желает, словом, все, что доселе мог обнаруживать токмо криком и слезами; самые слезы проливает он реже, и помалу младенец становится дитя. Силы телесные его укрепились, а с ними и умственные; он уже превышает оными других животных во многом, но точности в суждениях его нет. Понятия его становятся отвлеченны, хотя следует наипаче чувственности и примеру: сей его образует более всего. Страсти в нем разверзаются; рассудок начинает снискивать опору или в слышанном, или в испытанном, и дитя становится отрок. Силы телесные укрепились; отрок обьк уже употреблению своих членов, чувств и органов; умственные его силы острятся; он испытал уже свободу, уже дерзает рассуждать, но опытность его мала, и рассуждения превратны и косвенны. Блажен, как то вещает Руссо, если отрок ничего еще не мыслил, не знал ничего, был чужд рассудку. Он удален ложных понятий, предрассуж-

дений, превратности мнений и склонностей! И все члены его достигли уже своего совершенства, все сосуды исполнены влажностей, начинают уже избыточествовать. В юноше возникает новое некое чувствование. Грудь его вздымается чаще и сильнее, весь состав его ощущает необычайное движение, чувственность его потеряла свою плавность, она зыблется и недоумевает; тихая грусть обходит его; разум, начинавший действовать, затмевается; нижняя половина лица его покрывается власами; у женщин же является временное истечение; человек уже готов для пророждения. О любовь! о чувствование, паче всех сладчайшее! Кто возможет стремлению твоему противиться? Не безумно ли бы было таковое сопротивление? Природа влияла тебя во всю нашу чувственность на наше услаждение и на соблюдение рода человеческого.

Едва познал он вину необычайного движения своей чувственности, как старается прилепить ее к достойному предмету, и не успокоится, доколе его не сыщет. Тогда самая сия чувственность, тогда родившаяся страсть начинают напрягать силы умственные. Оне получают новую от страсти упругость и, как лучи света, изливаются от среды своей во все точки круга, в котором действуют. Вот возмужалость, вот время страстей, укрепление сил умственных и возвышение их до степени для них возможной. Вот время достижения величайших истин и заблуждений; время, в которое человек уподобляется всевышнему или ниспадает ниже низжайшей степени животных.

Как трение стончевает пружины, так и силы телесные притупляются употреблением. Человек начинает расслабевать в силах своих телесных; душевные следуют за ними. Страсти исчезают, а с ними и рвение к познаниям. И хотя рассудок еще не ослабел, но вновь не делает приобретений. Новое его не движет, ибо чувства его притупели; память ослабла, и воображение потеряло крылья. И так рассудок вращается над постигнутыми истинами, но оные уже стоят все на вышшем круге и не для него. Настает старость. Сия истинная зима человеческого тела и разума, сия безнадежная зима обвеснования, простирая мраз свой во весь состав человека, полагает предел всем силам его. Гибкие доселе члены начинают цепенеть; око померкло, ухо уже не слышит, не обоняет нос, и вкус остается на пряные и колющие язык яства; осязательность почти уже увяла; раздражительность фибров онемела и ярость свою потеряла; чувствительность притупела и ослабела; жизненные соки иссякли в источнике их,

сердце бьет слабее, мозг твердеет; силы умственные угасают, понятие померкло, память совсем исчезла, рассудок пресмыкается и наконец истлевает совершенно. Телу для движения нужна оборона, разум нисшел до степени младенчества. Но и нить жизни преторглася! Грудь перестает дышать, сердце не бьет более, и светильник умственный потух.

Безумные! Почто слышу вопль ваш, почто стенания? Или вы хотите превратить предвечный закон природы и шествие его остановить на мгновение едино? Рыдания ваши и молитвы суть хуление. Вы мните, что всеотец вам подобен — вы скорбите, о несмысленные! — Жизнь погасшая не есть уничтожение. Смерть есть разрушение, превращение, возрождение. Ликуйте, о други! болезнь исчезла, терзание миновалось; злосчастию, гонению нет уже места; тягостная старость увяла, состав рушился, но возобновился. — В восторге алчнныя души вас видеть, едва не впал в погрешность, и заключение извлек, не дав ничего в доказательство.

Блажен, о человек! если смерть твоя была токмо естественная твоя кончина; если силы твои телесные и умственные токмо изнемогли, и умереть мог от единыя старости. Житие твое было мудрственно и кончина легкий сон! Но таковая кончина редко бывает жребием человека. Восхищенный страстями, он носится по остриям; неумеренность раздрает его тело, неумеренность лишает его рассудка; состаревшись в бодрствующице свои лета, не ветхость дней замыкает ему очи; болезни, внедрившиеся в его тело, преторгают его дыхание безвременно и раскаевающегося на одре смертном подавляют отчаянна. Во младости неумеренность любовныя страсти, в различных ее видах, расслабляет силы телесные и умственные. О, юноша! читай Тиссо об онанизме³⁴⁴ и ужаснися. О, юноша! войди в бедственное жилище скорбящих от неумеренности любострастая; возри на черты лиц страждущих: — се смерть летает окрест их. — Где разум, где рассудок, когда терзается чувственность? Они возникают, но мгновенно и едва блещут в простершемся мраке. Или думаешь, что орган умственный цел пребудет, когда органы жизни нарушены?

Но единая ли сия болезнь неумеренности снедает человека в силах его телесных и умственных! Посмотри на болящего огневицею, возри на того, у коего повредился орган умственный — Где ты, о дар божественный? О рассудок! где ты?...

Конец первой книги

Книга вторая

Итак достигли мы, странствуя чрез житие человеческое, до того часа, когда прерывается мера шествию, когда время и продолжение превращаются для него, и настает вечность. Но остановим на мгновение отходящего к ней, заградим врата ее надеждою и воззрим на нее оком беспристрастным. Да не улыбнется кто-либо при сем изречении! Сколько возможно иметь пристрастия к вещественности, равно возможно и к единой мысленности, хотя бы она ничто иное была, как мечта. Воззри на описание рая, или жилища душ, во всех известных религиях; розыщи побуждение страдавших за исповедание; устреми взор твой на веселящегося Катона³⁴⁵, когда не оставалось ему ни вольности, ни убежища от победоносного Юлиева оружия: увидишь, что и желание вечности равно имеет основание в человеке со всеми другими его желаниями.

Надежда, бывшая неотступною сопутницею намерений в человеке, не оставляет занесшего уже ногу во гроб. Надежда путеводительствует его рассудку, и вот его заключение: «я жив, не можно мне умереть! я жив и вечно жить буду!» Се глас чувствования внутреннего и надежды вопреки всех других доводов. Кто может убедиться, если убеждение свое захочет основать единственно на внутреннем чувствовании, что он мертв быть может? Чувствовать и бесчувственну быть, жизнь и смерть суть противоречия, и если бы, как то мы видели, не имели мы основания к рассуждению правила сходственности, то сего заключения нам сделать бы было невозможно; ибо познания не суть нутрозрительны. Но я зрю, что все, окрест меня существующее, изменяется; цвет блекнет и валится, трава иссыхает, животные теряют движение, дыхание, телесность их разрушается; то же вижу и в подобных мне существах. Я зрю везде смерть, то-есть разрушение; из того заключаю, что и я существовать престану. И кажется, если бы удалено было от мысленности нашей понятие о смерти, то живой ее бы не понимал; но смерть всего живущего заставляет ожидать того же жребия.

Представим себе теперь человека удостоверенного, что состав его разрушиться должен, что он должен умереть. Прилепленный к бытию своему накрепчайшими узами, разрушение кажется ему всегда ужасным. Колеблется, мятется, стонет, когда приближившись к отверстию гроба, он зрит свое разрушение. Ты есть!.. Час бьет, нить

дней твоих прервется, ты будешь мертв, бездыханен, бесчувствен, ты будешь ничто! — Ужасное превращение! чувства содрогаются, колеблется разум! трепещуща от страха и неизвестности мысль истлевающая носится во всех концах возможного, ловит тень, ловит подобие, и, если удалось ей ухватить какое-либо волокно, где она уцепиться может, не размышляя, вещественность ли то или воображение, прицепляется и виснет. И возможно ли человеку быть жития своего ненавистником? Когда вознесу ногу, да первый шаг исполню в вечность, я взоры обращаю вспять. «Постой, помедли на одну минуту! О ты, составлявший блаженство дней моих, куда идешь?..» О глас разительнее грома! Се глас любви, дружбы! мой друг, вся мысль мятется! я умираю, оставляя жену, детей! — Свершайся, жестокое решение, я лишаюсь друга! Не малодушие, возлюбленный мой, заставит меня вздохнуть при окончании течения дней моих. Если я равнодушно не терплю отсутствия твоего, каково будет мое лишение, если то будет в вечность.

Имея толикие побуждения к продолжению жития своего, но не находя способа к продолжению оною, гонимый с лица земли печалию, грустию, прещением, болезнию, скорбию, человек взоры свои отвращает от тления, устремляет за пределы дней своих, и паки надежда возникает в изнемогающем сердце. Он опять прибегает к своему внутреннему чувству и его вопрошает, и луч таинственный проникает его рассудок. Водимый чувствованием и надеждою, имея опору в рассудке, а может быть, и в воображении, он прелетает неприметную черту, жизнь от смерти отделяющую, и первый шаг его был в вечность. Едва ощутил он, или лучше сказать, едва возмог вообразить, что смерть и разрушение тела не суть его кончина, что он по смерти жить может, воскреснет в жизнь новую, он восторжествовал и, попирая тление свое, отделился от него бодрственно и начал презирать все скорби, печали, мучительства. Болезнь лютая исчезла, как дым, пред твердою и бессмертия коснувшюся его душею; неволя, заточение, пытки, казнь, все душевные и телесные огорчения легче легчайших паров отлетели от духа его, обновившегося и ощутившего вечность.

Таковые были, вероятно, побуждения человека, да возникнет в разуме и сердце его понятие будущия жизни. Многие ее чают быть; иные следуют в том единственно иступлению; другие, и сии суть многочисленны, уверению своему имеют основанием единое пре-

дубеждение и наследованное мнение; многие же мнение свое и уверение основывают на доводах. Но каково бы ни было основание сего мнения, все воображительные возможности будущего человеческого бытия не ускользнули от ловственного его проникновения. Но были, и суть многие, которые, отмечая свое чувственное уверение и надежду и оспоривая у человека будущее его бытие, старались находить доводы, что смерть в человеке есть его последняя и совершенная кончина; что он, совершивши течение дней своих, умрет навсегда и не возможет восстать, существовать, быть ни в какой воображительной возможности. Доводы их суть блестящи и, может быть, убедительны. Возвесья, по силе нашей, обе противоположности, я вам оставляю избирать, любезные мои, те, кои наиболее имеют правдоподобия или ясности, буде не очевидности. А я, лишенный вас, о друзья мои, последую мнению, утешение вливающиму в душу скорбящую.

Доселе почитали быть в природе два рода возможных существ. Все, к первому роду относящиеся, называют тела, а общее, или отвлеченное о них понятие, назвали вещество, материя. Вещество есть само в себе неизвестно человеку; но некоторые его качества подлежат его чувствам, и на познании оных лежит все его о веществе мудрование. К другому роду относящиеся существа чувствам нашим не подлежат, но некоторые феномены в мире были поводом, что оные почли не действием вещественности, но существ другого рода, коих качества казались быть качествам вещественности противоречащими. Таковые существа назвали духи. При первом шаге в область неосязательную, находим мы суждение произвольное; ибо, если дух чувствам нашим не подлежит, если познания наши не суть нутрозрительные, то заключение наше о бытии духов, не иначе может быть, как вероятное, а не достоверное, а менее того ясное и очевидное. Кто вникал в деяния природы, тот знает, что она действует всегда одновременно или вдруг, и в сложениях, ею производимых, мы не находим черты, отличающей составляющую часть от другой, но всегда совокупность. Например, человек назвал противоречащими качествами тепло и стужу, находя действия их противоречащими; но природа и то, что тепло производит, и то, что производит стужу, вместила в единое смешение и, положив закон действованию их непременяющийся, явление оных таковым же учинила. Поистине, в природе меньше существу-

ет противоположных действий, нежели думали прежде; и то, что мы таковыми назвали, существует нередко токмо в нашем воображении.

Различие духа и вещественности произошло, может быть, от того, что мысль свойственна одной главе, а не ноге или руке. Различие таковое есть самоизвольно; ибо, не ведая, ни что есть дух, ни что вещественность, должныствовали ль бы их поставлять различными существами, да и столь различными, что если бы сложение человека не убеждало очевидно, что качества, приписанные духу и вещественности, в нем находятся совокупны, то бы сказали, что дух не может там быть, где тело, и наоборот. Но как сопряжение таковое очевидно, то вместо того, чтобы сказать: существо человеческое имеет следующие качества, напр., мыслить, перемещать место, чувствовать, пророждать и проч., вместо того сказали: человек состоит из двух существ, и каждому из них назначена своя область для действия; вместо того, чтобы сказать, что то, из чего сложен мир (а кто исчислил все существа, оный составляющие?), имеет те и те свойства, сказали, что в нем находятся существа разнородные. О, умствователи! неужели не видите, что вы малейшую токмо частицу разнородности их ощутили, но что оне все в един гнезятся состав. Ведаешь издревле, сколь луч солнечный далеко отстоит от простыя глины или песка; ведал, что луч солнечный тебя греет и освещает, что глина дает тебе сосуд на пищу; а ныне ведаешь, что они находиться могут в одном составе существенно. Ты ведаешь, что мысль находится в твоей главе; но ведаешь ли, с чем она еще может быть сопряжена? Тот, кто силою своего слова мог вселить ее в мозг твой, ужели бессилен был вместить ее в другое что-либо опричь тебя? О надменность!

Но обозрим быстротечно свойства, присвоенные вещественности, и свойства мысленности, и что в них может быть противоречное; или, нет ли следа, что они одинакородному существу свойственны быть могут?

Свойствами вещественности вообще почитаются следующие: непроницательность, протяженность, образ, делимость, твердость, бездействие. Свойствами духовных существ почитаются: мысль, чувственность, жизнь. Но сии свойства, духовным существам присвоенные, поелику являются нам посредством вещественности, почитаются токмо видимыми действиями или феноменами, происходящими от духовного существа, которое может само по себе иметь сии свой-

ства и чувствам не подлежат. Итак вопрос настоять будет: может ли вещественность иметь жизнь, чувствовать и мыслить, или духовное существо иметь пространство, образ, делимость, твердость, бездействие? В обоих случаях произведение будет одинаково. Если сие доказать возможно, то разделение существ на вещественные и духовные исчезнет; если же доводы будут недостаточны, и найдутся доводы, противные сему доказывающие, то нужно, и нужно необходимо, поставлять бытие двух существ разнородных, духа* и вещественности.

Вещественностию называют то существо, которое есть предмет наших чувств, разумея, есть или быть может предметом наших чувств. Ибо, если оно им не подлежит теперь, то происходит оно от малости или тонкости своей, а не вследствие своего естества. Поступим теперь к изъяснению свойств вещественности.

Непроницательностию разумеем то, что две частицы вещественности, или два тела, не могут существовать в одном месте в одно время. — Сие есть аксиома, ибо противное предложение есть противоречие. — Или, что неразделимая частица вещественности, или атом, встретившаяся на пути другой такой же частицы, сия последняя не может продолжать своего пути, доколе первая не уступит ей места. *Протяженность* есть то свойство вещественности, вследствие коего она занимает место в пространстве; а поелику протяженность имеет предел, то *всякую ограниченную протяженность называют образом*. В отношении определенности говорят, что протяженность имеет образ. Итак непроницательность, протяженность и образ суть свойства нераздельные всякого существа, чувствам нашим подлежащего. Образ дает вещественности определенность, протяженность — место, а непроницательность — определенность.

Химические опыты доказывают чрезмерную *делимость* вещественности. Но естествословы разумеют, что есть возможность, чтоб малейшая частица вещественности разделена была до бесконечности достаточною на то силою. Ибо, воображая вещественность протяженною, сколь бы частица оная мала ни была, разум себе представить может частицы еще того меньше до бесконечности, разумея, что будет достаточная сила на их разделение.

---

* Говоря о духах, я разумею токмо одну, так называемую, душу человеческую.

Но как сие разделение существует токмо в возможности, и что нет естественныя силы на разделение начал вещественности, то в рассуждении сего приписуют ей свойство *твердости*.

Бездействие в отношении вещественности есть двояко. 1-е, вещественность в состоянии покоя пребывает в нем или может пребыть вечно, доколе какая-либо причина не даст ей действия. Заметим заранее, что сие свойство не есть качество существенное вещественности, но относительное, поелику ее почитать можно лишенною движения. 2-е, понятие о вещественности есть частица вещественности, в движение приведенная, которая продолжит движение свое с одинакою скоростью и в одинаковом направлении вечно, доколе что-либо не воспретит сему продолжению, или оно не преобразит.

Движение есть свойство прменять место. Иные говорят, что свойство сие вещественности существенно и от нее неотделимо. Другие почитают, что причина движения в вещественности не существует; а некоторые утверждают, что причина движения, для продолжения оногo, должна быть присносушна³⁴⁶ и происходит от существ, отличных от существа, имеющего непроницательность, протяжение, образ, делимость и твердость; словом, что причина движения в вещественности не существует и быть в ней не может.

Тяжесть есть свойство, вследствие которого тело падает к середине земли, и частицы вещественности стремятся к их средоточию. Последствиями оныя почитают притяжение и отражение.

Притяжение есть свойство, вследствие которого тела или частицы вещественности сближаются одна с другою. *Отражение* есть свойство сему противоположное, и вследствие которого тела или частицы одна от другой отдаляются.

Те, которые делают движение вещественности сосущественным, те оной не отрицают ни тяжести, ни притяжения, ни отражения. Но другие почитают сии свойства не свойствами, но явлениями и действиями причин, вне вещественности находящихся и ей несущественных.

Рассмотрим поодиночке сии, вещественности приписываемые свойства; побудим себя умствовать над сими остатками древнего учения, которое распространившиеся опыты, и с ними лучшее познание естественности, опровергнут неминуемо. Свойства веществ столь разнovidны, начала оных столь разнородны, смежность же их, посредственная по крайней мере, столь размножена и может быть

всеобщая, что рассуждения об общих свойствах, вещественности приписуемых, основанных на отвлеченных понятиях, вероятно, простут мхом забвения и презрения, как ныне Аристотелевы категории и сокровенные качества алхимистов. Ибо вопросы каждого беспристрастного: что есть вещественность? Ответ будет: не ведаю! А если к сему присовокупим, что химия доказует, что начала первенственных веществ суть весьма различных свойств, и хотя она еще держится древнего разделения стихий, но то, что мы называем земля, вода, огонь, воздух, суть сложности. Стихийной земли³⁴⁷ никто еще не видал, и надежда некоторых видеть ее в алмазе исчезла с того времени, как опыты доказали, что он старает и возлетается. Кто возжигал огонь стихийный? Луч солнечный, раздробленный призмой, не есть одинакороден^{*348}. Самая электрическая искра, премея цвет подсолнечной окраски, серный ее запах, не суть ли доказательства ее сложности, и нет ли вероятности, что удачные опыты отделят когда-либо свет от теплоты? Опыты одного доктора Пристлея³⁴⁹, не говоря о последующих, показали, сколь вещество, нами вдыхаемое, есть сложно, и что то вещество, которому можно оставить имя воздуха, не самую большую часть составляет воздуха атмосферического. Кто скажет ныне с прежним убеждением, что упругость есть свойство воздуха собственно, а не другого какого вещества воздухообразного? Не говоря о водяных частицах, в воздухе содержащихся, не говоря о веществах обонятельных и всех других, из тел истлеваемых испаряющихся, а наипаче алкалических, ныне ведают, что так называемая кислотность или твердый воздух, кислотность селитренная, воздух горячий^{**} разделены плавают в воздухе атмосферическом, ибо их можно из него извлечь; и что они суть его части существенные, ибо отдели их от него, воздух уже изменился. Что такое есть вода, ныне стало известно. Отсутствие из нее огня делает ее твердою, так нельзя ли сказать, что она, по существу своему, тело твердое? Отрешив давящие ее столпы воздуха, увидишь, что она растянется, увеличится, воспарится и сама представится в виде воздуха. Вообрази себе пусто-

---

* Лучи солнечные имеют два свойства: теплоту и свет. Но свет от теплоты доселе отличить можно было тем, что вещество света есть мгновенно, а теплота пребывающа. Поелику же флогистон есть основание цветов, то и луч солнечный его содержит в летучем состоянии.

** Зарождение селитры ясно доказывает ее в воздухе присутствие.

ту вместо атмосферы окрест земного шара, водимый опытами, ты землю узришь безводну и иссякшую, все, на ней живущее, исчезнет, растущее увянет и сгорит, распадется самая кристаллизация, и все явления, в след действиям воды идущие, минуют. О ты, основание земли, гранит, громада необъятная! Ты рассядешься, и шар земный воспылится.

Но обратимся к свойствам вещественности, и прежде всего посмотрим, столь ли приписуемые ей непроницательность и твердость ей нужны и необходимо истекают из понятия о вещественности. Если в понятии непроницательности заключается только то, что два тела, или атома, или две частицы того, что составляет вещественность, не могут находиться в одно время на одном месте, то сие можно разуместь не токмо о вещественности, но и о всяком существе, какого бы рода оно ни было. Ибо, поелику чувственностию имеем мы представление о вещах, а разумом получаем понятия, то есть познания их отношений; и поелику *общее* всех представлений есть *пространство*, *общее* всех понятий есть *время*, а *общайшее* сих *общих* есть *бытие*, то что себе ни вообрази, какое себе существо ни представь, найдешь, что *первое*, что ему нужно, есть *бытие*, ибо без того не может существовать о нем и мысль; *второе*, что ему нужно, есть *время*, ибо все вещи в отношении или союзе своем понимаются или *единовременны*, или *в последовании* одна за другую; *третье*, что ему нужно, есть *пространство*, ибо существенность всех являющихся нам существ состоит в том, что, действуя на нас, возбуждают они понятие о пространстве и непроницательности, и все, что ни действует на нашу чувственность, имеет место и производит в нас представление о протяжении посредством своего образа, равномерно производит в нас представление о *непроницательности*, поелику одна вещь, действуя на нас из места, дает нам чувствовать, что не есть другая, что заключает в себе понятие *непроницательности*; общее же понятие *непроницательности* и *протяжения* есть *пространство*. Итак все, что имеет *бытие* во *времени* и *пространстве*, заключает в себе понятие *непроницательности*; ибо и познания наши состоят токмо в сведении бытия вещей, в пространстве и времени. Одна первая причина всех вещей изъята из сего быть долженствует. Ибо, поелику определенные и конечные существа сами в себе не имеют достаточной причины своего бытия, то должно быть существо неопределенному и бесконечному; поелику существенность

являющихся существ состоит в том, что они, действуя на нас, производят понятие о пространстве и, существуя в нем, суть самым тем определенны и конечны, то существо бесконечное чувственностью понято быть не может и долженствует отличествовать от существ, которые мы познаваем в пространстве и времени. А поелику познание первых причины основано на рассуждении отвлечением от испытанного и доказывается правилом достаточности, поелику воспящено и невозможно конечным существам иметь удостоверение о безусловной необходимости высшего существа, ибо конечное от бесконечного отделенно и не одно есть; то понятие и сведение о необходимости бытия Божия может иметь Бог един. — Увы! мы должны ходить ощупью, как скоро вознесемся превыше чувственности.

Но понятие непроницательности заключает в себе и то свойство, которым означается, что одна вещь чрез другую проходить не может. Приложив сие к телам, едва ли сие свойство какому-либо приписать возможно; ибо опыты доказывают, что наитвердейшие проникаются воздухом и водою, а огню нет ничего непроницаемого. Если бы здесь было место приводить в доказательство опыты физические, то можно бы показать было, сколь трудно привести тело с другим в совершенное соприкосновение. Сверх того известно, что во всяком теле гораздо более находится пустоты, нежели согрудения. Сие особливо явствует из жидких тел, кои удивительно растягиваться и сжиматься могут, что и было поводом утверждать многим, что все твердое вещество, в системе солнечной содержащееся, можно вместить в одну ореховую шелуху; столь велика пустота в наигустейших телах в сравнении их твердых частей. Если же к сему рассудим, сколь, посредством химических смежностей, разные вещества смешаться могут, и из таковых смешений происходят совсем новые вещества, то едва ли не вероятно, что непроницательность в последнем смысле есть токмо вымышленное, а не действительное свойство вещественности.

Что мы сказали о непроницательности, как могущем быть свойстве всякого вещества, то же можем сказать о *протяженности* и о *образе*, который есть определенность протяжения. Ибо, сколь скоро какое-либо вещество занимает место в пространстве, то занимать его долженствует определенно; сколь скоро имеет место в пространстве определенное, то имеет уже образ, то есть протяженно, ибо образ есть определение протяжения. Сие понятие протя-

женности и образа столь свойственно нашему разуму, наиотвлеченнейшие свои понятия почерпаящему из вещей, чувствам подлежащих, что понятие, им противолежашее, он представляет себе токмо отрицательно.

Вследствие данного изъяснения, бесконечная делимость вещественности есть свойство токмо воображенное, а не существующее, в чем признаются сами те, кои ей оное приписывают, говоря, что оно ей существенно, поелику возможно, и если бы достаточная была сила на произведение сего разделения, то бы оно произошло действительно. Я не возьмусь опровергать возможности, ибо несуществующее есть токмо мечта и опровержения не заслуживает. Если бы кто захотел сию делимость распространить на самого Бога, то стоил ли бы он единого на опровержение слова? — Улыбнемся безумию и замолчим.

Впрочем, можно сию делимость распространить и на умственное вещество; ибо, поелику оно в протяженном заключено, а протяженность не токмо мыслию, но и действительно разделить можно, то для чего же неразделимым почитать вещество мыслящее, хотя действие оно неразделимо есть? Прейдем замысловатые бредни; ибо сколь ни замысловаты они, но все бред³⁵⁰.

Твердость есть то свойство вещественности, которое препятствует ее бесконечной делимости. Нет силы в мире вещественном, говорят естествослывы, которая бы возмогла разделить стихийные начала. Согласимся на сие охотно, ибо опыты благоприятствуют сему мнению и делают его аксиомою. Кто не видит теперь, что твердость есть свойство, делимости противоречащее, и что они в одном существе не могут быть совокупны. Ибо, с одной стороны, делимость представляет разрушение малейших частиц до бесконечности, то есть доколе разум себе ее вообразить может (возможно ли так заблуждать и воображение пустое делать бытием?), с другой стороны, твердость препятствует разделению и, содержа стихийные начала плотными, представляет разрушению оплоту непреборимую (действие воображения и здесь явно). Скажите, о вы, у коих рассудок не затъмился предубеждениями учебными и предрассудками школы, скажите ваше о сем решение!

Оставя теперь воображенное свойство, скажем нечто о действительном, и посмотрим, твердость тел столь ли им свойственна и необходима, как то уверяют учителя.

Непрекословно надеюсь, согласятся, что тело, занимающее место в пространстве, имея протяженность и непроницательность, имеет также образ; ибо образ есть не что иное, как определение протяженности. Но сей образ не может иначе существовать, как вследствие сцепления или притяжения взаимного частей, как то скажут физики; или вследствие законов смежности, как то назовут химики. Следственно, сила, содержащая части в тесном или в отдаленном сцеплении, нужна для того, чтобы части были вместе, и нужна необходимо, потому что, если бы она не существовала, то не было бы и самая твердости; если сцепление уничтожится, то все развалится. Сколь далеко завести может таковое предположение, всяк понять может, и не довольно того, что разрушатся тела и перейдут в хаос; но в сем разрушении, где никакая сила не действует, едва ли возродится ничтожество и истинная смерть. Какая пустая мысль! уродливое воображение!

Итак нужна сила, чтобы какие-либо части вместе находились во взаимной проницательности, или хотя просто одна близь другой. Все равно где бы сила сия ни находилась, в самом ли веществе, или действует снаружи, она действует, она содержит в сцеплении, она дает образ; следовательно, образ без нее быть не может; уничтожается сцепление, и вещество исчезает; следовательно, сила сия всякому веществу сосущественна, и одного без другой вообразить не можно или не должно. Итак твердость есть следствие какия-либо силы; следует, что сила сия есть причина, а существо действие, от нее происходящее.

Сколь притяжение свойственно вещественности, столь свойственно ей и отражение. Опыты доказывают, сколь трудно, а может быть, и совсем невозможно привести два вещества в истинное прикосновение; и сия отраженность есть нечто, от твердого вещества совсем отменное, действующее даже в отдаленности от тела, к коему оно принадлежать имеет. Что делает, что наиплотнейшие тела и сильнейшим сцеплением стверженные столь проницательны? Что производит упругость, сжимание и растяжение? До какой удивительной степени некоторые вещества растяжены суть или быть могут, кто не убежден опытом, тому не легко поверить может. От чего одно вещество в стеснении становится упружее? От чего другое в растяжении? Отражение существует везде, как и притяжение, и вещества, в соразмерности действия одной силы, ощущают действие и другой.

Итак некоторые справедливо заключают, что в самом деле в вещественности существуют токмо притяжения и отражения без всякой твердости. Ибо, для чего предполагать твердое, если части его сплотиться не могут никогда? Заключим, что есть место в пространстве, где каждая сила существует, и откуда действительность ее простирается, составляя действованию ее округу, могуществу ее соразмерную. Локк, или его истолкователь³⁵¹, желая изъяснить создание, говорит: вообразим себе пустое пространство, и всемогущество, вращающееся над ним, рекло: да разделится оно и отвердеет! и се явилась непроницаемость, протяженность, образ. Дополним сию стихотворную и метафизическую картину и, вместо слова, явим мысль всемогущую. О дерзновение! изрекать словом, звуком, зыблением воздуха мысль предвечную! — Да будет сила в каждой точке пространства! и се действие началось. Притяжение и отражение простерлися из среды своей действием, явился образ и протяженность, вещественность прияла существо. Удел ли был в силах сих силы всемогущия, или новые созданы, тот знает, кто их явил; а мы, во тьме непроницаемой хождая, ловя мечту или блуждение, речем, как некогда Аякс Омиров³⁵²: отреши мрак от очей моих, и узрю! — Удивительно, говорит Пристлей, путеводительствующий нам в сих суждениях, что поелику твердость столь мало, кажется, имеет места в системе сей, удивительно, что мудрствовавшие давно не рассудили, что она и совсем нехстати!

Друзья мои! раздробляя свойства вещественности, да не исчезнет она совсем и да не будет сами тень и мечта.

Бездействие, вследствие данного вами изъяснения, есть то состояние существа, из коего оно исступить не может, доколе что-либо его из одного не извлечет. После всего, вами сказанного, утверждать, что бездействие есть свойство природы, кажется нелепо. Безрассудный! когда зришь в превыспренности и видишь обращение тел лучезарных; когда смотришь окрест себя и видишь жизнь, рассеянную в тысящи тысящей образах повсюду, ужели можешь сказать, что бездействие вещественности свойственно, и движение ей несродно? Когда все движется в природе и все живет, когда малейшая пылинка и тело огромное подвержены переменам неизбежным, разрушению и паки сложению, ужели найдешь место бездействию и движение изымешь вон? Если ты ничего не знаешь бездействующего, если все видишь в движении, то не суемудрие ли говорить о том, что не

существует, и полагать не быть тому, что есть? На что нам знать, что до сложения мира было, и можно ли нам знать, как то было? Вещественность движется и живет; заключим, что движение ей сродно, а бездействие есть вещество твоего воспаленного мозга, есть мгла и тень. Сияет солнце, а ты хочешь, чтоб свойство его была тьма; огонь жжет, а ты велишь ему быть мразом. Отступи со своим всесилием, оно смех токмо возбуждает.

Итак, показав неосновательность мнения о бездействии вещественности, мы самым тем показали, что движение от нее неотделимо. И поистине, не напрасное ли умствование говорить о том, что могло быть до сотворения мира? Мы видим, он существует, и все движется; имеем право неоспоримое утверждать, что движение в мире существует, и оно есть свойство вещественности, ибо от нее неотступно.

Неужели после всего, что мы оказали о движении, притяжении и отражении, нужно еще говорить о *тяжести*, дабы показать, что свойство сие есть сосущественно вещественности? Сию всеобщую силу в природе (притяжение и отражение в ее понятии заключаются), предузнанную Кеплером и доказанную Ньютоном, ужели не свойством почтем естественности, потому только, что причина ее сокрывается от проникания нашего, являя очам токмо свое действие? Но сила сия, действуя соразмерно плотности или сгущению тел и отстоянию их, увеличиваясь по мере плотности и уменьшался по квадратам отстояния, да будет действие некоего упругого вещества, которое эфиром назвал Ньютон, или что другое, мы скажем, что она есть и действует с вещественностию нераздельно, следовательно, она ей сосущественна. Да и самый эфир, сколь жидок, сколь тонок, сколь пронизателен он бы ни был, не вещественность ли он сам? Но Ньютон, делая его причиною, кажется, его к веществу не причел; ибо, будучи причиною, он не может иметь свойств того, что производит; ибо, кажется, нелепо сказать, что причина тяжести или притяжения сама имеет тяжесть и притяжательна. Но бытие эфира есть токмо предположенное, а не доказанное, изобретенное для объяснения гипотезы, хотя и блестящая, но ничего другого, как предположения без опытности. Если к сему прибавим, что есть тела (ибо и жидкости суть тела), осязанию подверженные, коих свойство есть не тяжесть, а сила средодалающаяся³⁵³, как то огонь, воздухообразные вещества или газы, и самая вода; и кажется, что если оне следуют иногда закону тяжести, то токмо в совокуплении своем и отвердении. Их свойство не

есть тяжесть, не сцепление, но растяжение и возлетание или, лучше сказать, оне суть и то и другое вследствие законов смежности. Я с трепетом возражаю что-либо изобретению остроумия и, дерзая противоречить Нютону, покажусь несмысленным; но как сказать можно, что огонь имеет тяжесть, и где притяжение воспаряющейся воды, лишенной воздуха и без давления атмосферы?

Сии то суть общие свойства вещественности, предлог общего естествословия, или онога метафизическая часть. Видите, сколь ненадежны суждения человеческие, сколь противоречимы, сколь оспори-ваемы; ибо все в оных зависит от первого изъяснения. Часто спорящиеся друг друга не понимают оттого, что разные о вещи имеют понятия, а чаще того желание заслужить имя остроумного и великого ввергает нас в область воображения, а потому и блуждения. Случается, и очень часто, что, нашед на пути опытов своих или наблюдений один факт новый, или новообразный, стараются привязать к нему все испытанные прежде и составляют систему; а поелику сие название стало несколько смешно, то изображаемым доводам дают имя Теории, или умозрения. О умствователи! держитесь опытности и пользу свою почерпайте из нее. Не тщитесь угадать, чего невозможно. То, к чему стремитесь, есть мысль всевышняя, а вы что? Нютон, сопрягая изобретенную им тяжесть с измерением и исчислением, дал ей блестящее правдоподобие, и никто не смеет ему противоречить, ибо почтение к его изобретению иссосяет почти со млеком матерним. Тяжесть существует в природе, или, паче, притяжение неоспоримо; но тяжесть небесныя системы и притяжение тел небесных, движущихся в направлении прямой линии, едва ли не рушится, когда столь же замысловатый, столь же дерзновенный разум сопряжет новые откровения воедино и тяжесть оспорить захочет. Если можно истину предчувствовать, то сие предчувствование вероятно.

Но обратимся к нашему предлогу и разыщем: свойства вещественности могут ли быть свойства разумного вещества, или человеческия души? Мы не скажем, да и нелепо то было бы, что чувствование, мысль суть то же, что движение, притяжение или другое из описанных выше сего свойств вещественности. Но если мы покажем, что все оне могут быть или суть поистине свойства вещества чувствующего и мыслящего, то не в праве ли будем сказать, что оно и вещественность суть едино вещество; что чувственность и мысль суть ее же свойства, но поколику она образуется в телах органических; что суть

силы в природе, чувствам нашим подлежащие токмо в их сопряжении с телами, от чего бывают явления; что вещество, коему силы сии суть свойственны, нам неизвестно; что жизнь, сие действие неизвестного также вещества, везде рассеянна и разнovidна; что она явственнее там становится, где наиболее разных сил сопряжено воедино; что там их более, где превосходнее является организация; что там, где лучшая бывает организация, начинается и чувствование, которое, восходя и совершенствуя постепенно, достигает мысленности, разума, рассудка; что все сии силы, и самая жизнь, чувствование и мысль являются не иначе, как вещественности совокупны; что мысленность следует всегда за нею, и перемены, в ней примеченные, соответствуют переменам вещественности, то заключим, что в видимом нами мире живет вещество одинакородное, различными свойствами одаренное; что силы в нем всегда существуют, следственно, ему искони присвоены. Но как союз сей произведен, то нам неизвестно; ибо понятие наше вознестися может токмо до познания первых причины, но тут и наш предел. И прежде всего, непроницательность сколь свойственна вещественности, равномерно и мысленности. Уже я зрю заранее толпы, на нас восстающие; улыбки презрения, осмеяние, — о, если бы было одно опровержение доводов! — Пребудем в стезе нашей, и да молва не отвратит нас от нашея цели. — Непроницательность, видели мы, есть то свойство какого-либо вещества, вследствие коего оно с другим не может находиться на одном месте в одно время. Если сие свойство приписано вещественности, вот как оно разумеется, или как можно разуметь о умственности. Хотя здесь повторим прежние доводы, но из порядка, нами принятого, их исключить нельзя.

Все, что существует, не может иначе иметь бытие, как находяся где-либо, ибо хотя пространство есть понятие отвлеченное, но в самом деле существующее, не яко вещество, но как отбытие оного. А дабы убедиться в сем, то, если неоспоримо, что нужна пустота (как может без нее быть движение?), то место, или точка, где она есть, дать может понятие о пространстве, то есть о вместилище бытия. Следует, что мысленное вещество должно где-либо находиться. А поелику каждое из них есть вещество особенное, особым бытием снабженное, то два таковых вещества не могут быть на одном месте в одно время. Смейся, если лучше разумеешь, но воззри на себя и убедися. Где мысль твоя живет? Где ее источник? В главе твоей, в мозгу:

сему учит опыт ежечасный, ежемгновенный, всеобщий. Но разум, но мысль стоящего близ тебя неужели в тебе, в мозгу твоём, для опровержения моих доводов? Всяк имеет свою главу, свою мысль, и мысль единого не есть мысль другого, и наоборот. Вы оба, или мысленности ваши, существуют не в одном месте, следовательно, непроницательны суть. Не возражай мне, что мозги ваши суть различны, или органы мысленности суть непроницательны. Напрасно, мысленность ваша такова. И если скажешь, мысленность наша отвлекает нас от телесности, и две особые мысленности могут быть совокупны относительно мыслению! — согласен; но осмотрим. Твое воображение клокочет и кипит, и где бы ты мысленно ни носился, пускай возницы твои легче звука и быстрее света, о тварь, се точка, и ты на ней!

Ступим шаг еще в изъяснении площадных наших доводов. Я скажу, мысленность твоя протяженна, мысленность твоя имеет образ. Вижу, вижу, смеешься, хохочешь, влечешь за собой меру и вопрошаешь: которой геометрической фигуре она подобна? Помедли и суди сам.

Протяженность есть то свойство вещества, вследствие коего оно занимает место в пространстве. Дадим еще оружие против себя. Протяженность есть то, что измерению подлежит. А поелику все, что измерению подлежит, имеет предел, то определенная протяженность или измеримость есть образ. Что мысленность твоя в мозгу заключена, о том, надеюсь, не будешь спорить; что она не извне на мозг действует, и то, кажется, уступишь мне без прекословия; но во всем ли она мозгу, или в некоторой оною части, того сказать не можем. По вскрытии черепа головного нигде знаков пребывания ее не оказывалось. Но она в мозгу, и сие для нас довольно. Положим теперь, что кубическое содержание мозга есть сто дюймов, то мысленность твоя, в которой бы части ни была, сколь бы мала ни была, хотя бы была точка математическая, содержится во сто; ибо мозг измерить, свесить можно*. Если целое велико кажется, ставь дроби, ставь $1/100$, $1/1000$, $1/100000$, до возможного; все будет известная для нее дробь и измеримая.

Дав протяженность мысленности твоей, дадим ей образ, сколь ни нелепо тебе то кажется; ибо, поелику образ есть определение протяженности, мозг есть протяжен, а потому и все, содержащееся в нем.

---

* Кто знает, что не от тяжести ли или легости происходит различие умов?

Сверх того, мозг имеет сам по себе определенный образ, следует, что и содержащееся в нем образованно. *Ваятель делает сперва глиняную форму, да образует своего Аполлона.* Но каков может быть образ твоей мысленности, до того мне нужды нет, да и определить того не могу. Или изведем, что воздух и подобное ему вещество, да и всякое жидкое тело образуется по сосуду, в коем содержится. Если воздуха никто на сажень не мерил, то, кажется, для того, что содержащееся его количество в кубической сажени может содержаться равно в кубическом дюйме и растянуться на сто кубических сажен. Но если воздух неудобоизмерим, то взвесить его можно. Не бойся; не бойся, я мысленности твоей на безмен не положу. Сила электрическая, собранная в Лейденской склянице, взвешена. Кто знает протяжение и образ силы магнитная, кто взвешивал ее? Но кто отрицать станет, что она не вещественна?

О других свойствах вещественности, поколику они могут почитаться свойствами мысленности, нужды говорить не имеем; ибо 1-е, делимость есть свойство воображенное и несуществующее; 2-е, твердость есть свойство не столь ясно утвержденное, как то кажется при первом взгляде; 3-е, бездействие есть мечта; 4-е, движение, — мысленность один из его источников разнородных; 5-е, тяжесть, или паче притяжение и отражение. Имеет ли мысленность стремление к центру земли, того не ведаю; но питание, пророждение, жизнь, любовь и ненависть что суть?

Но если надобно кому-либо на сие доказательство, то не нужна ли сила притяжения на какое бы то сложение ни было? А если сила сия имеет точку, откуда действует, то что, паче мысленности, может быть действия средою? Оно таково в самом деле...

Если мы оком размышляющим проникнем действия природы и, собрав опыты, вознамеримся отыскать в веществах различия, то не будет нужды напрягать воображение, дабы иметь какое-либо понятие о том, что едва ли мысль постигать может. Не будем творители новых веществ, а, паче, восстановив все на единой лестнице, мы явим неисчисленное вещественности разнообразие и могущество всеотца бесконечное.

Свойства вещественности, доселе предлогом нашего слова бывшие, суть токмо, так сказать, метафизические, заключались в отвлеченнейших понятиях. Но есть свойства вещественности, или паче веществ, поелику оне нам известны, кои, проистекая от их коренного

сложения, заимствуют свойства состоятельных или начальных частей веществ. Для познания такового нужно говорить о началах веществ, или стихиях, и о некоторых явлениях, первое место в природе занимающих. Показав, что свойства вещественности суть свойства мысленности, покажем, поколику вероятно, что и мысленность есть вещественности свойство, и прежде всего спросим, какие суть свойства вещества мыслящего, не поколику мы оное предполагаем гадательно, но поколику мы оное познаем самым делом.

Свойства мысленного вещества, или явления, кои к действию его относиться могут, суть: жизнь, чувствование, мышление. Сии свойства суть нечто более, нежели просто движение, притяжение и отражение, хотя сии силы в произведении сих свойств много участвуют, вероятно. Но поелику почитают, что движение и проч. не суть свойства веществ, чувствам нашим подлежащих, то да позволят мне удалиться от моего предмета и войти в некоторое рассмотрение о составлении тел вообще.

Начальные части всех тел называем мы стихии. Сии суть: земля, вода, воздух, огонь. Но в стихийном их состоянии мы их не знаем; мы видим их всегда в сопряжении одна с другою; да и все стихии, опричь земли, ускользали бы, может быть, от чувств наших, если бы земляных частиц в себе не содержали. Сколь стихии в чувственном их положении ни сложны, однако свойства имеют, отличающие их одни от других совсем; и если не дерзновенно будет оные определить, то скажем, что огонь, а, может быть, воздух и вода суть начала движущие, а земля, или твердейшая из стихий, разумея все ее роды, есть движимое. Я не утверждаю, что вода, воздух и огонь, в самом их стихийном состоянии, суть вещества, движение производящие сами по себе, или суть токмо, так сказать, орудие другого вещества, деятельность им сообщающего; но они суть то самое, что в телах движение производит, что всякое сложение и разрушение без них существовать не могут, и что они гораздо более места занимают, нежели твердая стихия земля; что в стихийном их состоянии, сколько то из опытов понимать можно, они чувствам нашим подлежать не могут, и что земляная стихия есть единая, которой, поистине, и мы вещественности принадлежать можем.

Но опыты являют нам, что есть вещества, движение производящие, или входящие в состав тел органических и других, кои, кажется, к веществам, стихиями называемым, не принадлежат. Например:

свет, хотя он есть огню совокупен; сила электрическая, хотя и имеет свойство огня; сила магнитная; *стихия соли*, которая, кажется, есть всеобщий разделитель, а особливо соединяясь с воздухом и водою; и, может быть, многие другие. Наблюдая их прилежно, найдешь, что они истинную имеют силу или *энергию*; но что она есть? То может быть ей одной известно, или давшему ее стихиям.

Дабы показать, сколь разделение веществам, нами сделанное, на движущие и движимые, есть истинно и на опытах основано, войдем в некоторые подробности о стихиях и о их сложениях.

Говоря о стихиях и о некоторых явлениях, в природе примеченных, которые, кажется, принадлежат к действию веществ, от четырех признанных стихий отличествующих, мы видели, что оне, совокупляясь одна с другою, столь естество свое изменяют, что почти кажутся быть совсем другими веществами. Вода становится земле подобна, огонь твердеет, становится осязателен, не жжет и не светит, а присутствие воздуха явно единою тяжестью. В других сложениях, а особливо сохраняя свою жидкость, они удерживают отчасти свои свойства, отчасти, изменяясь, паки представляют совсем новые явления.

Средства, употребляемые природою на сложение стихий, кажутся быть многочисленны и различны, но часто в разнообразии своем, как нам известно, следуют одинаковым законам. Естествословы, не входя в дальние рассмотрения, уобщая понятия и восходя от одной отвлеченности к другой, а паче сделав себе систему и вознеждая в нее все известные факты, сказали, что общий закон, вследствие коего делаются все сложения, есть притяжение. Но хотя Бюфон и говорит, что образ производит великую разность, но кристаллизация или стеклование суть ли одно? То и другое производит сцепление, но сколь оно разнovidно, сколь разнообразно в действии! Говорят, что все тела находятся в сложении своем токмо вследствие сцепления, и для доказательства сего употребляют известный всем опыт двух весьма гладких поверхностей; но сие сцепление есть одно из слабейших, и если не была другая сила, что удержало бы золото под молотом, что дало бы ему столь ужасное растяжение? Ужели сцепление в стекле сильнее золота?

Одно из главных средств, природою на сложение стихий и изменение их употребляемое, есть организация. В ней действуют все стихии совокупно; в ней и другие силы явственны. Анализис частей жи-

вотного дает все стихии. Но тело органическое почесть можно химическою лабораториею, в коей происходят разного рода амальгамы, сложении, разделении и проч. и производят почти новые вещества. Не говоря ни о чем другом, воззрим на сложение мозга и на продолжение его нервов. А если и то истинно, что в них существует так названная нервная влажность, сколь отменное я существо от всего другого! Одно, что в ней сходственное примечается, есть то, что она похожа на силу электрическую и магнитную. Может быть и то, что сии оба вещества, всосанные в тело, в нем амальгамируются и передвоятся, и с другими стихиями составляют нервную жидкость.

Что сия существует в организации животных, вероятно, и разные на то отыскаться могут убедительные факты.

Мы сказали, что свойства мысленного вещества суть: жизнь, чувствование, мышление. Жизнь есть то действие явления, чрез которое семя разверзается, растет, получает совершенное дополнение всех своих сил, производит паки семя, подобное тому, из коего зачалось; потом начинает терять свои силы и приближаться к разрушению. Сия сила есть ли единственно простое произведение, из сложения стихий происходящее, то можно будет утверждать тогда, когда искусством можно будет производить тела органические. Жизнь свойственна не одним животным, но и растениям, а, вероятно, и ископаемым, что побуждает заключать, что сила, жизнь дающая, есть одинакова, или, паче, одна является различною в разных сложениях. А поелику явное присутствие огня с действием жизни совокупно*, то и не безрассудно заключать можно, что огонь есть одно из необходимых начал жизни, если он не есть самая она.

Раздраженность примечается в телах в их разделении, воскипании. Квас и все, что ферментациею называем, не есть начало раздраженности. Раздраженность примечательна уже в растениях, а, паче, в чувственнице. Есть ли она произведение силы электрической и какой другой, то неизвесно, но вероятно. Посмотри, как чувственница увядает от малейшего прикосновения.

Чувственность есть свойство ощущать. опыты доказывают, что она есть свойство нервов, а физиологи приписывают ее присутст-

---

* По отдалении солнца вся природа мертвеет. Не умирают животные, ибо в себе заключают больше огня, нежели растения.

вию нервной жидкости. Чувственность всегда является с мысленностью совокупна, а сия есть свойственна мозгу и в нем имеет свое пребывание. Без жизни же и оне бы нам не были известны. Итак возможно, что жизнь, чувствование и мысль суть действие единого вещества, разнообразного в разнообразных сложениях, или же чувственность и мысль суть действие вещества отличного, в сложение которого однако же входит если не что другое, то сила электрическая или ей подобная. Итак, если мысленность мы там только обретаем, где обретаем чувственность, если чувственность неразлучна с жизнью, то не вправе ли мы сказать, что сии три явления тел суть действия единого вещества? Ибо, хотя жизнь находим мы без чувственности, а чувственность без мысли, однако кажется быть жизни сопутницею раздраженность, что есть низайшая токмо, может быть, степень чувственности, и если чувственность и мысль не сопутницы всегдашние жизни, то по той токмо причине, что нет всегда свойственных им органов, нервов; ибо есть и такие вещества, стоящие, так сказать, на смежности единых жизни и чувственности, которые для того кажутся быть мысли лишены, что не имеют ее органа, мозга.

Прибавим еще и то: понеже в существо жизни входит частию составительною и, кажется, необходимою огонь; понеже в чувственности примечать можно явления, электрической силе подобные, что она действует на наши нервы, как то и сила магнитная; понеже чувственность кажется быть продолжением токмо мысленности, ибо и понятия и мысли все происходят от чувственности и органы сея суть продолжение органа мысленного, — то не ясно ли, что мысль, чувственность и жизнь суть свойства вещества непроницательного, протяженного, образованного, твердого, и проч.; ибо огонь и сила электрическая и магнитная суть свойства того же вещества, или оно само.

Присовокупим к сим общим рассуждениям о вещественности некоторые подробности, которые объяснят и дополнят все, что о сей материи сказать можно.

«Приписывать действию особого вещества то, что может принадлежать другому, в полном действовании веществу, есть совсем излишнее и ненужное. Давать телу человеческому душу, существа совсем от него отменного и непонятного, есть не только излишне, но и неосновательно совсем. То, что называют обыкновенно душою, то

есть жизнь, чувственность и мысль, суть произведение вещества единого, коего начальные и составительные части суть разнородны и качества имеют различные и не все еще испытанные. Если стихии толико могут изменяться в сложении своем, что совсем непохожи на свою первобытность, то почто заключать толико неосновательно и отрицать им действие того, где они части составительные? Успехи наук, а паче химии и физики, доказывают, что не невозможно когда-либо счастливыми опытами уловить природу в ее творительном, производительном стану. И хотя бы чувственность и мысль были силы от всех известных нам отличные, то как быть столь скорым в решениях наших и отрицать, что не вещественности они суть свойства и сей никак принадлежать не могут, ибо ей суть будто противоречущи?».

«Не удивительно, что те, которым природа, так сказать, чужда, кои никогда на нее не обращают ока внимательного, не удивительно, что возмечтали быть себя бессмертными. Не удивительно, что бедствием гонимые, преследуемые скорбию, болезнию, мучением ищут прибежища превыше жизни. Но то казаться будет всегда странным, что те, коих природа есть упражнение всегдашнее, те, кои наипаче проникли в ее сокровенности, те, кои в розысках ее таинств находят свое увеселение, что и те, когда дойдет до решения между конечной смерти и возрождения, всегда к нему прилепляются. Столь слабость наша велика, столь возлюбляет человек бытие свое, столь боится разрушения! Сему и быть так должно, ибо во младенчестве, в детстве, в юности, во младости мы окружены всегда предметами, к жизни нас прилепляющими, окружены предубеждениями, о будущей жизни твердящими. И когда настают возмужалые лета, то совершенство жизни затьмевает разрушение и его или представляет почти невероятным, или отвлекает мысли от сих предметов. Да и те, которые убедятся в противном, приспев ко гробу и чувствуя нечто необычайное, вдруг обращаются к мыслям, приобретенным в лета безрассудительные. Тот, кто совершенно и беспрестанно был блажен, тому жаль расстаться с утешительною и веселия исполненною жизнью, и для того мнит продолжать ее бессмертием. Тот, который изнемогает под тяжестью превратного счастья, тот в кончине своей зрит оным конец и, вкушав утехи когда-либо, мнит, что и оные возродятся, и сердце, надеждою упоенное, отлетает в вечность».

«Но повторю: как отыскатели деяний природы могут ошибаться в ее действиях! Пройди всю жизнь человеческую от рождения его до кончины: чувственность и мысль следуют телесности в развержении ее, укреплении, совершенствовании, расслаблении, изнеможении, и когда рушится одна, престаёт действие и другая».

«Что мыслит родившийся, что чувствует он? Мысли совсем непричастен, чувственность весьма слабая. Но тело начинает приращаться, и с ним чувственность и мысль. Оно укрепляется, и купно с ним чувственность и мысль. Не лучшее ли время для мысли и чувственности есть то, когда тело, получив полное свое приращение и укрепившись всеми силами своими, находится в полном и цветущем здравии? Но болезни объедают тело, скорбь мозжит его и сверлит, силы его ослабевают, с ними и душевные. Посмотри на совершившего течение жизни: какая степень осталась в нем чувственности и мысли? Одна изгладилась, другая равняется младенчеству. Почто рыдаешь? Се одр твой, се покой тела твоего! все начала состава его притупились, и рушиться им должно. Почто же плачешь о неизбежном, почто убегаешь неминуемого? когда жизнь прервется, увянет и чувственность, иссякнет мысль, и всякое напоминовение прелетит, яко легкий дым. Жалеешь о блаженстве своем, то ужели жалеешь и о бедствии и скорбях? Возвесь все минуты печали, болезни и превратностей, и противоположи им минуты радости, здравие и благоденствие; увидишь, что чаша злосчастия всегда претянет чашу блаженства. То и другое суть удобоисчисляемы, и заключение верно. О чем же сетуешь? Воскликни: се час мой! скажи: прости! и отыди».

Но прежде, нежели преступим к другим предметам, радования и надежды исполненным и отгоняющим отчаяние из сердца и разума, истощим все доводы и притупим, так сказать, тем самым стрелы, душу умерщвляющие.

«Защитники души безвещественныя, несложныя и потому бесмертныя, говорят: человек имеет два уха, два глаза; осязательность его рассеяна по всей поверхности его тела; но чувство внутреннее, от разных чувств происходящее, но мысль, от чувств рождающаяся, есть неразделима, но сведение самого себя, столь живое, столь ясное, всегда едино, просто, неразделимо; а сие побуждает заключать, что вещество, к коему оно принадлежит, также есть простое и неразделимое. А поелику неразделимое разрушиться не может, то заключить должно, что душа, по разрушении тела, пребу-

дет неразделима, следовательно, она есть безвещественна, а потому и бессмертна»³⁵⁴.

«Скажи, возражатель, неразделимость и вечность мечтающий, скажи и истолкуй мне: как вещество простое может действовать на сложное; как действует непротяженное на протяженное? И еще того непонятнее: как непротяженное заключается в протяженности; ибо ведаем, что понятие протяженности есть неразделимому противоречущее? Как безвещественная и непротяженная твоя душа заключена в протяженное твое влагалище, того я не знаю и молчу; да и ты не знаешь, и быти ей утверждаешь. Желая сделать душу, от тела твоего совсем отличную, простую, неразделимую, ты ее делаешь веществом совсем мысленным. Она уже не вещество, единственно отвлечение, точка математическая, следовательно, воображение, сон, мечта. Вещество неразделимое, простое, словом, душа твоя, есть ничтожество, бессуществование, небытие; ибо кто видал, кто ощущал, если не в мечтании, что-либо несложное, простое, неразделимое? Да и как нам себе его представить? Когда хотим изобразить точку, то говорим, что она есть конец линии. Чему же душа твоя есть окончание? Мне кажется, о ты, бессуществование утверждающий! что житие, что услаждение телесные и мысленные тебе наскучили: оставь же нас и отыди в своя превыспренняя и веселися».

«Скажи, о отрицатель вещественная души! скажи, отчего находишь столь невозможным согласное действие всех чувств твоих и всех органов? Все, что существует, имеет свою цель, и все его части, способности и силы суть к оной обращены. Не в мысленности ли ты существуешь? Для чего же ты думаешь, что чувства твои, что органы не для нее суть, и она не от них? Или скажешь, что мусикийское благогласие невозможно, ибо звук единственный, *нота* мусикийская, неблагогласны суть? Из того, что пальцы твои на струнах скрипичных не умеют двигаться искусственно, ты заключаешь, что стройная звучность ей несвойственна. Не заключишь ли, что поелику единственная частица воздуха не может производить звука, что он не есть произведение воздуха? или, что синяя или красная отделенность луча неудобна на произведение света, что все семь отделенностей, составя луч, свет производить неудобны? Безумный! ты скоро скажешь, что и жизнь в человеке есть невозможность, ибо каждая часть тебя не есть жизнь. Смотри, куда ты забрел! не завидую тебе, поистине, ни твоей мысленности. Кто рыщет в мечтании, недостоин, чтобы

оного был отлучен. Чувственность местию не замедлит; воцанные твои крылья растают от ее жаркости и, новый Икар, залетевший, куда сам не ведаешь, падешь».

«Скажи, вопрошу паки, как могли в мозг твой войти сия чрезъестественная души твоей простота и неразделимость? Возьми столь художественно изобретенное орудие на показание и деление времени, ударь его о камень, где будет сей почти разумный времени указатель? Или в каждой части? Металл, из коего он сложен, не возможен того без соразмерности в частях его, колесах и пружинах. Но ты паки говоришь, что душа твоя неразделима! Но звук, но благогласие разделимы ли суть? Орудия, оные производящие, суть разделимы, суть сложны; но не действие их, не произведение. Не от чувств ли ты мысль свою получаешь? мысль твоя неразделима; но неужели неразделимы твое ухо, око, нос? Итак, произведение твоих чувств неразделимо, и скажем твоими словами: душа твоя неразделима. Согласен, что из одной души нельзя сделать двух душ; но следует ли из того, что с разрушением твоих органов и душа разрушиться не может? Разрежь, говорит Пристлей, один шар на двое, выдут ли из того два шара? Выдут две половины, но шара не будет»³⁵⁵.

«Ужели так трудно тебе вообразить единственность чувствования и мысли, и того, что ты душею называешь, не саму по себе единственную, простую и неразделимую, но единственную и неразделимую яко действие твоих органов и твоего сложения? Вообрази себе сие нравственное, сие соборное вещество, которое мы называем общество; представь себе Сенат римский или афинскую площадь. Колико частей! колико пружин! колико действий! но все идет к единой цели, все общественного жития стяжают, все мыслят одно, одного желают. Я пример тебе даю, уподобление представляю, а не сравнение. Но все твои усилия, чтоб отделить душу твою от тела, напрасны суть и бессильны».

«Не с телом ли растет душа, не с ним ли мужает и крепится, не с ним ли вянет и тупеет? Не от чувств ли ты получаешь все свои понятия и мысли? Если ты мне не веришь, прочти Локка³⁵⁶. Он удивит тебя, что все мысли твои, и самые отвлеченнейшие, в чувствах твоих имеют свое начало*. Как же душа твоя без них может приобретать

---

* Здесь противоречия нет против сказанного выше, где говорится, что отвлечение есть действие рассудка. Мы здесь говорим, где корень понятий отвлеченных.

понятия, как мыслить? Почто бесплодно делать ее особым от чувственности веществом? Ты похож в сем случае на того, кто бы захотел дать душу носу твоему, дать душу уху, дать ее глазу, а в осязательности твоей было бы столько душ, сколько точек есть на поверхности твоего тела. Неужели на всякое деяние тела дадим ему душу? Гортань моя возгласит песнь, и я скажу, что есть во мне вещество поющее; отверзу уста и возглаголю, а ты скажешь, что есть во мне вещество говорящее, и только для того, чтобы от телесности отбыть. Странник! ты чуждаешься матери твоей, отрицаешь чувствам мысленности происхождение. Все познания твои приходят к тебе от чувств твоих, и ты хочешь, чтоб мысленность моя была им чужда, имела существо, им совсем противоречащее».

«Но откуда возмечтал ты, что душа твоя не есть действие твоих органов, что она бестелесна? Вниди в себя и воньми, колико телесностей на нее действуют. Все чувственные предметы, все страсти, болезнь, жар, стужа, пища, питье, — всё душу твою изменяет. Всё телесно есть; она страждет, а не тело. Может ли знать душа твоя, сие вышняя степени вещество, какая мысль в ней возродится чрез одно мгновение, чего она возжелает? Может ли она, если она тела твоего управитель, может ли знать, какое будет его движение чрез час един, и какое язык его произнесет слово? Окруженная со всех сторон предметами, она есть то, что они ей быть определяют. Если бы они не извещали чувства твои, что ты существуешь, если бы ты чувств лишен был (но того ли ты и желаешь, желая бессмертия?), не известен бы ты был, что ты есть, что существуешь; ибо никакая мысль в тебе не могла бы возродиться».

«Не токмо внешность, но вся внутренность царствует над твоею душою. Когда страсти возжгут огонь в крови твоей, когда неведомое какое бепокойствие обьет всего тебя, и ты, презирая все на свете и самую жизнь, течешь во след предмету, страсти вожденному, где тогда душа твоя? Где сей устроитель твоея телесности, сей судия твоих деяний, сей царь, где он? Иногда, иногда возвысит он глас, и мечта всемогущества думает страсть усмирить мановением единым, как Эол усмирят бунтующие ветры. Но сии непокорливые его подданики, восстав с новою на него свирепостию, влекут его и, как новая Армида, заключают в цветящиеся и неоощааемые оковы»³⁵⁷.

«Но не токмо страсти умерщвляют твою душу; все потребности твои, все недостатки властвуют над нею произвольно. Ощущал ли ты

когда-либо терзание glada? Ведаешь ли всю власть желудка твоего над твоею мысленностию? Когда он тощ, тело твое изнеможет, и душа расслабевает. Но ты скорее знаешь действие пресыщения. Когда избыточные соками питательными яства обильный хил³⁵⁸ влиют в твои жилы, и естественность в тебе обновляться начнет, ты знаешь то, сколь слаба тогда мысль твоя, Но вижу то, пресытился питием: обезображено лице, искажены взоры, язык коснеет, или и душа твоя причаствовала в чаше Вакха? О, вещество бестелесное! если чему другому ты неподвластна, то пьяные пары, конечно, сильно на тебя действуют. Когда ты, о любитель духовных веществ! усумнишься в своей вещественности, то войди в сонм пьяных. Верь мне, скоро, скоро убедишься, что с телом и душа пьянеет».

«Мне скучно становится собирать еще доводы на то, что столь ясно кажется. Но я еще обращаю взор твой на тебя самого. Сели ты не убедился о своей вещественности тем, что видел душевные силы возрастаемы с телесными; что оне расширены стали удобренным воспитанием; что воображение есть плод страны, где жительствоуешь; что память твоя единственно зависит от твоего мозга, и когда он старится и твердеет, тогда и память теряет свою способность; что суть способы телесные на ее расширение, и что внимание твое утомляется напряжением: если все сие не есть тебе доказательством, войдем со мною во храмину, уготовленную человеколюбием для страждущего человечества, в хранилище болезней. Не содрогается ли, не немеет ли вождь твой духовный от сего зрелища? Если ты нетрепетно восходил на стены градские и презирал тысящи смертей, окрест тебя летавших, то здесь весь состав твой потрясется! Ты зришь твое разрушение, ты зришь конечную и неминуемую твою смертность. Не тужи о воспаленном огневицею³⁵⁹, не жалей о лишенном ума: они варяют³⁶⁰ в мечтаниях. Верь, они нередко нас блаженнее. Болезни своей они не ведают, и душа веселящихся полна мечтаний. Но содрогнись на беснующегося, вострепещи, взирая на имеющего в мозгу чирей! О, душа, существо безвещественное! что ты и где ты? Если все доводы Эпикура, Лукреция и всех новых их последователей слабы будут на свержение твое с возмечтанного твоего престола, то желающий убедиться в истинном ничтожестве своем найдет их в первой больнице в великом изобилии».

«Если и сего тебе мало, то соглядай вседневное свое положение, когда утомленное твое тело ищет покоя. Воззри на сон. Если хо-

чешь вообразить, что душа твоя есть раб твоего тела, и каково будет состояние ее по смерти, то рассмотри, что есть сон, и познаешь. Первое, когда мечты исполняют главу твою, скажи, властен ли ты на их произведение? Сновидения твои столь же мало от тебя зависят, как и от твоего понятия. А если можно тому верить, что сновидение есть начало пробуждения и производится внешним чем-либо, то предварено твое возражение, когда хотел сновидение отнести к действованию твоей души. Но рассмотри себя, когда пары, подъемлющиеся от желудка твоего, не тревожат мозга, когда сон твой покоен и крепок, ты не токмо не чувствуешь, но и мысль твоя недействительна. А если и то тебя не убеждает, посмотри на тех, коим болезни дают сон долговременный; спроси у них, мечтали ли они что-либо? Или думаешь, что в решении задач математических упражнялись? Впоследние скажу, возри на объятого обмороком и чувств лишенного. Если когда-либо излишне испущенная кровь повергала тебя в таковое положение, то знаешь ты, что смерть есть, и что душа твоя от жала ее не ускользнет. И как хочешь ты, чтоб я почел душу твою существенностию, от тела твоего отделенною, веществом особым и самим по себе, когда сон и обмороклишают ее того, что существо ее составляет».

«Скажи, о ты, желающий жить по смерти, скажи, размышлял ли ты, что оно не токмо невероятно, но и невозможно? Вообрази себе на одно мгновение, что ты уже мертв, что тело твое разрушилось. Ты говоришь, что душа твоя жива. Но она лишена чувств, следственно лишена орудий мысли, следственно она не то, что была в живом твоем состоянии. И если состояние ее изменилось, то вероятно ли, что она ощущать и мыслить может, чувств лишена? А если душа будет в другом положении, то следует, что ты в душе своей будешь не тот человек, который был до смерти. Ведаешь ли, от чего зависит твоя особенность, твоя личность, что ты есть ты? Помедлим немного при сем размышлении. Сие мгновение ты, посредством чувств, получаешь извещение о бытии твоем; в следующее мгновение то же чувствуешь; но дабы уверен ты был, что в протекшее мгновение чувствование происходило в том же человеке, в котором происходит в настоящее мгновение, то надлежит быть напоминовению; а если человек не был одарен памятью, то сверх того, чтобы он не мог иметь никаких знаний, но не ведал бы, что он был не далее, как в протекшее мгновение. Если по смерти твоей память твоя не будет души твоя свойство, то

можно ли назвать тебя тем же человеком, который был в жизни? Все деяния твои будут новы и к прежним не будут относиться, то что успеешь, жил ли прежде или жив будешь по смерти? Жизни сии не суть единое продолжение; они прерываются. Жить вновь и не знать о том, что был, есть то же, что и не быть. Забвенное для нас не существовало. Что не можно душе твоей сохранить памяти, о том читай многочисленные и убедительные примеры в книгах врачебных. Памяти престол есть мозг; все ее действия зависят от него, и от него единственно; мозг есть вещественность, тело гниет, разрушается. Где же будет память твоя? Где будет прежний *ты*, где твоя особенность, где личность? Верь, по смерти все для тебя минуется, и душа твоя исчезнет³⁶¹.

По смерти все ничто
И смерть сама ничто.
Ты хочешь знать то, где
Будешь по кончине?
Там будешь ты, где
Был ты до рожденья.

Сенека, в трагедии «Троада»

«Итак, если мозг и глава нужны для мысления, нервы для чувствования, то как столь безрассудно мечтать, что без них душа действовать может? Как может она быть, когда она их произведение, а они к разрушению осуждены? Не токмо не можно вообразить себе, что есть такое вещество простое, неразделимое, дух; но и того вообразить нельзя, чтобы они были по разрушении, хотя бы и существовали.»]

«Ведай, что всякое состояние вещества, какого бы то ни было, естественно предопределяется его предшедшим состоянием. Без того последующее состояние не имело бы причины к своему бытию. Итак, предрожденное состояние человека определяло его состояние в жизни, а жизненное его состояние определяет, что он будет по смерти. До зачатия своего человек был семя, коего определение было развержение. Состояние жизни приуготовляло разложение и разрушение. Когда же жизнь прейдет, почто мечтать, что она может продлиться? Человек вышел из семени, и состав его рассеменится по сложению стихий, его составлявших. И если по справедливости за-

ключить можем из состояния человека до начатия его жизни о состоянии по скончании ее, то поелику он не имеет воспоминания, что существовал в семени, то не может иметь воспоминания по смерти о том, что был в жизни».

«Итак, о смертный! оставь пустую мечту, что ты есть удел божества! Ты был нужное для земли явление вследствие законов предвечных. Кончина твоя приспела, нить дней твоих прервалась, скончался для тебя время и настала вечность!».

О, ты, доселе гласом моим вещавший, тиран лютейший, варвар неистовый, хладнокровный человеконенавидец, изыскательнее паче всех мучителей на терзание! Жестокостию твоею и зверством ты превышаешь Тиверию, Нерона, Калигулу, всех древних и новых терзателей человечества! Чем свирепствовать могли они над беззащитною слабостию? Могущество их простиралось на мгновение токмо едино; владычество их за жизнь не заgrabляло. Терзанию, болезням, изгнанию, заточению, всему есть предел непреоборимый, за которым земная власть есть ничто. Едва дух жизненный излетит из уязвленного и изможденного тела, как вся власть тиранов утщется, все могущество их исчезнет, раздробится сила; ярость тогда напрасна, зверство ничтожествовать принуждено, кичение смешно. Конец дней несчастного есть предел злобе мучителей и варварству осмеяние. Но ты, простирая алчнотерзательную твою десницу за кончину дней моих, не мгновенного лишаешь меня блаженства, не скоропротекающего радования, не веселия брэнного и скоролетящего. Подавляющая меня твоя рука тяжелее гнетет увядающее сердце, нежели все тяжести земные, свинец и золото и чугун. Жестокосердый! ты лишаешь даже надежды претертую злосчастьем душу, и луч сей единственный, освещавший ее во тьме печалей, ты погашаешь. Лишенного на земле утех, не ожидающего веселия ни на мгновение уже едино, ты ограбляешь его надеяния возродиться на радость и на воздаяние добродетели; ты лишаешь его будущия жизни. Ужель гонители Сократа на равную с ним участь осуждены? Ужель ничтожество есть жребий всех добродетельных и злосчастных? — Но откуда твое дерзновение, откуда власть твоя, откуда веселие, разрушающее покой мой и на деяние? Или не ведаешь, что может отчаяние человека, лишенного семейства, друзей и всякия утехы? Не скроют тебя от карающих руки ни вертепы, ни леса дремучие, ни пустыни! мщенье, тебя преследует, настигнет тебя, веселием упоенного, и, отъемля у тебя

даже средства к утехе, радованию и упокоению, исторгнет из сердца твоего более сама жизнь. Я мысль даже в тебе претру надежды будущего, и вечность отлетит — но что успею я? О, тигр! ты ее не чаешь!

Конец второй части

Книга третья

Доселе, возлюбленные мои, я, собирая все возможные и употребительные доводы, смертность души утверждающие, старался дать им возможную ясность и поставить их во всей их блистательности и прелестности, дабы тем явнее могла быть их слабая сторона, если она есть, и оказалось неправильное суждение, если где оно возгнездилося. Обтекши всю мысленность и телесность человека и проникнув даже до незримых начал вещей, мы видели только то, что нужно было видеть, дабы снискать доказательство предложенной задачи. Теперь возвратимся паки по протекшему пути и соберем все, что найти можем на подкрепление противного мнения и постараемся восстановить человечество в ту истинную лучезарность, для коей оно кажется быть создано. О истина! непреложный орган всевышнего! спусти на блуждающего во мнениях хотя единый луч предвечного твоего света, да отлетит от меня блуждение, и тебя да узрю!

Желающему вникать в размышления о смертности и бессмертии человека, я бы нелицемерный подал совет стараться быть часто при одре умирающих своей или насильственной смертию. А тому, кто сам находился в преддверии вечности³⁶³, имея полный и ненарушенный рассудок, тому в совет бы я дал в суждениях своих о смертности и бессмертии человека быть гораздо осторожным. Первый научиться бы мог познавать, что есть смерть; другой, бывши ее близок, мог бы рассуждения свои сопровождать внутренним своим чувствованием; ибо верьте, в касающемся до жизни и смерти, чувствование наше может быть безобманчивее разума. А тот, кто ее не предчувствовал николи, хотя и может иногда угадать то, что другой всею внутренностию ощущает, но чаще, основав убеждение свое на слышанном и изученном, он ему токмо изыскивать будет доказательства для убеждения других в том, в чем сам убежден был не чувствованием, не рассудком, а токмо, так сказать, наслышкою.

Я всегда с величайшим удовольствием читал размышления стоящих на воскраии гроба, на праге вечности, и, соображая причину их

кончины и побуждения, ими же вождаемы были, почерпал многое, что мне в другом месте находить не удавалось. Не разумею я здесь воображенные таковые положения, плод стихотворческого изобретения, но истинные таковые положения, в коих, по несчастью, человек случается нередко. Вы знаете единословие или монолог Гамлета Шекспирова и единословие Катона Утиксского у Аддисона³⁶⁴. Они прекрасны, но один в них порок — суть вымышленны.

Посторонний, а не вы, может меня спросить вследствие моего собственного положения: какое право имею я говорить о смерти человека? — Вопрос не лишний! и я ему скажу... Но, друзья мои, вы дадите за меня ответ вопрошающему, а я возвращусь к моему слову.

Вопросим паки, что есть смерть? — Смерть есть не что иное, как естественная перемена человеческого состояния. Перемене таковой не токмо причастны люди, но все животные, растения и другие вещества. Смерть на земле объемлет всю жизненную и нежизненную естественность. Знамение ее есть разрушение. Итак, куда бы мы очей своих ни обратили, везде обретаем смерть. Но вид ее угрюмый теряется пред видом жизни; стыдящаяся кроется под сень живущего, и жизнь зрится распростерта повсюду.

Но дабы в незыблемом паки утешении устремить взоры наши к неиссякаемому источнику жизни и к непрестанно обновляющемуся ее началу, отвратим око наше от жизни и прилепим его к тому, что свойство смертности составляет. В изъяснении, данном нами смерти, мы назвали ее переменною; и понеже смертная перемена есть общая в природе, то рассмотрим, что есть перемена вообще.

Вещь, говорим, переменяется, когда из двух противоположных определений, которые в ней произойти могут, одно перестает, другое же начинает быть действительным; например: темно и светло, легко и тяжело, порок и добродетель. Итак, перемена вообще есть прехождение от одного противоположного определения вещи к другому. Но из шестивия природы явствует, что во всех переменах, в оной случающихся, находится между противоположностями всегда посредство, так, что если в ней преходит что из одного состояния в другое, первому противоположное, то между сими двумя состояниями находится всегда третье, или состояние среды, которое не иное что быть кажется, как продолжение первого состояния и изменение вещи постепенное, доколе не дойдет она до состояния противоположного. Но и сие состояние, поелику есть токмо последствие из

предыдущего, можно назвать продолжением. Итак, утвердительно сказать можем, что будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем, и состояния противоположные суть следствия одно другого неминуемые. Если мы хотим сие представить себе чувственно, то вообразим что-либо начинающее свое движение колообразно, которое, двигаясь в одинаковом всегда от центра отдалении, движется до тех пор, пока, дошед до того места, откуда началось его движение, останавливается. Следственно, между первую точку, где началось движение, которую назовем настоящим состоянием вещи, до той точки, где движение ее скончалось, которую назовем состоянием противоположным, существуют столько состояний, чрез которые вещь проходить имеет, сколько суть в окружности точек. Следовательно, когда движение вещи началось от одной точки и быть долженствует колообразно, то без препятствия особой силы движение вещи колообразное продолжится до точки последней, следовательно, последняя точка есть произведение первой. Или желаете другой пример. Возьмите яйцо; вы знаете, что оно посредством насижения может оживотвориться и быть птицею. Но виден ли в яйце цыпленок, хотя не сомневаемся, что он в нем содержится? А если захотим преследовать прохождение яйца в цыпленка и ежедневно будем наблюдать его, то увидим постепенное его приращение. Сперва окажется начало жизни — сердце, потом глава, потом стан и другие части тела постепенно до того часа, как чрез 21 день созрев на ишествие, он проклонет скорлупу яичную и, являясь пред создавшим свет живым уже существом, воскликнет аки бы: се аз на прославление твое! Из сего примера усматриваете, сколько состояний пройти имеет яйцо, дабы быть цыпленком. Из сего же видите, что все сии состояния суть непрерывны и выходят одно из другого естественно. Следственно, состояние яйца и цыпленка суть приистекающие одно от другого; следственно, насижением из яйца цыпленок выйдет, если в том что не воспрепятствует. Таково есть шествие сил естественных, что они, прияв единожды свое начало, действуют непрестанно и производят перемены постепенные, которые нам по времени токмо видимы становятся. Ничто не происходит скоком, говорит Лейбниц, все в ней постепенно.

Из всего предыдущего следует, что все переменяющееся не может быть непременно ни на единое мгновение. Ибо все переменяющееся (буде оно таково в самой вещи) иметь долженствует силу действо-

вать или способность страдать; но действуя или страдая становится оно не то, что было. Итак, что может воспятить стремлению перемены? Кто может? Разве тот, кто дал природе силу, кто действие ей дал, движение и жизнь. Вообрази себе напряжение всего, вообрази глубоко насажденную в естественности действительность и вещей, что может ей противостать. Катится время беспрерывно, усталости не знает, шлет грядущее во след претекшему, и все переменяющееся является нам в новый образ облеченно.

О, мера течения, шествия премен и жизни! о, время! помедли, помедли на мгновение хотя едино! Се безрассудное желание многих, се желание внимающих гласу своих страстей и прихотей и отвращающих рассудок свой от познания вещей. Но время, не внемля глаголу безумия, течет в порядке непрерывном. Нет ни единого в нем мгновения, которое бы возможно было себе представить отделенно, и нет двух мгновений, коих бы предела ознаменовать возможно было. Не в след текут они одно другому, но одно из другого рождается и все имеют предел един и общий. Наималейшее мгновение разделить можно на части, которые все свойству времени причастны будут; и нет двух мгновений, где бы третье возгнездить было невозможно. А поелику время есть мера деянию и шествию, то нет двух состояний вещи, между коими бы невозможно было вообразить третье, или, паче сказать, нет двух состояний, между которыми бы назначить можно было предел; ибо едва одно скончалось, другое уже существует. И сие шествие столь стесненно, столь неразрывно, что мысль наша за ним идти может токмо во след, а не одинаковою высотой; ибо вообрази себе мгновение и состояние вещи в нем, и вещь находится уже не в том, в коем о ней ты мыслить стал, и мгновение уже позади тебя.

Приложим сие понятие о перемене к смертности человека. Жизнь и смерть суть состояния противоположные, а умирание средовое, или то состояние, чрез которое скончается жизнь и бывает смерть. Мы видели, что во времени нет и быть не может отделения; мы видели, что и в состояниях вещи разделения существенного нет, и когда движение началось, то непрерывно есть, доколе не скончается. И поелику перемена есть прехождение из одного состояния в противоположное ему срез состояние среднее, одно из другого рождающиеся, то жизнь и смерть, поелику суть состояния противоположные, суть следствия одно другого, и можно сказать, когда природа человека производит, она ему готовит уже смерть. Сия есть след-

ствие той и следствие неминуемое. И если бы мы имели о вещах понятия нутрозрительные, то бы сия великая перемена в одушевленном, как то: прешествие от жизни к смерти, нам менее отделяющеюся казалася, нежели отделения дня от ночи*, ибо и сии существуют для того, что не можем им преследовать. Но представь себя, текущего по поверхности земли к западу ее, то-есть в противную страну ее обращения; представь шествие свое шествию земли равно скорое, то, начавши течение свое во время, например, полуденное, пребудешь в полночи чрез целые сутки и, пришед паки на то место, откуда началось твое шествие, найдешь паки время полуденное. Из сего примера видим, что перемены суть токмо для нас столь отделенны в прехождениях своих, а не суть таковы по существу вещи.

Итак, не безрассудны ли наши стенания и вопль при умирании человека, если мы знаем и если уверены, что, родившись единожды, умереть ему должно? Сколь справедливее было некогда обыкновение рыдать при рождении младенца, по смерти же радоваться и расставание с умершими препровождать в пиршествах и веселиях. Когда неумолимая смерть прострет на чело мое мразное свое покрывало и узрите меня бездыханна, не плачьте, о возлюбленные мои, не плачьте! Помыслите, что смерть уготована была при рождестве, что она неизбежна, что яко бдение уготовляет сон, а сон уготовляет бдение, то почто не мыслить, что смерть, уготованная жизнью, уготовляет паки жизнь? — Столь в мире все непрерывно. О возлюбленные мои! восторжествуйте над кончиною моею: она будет конец скорби и терзанию. Исторгнутый от ига предрассудков, помните, что бедствие не есть уже жребий умершего.

Поелику душа и тело находятся в теснейшем союзе, как то явствует из всех их взаимных деяний, то вероятно, что смерть или скончание жизни равно касается того и другого; и если смертию изменяется тело, что видим из простого наблюдения, то должно думать, что изменяется и душа; а поелику телесности отторженная душа чувствам нашим подлежать не будет, то, что ей последует по отделении ее от тела, надлежит постигать единым рассудком.

Опыты нам показывают, что во всех органических телах суть три состояния или время в их бытии. Первое, когда органическое тело

---

* Примеры чувств. Увеличь взоры микроскопом, увидишь на руках дыры; в чистой воде суть чудовища живые.

начинает подлежать чувствам нашим, то есть рождение его и жизнь; второе, когда чувства наши не ощущают в теле органическом жизненных движений, то есть смерть; и третье, когда вид и образ органического тела изменяются и от понятия чувств исчезают: сие называем разрушение, согниение. Но сии состояния суть для чувств наших токмо отделенны, в естественности же каждая из них есть токмо звено непрерывной цепи перемен, то есть постепенные развержения и облечения одной и той же вещи в несчетные виды и явления. Итак повторим, что жизнь и смерть и даже разрушение в своей существенности не столь разделенны, как то кажется нашим чувствам; они суть токмо суждения наших чувств о переменах вещественных, а не состояния сами по себе. Се первый луч надежды, о, возлюбленные! да торжествуют несчастные! се смерть им предстоит, се конец терзанию, се жизнь новая!

За смертью тела следует его разрушение. По разрушении же тела человеческого, части, его составлявшие, отходя к своим началам, как то мы сказали прежде, действовать и страдать не престанут, ибо не исчезнут. Между бытия и небытия есть посредство, вследствие того, что сказали выше; следовательно, одно не есть следствие другого непосредственное; следовательно после бытия небытие существовать не может, и природа равно сама по себе не может ни дать бытия, ни в небытие обратить вещь, или ее уничтожить.

Душа, находясь в теснейшем союзе с телом, следует всем переменам, с телом случающимся, и, участвовавши в веселиях его и печалях, в здравии его и болезни, достигнет постепенно до того мгновения, когда тело умрет. Но умрет ли и душа с телом, и есть ли на сие возможность? Буде умереть она долженствует, то или все силы ее и могущества, все действия ее и страдания перестанут вдруг, и она исчезнет в одно мгновение; или, яко тело, подверженное тысяче перемен, испытает она разные образования; и в сем последствии перемен будет эпоха, когда душа, изменяясь совсем, не будет душа более и, яко тело, разделяясь на части, перейдет в другие сложения. Третье кажется быть невозможным; ибо природа, как то мы видели, ничего не уничтожает, и небытие или уничтожение есть напрасное слово и мысль пустая.

Обеспокоенные в невозможности небытия, мы рассмотрим вероятность разрушения души.

Если бы душа подвержена была всем переменам, которым подвержено тело, то бы, как то мы сказали, можно было назначить мгнове-

ние, когда она совсем изменится и, яко тело, разрушаяся, не будет тело, тако и душа, теряя все свои силы по-малу, распадется и не будет более душа. Но когда имеет быть сие мгновение? Разве тогда, когда не нужна она более телу, в коем испорченные органы, неспособные на содержание жизни, отчудятся и души, тогда разве душа исчезнет. Но мы видели, что тело не исчезает, что нельзя почти сказать теперь: умирает животное; ибо видели, что рождение его смерть уже ему уготовляло и разрушение. Итак, разве душа, теряя по-малу свои силы, с телом будет подвержена единому жребию. Когда тело здорово и в крепости, равно и душа; тело изнемогло и заболело, равно и душа; тело умирает и распадается на части, что же будет с душою? Орудия ее чувствования и мысли разрушились, ей уже не принадлежат, весь состав уже разрушился; но ужели в ней все опустеет, все пропадут в ней мысли, воображения, все желания, склонности, все страсти, — все, и ни малейшего следа не останется? Не можно сего думать; ибо не иное сие бы было, как совершенное ее уничтожение. Но поелику силы природные, как то мы видели, на уничтожение не возмогают, то душа пребудет навсегда неразрушима, во веки не исчезнет. И поистине, как себе вообразить, как себе представить части души и неминуемое их прехождение, преобразование (полагая, что оне суть)? Части тела разрушаются, разделяются на стихии, из коих составлены были, которые паки преходят в другие составы. Части тела могут по чреде быть земля, растение в снесь животному, которое будет в снесь человеку; следовательно, человек, умерший за несколько лет прежде, будет частию существовать в другом последующем человеке. Но что будет из частей души? Какие суть стихии ее сложения, если бы она сложена быть могла? Куда прейдут сии стихии? — Не время еще ответствовать на сии вопросы; но можете видеть, сколь ответы гадательны быть должны.

Следствие всего предыдущего есть, что душа во веки не разрушится, не исчезнет, что существовать будет во веки; ибо, как бы далеко небытие от бытия ее ни отстояло, но таковое прехождение не может основываться ни в существе единых вещи, ни в существе сложных. Но если душа во веки жива пребудет, то будет ли она страдать и действовать? Страдать и действовать для души есть мыслить, желать и чувствовать; ибо сии суть действия и страдания мыслящего вещества. Но как возможно душе, от тела отделенной, чувствовать и мыслить; ибо орудий чувствования и мысли будет она лишена? Сие так кажет-

ся. Но понеже душа уничтожению не может быть причастна, то мысль свойственна ей пребудет, как и бытие; ибо, какое вещество то бы ни было, всякое действует вследствие своих сил и способностей, то неужели одна душа будет сил лишена и, яко первобытная вещественность, недвижима и недействующая?

В дополнение вышесказанного присоедините и следующее размышление. Что научает нас, что мы без чувственности не могли иметь понятий, что сии суть единственно произведения ее, и что самые отвлеченнейшие понятия первое начало свое имеют в чувственности? Ответ на сие самый легкий и простой: учит тому нас опыт. Но какие же имеем мы опыты, чтобы заключать, что душа в отделенности от тела будет лишена чувствования и мысли? Никаких, поистине, не имеем и иметь не можем; то и заключение наше о сем неправильно будет, и мы отрицать станем силу в природе потому только, что она нам неизвестна. Точно бы так сие было, если бы житель Египта, видя всегда зыбкую поверхность Нила, заключал, что невозможно вообще, чтобы поверхность воды твердела. Сколь сие суждение нелепо, участвующим жаркого и мразного небесного пояса внятно. Но оно основано на существовании вещей и понятий наших, от опытов происходящих. Так и мы, заключая о безмыслии души в отделении ее от телесности, заключим сходственно понятий наших, в опытности почерпнутых; но истинность заключения сего может равняться заключению жителя Египта о невозможности замерзания вод.

Из всего вышеписанного если не можно нам заключить с уверенным, что душа бессмертна, если в доводах наших нет очевидности, то могло бы, может быть, для любящих добродетель найтись что-либо убедительное, дающее доводам перевес победоносный. Но из самых доводов рождаются возражения, которые, оставшись без ответа, могут почтены быть доказательствами противоположности того, что доказать стараемся. Если бы одна была возможность, что душа есть вещество само по себе, то убеждение из того последовало бы очевидное. Но доколе не опровергнутся, столь же вероятностию почтется и то, что душа или то, что мысленным существом называем, есть свойство искусно сложенного тела, подобно как здравие или жизнь суть свойства тел органических. И сие возражение тем сильнее кажется, что оно осязательно быть зрится, а потому требует прилежнейшего рассмотрения и опровержения яснейшего и ни малейшего по себе

сомнения не оставляющего. Что обретаем мы в сложенном? Не то ли, что вещи, которые в некотором находились отдалении, сблизятся? Не то ли, что вещи, которые находились в разделении, сообщаются, вступают в союз и составляют целое, сами становятся составительными его частями? Из сего сопряжения рождается: 1, некоторый порядок в образе сложения составительных частей; 2, силы и действительных частей чрез то изменяются; ибо в действии нового сложения то препинаемы, то споспешествуемы или переменяемы в направлении своем. Но может ли в целости сложенного явиться новая сила, которая начало не находилась бы в действительности составляющих его частей? Невозможно, поистине невозможно. Если бы все части, все начала, все стихии вещественности были бездействующи и в покое бы находились смертном, то сколь бы сложение их искусственно ни было, сколь бы ни изящно, погрязши в недействии и неподвижности, пребыли бы навсегда мертвы, не возмогаяя на произведение движения, отражения или какая-либо силы. И сие положение хуже было бы хаоса древнего, если было быть ему возможно; ночь вечная была бы ее сопутница, и смерть свойство первое.

Однако же примечаем мы в сложении целого благогласие или согласие, соразмерность, хотя в частях его нет ни того, ни другого. Например, звук одинаковый благогласия не имеет, но сложение многих нередко производит наивелелепнейшее. Стекланный колокол, на котором мокрый перст движется, едва ли, кажется, производит скрип; но кто слышал гармонику, тот ведает, колико внутренность вся от игры ее потрясается. Кирпич, камень, кусок мрамора и меди какую имеют правильность, какую соразмерность? Но взгляни на храм св. Петра в Риме, взгляни на Пантеон, и не почувствуешь ли, что и мысль твоя изящною соразмерностию сих зданий благоустроится? Но причина сего чувствования явствует из того, что уже сказали. Благогласие, соразмерность, порядок и все тому подобное не могут без различия быть понимаемы; ибо они не что иное значат, как отношение разных чувствований между собою в том порядке, как они нам предлежали. Итак, к сим понятиям принадлежит сравнение разных чувствований, которые вообще составляют целое, частям особенно не принадлежат. Могло ли бы родиться благогласие, если бы каждый звук не оставлял по себе впечатления? Могла ли бы быть соразмерность, если бы каждая оная часть не действовала на орган глазной? Не можно сего и вообразить, ибо действительность в целом не мо-

жет возродиться, если начало ее не в частях находится. Итак, во всяком сложном замечать нужно: 1, последование и порядок частей составительных в пространстве или времени; 2, сопряжение начальных сил и порядок, в котором они являются в их сложении. И хотя в сопряжении своем силы ограничиваются взаимно, изменяются, уничтожаются или паче препинаются, никогда из сложения, какое бы оно ни было, сила возродиться не может. Равно как бы кто, смешивая синюю краску с желтою, ожидал бы явления не зеленой, но красной. Частицы синие и желтые изменились, но в зеленом они суть присносущны; а красное явиться бы не могло, ибо красные частицы суть другого совсем существования.

Итак, заключение извлекая из предыдущего, сказать можно: если душа наша или мыслящая сила не есть вещество само по себе, но свойственность сложения, то она происходит, подобно благогласию и соразмерности, из особого положения и порядка частей, или же как сила сложного, которая начало свое имеет в действительности частей, целое составляющих. Третьего, кажется, мыслить нельзя.

Благогласие, как то мы видели, проистекает из сравнения простых звуков, а соразмерность из сравнения разных неправильных частей; ибо не имеют ни одинаковые звуки благогласия, ни отделенные части соразмерности; следовательно, благогласие и соразмерность основание свое имеют в сравнении. Но где в природе существует оно, где может существовать, разве не в душе? Что есть оно, разве не действие мысленных сил, и может ли оно быть действием чего другого? Нигде всемерно; ибо звуки сами по себе следуют токмо один за другим; в строении камни лежат токмо один возле другого, существуя каждый в своей особенности, имея бытие отделенное; а благогласие и соразмерность суть принадлежности мысли, понятия отвлеченные и без мысли бытия не были бы причастны*. Но не токмо благогласие и соразмерность, но красота, изящность всякая и самая добродетель не иначе как в сравнении почерпают вещество свое и живут в мысли.

Скажите, можно ли из действия какой-либо вещи истолковать ее происхождение, и может ли причина, вещь произведшая, понимаема быть из действия вещи или в нем существовать? Видя тень протяжен-

---

* Пантеон равен бы был Ивану Великому, если бы не было разумного вещества.

ную непрозрачного тела, можем ли что-либо заключить о причине, тело произведшей, или сказать, что она есть вина существованию тела? Так и все, что есть действие сравнения, не может почесться причиною, оное производящею. Если сказать можем, что насвист снегиря или песня канарейки родили канарейку и снегиря, то и соразмерность, порядок, красота суть сами по себе, а не произведения сравнения. Заключим, возлюбленные мои, не обинуясь, что поелику все вышесказанные свойства суть произведения сравнения, а сравнение предполагает суждение, а сие рассудок и мысль, то все, что есть произведение сравнения, не может иначе быть, как в силе мыслящей и в ней токмо одной; итак, все сложенное, поколику к сравнению относится, начало свое имеет в мысленной силе. Засим возможно ли, чтобы мысленная сила, причина, вина и источник всяческого сравнения, возможно ли, чтобы она была действие самой себя, чтобы была как соразмерность или благогласие, чтобы ее целость состояла из частей, лежащих одна вне другой? ибо все сие действие мысли предполагает и не иначе может приять действительность, как чрез нее. Итак, поелику всякое целое, состоящее из частей, одна вне другой находящихся, предполагает сих частей сравнение, поелику сравнение есть действие силы мысленной, то неможно силу сию приписывать целому, из частей состоящему; ибо сказать сие то же будет, если скажем, что вещь происходит от своего собственного действия. Нелепость сия столь велика, что дальнейшее о сем распложение не иное что, как скуку навлечь может.

Вторая и последняя возможность, что душа, или мыслящее существо, проистекает от сложения телесных органов, состоит, как то видели, в том, что она есть сила или действительность сложенного. Дадим себе сие в задачу и рассмотрим оныя существенность, а потому и истинность.

Действительность, или сила сложенного, основание свое имеет в силах составляющих частей его. Например: шар Монгольфьеров имеет силу вознести человека превыше облаков, превыше области грома и молнии; но если бы оный не был наполнен веществом легче воздуха, нижнюю атмосферу наполняющего; если бы не был сделан из ткани, для вещества сего непроницаемой; если бы количество его не было соразмерно подъемлемой им тяжести, то не мог бы он возвестися, не мог бы сделать то действительным, что до того времени едва ли возможным почитали. Следовательно сила целого, или сло-

женного, проистекает из действительности частей его. Силы же частей, целое составляющих, или сходятся с силою целого, или с оною суть несходственны. Что такое силы частей, сходящиеся с силою целого, довольно ясно. Например: возьми светильник, сплетенный из десяти свечей, из коих каждая имеет светильню отделенную. В сложении своем светильник дает свет, но свет сей происходит от того, что каждая светильня горит. Раздели свечи; они дадут каждая свет; сложи их, дадут все свет совокупно, но он будет сильнее. Но здесь не рассуждается о усугублении великости сил, а о их сходственности. Взгляни на кулибинский ревербер³⁶⁵. Горит пред ним одна лампада, а вдавленная за ним поверхность отражает ее свет. Но сие отражение составлено из отражения всех зеркальных стекол, ревербер составляющих. Возьми одно из сих стекол: оно свет отразит; составь все вместе, они также свет отразят, но многочисленно: все будет свет, но ярче. Но мы рассуждаем, повторю, о сходственности сил, а не о великости их. Итак, силы частей могут с силою целого быть сходственны или же силы частей не сходятся с силою целого и суть от нее отличны. Пример благогласия, происходящего от единственных и по себе особых звуков и в особенности своей ничего опричь простого звука не производящих, может здесь быть в объяснение. Слыхали ли вы, любезные мои, роговую егерскую музыку, которая изобретатель у нас был Обер-Егермейстер Нарышкин³⁶⁶, и которая в действии своем с церковными органами столь может быть сходственна? Вам известно, что она исполняется посредством охотничьих рогов. Каждый рог производит один звук, и нередко звук весьма грубый; но искусством доведено, что хор роговой может играть разные музыкальные сочинения. И столь ясно действие, от общих роговых звуков происходящее, что буде находишься очень близко того места, где на них играют, то вместо благогласия слышны почти нестройные звуки. Удались от них, — зыбление воздуха, становясь плавнее в отдалении, отъемот грубость роговых звуков, и благогласие явно. Сие может служить примером, поколику сила целого не сходить может с силами частей. Сие правило может иметь сотичные приложения, и примеры оному могут быть многочисленны.

Вследствие сего скажем: силы частей, из коих происходит сила мыслящая, суть с нею сходственные, то есть так же, как и она, суть силы мысленные; или же оне с нею не сходятся, то есть, что силы

частей, коих сила мысленная есть произведение, суть другого существа и не мысленны. Третье посредство кажется быть невозможно. Но мы видели прежде, что всякое целое происходит от сравнения, от соображения мыслящего существа и существовать может только в нем; ибо части суть сами по себе, силы частей суть сами по себе, существуя в своей особенности, действуя каждая сама по себе, но в сложении изменяясь токмо и ограничиваясь взаимным действием, сохраняя однако же начальную свою свойственность. Упражняющимся в химии довольно известно, что соль кислая с солью алкалическою есть качества совсем отменного; произведи из них смешение, то выйдет из них совсем соль новая или соль средняя; и хотя действие соли средней не есть действие соли кислой, ни соли алкалической, однако она сохраняет в смешении своем начальное свое происхождение, заимствуя свойства обеих солей. Итак, невозможно, чтобы сила новая в целом произошла единственно от действия взаимного сил частных. Но если таковая сила новая и от частных сил отличная должна понимаема быть в целом, то нужно, чтоб было мыслящее существо, которое оную составило из сравнения или соображения частных сил. Пример выше приведенный о смешении краски синей с желтою сие объяснит. Увеличивательное стекло показывает их особенными и в самом их смешении; но глаз в смешении сем зрит зеленость. Таковых примеров можно из чувственности нашей почерпнуть несчетное количество. Итак, поелику происхождение силы целого, не сходствующей с силами частей, предполагает сравнение или соображение, а сии предполагают существо мыслящее, то следует, что сила мысленная не может проистекать из частей, таковой же силы не имеющих; следует, что сила мыслящая в целом или сложеном должна проистекать из частей, силами равными одаренных, то есть из сил мыслящих. Сие будет предлог нашего разыскания.

Сие мнение, что мысленная сила, а потому и чувственная, есть произведение частей, с нею сходствующих, при первом взгляде покажется вероятным; ибо 1, пребывания чувств наших суть различны. Очи видят, уши слышат, язык вкушает, нос обоняет, осязание распространено по всей поверхности тела. 2, Когда враждебное орудие уязвит руку, боль чувствую в руке; когда огонь приблизится ноге моей, в ней сжение чувствую; когда яства вкушаю, приятность оных чувствуема в моей гортани; воздух благорастворенный, растягивая легкое без раздиранья, дает чувство приятное; любовное услаждение

чувствуемо наипаче в органах, на даяние жизни устроенных. 3, Мы чувствуем, что мысль наша пребывание имеет в голове, и опытами знаем, что расстроенный мозг рождает расстроенный рассудок; но мозг есть тело сложное, имеющее части, следовательно и мысли могут находиться в нем частно. Вследствие сего опыт учит, что чувствие распространено по всем членам, а умствование скажет, что и мысль также распространена. Но рука, от туловища отделенная, нос, от главы отъятый, что чувствуют? Но были примеры, что и без руки рука была чувствуема. Не обоняем ли часто то, что от нас отдаленно? Воззри на предстоящий тебе предлог, зажмурь потом глаза, — не зришь ли его пред собою? Отделенный от вас, о возлюбленные мои, на целую четверть окружности земного шара, когда захочу вас видеть, воззову из внутренности мысленного хранилища образы ваши; я зрю вас пред собою, беседую с вами. Правда, се мечта, но глубоко она во мне насаждена, и, отдаленный, я живу с вами.

Рассудим еще и сие. В душе нашей находится несчетное количество понятий, познаний, склонностей, страстей, которых беспрестанная деятельность упражняет нас беспрестанно. Где находятся оне? В коих частях тела лежат рассеяны? Или находятся разделенны иные там, иные инде, воспрянув единожды и никогда не повторяемы; или же все оне в единую часть собираются, сопрягаются и составляют связь? Одно из двух: или каждая часть тела имеет силу мыслящую, следственно столько в человеке мыслящих сил, сколько в нем членов или паче стихийных начал; или же она есть едина. Если силы сии многочисленны, пускай каждая из них душа есть совершенная, то нужно, чтобы все сии рассеянные души свои понятия и чувствования относили в единую среду, дабы составлялося целое; а без того, рассеянные везде, одна к другой не будет принадлежать, мысль не будет следовать мысли, ни заключение из посылок; не возможем мы ни вспоминать, ни сравнивать, ни рассуждать; оне могут быть понятия, но и то всякое по себе, отделенно, особенно, не входя ни в какую связь; и человек сего мгновения не будет ведать, тот ли он, что был за одно мгновение. Он не будет ныне то, что был вчера. Итак, нужно, чтобы для составления нашей единственности, нужно, чтобы была в нас единая мысленная сила и при том неразделимая, непротяженная, частей не имеющая; ибо если в ней подозреваемы хотя будут части, то паки выйдет разногласие частей, единую среду требующих; нужно паки прибегнуть к тому, нечто соображающему, соединяющему в

едино, что частями производимо, действуемо, чувствуемо, мыслимо. Следовательно, стремясь в противную стезю, мы обрящем себя там, где были прежде. И что претит нам, да назовем сие существо, особенность нашу составляющее, сию силу нашей мысленности, сие могущество, соединяющее во едино наши понятия, склонности, желания, стремления, сие существо простое, несложное, непротяженное, сие существо, известное нам токмо жизнью, чувствованием, мыслию, что претит, да существо сие назовем душею?

Не можно, друзья мои, не можно после всего сказанного усумниться более, чтобы душа в человеке не была существо само по себе, от телесности отличное, дающее ему движение, жизнь, чувствование, мысль. Она такова и есть в самом деле: проста, непротяженна, неразделима, среда всех чувствований и мыслей, словом, есть истинно душа, то есть существо, от вещественности отменное, и хотя между ними двумя и есть сходствия (действие их взаимное то доказывает), но силы, известные нам одной суть от сил другой отличны. А хотя бы кто еще и хотел назвать душу вещественною, то сие будет напрасное слово: вещь сама в себе, и то, что составляет мысль, что особенность каждого из нас составляет, наше внутреннее я пребудет ни сила магнитная, ни сила электрическая, ни сила притяжения, но нечто другое. А хотя бы она была в источнике своем с ними одинакова, то, проходя в теле органическом, в теле человека, проходя столь искусственные его органы, столь к усовершенствованию способна, что в соединении с телом она является силою лучше всех других известных сил, паче всех, лучше всех; а какова может быть усовершенствовавшись в телесности нашей, то едва нам понимать возможно. И как бы то ни было, всегда нужно мыслящее существо, чтобы было понимаемо протяженное и образованное; понимающее предшествует всегда понимаемому, мысленное идет во след мыслящему; нужно мыслящее существо для составления целого; без мыслящего существа не было бы ни прошедшего, ни настоящего, ни будущего; не было бы ни постепенности, ни продолжения; исчезло бы время, пресекалось бы движение, хаос возродился бы ветхий, и паки бы настала вечность.

Для ищущего истину нелицемерно, доказательства о бессмертии души могут распложаться по мере желанья его познать сие таинство; ибо они рассеяны везде, и можно сказать, что вся природа свидетельствует о бессмертии человека. Но паче всего он в себе носит не

только доводы и доказательства, что в смерти не есть его кончина; но он о истине сей имеет убеждение, убеждение столь сильное, что за слабостию умственных доказательств оно одно становится для него уверением. А хотя и не имеет он о бессмертии своем математическая ясности, но глас внутреннего его чувствования, но столь явная его личность, столь единственное его я, от всего в нем отделенное и все в себя собирающее, едва ли о сем, столь многим распрям подверженном предложении, едва ли не рождает в нем очевидность.

Доселе доводы мои были просто метафизические, единственно умозрительные, основанные на общем рассмотрении вещей; и хотя для кого-либо из вас убедительными быть могут, для других они покажутся слабы. Я сам знаю, чувствую, что для убеждения в истине о бессмертии человека нужно нечто более, нежели доводы умственные; и поистине, касающееся до чувствования чувствованием должно быть подкрепляемо. Когда человек действует, то ближайшая причина к деянию его никогда есть умозрительна, но в чувствовании имеет свое начало; ибо убеждение наше о чем-либо редко существует в голове нашей, но всегда в сердце. Итак, для произведения убеждения о бессмертии человека нужны чувственные и, так сказать, сердечные доводы, и тогда, уверив в истине сей разум и сердце, уверение наше о ней тем будет сильнее, тем будет тверже. Но прежде нежели мы обратим взоры наши на самих себя для отыскания доводов о бессмертии нашем, обозрим оком любопытным всю окрест нас лежащую природу; соберем рассеянные ее виды, о бессмертии человека уверяющие; потом, сошед во внутренность нашу, положим венец нашему рассуждению.

Возри на все, окрест тебя живущее; прости любопытство твое и на то, что мы почитаем неодушевленным: от камня, где, кажется, явственна единая сила сцепления, где части, прилепленные одна к другой, существуют, как будто одна близь другой только положены, от камня до человека, коего состав столь искусствен, в коем стихии являются в толико различных сложениях, в коем все действатели, в природе известные, суть сложенные во едино, являют организацию превыше всего, чувствам нашим подлежащего; в коем явны кажутся быть силы, вещественность превышающие и деятельностию своею, скромностию и энергиею участвующие силе всезидущей; от камня до человека явственна постепенность, благоговейного удивления достойная, явственна сия лестница веществ, древле уже познанная,

на коей все роды оных един от другого столь мало, кажется, различествуют, что единого другому обратным почесть можно с уверением; лествица, на коей гранит, рубин и адамант, железо, ртуть и золото суть едиnorodны алою, тюльпану, кедру, дубу; где по чреде сии суть братия мотыльку, змие, орлу, жаворонку, овце, слону, человеку; лествица, на коей кристаллизация и минерализация заимствуют уже силы растительной, на коей коралл, губа, мох различествуют токмо утробою, в ней же зараждаются; лествица, на коей сила растительная, расширяя в другом сложении свою энергию, преходит по-малу в раздраженность, а из сея в чувствительность, где чувственница и полип содействуют; лествица, где чувствительность, распложаяся в чувственности, совокупляется с умственною силою; где оранг-утанг и пещери³⁶⁷ кажутся быть единоутробны: потом все силы сии, тесняя воедино и расширив свою энергию, отверзают уста в человеке на глаголанье и, влеча его насильственно в общественное сожитие, делают его способным постигать даже вселенная зиждителя. О, смертный! воззри на свою телесность! ты еси земля, прах, сложение стихий, коего дивность толика же в камени, как и в тебе! труп твой, столь благолепый в жизни, жизненные искры лишенный, есть снесь чрвию и участок согнития и разрушения. Но воззри на разум свой всеобъемлющий, — оltарь тебе готовлю: ты бог еси! Итак, двух конечных свойств заимствуя, вознесися превыше вся твари, над нею же поставлен, но не мечтай на земли быти более нежели еси. Но ты человек, есть в тебе надежда, и се степень к восхождению; ты совершенствуешь и можешь совершенствовати паче и паче, и что тебе быть определено, гадай!

Если сия постепенность, если сия лествица восхождения в веществах не есть пустой вымысел и напрасное воображение, то неминуюемо надлежит предполагать вещества превыше человека и силы невидимые. От самого неодушевленного даже до человека образы организации возрастают, и по мере искусственнейшего образа многообразнее становятся в нем действующие силы; но далее человека, изящнее и искусственнее его сложения мы не знаем. Он кажется быть венец сложений на земли. Но сии сложения, сколь они ни кажутся быть различны, имеют сходственность удивительную. Во всех трех царствах растение и соблюдение твари есть усвоение, да и самое питание в животных не что есть иное, как усвоение; во всех трех царствах различие полов кажется быть для распложения необходи-

мым, и что сие различие в царстве ископаемых нужно, кажется зарождение селитры и металов суть тому доказательства. Но сии сходственности вообще возрастают, так сказать, постепенно к совершенствованию от неодушевленного даже до человека; и если захочешь преследовать единую из начинающих сил и обработывание ее в различных организациях, то, взяв в пример единое усвоение, увидишь, что в ископаемых производит она охрусталивание, не говоря о других ее действиях, в растениях цветы и плод, в животных органы чувственные, орган мысли, мозг. Вообрази же расстояние кристала от органа разума, и помысли, что может единая из сил естества.

Восхождение сие явно во всех сложениях. Чем сложение искусственное, тем части, его составляющие, многообразнее, различнее и более заимствующие от нижних сложений. Все возможные силы, сколь нам оне известны, соединены в человеке и действуют совокупно: в камени примечается простое усвоение; в растениях сила растущая и плодящаяся; в животных и то и другое, но паче чувствительность, мысль; а человек познает уже первую всему причину. Но неужели человек есть конец творению? Ужели сия удивления достойная постепенность, дошед до него, прерывается, останавливается, ничтожествует? Невозможно! и если бы других не было причин, то и для того только сие было бы невозможно, что человек телесностию своею столь много различествует от умственности своей, что, находя одной его половине сходственность с веществами нисходящую, нельзя не утверждать бытие восходящей сходственности с другою его половиною.

Уверение наше, что человек в настоящем своем виде не есть организации окончание, что он есть существо двуестественное, уверение сие, почерпнутое из постепенности видов организации, почерпнутое также из постепенности в сложении естественных сил, получит немалое подкрепление, если мы рассудим, вождаяся в том прилежным природы наблюдением, что 1, никакая в природе сила не действует без органа, без свойственного ей орудия; 2, что никакая сила в природе не может пропасть, исчезнуть; а если в том и в другом последовать может убеждение, то явственно будет, 1, что в человеке есть сила, которой тело его есть токмо орудие; 2, что сила сия и по разрушении тела не уничтожается, что может всегда существовать, может жить от тела отделенна, следовательно, что она есть бессмертна.

Что сила не есть орган и, наоборот, что сила не есть действие органа, что сила без орудия, ей свойственного, нам не может быть известна, что сила существует без органа, все сие доказывает опыт. Например: сила магнитная отлична от куска стали, чрез который явны нам ее действия; ибо соверши известные с оною силою опыты, выставь заостренное железо перпендикулярно, оно будет магнит; ударь по острию, магнитную силу имеющему, она в нем исчезает; три его паки в одинаковое направление, и паки приобщится к нему прежняя сила. Из сих опытов явствует, 1, что сила магнитная существует нам невидимо, и в железе; 2, что она нам явна бывает токмо тогда, когда приходит в железо; следует 3, что железо есть орган силы магнитной, а не действие ее; следует 4, что сила магнитная есть сама по себе. То же можно сказать и о силе электрической и проч. И кажется, 1, что все силы естественные невидимы суть и нам явственны бывают токмо, действуя чрез свое орудие; 2, что оне, нашед оное, к нему прилепляются.

Если же мы обратим взоры наши на силы, явственные в организациях, то более еще убедимся, что свойственный им орган нужен, да явственны будут, что оне к органу своему прилепляются, и что оне оный устрояют, да сами паки явятся во всем совершенстве. Когда зерно, разверженное теплотою, начнет расти, когда яйцо начнет образоваться в птицу насижением матки, когда животное зачнется во утробе самки, не можно ли сказать, что им сообщается теплота жизненная, как то железу сила магнитная? Но се и различие силы подчиненной, единственной, какова есть магнитная, от силы жизненной. Едва сия нашла свойственный ей орган, то, прилепясь к нему, усваивает себе все стихии, все силы подчиненные; разверзает или паче творит орган свой посредством усвоения совершеннее. Орган ее совершенствует, и она с ним могуществует и достигает той вершины совершенства, которое орган ее дать ей может. Что есть сила сия, жизнь дающая? Едва ли угадать можем, если скажем, что она есть свет, эфир или что-либо им подобное. Она ли есть посредство между души и тела? Она ли есть ее вожатой на образование тела? Что бы то ни было, силе нужен орган, да действует, да явится в деяниях своих; следует, что тело наше есть орган нашей души, в коем действия ее разнообразно являются. И положим, что душа наша есть вещественна; положим, что она не иначе действует, как и другие силы; положим и то (и сие вероятно), что оне в теле посредством нервов чувствовать изу-

чилися, что посредством мозга изучились мыслить; положим и то, что она есть та же сила, которая является нам в других образах, например, в движении, в притяжении, в раздражительности; но может ли сила какая-либо пропасть, уничтожиться? Ибо, что такое назовем силы уничтожение? Мы видели, что сложенное может токмо разрушиться, но остаются части; но как вообразить разрушение силы? Даже понятие о сем есть противоречие само в себе, более противоречие, нежели сказать, что нечто в ничто обратится. Что всеоживляющий, говорит Гердер³⁶⁸, к жизни воззвал, живет; что действует единожды, действует вечно.

И понеже вообразить себе не можем, как сила какая-либо уничтожится, кольми паче нелепо есть воображать, что начало, в человеке действующее, что мыслящее его существо, что душа его уничтожиться долженствует, когда она есть сила, когда сила от органа отлична и не может быть его действие, то как вообразим ее уничтожение, уничтожение силы из всех на земли благолепнейшая, себя самую познающая, собою управляющая, в деяниях своих уподобляющаяся силе творчей? Она ли может уничтожиться, когда ни единая пылинка, атом единый, не могут изыдти из пределов творения! ибо что есть уничтожение? Изъятие из вселенной, претворение в ничто. То и другое суть пустые слова, и опровергать их будет токмо времени потеря бесплодная и невозвратная. Нет! не токмо сила, в человеке чувствующая и мыслящая, не исчезнет; но вследствие непрерывного шествия, в природе явного, она перейдет в другой вещи порядок. Ибо, если в природе явно, что нижняя организация служит для вышней; если грубые земные части в растениях претворяются в тончайшие; если сии суть снедь животным, а все служат человеку, по изречению одного автора³⁶⁹, наивеличайшему убийце на земли; если в животных низшие и простые силы претворяются в сложнейшие и тончайшие; если сия элаборация столь приметна в нижней естественности, ужели она остановится при человеке? Если растения и самые животные служат человеку в снедь, к чему же нужен его мозг и нервная влажность и то, что раздраженность мышц делает? Все силы стремятся выше, да в человеке соединены будут; ужели силы, в нем усовершенствованные, ни к чему не послужат? Ужели наилучшая организация определена разрушиться, не оставляя по себе ни малейшего следа? или же все силы, теснившиеся в сложении человека, будут напрасны и токмо разойтись определены? Нет; столь

безрассудно божество не определяло! тут не было бы цели, ни намерения, и мысль всесовершенная, всемогущая, предвечная была бы ненацеленна! Се хуление!

Нашед для нас самих, по крайней мере, в общем шествии естественности некоторое уверение, что душа наша, яко единая из сил естественных, исчезнуть не может по разрушении тела, к нему же здесь живет прилепленна, мы постараемся отыскать в нас самих чувственных доводов, которые бы водворять могли в душе нашей ближайшее убеждение о ее нетленности; дабы из того усмотреть, угадать, или же предощутить токмо, хотя несовершенно, каково будет ее состояние по отделении ее от тела.

1. Сколь ни искусственны суть доводы Гельвециевы³⁷⁰, что все деяния разума суть не что иное, как простое чувствование; что способность понимать, судить и заключать не что иное есть, как чувствовать способность; но хотя бы то так и было, из того следовать только может, что чувственность есть токмо орудие разумных силы, но не действует; что чувствовать (то есть получать на чувства наши ударения предметов) есть самая сила, чувствованиям и мысли действительность дающая. Но паче наблюдения чувствований наших учат нас, что мысль от чувств совсем есть нечто отделенное; ибо когда предмет какой-либо предстоит очам моим, каждое око видит его особенно; ибо зажмурь одно, видишь другим весь предмет неразделимо; открой другое и зажмурь первое, видишь тот же предмет и так же неразделим. Следует, что каждое око получает особое впечатление от одного предмета. Но когда я на предмет взираю обеими, то хотя чувствования моих очей суть два, чувствование в душе есть одно; следовательно, чувствование очей не есть чувствование души: ибо в глазах два, в душе одно. Или же, я вижу колокол, я слышу его звон; я получаю два понятия: образа и звука; я его осязаю, осязаю, что колокол есть тело твердое и протяженное. Итак, я три чувствования имею вдруг, совсем разные, ибо получены мною разными чувствами, но вдруг, в одно мгновение; но я себе из трех чувствований составляю единое понятие, и изрекши: колокол, все три чувствования заключаю в нем. Итак, хотя все три чувствования различны, я вдруг их понимаю; и хотя понятие об образе, звуке, твердости и протяжении суть различные, но существуют в душе совокупно. Итак, чувствование или ударение предметов на чувства наши суть от понятий нашей мысленные силы отличны.

Если же отличны суть понятия от чувствования и деяния силы от органов чувственных отличны, то наипаче отличаются от чувственных впечатлений наши суждения, а паче того еще заключения. Суждение есть сравнение двух понятий, или познание отношений, существующих между вещей. Но вещи существуют сами по себе, каждая в своей особенности; познание же отношений их, сравнение оных предполагает сравнителя. А как вещи производят на чувства наши простые токмо ударения, то суждения от чувствований суть отличны. Не имею нужды распложать слова о заключениях и рассуждениях, которые суть извлечения из суждений. И хотя все наши понятия, суждения и заключения, и самые отвлеченнейшие идеи, корень влекут от предметов чувственных, но можно ли сказать, что отвлеченная идея есть чувственна? Оне суть истинные произведения мысленной силы; и если бы она в нас не существовала, если бы она быть могла токмо следствие нашея чувственности, то не токмо наука числ и измерения не могли бы возродиться, но исчезла бы вся нравственность; великодушие, честность, добродетель были бы слова без мысли и — о всеильный! погубилося бы твое всемогущество. Да не возразят нам примером отроковицы, обретенной в лесах Шампани³⁷¹; что я покоюся и сплю, из того следует ли, что уже руки мои не осязают и ноги ходить перестали? Когда бы сила умственная не была сила по себе, Ньютон был бы не лучше самоеда, и падшее на него яблоко расшибло бы ему токмо нос, и притяжение небесных тел осталось бы неугаданным.

2. Душа в человеке не токмо имеет могущество творить понятия, как то мы видели, но она есть истинный оных повелитель. Когда чувства отнесли ей собранные образа предметов, на них ударявших, когда память соблюла их в своем хранилище, кто может сам у себя отрицать силу воздавать соблюденную мысль в действительность? От сна аки бы воспрянув, велением моея души мысль облекается паки во образ свой и выходит на зрелище пред воззвавшую ее. Но сего еще мало. Протекая все исполненные образами вещей хранилища памяти, сила умственная не токмо может их по желанию своему воззывать на действительность, но, аки новая Медея³⁷², рассекая на части все образы соблюденные, творит из смешения их образ совсем новый, прекраснейший. Энеида, Генриада — суть ли простые изречения чувствований? Законоположение Ликургово³⁷³, паче всех земных законоположе-

ний согласнейшее во всех частях своих, есть ли произведение чувств? Иль ухо или глаз, или нос были их творители? Когда ты читаешь картину лобзания первого мужа и жены во Эдеме³⁷⁴; когда ты воззришь на изображение последнего суда³⁷⁵ и не почувствуешь, что сотворить могла их единая токмо сила, что сила их образовала во главе Мильтона и Михаила Анжела, то и я на то согласен, отрицаю во главе твоей быть силе; ты кукла Вокансонова³⁷⁶.

3. Ничто, по мнению моему, толико не утверждает, что душа есть сила, и сила сама по себе, как могущество ее прилепиться по произволению своему к одной идее. Сие называем вниманием. И, поистине, когда возникнет в душе воля, и велением ее воззовется от покоя идея на действительность, воззри, как душа ее обзирает, как она ее раздробляет, как все ее виды, стороны, отношения, следствия она обтекает. Все другие мысли воззываются только для того, чтобы та, на которую устремлено внимание, становилась яснее, блистательнее, лучезарнее. Сравни устремляющего на идею все свое внимание с тем, коего внимание в разные расторжено стороны. Один из них Эйлер, другой большого света стрекоза, расчесанный в кудри и ароматами умашенный щеголь. — Что душа мыслями повелевать может, доказательство тому имеем в состоянии сна и болезней, не исключая и самого безумия.

4. Сон есть то, худо еще познанное, ежедневно возобновляющееся состояние животного, в котором действие внешних предметов на все или некоторые его чувства ему бывает неизвестно. В сем положении мысленность его на приобретение новых понятий неспособна, ибо чувства внешние покоятся; но творительная ее сила не коснеет. Проходя хранилище своих мыслей, она отвлекает от сохраненных понятий свойства по произволению своему и, сопрягая их, вследствие совсем новых правил, производит образы, коих единая возможность для бдящего есть неистощимая загадка. Нет для нее невозможного; свойства, которые противоречащими быть кажутся, для силы умственной, отвлеченной от чувств, суть сходственны; из неправильного она в сновидении творит правильное, из уродливого благолепное; то, что во бдении она едва ли подозревать быти возможет, во сновидении воззывает в действительность. Происшествия целых столетий вмещает она в единую минуту; пределы пространства почти уничтожает своею быстротечностию; беспредельное она измеряет единым шагом и, преторгнув течение времени, объемлет веч-

ность. О, сон! брат смерти и смежность вечности! прости мрачный покров твой на томящееся сердце! да возникнут образы возлюбленных моих предо мною! Да лобжу их и блаженствую!

5. Если мысли сновидящего кажутся быть расстроены по той единственной, может быть, причине, что чрез меру живы суть, то с удивлением взирать должно на лунатиков, или ночных бродяг. Все известные о них примеры доказывают, что они в сонном своем хождении не токмо следуют правильному расположению мыслей, но что в сем положении власть мысленности над телесностию не исчезает; ибо лунатики имеют употребление своих членов подобно бдящим. Что они в сем состоянии предприемлют, поистине удивления достойно. Чужды всякого устрашения восходят на высоты, на которые во бдении с ужасом взирают. Сказать, как некоторый немецкий писатель, что они для того отважны, что не знают опасности, в которую вдаются, есть не иное что, как мнить, что можем всему назначить ясную причину. Конечно, лунатик, идущий по кровле высокого строения, не знает опасности; но опасность существует ли для него, или кто его от нее блюдет? Если тот, кто по веревке ходить изучен, опасности в том не знает, то следует ли, что и другой оныя отчужден? Опытность, искусство дают сему лучшее шествие. Лунатик, коего чувства внешние в бездействии, вождается источником чувствования и мысли душею.

6. В состоянии сна, когда душа чувств лишена, тогда простая идея толико же жива, толико же явственна, как наживейшее чувствование. То же самое происходит и в некоторых болезнях. Отторженная насильственно, так сказать, от союза своего с телом болезнию его, она с вящшею действительностию возвращается сама в себе. Наиудивительнейшие тогда бывают явления, коими врачебные летописи изобилуют. А чтобы не искать дальнейшего примера, будучи я болен жестокою лихорадкою, бывали мгновения, в которые я со врачом, предприявшим тогда мое пользование от сея болезни, говорил латинским языком столько плавно и правильно, что когда по прошествии моей болезни о том мне сказывали, я дивился тому немало; ибо хотя я разумел язык древнего Рима, но весьма посредственно, дабы не сказать худо, и никогда не изъяснял на оном моих мыслей, и всегда мне стоило великого труда сложить период единый. Итак, посредством хотя мозга, но внутреннею своею силою, душа, в каком бы ни была состоянии, не может отчудиться своєю деятельностью в творе-

нии мысли; и если не может творить что-либо правильное, творит хотя уroda, но творит, созидает, зиждет.

7. Воззри на лишенного рассудка, воззри на беснующегося. Ты скажешь, что душа ничтожествует в них, что нет ее, что орган мысли расстроенный равняет их скоту, зверю. Но наблюдаи шествие его мысли. Пораженный единою идеею, он все относит к ней, все к ней прилепляет; он не так судит о вещах, как оне ему представлялися, на следование его мысли не сходствует с чувствованиями, их родившими; он все сочетает новым порядком, все наклоняет под властвующую над ним мысль. Се беснование его! судит же сам; се вышняя токмо степень внимания; и для того, различныя ради хотя причины, по просторечию речем: юроде! ты еси человек божий!

8. Наблюдали ли вы когда-либо, какому направлению следует сочетание наших идей? Приметили ли вы, как с детства душа ваша училась сравнивать, измерять, училась совершенно и посредством чувств? Но как можно сказать, что чувства наши чувствовать учились? Не оне, но душа; ибо образ, в глазу начертанный, был с первого дня таковой же, как днесь. Но ведало ли дитя, что есть сей образ? Взирая на Ивана Великого, чувствует ли оно уродливую его соразмерность? Или: рассматривая Баженовы образцы зданий, понимает ли, что в зодчем сем присутствен дух Браманта³⁷⁷? Когда бы я не имел убеждения ниоткуда, что сила душевная, что разум есть особое что-либо от телесности, то вообразил бы я себе Фридрика II в его детстве, взирающего на устройство войск принцом Ангальтским, и потом стоило бы мне токмо взглянуть на его размерение долины при Молвице³⁷⁸. Там взор веселящегося куклами; здесь око орлиное, одушевленное славы алчною. Там есть токмо простое чувствование; здесь мысль ироя, преходящая в действительность. О если бы, великий муж! слава твоя не стоила толиких слез человечеству, толиких стенаний!

9. Мне кажется, одно из сильнейших доказательств о бестелесности души можем мы почерпнуть из нашея речи. Она есть наилучший и, может быть, единственный устроитель нашея мысленности; без нее мы бы ничем от других животных не отличалися, и сие доказывают жившие нечаянно от людей в отдалении совершенном. Кто сказать может, что речь есть нечто телесное? Тот разве, кто звук и слово почтет за одно. Но поелику различествуют сии, тако различествует и душа от тела. Звук ознаменует слово, слово возбуждает идею; звук есть движение воздуха, ударяющего в тимпан органа слышания, но

слово есть нечто живое, до тела нашего не касающееся; слово идет в душу; звук в ухе исчезает.

10. Чувственное расположение тела всякого животного уведомляет, что оно существует, что оно живет. Равно чувства напоминают человеку о его чувственности; но сие познание своего бытия в животном столь тупо, столь мрачно, так сказать, что с самопознанием человека ни в какое сравнение войти не может. Он один столь живо, столь ясно ощущает, и что он существует, и что он мыслит, и что мысль его принадлежит ему. Когда душа его возносится к познанию истины, и он ее уловляет в ее святилище, тогда-то наипаче возрождается в нем яснейшее познание бытия своего, и сия ясность его особенности, столь живая, столь единственная, столь неразделимая, знаменует внутреннее его могущество, силу в нем живую.

Возражают утверждающим души бестелесность, а потому и бессмертие, что тело действует на нее всемогущественно; но внимали ли вы когда, колико власть души над телом оное превышает? Мы видели, что мыслями она повелевает, что рождает она их; но она толико властвует или может властвовать над нашими желаниями; но не токмо над желаниями, но над самою болезнию телесною она владычествовать может, и не токмо владычествует над нею, но, яко сон, производит то невольным образом, человек может сложить с себя чувствительность самопроизвольно и жить бестелесен в самом теле. Рассмотрим все сие порознь и перейдем потом к способности совершенствования в человеке, в которой мы обрящем корень будущия наша жизни.

1. Ежедневно и ежемгновенно испытываемая власть мысли над телесностию столь стала обычна, что мы в ней едва ли что-либо выше простого механизма обретаем. Скажи, как действует, рука твоя? скажи, что движет твои ноги? в главе родится мысль, и члены ей повинуются? Или какая раздражительность, в мышцах присутственная, то производит, или электр протекает твои члены? Конечно, и то и другое, или т. п. Но как бывает, что мысль, и всегда почти неясная, движет член? Ты скажешь: не ведаю; и я скажу то же. Но в том согласиться должен, что сколь бы машина ни была искусственна, какая бы из вещественных сил, опричь мысли, ей ни была дана, то никогда не произведет действия подобного твоему; ей будет нужен источник движения, который живет в тебе: она себе велеть не может. Толкни ее, она движется, а без того стоит; но движение твое принадлежит

тебе: ты еси единый от источников оного. И что дает всему действительность? Мысль, слово безмолвное; речешь: хочу, — и будет. Подобно, как пред началом времени, предвечна мысль возникла на действование; всеильный рек: да будет свет, — и бысть. И ты речешь себе; иди, — и шествуешь. О, человек! В округе своей ты всеилен; ты еси сын мысли! ты сын божий!

2. Колико человек властен над своими мыслями, толико же он властен и над своими желаниями и страстями. Хотя мы видим, что большая часть людей предаются стремлению оных, но суть и были примеры, что люди страсти свои совсем попрали; и хотя оно безумием кажется и казаться может и нередко то быть может, но тут видима власть души над телом, и власть сия есть самодержавна. Протеки житие древних пустынножителей и скажи, что тело их было душе не подвластно. Если удивляешься воздержанию Сципиона³⁷⁹, не хотевшего зреть своя прекрасная пленницы, то для чего же не дивишься воздержанию пустынножителей? Умерщвление страстей совершенное есть уродливо: ибо противоречит цели естественной; но есть явное и сильное доказательство власти души над телесностию. Если бы и душа была телесности действие и произведение организации, то примеры толикого безумия не могли быть никогда. И се видишь, что и в самом отчуждении рассудка душа действует, вследствие особых правил, и не телесно.

3. Но самые страсти, самые желания наши суть действия нашея души, а не телесности. Хотя корень их веществен есть, хотя и цель оных нередко такова же; но что дает страсти в человеке толикую энергию и силу? Что силы дает ему на преодоление препятствий? Все, что делает тело, все вяло, все тяжело. Душа действию дает жизнь, и все легко. Воззри на влюбленного, воззри на сребролюбца, воззри на алчущего славы. Или думаешь, что одна телесность их вождает? И дабы менее усомниться, что не токмо душа дает страстям ту удивительную действительность, которая в них примечается, то возьмем в пример наителеснейшую из страстей, любовь. Кто не знает, что любовь платоническая на земле есть бред, что источник и цель любви суть телесны? Но вообрази себе все, что человек любви ради подымлет; пройди примеры многочисленные, где любовь, отделяясь своего начала, где цель свою теряя из виду, дает душе влюбленной (ей! душа влюбленна есть) столь силу превосходную, энергию толико божественную и плоти отчужденную, что любовь тогда становится мыслен-

на. А дабы убедиться, что страсть есть действие, и действие ее единственное, то сколь скоро тело становится части причастно, то страсть исчезает. Из сего судить можем, чем предмет страсти менее веществен есть, тем она живее быть может и продолжительнее; чем удовлетворение страсти бестелеснее, тем страсть продолжительнее. О дружба! о страсть души усладительная! если ты на земле бываешь надежнейшая отрада сердца, то что будешь ты, когда душа, отрешенная от чувств внешних, сосреждая сама в себе, вознесет действительность свою на превысшреннейшую возможность? Какое будет наше чувствование, когда устретимся за пределами мира сего? Где взять ему имя, когда едва ли мысль может его постигнуть? Пускай я брежу; но бред мой мое блаженство есть; и разве зависть, разве мучительство захочет прервать мое сновидение! не бойтесь; мгновение сие изъято из пределов мира, и кто за них возможен?

4. Что душа или мысленность властвует над болезнями тела, то может быть и бывает двояко. Болезнь возможен она дать телу и болезнь отъяти. Я не утверждаю, что все болезни в мысленности имеют свое начало; сие было бы нелепо и опытам противоречуще. Но если во множестве неисчисленном оных суть несколько, которые суть мысленности действие непосредственное, то утверждаемое мною уже более нежели вероятно; равно не утверждаю, что на все болезни лекарство существует в мысленности или душе. Но если имеем примеры явные, что многие единственным и простым действием души были исцеляемы, то кажется, что бы и сии духовные лекарства достойны равное в диспеисториях³⁸⁰ заслуживать место, как то: хина, меркурий³⁸¹ и весь прочий аптекарский припас. Если кто спросит у меня: каким образом душа дает болезнь телу, и как она его лечит? Лечит она его, не щупая пульса и не смотря на язык; болезнь же дает, не отравляя. Более не скажу, ибо не знаю; но то, что всем известно быть может, на том основан будет мой довод.

О! вы, на коих печаль простирала свое жало, свидетельствуюся вами. Вас видел я в изнеможении телесном, вас бесчувственными я зрел, когда разящая весть блаженства вас лишенных объявляла. Или единое слово столь могущественно быть может, что угрожает жизни? Но что оно? Зыбление воздуха. Ужели он толико мгновенно может исполняться ядом и отравою, что шлет смерть и болезни? Какая зараза рассеет в нем мгновенно; какое вещество, какое химическое действие воздух жизненный может претворить в воздух горючий и

смертоносный? — Но на что печали посредство зыблющегося воздуха, — да произведет в тебе болезнь, обморок, бесчувствие? Се лист, се хартия дается тебе в руку; черты изображения на ней произвольные. И се чело твое бледнеет, мутятся взоры, нем стал язык, мраз обтекает всю твою внутренность, и труп твой валится долу. Или паче ядовитого взора баснословного василиска хартия сия и черты отраву носят? Или же зелием паче мышьяка и сулемы оне упитаны? Не манкательное ли се древо³⁸², мертвящее всех, под листовьем его покоящихся? Но почто же один ты страдаешь? Почто электризуем ты один? — Возлюбленные мои! нет нужды нам искать решения задачи сей инде: она имеет корень в мысли. Слово, изреченное или начертанное, возбуждает волнение мысленности. Расстроенность произведет болезнь. Душа болит, душа страждет: от того болит и страждет тело. Когда источник отравлен, возможен ли истечение его быть здорово? Я прехожу здесь многочисленные и неисчетные примеры действия души над телом, коего конец была болезнь. Но дабы временно хотя улыбаться, говоря о страданиях человечества, мне помнится, где-то я читал, что женатый муж ощущал всегда страдание, когда жене его время приспевало разрешаться от беременности. Находят в сем примере иные отменно сходственное сложение нервов; но я признаюсь, сего истолкования не понимаю; другие же, разрешая узел, говорят: се вымышленное!

Прейдем на мгновение к увеселительнейшим предметам и ощути души над телом действия благотворного. На всех сослаться в том можно, да и кому того испытать не случилось, или быть свидетелем самому или же слышать от свидетелей достоверных, сколь сущительные иногда бывают действия души над телом. Кому не случилось быть больным и получить или же чувствовать хотя мгновенное облегчение при посещении возлюбленных нами? Древность сохранила нам пример (жаль, что история часто не что иное есть, как рассказы), сколь душа возможен дать болезнь телу и сколь могущественно она его исцелить может.

Юноша в бодрственных и цветущих летах начал изнемогать во здравии своем; увяла лица его живость, твердость мышц его онемела, смертная бледность простерлась по челу его, и, лишенный сил, на одр возлег. Все врачебные средства, все лекарства были напрасны, и болезнь его ускользала от проницания врачующих; восседая при одре болящего, единый от них, совокупляя с искусством своим дух

любомудрственный, столь редкий в сем соединении, приметил в юноше движение необычайное, когда приходила младая Стратоника, жена отца его, а его мачеха, к нему на посещение; кровь текла быстрее, взоры яснее становилися, и юноша воззывался к жизни; когда же она отходила во свои чертоги, то паки истощевалися его силы, и смертвещательная слабость обымала его паки, и каждый раз с вящим стремлением влекла его ко гробу. Удостоверся в истине сей, он глас утешительного дружества простер во уши болящего, и, воззывая надежду в отчаявшееся блаженства сердце, извлек из стнящего сердца таинство, которое добродетель сама от себя скрывать тщила под густейшим мраком. Краснеть, стыдиться уже немощен, вещает юноша ко утешающему врачу: кровь мерзнет, чувствую, и отлетает жизнь; се вожденная смерть!.. Прииди, о жизни моей жизнь! услышь последнее прощание! твой взор остановит отлетающую душу; произнесу имя твое и умолкну навеки! — Подав надежду умирающему, врач уведомляет немедленно отца о испытанном таинстве. Любя жену, но любя сына, любовь отца в хладном уже от старости теле превозмогла слабую, может быть, страсть и тем паче, что он зрел, сколь любовь сына его была целомудренна и, сокровенна в едином его сердце, довела его до преддверия гроба. — Почто скрывал ты скорбь свою от отца своего? — вещает старец. Живи, если жить можешь, с Стратоникою: она твоя! — О любовь! богов и человекв услужении! ты к смерти юношу приблизила, ты паки ему жить повелеваешь. — Он стал здрав и верный супруг возлюбленных Стратоники, был блажен. Если пример сей есть не что иное, как изобретение стихотворческое, то и тогда он истинен: ибо в пределах лежит естественности; есть не чрезмерный и не токмо возможный, но вероятный.

Множество есть примеров исцеления болезней без всякого врачевательного посредства. Те, кои рассудить не хотят или не умеют, находят в них всегда чудесность, и чем менее просвещения, тем чудес больше. Многие повести о таких чудесах суть лживы, но многие могут быть вероятны; если то истинно, как то увидим, что мысль может человека лишать чувствительности, то для чего дивиться, что надежда излечения излечить может? Примеры таковые бывали и бывают и, отложив все баснословное из происшествия излечившейся девки в Москве после сновидения, что она выздоровела без лекаря, то правда. Приписывают то непосредственному содействию божества, то есть противоестественному действию его могущества. О,

Всевышний! уста мои заграждены на таковое существа твоего уничижение! Действие то божественный силы, то истинно; оно есть непосредственно или является чрез посредство какое-либо, того не ведаю; оно чудесно, ибо необыкновенно. Но как быть ему чрезъестественну? Всеотче! Ты еси повсюду! Почто ищущу тебя, скитаяся? Ты во мне живешь; и если мы помыслим, то чудеса твои ежечасно возобновляются, но не исходя за пределы естественности; в ней нам ты явен, явен впоследствии непреложных и непременных ее законов, тобою положенных. Естественность твоя есть чувственность; что ты без нее, как ведать нам?

5. Что мысленность и телесность в тесном находятся сопряжении, то всяк ощущает; что действия их суть взаимные, то всякому известно; но что человек забывать может свою телесность и жить почти в своей душе или мысленности, тому не все верят; да и не всяк толико властвующ над собою, чтобы таковую в себе отделенность производить мог. Возьмите все примеры древние и новейшие, в коих мысленность столь является блестяща и пренебрежена телесность; вспомните Курция³⁸³, во хлябь разверстую низвергающегося; вспомните Опдама, Сакена³⁸⁴, с кораблями своими возлетающих; приведите на память многочисленные примеры отторгнувшихся жизни и возлюбивших смерть; соберите все примеры отъявших у себя жизнь из единого онья пресыщения, примеры, в Англии столь частые; болезнь *сплин* почитается тому причиною. Но что бы то ни было, везде явна власть души над телом. И поистине, нужно великое, так сказать, сосредиение себя самого, чтобы решиться отъять у себя жизнь, не имея иногда причины оную возненавидеть. Ужели скажут, что и тут действует единая телесность? Как может сгущение соков или другая какая-либо погрешность в жизненном строительстве произвести решимость к самоубийству, того, думаю, никто не понимает. Но когда душа вещает телу: ты узы мои! ты моя темница! ты мое терзание! я действовать хочу, ты мне воспящаешь! да рушится союз наш, прости во-веки! то сколько бы жало смерти болезненно ни было, притуплено единою мыслию, сладостнее, увеселительнее становится паче всех утех земных. Если покажется кому-либо, что лишиться себя жизни не столь много требуется твердости духа, как кажется, ибо прехождение сие есть мгновенно, миг един, — то сомневающимся еще во власти души приведем в пример тех, которые не токмо смерть пренебрегли и равнодушно на нее взирали, но толико

мысленностию отделялися от тела; что всякое мучение для них было легко и терзание нечувствительно. Воспомяните Амвросия, умирающего под повторяемыми ударами разъяренной и суеверием подстрекаемой Московской черни³⁸⁵. Господи! отпусти им! — был глагол праведного: не ведают бо, что творят! — Воспомяните Корнелия де Вита³⁸⁶, поющего Горациеву песнь среди бунтующей Амстердамской черни, Оранианскими общниками прельщенной. Примеры мучеников, примеры диких, смеющихся среди терзаний, вам известны; и если не власть души тут явна, то где ж она быть может? А если и сие не убедительно еще, то кто не знает, что Руссо многие из своих бессмертных сочинений написал среди болезни непрестанной. Мендельсон³⁸⁷, страдавший от несказанной слабости нервов многие лета, мог терпением, напряжением мысли еще в старости своей вознестись паки на высоту своя юности. Гарве³⁸⁸ чрез долгое время не мог ни читать, ни писать, даже мышление его было ему тягостно, превозмог оное и написал потом изящные примечания свои на Цицерона; но се его слова: благословенна буди, вещает он, — и самая немощь болезнующего тела, толико часто меня научавшая, сколь дух над телом возмощает! Верьте, то ведаю от опыта моего, что напряжение духовныя силы может подкрепить расслабленное тело и до известныя степени дать ему жизнь новую. Также ведаю, когда душа покоится, то и волнующаяся кровь тихое приемлет обращение, и встревоженные соки жизни смиряются; самая болезнь, если она не превышает меры, бежит от продолжающегося отпорствующия ей души терпения. Я своего примера дать по толиких не дерзаю; но то истинно, когда мысль, нами уловленная, мысль, всю душу исполнившая, всю ее объемлющая, отторгает, так сказать, мысленность от телесности, тогда, забывая все чувствуемое, все зримое, забывая сам себя, человек несетя в страну мысленную; время и пространство исчезают пред ним; он сокрушает все пределы, и занесшему ногу в вечность вселенная уже тесна.

Конец третьей книги

Книга четвертая

Вот, мои возлюбленные, все, что вероятным образом в защищенные бессмертия души сказать можно. Доводы наши, как то вы видели, были тройкие: первые почерпнуты были из существа вещей и един-

ственно метафизические. Они нам непрерывным последствием посылок, одной из другой рождающихся, показали, что существо в нас мыслящее есть простое и несложное, а потому неразрушимое, следовательно, бессмертное, и что оно не может быть действие сложения нашего тела, сколь искусственно оно ни есть; вторые, основываясь на явственной восходящей постепенности всех известных нам существ, но возглавив сея постепенности, сея лестницы в творении зримой явили нам человека совершеннее всех земных сложений и организаций; в нем явны виделись нам все силы естественные, теснящиеся воедино, но видели в нем силу, от всех сил естественных отличную. Из того вероятным образом заключали, что человек по разрушении тела своего не может ничтожествовать, ибо если невозможно и само в себе противуречущее, что какая-либо сила в природе исчезала, то мысленность его, будучи всех сил естественных превосходнее и совершеннее, исчезнуть не может. Третьего рода доводы, заимствованные из чувственности нашей, из нас самих извлеченные, показали нам, что мысленная в нас сила от чувственности отлична, что она хотя все свои понятия от чувств получит, но возмощает творить новые, сложные, отвлеченные; что она властвует над понятиями нашими, воззывая их на действительность или устремляясь к единой; что в отвлечении случайном от тела, мысленность не забывает творительную свою силу, как то бывает во сне или в некоторых болезнях: что сочетание наших идей с детства, что речь наша, а, паче всего, что явственное наше о нас самих познание суть убедительные доказательства, что мысленность наша не есть явление нашея телесности, ни действие нашего сложения. Наконец, показали мы, дабы отразить зыблющееся хотя, но казистое доказательство о всевластвовании тела нашего над душою, показали мы, повторю, что власть души над телом оную гораздо превышает; и для сего привели примеры из опытов ежедневных, утвердив неоспоримо, что вина и корень всех движений телесных есть мысленность: ибо в ней есть источник движения, а потому не можно ли сказать, что в ней есть и источник жизни; привели мы примеры, колико человек мысленностию своею властвующ над своими желаниями и страстями, что она возмощает дать телу болезнь и здравие, и присовокупим, и самую смерть; что напряжение мысленности отвлекает ее от телесности, и делает человека способным на преодоление трудов, болезней и всего, под чем тело изнемогает без содействия души. Утвердив таким

образом души неразрушимость, дерзнем подъяти на самую малейшую дробь тяжелую завесу будущего; постараемся предугадать, предчувствовать хотя, что можем быть за пределами жизни. Пускай рассуждение наше воображению будет смежно, но поспешим уловить его, потечем ему во след, в радовании; мечта ли то будет, или истинность; сблизиться с вами когда-либо мне есть рай. Лети, душа, жаждающая видети друзей моих, лети во сретение и самому сновидению; в нем блаженство твое, в нем жизнь.

Три суть возможности человеческого бытия по смерти: или я буду существо таковое же, какое я есмь, то есть, что душа моя по отделении ее от тела паки прейдет и оживит тело другое; или же состояние души моя по отделении ее от тела будет хуже, то есть, что она прейдет и оживит нижнего рода существо, например, зверя, птицу, насекомое или растение; или душа моя, отделенная смертию от тела, прейдет в состояние лучшее, совершеннейшее. Одно из сих трех быть долженствует, ибо хотя и суть вообразимые возможности иного бытия (чего, не настроит воображение!), но на поверку всегда выходить будет или то же, или хуже, или лучше, четвертого вообразить не можно; но одному из трех быть должно, буде удостоверились, что сила мыслящая в нас и чувствующая, что душа не исчезнет. Все сии возможности имели и имеют последователей; все подкрепляемы доводами. Рассмотрим основательность и вероятность оных и прилипимся к той, где вероятность родить может если не очевидность, то хотя убеждение. Блаженны, если вступим в путь истинный; сожаления будем достойны, но не наказания, если заблудим; ибо мы во след течем истине, мы ищем ее со рвением и нелицемерно.

Для удостоверения, что человек или кто-либо от человеков бывал уже человек, но под образом другим, или же что кто-либо из человеков бывал зверем или чем другим, но не человеком, нужно, кажется, ясное о том воспоминание; нужно, чтобы оное часто было повторяемо, чтобы было, так сказать, ощутительно; ибо пример единственный не может быть доводом или, лучше сказать, свидетельством того или другого доказательством не почтено, да хотя бы сто таких было свидетельств; для того, что могут быть причины таковому свидетельству, основанные на предубеждениях или выгодах. Хотя мнения сии не заслуживают почти опровержения, но взглянем на них любопытства ради и возвесим на весах беспристрастия. Древние гимнософисты и бракмань и нынешние брамины³⁸⁹ говорят,

что человеческая душа в награждение за добрые дела, на земле соделанные, по отделении ее от тела смертию, преселяется в овцу, корову или слона белого; в возмездие же за дела злые преселяется в свинью, тигра или другого зверя. Древние египтяне также думали, что души их преходили в животных и растения и для того столь тщательно избегали убиения животных, дабы не убить отца своего или мать или не съесть их в тюре. Сию гипотезу можно наравне поставить со всеми другими вымышлениями, для награждения добрых дел и для наказания худых. Тартар и поля Елисейские и гурии все одного суть свойства, бредни. Древние кельты чаяли в раю пить пиво из черепов своих неприятелей. Спроси русского простолюдина: каков будет ад? — Язык немеет, — скажет он в ответ: будем сидеть в кипящей в котле смоле. Все таковые воображения суть одного рода; разница только та, что одна другой нелепее. Случалось вам видеть картину страшного суда, не Михаила Анжеля, но продаваемую в Москве на Спасском мосту? Посмотрите на нее и в заключении своем не ошибетесь; и смело распространяйте оное на все изобретения, представляющие состояние души хуже нынешнего, хуже нежели в сопряжении с телом.

Что иные люди бывали люди же прежде сего, тому находят будто правдоподобие имеющие доводы. Великие мужи, говорят они, суть всегда редки; нужны целые столетия, да родится великий муж. Но то примечания достойно, что великий муж никогда не бывает один. Всегда являются многие вдруг, как будто воззванные паки от мрака к бытию, как будто от сна восстают пробужденные, да воскреснут во множестве.

Если бы произведение великого мужа для природы было дело обыкновенное, то бы равно было для нее, да произведет его, когда бы то ни случилось, и тут и там, одного, двух. Но шествие ее не так бывает. Великий муж один не родится, но если обрели одного, должны быть уверены, что имеет многих сопутников. И кажется, иначе тому быть нельзя; они всегда родятся на возобновление ослабевающих пружин нравственного мира; родятся на пробуждение разума, на оживление добродетели. Подобно, как то уверяют, что землетрясение есть нужное действие естественного строительства на возобновление усыпляющихся сил природы, так и великие люди, яко могущественные рычаги нравственности, простирая свою деятельность во все концы оныя, приводят ее во благое сотрясение, да пробудятся

уснувшие души качества и силы ее да воскреснут. Если же еще подумаем, что не прилежание, не старание, не воспитание делают великого мужа, но он бывает таков от природы врожденным неким чувствованием или вышшим будто вдохновением, то не подумал ли помыслить, что почти невозможно единого жития течения на произведение великого мужа, но нужны многие; ибо известно всем, сколь мешкотно, сколь тихо бывает шествие наше в учении нашем, и распространение знаний не одним делается днем. Итак, можно вероятно заключить, что великий муж не есть новое произведение природы, но паки бытие, возрождение прежде бывшего, прежняя мысленность, в новые органы облеченная. Даже история сохранила примеры о воспоминавших о прежнем своем бытии. Пифагор помнил то ясно, Архий, Аполлоний Тианейский³⁹⁰, и если б мнение таковое не было нашему веку посмеялищем, то можно подумать, что бы многие о таковом прежнего их бытия воспоминании дали бы знать свету, но паче сего можно сослаться на каждого собственное чувствование, если только кто захочет быть чистосердечен. Не имели ли мы все или многие из нас напоминовения о прежнем состоянии, которое не знаем где вклеить в течение жизни нашей? В начальные дни жития нашего случалось бывать на местах, видать людей, о коих поистине сказать бы могли, что они уже нам известны, хотя удостоверены, что их не знаем; откуда таковые напоминовения? Не из прежнего ли бытия, не прежняя ли жизни? Не для того ли они бывают иногда столь же сладостны, что; уже были чувствуемы? Если всякой о сем вспоминать не может, то для того, что прилепленный к телесности чрез меру, не может от нее отторгнуться. Но те, кои упражняются в смиренномудрии и мысленности, тем таковое напоминовение легко быть может; чему и дали примеры Пифагор, Аполлоний и другие. Такими-то доводами, любезные мои, стараются дать вид правдоподобия нелепости, и смехотворному дают важность.

Колемблюся, нужно ли опровержение на таковые надутые доказательства; ибо известно, что нужно Пифагору было о себе сказать, что он был прежде Евфорбий, для того, что он утверждал преселение душ. Можно было и Аполлонию говорить то же; ибо если мог делать чудеса, всеми зримые, то верили ему, что он облечен уже в новой образ. Но ныне успехи рассудка мыслить заставляют, что всякое чудо есть осмеяние всевышнего могущества, и что всякий чудодейтель есть богохульник. Вот для чего Шведенборг³⁹¹ почитается вралем, а

Сен-Жермень³⁹², утверждавший бессмертность в теле своем, есть обманщик. Какое пустое доказательство, что для произведения великого мужа прерождение нужно, да и в чем состоит таковая прерождения необходимость! Тот, кто может произрести великого мужа, может его произвесть в один раз, равно как и в два. История свидетельствует, что обстоятельства бывают случаем на развержение великих дарований; но на произведение оных природа никогда не коснеет, ибо Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были; и не царь во Греции, Александр был бы, может быть, Картуш³⁹³. Кромвель, дошедши до протекторства, явил великие дарования политические, как-то: на войне великие качества военного человека, но, заключенный в тесную округу монашеския жизни, он прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепами. Повторим: обстоятельства делают великого мужа. Фридрих II не на престоле остался бы в толпе посредственных стихосплетчиков, и, может быть, ничего более.

Что многие великие мужи родятся вдруг, то естественно есть и быть так долженствует. Изъятия тому есть, но редкие. Редко возмощает тот или другой вознестися превыше своего времени, превыше окружностей своих. Уготовлено да будет место на развержение; великие души влекутся издалека, и да явится Нютон, надлежало, да предшествует Кеплер. Естественно, говорю, чтобы великие мужи являлися вдруг, а не поодиначке. Малейшая искра, падшая на горячее вещество, произведет пожар велий; сила электрическая протекает везде непрерывно и мгновенно, где найдет только вожатого. Таково же есть свойство разума человеческого. Едва один возмог, осмелился, дерзнул изъятися из толпы, как вся окрестность согревается его огнем и, яко железные пылинки, летят прилепитися к мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно их поборствие, а без того Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается. Но время, уготовление, отъемлет все препоны. Лутер стал преобразователь, Декарт преобразователь, и яко вследствие законов движения, удар, данной единому шару, сообщается всем, на пути его стоящим, в едином ли то направлении или раздельно, так и электр души, возродяся единожды, изливается во все окрестности и стремится, подобно жидкостям, к равновесию (niveau) и уравниности.

Сколь тоще, сколь пусто доказательство, взятое из напоминовения, когда виды, новые предметы, кажется, будто видим виденные!

столь верно, что сие напоминовение происходит от виденных, но подобных, хотя не самых тех, сколь верно, что все наши понятия происходят от чувств наших. Сочетание мыслей на яву имеет то же шествие, как и во сне; разность только та, что рассудок останавливает уродливое сочетание; но если вдашься воображению своему, то все чудесности небывалого Елдорады³⁹⁴ будут скоро действительны. Та же сила, которая напоминает при воззрении на новые предметы, будто они уже суть виденные, сочетая воедино виденного по частям, та же сила могла произвести Армиду, солнышкина рыцаря, и в Потерянной Рай вместить все изящности и все нелепости. Кто наяву ссылается на воображение, находится в опасности, что скоро забредит.

Но если предыдущие две возможности о посмертном нашем бытии суть произведения детства, а, может быть, и дряхлости рассуждения человеческого, — что столь же, кажется, нелепо думать, что я буду по кончине моей слон белый, как новой Чингис, Европы завоеватель, — возможность третья, то есть, что состояние наше посмертное удобряться долженствует, во всем нами прежде сказанном многие имела доводы, и, дабы ее утвердить паче и паче, войдем еще в некоторые подробности. Может быть, я заблуждаю, но блуждение сие меня утешает, подавая надежду соединиться с вами: подобно, как будто привлекательное какое повествование, в истинности никакой основательности не имеющее, но живностию своих изображений, блеском картин и сходствием своих начертаний удаляя, отгоняя даже тень печального, влечет воображение, а за ним и сердце в царство хотя мечтаний, но в царство веселий и утех.

Мы видели и для нас по крайней мере доказанным почитаем, что в природе существует явная постепенность, что, восходя от единого существа к другому, мы находим, что одно другого совершеннее или, сказати точнее, одно другого искусственнее в своем сложении; что в сем веществ порядке человек превышает всех других равно искусственнейшим своим сложением, совершеннейшею своею организациею, в которой толико явственно соединены многие силы воедино, а паче всего умственную свою способность; тщательное наблюдение человеческого воспитания показывает нам, сколь способности в нем углубляются, ширятся, совершенствуют; история учит, колико народы могут в общем разуме своем совершенствоваться.

Природа, люди и вещи суть воспитатели человека; климат, местное положение, правление, обстоятельства суть воспитатели наро-

дов. Но начальный способствователь усовершенствования рода человеческого есть речь. Я того разыскивать не намерен, речь наша есть ли что-либо нам данное или самими нами изобретенная. Мне кажется, все равно сказать, что всеотец научил нас говорить каким-либо посредством, или, дав нам органы речи, он дал и способность говорить. Но, кажется, нелишнее будет рассмотреть, каким образом, поколику речь к совершенствованию нашему способствует: ибо из того и явствовать будет, что водитель речи, мысленность, возлагать будет орудие, речи лишенная.

Ничто для нас столь обыкновенно, ничто столь просто кажется, как речь наша; но в самом существе ничто столь удивительно есть, столь чудесно, как наша речь. Правда, что радость, печаль, терзание имеют изъявляющие их звуки; но подражание оным было руководителем к изобретению музыки, а не речи; если мы помыслим, что звук, то есть движение воздуха, и звук произвольный, изображает и то, что глаз видит, и то, что язык вкушает, и обоняет нос, и что слышит ухо, и все осязания тела, и все наши чувствования, страсти и мысли; что звук сей не токмо может изразить все сказанное, всякую мысль, но что звук, сам в себе ничего не значущий, может возбуждать мысли и мысленности представить картину всего чувствуемого, — то в другом порядке вещей сие совсем показалось бы нелепым, невозможным: ибо рассмотри прилежнее служение речи. Время, пространство, твердость, образ, цвет, все качества тел, движение, жизнь, все деяния, словом: все... — и ты, о всецелый дарователь, и, ты, о всеильный, не изъедем... — все преобразуем в малое движение воздуха, и аки неким волхвованием звук поставлен на место всего сущего, всего возможного, и весь мир заключен в малой частице воздуха, на устах наших зыблющегося. О вы, любители чудес, внемлите произнесенному вами слову, и удивление ваше будет нечрезмерно: ибо чудесно есть, кто воззвал род человеческий к общежитию из лесов и дебрей, в них бы скитались, аки звери дубровни и не бы были человеки? Кто устроил их союз? Кто дал им правление, законы? Кто научил гнушаться порока, и добродетель сотворил любезною? Речь, слово; без нее онемелая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыли бы недействующи, полумертвы, как семя, как зерно, содержащее в себе древо величайшее, которое и даст покоящемуся сень, и согреет охладевшего, и пищу даст прохладную утомленному, и покровом будет от зною и непогоды, и пренесет по валам морским жаждущего

богатства или науки до концов вселенной, но которое без земли, без влажности мертвеет, ничтожествует. Но едва всесильный речь привитал к языку нашему, едва человек изрек слово единое и образ вещи превратил в звук, звук сделал мыслию, или мысль преобразил в чертоносное лепетание, — как будто окрест вращающегося среди густейших мглы ниспадает мрак и темнота, очи его зрят ясность, уши слышат благогласие, чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что ложно; дотоле же чужд был и того и другого. Се слабое изображение чудес, речию произведенных. Мне кажутся аллегории тех народов весьма глубокомысленными, кои представляют первую причину всяческого бытия производшее прежде всего слово, которое, одаренное всесилием всевышнего, разделило стихии и мир устроило. Если оно в человеке столь чудесно, столь чудодейтельно, то что возможет речь предвечного? Какой ее орган, какое знамение, кто может то ведать?

Но сия божественность, нам присвоенная, сия степень к совершенству, сей толико блестящий дар всеотца, речь наша, столь сама в себе малосущественна, столь зыблущаяся, столь летуча, что несовершеннее средства к нашему устроению, что бреннее союза между людьми почти себе нельзя представить. Конечно, и естественность наша здесь на земли толико несовершенна, что лучшее средство ее бы превышало, тяготило, словом, выше бы было человечества; ибо рассуди: речь изражает токмо имена, а не вещи, а потому человеческий разум вещей не познает, но имеет о них токмо знамения, которые начертывает словами. Итак, вся человеческая наука не что иное есть, как изображение знамений вещей, есть роспись слов; да иначе и быть неможно. Внутреннее существо вещей нам неизвестно; что есть сила сама в себе, не знаем; как действием следует из причины, не знаем, да и не имеем чувств на постижение всего того. О человек! когда, возгордившись паче меры, ты возлетаешь в чувствовании твоём, помысли, что знание твое, что наука твоя есть плод твоея речи, или, паче, что она есть собрание различных звуков, помысли, и умирися.

Вот, возлюбленные мои, вот на чем основаны человеческие познания. Мысли наши суть токмо знамения вещей, выражаемые произвольными звуками; следовательно, нет существенного сопряжения или союза между мыслию и словом; ибо все равно было назвать дурака дураком или вашим; в сем ни малейшего сомнения не может

быть. Сколь скоро два языка кому известны, то сие явно. И се обильный источник наших заблуждений: ибо поелику во всех языках каждая вещь имеет уже название, и все несложные мысли свои знаменья, то когда возродится мысль новая, то* дают ей знамение, сложенное из прежних. Если ты разумеешь под знаменем то, что я, то мы друг друга разумеем; если же ты понимаешь иначе, то и выходит разгласие, вздор. Равно, как бы один говорил по Еврейски, а другой по Русски. Таковы-то однако же суть большею частию все мнения философические, все исповедания. Один сказал: да, — другой разумел: нет, — а третий и то и другое: от чего случается, что от первого изрекшего знамение вещи оно хотя переходит в том же звуке заключенное чрез многие столетия, но мысль, с ним сопряженная, различествует от первой, как день от ночи. Таковы суть и были наипаче мнения человеческие о вышшей силе. Люди назвали ее богом, не имея о ней ясного понятия. Вот как разум человеческий бродит, ищет истину, но вся мудрость его, все глубокомыслие заключены в углу звуке, из гортани его исходимом и на устах его умираемом.

Не место здесь говорить о письме, которое не что иное есть, как произвольно начертанные знаки, кои означают звук, нами произносимой, слово. Но да позволено нам будет следующее токмо рассуждение: поелику звук, изражающий знамение вещи, есть произвольный, то на место сего звучного выражения, слуху нашему внятного, поставь выражение произвольное, подлежащее другому чувству, — то будешь иметь речь, не гласом произнесенную, но зримую, но вкушаемую, но обоняемую, но осязаемую. И се понимать можем, как изобретены письмена, которые суть истинная речь для органа зрения. Примеры лишенных некоторых чувств доказывают ясно, что речь, или произвольное выражение знаменья вещей, может вместо звучных знаков вмещаться в знаки, другим чувствам подлежащие. Глухие, а потому и немые изъясняются знаками и мысли свои заключают в знаках, подлежащих зрению. Из сего понятна возможность изучить их разуметь речь писанную, что Аббат де л'Епе³⁹⁵ произвел в действо с удивительным остроумием, а может быть, взирая, каким образом немые изъясняют свои мысли, и видя, что они на место

---

* Доколе вещи не дано имя, доколе мысль не имеет знаменья, то она разуму нашему чужда, и он над нею не трудится. Дабы усвоить разуму какое-либо познание, нужно прежде всего ее ознаменовать.

звучных знаков поставляют знаки зримые, изобретатель письмен внял, что им подражать можно, и начертал азбуку. А хотя он, по изречению одного славного немецкого сочинителя³⁹⁶, действовал между людьми, яко бог, но, заключая летущий ум в букву, он был не первый, который изобрел речь зримую. Живописец прежде его беседовал уже с нашими взорами; начертание образов зримого, картина была первое зримое изображение, речь звучную заменяемое; живопись родила иероглифы, а сии гораздо уже позже — буквы.

Если бы другие наши чувства столь же удобны были на понимание речи, как ухо и глаз, то бы, конечно, можно было сделать азбуку обоняемую, вкушаемую или осязаемую. Хотя и видали примеры, что слепые могли различать цветы посредством осязания и, может быть, возможно было двух слепо- и неморожденных изучить сообщать друг другу свои мысли, но речь обоняемая, речь вкушаемая и даже речь осязаемая не могут быть толико совершенны, как речь зримая, а паче того речь звучная: ибо сия едина в произношении своем есть разнovidнейшая и соответствующая истинному органу слова. Но едва человек мог соединить речь звучную с речью зримую, то потек на изобретения, дерзнул на возможность, и успел. Итак, сколь ни брэнна, сколь ни зыбка есть речь наша, яко средство совершенствования, однако к оному была она одно из сильнейших. Подражание, речь, рассудок были руководители его к изобретению и расширению наук и художеств. Да и в самом диком состоянии человека, в первенственном его состоянии, в состоянии естественном сии руководители его не оставляют. Сила мысленности его столь же могущественна, как живущего в просвещеннейших государствах, ибо, что язык одного народа искусственнее, изглаженнее другого, что мысленная округа его расширеннее, пространнее, обильнее, из того не следует, что все особенники народа суть разумнее, в мысленности могущественнее наименее совершеннейших народов. Изобретал мысль един, другие же, яко пленники, к колеснице торжествователя сего пригвожденные, бредут ему во след. Они говорят говоренное, мыслят в мысли другого, и нередко не лучше суть младенца, лепечущего во след своя няньки.

Итак, в каком бы то состоянии ни было, человек удобряет свою чувственность, острит силы мысленные, укрепляет понятие, рассудок, ум, воображение и память. Он приобретает несчисленное количество понятий, и из сравнения его рождаются понятия о красоте,

порядке, соразмерности, совершенстве. Побуждение его к сожитию ввело его в общественное житие, и се разверзаются в нем новые совершенства. Права и обязанности, в общежитии им приобретенные, возводят его на степень нравственности; се уже рождаются в нем понятия о честности, правосудии, чести, славе; уже из побуждений к сожитию рождается любовь к отечеству, к человечеству вообще, а за ними следует тысячи добродетелей или паче сия из многих рождается; и сожалительность его претворилась в великодушие, щедроту, милосердие. Таким образом достигает он до вершины своего чувствования, до совершенства всех своих качеств, до вышшего понятия о добродетели.

Хотя сказанное не на всех распространить можно, но различие между людьми состоит токмо в одной степени, а не в существенности. Да и тот, кто устраняется назначенного пути, устраняется, стремясь к совершенствованию, к блаженству: ибо все, что живет и мыслит, все стремится к расширению своих качеств, к совершенствованию; и сия есть мета мысленного существа. Хотите ли в том быть убеждены? Воззрите на то, что он на земли исполняет. На свет исходит, не имея никакой способности, ни умения, и является паче всех животных беззащитнее, беспомощнее, немощнее; и то природное стремление, которое другим животным столь явно руководствует, в человеке не существует. Но воззри на него, едва ощутил недостатки свои, едва возопил: немоществую, — уже вся природа стремится ему на вспомошествование. Чувства его изошряются, рассудок укрепляется; недостатки рожают склонности, речь ведет его беседовати с богом, и рожденный слабее, немощнее, тленнее, словом, хуже всех других тварей, вследствие способности совершенствования человек возвышается выше всех существ на земли, и явен становится ее властитель.

Итак, стремление к совершенствованию, приращение в совершенствовании кажется быть метою мысленного существа, и в сем заключается его блаженство; но сему стремлению к совершенствованию, сколь оно ни ограничено есть, предела и конца означить невозможно: ибо чем выше человек восходит в познаниях, тем пространнейшие открываются ему виды. Подстрекаемый всегдашним стремлением, мета³⁹⁷ его есть шествие беспрестанное, почти бесконечно, и поелику мысленности существенно, то и сама вечность на достижение сея меты недостаточна. Оттуда все старания наши, все наши стремления

беспредельны. Желание наше объемлет бесконечность, и вечностию его разве измерить можно, а не временем. Склонности и страсти удовлетворений не знают, и чем более углубляются, тем сильнее возрастают. Все благородные склонности и все скаредности едину носят на себе печать. Рвение к науке ненасытимо, возродясь единожды; любочестие всеалчно, желало всю землю зреть своим подножием; и даже мерзкое сребролюбие жажде своей к имению не знает ни конца, ни предела. Всякую мысль, всякую мечту мы тщимся поставить мер выше; где мы обретаем предел и ограду, там будто чувствуем плен и неволю, и мысль наша летит за пределы вселенныя, за пределы пространства, в царство неиспытанного. Даже телесность наша тщится во след мысли и жаждет беспредельного: ибо едва коснется пресыщения, то и наивеличайшее услаждение мерзит.

Поступим теперь к другому. Мы в предыдущем изъяснили, что понятия о красоте, благогласии, соразмерности, даже добродетели рождаются из сравнения: следовательно, не суть понятия сами по себе; мы видели, что сравнение есть деяние вещества мыслящего: следовательно, дабы что-либо поистине могло назваться прекрасным, изящным, нужно деяние умственное, да произойдет сравнение. А как без умственности сравнение быть не может, то не должны ли заключать, что бы и вся красота мира ничтожествовала, не бы были вещества мыслящие, разумные: следовательно, они в *начертании* сложения мира суть необходимы. Как же можно вообразить себе их уничтожение, а особливо тогда, когда деятельною мысленностию они усовершенствовались, следовательно, удобнее еще стали постигать все изящное, все превосходное, всю красоту.

Почерпая из сего новые еще доказательства о бессмертии души нашея, мы также научиться из них можем, что цель, что мета человечества есть совершенствование и блаженство, которое есть следствие добродетели, единья от совершенств. И неужели блаженство наше есть мечта, оболыщение? Ужели всеильный, всеблагий отец хотел сделать из нас игральщице куколок? — Таковыми бы мы почтены быть должны, если бы блаженство наше с жизнью нашею скончалось; ибо недостатки телесности нашея претят, да может быть совершенно. Теперь время уже, возлюбленные мои, поспешать к концу нашего предприятия и, удостоверившись всякими мерами, что душа наша бессмертна, что жить будет и не умрет, то есть не разрушится, — теперь надлежит сказать, что с душою станется, когда она от тела будет отделенна. Мно-

гие суть случаи в жизни нашей, в которых нам показывается сходственность с первою степеню кончины нашея. Как скоро жизнь прервется, то последует бесчувственность, забвение самого себя. Подобные сему состояния суть: обморок, исступление, сон и множество других состояний; в таковых положениях человек забывает сам себя, теряет о себе сведение и лишается на время своєю чувственности; итак, можно бы заключить, что подобно, как во сне, отъемлющем внешнюю нашу чувственность, остается в нас чувственность внутренняя, то есть мысленность, — подобно сему, говорю, и по смерти будем чувственности внешняя лишены, но сохраним мысленность. Но пребудет ли она такова в нас по смерти, как в состоянии сна? При первом взгляде сие таковым и покажется, и могло бы в нас произвести уверение, но оно противоречит нашему существу, противоречит мете нашего бытия, следственно, противоречит намерению творца в его творении. Постараемся отразить сие казистое доказательство и возвести мысленность нашу, по отлучении ее от тела, в то достоинство, на которое она кажется быть определена.

Из предыдущего видели мы, что мысленность человеку сосущественна, что она его составляет особенность, что человек и может по ней назваться человек, а без нее равнялся бы скотам. Мы видели также, что совершенствование ее есть свойство неотделимое; а потому и мета наша на земли относится к устройению нашему, из чего следствие бывает блаженство. Вследствие сих предпосылок человек во время жития своего дает всем силам своим всю возможную расширенность. Способность мыслить, с коею рождается, бывает разум, чувства наши изощряются, научаются, искусствуют; склонности наши производят деятельность необъятную и, яко понятия, чувственностию принятые, претворяются в мысли, тако и склонности, в душе преобразовавшись и получив всю свою расширенность, становятся добродетели или пороки. Побуждения наши, ссореждааяся, так сказать, в душе, яко в средоточии зажигательного зеркала, родив в нас волю, дают столь широкую, столь твердую подножность, что если бы она не в человеке пребыла, то казалася бы божественною. Мы видели потом, что печать беспредельности наложена всему, что человек предприимлет; в самых силах его видна бывает толика энергия, что предел им назначить было бы отважно. Хотите ли сему примеры: Скалигер³⁹⁸ Омира выучил наизусть в три недели и в четыре месяца всех греческих стихотворцев. Валлис³⁹⁹ извлекал в голове коренное

число пятидесяти трех цифирей. И таковые примеры отменныя энергии в силах умственных суть часты; незамеченны теряются, и для того не всяк о них знает. Из предшедших доказательств убедились, что мысленность наша, что сила наша разумная, что душа наша разрушиться не может: ибо, не яко тело, несложенна, следовательно, не пропадет, не исчезнет, не уничтожится, пребудет, проживет во-веки. Итак, из всего сказанного не ясно ли следует: 1. Поелику мысленность наша или душа не разрушится, то пребудет жива и по разрушении тела. 2. Поелику существенность ее состоит в непрестанном совершенствовании, то по отделении от тела душа ее сохранит, ибо если бы сия существенная ей способность изменилася, то бы она в худшее прешла состояние, не была бы душа, что также противно намерению, в сотворении человека явствующему. 3. Поелику же состояние сна лишает нас ясного о самих нас познания, а потому не столь есть состояние совершенное как состояние бдения, то смерть уподобится сну относительно человека разве в том только, что обновит силы его душевные, как-то сон обновляет телесные, а не в том, что лишит душу ясного о себе познания, в чем состоит преимущество человека пред другими животными. 4. Поелику в силах душевных является беспредельность, и ограниченность ее происходит от ее телесности, то, отрешенная от нее, она в деятельности своей будет свободнее. И, наконец, 5. Поелику душа сохранит свою способность совершенствования, то паче и паче будет совершенствоваться.

А если бы захотел ты иметь сему совершенствованию меру, то помысли, каков человек родится и что он бывает в его возмужалости, помысли, что в совершенствовании не будет препинаем ни обстоятельствами, ни страстями, ни болезнями, ни всеми препонами, телесностию душе налагаемыми; помысли, сколь уже разум человеческий отстоит теперь от дикого, от грубого состояния человека, питающегося ловитвою; помысли и, начав от нынешнего совершенства, измеряй восхождение и знай, что не житием телесности то исполнять должно, но отрешая меру времени; помысли все сие и скажи: где есть предел совершенствования души? О человек! не ясно ли ты есть сын божества, не его ли в тебе живет сила беспредельная!

Как можно думать, чтобы состояние человека посмертное было сну подобное, чтобы человек стал лишен чувствования, самопознания и жил бы, так сказать, в непрестанном мечтании? Когда здешнее состояние человека цель имеет совершенствование, когда в посмерт-

ное перейдем совершеннее, нежели рождены были, то как мыслить, чтобы будущее состояние было возвратно, ниже, хуже теперешнего, как то непрестанное состояние сну подобное. Если то истинно, что всякое настоящее состояние предопределяет состояние следующее (ибо сие без того не имело бы достаточных причины к существованию), а наше состояние на земли есть состояние совершенствования, в чем состоит мета нашего здесь пребывания, то не следует ли из того, что состояние будущее человека, поелику определяемо совершенствованием, будет совершеннее? Следует, что противоречие бы было в мете нашего бытия, чтобы следующее состояние человека подобно было сну, забвению, когда теперешнее состояние, будущее определяющее, есть состояние совершенствования. Возьмем известное уподобление, на прехождении человека от одной жизни к другой приложенное; последуем хотя косвенно в сем употреблении умственному исполину, и да будет он нам опорю.

Лейбниц сохранение животного по смерти и прехождение человека уподобляет порождению червяка в бабочку и сохранению будущего строения бабочки в настоящем червяке. Посмотрите, колико оно сходственно. Зри убо скаредного на чреве своем пресмыкающегося червяка. Алчба его единственное побуждение; прилепленный к листовиям, их пожирает и служит единой своей ненасытностью; но се уже его кончина: смертная немощь объемлет его, сжимается, корчится, и се уже лежит бездыханен. Но сила, внутрь его живущая, не дремлет. Животное спит, покоится во смерти. И се происходит его прерождение. Ноги его растут, все члены претворяются; и едва новое его рождение достигло своего совершенства, то в жизни паки является, или паче пробужденный. Но какое превращение: вместо червяка является бабочка, простирает блестящие всеми цветами лучей солнечных крылия, возносится и, гнушаяся прежняя своя пища, питается нежнейшею. Уже новое совсем имеет существо, другая его мета, другие побуждения. Червяк служил токмо своего чрева, а бабочка, вознесенна до общия меты животных, служит прерождению. Кто бы мог вообразить в червяке бабочку, что они суть единое животное, и что превращение его есть токмо другое время его жизни? О умствовать! поставляй предел природе; она, смеясь бессилию твоему, в житие единое отцепляет многие миры.

Если худшее состояние человека по смерти противоречит его мете и его сущности, то паче противоречит оно намерению

творца в его творении: ибо поелику мета его есть совершенствование, то состояние, оному возвратное, худшее, будучи оной противоречуще, противоречит и намерению творца потому, что в том и было его намерение, да совершенствуем.

Всемогущее существо в самом деле ни награждает, ни наказывает, но оно учредило порядок вещам непременный, от которого они удалиться не могут, разве изменя свою существенность.

Итак, добродетель имеет сама в себе возмездие, а пороки наказание. Что может быть сладостнее, как быть уверену, что пребыли всегда в стезе, нам назначенной? Что превышает удовольствие, как знать, что ничем мы сами себе упрекнуть не можем? Если бы вознялася легкая мгла, затмевающая зеркало совести добродетельного человека, напоминовение соделанного добра разгонит мгновенно. Напротив того, злые принужденны ежечасно упрекать себе свои злодеяния, терзаться, казниться среди благоденствия. — Почто искать нам рая, почто исходить нам во ад: один в сердце добродетельного, другой живет в душе злых. Как ни умствуй, другого себе вообразить не можно. Если же себе представим, что все человеки сходствуют в их силах и способностях, суть во всем одинаковы, и черта, одного от другого отделяющая, незрима, в различиях своих они восходят или нисходят непременною постепенностию, но все суть единого рода; следовательно, и определение их, мета их, цель должны быть одинаковы. Если кто из них, употребляя во зло данные ему способности, устраняется предопределения своего, то все следствия злых дел налягают на него. Едкая совесть грызет его сердце и не отступит от него, дондеже не истребит в нем все преступное, все злое. Яко врачебное некое зелие, совесть есть лекарство злых дел, и если в жизни она нас не исцеляет, то, конечно, по смерти. Излеченных совестью ужели всеотец исключит из своих объятий? Почто мы бываем толико жестокосерды? Преступник не брат ли наш? И кто может столь сам пред собою оправдаться и сказать: никогда во мне ниже мысль злая не возникала?

Если возможно, сцепляя многие истины, постигнуть, что совершенствование есть цель человека, не токмо цель его на земли, но и по смерти, то весьма трудно, дабы не сказать — невозможно, вообразить себе, каким образом продолжится совершенствование человека по смерти: ибо если на земли была в том ему пособием телесность и его органы, то как то может быть без оной? Чувства его дали ему понятие, а без них их бы он не имел. То два средства: или вновь понятия уже

приобретать душа не будет, а действовать будет над прежними, или человек будет иметь новую организацию. Боннет⁴⁰⁰ старается доказать, что душа человеческая всегда будет сопряжена с телом, что, по смерти оставшихся семени сопряженна, человек из оногo сопряжения родится паки двусуществен. Основывает он сие рассуждение на том, что поелику человек, как всякая тварь, содержится в семени до зачатия своего, то как оное семя кажется быть душе сосущественно, то она с ним навеки пребудет сопряженна. Если сие предположение невероятно, но возможно, — ибо то истинно кажется, как то мы видели в начале сего слова, что семя зачатию было предсущественно. Но запутнение не совсем развязано: ибо семя, коему пред зачатием душа была союзна, зачатием и решением разверзлося и произвело новые семена, коих развержение новые произвело существа; но прежнее семя, семя отчее, уже разверженное, должно пребыть паки семя, что есть противоречие; то надлежит предполагать, что семя развержения произведет самого себя вновь. Вот крут, и затруднение не решено. — Таковы суть следствия семенного любомудрия, как то его называют; но сколь ни слабо сие рассуждение, оно имеет казистую сторону и находило последователей. Мне кажется, что все таковые системы суть плод стихотворческого более воображения, нежели остроумного размышления. За таковое же изобретение выдаю и следующее предположение: приметно или паче явственнo, что есть в природе вещество или сила, жизнь всему дающая. Чувствительность наша, электр и магнитная сила суть, может быть, ее токмо образования (modification), то не сие ли вещество, которое мы назвать не умеем, есть посредство, которым душа действует над телом? А поелику оно есть средство к действию души, то не вероятно ли, что, отступая от телосмертия, душа иметь будет то же посредство для своего действия? Но дабы действовать, нужны кажутся ей быть органы; а поелику душа в сожитии своем с телом стала совершеннее, то и органы нужны ей совершеннейшие. И для чего сего вероятным не почитать, когда и самая сила творчая явна токмо посредством вещественности, посредством органов? Какое противоречие мыслить, что может быть в сем же мире и может быть на земли другая организация, но нами не ощущаемая, нам неведомая, да и по той только причине, что она чувствам нашим не подлежит? А если бы чувства наши были изошреннее и совершеннее, то бы и сия нам неведомая организация была бы известна. Что чувства наши или, лучше сказать, что чувственность может быть изошреннее, то доказывали

примеры чувств, из соразмерности своей болезнью выведенные; дай глазу быть микроскопом или телескопом, какие новые миры ему откроются! И как сомневаться в возможности лучшей организации? Тот, кто мог дать человеку око на зрение красоты и соразмерности, ухо на слышание благогласия; тот, кто дал ему сердце на чувствование любви, дружбы; кто разум ему дал на постижение дателя; тот, кто огонь, воздух, землю и воду сплел воедино; тот, кто самую летучесть огня претворяет в твердость и свет вмещает в части составительные веществ, может, конечно, может произвести новые смешения; благодать его к творению его не иссякнет, любовь к произведению своему горячности своей не потеряет; и если единое его слово рождает чудесность, то оно и паки ее родить может. Или на что предполагать быть новому творению? Вся возможность прешла в действительном пред началом уже времен, и что будет, уже было в незыблемом порядке с того мгновения, как возблистало солнце и время отделилось от вечности.

Для чего предполагать невозможность быть другим организациям, oprичь нами чувствуемых на самой земле, по той единственно причине, что они нам нечувствительны? Сколько веществ, ускользящих от наших чувств, иные своею малостию, иные своею прозрачностью или другими свойствами, чувствам нашим неподлежащими, и если мы в малостях видим, что пресыщение одной вещи не исключает вьемлемость другой. Вода, насыщенная обыкновенною солию, и не приемля ее более, приемлет и растворяет другую. Истолкуй сию возможность, и если бы не опыт то доказывал, ты бы оному не верил.

Не так далеко, кажется, отстоять должно будущему состоянию человека от нынешнего, как то иногда воображают его, не за тридцать земель оно, и не на тридесятом царстве.

Если должно верить сходственности аналогии (да не на ней ли основаны большая часть наших познаний и заключений?), если должно ей верить, то вероятно, что будущее положение человека или же его будущая организация проистекать будет из нашея нынешняя, как-то сия проистекает из прежних организаций. Поелику к сложению человека нужны были стихии; поелику движение ему было необходимо; поелику все силы вещественности в нем действовали совокупно; поелику по смерти его и разрушении тела стихии, вышед из их союза, пребудут те же, что были до вступления в сложение человека, сохраняя все свои свойства; потолику и силы, действовавшие в нем, отрешась от тела, отойдут в свое начало и действовать будут в

других сложениях; поелику же неизвестно, что бывает с силою или стихиею чувствующею, мыслящею, то нельзя ли сказать, что она вступит в союз с другими стихиями по свойству, может быть, смежности, нам неизвестной, и новое произведет сложение? О, возлюбленные мои, я чувствую, что несуся в область догадок, и, увы, догадка не есть действительность.

Повторим все сказанное краткими словами; человек по смерти своей пребудет жив; тело его разрушится, но душа разрушиться не может: ибо несложная есть; цель его на земли есть совершенствование, та же пребудет целию и по смерти; а из того следует, как средство совершенствования его было его организациею, то должно заключать, что он иметь будет другую, совершеннейшую и усовершенствованному его состоянию соразмерную.

Возвратной путь для него невозможен, и состояние его по смерти не может быть хуже настоящего; и для того вероятно или правдоподобно, что он сохранит свои мысли приобретенные, свои склонности, поелику они от телесности отделены быть могут; в новой своей организации он заблуждения свои исправит, склонности устремит к истине; поелику сохранит мысли, коих расширенность речь его имела началом, то будет одарен речию: ибо речь, яко составление произвольных знаков, знамение вещей означающее, и может внятна быть всякому чувству, то какая бы организация будущая ни была, если чувствительность будет сопричастна, то будет глаголом одаренна.

Положим конец нашим заключениям, да не зримся ищущими единственно мечтаний и чуждаемся истины. Но как бы то ни было, о, человек, хотя ты есть существо сложное или однородное, мысленность твоя с телом разрушиться не определена. Блаженство твое, совершенствование твое есть твоя цель. Одаренный разными качествами, употребляй их цели твоей соразмерно, но берегись, да не употребишь их во зло. Казнь живет сосмежна злоупотреблению. Ты в себе заключаешь блаженство твое и злополучие. Шестуй во стезе, природою начертанной, и верь: если поживешь за предел дней твоих, и разрушение мысленности не будет твой жребий, верь, что состояние твое будущее соразмерно будет твоему житию, ибо тот, кто сотворил тебя, тот существу твоему дал закон на последование, коего устраниться или нарушить невозможно; зло, тобою соделанное, будет зло для тебя. Ты будущее твое определяешь настоящим; и верь, скажу паки, верь, вечность не есть мечта.

А. Ф. Бестужев

О ВОСПИТАНИИ

О воспитании частном

Воспитание вообще есть наука, каким способом образовать, научить детей так, чтоб они учинились полезными и приятными для семейства своего, для отечества и были бы в состоянии доставлять и для самих себя благополучие.

«Легче, — говорил Теогнаис⁴⁰¹, — дать жизнь, нежели добрую душу». Вот что воспитание должно постановить себе правилом. Все доказывает нам, что человек при рождении своем не расположен ни к добру, ни к злу, но что приносит только способности к восприятию тех нужд, коих он сам собою удовлетворить не в состоянии, страстей более или менее стремительных, смотря как телосложение и свойство его расположено от природы. Воспитать дитя — значит употребить его естественное расположение, его свойство, его чувствительность, нужды, страсти на его усовершенствование или на учинение его таковым, каковым быть ему желаешь; сие значит показать ему, что ему любить и чего убегать должно, и снабдить его всеми теми средствами, которыми он может или приобрести желаемое, или избегнуть того, что ему ненавистно кажется; сие есть возбудить желания его к известным предметам и от других воздержать. Страсти, удачно направляемые, то есть полезно и для него и для прочих устремленные, сопровождают к добродетели, но оставленные буйству оных или худо направляемые учиняют его порочным и злым.

Некто славный нравоучитель⁴⁰² воображал, что воспитание все может произвести над человеками и что все они равно удобны к восприятию образования, какое дать желаешь, поелику известно, как должно располагать их пользами; но опыт нас научает, что есть таковые дети, в разуме которых не можно возжечь никакого сильного впечатления, есть такие, которые ни к чему не пристрастны, есть робкие и отважные, есть опять ленивые, которых беспрестанно понуждать надобно, и находятся таковые, которых с трудом можно воздерживать. Есть имеющие природные дарования, другие тупы, у иных членосоставление слабо, у иных крепко, есть нравы тихие или возмутительные, недопускающие к себе никакого ограничения; мы видим души поверхностные и слабые, коих ни к какому предмету

устремить не можно, как есть между тем такие, коих разум так стеснен, что никакое средство неудобно к чему-нибудь его побудить. Следственно, обманываются те, которые полагают, что воспитание во всяком человеке произвести может все, чего желаешь; воспитание распространяет только полученные от природы способности; оно тогда только с успехом сеять может, когда землю таким образом естество приуготовило, что может она соответствовать тем попечениям, которые для нее употреблены будут.

Самое начальное воспитание сперва занимается образованием, возвращением, укреплением тела, научает, как должно в пользу себе обращать члены, учреждать надобности, воздерживать волнение страстей, естели оные противны его благосостоянию; сие первоначальное воспитание предопределяет в воспитывающемся те существенные способности, которые производят влияние на все продолжение жизни. Но родители не обращают довольно внимания своего на сию первейшую часть воспитания, они поручают детей попечению кормилиц, потом смотрительниц, исполняющим умы воспитанников своих страхами, ложными понятиями, пороками и глупостями, какими они сами заражены; и из их рук вышедших детей увидишь привыкших ко лжи, обманам, к малодушию, обжорству, к неге. То развращаемые угождениями и ласкательством, то невременно исправляемые, они находятся уже исполнены противоборствующими страстями, многими одержажими их заблуждениями и предрассудками, до самого последнего конца жизни их мучащими и которых последственное воспитание, хотя бы и благоразумно было, не в состоянии уже истребить. Первые самые минуты жизни, вообще сказать, бывают пренебрежены, но заслуживают, чтоб подумано было об них с лучшим вниманием; они навсегда почти определяют человеческой нрав. Платон приписывает падение Кирова⁴⁰³ престола тому, что по смерти дети его поручены были воспитанию женщин, которые, угождая возрождающимся страстям, не побуждали их к добродетелям, кои были бы их достойны.

«Ты человек, — сказал Менандр⁴⁰⁴, — то есть животное, более всех к переменам счастья расположенное». Взяв сие за основание, воспитание не должно быть поверяемо женщинам, которые вместо того, чтоб укрепить дитя, расслабят его еще более, нежели как он сотворен от природы. Непостоянство жизни человеческой заставляет богатых принять непременно законом, дабы они детей своих не к

роскоши, тщеславию, нерадению и беспечности приучали, но чтобы заблаговременно упражнениями и трудами укрепляли их тело, предваряли разум против нечаянных поражений рока. Ничего нет несчастливее, как видеть детей, воспитанных родителями тщеславными, привязанными к чувственным наслаждениям, к нежностям, ибо подобное воспитание заставит их почувствовать всевозможные огорчения, какие только в жизни вообразить можно. Оно отъекает у людей ту доброту, то действие, то сильное сложение, которые приличествуют их полу. Расслабление, леность и роскошь производят бесполезных членов обществу и тягостных самих себе. Дети, приучившиеся к пышности, нежности, видя себя беспрестанно служаемых, могут быть в продолжение жизни весьма несчастливы, когда увидят себя лишенными тех пособий и покоя, которые привычки поставила им необходимостью. Что принадлежит до женщин, они должны иметь воспитание больше мужественное: оно, придав им силы, сделает их способными рожать детей с большею крепостию, оно отвратит их от множества слабостей, болезней, каким они обыкновенно бывают поработаны. Но от самой нежной юности воспитание, кажется, поставило себе предметом, чтоб ослабить у детей тело, разум и сердце помрачить ложными понятиями, гибельными страстями, а наипаче тщеславием, которому более всего стараются спешествовать; впоследствии воспитания, вместо того чтоб истреблять вредные впечатления, полученные от кормилиц, смотрительниц и иногда от слуг, которым бывают дети преданны, их обыкновенно утверждают еще и учиняют оные непременно. И каким образом родители или наставники, бывши исполненные сами заблуждениями, предрассудками, страстями, тщеславием, могут подумать об исправлении недостатков первоначального воспитания? Каким образом отцы и матери, напыщенные своею породою, подстрекаемые гордостью и привязанностию к богатству, объятые развлекающею их роскошью, нарядами, модами, могут истребить в детях ложные понятия о сих вещах, от самых нежных лет ими внушенные? Воспитание обыкновенно ныне есть не что иное, как вдохновение страстей и тех привычек, какими люди сами бывают возмущаемы; надлежит самому иметь доказательное воспитание, дабы быть в состоянии сопровождать детей по пути, ведущему к добродетели.

Пример родителей, так как мы уже сказали, делает детей или добродетельными, или порочными. Сей пример есть для них непрерыв-

ная неправильная наука, которая сильнее действует над ними, нежели часто повторяемые уроки. Отец пред очами детей своих есть существо самое превосходнейшее, самое могущественнейшее, то, которому они более всего стараются учиниться подобными.

Что может тут произойти, когда родители непостоянны и без нравов. Дитя мгновенно получает желание подражать тем людям, которые им управляют, поелику они почитают их сведущими о средствах, доставляющих им удовольствие, ибо подражать значит не что иное, как испытывать средства, которые употребляя другие получают свое удовольствие или счастье. Тщетно развращенные отцы твердят детям своим: «Делайте то только, что вам говорят, и не делайте ничего того, что вы видите нас делающих». Воспитывающийся сокровенно возразит ему: «Хотя ты волен в действиях своих, однако ты поступил бы иначе, если бы случилось для тебя какое-нибудь удовольствие, которое ты скрыть от меня должен, но я, невзирая на твои наставления, тебе последую».

К частному воспитанию и к всегдашним почти гибельным домашним примерам присоединяются еще обыкновенно вредоносные общие предрассудки, ибо молодой человек, вышедши из рук своих родителей и наставников, поражается первее всего развратными примерами, не слышит, как только учения ложные, находит, что все окружающее его состоит в вечном противуречии с теми правилами, в которых бы его наставить можно было; из сего он составляет заключение *поступать как и прочие*; здравые понятия, которые, если бы случайно и впечатлелись в его воображении, тотчас истребятся; он предается стремлению и отрекается от правил, служащих как будто к тому только, чтобы почитать их ему смешными и странными, затворяющими только путь, ведущий его к благосостоянию.

Без сомнения, много есть таких родителей, которые чувствуют важность доброго воспитания, знают преподавать оное сами, но сколько есть таковых, кои весьма малое имеют понятие, в чем состоит воспитание, и еще и того менее таковых, кои бы имели способности преподавать его сами и назирать над оным со вниманием. Иногда отец, занятый своими делами, другой, преданный своим удовольствиям, забывают, что у них есть дети. Там мать, в рассеяние погруженная, помышляет только о нарядах, о забавах своих, о любовных хитростях и должностию почитает весьма низкою детьми заниматься. Таким-то почти образом дети разных состояний людей

обыкновенно преданы бывают в руки домашнего смотрения, ничему полезному их не научающего; в сем-то обхождении дети провождают время, тут научаются они представлять лице тщеславия и, не быв ни от кого упрекаемы, научаются господствовать над своими слугами. Ничего столь успешно не перенимают, как познание о тех преимуществах, которые порода и богатство предоставили им к обладанию; самые первые уроки, ими получаемые, суть уроки высокомерия и пороков, ничем уже впоследствии не изгладимых.

Выходя из-под начала слуг и надзирательниц, дитя предается в руки наставника, почасту нимало не имеющего тех качеств, которые бы споспешествовать могли к образованию разума и сердца его воспитанника; но когда счастливый случай представит и такового, имеющего хотя бы и самые редкие качества, однако тщетно будет сообщать оные ученику непослушному и издавна развращенному. Кротость несовместна при воспитаннике высокомерном; строгость опять его возмущает и приводит в негодование его родителей, хотящих, чтобы кровь их уважаена была даже и в глупостях, чинимых их детьми. Таким-то образом наставник, всегда воспящаемый⁴⁰⁵, оставляет своего ученика неприязненной судьбе его, не занимает нимало успехами его знания.

Большую частью родители и вовсе не стараются обрести просвещенных наставников, ибо достоинства других для них чужды или бывают предметом их презрения. Благородный ничем более не занимается, как свою породу, богатый уважает только единое свое богатство; и оба они то только и представляют себе, что как может бедный ученый удостоиться внимания таких людей, каковы они суть. Тот, коего назначили они попечителем к детям своим, не иначе видится им как наемник, как слуга, единое от них уничтожение заслуживающий. Отец просвещенный только может во всей силе чувствовать важность препоручения залога, смотрению другого поверяемого, таковой видит в наставнике сыну своему почтенного друга, принимающего бремя воспитания, как к его, так и к потомственному благосостоянию споспешествующего. Несмысленный же, презирающий рачение о сыне своем не понимает, что от него зависеть может как счастье, так и честь всего его семейства. *Ты препоручил сына твоего рабу для воспитания, говорил древний мудрец отцу богатому и скупому: хорошо делаешь! Ибо вместо одного, ты будешь иметь двух рабов*⁴⁰⁶.

Итак, когда мужское воспитание почти повсеместно пренебрежено, то воспитание женщин, долженствующих быть супругами, матерями, кажется совершенно забыто. Музыка, танцевание, шитье — вот обыкновенно почти вся наука, преподаваемая младым девицам, долженствующим некогда управлять семействами. Вот те совершенства, те качества, которые требуются от того пола, от которого зависит благополучие наше! Мать думает, что она много делает, когда мучит дочь свою безделицами, долженствующими быть для самой ее предметом пренебрежения и дочери внушить такое ж о них понятие. Но сии мелочи представляются столь важными для большей части матерей, что учиняются повседневно неисчерпаемым источником негодований, гнева, а для дочерей — источником слез и отчаяния. Вместо того чтоб обратить сердца их к добродетели, вместо того чтобы заставить их познать должности, которые им некогда исполнять должно, вместо того чтоб украсить разум познаниями, удобными освободить их от скуки, в продолжение их жизни более, нежели мужчин, обременяющей, воспитание их, кажется, печется о том только, чтобы дать им совершенное понятие о нарядах, тщеславии, о модах, о собраниях, балах и театрах, не думая вовсе о внутренних украшениях разума. Преподают уроки волокитства, приучают их к владычеству, которое они в совершенные лета обыкновенно распространяют, наставляют правилам, как можно возбуждать страсти, вместо того чтоб они совершенное от них имели отвращение.

Не должно удивляться, если видишь женщин, возрожденных иногда в таковых правилах, что не имеют они нужных качеств, спешествующих общему и частному благополучию, и не знающих и самим себе доставить постоянное счастье.

Не надобно удивляться, видя их впадающих тогда в сети, волокитством поставляемые, находя их бессильными, дабы посредством душевных качеств остановить своих обожателей, которых красота их на несколько минут обольстила. Девица, которой воспитание ничего лучше не представило, как искусство прельщения, не замедлит показать сего на опыте, когда почувствует, что она свободна; вот следствие хитростей и беспорядков между супругами, вот следствие женского развращения, излишество коего влечет обыкновенно к разорительным забавам и к удовольствиям преступным; от сего-то рождается та пустота разума, что если красота их уже увяла, то учи-

няет их бесполезными, несносными в обществе, беспокойными и заставляет их или в пронырствах, или в мрачном набожничестве искать своего утешения от скуки, их пожирающей.

Сие очевидно, что жалостное воспитание, женщинам преподаваемое, производит их слабости, неосторожности, легкомыслие и беспорядки в обществе, которые, учиняя их несносными себе и досадными, оканчиваются наказаниями, собственными их слабостями навлекаемыми. Родители, быв без всякого расположения, не думают порядочно научать сии чувствительные существа, не стараются вооружить их против опасностей их собственного сердца, не помышляют вдохнуть в них твердость и добродетель, можно сказать, что они опасаются, чтобы возвышение разума и сердца не отняло чего от приятностей тела. Они не видят сего, что просвещенный разум придает красоте более величества и что добродетель учиняет сию красоту более любезною и занимает место ее, когда она существовать уже не будет. Как скороувядающие цветы, женщины сотворены нравиться только на некоторое время. Следовательно, не должно ли стараться учинить сие почитание вечным, которое им в рассуждении красоты их оказывают? Сколько красота имеет прелестей, когда она сопровождается стыдливостию, дарованиями, благоразумием, добродетелями! Женщина благообразная и добродетельная есть зрелище самое восхитительнейшее, какое только природа представить может взорам нашим.

Пол прелестнейший, пол, созданный для распространения сладости и удовольствия в жизни, да не отвратится просвещать разум свой, ибо нужные познания не повредят их приятностей. Да потщатся более всего приготовить сердце свое, природою ко всем гражданским добродетелям расположенное. Да будет сие единственное средство, которым они навсегда будут нравиться; сим получают они лестнейшее владычество, нежели то, которое, рождаясь от их прелестей, мгновенно исчезает; сим остановят они свои чувствования и возбудят их, когда закон того востребует, обратят к себе почитание самое чистосердечное, самое твердое, самое желаемое, и не то, которое рассыпают обманщики, ищущие только воспользоваться слабостию их и легковерием; они будут почтены, отличены во всю свою жизнь, в престарелости и в уединении найдут в своих усовершенствованиях утешение; они наслаются общим уважением, искренностию, предпочитаемую шумным увеселениям и сим ничего не значащим заба-

вам, ничего более не производящим, как мгновенное удовольствие и скуку непрерывную.

Всяк, достойно о сем предмете рассуждающий, признается, что примеры, предъявленные римскими и лакедемонскими женами, могут убедить нас к признанию, что женщины, направляемые воспитанием более мужественным, удобосклонны к восприятию величия душевного, патриотизма, восторгов славы, твердости, бодрости — одним словом, великодушных страстей, заставляющих стыдиться сих преданных неге и роскошью изможденных мужчин.

Не можно никоим образом сомневаться, что поведение женщин имеет влияние самое чувствительнейшее на нравы мужчин. Следовательно, все заставляет нас признать, что доброе воспитание, данное самой любезнейшей половине человеческого рода, произведет удивительную перемену в другой. И каким образом сего и прочих гражданских добродетелей достигнуть можно, как не воспитанием учрежденным? И так, когда видим, что и в недрах самых лучших семейств совершенное воспитание бывает редко, требуя многих вспомогательных оному от природы, от знания и обстоятельств действий; когда человек, одаренный всеми добродетелями, редкими качествами, характера приятного и кроткого, неутомимой твердости, глубокого знания о человеке и о раскрытии его разума, единственно занимающийся направлением своего воспитанника, не дающий почувствовать ему, что он им руководствует; когда, говоря, сей человек, невзирая на столько способствующих ему средств, имеет еще нужду, чтобы воспитанник его был счастливого от природы расположения, чтобы родители и окружающие его имели нравственный характер; когда один злой или глупой служитель при мгновенном приближении может опровергнуть попечения многих лет; когда во все про-

---

* К сему счастливому преобразованию сердец, от общественного воспитания ожидаемому, подаеи сладчайшую надежду высочайшее покровительство, которым ее императорское величество всемилоостивейшая государыня императрица Мария Федоровна удостоивать изволит воспитание благородных девиц, благоволив возложить столь драгое попечение на священную свою особу; такое покровительство сопровождается равномерным благоволением и рачением о распространении просвещения, о учреждении новых училищ и о исправлении воспитания Всеавгустейшим супругой ее всемилоостивейшим нашим Императором Павлом Петровичем: благополучны училища, под сению таковых покровителей и попечителей процветающие!

должение времени он, так сказать, не должен делать ничего, что бы не было или приготовлено, или к пользе употреблено в действие к усовершенствованию воспитывающегося; когда деяния, а не слова; когда пример больше, нежели наставления, опыт вместо правила должны быть образованием человека; когда должность и поведение наставника так должны быть сокрыты от взора воспитывающегося, чтобы он не приметил, что его обучают, но что наставник при нем как сотоварищ, как поверенной, как друг; когда дитя любопытством вестись должно к познанию, свободою к трудам, забавами к упражнению; когда даже в многочисленном обществе так мало находится людей, кои могли бы в настоящем их состоянии дать приличное детям воспитание, и когда, словом сказать, делают оное претрудным рассеянность и склонность к забавам, отвлечения, от тщеславия и гордости происходящие, должности гражданские, предрассудки и заблуждения, почти повсеместно распространившиеся и существенно воспитанию противоборствующие, чрезмерная любовь родителей к детям своим, неуместная бережливость в рассуждении здоровья, мелочное угождение предлагать им всякие услуги, даже и в то время, когда они вовсе нужды не имеют, излишние попечения, производящие в детях некоторое малодушие, некую душевную слабость, удобные истребить всякой род бодрости, чувства собственных сил своих, неважные отличности, малые и ничего не значащие выгоды, вовлекающие наставника в самые трудные обязанности, которые чтобы хорошо исполнить, потребно пространное знание, просвещение и совершенство характера, наконец, развращение нравов, противу коих законы и беспрестанно бывают в борьбе, — все сии препятствия, недостатки не явно ли возвещают, сколь мало можно получить выгод от воспитания домашнего и скольких еще останется неудобств от него опасаться. Вот как частное воспитание способствует мало к произведению отменитых членов общества!

И наконец, обращаясь на все состояния, увидишь, как в простом народе разные причины противоборствуют должному направлению нравов. Бедность и невежество, смерть родителей, нерадение отцов, нужда исправлять свои работы, множество разных других упражнений сих разрядов граждан, трудами только своими имеющих пропитание и которые, лишены быв, так сказать, рассуждения, не имеют ни малейшего понятия ни о добродетели, ни об отечестве, ни о нравах, иногда развращенные примерами господ своих, нередко размучен-

ные изнурениями, они становятся злыми и вовсе не способными вдохнуть детям своим чувствования честные.

Естьли сии рассуждения довольно доказательны о слабости частных воспитаний, то сколько сказать можно в пользу воспитания общественного и сколь оно действительно предпочтительнее первого, невзирая на неизбежные несовершенства и его сопровождающие!

О воспитании общественном

«Законы воспитания, — говорит Монтескый, — суть первые приемлемые впечатления; и поелику они приуготовляют нас к гражданской жизни, то каждое семейство должно быть управляемо по правилам великого семейства, все в себе заключающего»⁴⁰⁷. Следственно, необходимо нужно, чтобы во всяком государстве воспитание юношества было соглашено и совмещено с природою, с предначертанием и с правилами правительства.

Всякой род правительства имеет свое свойство, свой предмет и свое особенное основание. Его свойство состоит в постановленном законоположении, имеющем целию известный предмет; его предмет есть та точка, к которой оно существенно привлекается; и его основание есть действующая пружина, предмет сей исполняющая. Из сего общего понятия о правительстве ясно означается, что его основание есть часть самая существеннейшая, которую, так сказать, можно назвать его душою, и есть самое начало, приводящее машину в движение, дающее ей жизнь и силу. Из чего непосредственно заключить и постановить за неперменное правило должно, что сие начало, которое учреждает, одушевляет и укрепляет государственное тело, есть причина самая важнейшая, причина, коею учредители воспитания должны более всего заниматься, которая должна сильнейшим образом впечатлеться в разуме каждого члена общества.

Все правления, следуя Монтескию, могут подразумеваться под тремя видами, кои суть *республиканское*, *деспотическое* и *монархическое*. Республиканское — в котором государство управляется многими, где знатные и народ совокупно управляют, как было в Риме и как ныне в Голландии; деспотизм — где государь есть властитель беспредельный, имеющий право на жизнь и смерть своих подданных

таким образом, что единая его воля составляет все законы, как в Турции; монархия или единоначалие — где один пользуется властью беспредельною, но управляя по законам постановленным и определенным, как в России, в Гишпании и проч.

Из всех сих правлений монархическое есть, без всякого сомнения, самое лучшее и самое совершенное, менее всех разным неудобствам подверженное; деспотическое есть несправедливое и мучительское; республиканское всегда близко к своему разрушению, где одного честолюбца довольно для опровержения оногo. Римляне служат довольно достаточным к сему примером в лице Юлия Кесаря. И потому остается лучшим монархическое, где государь, наследуя государство, всегда занят сохранением того величества, какое имело оно у ого предшественников; и хотя он имеет власть переменять законы, но делает сие для того, чтобы, когда оные недостаточны, учинить их лучшими и совершенными, и совсем не для того, чтоб, уничтожая законы, понизить их и, сим воспользуясь, постановить власть беспредельную. Но какое бы правление ни было, надобно признаться, что естли желать, чтоб оно было прочно и непоколебимо, то необходимо потребно, чтоб оно сообразовалось свойству и духу народа и которое всего бы менее поработчено было превратности непостоянства человеческого. Никакое другое не может лучше сообразить все сии преимущества, кроме монархического, где государь есть отец, а подданные его суть дети.

Вот самая необходимая для юношества наука, вот самый существеннейший пункт в системе предполагаемого воспитания! Особливо никому столь не нужно знать постановления государства своего, как юношеству благородному, а паче к военному состоянию определенному, ибо, чувствуя доброту законов, оно тем с большим рвением защищать как их, так и отечество стараться будет.

Читая историю, дух природного любопытства заставляет нас с нетерпеливою стремительностию обратиться на всеобщие происшествия, от которых душа наша погружается в удовольствие и в отвращение, в радость и отчаяние, взирая, как изменения великих государств или свойство и участи начальствующих действователей на позорище мира сего в нас могут сделать впечатление. Когда рассматриваем, каким образом великие государства восходили до самой высочайшей точки величества своего, как исчезали под собственными своими развалинами, как благоденствовали внутренними учреждениями, как

вспомоществовали соседям, их окружающим, как были жертвою междоусобных враждований, повергающих их в бездну злополучий, или, наконец, как стремились они к отъятию прав человечества, следуя вдохновению правительства, под которым они находились, — словом, когда снесем все сии обстоятельства, когда разберем действия и их причины, когда сообразим все пути добродетели и порока, познаем постепенное их на каждого особо влияние и всех вообще на все государственное тело, — тогда уравнение сие откроет нам, что все предприятия, деяния и происшествия в истории, зрению нашему представляющиеся, все многообразные обычаи, постановления, как гражданские, так и духовные, разные системы государственные и касающиеся до нравов, самое состояние государств, их начало, их узаконения, их величество, колеблемость и самое разрушение должно приписать естеству и силе воспитания. Оно небольшую Афинскую область возвело на самую удивительную степень величества и славы; оно сохранило удивительную крепость и суровую дисциплину Спарты в продолжение семисот лет и Рим заставило почитать дивом всего света*. Но небрежением воспитания мудрость, добродетель, храбрость и могущество Афин, Спарты и Рима остались известны только по истории.

Сии понятия о правительствах не ясно ли убеждают нас, что сие воспитание производит общественные постановления и что оно есть оных следствие. Оно произращает нравы, учреждает могущество, должную деятельность, благополучие народа; оно соглашает начальствующих с повинующимися, страсти примиряет с законами, веления с природою. Когда народное спокойствие утверждает-

---

* Римляне не имели учрежденного воспитания, но вознаграждалось оное нравами, общим мнением, ведущими воинственный народ ко всем одного усовершенствованиям. Как в престарелых, так и в юношах беспрестанное соревнование одного к другому в приобретении славы, устремление побеждать неприятелей, отличать себя подвигами мужественными и великими, самые малые отличия, но в велико поставляемые, были следствием самых изящнейших добродетелей, благодарства славнейших деяний, добронравия народного характера. Иногда сказанная полководцем похвала, оратором речь, справедливые награждения, чрезвычайная строгость во образе всякого рода жизни, и, что более всего, общие и частные примеры, семейственные наставления заменяли то, что бы общественным учрежденным воспитанием в то время едва ли с лучшим успехом произвести возможно было. Рим был оное воспитание, училище целого римского народа.

ся на благонравии, воспитанием внушаемом, тогда основание его будет прочно и незыблемо; но если воспитание не образует юношества, тогда, без сомнения, развращены нравы, тогда увидите человека, лишенного прав своих, собственностью, похищаемую алчною и все поглощающею жадностию и корыстолюбием, бессильного, гордынею подавляемого, и самую невинность, наглостию и силою угнетаемую.

У древних общественное воспитание было одинаковое для всякого члена общества. Сын воина, генерала, священнослужителя, судии, последнего класса гражданина и начальника народного были воспитываемы, питаемы и одеты одинаким образом. Едва младенец достигал шестого года возраста, как отечество и[с]требовало его от родителей, которые с охотою оному поверяли. В нынешние времена невозможно, чтобы всякий разряд общества воспитываем был одинаким образом. Воспитание может быть повсемственное, но не одинаково, общественное, но не единственно. Довольно, если крестьянину, ремесленнику и проч., не смешивая их состояний, нравоучение предпишет исполнять постоянно должности, приличные их званию; наставит быть всякого справедливым, научит соглашать пользы свои с пользами другого, вспомоществовать взаимными пособиями, сохранять обоюдную любовь с ближними, отвратит от ненавидения, яко порока, уничтожающего общественное согласие, поелику всякое общество есть взаимное соглашение, которого твердость зависит от частей, оное составляющих. Наставление, самое для людей важнейшее, принимаемое как в частности, так и в общем составе, состоять должно в том, чтобы заставить каждого почувствовать, что разделенными пользами не можно споспешествовать к составлению продолжительного благополучия, что оно есть следствие взаимных содействий каждого и всех вообще на все целое. Следовательно, люди хотя не могут получить одинакового воспитания, то по крайней мере можно образовать их вообще и обратить умы их к известным предметам, дать известную степень одинакости в страстях народа и его направлениях. Нет двух человек, совершенно один с другим сходствующих, смотря как на сложение тела, так и на способности разума; однако находится общее сходство как в поступках, так и во мнениях всех людей вообще. Например, два гишпанца не имеют сходствий между собою, но во всей нации заметишь важность, угрюмость, суеверие, нерадивость к трудам.

В Лакедемоне⁴⁰⁸ воспитание не только что было чрезвычайно, но превращало некоторым образом природу человеческую, возбуждая все ее действия. Спартанец, исключенный из совета 300 членов, восхищается, что отечество его имеет 300 человек более, нежели он, достойных доверенности оною; юноша, распростертый пред жертвенником Дианы, умирает под ударами, не произнося ни единого слова, не показывая ни единого знака скорби и неудовольствия*;⁴⁰⁹ молодой человек в предназначенном сражении охотнее соглашается умереть, нежели остаться побежденным; жена приносит жертвоприношения за то, что муж ее предал живот свой, спасая отечество; и матери почитают своим благополучием, что сыны их пали на Левктрианском сражении, в то время как другие оплакивают живых, но побежденными возвратившихся.

Преходя потом от воспитания спартанского к нравам римлян, увидим, сколько сии нравы способствовали в продолжение столь долгого времени врачеванием своим недостаткам законов, постановлениям, богослужению и сколько даже награждали погрешности оных. Видим, с одной стороны, как излишество власти родительской умерялося кротостию ее употребления; зрятся совмещенными свобода разводов и бесчисленность супружеств, в продолжение многих веков беспрестанно совершавшихся, страшное бесчеловечие наказательных законов и отческое сострадание о жизни гражданина, частые беспокойства, но не происходящие никогда возмущения, правила утеснения в системе правительства и непоколебимые основания свободы в деяниях частных граждан, непомерная гордость сената и чрезвычайное воздержание в сенаторах, ненависть народа к сенату и снисхождение сената к распрям народным, омерзение к монархии и удивительная доверенность к беспредельной власти диктатора. Мы видим, как нравы торжествовали над самым даже суеверием. Тщетно нисходит порок под видом почитаемого божества для восприятия между людей своего пристанища: нравы изгоняют его с негодованием. Видим добродетель, чтимую Лукрециею⁴¹⁰ в то время, когда тор-

---

* Все древние писатели с удивлением говорят о сем неудобопонятном терпении, которое спартанские юноши имели во время их бичевания. Сие ежегодно совершалось пред Дианиным жертвенником для того, говорит Ксенофонт, что тот, который цреносит мучения сии в продолжение нескольких минут, пользовался должайшее время похвалами и почтением народным. Утверждают, что многие из них умирали под ударами сей пытки, не испуская ни единого вздоха.

жествуют распутства Юпитера, когда непорочная весталка боготворит бесстыдную Венеру.

Сам опыт показывает слабость законов без нравов. Когда общество развращено, врачевания, прилагаемые распутству народа, учиняются обильным источником пущего развращения. Цензура, определенная для назирания над нравами, претворяется тогда в страшную инквизицию*, в орудие притеснения и мстительности, посредством коих несколько человек открытым лицом нападают на безопасность общественную. Цензура сия вместо того, чтоб истребить растление нравов, воздерживает его и распространяет. Возлагает постыдную лихву на общественное развращение, на распутную жизнь, на самые даже преступления. Вместо того чтобы воздерживать души от низкости и измены, они исполняют общество подлыми доносителями, гнусными наемниками, отваживающимися покровительствовать пороку и предавать гонению добродетель, их презирающую. В таком обществе увидишь самую даже веру неисчерпаемым источником пороков и преступлений. Там святилище бога истины преобразено в торжище, где нечестивый осмеливается покупать очищение грехов своих на счет бедного удела, отяготятого им у сирого и вдовицы, мысля сею жертвою приобрести спокойствие невинности и истребить угрызения порока.

Естьли воспитание в Спарте, нравы без воспитания в Риме, иногда общественное научение без воспитания и нравов имели великое преимущество, то каких успехов, каких действий ожидать можно тогда, когда все сии совокупленные силы вместе были бы направлены на предмет общественного блага!

Естьли Ликург силою воспитания мог образовать народ, воинственный до безумия, народ, которого ни несчастье, ни сила, ни отважность по колебали; когда воспитание в сей Спарте могло в женщин влиять величие души и удивительную силу воображения, то для чего нельзя возродить в них теми же средствами чувства столь же высокие и великодушные, учиняющие их более полезными своему отечеству, более приятными их супругам и более уважаемыми от чад своих? Когда воспитание противуестественное могло производить над людьми столь сильное могущество, для чего же воспитание, которое, вспоможествуя природе, способствуя к раскрытию оной, не имело таковой же власти?

---

* Гишпания.

Естьли добродетель царствовала в Риме в недре гражданского несогласия и посторонней войны, между беспрестанною борьбою высокомерия и вольности, патрициев и народа, сената и трибунов, под законами непостоянными и правлением переменным, где вера без нравоучения и богослужение было развратное, — то не может ли она являться во всем блеске в недре тишины и спокойствия, в правлении постоянном и благоустроенном, тут, где вера старается возвысить нравы и способствуют спокойствию законов.

Естьли рассудок, толикократно удерживаемый, гонимый, исступлением и силою попранный, невзирая на толикие препятствия, произвел удивительные перемены в Европе, то чего не можно ожидать от него, когда он ободрен и защищен будет правосудием, когда законоисполнители призовут его на помощь, да придаст он святость их решениям?

Естьли степени просвещения нашего снабдили нас, так сказать, силою преодоления над самою природою и заставили ее действовать по желаниям нашим; естьли могущественная человеческая рука может измерять обширное пространство воздуха, управляет громы, укрощает ветры и воды, растениям и животным дает новые невидимые силы, созидавая, так сказать, как в тех, так и в других новые роды, образует новые влаги; естьли, словом, разум человеку дал столь сильное владычество в физическом мире, — то для чего ж не можно надеяться получить господствования в мире нравственном? Естьли бы направить шествие разума человеческого и отвратить его от тщетных упражнений, обрати его совершенно к предметам, пользы общественные составляющим, то таковое над миром нравственным препобеждение соделалось бы причиною непременности как счастья, так и добродетелей общественных и столько явилось бы преимущественно, что не стали бы более оное почитать невозможным привидением. Общественное воспитание может только произвести все сии пользы!

Так, действительно, воспитание общественное есть единое только средство к восстановлению всего того, что относится к истинному просвещению, к восстановлению в совершенстве всех выгод, всех добродетелей, каковые общество иметь должно. Там люди познают, в чем состоит сие общество и какие суть его обязательства, чего, в частности, многих воспитаний приобрести не можно. Тут истребится причина общественного расслабления, от несогласия и разделения проистекающая. Привычка от самого детства жить вместе в таких летах, в которых побудительные причины к разделению редки, скоры и

удобопреходящи, укрепит общее соединение, приобучит граждан взирать друг на друга как на части одного тела, как на детей одного отца, как на членов одного семейства. Неравенство состояний и имений, поставленных на одной черте, истребит несчастные свои действия, произведет связь, непосредственно всех наравне поставляющую, и глас могущественный, глас природы, возвещающий и напоминающий человеку беспрестанно об оной, обретет граждан, всегда к тому расположенных. Дети не будут оставлены сему скучному уединению, учиняющему душу их пусту и характер дикообразным; общество их собратий даст заблаговременно сию нужную силу, в течение жизни их столь необходимую. Приучаясь чувствовать нужду в равных себе, во взаимных забавах, летам их свойственных, они привыкнут быть внимательными и благодарными; и сия беспрестанная мена их усердных друг к другу услуг возродит в душе их нежную любовь к обществу и чувствованию взаимные между людей зависимости. Они научатся подвергать волю свою воле других, быть кроткими, прилежными, чувствительными, благодетельными, ненавидящими упрямство, презиращими иступление гнева и научатся ограничивать пределы естественного побуждения к свободе. Тут соревнование откроет дарования, ибо награждения воздадутся за отличные достоинства, чего в домашнем воспитании никак произвести не можно.

Но сколько общественное воспитание ни должно быть неисключительно для всякого члена общества, но нельзя, однако, не почитать детей воспитанию частному семействам знатным и вместе добродетельным, людям испытанным и честным, где отец относительно чад должен быть владыка, судия, законодатель и в сии ограждения законы уже не вступают. Там отец семейства, быв добрым гражданином, окончив подъятые в пользу отечества своего труды, окруженный младыми леторасльми⁴¹¹, естли отдохновение свое полагает в приготовлении на служение государству по себе преемников, с честью и славою заменить его должествующих; естли его правила, наставления, а что более пример действуют живо над сердцами его чад; естли он вливает в них свой дух да отечество его приобретает новых сподвижников, во всем ему подобных; естли из сего училища, в котором ничто не убивает духа, не отнимает способностей, не устремляет ко вредным страстям, не теряет времени, посвященного попеременно трудам и учению; из сего училища, говорю, естли явятся юноши здоровые, благорассудительные, с

совестию и верою соглашенные и в продолжение бдительного воспитания предохранены от всех бедствий, с молодостию их сопряженных; когда под надзиранием сих родителей слабые силы тела укрепятся, душа, облекшись в велелепие, воспримет величество и человек явится на позорище мира сего знаменитым предметом, внимание всех на себя обращающим; когда сим первым основанием приобретает сильное сложение тела, твердость духа; когда утвержденный в правилах добродетели и чуждый всякой неблагопристойности расположится любовию и искренностию к ближнему и составит приятнейшее для сердца своего упражнение; когда возымеет необманчивое понятие о достоинствах, о счастии, взирая на оные не по титлам и не по богатству, но по их сущности; когда от юности с презрением посмеется превозносящейся гордыне и, не поколебшись, пребудет во всю свою жизнь в трудах и подвигах чести неутомим, невзирая ни на какие опасности, предприимчив, смел, готов на все отважиться, куда честь, должность, отечество его призывает; когда, словом сказать, юноша, наученный повиноваться родителям, научится иметь повиновение к начальству и приобретет от союза семейственного, любви братской любовь к союзу гражданскому, любовь к отечеству; когда домашнее согласие родитишину и согласие общественное; наконец, когда все жертвы, творимые в пользу дома, посвятит общей пользе своих сограждан — тогда, без всякого сомнения, полагаться можно на воспитание частное; но, по многоразличным и сказанным уже обстоятельствам, таковые бывают редки, и потому нужно для соблюдения единообразия наставлений оставлять малейшую часть граждан воспитанию семейственному или частному.

Таким образом, проходя все виды частного и общественного воспитания, разумея все вообще состояния, обратимся теперь к воспитанию благородного юношества, а особливо предназначаемого к состоянию военному. Но чтобы порядочно войти в нужные части оно-го, рассмотрим, что такое есть благородство и какие его в рассуждении государя и общества обязанности.

О благородстве

Благородством именуется между нами отличность, обыкновенно воздаваемая происшедшим от показавших великие услуги отечеству,

и государи в знак благодарности к оным сим отличают их от прочих, то есть изъявляют им противу других более уважения*⁴¹².

В другом случае государь, почитая личное достоинство гражданина или воина, дает право дворянства в том расположении, что получающий продолжит те отличительные способности и добродетели, учинившиеся причиною его возвышения. Вследствие чего возвещает об нем: «Что такой-то, служа с пользою отечеству своему, отличается от прочих сограждан отменитою степенью почести и имеет за то основательные причины требовать от них благодарности. Что естли поведение его будет соответствовать сим намерениям, то общество для собственной пользы своей должно оказывать особливое ему уважение».

Но естли владеющие обществами законом постановили, чтобы предавалося в наследие титуло благородства происходящим от людей, славными делами отличившихся, то сие не иначе как в том намерении, что благородные, имея преимущественные выгоды, могут получить лучшее от родителей своих воспитание, приобрести правила чести, великодушные чувствования, разум и сердце, тщательно приуготованные. Из сего не явственно ли следует, что благородные, получающие столь малою ценою сие великое преимущество, должны восчувствовать, сколько обязаны они показать преданности отечеству, чтобы заслужить по достоинству толико знаменитое наследие. Что отличность сия не в ином намерении учинилась наследственною, как чтобы тем оживить их в юности еще сущих и заставить последовать примеру своих предков, чтобы соблюдали они те же правила, какие соблюдаемы были их родителями, то есть защищали бы мужественно свое отечество, беспрестанно старались бы приобретать таковые же способности, какими те себя ознаменовали, и поддерживали бы память их мудростию, мужеством и заслугами превосходными, ибо благородство от того, кто обладает оным, требует большей привязанности к своему отечеству, нежели от прочих, потому что, чем более он

---

* «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное». Грам. дворян. 785 году. «Добродетель с заслугою возводит людей на степень дворянства. Добродетель и честь должны быть оному правилами, предписывающими любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и верность к государю и беспрестанно внушающими никогда не делать бесчестного дела». Наказ Ком. о учрежд. нов. Уложения.

от него получает, тем более должен оказывать к оному ревности и усердия. И кому ж более в отечестве принимать участия, как не благородному? Ибо имущества дворянина в недрах оного заключаются, для которого отличности и почести изобретены.

Но большею частию благородные не стараются подражать предкам своим в добродетелях, и чего ж можно ожидать от такового благородства? Единого развращения! Нередко увидишь дворянина, влачащего жизнь свою в деревнях, не оказывающего ни малейшей заслуги государству и ко вреду трудолюбивого гражданина и храброго воина кичащегося своим преимуществом, ищущего происками своими себе отличия, уважения, почтительных титулов за то, что и дела, и происхождение его покрыты неизвестностию. Не вправе ли такому благородному каждый гражданин говорить: «Когда ты получил от предков своих выгоды и права благородства, но подражать им не стараешься, недостоин сего звания и наследствовать оное не заслуживаешь, ибо забыл ты благотворное обладателей намерение, что дано тебе преимущество предков твоих во уповании, что ты явишь себя им подобным. Тогда действительно уличить такового можно, что заслуги суть способность личная, в потомков при рождении не пресекающаяся; тогда ему сказать можно, что лучше бы тебя в то время почитать правом сим, когда бы ты заслужил его сам, что послужило бы и другому, подобному тебе, поощрением и вернейшим средством к истреблению невежественного твоего хвастовства, гордиться храбрыми делами дедов твоих, которым ты последовать не старался». Почтение и цена человека, говорил Монтань, заключаются в его сердце и расположении. Вот истинная его честь!

Многие благородные, основываясь на предрассудках и тщеславии, мыслят, что бытие их существенно превосходит прочих сограждан и что вещество, из коего они сотворены, есть другого рода противу прочих. «Благородные, — говорит Николь⁴¹³, — ослеплены даже до того собою, что мыслят о себе, что благородство их есть характер, им природный». Другой моралист сказал: «Что естьли порядочно рассмотреть благородство, оно не что иное есть, как дар нечаянного случая, достоинство другого». И естьли что в самом деле страннее сего, как славиться тем, что не есть собственное? Однако те, кои ничего, кроме сего, не имеют, говорят об нем не преставая; но вся слава в гробницах их отцов. К чему служит слепому, что отец его имел хорошее зрение? Вести род свой от того, кто с похвалою служил обществу, — значит быть обязану ему последовать.

Истинное благородство, говорит Ювенал⁴¹⁴, есть сама добродетель. И потому благородный без достоинства и дарований, благородный низкий и ползающий, благородный, уничтожившийся своими долгами, распутствами, — словом, благородный без добродетели есть совершенное противоречие сему имени. Тот только благороден, кто служит с пользою своему отечеству; благородный тогда только достоин почитания, когда он благородно поступает. Он не заслуживает отличия от толпы народной, когда его добродетели породе его не уподобляются.

Катилина, происходивший от древней римской фамилии, имел смелость упрекать Цицерона неизвестностью его происхождения. «Я признаюсь, — отвечал консул, — что имя мое начинается мною, но ты бойся, чтобы твое тобой не окончилось».

Всем таковым благородным сограждане их опять сказать могут: «Естьли вы действительно происходите от крови сих великодушных воинов, некогда посвящавших себя отечеству, то докажите ваше происхождение деяниями благородными и таким образом заставьте нас о вас мыслить, как мыслили мы о ваших предках. Естьли вы происходите от благодетелей отцов наших, не обходитесь с порождениями их с пренебрежительною высокомерностию. Естьли вы хотите быть уважены, заслужите сие вашими добродейаниями, непременною привязанностию к священным законам чести. Естьли вы отличные члены общества, не учиняйтесь сообщниками злых, которые, руками вашими сокруша все, уничтожат наконец и ваши преимущества, приведут вас в состояние простолюдимов, которых вы имели бесчеловечие или, так сказать, глупость сами пренебрегать».

Истинное правило нравоучения предписывает благородным, определившим себя к оружию, людям знатным и на вышние степени возведенным отличать себя едиными добродетелями и познаниями, приличествующими их званию. Оно запрещает им предаваться поведению низкому или порокам, могущим уподобить их самой презрительной подлости, поелику благородство означать должно величие души, хотение твердое и постоянное блюсти священные права пекущегося об нем и награждающего его государя и отечества. И рассматриваемый каждый из них в особливости должен усовершенствовать разум свой изучениями мудрыми и необходимыми, быть примером чистоты нравов, воздержания, правосудия, общего доброхотства. Словом, учреждения порядка и разделения блага на всех его окружающих. Сие суть неперемненные благородных правила, без которых ни они, ни общество,

плодов себе от них ожидающее, счастливо существовать не могут и как государю, которому служат, так и тем, над коими имеют власть, вредными учинятся. В сем состоит истинное благородство, и таким образом благородное юношество в учрежденных к вящему образованию училищах должно быть приуготовляемо! И естли по предначертанию сему воспитание их окончено, тогда можно будет ожидать, что молодой человек изъявит все то, чем с честью и славою показаться можно в действии; тогда с прилежностью останется рассмотреть, к каким он общественным должностям — в достоинстве ли гражданина или воина — употреблен быть может.

О воспитании военном относительно благородного юношества

Известно, что война всем народам учинилась необходимою и род человеческий должен неисключительно нести иго ее и переносить тягость, вследствие чего каждое государство имеет войска, и искусство военное, учинясь неперменным, потолику стало во уважение, поколику содержит добрый порядок и способствует общественному спокойствию. [Так как] человек военный потолику отличен, поколику тщится исправить должности, кои его состояние ему определило, то, чтоб поставить молодого человека на стезю сего превосходного достоинства, чтоб дать уразуметь ему о его обязанности в чине воина, нужно, чтоб воспитание поставило неперменным долгом научить детей *повиновению* яко первой добродетели военной. Чтоб воспитавшиеся в рассуждении искусства военного имели сие главнейшим правилом, что, *кто умеет повиноваться, тот умеет повелевать*. Вследствие чего надобно, чтоб молодые люди учились тут дисциплине таким образом, как бы имеют дело с неприятелем; чтоб училище сие представляло небольшую армию; чтоб повиновение долженствует быть первейшим основанием, чтоб воспитание руководствовало их по самой точнейшей строгости и во всей той важности, какой требует наука военная. «Вообще их обучать надобно тому, что офицеру и генералу знать принадлежит, как войну вести, как предводительствовать армиею»^{*415}.

Сие воспитание должно внушить им твердость и величие душевное, приучить их от самых нежных лет взирать на смерть с бесстра-

---

* Рассужд. о устан. Кад. корп., стр. 3.

стием; и чтоб возродить в них сию великодушную добродетель, должно посеять в разуме их чувство чести, любовь к отечеству, желание приобрести уважение от сограждан своих, страх потерять оное чрез поведение презрительное или нерадивое. Оно, покоряя волю детей, их склонности, привычки рассудку, должно предупредить пустую гордость породы, величающейся родословного своих предков и уверяющей благородных, что кровь их чище прочих сограждан. Воспитание должно постановить пределы запальчивости их, со временем в зверство превратиться могущей, чувствительностию к человечеству, даже среди сражений сопровождать их долженствующею. И в сих летах, кои удобны принимать всякие впечатления, должно дать почувствовать им все должности, заключающиеся в отношении прочих с ними в обществе живущих, каким они обязаны почтением к оказавшим им благодеяние, как обходиться с великими и малыми, с богатыми и бедными, с друзьями и неприятелями; отвратить их от праздности яко начала всякого зла и пороков; приучать к опрятности, чистоте, умеренности и поведению, в общежитии необходимому. И наконец, как бы многочисленны ни были по многообразию случаев и обстоятельств отношения, сие воспитание попечительно да наставит, что должно им быть справедливыми и благодетельными ко всему роду человеческого, что несчастье, кому-нибудь учиненное, может обратиться на их самих, несправедливость, товарищу оказанная, взаимно отплатится. Естьли кто ударит кого, уверить должно, что и тот взаимным образом отвечать ему может. Словом, приучить, чтоб они обходились с другими таким образом, как бы с собою желали, и не делали бы того, чего себе не хотят. Естьли возгордится кто своими дарованиями или успехами, да тщательно таковой усмирится и дастся почувствовать, что слуга и даже самой малейший человек заслуживает уважения, как сотворенный им подобно.

Из сего видно, что, обучая молодых людей наукам, должно их научать добродетели, ибо мало еще имеет тот знания, кто выучил иностранные языки, мафематику, историю, географию и проч. Но когда не наставлен в науке нравоучения, уважения к самому себе, когда не тверд в расположениях чувств душевных, не расположен с патриотическим рвением исправлять общественные должности и сими приобретенными познаниями не устремлен к общему добру, — то государство от такового пользы получит мало. В человеке без страсти быть преданным своему отечеству, без любви к славе увидишь его в

самого себя только заключенного, мыслящего единственно о себе одном, о собственной пользе, не заботясь нимало о пособиях, о жертвах отечеству, от него ожидаемых. Итак, потщимся поселить в юные разумы истинное просвещение, сердце и разум подвигнуть к добродетели и все душевные способности возбудить к патриотизму и любви ко славе. Таким образом, соглашая науки с добродетелями, приуготовим юношество к тому, чего желаем: характер его будет образован, знание их прочно и полезно.

О главном попечителе и наставниках

Но кому верить должно сохранение толиких правил, толикую важность в себе заключающих? Кто будут сии попечители общего блаженства, восстановители нравственности, которым поручить можно драгоценные залогов семейств, да учинятся истинными сынами отечества?

Сии суть, без сомнения, те, которых характер составляют достоинства, знание сей должности, почтение от общества заслуженное, испытанная честность, правосудие, бескорыстность, добрые нравы и приверженность к благу общему. Сии-то добродетели должны занимать столь важное и благородное главных попечителей место. От таковых только ожидать можно великой деятельности в наставлениях, утверждения истины во всей силе ее во мнениях каждого. Под руководством таковых только попечителей явятся те достойные наставники, которые будут в себе заключать все способности, все нужные качества, удобные для образования юношества. Они, зная, что все зависит от сих воспитателей, не иначе позволят вступить в знаменитое сие общество как по строжайшем испытании их знания, их нрава, склонностей, правил жизни. Они не допустят никакого гнусного наемника, ради пропитания и корысти должность сию воспринять намеревающегося; и, имея назирание над воспитанием, тщательно награждая их по мере отличностей, без сомнения, вскоре произведут достойных занимать столь важные места наставников, кои, избираемы бывши посредством постановленных учреждений, не на одной воле их основанных, и направляемые законами, составят род почтенного сословия, которому без опасения поручать можно воспитание юношества, не заимствуя великого множества большею частию бесполезных иностранцев. Таким образом, и во всех местах, где общественное воспитание учреждено, естьли строго рассматривать, отли-

чать и обеспечивать состояние стараться будут таковых, какие описаны, наставников, чрез что произведут между ими соревнование, желание пользоваться столь выгодным местом, толикими преимуществами, и, следственно, наверно, заключить можно, что составится благородное общество воспитателей, возвышенное выше всех предрассудков, учинившееся совершенно способным к восприятию творческого дела. Они-то соделают воспитание необманчивым, прочным и непоколебимым. Посредством таковых только воспитателей сей мудрый попечитель может привести в действие вышепредписанные правила и согласить направление законов с разумом юношества.

И как воспитание не иначе основано быть может как на подражании, то мудрые учреждения, желая сотворить людей, ни о чем не должны пещися более, как о том, чтоб сколько можно лучшим образом направить шествие сих наставников, кои служить должны юношеству примером. И хотя сии люди не будут иметь совершенного сходства, многие далеко отойдут от образца, некоторые превзойдут оный, однако большая часть по крайней мере будет иметь общие черты подобия, и сии-то черты сотворят *характер общественный*. Доведя наставников сих к сему предмету, общественный характер в них заключающему, можно ожидать, что родятся в юношестве все добродетели, человека общественного составляющие.

Но какую выгоду может приобрести юношество от училищ общественных, когда не принимают за основание, что избрание превосходных наставников, распространение нравоучения, утверждение нравов составлять должны истинное воспитание и что сии суть только средства, кои способствовать могут к употреблению молодого человека с пользою; когда пренебрегаемо сие первейшее правило, что естли хотеть, чтоб проистекло благо обществу от воспитываемого юношества, то воспитатели молодых людей должны быть люди с познаниями, имеющие нравы кроткие и поведение дознанное, украшенные всеми теми добродетелями, кои могут послужить примером воспитывающимся и учинить впечатление на все продолжение их жизни*, поелику молодые люди ничему так скоро не последуют, как

---

* «Все зависит от удачного выбора начальствующих и учителей, одаренных здравым разумом, а не зарзвившихся надутым видом и угрюмостью». Рассуждение о установлении Кадетского корпуса.

видимому поведению своих воспитателей, всегда с ними обращающихся*. Но иногда почитают, что сделано уже довольно, когда число их наполнено и когда учинена без разбору и испытания доверенность людям, ни малого понятия о воспитании не имеющим; когда не следуют сим мудрым правилам Платона, *что те только могут быть счастливы, кои добродетельными управляются*. Воспитание своенравное, сопровождаемое педанством** и пристрастиями, встревожит учащихся, отвратит от учения, смешает и помутит понятие о справедливости. Люди невоздержные, нетерпеливые, характера непостоянного не способны к воспитанию юношества.

Мы видим, что при самых лучших учреждениях воспитания, когда нет хороших наставников, ожидаемого успеха не последует. Ибо тот не вовсе еще способен к воспитанию, который кажется снабден нужными к оному сведениями, но когда не имеет сих существенных способностей: снисхождения, смешанного с твердостью, великого терпения, непорочного нраву, возвышенных чувств, истинного богопочтения и той степени разума, учиняющей его способным принаравливаться к слабостям детей и творящей его им другом; такового к должности толико важной употребить не должно. Имеющий же сии достоинства и склонен бывши к трудам, хотя бы был и необширного разума, получит тотчас потребное знание и учинит сколько достойных воспитанников, столько, без сомнения, и просвещенных граждан.

Взирая на воспитателей ученых и невежествующих, многознающих и непросвещенных, без сведения науки обхождения с детьми, вы увидите их с воспитанниками своими ведущих беспрестанную борьбу; неприлежанию, нерадивости, шалостям противопологающих позорные брани, жестокие выговоры, частые наказания, держащих детей в беспрестанном детстве, учиняющем их неволь-

---

* «Дитя есть самый лучший копист всех наших, а паче худых поступков. Без науки, без прилежания и рассудка перенимает и точно повторяет все, что видит и слышит, наипаче от тех, кого любит и почитает». Рассужд. о устан. Кад. корп.

** «Педанство есть сущая пагуба воспитания юношества вообще, а благородного особливо. Естли должно выбирать из двух зол меньшее, то лучше взять учителя некоторым недостатком подверженного, нежели педанта, учением своим надутого и во всем поведении столько же нестерпимого, как и смеху достойного». Рассужд. о устан. Кад. корп.

никами, рабами и не допускающем познать причину, в училище их собравшую. Вы увидите таковых воспитателей, учащих не укрощать страсти, но погашать, истреблять их до основания, взирая на них как на плачевный дар природы*; и дети, находясь под таковым

---

* Плутарх уподобляет страсти ветрам, без которых корабль не может иметь своего направления. Они не что иное суть, как движения душевные, возбуждающиеся от предметов, воображению нашему представляющихся. Все страсти имеют в виду какое-нибудь благо, удовольствие или счастье, хотя оные впоследствии и ложны иногда являются. Например, скупой ори виде полного кошелька не может не изъявить радости своей, потому что страстен к богатству. Сладострастный, видя хорошую женщину, не может не желать ее наслаждения, потому что он страстен к утехам. Стоики и другие моралисты признавали страсти болезнями душевными, кои истреблять должно для нашего успокоения и блаженства; но ныне, напротив, — полагают, что страсти человеку необходимы, которые не погашать вовсе, но только усмирять чрезмерное оных воспаление должно. В противном же случае сие значить будет, что из человека хочешь сделать машину, когда желаешь истребить до основания его страсти. Конечно, есть из них опасные, вредные и преступные, но есть, напротив, другие, сами по себе приятные, полезные, похвальные и невинные. Страсть к игре есть предосудительна, естли предметом ее гнусное корыстолюбие; но страсть к трудам есть всегда достохвальна, когда человек, предаваясь оным, имеет в воду пользу общую. Не тот человек добродетелен, который вовсе страстей не имеет, но тот, который с тщательностью их побеждает и не допускает себя быть увлечену их силою за пределы добродетели и должности. Человек, не чувствующий ни любви, ни зависти, ни удовольствия, ни печали, ни надежды, ни страха, — словом, учинившийся мудрым стоиком, есть не что иное, как неподвижная глыба, кою ни в какое нельзя употребить действие. Каким образом, в самом деле, возможно бы образовать, воспитать юношу, не чувствующего пристрастия к награждениям и отвращения к наказаниям? И сколь бы мало кто ни входил в исследование страстей, увидит, что они сами по себе ни хороши, ни худы, а учиняются таковыми по употреблению, из них производимому; поелику вояк человек родится с нуждами и с желанием оные удовольствовать, к тому ж по врожденной способности расположен чувствовать печали и удовольствия, когда все понуждает его устремиться к приобретению последнего и устранению от себя печали, те из сего и происходит, что страсти человеку присущи, неразделимы от его природы, согласны бытию его, необходимы к его сохранности. Страсти в направлениях своих столько имеют многообразных видов, что не можно войти во все оных подробности, кои суть бесконечны, но довольно сказать, что все они полезны, естли обращены к благому предмету, естли обузданы рассудком, естли силою одного стремления их воздержано, остановлено, учреждено или, взирая на обстоятельства, распространено до известных пределов. Сократ был по природе своей склонен к разным порокам, как-то: к наслаждению чувств телесных и к услаждению вкуса; но чрез беспрестанное прилежание к наследованию гласу разума он всесовершенно предохранил себя от суетных усилий порочных своих склонностей.

надзираем, в беспрестанном принуждении, видя в наставниках своих лютых только властителей, употребляющих власть сию для их мучения, ведущих их к постыдному унижению, принимают личину лицемерия, и вот следствие, что они в летах самой невинности и чистосердечия становятся обманщиками. Как скоро удалились они от взора своего надзирателя, свергают с себя его принуждения и слепо попутаются неограниченным страстям своим, от которых прежде страх один удерживал. Если молодой воспитанник имел таковых наставников, если он вышел из училища, тогда увидите его торжествующего, получивши свободу от порабощения своенравию своих воспитателей и трудным школьной жизни обязанностям; и, не получая твердого правила, как показаться в обществе, к тому же, когда присоединится богатство и неуместная любовь родителей, — то он неминуемо потеряется и сам себя не познает. Отчего необходимо последует, что он будет, так сказать, истребляться в жизни нечувственной и рассеянной, отличность свою предположит в посрамительном шутовстве* и буйности страстей. Воспитывающийся если не будет понимать воспитание, им полученное, как сопровождение его к вышним достоинствам, если, выходя из училища, не употребляет праздного времени своего на изучение законов и правил правительства, если не будет иметь желанья приобрести в совершенстве знание искусства военного — таковое воспитание тщетно будет и бесполезно, которое вместо того, чтоб сделать ему честь, а государству пользу, послужит только к тому, чтоб его унижить, учинить несчастливым, вредным и недостойным навсегда своего отечества. Тогда с Сенекою спросить можно: какие суть сии плоды, которые мудрое воспитание обеща-

---

* Сие весьма удобно приметить можно, что всякий молодой человек, имеющий пристрастие шутить или, так сказать, веселить беседу на счет ближнего, бывает по большей части человек тщетный, ничему не наученный и к общественным должностям редко употребительный, поелику лучшее расположение ума своего устремляет на то, чтоб шутить, сказать острое слово. И хотя чувствует иногда, что презираем, но делать нечего, переменить нечем, и потому принимается опять за ремесло общего весельчака и сим старается хотя мало поддерживать себя в обществе, надеясь оставить за собою имя бойкого. Но к несчастью, сие весьма редко удается, ибо кроме желанья быть шутом надобно иметь искусство от природы. Сей же самый, будь хорошо научен в училище и понятия его лучше образованы, то никогда не предается невежливому сему пристрастию. *Охота говорить красноречиво есть признак человека злого характера.*

вая, похитило великое число самонужнейшего времени и образовать было должно на все продолжение жизни?

Воспитание молодых людей требует, чтоб обходились с ними с кротостию и хладнокровием, наставники их имели бы поведение твердое и непремняющееся.

Надобно, чтоб воспитывающиеся признавали сами заслуживаемое ими наказание, так равно и получаемое ими награждение; надобно, чтоб они видели справедливую причину строгости и снисхождения, ибо всякая оказанная суровость заставит признавать наставников своих за ненавистных тиранов, а в другом случае невместные оказываемые ласки примутся от них знаками слабости их зрителей.

Хорошие наставники, имея твердое и беспристрастное поведение, могут заставить воспитанников своих себе последовать; поелику видя, что все творимое воспитателями есть честно и самая честь ими уважаема, всякие противные оной поступки презрены и нетерпимы, придет ли в воображение воспитывающимся, не имеющим никого пред глазами, кроме своих наставников, подражать кому-либо иному? Сим-то единым способом можно произвести в них чувство чести и отвращение всего того, что чести недостойно. Сие-то заставит их действительно уважать воспитателей во время делаемых похвал за хорошие поступки и осуждения за худые; или, видя пред собою добродетельных и достойных наставников, захотят ли потерять к себе их почтение, когда глубоко в сердцах их впечатлено, чтоб беспрестанно им последовать*.

И как известно, что все люди вообще, какого бы возраста ни были, равно управляемы бывают мнением, и не столько сущностию самого

---

* «Естьли при корпусе или воинском училище найдутся подобные учителя, то об успехе и благосостоянии оногo сомневаться не можно; буде же по несчастью таких людей не достанет, то тщетны будут все предписания и все старания о произведении благонравия и успехов. Без таковых учителей совершенных офицеров произвести не можно». Уст. Кад. корп. — В военном училище число наставников большею частик» составляют офицеры, следовательно, должно быть избрание их самое строжайшее. Надобно стараться определять таких, кои бы все то заключали, что составляет честного и благородного офицера, чтоб служба их была ознаменована опытами нескольких кампаний, поведение их совершенно изведено. Офицеры же, только что вышедшие из училища и в то же время определенные к воспитанию, есть зло ощутительное и вред юношеству не малый наносящее.

события поражается их воображение, как мнением об том человеке, который о каком-нибудь говорит действию; следуя сому правилу, знаменитый, покрытый ранами воин, украшенный торжественными знаками, может только говорить о мужестве и способностях военных. Судия почтенный и справедливый да провозглашает правосудие и уважение к законам; гражданин, лучшим образом служивший отечеству, да внушает чувство любви и почтения к сей общей причине рождения каждого*. И естли, вообще сказать, наставники сии будут избираемы не по случаю или прихотям, как обыкновенно почти в таковых случаях бывает, но по личным достоинствам; естли исполнены они любовью к ближнему, общим доброжелательством ко всем людям, ко всему роду человеческому; естли они ласковы, снисходительны, со всеми и между собою учтивы, благопристойны, добронравны, гневу и горячности не подвержены — то можно ожидать, что дети, видя подобные примеры, учинятся совершенными гражданами. И кто может после сего усумниться в превосходстве оих наставлений над наставлениями, преподаваемыми каким-нибудь тунейдцем? Кто усумнится, чтоб не произвели сии люди действия благие и спасительные?

---

* И как добрые основания постепенно утверждаются, и потому не можно ли найти естли не всех вдруг, то произведением вышепредписанными правилами довольного числа испытанных, просвещенных и честностию украшенных воспитателей? Есть много людей благородных, почтенных, с честью в военном и гражданском состоянии служивших, кои с пользою занимать могут места старших надзирателей; есть довольное число училищ, отколе можно наполнять прочие места смотрителей. (Предполагая, что общие правила во всех училищах одинаковы.) И воспитываемых и наученных в училищах общественных, обращенных к общему предмету, прошедших довольное поприще в гражданской жизни, следовательно, знающих, в чем состоит связь общественная, гораздо лучше употребить можно к должности надзирания, нежели избранных другим каким образом. Известно уже, что начальные черты воспитания глубоко Изображаются в душе и остаются на целую жизнь неизгладимыми. Следовательно, в сии лета возраста нужно положить основание характера общественного и начала упоминаемых выше сего добродетелей, то такой человек, который употреблен бывши по состоянию своему к должностям обширнейшим и к жизни деятельной, рассказывая о каком-нибудь происшествии, удобном ко внушению сих гражданских добродетелей, может утвердить то собственным опытом или очевидным своим свидетельством. *Неупотребляемые* же в должности мужеские не могут в слабых еще и только что возникающих детских душах напечатлеть мужества, твердости духа, дать понятие о славе истинной и лажной, ибо таковые внушения тот токмо учинить может, кто все сие приобрел опытом.

Лета вступления в училище

Воспитать, научить дитя, открыть разум его — значит помогать делать ему испытания, сообщать те, которые приобрели сами, внушать понятия, мнения, самим себе составленные. Испытание превосходное или разум, более очищенный наставниками, есть следствие их примера и удобства отроческих лет, во время которых приемлемые впечатления учиняются неизгладимыми. Любовь к отечеству, уважение к начальству, почтение, отдаваемое ученым, ж проч. основаны суть на опыте, извлеченном от сих предметов, внимание наше на себя обращающих.

Человек становится таковым, каков он есть, или действием собственных своих испытаний, или от других оные получая; воспитание его образует. Из глыбы, способной только к чувствованию, из состава, едва оживленного, он при помощи образования становится мало-помалу существом опытованным, истину познающим и, смотря по членосоставлению, каким первоначальная материя его определила, являющим впоследствии более или менее разума.

Во время детства человек утверждается в привычках добрых или злых, то ость в действиях полезных или вредных как для самого себя, так и для прочих.

Вначале младенец с великим трудом ходить научается, но по силе упражнений ног своих приобретает навык, удобно ходит, останавливается, когда путь ему преграждают. В самом нежном младенчестве человек произносит крик или невнятные звуки, но понемногу навыкающий язык выговаривает слова и потом научается в скорости их сообщать.

Следственно, в воспитании и в нравовании понятия наши суть не что иное, как действие навыка. Если наставники сообщают питомцам своим познания истинные и если сии познания соглашены с опытом, то воспитанники получают понятия здравые и в привычках пристойных утвердятся; когда же познания их лживы, то состав, приемый детьми из чаши заблуждения, претворит их в злых и безрассудных.

Мнения людей не иное что значат, как соединение истинных или ложных понятий, учинившихся для них обыкновенными по силе повторения оных в их мозге. Если с детства приметится, что понятие о добродетели приложено к понятию безвредных удовольствий, к истинному счастью, к должному уважению и почитанию; если развратные примеры не опровергнули впоследствии сие счастливое соединение понятий, то можно твердо увериться, что дитя, наученное таким образом, содела-

ется честным человеком, почтенным гражданином. Когда же от самой нежной младости человек, заимствуя от воспитателей своих понятия, будет счастье свое полагать в породе, в богатстве, в нарядах, то удивительно ли, что он сделается тщеславным, сребролюбивым, гордым?

Сам разум есть не иное что, как привычка судить о вещах здраво и вскорости разбирать, что соответственно или что противно нашему благосостоянию. То, что называется *побуждение нравственное*, есть способность с поспешностию и безостановочно судить о всем, взору нашему представляющемся. Сие побуждение, или скорость суждения, происходит от привычки, приобретенной частым употреблением. В физическом нашем состоянии мы устремлены побуждением нашим к предметам, кои в состоянии произвести удовольствие нашим чувствам; в нравовучении, напротив того, мы примечаем скорое чувство почтения, удивления, любви к деяниям добродетельным и отвращение к бесчестным, которых уклонение от истинного правила мы познаем при первом на них взгляде.

Скорость, с каковою сие побуждение, или нравственное *ощущение*, производится в действо людьми просвещенными и добродетельными, заставила многих моралистов думать, что способность сия нераздельна от человека и при рождении им с собою приносимая; как в сущности оно не что иное есть, как плод рассуждения, привычки, научения показывающего, как с выгодою должно употреблять естественные наши расположения, внушающего чувствования, какие мы иметь должны. В нравовучении, так как и в художествах, вкус, или способность хорошо судить о изящностях произведений людей, есть искусство, приобретенное наукою, большей части людей, однако, вовсе не известное. Человек без учения, дикий, простолюдин, не имеет ни побуждения, ни нравственного вкуса, о которых мы говорим; он судит, вообще сказать, весьма худо; чернь одобряет иногда самые великие преступления героев и победителей и творящих самые наглые насилия, неправосудия провозглашает великими людьми. В нравовучении рассуждение и привычка научают нас здраво и поспешно судить и быстрым мгновением ока обнимать красоту и безобразие деяний человеческих. Человек, тогда только почитается умным и рассудительным, когда избирает истинные средства к доставлению себе своего счастья; он неблагоприятен, несмыслен, невежда, если берет противную сторону.

Удовольствия человека тогда не противоречат здравому рассуждению, если споспешествуют к доставлению ему благосостояния

твердого, предпочитаемого наслаждениям преходящим. Действия в человеке навсегда суть рассудительны, если способствуют приобретению существенного блага, на вреде других не основанного. Человек, предводительствуемый разумом, не хочет, не желает, не творит иного, кроме истинно полезного; не теряет никогда из виду того, чем он себе и существам, живущим с ним в обществе, обязан. Вся жизнь общежительного существа должна быть сопровождаема беспрепятственным как на себя, так и на прочих вниманием.

Сии рассуждения, равно как и прежде предложенные, заставляют нас восчувствовать всю важность доброго воспитания; оно единое может образовать существа разумные, силою навыка добродетельные, удобные соделать собственное свое счастье и споспешествовать благополучию других. Мнения, желания, страсти, пользы, понятия о добре и зле, о чести и бесчестии, о пороке и добродетели мы приобретаем сперва воспитанием, потом утверждаем оные обхождением. Если сии понятия верны, соглашены с опытом и рассудком, мы становимся существами рассудительными, честными, добродетельными; если же они лживы, если ум наш исполнен заблуждений и предрассудков, мы становимся нерассудительны, не способны ни к своему, ни к взаимному с прочими благосостоянию.

Следственно, во время детства истинное воспитание может положить твердое основание и прочность свою; и потому тщетный бы прилагали труд, если б желали утвердить в правилах воспитания такового, который вступил уже в юношеские или совершенные лета.

Дети должны вступить в училище от пяти до семи лет возраста. Но если возразят: для чего так рано начинать учение? Не можно ли преподавать оное лучше в летах более зрелых? То можно спросить равно: какие ж будут те правила и можно ль дать предполагаемое направление, когда дети доле останутся в домашнем закоренении, усиливающим ложные правила? Не увидим ли их самих собою нечувствительно претворяющихся в своенравных, лживых и опасных? Если скажут, что из детей, принимаемых и в зрелых уже летах, выходит довольно число благодетельных, благовоспитанных и научных, и из того заключат, что принятый метод предпочтительнее всякого нового введения, но сие заключение будет несправедливо, хотя многими и одобряемо. Таковые случайные успехи происходят не оттого, что метод установления хорош, но приписать должно оные качествам и дарованиям воспитывающихся, что оные были бы

еще знатнее, если бы приняты были правила воспитания более верные и более сходные с природою как в рассуждения учения, так и принятия детей в означенные лета. Читатель может представить себе опыты, чинимые новейшими естествоиспытателями для познания аилы растений. Он увидит, что почки груш, яблоней и проч. покрываются толстыми слоями воску, но растительная сила пробивается сквозь толстую сию обмазку; что почки крепкие, невзирая на препоны, разворачиваются и расцветают подобно тем, кои бывають оставлены природе, хотя несколько и позже, но почки слабые и худо образованные остаются навсегда под оболочкою. Вот изображение принятых правил и следствие, из оных проистекающее.

Мы видим большую часть детей, имеющих семь лет от рождения, потерявших уже в кривизнах заблуждения; видим детей, принимаемых в училище 10, 12, 14 лет и более, кои, не получивши воспитания при начале, не только с великим трудом исправляются, по и вовсе без исправления остаются, ибо пороки их учинились им привычкою. Многие из них, бывши развращены, возмущают беспрестанно учителей, а примерами своими и, что всего более, своими вредоносными советами портят безвозвратно большую часть своих сотоварищей. Мы прежде сказали, что человек от природы не имеет никакого решительного расположения ни к добродетели, ни к пороку; но воспитанием и учением открываются в нем начала добродетелей, и они-то направляют его к совершенству, тщательно истребляя начало порока. Когда ж воспитание юноши имело нерадивое и погрешительное смотрение, когда дана была полная свобода его склонностям, принявшим глубокое впечатление и учинившимся как бы природными, тогда невозможно уже преодолеть оные. Сгиб, крепко на материи изобразившийся, никогда не изгладится, и материя прежнего виду своего не получит. И потому на что предаваться опасности, для чего не стараться направить юношество на стезю истины начиная с таких лет, когда можно оную учинить удобною и чистейшею, а особливо если она открываема будет учреждениями постоянными, путеводителем мудрым и просвещенным. В прежних рассуждениях было говорено о воспитании домашнем, о невозможностях иметь оногo, разве стекутся все к тому споспешествующие обстоятельства; о воспитании общественном, о его преимуществах над домашним и пользах, каковыя отечество может от него ожидать, если оно применено к свойству и духу народному; о благодестве, о качествах оногo, о вредном направле-

нии большей части благородных к сомнению о своем происхождении; о правилах, каковыми им быть должно и какие их обязанности в отношении к государю и обществу; о главных попечителях воспитания, о нужде иметь достойных надзирателей, наставников, какие свойства их, как их избирать и что без таковых надзирателей и наставников при самых совершенных учреждениях никакого успеха от воспитываемого юношества ожидать не можно; что если воспитание состоять будет в одних науках, к званию токмо каждого относящихся, то сие не есть воспитание, а собственно, так сказать, школьное учение; что истинное воспитание состоит в соединении сих наук с истинным просвещением, в направлении молодых людей к общему предмету *любви отечества*, в произведении *нравственного и народного характера* и, наконец, о летах вступления в училище. Теперь следует приступить к самым правилам нравственности, или той цели, которой мы хотим достигнуть; но прежде, нежели начнем исследовать средства, ведущие к нравственному воспитанию*, определим цель сию, да путь наш соделается чрез то удобным и надежным.

Общие понятия о нравственном воспитании граждан сего отделения

Какой есть или, лучше сказать, какой должен быть предмет нравственной части воспитания сего отделения? Вот что предлежит к разрешению.

Душа человеческая при рождении своем находится в таком же, так сказать, состоянии наготы, как и тело; она не имеет ни понятия, ни желаний; она ко всему беспристрастна, даже к нуждам своим. Способности чувствовать, мыслить, хотеть она имеет, но причины, разверзающие оные способности, находятся вне ее. Сии способности, сии силы не во всех равны, но все они во всяком человеке нахо-

---

* Что принадлежит до воспитания физического, то нельзя лучше заимствовать оно, как из Уст. сук. Кад. корпуса и из Собрания учреждений касательно воспит. в России обоего пола благород. и мещан. юношества. — Имея целью нравственное воспитание, которое столько же необходимо, как физическое и ученое, мы займемся оным как теперь, так и впоследствии сего издания; и поелику, судя по известным на российском языке творениям, сей предмет совершенно нов и для употребления удобен, то он распространяем будет здесь столько, сколько важность оного заслуживает. В рассуждении же ученого скажем на своем месте вкратце.

дятся. В то самое время, как рождается он на свет, они составляют часть его бытия. Дикий человек может одарен быть оными в вышшем степени, нежели человек просвещенный; но отсутствие сих внешних причин, необходимо нужное для открытия оных, заставляет их, так сказать, оставаться в бездействии и без движения в одном, тогда как стечение причин, соединяющихся для открытия их, в другом возбуждают всю деятельность. Невтон, может быть, был бы токмо неустрашимый стрелок, естли бы родился между ирокойцами, и самый лучший стрелок из ирокойцев учинился бы Невтоном, когда бы находился в тех же обстоятельствах.

Неравенство, существующее между одним человеком и другим, не столько происходит от первоначального неравенства, находящегося между способностями чувствовать, мыслить, хотеть, сколько от разности причин, соединяющихся для открытия оных. Сии причины суть те обстоятельства, в которых находится человек; и из сих обстоятельств те, кои происходят от воспитания, суть главные и, следовательно, больше влияния на таковое открытие имеющие. Итак, предмет нравственного воспитания вообще состоит в том, чтобы приуготовить стечение обстоятельств, наиболее удобнейших к открытию сих способностей, соответственно назначению каждого человека и пользам общества, коего он член.

Цель сего отделения состоит в том, чтоб быть полезну обществу посредством приобретенных познаний искусства военного. Польза же общества состоит в том, чтобы найти в них в военное время неустрашимых защитников, а в мирное — рачительных граждан в усовершенствовании знания своего и должности, возбуждаемых страстями, удобными привести к добродетели, к уважению законов и к чувствованию отвращения к сомнению или гордости, к которым, кажется, как уже сказано было выше, сей разряд людей беспрестанно стремится.

Итак, предмет нравственного воспитания каждого человека сего отделения есть соделать стечение обстоятельств удобнейшим к открытию их способностей относительно к сему назначению и пользе общества. Определив предмет, постараемся рассмотреть средства.

О наставлениях и нравственных разговорах

Правило, столь хорошо сочинителем Емиля⁴¹⁶ объясненное, но которое было бы несоответственно начертанию общественного вос-

питания, состоит в соединении наставления с действием и правила с опытом. Воспитание одного человека весьма различествует от воспитания многих. Частный наставник, всегда находящийся при своем воспитаннике, может по своей воле располагать успехами; он может даже пользоваться теми, кои случай представляет, — словом сказать, он может следовать сочинителю Емиля, поелику снабден просвещением, правилами наставления, постоянством. Но общественный наставник, хотя всеми сими качествами одаренный, может ли, следуя той же стезею, надеяться получить таковой успех?

В плане, здесь начертаваемом, мы не обременим приставленных к воспитанию таковыми попечениями, поелику весьма трудно и невозможно найти в них толикого просвещения, какое по методу Емиля воспитателю потребно. Нельзя также требовать сего и от *надзирателя нравственного*** , которому вверено общее смотрение за сею

---

* Сему надзирателю нужно быть избрану (как мы прежде сказали в примечании о избраниях наставников на стр. 92 [116] второй части сего издания) из состояния военного, которому, Кроме того, чтоб быть независиму от всех других должностей, надобно быть человеку известному, испытанному, почтенному, честному, знающему должности военные и гражданские и сведущу в предписаниях, законом общественному сему воспитанию определенных. Надобно ему иметь еще одного или двух, смотря по числу воспитываемых детей, помощников, имеющих таковые же способности и дарования. Прочие наставники или учителя избираются из общественных училищ; люди, которые бы не подвластны были никакой низости, были бы воспитаны в должной свободе и непринуждении, мысли имели вольные, нрав к раболепству непреклонный — словом, такие, какими предписывает им быть человек любивый и благонамеренный учредитель воспитания, в гла[ве] IX Опытга о настав, и обуч. в собр. учрежд. и предр. касательно благор. и мещ. юнош., стр. 239. «Чтобы достигнуть предполагаемого намерения, то есть дабы из сего заведения произвести подданных, отечеству полезных, надобно необходимо воспитателям и всем приставникам хранить в сердцах питомцев своих веселость, вольные действия души и приятное учтивство, чему быть не можно, ежели сего во всем обществе во всякое время и при всяком упражнении наблюдать не будет. Отвергнуть надлежит печаль и уныние от всех живущих в доме. Быть всегда веселу и довольну есть прямой способ произведению людей здоровых, доброго сердца и острого разума. Сей образ жизни для них и для всех, кои в добрых делах обращаются, необходимо потребен». Число сих последних будет соответственно числу воспитанников, что зависеть должно от порядка распределения их на возрасты и на классы. Учреждать все сие обязан нравственный надзиратель. Мы не войдем здесь в прочие подробности распределения и обратимся, повторяю, к единой нравственности, о коей никогда особенно говорено не было.

частью; ибо какие знания, добродетели и твердость в нем ни предположить, то все его попечения о воспитанниках своих не позволят ему действительно учинить то, в чем с великим трудом едва ли успеть можно при воспитании одного человека. Итак, мы принуждены отказаться от метода, претворяющегося тотчас неверным и неудобноисполнительным, когда захотим простерть оный от воспитания частного к воспитанию общественному. Мы довольны будем и тем, если достигнем того, что, возможно, и не вмешаемся в план мысленных и невозможных совершенств*.

Естьли невежество отцов и суеверие матерей вселяют в душу детей предрассудки и ложные правила нравственности и веры, естьли заблуждение и порок распространяются и увеличиваются больше от

---

* Чтоб нравственному воспитанию быть в совершенстве и не подлежать вредоносным разнообразиям, то нужно бы, кажется, чтоб строения сего отделения юношества соединены или, когда уже обстоятельства не позволят по крайней мере, сближены были одно к другому, дабы с лучшего удобностию главному попечителю и прочим можно было восстановить необходимую единообразность характеров между гражданами и не ошибиться в предназначениях к званиям, к которым дети по имени такого-то училища определены быть могут, в такое звание, к которому они не имеют желаний и неспособны. Следовательно, в сие училище нужно поместить всех детей, кои бы как к военному, так и гражданскому состоянию приуготовлялись так, чтобы воин к гражданскому званию, а судия к военному способны были, чтоб отечество имело как в тех, так и в других в нужде равных защитников. Установление сухопут. Кад. корп. таким образом учреждено. Итак, когда воспитанники обоих сих состояний будут находиться в одном училище, то нужно, чтобы был еще один нравственный надзиратель, и смотря также по числу, к сему состоянию определяемому, были бы даны ему помощники. Должность его есть преподавать науку за конов и по правилам сих нравственных разговоров наставлять юношество примерами гражданских добродетелей. Сие училище, без сомнения, должно находиться в столице как в месте, где можно удобнее найти учителей, где стечение дарований из всего государства находится, где присутствие правительства внушает с большею деятельностью надзирать над вверенным столь важным предметом. В великих империях правило сие может иметь исключение: в них они могут быть расположены как в столице, так и в других лучших местах государства. Но строения сии должны быть расположены таким образом, чтоб никакие внешние предметы не развлекали детского внимания, ибо, если допустить сие, допустить к оным свободный вход всякому и выход, когда воспитывающемуся за благо рассудится, тогда не будет уже нужды ни в каком предписании, не надобно никакого правила, поелику всяк входящий сообщает свои и всяк из отлучающихся детей заимствовать будет те, кои воображению его легчайшими к исполнению представляются.

вредных наставлений, во младенчестве получаемых, нежели от чего-либо другого, то для чего не можем мы основать и распространить силу истины и добродетели наставлениями, совершенно оным противными?

Для чего сим совокупным заблуждениям, сим ложным правилам, которыми обременяют память детей, невозможно противуположить истинных правил правосудия, благотворительности и всех гражданских добродетелей?

Для чего вместо некоторых понятий, повергающих дух в порабощение, не можно употребить таких, кои творят его благородным и возвышенным? Для чего говорить с видом презрения ты *червь земной*, но говоря никогда, что человек есть *царь природы*, поколику почитает законы ее, и что соделется ненавистнейшим чудовищем, коль скоро учинится злым и подлым?

Словом сказать, для чего вместо сих разговоров, сих действий, сих примеров, разверзающих душу к восприятию опасных страстей и преступных чувствований, не можно другими разговорами, другими действиями, другими примерами обратить их к деяниям полезным и великодушным?

Человек родится в невежестве, но не в заблуждении. Когда он в состоянии понять заблуждение, то в состоянии понять и истину. Но как не все заблуждения, так равно и не все истины могут быть детьми понимаемы; следовательно, надобно начинать с самых простейших и дойти по степеням до самых сложнейших; иначе натвердят детям слова вместо понятий. Уста произносить будут истину, когда разум понимать будет заблуждение. Вот неудобство, которого наипаче должно избегать, когда занимаются наставлением детей.

Главный попечитель есть, без сомнения, тот человек, от которого все распоряжения должны зависеть; но как должности его многосложны и пространны в рассуждении всего относящегося к воспитанию, то и не можно его обременить никакими частными занятиями, и часть, которая предлежит нашему рассуждению, должна быть поверена, как мы уже сказали, *нравственному надзирателю*. Сие будет важнейшею и благороднейшею из его должностей. Достоинство, слава его должности, уважение, с коим она будет соединена, почтение, каковое прочие наставники или воспитатели внушать будут детям к сему начальнику, качества, коими одарен должен быть человек, на

кого возложены таковые попечения, — все сии обстоятельства придадут большую силу его наставлениям и утвердят истину во всей силе мнения.

Время учения должно быть всегда поутру, ибо душа, не быв еще погружена в рассеянности дневные, лучшим образом может принимать нужные знания и предаться истине, сведению ее предлежащей. Наставление должно продолжаться не долее получаса, дабы не ослабить силы скукою и не требовать от детей должайшего внимания, нежели каковое прилагать они в силах.

Предмет сей части воспитания не есть учить науке, но должностям. Не должно здесь заниматься определениями (definitions), но предписаниями. В сем-то состоит великое искусство нравственного надзирателя. Он должен скрывать все то, что производит впечатление, собственно, так названной науки. Он должен предполагать себе токмо истину, которая есть или по крайней мере долженствует быть только целию оной и единственным следствием. По счастью, правила, управляющие действиями человеческими, столь же ясны, столь же просты, колико заблуждение и педанство знания, стремящиеся помрачить ясность, мрачны, многосложны и бесконечным подлежат сомнениям. Итак, надзиратель нравственности всегда должен иметь пред очами своими возраст и назначение своих воспитанников, прибегать ко всем средствам, могущим возбуждать детское внимание, к коим он обращает речь свою, дабы соделать наставления свои гораздо яснейшими, прочнейшими и скуки не наводящими, употреблять в пользу сколько возможно происшествия, коих они были причиною или свидетелями, — словом сказать, он должен употреблять все те средства, которые ум, здоровое рассуждение, опыт и познание разума человеческого, в детях, к коим он обращает речь, внушить могут, и тогда нечего ему будет опасаться, что наставления его будут безуспешны.

Я различаю *наставления* от *нравственных разговоров*. Первые должно преподавать один токмо год, другие же должны продолжаться во все время воспитания. Первые чинимы будут сообразно предписанному законодателем порядку, а другие зависеть будут от воли нравственного надзирателя сообразно всегда с означенными законом предметами. Первые повторяемы будут каждый год тем же самым порядком, дабы дети, которые после будут приняты, могли ими пользоваться, другие же не будут подвержены

тому ж самому закону, поелику они не должны быть располагаемы по одному и тому же порядку. Итак, рассмотрим, каким образом можно располагать *наставления* и какие должно назначить предметы для *разговоров*.

Не творите другим того, чего не хотите, дабы вам творили. Вот первое правило нравственности, коего толкование и применение должны служить предметом первого порядка наставлений.

Творите для других добро, елико возможно вам сотворить для них. Вот второе правило, долженствующее быть распространено во втором последствии наставления.

Сии два правила, коих объяснение заключает в себе все понятия о *правосудии* и *благотворительности* или добродетели, должны быть последуемы двумя другими правилами, знаменующими *правосудие* и добродетель в отношении гражданина.

Храните законы, свято почитайте определения верховной власти, защищайте отечество от нападений неприятельских, от злоумышления, возмутителей и мятежников. Сие третье правило должно быть предметом третьего последствия наставлений.

Доставляйте отечеству все те выгоды, какие только состоят в возможности вашей; не останьтесь в пределах, законами только предписанных, но устремляйтесь делать для него всякое добро, какое только любовь ваша вдохнуть может; да польза оногo учинится вашим верховным, единственным законом. Вот четвертое правило, которое должно быть объяснено в четвертом последствии наставлений.

При изъяснении сих двух последних правил законодатель соображаться будет образу правления, в котором он находится, и последствиям, могущим случиться в приложении правил сих к уложению или к его поставлениям. Предмет толикой важности всегда затруднителен, и потому нужно, чтоб весьма ясно был расположен.

Все сии четыре рода наставлений должны заключаться в курсе нравственности, всякий год повторяться долженствующем. Но дабы истины, которые в оном будут преподаваться, оставались наилучшие впечатленными в памяти детей, то можно приказывать тем, кои весь курс кончили, начинать его с следующим годом снова купно с детьми, кои проходить будут оный в первый раз. Сим способом каждый

воспитанник слушать будет два раза сряду полный сей курс нравоучительных наставлений. Во второй год потребуют от них нечто больше, нежели в первый. По окончании каждого дня наставления нравственный надзиратель делать будет то тем, то другим некоторые в рассуждении сего предмета вопросы. Вопросы сии заключать будут в себе сомнения для объяснения, события для рассуждения по предписанным правилам. Сие упражнение, которое продолжаться имеет полчаса, за коим следовать будет преподавание наставлений, принесет в одно и то же время тройкую пользу. Первая состоять будет в обращении детей к внящему вниманию, заставляя их беспрестанно оказывать опыты оного. Вторая послужит к приобучению их применять общие правила к частным приключениям и разгонять всякое сомнение, .могущее встретиться уму их. Наконец, третья польза послужит детям, в первый раз курс сих наставлений прошедшим, к утверждению вразумения преподаваемых в нем правил и истин, пред теми детьми, кои проходить будут курс в следующий год. Если нравственный надзиратель, сделавши вопрос, не получит приличного ответа, то он покажет оного погрешность, предложит его же другому и т. д., доколе не дано будет ему надлежащего ответа. Ежели вопрос не будет еще решен до окончания наставления, то нравственный надзиратель сделает краткое изъяснение правила, от коего должно зависеть разрешение сомнения или предложенного события, и сам решит с большею ясностию. Дети, кои не будут внимательны, должны быть надзирателем наказаны по правилам, о которых говорено будет ниже.

Как скоро дети окончат второй курс нравственных наставлений, то должно начинать с ними *нравственные разговоры*, за оными следующие. Оратором будет сам нравственный надзиратель. Все дети общества, окончившие второй курс наставлений, слушать будут, так как я сказал, во все время их воспитания. Они будут иметь еще право приходить слушать оные и по выходе своем из училища. Для сего упражнения имеет быть назначено полчаса, непосредственно за часом наставлений следующие. Вот предметы, каковые могут быть предписаны в рассуждении сего законом.

Им дадут познать все то, чему их учили; сердцу их внушат истины, прежде уже разуму их доказанные нравственными наставлениями; им дадут уразуметь, что такое есть добродетель и с какими она соединена приятными услаждениями; они узнают, что значит отечест-

во, какие предоставляет оно им блага, какую должны они иметь к нему любовь и благодарность^{*417}. Небесполезно повторить здесь, что

---

* В сии-то лета нужно положить основание сих спасительных, сильных и решительных страстей патриотизма и желания прославить себя великодушными делами. Здесь-то нужно нравственному надзирателю употребить всю свою деятельность в применение великих примеров древности к летам юношей, да восчувствуют младые воины всю силу оных и познают, как многие воинства и многие государства одолжены спасением своим великим умам, силою владычествующей страсти патриотизма обладающим. Мы не иному чему приписать должны все изобретенные редкости художеств, как сильным и решительным страстям: они должны не иначе быть разумесмы, как семенем изобретательного духа и мощною пружиною, обращающего людей к знаменитым деяниям. Чрез сильную страсть разумется предмет столь для нас необходимый, что жизнь наша учиняется нам тягостною и несносною, естли мы им не обладаем. Таковые страсти только в состоянии заставить презирать опасности, мучения, самую смерть и устремить нас к предприятиям самым отважнейшим.

Катон, бывши еще молод, сопровождаемый своим надзирателем, при входе в Силлины чертоги приметил отсеченные головы осужденных, спросил: «Какое чудовище поразило толикое число римлян?» «Силла», — ему отвечали. «Как можно! Силла поразил их и Силла еще жив?» Но ему возразили, что одно имя Силлы обезоруживает всех граждан. «О Рим! — Катон тогда воскликнул, — колико жалостно твое состояние, когда ты в обширности степ твоих не заключаешь ни единого добродетельного гражданина и когда ты не можешь никого более вооружить против тиранства, как такмо слабые мышцы юноши!» По сих словах, обратясь к своему надзирателю: «Подай мне, — сказал он ему, — свой меч; я скрою его под своею одеждою, нападуду на Силлу и умерщвлю его — Катон жив, и Рим еще свободен!».

Тот же самый Канон, когда убежал в Аттику, понуждающим его спросить о себе оракула в храме Юпитера Аммона отвечивал: «Оставим оракулов женщинам, слабым душам и невеждам». Человек с характером, человек от богов независимый как жить, так и умереть умеет сам собою: он с равнодушием предстает своей судьбине, знает ли он об ней или не знает.

Надобно, чтоб Пожарский и Минин воодушевлены были сильными страстями, устремись пожертвовать первый своею жизнью, а другой всем своим именем для спасения своего отечества. Пожарский под Москвою — пред войсками и, невзирая ни на какие препятствия, презирая козни Заруцкого, Трубецкого, освободил Москву — Россию от ига польского, от самозванцев. Его умеренность и великодушие заставили отказаться от подносившей ему на российской престол короны — он избрал с прочими законного наследника. Вот примеры, коим украшать должен нравственный надзиратель свои наставления и разговоры.

Сильные страсти выводят нас из случаев неизбежных, ими-то люди освобождаются от самых отчаянных обстоятельств. Они внушают им, что делать и говорить должно. Нужно для сего предмета привести сказанную Аннибалом воинам своим речь при Тизинском сражении, и восчувствует всяк, что может

как в сих разговорах, так и в нравственных наставлениях постановление правительства должно всегда обращать на себя внимание нравственного надзирателя.

Потом представят им истины, противные предрассудкам общего мнения, и приуготовят таким образом средства к исправлению и просвещению оною.

Сии чувствования, сия надежда, каковыя можно внушить с большею удобностию воспитанникам сего отделения, должны совокуплены быть с теми, кои могут искоренить вначале сказанный порок *гордости*, коему подвергает их назначение и благородство. Потом да будет главнейшим предметом нравственных разговоров чувствительное изъяснение нужды равенства* человеческого; в них представят им почтение, каковое должно иметь к подобным себе, изобразят, сколь презрительно высокомерие и сколь низко быть тщеславным, научат, что власть без добродетели и достоинство без заслуги суть истинные причины надменной глупости, и дадут уразуметь, что кротость есть истинный знак возвышения души и превосходства разума; с ними рассуждать будут о взаимной зависимости людей, основан-

---

произвести ненависть к неприятелям и страсть к славе. «Товарищи, — говорит он им, — небо предвозвещает нам победу. Римлянам, а не вам надлежит страшиться. Нет убежища для слабых, естли будем побеждены, умрем без робости. Какой залог может быть вернее сей победы? Какой знак покровительства богов может быть чувствительнее? Они нас поставили между смертию и победою».

Когда македоняне, изнуренные под бременем войны, просили Александра, чтоб он распустил их, тогда величие и желание славы внушило сему герою сей горделивый ответ: «Ступайте, бегите, подлые и неблагодарные! Свет мною и без вас побежден будет. Александр найдет везде подданных и воинов, где только обретет человек».

Кардинал Ришелье говорил, что человек слабого духа находит невозможность и препятствия даже в самых неважных предприятиях, в то время как самое отважнейшее кажется удобным человеку, твердую душу имеющему; пред сим горы уравниваются, а пред другим малые бугры в горы превращаются.

* Здесь не разумеется сие пагубное и наглое равенство, не признающее никакого над собою начальства, но то, которое постановляет напыщенного знатностию и богатством своим честолюбца наравне с бедным, то равенство, которое одним токмо достоинствам отдает преимущество, наконец, то, которое права каждого гражданина, как сильного, так и слабого, как богатого, так и бедного, уравнивает в законе: что твердый глас его равен каждому состоянию и всем равно ощутителен. Неисключительное определение всех состояний детей в сие училище подведет, без сомнения, под одну черту знатного и незнатного и, следовательно, утвердит во всей силе гражданственное равенство.

ной на взаимных нуждах*; о признательности, каковой требуют обыкновенные труды ремесленных состояний в государстве, о ужасной неблагодарности, каковую должно возбудить в детях ненавистью к тем, кои гнусными поруганиями презирают и труды их, и бедность их состояния.

Надзирателю должно вразумлять воспитанников, в чем состоит счастье народное; что человек по состоянию своему есть член общества; под сим видом должен он жертвовать своею свободою, как скоро она не соответствует благу общественному; что он не иное что есть, как часть целого; и в сем качестве всякая похвала, заслуживаемая его добродетелию, превращается в похвалу общественную, которую приписывают члену какого-нибудь тела, части здания, части машины, когда говорят, что они с пользою занимают свое место, и производят желаемое действие.

Ежели таково есть отношение части к своему целому, ежели благо общее должно быть главным предметом частных людей, то равно также справедливо и то, что счастье частных людей есть великий предмет гражданского общества, ибо как может, сказать им, счастливо быть общество, когда члены его, в особенности взятые, несчаст-

---

* При сих объяснениях нужно им дать совершенное понятие в рассуждении самого себя и сим самым познанием довести к открытию того, чем они обществу подобных себе обязаны. Растолковать, что, как бы различность, существующая между людьми, велика ни была, все согласно стремится, как то примечено, приобрести удовольствие и убежать печали. Следственно, малейшее рассуждение каждого вразумить должно о обязанности каждого к существам, озаренным понятием, равносклонным, чувствительным, как и сам, коих пособие, привязанность, уважение, снисходительность необходимы суть к его собственному благополучию во всякую минуту его жизни. И вот правило, которое всякий в обществе живущий человек иметь и говорить должен самому себе; «Я чувствителен, и все доказывает мне, что прочие таковы же суть, как я, так же способны чувствовать удовольствие и огорчение, я стараюсь приобрести первое и убегаю последнего, следственно, мне подобные существа имеют те же желания и те же страхи. Я ненавижу злоторящих мне или противуполагающих препятствия моему благополучию, следственно, я учинился бы предметом ненавистным для всех тех, коих бы хотению воля или действия воспротивились. Я люблю споспешествовавших моему собственному благополучию, почитаю составляющих приятное мне существование, и потому, чтоб быть взаимно любиму, почтену, уважаему от существ, мне подобных, и я должен споспешествовать к их пользе, благосостоянию, творя для них всевозможное». На сих-то столь простых и естественных правилах должно положить молодому человеку основание своей жизни.

ны? Что ежели частный человек должен обращать внимание к обществу, то в награду за сие общество должно его вознаграждать благом соответственно сему вниманию. Должно внушить детям, что первое благо, которое общество должно делать своим членам, есть питать в них сильную к себе приверженность и что государство тогда только счастливо, когда оно любимо своими соотечественниками; люди же счастливые суть те, кои сердечно привязаны к обществу, всегда доставляющему пищу их ревности и великодушию, которое есть обширное поле к упражнению их дарований, добродетельных страстей. Им дадут понятие вообще о правиле, определяющем порядок отправления всякой власти, что власть управляющего должна быть сопряжена с пользою и приятностию для управляемого.

Распространимся далее: есть добродетель, рождающаяся от чувствования, людям общего, но в различных степенях, когда воображение их начинает действовать. А дабы сия добродетель могла возродиться в людях, коим она наиболее необходима, надобно, чтобы чувствование, оную производящее, было возбуждаемо с большим попечением. Сия добродетель есть *человеколюбие*, а чувствование сие есть *сострадание*. Дабы воспитывающиеся знали, что находятся им подобные, кои могут претерпевать, как и они, бедствия, надобно, чтобы воображение их приобрело довольно деятельности, чтобы могло представить им сии болезненные изображения и их, так сказать, привести вне себя, дабы они совмещали в понятии своем то же, что и страждущий. Сие есть недостаток в воображении, учиняющий глупцов жалость нечувствующими и детей слабоумных являющий к сему ощущению неспособными. Вот отчего происходит, что большею частию знатные и богатые люди столь мало имеют человечества, поелику они никогда не страдали, никогда не размышляли, что значит страдать, — состояния, в которых наижелательнее, чтобы обитало человечество, поелику оно, обладая ими, принесло бы более, нежели в других состояниях, пользы! Таково есть и сие отделение граждан, в коих сия добродетель имеет обыкновенно мало силы, потому что чувствование, производящее оную, обыкновенно весьма слабо и не столь деятельно. Воспитание должно уврачевать несчастье сего состояния; оно должно возродить чувствование сострадания, дабы возбудить в нем добродетель человеколюбия. Притом разговоры, о коих мы упоминаем, могут споспешествовать к сему предмету паче, нежели всякое другое средство. Ежели будут соображать

лета, в каковые воспитанники могут оные слушать, и те годы, в которые переставать уже должно преподавать, то увидят, что разговоры, к сему предмету относящиеся, найдут воображение воспитанников в сем состоянии деятельности, которое действительно удобно для такового чувствования.

Из числа важных предметов нравственных сих разговоров есть также внушить детям, к выходу же готовящимся, о обязанностях супружеских, показать им права и должности, соединяющиеся с приятными наименованиями отца и супруга. Бедствия, с которыми сопряжено порочное безженство, холодное равнодушие к сему состоянию, волнования, в юности происходящие, скука, следующая за оною в старости, должны быть описаны живейшими красками и, представляя взорам их добродетельных супругов, окруженных нежными плодами их любви, во всей силе страсти, надобно показать сие самыми трогательными изображениями*.

Представя им супружество состоянием самым приятнейшим в обществе**⁴¹⁸, надобно показать, что оно есть самое священнейшее, са-

---

* Нравственные разговоры относительно к сему предмету должны быть преподаваемы одним токмо воспитанникам, оканчивающим свой курс воспитания. Посему самому оные должны быть редки я при каких-нибудь особых случаях. Нравственный надзиратель посвятит сим разговорам те часы и дни, кои будут наиприличнее и в которые дети не столько будут заняты.

** Нужно обращаться в рассуждении сего нравственному надзирателю на учреждения о браках древних законодателей, какие постановлены были средства и какому наказанию и посмеянию подвергались те, кои в безжении жизнь свою проводжали. Наказание безбрачных, говорит Плутарх, состояло в исключении от игр гимнических и в том, что им должно было выходить зимою совсем нагими на общенародную площадь для воспевания насмешливых песней против безбрачных. В Спарте холостой старик сверх наказания лишен был всякого уважения, от молодых людей престарелым должного. Один состарившийся воин, знаменитый своею храбростию, вошел некогда в собрание; сидевший подле его молодой человек отрекся уступить ему место, говори: «Ты не имеешь сына, который бы мог когда-нибудь уступить мне свое место»; и сей смелый ответ вместо того, чтоб возбудить ропот, одобрен был общим той беседы рукоплесканием. Хотя сии средства к народоразмножению суть и непрямые, однако из сего видно, что в прежние времена почиталось оное главнейшим предметом. Многие события из греческой истории заставляют нас думать, что были у сих славных республик, каковы Спартанская и Афинская, разные на сей предмет учреждения, и одно из оных, приводимое Диодором Сицилийским, ясно нам сие доказывает. Эпаминонд, смертельно на сражении раненный, был при последнем дыхании. Пелопид, приблизившись к нему: «О друг мой, — сказал, — ты

мое нерушимое из всех договоров. Да впечатлеют в памяти их все те причины, кои должны сделать оное предметом уважения всех людей и достойными ненависти и проклятия всех дерзающих осквернять непорочность оного. Первоначальный долг отцов и супругов составлять будет часть сих разговоров*. По сем представить благород-

---

умираешь, не оставя отечеству ни единого чада!» «Нет, — отвечал Эпаминонд, — я оставляю двоих: победу Левктрскую и Мантинейскую». Счастлив тот век, блаженна та страна, где порождение чад есть первый долг гражданина и где человек, умирающий бездетным, имеет нужду в двух победах, чтоб загладить сей проступок!

* Говоря о всем том, что относится к нравственным наставлениям и разговорам граждан сего отделения, обратимся к прочим и, не касаясь до распределения оных, вкратце предложим средства, нужные для образования юношества каждого из сих состояний. Правила нравственных наставлений и сих разговоров должны быть те же и для тех, кои служат обществу вообще своими дарованиями, какие предложены для военного и гражданского состояний, с исключением только в нрав[ственных] разговорах того, что непосредственно к назначению каждого отделения относится. Что ж принадлежит до отделения, в коем заключаются те, кои служат обществу своими руками, то и в рассуждении их нравственные наставления без малейшего исключения должны быть непременно с предложенными; но нельзя того же самого сказать о нравоучительных разговорах, ибо цель оных состоит не столько в наставлении, сколько в образовании нравственного характера. Сия цель требует некоторых различий в средствах, и сии средства зависят от разности назначений сих двух отделений. Я перейду в молчании все то, что должно быть общего в составлении сих разговоров, в рассуждении воспитания сих двух отделений, и покажу только между ими различия. Оные суть: у одних, о коих мы довольно говорили, есть гордость, а у сих, напротив, *низкость*, то есть те, кои служат обществу своими руками, подвергаются сему пороку низкости столько, сколько другие гордости. Иного нет средства к истреблению сего порока, как нравственные разговоры, кои должны быть предписаны законом и состоять в возвышении души воспитанников, во внушении им понятия собственного своего достоинства, в познании истинного величия, истинной славы; им покажут, что каждый может приобрести все посредством своих дарований и добродетелей. А чтоб сильнее впечатлеть истину сию в душе детей, нравственный надзиратель соберет все события, могущие утвердить оную и которые бы могли возвеличить власть сию над разумом и сердцем. Следовательно, главнейшее искусство воспитания сего отделения состоит в предупреждении в сих детях зловерного унижения, к которому род их кажется всегда (расположен, в почитании самого себя, во внушении, что человек, уничижающийся пред собою, в собственных глазах своих не способен ни к великим страстям, ни к великим добродетелям; нужно говорить о трудолюбии, сравнивать пагубные следствия праздности и скуки с пользою и удовольствием, с трудом сопряженными, показывая им

ным воспитанникам, сколь нужно и полезно к должности воина и гражданина присоединить знание словесности, знание хорошо писать, объяснять мысли свои; что многие великие люди столько же почитали ее нужною, сколько и всякое другое преимущество. Парнасс и поле Марсово равно обильны лаврами; что хотя корона, окропленная в водах Ипокрены, не столь блистательна, как та, которая омочена кровию неукротимаго врага, но воин-гражданин, которого разум превышает сферу обыкновенных познаний человеческих, во сколько раз превосходнее кажется в глазах сограждан против того, который добродетель свою в числе только сражений полагает! Итак, да возбудят в них страсть к словесности, к чтению; они, занимая их приятным образом, откроют путь к истинному их благополучию, укажут разность между человеком, блуждающим по мрачному пути знаний, привычкою и долговременностию составленных, и тем, который во цвете лет своих истинным светом по стезе должностей своих руководствуется. Одного увидят они невежеством своим и закоренелостями повергающего сограждан своих в различные несчастья, другого — повсюду вспомоществующего страждущему человечеству. И потому нужно, повторяю, возродить в них страсть к словесности, ибо она приведет их к удобству познавать людей в различных состояниях жизни, прольет свет на их должности, чего бы без ее пособия достигать было должно чрез многие годы и многочисленные испытания.

По правилам сих нравственных разговоров рассказать им, что значит звание, к которому они определяются; внушить права гражданина и воина в отношении должностей их и сим приучить их действовать честным и полезным образом во время войны и мира, чтоб они всегда соблюдали характер свой; возвеличить силы душевные, да свободно пере-

---

долг, коим обязаны они добродетели, и уважение, каковое принадлежит честному человеку, в каком бы состоянии он ни находился. Знатный гражданин должен быть описан теми же красками, как знатный военачальник и как знаменитый судия. Путь к бессмертию и славе должен открываться пред последним гражданином, давно как и пред верховнейшим начальником государства. Следовательно, нравственность быть должна одна и правила ее не переменны. Должности могут переменяться по обстоятельствам, в которых люди находятся; но правила, от коих должности сии проистекают, суть общи и независимы от обстоятельств. Основаны будучи на отношениях природы и общества, они должны быть общи богатому и бедному, человеку частному и возвышенному на достоинства, судье и священнослужителю, начальнику рода и простому гражданину.

носить могут всякие труды и тягости; что стоит только с твердою решительностию возжелать приобрести сию бодрость духа, и приобретешь ее без усилия; что нужно беспрестанно обращаться на самого себя, побеждать склонности, влекущие к наслаждениям, к неге, от должностей и военного порядка устраниющих. Тогда навык послушания и отрицания самого себя будет утвержден, разум на различные случаи военной жизни приуготовлен, сердце навсегда будет готово отражать покушения разврата и постыдных пороков, нередко достоинство военного человека безобразящих. Тут да познают они, что, кто начальствует над своими страстями, беспрестанным противу их сопротивлением, тот никогда не будет в опасности подвергнуться излишества и стремительности распутства, кто с охотою и удовольствием подвергается трудам и заботам военной жизни, тот свободно подвергается должной подчиненности и никогда не будет роптать на строгость службы. Тот, кто может жертвовать своими собственными выгодами благу общему, не будет никогда иметь желания захватить оные от других и, зная, что жизнь его и воленность состоят в благе общем и от него неразделимы, будет сохранять оные во всех как залог священный и неразрешимый. Бодрость душевная, истинного воина означающая, состоит в том, чтоб отрещися самого себя; поелику не нечувственность к опасности составляет характер его, ибо он наперед знает то, что предлежит ему к претерпению в сражении, — но твердая и неизменяемая решительность исполнять должности свои вопреки всем препятствиям и несоответствиям. Различными примерами утвердить в них мысль презирать порок, под какими бы он видами соблазна ни представлялся, указывая оными, что не было ни одного государства, могущего сохранить себя, когда разращение, разрушая пределы должности, ослабляло дисциплину и попутало порваться⁴¹⁹ страстям по воле их направления. И потому нужно, чтоб молодые люди обращены были к полезному употреблению времени, к избежанию всякой праздности, повергающей обыкновенно молодых людей в постыдное бездействие, в распутство. Надобно, чтоб не думали они, что наука бесполезна воинам и что храбрости одной для них довольно. Храбрость без просвещения есть не что иное, как безрассудность или зверство. Учение, рассуждение, знание могут только учинить человека в службе полезным государю и отечеству, которых он долженствует быть подпорою и защитником.

Сказав нее, что принадлежит к благородному званию воина, как должно им управлять своим оружием, нужно дать почувствовать,

чтоб оно ни в каком ином случае употреблено не было, как на защищение токмо истины и своего отечества; чтоб они знали ценить истинную честь, не смешивая ее с тщеславием, высокомерием, наглостию — с постыдными пороками, могущими ввергнуть их в совершенное презрение; что истинная честь и храбрость никогда незатменны, терпеливы, непривязчивы, рассудку завсегда послушны, великодушием исполнены; чтоб они при случаях защищения чести помнили сей великодушный ответ римлянина, вызов получившего: «Завтра нам идти в сражение с неприятелем — действие определит, который из нас имеет больше храбрости и кто лучший гражданин; ты вспомни, мой друг, что жизнь наша не нам, а отечеству принадлежит». Наконец, нужно также предложить им о должностях, связывающих их с теми, противу которых должно принимать оружие, что им надобно быть человеколюбивыми к побежденному неприятелю. Не быть таковыми значило бы почитать воина зверем дикообразным, естли определить, что он не должен знать прав человечества и природы, а особливо естли он рожден в государстве просвещенном. Что действия оружия переменчивы и что тот, кто слишком пользовался своими победами, может также подпасть в свою очередь тому же неприятелю, над коим производил свои непомерные жестокости.

Вследствие взаимных общественных обязанностей, всеми просвещенными народами должных быть принятыми, военный человек да поражает своих неприятелей, представившихся ему токмо вооруженными и противящимися, и не производит мщения сколько несправедливого, столько и бесполезного над неприятелем обезоруженным или над смиренным земледельцем. Почему нужно наставить благородных юношей, определенных некогда быть начальниками, да возымеют истинное понятие о военном деле и свойственное просвещенному человеку чувство жалости. Строжайшая дисциплина да обуздывает ненасытное вожделение, распутство варварского и невежливого солдатства и, сделавшись по справедливости благородными начальствующими, которым честь должна быть руководством, да не унижутся они пороком гнусного корыстолюбия и да не уподобятся тем мздоимцам, которые из изнеможенного народа иссасывают последнюю каплю крови, после ужасов войны оставшуюся.

Сии правила, которые честь и нравоучение военным людям предписывают, были великодушно сохраняемы Сципионом, Тюреннем, Катинатом⁴²⁰; оные будут сохраняемы всеми теми, кои истинную

славу*⁴²⁰ предпочитают корысти, страсти обыкновенно душу слабую и низкую изъявляющей. Сребролюбие несовместно ни с благородством, ни с великодушием, ибо, по выражению сего слова, человек великодушный есть тот, который, получа от предков душу великую, благородную и твердую, жертвует всеми сими презрительными и низкими пользами выгодам прочным и неперменным, заключающимся в приобретении совершенного уважения от людей честных и в привязанности к правилам чести. «Чрез храм добродетели, — говорит Цицерон, — достигают в храм славы». Военная храбрость и в государствах сильных роскошью уничтожается, где счастье свое воин славе предпочитает. Римляне бедные, но упоенные славою своего отечества целый свет покорили; обогащенные же корыстями, чрез сребролюбие впали в междоусобные несогласия; а между тем, измождаясь роскошью, столь непобедимые воины учинились презренным стадом невольников, дрожащих под игом самых низких и презрительных тиранов.

Сими и подобными сим наставлениями и разговорами, молодые благородные люди, будучи руководствуемы, достигнут в храм истинной славы; следуя сим правилам, будут отличны, уважены и чрез то пренесут имена свои в потомство, учиня себя в памяти его почтенными и дражайшими.

Вот предметы, долженствующие быть предписаны законом для наставлений и нравственных разговоров. Пример должен соответствовать наставлениям и разговорам.

О примере

Человек есть животное подражательное. И в самом деле, из всех родов животных люди по физическому своему расположению и

---

* Слава есть отзыв честной похвалы, говорит один славный писатель, соединенное согласие, поддерживаемое общим удивлением; но она всегда должна иметь предмет полезное, честное и справедливое, не на чудесности или на одном блеске основанное, но на добродетели, направляющей усилия дарований к счастью народов.

Знаешь ли, сказал Плиний Траяну, в чем состоит истинная слава государя? Триумфальные врата, статуи, самые храмы и жертвенники временем изглаживаются, забвение от земли их исхищает, но слава героя, поставляющего себя выше беспредельной своей власти, умеющего укрощать и обуздывать оную, есть слава неувядаемая, которая, стареясь, расцветает.

большему совершенству чувствительности наиболее расположены ко взаимному друг другу подражанию. Сие подражание есть род нужды, обнаруживающейся с самого младенчества, которою воспитание должно воспользоваться для выполнения предмета, к коему природа, по-видимому, оное предназначила. Главный попечитель, нравственный надзиратель и наставники суть образцы, которые закон должен противопоставлять детям сего отделения в предлагаемом нами здесь начертании воспитания. Они должны споспешествовать сему предмету беспрестанными примерами правосудия, человеколюбия, кротости, снисхождения, трудолюбия, ревности ко благу, признательности к отечеству, почитания законов. Присутствие детей будет им напоминать о важности их звания и побуждать к оказанию во всякое время в поступках своих той благопристойности и кротости, каковыя внушить может сила примера и подражания.

Почему необходимо нужно, чтоб сделано было особенное предписание наставникам, которое должно быть сообщено и объяснено им нравственным надзирателем, прежде нежели вверена им будет важная сия должность, и оное надлежит им напоминать по крайней мере два раза в месяц согласно с предписанными законом правилами. Мы предполагаем, что нравственный надзиратель совершенно уже сведущ в своих должностях и в тех обязанностях, кои непосредственно от него зависят.

Он должен остерегаться делать когда-либо выговор в присутствии воспитанников наставнику. Если кто-либо из них окажется недостойным или неспособным к отправлению вверенной ему должности, то должен он уведомить о том главного попечителя воспитания и ожидать от него повелений.

Если потребно будет произвести каковую-либо перемену, то она должна быть учинена со всевозможною скоростию, какую токмо обстоятельства допустить могут. Если худое поведение наставника будет известно воспитанникам его, то исключение его должно им быть объявлено; если ж не знают они проступка его, то также не должны знать и наказания за оный^{*421}; надобно чтоб они были в том

---

* «Последуют, конечно, случаи, что такие наставники заслужат выговоры и, может статься, запрещения быть в сем доме. При детях сего делать не должно; но дабы и в обществе им от того не было оскорбления, для того употреблять умеренную строгость». Собр. учрежд. и предп., касат. воспит. обоего пола благор. и мещ. юношей, стр. 233.

мнении, что наставник добровольно отказался от должности, которую оставить имел он справедливую и лестную причину.

Попечитель воспитания должен тщательно смотреть за поведением наставников, примечать, исполняют ли по предписанию, и наставлять их в случае, когда примечена будет в том нужда.

Главнейший предмет наставлений относительно к наставникам состоит в том, чтобы научить их тому, каким образом должны они отвечать на вопросы, каковые могут предложены быть от детей о различных предметах, могущих возбудить в них любопытство. Поелику величайшая польза сего начертания общественного воспитания есть та, чтоб избавить детей от влияния заблуждений, дабы истина могла с большею силою впечатлеться в душах их, а как мы не предполагаем, чтобы наставники были готовы совершенно ко всякому сделанному детьми вопросу, чтобы могли дать детям истинные и справедливые понятия обо всем том, что может возбудить в них любопытство, — то мы почитаем, что лучше предпочесть молчание, нежели с отважностью делать необдуманные или непристойные летам их ответы.

Во всякое время, когда ученик предложит наставнику вопрос, разум его превосходящий, то сей должен советовать ему, чтоб он спросил о сем нравственного надзирателя, а самому чистосердечно признаться, что он не в состоянии удовлетворить оному. Сей способ доставит вдруг две величайшие пользы: он предупредит принужденную заразу предрассудков и заблуждений и, дав детям полезный пример к уважению, каковое должно иметь к истине, приобучит их по столько стыдиться невежества, сколько заблуждения.

Но дабы произвести самую величайшую пользу от общественно-го воспитания, то главный попечитель должен обратить всех при оном училище находящихся, как-то: надзирателей, наставников и домашних служителей^{*422} — к сему великому предмету равенства в юношестве, из различных состояний составленного. Они будут к

---

* Вместо собственных слуг могут употреблены быть с совершенною пользою к смотрению за детьми честные и довольно служившие солдаты: им были бы даны места полною наградою и спокойствием, а юношество не имело бы пред глазами примеров развращения. «Крепостных своих служителей ни под каким видом никому в корпусе для услужения не иметь, что и во всех таковых для воспитания учрежденных местах накрепко запрещается». Уст. Кад. корп., стр. 74.

тому способствовать примером своим, поведением и разговорами. Они оказывать будут презрение гораздо сильнее, нежели наказание, всегда, когда произойдет между воспитанниками какой-либо спор о знатности породы; они споспешествовать будут к тому совершенным равенством и одинаковостию попечений и стараний, предупреждая всякое впечатление, могущее возродиться о преимуществе и отличии, избегая всякого пристрастия, — словом, способствовать будут всеми возможными к тому средствами, дабы утвердить сие желаемое между различными состояниями соединением.

Другой предмет, о коем должно нам упомянуть, есть учтивость и честность поведения. Поелику учтивость есть по необходимости главнейший предмет воспитания людей, назначенных жить в обществе, то не должно упустить одного в начертании воспитания сего отделения. Оно должно произойти больше от примера, нежели от правил; должно более возложить сие попечение на нравственного надзирателя* и наставников, как ближе к детям находящихся и, следовательно, более способных к поправлению их погрешностей и к

Слуги сии обыкновенно не имеют никакого правила своему поведению; и как свобода их неограничена, то, становясь развращенными, вовлекают в разврат разными угождениями господ своих для того, чтобы самим лучше можно было своевольничать. Расположение строений, свобода отлучаться во всякое время и услужника сии, под именем дядек разумеемые, бывают причиною испровержения самых превосходнейших учреждений!

* Дабы возродить сию необходимую в благородных людях учтивость, надобно, чтоб главный попечитель и нравственные надзиратели были в таком состоянии, чтоб могли иметь каждое воскресенье обоего пола собрания, на кои дети равных возрастов, бывши приглашаемы, приучались к обхождению, к учтивости, к той людскости (полагая, что воспитанники из училища во все продолжение воспитания к родственникам не отлучаются), каковых они не могут иметь между собою. Хорошо бы делать для них чрез месяц такие публичные собрания, где бы они могли свободно видеть своих родителей, знакомых и прочих, говорить с ними, со всяким танцевать и приучаться таким образом к образу светской жизни; надобно, чтоб зрители были всегда между ними, внимали бы, что они говорят, что от других слушают, кои по возвращении должны исправлять их погрешности, доводя их всегда до признания, что они действительно во время собрания говорили и занимали; из сего произойдет та польза, что дети не будут связаны в мыслях своих, привыкнут к откровенности и не будут подлежать никакому принуждению, зная, что, о чем бы они ни разговаривали, что бы ни делали, воспитатели, не осуждая, их исправят, поставляя их всегда на путь истины. Следовательно, нет нужды делать наряд вопросам и ответам, для воспитанников, когда готовят их показать публице.

представлению им примеров, по коим они должны образовать себя. По сей-то причине одно из главнейших качеств каждого наставника сего отделения будет сие учтивство и сия честность в поведении, которые должен он примером своим сообщать своим воспитанникам, удаляя их равномерно от грубости и притворства. Когда в воспитанниках возродится по примеру сих наставников сия простота, сия приятная откровенность в обхождении, которые предполагают или невинность сего возраста, или последнюю степень совершенства в науке жить с людьми, то они вступят в общество с большею удобностью и внушат к себе в оном больше уважения и дружества.

Чтение книг, которые должно предложить для воспитанников сего отделения*

Мы предложим чтение романов для обоих детей, достигших таких лет, кои назначены для слушания нравственных разговоров. Но какого должны быть рода сии романы и какое должно употребить время на таковое чтение?

---

* Что чтение книг полезно, сие известно всякому и доказывать, распространяет ли оно свет или препятствует к просвещению, — значит предавать себя по смеянию; значит то же, естли бы кто стал доказывать о солнце, что оно светит или свету не производит. Немного надобно доводов, чтоб показать истину в своем виде. Оставляя новейшихлюбомудров уверять подобных себе, что просвещение не может быть от книг получасмо, предложим чтение, для просвещения и возвышения души удобное, и в книгах .потщимся находить к сему пособие. Но будем и в самой пользе согласно с г. Руссо умеренны, ибо, как говорит он, «излишнее употребление книг умерщвляет учение и пи к чему другому не служит, как к произведению дерзновенных невежд». И в самом деле, сколько от учения отнимают книги в тех училищах, где библиотека открыта всякому, где позволено читать все, что в руки попадает, и молодые люди, никем более как несозрелым, слабым рассудком будучи .руководствуемы и блуждая, так сказать, в пространстве различного рода писателей, редко останавливаются на прочных и непоколебимых основаниях, ибо хотя бы в собрании книг были и лучшие сочинители, но находясь из них многие друг другу противоречащие, отстранившиеся от правила общих, которые возникающий ум, читая без разбору и без предводителя, развлекается между их понятиями или принимает неправую сторону. Естли книги такового роду позволить читать, так это в то время, когда воспитанники приготовлены к выходу из училища, когда понятия совершенно раскрыты, и то с руководителем, человеком истинно просвещенным, честным к общему благоу и спокойствию устремленным. «Книги и учение, — сказал Рошефукольд, — должно подвергать рассудку, а не рассудок книгам».

Каждое государство имеет свои чудесности, свои добродетели и злодейства. У всякого народа во всяком веке, во всяком правлении различные состояния общества представляют тому примеры. Рубище беднейшего гражданина и блестящее одеяние знатного прикрывают часто величайшие добродетели и гнуснейшие пороки. Око любомудра пронизает сквозь сию завесу, между тем как зрение простолюдима ослепляется токмо блеском и видит одно рубище.

На таковых-то событиях, представленных нам историею всех веков, должны быть основаны романы, о коих мы упоминаем. Великий человек, который есть герой оных, должен быть всегда взят из состояния тех, для коих назначено чтение оных. Искусство писателя должно состоять в представлении с большею славою гражданских и воинских добродетелей, к оказанию которых наиболее имеют случай люди сего состояния, в описании самими худыми красками пороков, коим наиболее они подвержены, в распространении сих начал любви к отечеству и к славе, кои поселены уже разными образами в душе детей, во внушении им сего возвышения характера, который тем явит себя величественнее, естли не занят будет богатством и знатностью.

Желательно, чтобы предмет романов был почти истинным событием или вымышленным, но несовершенно, где бы сочинитель в том уверил читателя. Невероятно, колико бы таковое расположение учинило чтение возбуждающим.

Множество хороших сочинений сего рода находящихся соделывает гораздо удобнейшим собрание предлагаемых нами романов касательно до воспитания. Польза, каковую б произвело сие чтение, известна всем тем, кои знают, колико сила нравственных чувствований должна иметь влияния над образованием характера и на открытие страстей.

Но кроме романов надлежит каждый год собирать всякие происшествия, могущие произвести то же самое действие, и печатать оные в пользу воспитанников; сим способом они непрестанно пред глазами будут иметь полную историю добродетелей; и хотя летосчисления сего рода бывают иногда весьма кратки, однако они никогда не прервутся, естли не станут их ограничивать одним каким городом или народом, но когда будут они обнимать отечество и даже род человеческий, к коему они принадлежат.

Для сего чтения должно определить вечер*. Самое лучшее средство дать детям приятное упражнение, удаляющее от них сон, не подвергая их скуке, которой должно тщательно избегать в каком бы то ни было начертании общественного воспитания, состоит в учреждении сего порядка чтения, всегда предоставляя детям переменять оное по своей воле**. Сие покажет новую пользу сего учреждения. Наконец, ко всем сим пользам присоединится еще другая: внушать детям охоту к чтению и ускорять сим образом успехи наставления.

К романам можно присовокупить трагедии, могущие произвести те же самые действия, каковые и нравственные разговоры. Таким же образом можно употребить жития славных мужей, описанные Плутархом⁴²⁴, и предпочесть оные всем прочим по тем причинам, кои представил Монтань⁴²⁵ и которые славный сочинитель Эмиля⁴²⁶ столь красноречиво объяснил. От сего чтения произойдут две другие выгоды. Если бы начинали оное чтение, когда кончили воспитанники историческое наставление, то б оно было весьма полезно для лучшего сохранения в памяти и оно могло бы пособить общему недостатку всякой истории, какая бы она ни была. Поелику история, быв назначена представлять обширность великих происшествий, описывает нам больше деяния, нежели человек. Она представляет их во отношении их с обществом и с должностями, от онога налагаемыми, никогда не описывая человека во внутренности его жилища, в недре его семейства, среди друзей. В описании же особенной жизни людей бывает совсем иное. В оной видят и человека и героя. Будучи отцом, супругом, другом, судиею и полководцем, он представляется во всех сих видах и отношениях; его видеть можно тут и на феатре и вне оного. Вот причины и выгоды сего чтения.

---

* Нужно здесь сказать, что при вступлении дети не должны иметь времени для она более десяти часов; лотом, как лета их будут возрастать, надобно, чтоб время сие уменьшалось таким образом, чтоб в последнем году воспитания ограничивалось семью часами. Чтоб успеть в сем постепенном уменьшении, не применяя часа вставания, который должен быть один и тот же для всех возрастов, надобно определить час, который ложиться надлежит спать при разных переменах.

** Не должно ни единого из детей принуждать лучше читать такую-то книгу, нежели другую. Каждый наставник должен иметь разные экземпляры сих собраний для удовлетворения различным вкусам воспитанников.

О награждениях

Две страсти, из коих одна мала, опасна, уничижительна, и другая — возвышающая характер к величеству, к благородству, к пользе, протекают из одного и того же источника. Сии страсти суть *тщеславие* и *любовь к славе* и происходят от *желания отличиться*. Сие желание, знак и действие общественности, возбуждает равно как варвара, так и просвещенного, как несмысленного, так и мудрого, бездельника и честного человека; сие желание обнаруживается почти при самом начале жизни и которое сопровождает человека даже до гроба; сие желание производит ту или другую из сих страстей, смотря худо или хорошо оно было направлено. Оно учиняется тщеславием в одних, любовью ко славе в других; оно великолепно золотит колесницу богатого и поощряет в сражение неустрашимого воина; оно поражает кинжалом Лукрецию; оно побуждает Креза тщеславиться своими сокровищами и руку Сцеволы⁴²⁷ в горящие уголья повергает.

Итак, рассмотрим, каким образом употребление наград, споспешествуя успехам детей, может приуготовить желание отличиться и произвести не тщеславие, но любовь к славе.

Естьли хотя мало рассуждать будут о сем важном предмете, то уразумеют, что он должен произойти от двух причин — от качества награждения и их назначения.

Всякая отличность есть награда, но не всякая награда есть отличность. В частном воспитании награды не могут ни споспешествовать, ни управлять желанием отличиться, потому что частное воспитание имеет недостаток в уравнивательных предметах и, дети воспитывающиеся у родителей, вовсе почти не имеют средств, могущих возбуждать в них сие желание к отличию. Награды сии должны быть совершенно существенные, ибо *награды мнения* там токмо существовать могут, где мнение действительно имеет свою силу. Напротив того, в воспитании общественном награды, основаны будучи на едином токмо отличии и когда оные благоразумно будут направляемы, легко учиниться могут предметом желаний, поелику любовь к отличностям сильно возбуждается между множеством и близостью тех людей, от которых желаешь отличать себя.

Маршал Вилларс⁴²⁸ весьма часто говаривал, что два только удовольствия, которые вкушал он наиощутительнее в своей жизни, были: получение награждений в училище и победа.

Любовь к отличности определит качество наград в сем начертании; и, поелику оные могут быть вещественные или *награды мнения*, мы употребим только последние да сим приучим детей ничего не желать более, как славы. Мы увенчаем главу, например, лавровым венком, но не дадим ему лучшей против прочих одежды; ибо таковой род отличности может возбудить в них чувство тщеславия; не определим также лучших яств, чтоб не произвести склонность к обжорству; не освободим от обыкновенных с прочими упражнений, ибо таковое исключение представит глазам его праздность и покой приятными.

Итак, сие начертание общественного воспитания не будет в себе заключать иных наград, кроме тех, кои заключаться должны в общественных мнениях. Законодатель возымеет попечение о вымышлении сих отличительных по заслугам наград и о определении относительной оных силы соответственно относительной силе заслуги, за которую они назначены. Венок победы есть венок мира; венок, украшавший чело борца, и венок, каковой отличал главу победоносного начальника, имели равную существенную силу, но неодинаковую, однако, силу во мнении. Род заслуги, за какую оные были определяемы, придавал им одинакую важность, и степень отличия, который они показывали, были единою их ценою. Следовательно, должно указать разные роды заслуг, за кои надлежит давать различные награды. Да удостоят первую за деяния благородные, величие души возвещающие, и, рассмотрев потом предметы касательно всех частей, на кои разделиться должна система воспитания, определяют для каждой особо награды отличившимся из детей; и да определяют награде и предмету степень, соответственную важности оных; да учредят оную для тех, которые отличили себя в разных упражнениях относительно физической части воспитания, для тех, кои оказали опыты смелости и мужества, для тех, которые избавили товарища от угрожавшей ему опасности, для тех, кои оказали наиболее внимания и остроты в разных родах наставлений, для тех, которые успевают в науке, к коей они прилепились, но с тем условием, чтобы они не лишились права на сию награду какою-нибудь особенною погрешностью. Два раз в год имеет быть раздача сих наград, дабы учащение не уменьшило оных силы и редкость не ослабила ожидания оных; что для верного их распределения нравственный надзиратель учинить должен список тем предметам, которые каждый из учащихся заслужил своею отличностию, и причинам, лишаящим его награды; на-

конец, при наступлении времени раздачи производить будет оную следующим порядком.

Да, соберут всех детей в одно место. Те, кои кончили курс нравственных наставлений, могут допущены быть к раздаче. Для предупреждения зависти и пагубных оной следствий нет более действительнейшего средства, как заставлять награждать и чтить заслугу тех самых, которые б могли сами показать к оной род зависти.

Тот, кто чтит или награждает заслуженного человека, приобретает некоторым образом славы его, и сего мнения довольно для погашения в душе его всякого чувствования зависти.

По проговорении нравственным надзирателем краткой речи о совершенном беспристрастии правосудия и по увещевании, сим юным судиям внушенном о наблюдении должностей оного, он начнет именованием детей, отличившихся в продолжение шести последних месяцев великодушными и благородными деяниями; он описывать им будет заслугу каждого из сих деяний и представит оные под тем видом, каковой почтет он наиспособнейшим, чтобы дать восчувствовать относительную оных силу. Дети подтвердят суд по сему предложению; они сами провозгласят деяние, заслуживающее быть увенчанным и решат еще относительную заслугу других деяний. Голоса все подавать будут неисключительно, и большинство оных решит суд всякий раз, когда главный попечитель с нравственным надзирателем не будет находить оного несправедливым; в таком случае они докажут им заблуждение их и исправят их суждение. От сего первого суждения приступят к другому, касательно до награды, определенной за вторую заслугу, и таким образом поступать будут даже до награды предмета не столь важного. По окончании раздачи награждений объявление оной отсрочит до ближайшего праздника. Приготовленным шествием соберутся дети в церковь. Заслуживший первый венок идти будет первым среди сего торжественного хода, сопровождаемого всеми отличившимися в одном предмете, но неодинакие дарования имеющими. Каждый из них следовать будет за оным в порядке, каковой определит заслуга дел.

Получивший вторую награду пойдет в сопровождении своих совестников, наиболее отличившихся, и таким образом даже до последнего, получившего последнее награждение. Если один из сих отличившихся каким-либо великодушным делом заслужил еще награду за другой предмет, то он получит сию новую награду, но не ос-

тавляя места своего, назначенного ему степенем заслуги великодушного его деяния. Последнее место между отличившимися в сем роде деяния должно быть почтеннее, нежели первое между теми, кои отличились иначе. Таким-то образом внушат детям неложные понятия о заслуге и различных ее степенях.

Дети, не заслужившие никакого отличия, заключат сие шествие.

Вход в церковь должен быть свободен каждому, и особенно родители будут приглашены на сие торжествование. как скоро все соберутся во храм, нравственный надзиратель провозгласит имена победителей и назначенные им награждения; он, восхваляя справедливость молодых судей, скажет краткую речь о уважении и славе, истинную заслугу сопровождающих.

Вместо того чтоб делать уничижительные укоризны не заслужившим никакого награждения, он поощрит их, да учинятся они достойными оных. Все, что может ослабить или истребить силу души и повредить нравы юношества, должно быть тщательно избегаемо в сем начертании общественного воспитания.

Обряд сей имеет окончиться приличным сему предмету гимном, и дети, награждение получившие, должны сохранять во все время отличительные знаки своей заслуги.

От сего учреждения тотчас узрят пользу, произойти из оногo должствующую. Юношеству внушат благородное соревнование, не подвергнув его опасностям, обыкновенно с оным сопряженным. Сим способом вознаградят заслугу и предупредят зависть. Возвышенность и благородство души водворятся не только в сем состоянии людей, но даже и в тех, кои наименее к оным расположены. Понятие о личном достоинстве больше возымеет силы; желание отличиться пременится в благородную любовь к славе, а не в пагубное тщеславие. Любовь к справедливости произносить будет суждения, и истинное понятие заслуги и разных ее степеней равным образом к сему сообщатся. Одним словом, связь обстоятельств, поспешствующих к раскрытию нравственных способностей юношества, возродиться только может от сего учреждения.

О наказаниях

Для юношества нет нужды делать наказательного уложения, но должно все сие доверить честности и просвещению главного по-

печителя и надзирателя нравственного; власть их не должна ограничиваться, ибо причины, могущие побудить к употреблению оной во зло, слабы и неважны, качества, требуемые от отправляющих наказания, противны расположениям души, оправдывающим сие недоверие, обстоятельства, учиняющие неудобоисполнительным или опасным, естли сделать для сего особое уложение, будут столь часты, что лучшее в сем случае средство состоит в том, чтоб учредить некоторые общие правила, к предмету сему относящиеся, и оставить благоразумию главного попечителя и нравственного надзирателя попечения споспешествовать намерению законодателя, не входя в сии подробности, которые не только что могут привести в замешательство, но даже сделаться бесполезными и опасными.

Большая часть сих правил должна быть более отрицательная, нежели положительная. Должно говорить более о том, чего не должно делать, нежели объяснять с мелочною подробностью все то, что должно делать.

Надобно запретить всякого рода телесные наказания; никто да не имеет права таким образом наказывать дитя за что бы то ни было. Законодатель не восхощет, чтобы средства, назначенные к возрождению чувствования личного достоинства, были мешаемы со средствами уничижающими; чтобы те, кои служат к подкреплению тела и духа, были совокупаемы с средствами, тому и другому вредящими, — одним словом, чтобы средства, назначенные к образованию граждан, были смешиваемы с средствами, удобными производить токмо рабов. Опыт доказывает, что дети, приобывшие к побоям, лишаются обыкновенно оной телесной силы и естественной чувствительности, обильного источника толиких общественных способностей; они содельваются подлыми, лицемерными, притворщиками, злыми, мстительными и жестокими; с самого младенчества приобучаются к ощущению внутреннего удовольствия, подвергая других бедствиям, коих они жертвою учиняют.

Другое учреждение предупредит злоупотребление позорных наказаний. Как в обществе малолетних детей, так и во всяком другом часто употребление сего рода наказаний и великое число тех, на коих оно возлагается, уменьшает степень и силу оных. Как в сем, так и в других обществах наказания сии, основанные на едином мнении,

должны быть употребляемы с осторожностью*; они должны быть токмо назначаемы за преступления или проступки, кои по качеству своему самим мнением осуждаются к бесславию. Правила, долженствующие предупредить злоупотребление сих наказаний, общи как для сего, так и для других обществ.

Дабы с точностию наблюдать сии правила, должно запретить злоупотребление сего рода наказания и предписать только умеренное действие оного; надобно представить имеющим право наказывать неудобство приобучать детей взирать с беспристрастием на уменьшение или потерю почтения их сотоварищей; законодатель покажет им, колико сие неудобство может погасить в них чувствование любочестия и собственного своего достоинства, которое с толиким тщанием внушать им стараются; он покажет, каким образом можно располагать различные сего рода наказания для соразмерения степенями преступлений, долженствующих быть наказанными сим родом наказания; он покажет, наконец, каким образом должно оно объявлять и предупреждать великое зло, произойти от того могущее. Если дитя учинит позорное преступление и естли оно известно токмо детям, с ним живущим, в смотрении у одного наставника находящимся, то должно дать почувствовать детям, сколь нужно в сем случае быть им молчаливыми и не открывать прочим преступления их товарища. Наказание его в сем случае будет строго, но оно не будет

---

* Надобно, чтобы всякое наказание было редко, дабы учащением оных наказания не лишились важности своей. Всякого рода наказания тотчас теряют силу свою, когда они обыкновении становятся. И в сем случае сила беславия зависит много от умеренности его употребления. Бесславие есть *наказание общего мнения*; однако ж частые его впечатления на мнения немало его уменьшают. Пример подтвердит сию истину. Отечество находится в самой крайней опасности. Неустрашимый гражданин поспешает к оному на защищение, подвергается всем опасностям — успех вознаграждает его отважность. Он возвращается от славного своего предприятия, покрытый ранами. Народ благославляет героя, и общее мнение богам его уподобляет. Опасность сия в тысячу раз возобновляется. Тысяча граждан один за другим стремятся защищать отечество, и всяк из них возвращается увенчанный славою. Спасение отечества принадлежит равно последнему, как и первому из них: отважность у всех равная. Народ чувствует, что добродетель и храбрость с обеих сторон были равны, но геройство последнего гражданина будет ли иметь ту же степень впечатления в общем мнении, как и геройство первого? Какое будет следствие сего мужества, сих действий? Последний не получит той меры мнения, каковую имел первый, и сей лишится всего того, что имел тот в преимуществе пред прочими.

всем объявлено; оно будет известно токмо детям, в смотреии у одного наставника находящимся. Но естли позорное преступление всем известно, то и наказание должно быть всем же известно, и нравственный надзиратель придаст весь вид наказания, каковой требуют качество преступления и необходимость внушить к оному омерзение; но в сем случае виновный, пред всеми обесславленный, не потеряется ли в отношении добродетели? Чувствование учиненной подлости и пренебрежение в общем мнении не истребит ли в нем действия всех причин, которые б могли его исправить и сделать лучшим?

Для предупреждения зла сего, кажется, следующее средство может весьма быть действительно. Нравственный надзиратель по совершении позорного наказания проговорит сильную речь о следствиях преступления и бедствиях, за оным следующих; наконец, обратясь к виновному, он ему скажет: «Права, каковое имел ты на дружбу и почтение твоих сотоварищей, ты лишился, однако возвращение одного в твоей еще находится власти. Благородство одного дела может истребить поносность другого; счастливая перемена может исправить зло позорного развращения. Когда ты вновь заслужишь наше почтение и дружество, то драгоценное сие право возвращено будет с таковым же всеобщим восхищением, и я, который по закону есть ваш общий отец, — я буду исполнителем обещания, которое произношу тебе именем моих детей и твоих собратий». Я представляю читателю попечение рассмотреть сугубую пользу, от наказания и прощения истекающую.

Приступим к другим общим правилам относительно к сому предмету.

Наконец, дабы соделать звание нравственного надзирателя более почтительнейшим и должности его полезнейшими, надлежит ему предоставить еще право употреблять некоторые роды наказаний. Лишение, например, некоторых яств или некоторых увеселений, но таким, образом, чтоб лишение сие продолжалось не долее одного дня. Главному попечителю принадлежит право определять строжайшие наказания как в рассуждении качества их, так и продолжения.

Нравственный надзиратель и наставники, когда нужно будет делать выговор или наказывать, сохранят все спокойствие и холодность духа и не предадутся тем движениям, тем стремлениям, кои оз-

начают страсть и от оной происходят. А чтобы внушить детям наибольшее уважение к истине и наибольшее омерзение ко лжи, надобно, чтобы оные никогда не оставались без наказания, и нужно также учредить, чтоб имеющие право наказывать уменьшали тяжесть наказания всегда, когда за проступком следовать будет искреннее признание.

Клевета да накажется строжайшим образом, как и всякое действие, обнаруживающее злобу сердца и подлость. Напротив того, оказывать должно всякое снисхождение к погрешностям, происходящим от остроты или живости, как таких достоинств, которые нужно более возбуждать в сих летах, нежели истреблять.

Со всевозможным рачением убежать должно всякого пристрастия и неправосудия. С точностию входящие в расположение разума человеческого ясно увидят в нравственном характере молодого человека опасные следствия, от чувствования неправосудия и обвинения причиненных нравственным надзирателем происходящие. В воспитании общественном с большим еще тщанием должно остерегаться сего порока, поелику случаи к соделанию одного бывают чаще и следствия, проистекающие из оных, пагубнее. Ежели нравственный надзиратель или наставники приметят, что они против желания учинили неправосудие воспитываемому, то должны немедленно оное загладить и не оказывать никакого противуборствия в рассуждении признания своей ошибки. Нравственный надзиратель иметь будет попечение о наблюдении беспристрастия и правосудия наставниками и побуждать их поступать по предписанному уставу всякий раз, когда они вольно или невольно сделают упущение по предназначенным им должностям.

Вот общие правила, по коим должно располагать употребление наказаний, отношение оных очевидно ко всеобщей системе нравственного воспитания. Посмотрим теперь, какое есть отношение правил касательно до веры.

О вере

Возраст, который посвятить должно духовным наставлениям, есть тот самый, который назначен нами для нравственных наставлений. Всякое воскресенье сии должны следовать за другими, и нравственному надзирателю должно быть поручено сие послед-

нее наставление. Ни на кого, говорю, другого не должно быть возложено сие попечение, как нравственного надзирателя, как человека, которого верховная власть избрала для исполнения ея должностей; да и на что без нужды увеличивать число наставников, и не лучше ли нравственный надзиратель, имеющий способности, искусство преподавать наставления, должность сию исправить может, нежели всякий другой человек, занимающийся другими предметами.

Поелику не должно из детей делать идолопоклонников и изуверов, то законодатель не упустит ни единого средства, могущего дать им простейшее, но пространнейшее понятие о Боге, исключая тщательно из своих правил все выражения, удобные соединить понятие сие с вещественными изображениями, к которому влечение разума человеческого естественно.

«Не усиливайтесь, — говорит он будет им, — познать существо бытия, которого обожать вы должны, но удовольствуйтесь знать, что существо его не состоит ни из чего того, что вы видите, осязаете, знаете или что вы можете знать. Поелику он есть творец всего существующего, то неизмеримое и непостижимое пространство разделяет творение с верховным создателем. Конец и начало никакого не имеют к нему отношения, ибо он всегда был и всегда будет.

Будучи совершенно невещественное существо, он не имеет иного отношения к вещественному, кроме того, что оное создал и сохраняет. В сей части вселенной, на коей мы живем, человек есть изо всех такое существо, которое наиболее им облагодотворено и которое по сему самому наиболее должно иметь к нему признательности».

Почтение и любовь к верховному существу заключают в себе часть обязанностей, от сей признательности проистекающих, другая часть состоять будет в том, чтобы соответствовать назначению, какое человеку определено. Первое следствие сих должностей будет предметом духовных наставлений, второе — предметом нравственных наставлений.

Таким-то почти порядком нравственный надзиратель должен давать детям понятие о Божестве и изъяснять их должности относительно к оному. Здесь более означено порядок мыслей, нежели каким образом должно оные им преподавать. Нравственный надзира-

тель изобразит понятия сего в настоящем своем значении и учинит их удобными для каждого возраста*.

Отправление домашнего богослужения должно соответствовать правилам, нравственным надзирателем постановленным; небольшое число простых и кратких молитв, но исполненных ясными правилами всеобщей нравственности, должны быть всякий день повторяемы поутру и ввечеру детьми в присутствии наставников. Безмолвие и важность сопровождать будут сие ежедневное моление.

Вот все, что общность сего начертания позволяет здесь сказать до веры касающегося. От учреждения зависит пополнять сию часть системы нравственного воспитания.

Общие правила, на коих должно быть основано ученое воспитание детей сего отделения

Множество понятий, мыслей и различных мнений; великое число предрассудков, от невежества происходящих и временем утвердившихся; непрестанное противоборствие между теми самыми, кои их испровергают; невозможность принять в общественное воспитание ту часть полезных мер, предложенных в рассуждении частного воспитания; препятствия, встречающиеся со всех сторон всякому предначертанию преобразования относительно к сему важному предмету, — вот причины, соделывающие предмет сей толь трудным и многосложным. Нужно искать путеводителя в природе, и надобно соображать понятия свои непременно к сему начертанию. Итак, потщимся наблюдать порядок, которому следует она в постепенном разверзании умственных человеческих способностей, и установить по оному постепенный порядок наших наставлений. Рассудим о времени, каковое оно употребляет, и разделим наше по сей мере. Применим наставления наши слабостям детей; остережемся начать тем, чем должно кончить; не побежим, где должно идти тихо, и не подвергнем опасности опровергнуть здание тогда, когда бы оно нужно воздвигнуть и доверить в короткое время.

---

* Как наставления и разговоры нравственные, так равно и сии духовные должно нравственному надзирателю распределять с великою осторожностью, на степени возвышения понятий, в рассуждении возраста воспитывающихся, дабы несоответственными летам им предложениями не обременить память их, не затмить понятий и сим самым не истребить умственных способностей.

Понятие или впечатление, приемлемое в душе по случаю предмета, действующего на чувства, есть первое действие разума; без оногo тщетно б предметы действовали на наши чувства и душа не получала б никакого об них познания. Способность *понимать* есть, следовательно, первая в человеке обнаруживающаяся, она есть первое начало человеческих познаний. Итак, сия будет первая способность, которую мы употребим, чтоб следовать великому предначертанию природы в наставлении наших воспитанников.

Вторая способность*, в человеке оказывающаяся, есть сохранять, производить и вспоминать посредством приобретенных понятий, — сия способность есть *память*; она обнаруживается с первой, но не разверзается в одно и то же самое время. Желать наиболее оную изострить в самом начале ее появления значило б препятствовать ее открытию; надобно, чтоб она достигла своей силы, дабы ею воспользоваться. Сколько злоупотреблений, заблуждений и пороков в наставлении происходит от незнания сего правила!

Воображение есть третья способность, в человеке оказывающаяся; он составляет и соединяет понятия об окружающих его вещах или изображения и представления об оных посредством понятия, приобретенного и памятью сохраненного; он их сближает, смешивает, соединяет и делает из оных состав, коего части произведены памятью, приобретены будучи понятием. Сия третья способность обнаруживается весьма скоро; однако она требует многого времени для открытия, поелику имеет нужду в великом употреблении первой и открытии второй. Без многих понятий идеи, о коих мы говорим и которые оными приобретаются, были б не в столь великом числе и не столь часто возобновляемы, чтобы можно было избрать из них такие, которые могут вместе между собою соединиться; и без открытия способностей памяти разнообразность понятий была бы в рассуждении сего бесполезна, потому что не можно бы было возобновлять идеи, к приобретению которых они способствуют. Вот для чего греки называли муз *дщерями памяти*. Способность воображения направляема будет в нашем начертании по тому порядку, на коем природа основала открытие оной.

Четвертая способность человеческая есть *рассуждать*. Она показывается весьма рано, но последнею открывается. Не должно мешать

---

* Из сего явствует, что здесь говорится токмо о способностях человеческого разума.

появление умственных способностей человеческих с их открытием. Первое бывает скоро, а последнее медленно и постепенно. Открытие способности рассуждать есть последнее, поелику действия оной гораздо труднее и многосложнее. Они состоят не в соединении и составлении понятий о *вещественных бытиях*, что суть дело воображения, но понятий уже распространенных отвлечением понятий о качествах, свойствах, отношениях и пр., о всех тех бытиях, которые ничего не имеют вещественного и которые суть токмо подобия того, что видим и мыслим, и чистые отвлечения, то есть отвлечения существенности. Одним словом, предметы понятий, кои суть следствия действий сей способности, отличные совершенно от существенных бытии, не иное что суть, как понятия метафизические, составленные нами, когда мы отъемлем, так сказать, от сих бытии все то, что в них есть существенного, и отделяем действия наших рассуждений о бытиях от самых бытии, оные возбудивших.

Вот для чего Платон, хотя показать различие, находящееся между человеком и богом, сказал: «Творец дает существо всему, что ни воображает; понятия его рождают бытия. Напротив того, сотворенное существо понимает токмо чрез отвлечение существенности и ничтожность есть следствие его понятий».

Довольно кажется того, что сказано нами о действиях *способности рассуждать* для показания, что сия способность есть последняя открывающаяся, а следовательно, последняя ж, которую должно употребить в сем начертании воспитания.

Установив сии правила, приступим к применению здесь оных, рассмотрим влияние, каковое должны они иметь на особенные наставления каждого последующего отделения, на кои разделено быть должно сие благородное юношество. Итак, начнем истолкованием системы ученого воспитания, которая должна быть употреблена для сего отделения, коего назначение имеет непосредственнейшее отношение к благоденствию общественному.

Краткие начертания ученого воспитания

Для достижения предполагаемого вообще воспитания довольно определить времени четырнадцати лет. Сие время не покажется продолжительным, когда увидят, какое употребление нужно сделать в продолжении оною. Разделение его должно быть учинено ни тще-

славием, ни предрассудком, но здравым разумом и непререваемым порядком природы порядком.

Земля, которую мы должны обработать, плодородна; она производит всякий год то, что ей свойственно. жатва будет обильна и богата. естыли посев учинен будет по предписанному природою порядку. но плодородие исчезнет, семена не возрадутся, земля соделается не плодотворною, естыли станут противиться природе, естыли захотят посеять и собрать плоды не в настоящую пору. И так употребим все наши пособия, всю нашу деятельность, дабы способствовать природе и воспользоваться е расположениями. Естыли способность *понятия* есть, как сказано, первая открывающаяся в человеке, то посмотрим, какое можно и должно с сею способностью делать употребление; воспользуемся оною сколько возможно; и не упуская ни одного из тех наставлений, которые ей приличны и соответственны воспитанникам училища, о коем мы говорим, остережемся мешать с ними такие, кои предполагают открытия других способностей, и которые, будучи полезны и нуны в другое время, были ы теперь излишни и вредны.

Наконец, дабы поступать соответственно сему начертанию, которое есть начертание природы, и к их несчастью совсем противно тому, которое употребляемо, мы плъзоваться будем в системе наставления способностью *понимать* в четыре года, следующие за вступлением.

Первый год употреблен будет на чтение и писание и на изучение живого иностранного языка. Сие знание должно быть более приобретено чрез упражнение, нежели чрез правила, по которым можно учить больше в зрелых летах.

Во второй год продолжать будут наставления предыдущего года и присовокуплять к тому познание той части арифметики, которая имеет предметом счисление. К сему присоединяет рисование.

Учение рисования, естыли хорошо будет преподаваемо, может весьма удобно способствовать к вразумению способности понятия; поелику сила сея способности есть приобретать понятия посредством впечатлений, производимых внешними предметами. Нужда подражать предметам, пред глазами находящимся, приобучит детей наблюдать малейшие оттенки, оные различающие, и а неприметным образом сделает навык составлять себе чистые и совершенные о вещах понятия. Рисование удалит детей от праздности и скуки, приохотит по естественной их наклонности к сему упражнению и послужит к внушению в них сего великого вкуса к изящным художест-

вам и к предуготовлению в них всего истинного и хорошего. Для сей причины нужно украсить комнаты сего училища лучшими эстампами, и изящнейшими произведениями живописи и скульптуры.

Распространим далее способность *понятия* и употреблением ее споспешествуем к предохранению детей от обильного источника всяких заблуждений и несовершенства чувств. Поелику чувства, кои суть орудия наших понятий, суть также орудия наших заблуждений; глаза наши, например, обманывают нас как в рассуждении величины, так и вида предметов. Одни и те же предметы в разных местах поставленные и под разными углами видимые, до бесконечности переменяют наружную величину; отдаление о них дает им другой вид, скрывая настоящий. Большая часть черт их соделывается невидимыми простому глазу. Зрение наше обманывает нас в движении. потому что оно представляет покоящимися тела в движении находящиеся и, движущимися, покоящиеся. оно обманывает нас также в рассуждении расстояния и пр.

Большая часть сих заблуждений может открыта быть воспитанниками сего отделения с большею удобностью без рассуждений и правил, самыми простыми опытами, сходнейшими с летами сих детей и с употреблением, каковое делают они с сею способностью *понимать*.

Таким образом предохраняя их от заблуждений, делая их способными принимать и понимать истины сим заблуждениям противные, когда постепенный порядок последующих наставлений будет продолжаться, то мы меньше будем иметь труда, например, уверить их, что не Солнце обращается вокруг Земли. что сия планета несравненно больше той, на которой мы обитаем, что звезды кажутся нам толь малыми и в равном расстоянии от нас находящимися, суть чрезмерной величины, и в чрезвычайной отдаленности и пр...

В *третьем* году сократят время, назначенное для предыдущих упражнений и употребят оное к преподаванию детям новых наставлений, которые могут увеличить число их понятий и распространить их разум. Сии новые наставления, которые токмо преподавать будем мы в сем третьем году нашим воспитанникам, касаются до естественной истории. Сие учение должно почитаться яко орудие и главный предмет наставления и мы воспользуемся светом, бессмертным Бюффеном⁴²⁹ нам оставленным. Наилучшее средство по мнению сего автора состоять будет в начинании рассматривать и повторять часто рассматривание образцов всех на земле и во Вселенной находящихся творений. Первый осмотр всех сих предметов не должен быть сопро-

вождем никаким чтением, не предшествуем никаким толкованием. Долгое время надобно смотреть бесполезно, чтоб приуготовиться видеть с некоторою пользой. Надобно обождать, чтобы зрение ознакомилось с сим хаосом и предметами оный составляющими.

Повторяемые примечания о тех же самых предметах и привычка с ними обходиться, нечувствительно возымеют сильные некоторые впечатления, кои, соединясь вскоре в разуме его с твердыми и неприменными отношениями, возродят в нем гораздо общие познания, которые доведут его до того, что он сам будет делать некоторые различия, общие подобию и соединять многие различные предметы с общими отношениями. Вот время, в которое нужно уже руководство, особое управление.

Итак, чтобы заставить их часто и со вниманием взирать на одни и те же предметы, надобно представлять их им под различными видами и при разных обстоятельствах. Надобно беспрестанно возбуждать в них любопытство. Им должно показывать все то, что человек зрелого ума может сам открывать и познавать и т. д.

Сии же самые наставления продолжать будут в *четвертый год* с гораздо отличнейшими и подробнейшими примечаниями.

Каждому воспитывающемуся должно дать по экземпляру каталога кабинета, который содержать будет в себе краткое, но точное описание о разных естественных произведениях. Ежедневно водить будут в часы, назначенные для отдохновения, на близлежащие поля, удобнейшие к исследованию. Определить нужно награды, чрез каждые шесть месяцев раздаваться должны. Но никогда не надобно, чтоб дети к чему-нибудь были принуждаемы к сим исследованиям и ничем иным не должны быть преклоняемы, как токмо тем, что внушат им соревнование и забава. Сия свобода присовокупит к приятности воспитания и упражнение, соединенное с забавой, предупредить скуку оного и плачевные следствия. Преподавание науки сопряжено будет всегда с употреблением теории с практикой. Понятия наши сами собой впечатлеются в памяти, не имея нужды преждевременно упражнять сию способность.

В сем четвертом году ученого воспитания будут показывать им химические опыты, которые продолжаться будут до того времени, когда можно будет употребить *четвертую способность*.

Чтоб упражнять, колико возможно способность *понимать*, то в сей год преподавать будут воспитанникам первоначальные основания

космологии; их учить должно тому движению, каковое единое порядочное упражнение чувств может преподать движению производящему день и ночь, коловратному течению годовых времен, разности климатов, течению планет, различным затмениям и пятнам в луне находящимся. Навык, каковой воспитанники приобретут от толиких средств и сведения, каковые подадут им о заблуждениях чувств, соделают гораздо полезнейшим сей способ учения и гораздо надежнейшим оного следствия. Они увидят себя при конце четвертого года снабденными историческими познаниями, кои надлежит иметь, чтоб с успехом прилепиться к науке, которая, требуя употребления второй способности, то есть *памяти*, должна токмо входить в сие начертание в пятом году ученого воспитания.

Наставления *пятого, шестого и седьмого* года. Способность *помнить*, довольно уже открытая, представляет нам множество наставлений, требующих самого употребления сей способности, за кою не можно было приняться, не отступя от предначертания природы и е подвергнувшись неизбежной опасности, не токмо потерять столь драгоценное время, но еще навсегда воспрепятствовать совершенном ее открытию. По сие время сия способность упражняема была непринужденно и сама собою. Теперь дела принимают иной вид, но мы предостережем мешать сей способности со злоупотреблением, упражняя оную с большей силой; великое множество примеров показывают, что люди, обременяя память не токмо не приобретали ни силы, ни остроты ее, но паче сим ее ослабляли. Мы ограничим себя в рассуждении приращения и сохранения силы сей способности тремя токмо правилами: 1-е никогда не употреблять во зло сей способности, заставляя тщетные делать усилия; 2-е облегчать связь между понятиями так, чтоб одно возбуждало непосредственно другое; 3-у возобновлять часто следы понятий, которые без сего совершенно могут изгладиться.

На сих трех правилах долженствует быть основано употребление, каковое надлежит делать с памятью. Правила сии воспримут свое начало на пятом году, в который начнут употреблять вторую сию способность.

Установить сии правила. должно паки приступить к нашим понятиям и взять в рассуждение из предыдущих наставлений, такие, кои либо должнствуют быть продолжаемы. либо переменяемы, или иными заменяемы. Все учение естественной истории ограничено будет химическими опытами, кои чинимы будут два раза в неделю. Про-

должать познание естественных произведений, посещать хранилища редкостей, где преподаваемые, касательно до естественной истории, наставления, мешаемы будут с наставлениями относительно к естествословию. К сему присовокупить продолжение учения рисовать и учение землеописания, но чувствительно сократя время.

А чтобы сообразоваться установленным правилам, чтоб облегчить связь понятий, и, следовательно, изострить память, то в одно и тоже время и одинаковым образом обучать будут истории и купно географии. Древняя география сопровождать будет древнюю историю, а новейшая география новейшую историю.

Рассмотрим теперь со всевозможною кратостию, употребление, каковое должно делать с третью способностью; посмотрим как можно было употреблять *воображение*; каким образом можно было бы в воспитанниках училища, о коем мы говорим, обработать и направить сию способность, для коей приутоновили мы толико материалов. Наставления *осьмого года*, есть тринадцатый год жизни, он должен совершенно посвящен быть на употребление *третьей способности*, которая в большей части людей сего возраста достигла, как кажется до того нужного степени открытия, что может без всякой опасности быть употребляема. пространные и многоразличные понятия о природе, ее произведениях. ее плодотворности, чудесах, силе, понятия, приобретенные как через преподавание естественной истории, так через химические опыты и космологические наблюдения; познание о всем том, что случилось наиважнейшего на земле в разные времена и различных народов и в разных состояниях общества, сведение приобретенное историей, сведение о ироических подвигах, совершенных из любви к отечеству, любви к славе и сообщенное детям во нравственной части воспитания чрез разговоры и чтение книг для сего назначенных, понятие о добре, внушаемое, как через беспрестанные разговоры о природе чрез рисунки и чрез привычку видеть лучшие произведения сего искусства, так и чрез чтение лучших писателей: все сие составляет удивительное число материалов, приутоновленных нами для *воображения*. Но прежде нежели начнем употреблять сию способность, надобно обождать доколь не приобретет ли она нужной силы, так, чтоб можно было ее употреблять, не истребив оные; надобно дать им понятия; надобно обождать прежде, нежели принудят их оные составлять, чтоб память была в состоянии их сохранять; надобно, одним словом, делать все то, что де-

лали и ожидать столько времени, сколько ожидали, что б воспользоваться сей способностью и направлять ее с пользой. Достигши единой до сей цели, посмотрим, в чем долженствует состоять сие употребление и сие направление.

Есть эпоха в жизни человеческой, в которую разум человеческий, снабженный нарочитым числом понятий, начинает чувствовать нужду в открытии оных. Эпоха сия есть та самая, в которую способность *воображения* приняла известный степень деятельности и силы, предполагающий совершенное ее открытие.

Наилучшее употребление, каковое можно сделать с сим периодом жизни, состоит в том, чтоб воспользоваться сей нуждой, сим расположением. Должно в сем случае споспешествовать только природе.

Сие бесконечное число правил, чрез кои связывают, стесняют, а наконец, истребляют воображение молодых людей под видом направления оногo, должно быть исключено из нашего начертания не только как бесполезное, но яко и вредное. Природа, каковую представляли мы беспрестанно в самом существе и в прекрасных ее подражаниях, будет служить им вместо всяких правил. Писатели, которых они читали и читать продолжают, дадут им справедливое понятие о выборе слов и возродят в них вкус. Истинное, прекрасное, великое, высокое будут в душе их, а не в памяти.

Весьма полезно, что б они приобучились писать или стихами, или прозой все, что они ни воображают, или представить себе ни стараются, то есть, составлять и соединять предметы удобосопрягаемые. Полезно, что б они подражали и украшали природу в их сочинениях. Полезно, чтоб учились они подражать писателям, коих представляют им образцами, вместо того, чтоб рабски учить их правилам, по сим образцам составленным, и что б они искали сей мужественной силы разума, которая совершенно открывает дорогу и заставляет человека идти кратчайшим путем для достижения предполагаемой цели и, поражая его живо величием и достоинством человеческой природы, заставляет его презирать все сии хитрости, своевольные и ребяческие умыслы ума, хотящего обмануть, воображения, желающего обольстить.

Одним словом, их единая, их величайшая польза состоит в открытии таинств искусства, а е в знании имен, определений и правил.

Вот все, что благоразумный наставник должен делать в летах, о коих мы говорим. Он достигнет сей цели, естли знает избирать

предметы, от коих воображение воспитанников может с вящею пользою изостриться; естли умеет он показывать им места из лучших писателей, которые, соответствуя предложенному предмету, могут служить им образцами; естли может он представить им красоту и погрешности произведений; естли сравнивая сие творение с самой природой, он показывает отношения онго к сходству и разности мест, коим подражали, превзошли или обезобразили; естли, сравнивая оное с представленными им образцами, он показывает им, в чем состоит различие дарования; естли, наконец, он знает поправить заблуждения и несовершенства их трудов, и из худого и посредственного составить хорошее и совершенное.

Таким то образом можно будет направлять третью сию способность. Весь девятый год ученого воспитания, будет, в рассуждении воспитанников сего училища, о коем мы упоминаем, на сей конец употреблен; прочих шести годов довольно будет для всех наставлений, относительно к *четвертой способности* наставления.

Наставления в последние шесть лет

Для сей последней эпохи учебного воспитания предоставили мы наставления, служащие к раскрытию *способности рассуждать*. Следуя нашему начертанию, мы не могли бы приступить скорее к сим наставлениям; довольно, что мы не потеряли ни одной минуты времени толико драгоценного; что употребили сие время не напрасно; что от упражнения первых способностей мы получили всю ту пользу, какой токмо желать можно; что воспитанников наших довели до сей точки, на которой мы их остановили, не причиняя им скуки и отвращения. Умственная способность, оставленная во всей свободе, каковой ее медлительнейшее раскрытие требовало сделать нам такое вспоможение, которого бы мы никак не могли получить от преждевременного ее упражнения, и которого нельзя ожидать, как токмо от сего степени силы и зрелости, до которой мы ей дали достигнуть. Направление, которое мы дадим ее силе и способ, как ее употреблять, усугубят ее действие, как в рассуждении числа, так и в рассуждении основательности наставлений. Свойство сих наставлений, порядок, как они должны быть расположены, и образ их преподавания, — сии три предмета будут целью нашего рассмотрения.

Наука, коею мы начинаем упражнять сию *четвертую способность*, есть та, которая в то же самое время, как приобучает человека правильно и основательно рассуждать, доставляет ему известное число способов необходимых или полезных для приобретения других познаний. Сия наука есть геометрия. Мы воспитанникам нашим предложим *первоначальную и высшую*.

В *первые два года*, назначенные для сего обучения геометрии, будут преподавать также арифметику и алгебру, потом сию продолжать будут употреблением ее в выкладках геометрических, и время, определенное для сего особенного наставления в первый год во второй будет употреблено для обучения тактике. Учение и практика сей последней науки, будут в течение других лет продолжаться до самого окончания воспитания.

Когда воспитанники сего отделения узнают теорию *искусства баллистического*, то они в некоторые из назначаемых дней будут упражнены в самой практике оного, также и в механизме артиллерии.

В воинских подвигах упражнять токмо будут детей, кончивших два года курса нравственных наставлений. Упражнения сии продолжаться также будут до окончания воспитания; они располагаемы будут по правилам настоящей тактики. Некоторые простые и скорые эволюции, тихие, правильные и скорые марши будут главными предметами сих упражнений.

Основания наук физико-математических, сопровождаемых опытной физикой займут третий и *четвертый годы*. Наставления в естественной истории, космологические познания, в последнем году первой эпохи, преподанные нами посредством опыта ихимические действия, которые мы продолжали во все сие время, уже весьма много приутожили к учению в сии два года.

Главные умозрения сельского домоводства и познание различных средств в практике, почитающихся поныне наилучшими для ускорения прозябения растений, для умножения плодородия земли, для употребления. смотря по свойству почвы, разных родов произрастаний, получаемых из трех царств природы. Лечение скота, предупреждение болезней, сохранение хлеба, все сии наставления могли бы быть также преподаны при сей эпохе.

Основания права природы и народов будут преподаны в *пятом годе*. Мы оставим также для сего года обучение той прекрасной мета-

физике языков, которую мы справедливо назовем *грамматикой философической*.

Наконец, в *шестой год*, учение отечественным законам, сопровождаемое истинными основаниями всенародного благоустройства и общественного благоденствия, окончит курс сего учебного воспитания. Тут должно дать совершенное познание о действительном состоянии народа и всего того, что разумеется под сим именем. познание истинных его польз и его отношений, что было бы заключением сего наставления.

О обрядах всеобщего выпуска и каким образом должен быть он учреждаем

Есть в жизни частные эпохи, которые никогда не могут быть забвенны. Такова есть эпоха выпуска, о коей мы здесь говорить будем. Перемена, каковую она производит в состоянии человеческого, столь велика по существу своему, что самое должайшее время не может изгладить воспоминание не только о действии, сие воспоминание рождающем, но и о обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших оное. Итак, потщимся сему действию и сим обстоятельствам придать везозможную деятельность, постараемся сделать впечатление оногo гораздо глубочайшим и влияние ощутильнoм во все течение жизни.

Поелику известно, что молодые люди имеют воображение гораздо сильнее, плодовитее, действительнее, то выпуск можно учредить следующим образом.

Все дети, достигая возраста законом определенного, будут отведены накануне назначенного для публичного выпуска дня в то место, где главный попечитель воспитания имеет свое пребывание. Будучи почтен летами своими, должнoстью и личными достоинствами, необходимо к тому нужными, он будет в сей день проповедником отечества и орудием его чувствований.

Величественное и важное шествие препроводит детей в церковь, где стоять будут они в особливом от прочих месте. вход в оную свободен будет для всех. Главный попечитель станет на некотором возвышении и важность его должности изобразится знаками его достоинства. На гораздо возвышеннейшем месте положено будет уложение законов. Алтарь да украсится таинственными знаками гражданских добродетелей и церемониал начнется благодарственным гимном. Сей

гимн воспет будет священником и все дети повторят оный хором. Слог оного должен быть прост и важен, музыка голосов сочинена по правилам древних, которые лучше знали* соотносить оную с намерением закона и общественными пользами.

По окончании гимна провозвестник повелит именем закона внимательность и молчание и попечитель проговорит потом следующую, законом предписанную речь:

«Сыны отечества, воспитанники закона, внемлите последним наставлениям человека, который четырнадцать лет бдел о вашем младенчестве и имел попечение о вашем воспитании.

Невежество и заблуждение были наследством, назначенным вам отцами вашими. Зараза гордости и пороков была опасность, угрожавшая вашей юности. Гордость или порок были пагубным плодом в зрелых годах наших. Уничужденные и в тоже время гордые рабы или разрушители законов, поношение или наказание следовали бы за всеми вашими деяниями. Не имея любви к отечеству и, будучи к оному равнодушны, вы были бы токмо граждане по имени, равно как люди по образу. Будучи унижены перед вашими собственными глазами, вы бы вскоре соделались таковыми и в глазах прочих; преезрения могли бы вы избавиться токмо насилием, поруганием и преступлениями. Покровительство законов могло бы вас защитить от злоумышлений сильного, но кто бы предохранил вас от поруганий *мнения?*

Воспитание, подобное тому, каковое вы получили, может токмо предохранить вас от толиких зол; оно единое могло вперить в вас вместо невежества просвещение, вместо заблуждения истину; оно единое могло в том состоянии, в коем вы рождены, избавиться вас от вредоносного влияния пороков гордости и уничтожения; оно единое могло внушить вам понятие о собственном вашем достоинстве и предуготовить вас к почтению других; оно единое могло соделать вас достойными заслужить имя граждан.

Государю и отечеству обязаны вы всеми сими благодеяниями. Кто бы из вас мог быть неблагодарным к оным? Что вам должно делать, чтобы таковыми не учиниться?

Будьте счастливы, ищите благополучия, но не ошибайтесь в выборе средств, долженствующих доставить вам оное. Вот благодарность,

---

* В Гомере музыканты названы наставниками и всякому известно, какое имела музыка влияние в системах воспитания Пифагоровой и Платоновой.

каковой Государь и Отечество от вас требуют. Выбудете счастливы и признательны, когда будете искать благополучия в чувствовании невинности, в труде, в кротости, в воздержании; вы будете счастливы и признательны, когда будете искать благополучия в объятиях добродетельной супруги, а не в общенародной блуднице; в недре вашего семейства, а не в бесчестных местах; естли вы окружены плодами невинной любви, а не залогами вашего распутства; естли вы почитаете ложе другого, так как любовь и честь заставлять будут почитать ваше, естли исполняете долг человека и гражданина, не по опасению наказания, но по любви к справедливости и по уважению законов. Вы будете счастливы и благодарны, естли вы будете снискивать пропитание ваше посредством трудов, а не посредством обмана и корыстолюбия; естли вы охотнее прилежите к трудам, нежели изгибаться захотите перед сильным и богатым человеком, ищущим купить ваше унижение; естли, пользуясь средствами, предоставленными вам природой и воспитанием, вы будете сим снискивать себе пропитание, вы не подвергнетесь плачевному состоянию требовать оно у других, словом, естли вы можете быть полезны людям, не требуя у них помощи. Вы будете счастливы и благодарны, естли вы будете желания ваши ограничивать сходно вашему состоянию; естли желания ваши согласны всегда будут с вашей должностью; естли научитесь лишаться всего того, что добродетель возбраняет нам иметь, обладать всем тем, что вам принадлежит, и противопоставлять таким образом твердость наслаждения бренности благ. Вы будете счастливы и благодарны, когда будете искать благополучия вашего в почтении мудрого, а не в мнении глупца; когда будете искать оно в отличия истинно великих и прочных, а не в малых и скоропреходящих наслаждениях тщеславия. Вы будете, наконец, счастливы и благодарны, когда будете любить и защищать отечество и законы, составляющие ваше благополучие и покровительствующие оному.

Естли спасение отечества требует, дабы вы лишились за оно жизни, вы еще счастливее будете в то самое мгновение, которое предшествует и сопровождает сие пожертвование. Руководствуемы будучи добродетельными страстями, чужды множества странных мнений, вы наипаче не будете заражены тем мнением, которое придает столь великую цену жизни. Кончая оную толико полезным образом, вы не будете почитать, что ее кончаете, но начинаете оную. Вы уже научились познавать и чувствовать, что

смерть, пресекающая жизнь злого и подлого человека, есть начало жизни добродетельного.

Сыны отечества, вот все, что оно от вас требует; оно приуготовило вам путь, долженствующий вести вас к благополучию, даровало вам средства, сопровождающие к оному. Ежели вы ими воспользуетесь, то отечество довольно будет вознаграждено за свои благодеяния и попечения. Итак, приближаетесь к престолу, на который возложены определения его и изображения его воли. Возложите руку нашу на уложение законов, да сим торжественным действием, сердце ваше утвердит обращение, что вы будете для него одного токмо жить».

Сим кончит попечитель речь свою; он снидет со своего места и взойдет к тому, где положено уложение законов и, держа в руках великую сию книгу, воспоеет с прочими приличную сему случаю песнь. В сие время дети один за другим взойдут к престолу и, полагая руки на уложение, произнесут означенное обещание. По окончании песни попечитель паки взойдет на свое место и провозгласит выпуск, оканчивая речь свою следующим образом:

«Граждане, Государь и Закон, исполненные доверенности в вашем обещаниям, называют вас сим именем и я, велениями их дарую вам все оного права. Четырнадцать лет, проведенные вами под нашим руководством послужили токмо к тому, чтобы предуготовить вас к принятию оных. теперь от вас зависит доказать, что вы их достойны. Под непосредственным бдением общественных наставников, вы могли токмо подавать надежду. Будущее ваше поведение может показать нам, что мы в том ошиблись. будучи удалены от нас, когда поведение ваше предоставлено будет единому направлению закона, вы должны исполнять должности наши сами над собою; вы должны будете быть сами вашими наставниками и надзирателями, вы должны сами себя испытывать и собою управлять; вы должны, одним словом, наследовать над собою власть нашу и наше попечение».

По окончании речи начальник сойдет с своего возвышения и у подножия жертвенника при гласе согласного сему действию гимна с нравственным надзирателем обнимет и облобызает каждого воспитанника и сим кончатся обряды публичного выпуска. Дети по выход из храма отведутся в место, назначенное для общего обеда, при коем оба сии начальствующие присутствовать будут. По обеде последуют воинские упражнения, после чего каждый воспитанник внесется в список защитников отечества и выйдет из мест публичного воспитания.

И. П. Пнин

ОПЫТ О ПРОСВЕЩЕНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО К РОССИИ

L'instruction doit être modifiée selon la nature
du gouvernement qui régit le peuple.

*J.A Chaptal*⁴³¹

Блаженны те государи и те страны, где гражданин, имея свободу мыслить, может безбоязненно сообщать истины, заключающие в себе благо общественное^{432!}

В чем состоять должно истинное просвещение?

Если бы творец миров, как говорит великий Эйлер⁴³³, восхотел в безмерном пространстве небес возжечь новое светило, то лучи его не прежде бы достигли до нас, как по прошествии нескольких лет. Равным образом светильник просвещения, благотворительною рукою мудрого законодателя возженный, не прежде лучезарным сиянием своим может озарить моральную сферу, как в течение продолжительных времен. И так будущие веки должны служить зеркалом для настоящих дел законодателя. Творческий дух его непременно приноситься должен в сию глубокую отдаленность, в сей мысленный мир, и тщательно исследовать, какое влияние настоящие предприятия его произвести могут на племена будущие.

Россия, со времен Рюрика, множество имела обладателей. Каждый из них более или менее напечатлел на оной свое могущество, и история с довольною точностью представляет нам как все оттенки оною, так и грубость тогдашних времен. Россия имела многих обладателей, но правителей мало. *Повелевать и управлять* при первом взгляде, кажется, означают одно и то же, но в существенных действиях своих весьма между собою различны. Можно повелевать государством, не управляя оным; ибо власть самодержавия, истекая из единой воли, редко какую-либо цель предполагающей, зависит почти всегда от расположений духа действующей особы. Управлять же народом значит пещись о нем, значит наблюдать правосудие, сохранять законы, поощрять трудолюбие, награждать добродетель, распространять просвещение, подкреплять церковь, соглашать побуж-

дения чести с побуждениями пользы, — словом, созидать общее благо и к сему единственному предмету желаний гражданина, посредством начертанных для того правил, постановленного порядка и мудрой деятельности, открыть всем свободный путь. И потому Домитианы и Калигулы⁴³⁴ повелевали Римом, но Ликурги и Солоны⁴³⁵ управляли Спартою и Афинами.

Из истории сих великих законодателей ясно видеть можно, сколь законы, примененные к нравственности и духу народа, согласенные с климатом и местными обстоятельствами, бывают прочны, неизменны, сильны к сохранению могущества своего в продолжение нескольких веков. Петр Великий, сей бессмертный Монарх, Отец Отечества, между всеми своими неусыпными в пользу народа попечениями, учреждением сената, дарованием прав сему верховному судилищу, явил равномерно истинный дух законодательства, и Россия, с сей толико славной для нее эпохи, получив определенный род правления, поступила в число монархических европейских держав. Гений сего премудрого государя, не могший терпеть никаких ограничений, никакой постепенности в образовании толь многосложных государственных отраслей, но желая вдруг образовать Россию во всем пространстве, желая при жизни своей увидеть оную в цветущем состоянии, предпринимал для сего нередко такие меры, которые не произвели желанных успехов, но впоследствии показали даже в некоторых случаях совсем тому противное. Если бы Петр Великий, соответственно проницательности и дальновидности своей, имел способных исполнителей, то без всякого сомнения, ежели не целым, то, по крайней мере, половиною века ускорил бы он успехи в тех предметах, на которые простирал свои виды. Но как в таковых людях имел он великий недостаток и должен был сам образовать их, то посему и к цели, им предполагаемой, доходил медленно и с чрезвычайными усилиями. Мысль, которая сделалась почти общею, поселилась к несчастью в головы великих людей, и которая даже на самого преобразователя России простерла свое владычество; мысль, чтобы *невежественным народом управлять страхом и жестокими законами*, есть сколько несправедлива, столько и противна природе. Ибо всякой народ, в невежество погруженный, означает еще свое младенчество: то есть в таком находится возрасте, в котором каждый гражданин, особенно приемлемый, далече отстоя от опытов, не зная ни прямых отношений, связующих его с прочими граждана-

ми, ни настоящих обязанностей в рассуждении власти, им управляющей, по сему печальному своему неведению при каждом шаге подвержен бывает заблуждениям, которые, по справедливости судя, не наказания, но более исправления требуют. Возмужалый невежда подобен сильному младенцу, который, следуя безрассудному внушению своих желаний, стремится равно как к доброму, так и худому. Ежели мы видим человека, вредящего самому себе, предпочитающего зло добру, то должны заключить, что он обманывается, что воображение его заблуждает, что страсти его вовлекают в оное. Если видим его отказывающегося от удовольствия, которым бы он воспользоваться мог, то, конечно, делает сие с тем, что имеет в виду удовольствие гораздо большее, продолжительнейшее, или отдаленное счастье, которое он посредством таковых своих лишений, или даже чрез кратковременное терпение, получить надеется. Человек ни на одну минуту в жизни своей не может, так сказать, отделиться от самого себя; все, на что он ни покушается, что ни предпринимает, что ни делает, все то имеет предметом доставление себе какого-нибудь блага или избежание несчастья. Если мы видим его плачущего над урною своей супруги, своих детей, своего друга, необходимых для его сердца, то видим его самого себя оплакивающего. Не холодный и нечувствительный прах исторгает слезы наши и наше сожаление, но удовольствие и благополучие, коих видим себя лишенными; сие-то мучительное чувство лишения иногда чувствительного человека вергает во гроб. Следовательно, во всех своих мыслях, страстях, деяниях чает человек по мере своего просвещения находить свое счастье; и потому все искусство законодателя, предпринимающего начертать законы для народа, в невежестве пребывающего, должно состоять в том, чтобы частные страсти направить к единой цели, общее добро заключающей, и к коей не строгостью наказаний, удобных произвести в душах большее только ожесточение, но чрез *просвещение* можно довести людей. И так рассмотрим, что такое есть *просвещение*?

Из всех политических предметов ни один столько не занимает философов, как сей. Сколько издано книг о народном просвещении! Каждый философ не упустил в свою чреду соорудить систему и предложить оную свету как самую удобнейшую, по крайней мере, по его мнению. И поистине предмет сей по своей важности заслуживает величайшее внимание, особливо со стороны такого государя, кото-

рому самые обстоятельства споспешествуют в желаниях для образования народов, ему подвластных.

Просвещение, в настоящем смысле приемлемое, состоит в том, когда каждый член общества, в каком бы звании ни находился, совершенно знает и исполняет свои должности:

то есть, когда начальство с своей стороны свято исполняет обязанности вверенной оному власти, а нижнего разряда люди ненарушимо исполняют обязанности своего повиновения. Если сии два состояния не переступают своих мер, сохраняя должное в отношениях своих равновесие, тогда просвещение достигло желаемой цели⁴³⁶. Есть люди, которые о просвещении народа заключают по числу их сочинителей: то есть там, где больше находится сочинителей, там более и просвещения. По мнению сих людей, Франция должна бы почесться наипросвещеннейшею странюю в свете, потому что она обильнее всех прочих своими писателями. Но сколь при всей ее блистательной учености далеко еще отстоит она от истинного образования. Ибо там, где царствует просвещение, там спокойствие и блаженство суть уделом каждого гражданина. Но доколе власть во зло употребляет доверенность, обществом ей делаемую, доколе подчиненность не перестает выходить из своих пределов и доколе равновесие гражданственных взаимностей теряется, дотоле та страна, хотя бы она состояла вся из ученых и философов, едва ли счастливее той, которая покрыта мраком невежества.

Франция, совершив ужасный переворот своего преобразования, терзая собственную свою утробу и алкая повсеместно крови, вместо того, чтобы возратить нужные силы государству, по словам ее в долговременном изнурении находившемся, вместо того, чтобы укрепить его и дать всему твердое основание, призвала к себе на помощь мнимых мудрецов своих, которые, явясь в лице законодателей или, вернее сказать, истребителей, мгновенно разрушив все преждебывшие государственные постановления, на сих печальных развалинах положили основание зданию своей толико ужасной по действию и соблазнительной по правилам конституции; но опыт показал, сколь основание сие было худо, сколь легко было оно испровергнуть, ибо жребий их отечества находится уже в руках иноземца.

Законодательный Французский Совет, при сочинении сей своей конституции, представленной им народу 24 июня 1793 года, совсем отделился от настоящего предмета. Может быть, некоторые скажут

мне, что сие не могло быть иначе и что в таковых обстоятельствах обыкновенно бывают таковые последствия. Разумею, они хотят сим сказать мне, что вся революция предпринята была для Бонапарте, чтобы возвесть его на Бурбонский престол, поднести ему титул императора и вручить гораздо большую власть, нежели каковую пользоваться некогда могли короли французские. Согласен я, что Франция ничего не упустила сделать для славы первого консула; что ж сделала она для собственной своей славы, того я не вижу.

Но как настоящее положение Франции есть следствие ее революционной конституции⁴³⁷, которая, возжегши пламень раздоров в самом сердце Франции, бросала пагубные искры свои даже в пределах других держав, то посему не бесполезно будет рассмотреть, каким образом сословие мужей, известных своею ученостью и просвещением, могло толь несообразное положить основание законам, на которых должны покоиться общая безопасность и счастье.

Сия их конституция заключает в себе более метафизических рассуждений, нежели простых, вразумительных истин. И потому неудивительно, что народ не мог разуметь оной, поелику она превышала его понятия. Сумнительно, чтобы и сами законодатели хорошо разумели оную, когда основанием сей конституции приняли, во-первых: *права человека*, потом *вольность*, потом *равенство* и, наконец, *собственность*, как бы из сих прав уже истекающую. Какое разительное противоречие! Какая нелепость даже в самом основании законов! Сии законодатели метафизики, желая из естественного источника почерпнуть законы почерпнули оные из своего воображения.

Права человека согласуются ли сколько-нибудь с *правами гражданина* и какие *права* может иметь *естественный человек*, который только умственно разумеет быть может. Дикий или естественный человек, живя сам собою, без всякого отношения к другим, руководствуется одними только *естественными побуждениями или нуждами*, им самим удовлетворяемыми. Доколе пребывает он в сем состоянии, дотоле ничем не отличается от прочих животных. Следовательно, естественный человек, имея одни только *нужды*, не может никаких иметь *прав*; ибо самое слово сие означает уже следствие некоторых отношений, некоторых условий, некоторых пожертвований, в замену коих получается сей общий залог частного благосостояния. Человек, из недр природы в недра общества прешедший, с

сей только минуты начал познавать *права, дотоле ему неизвестные* и которые только различествуют от *первоначальных нужд* его, сколько он сам различествует от *гражданина*. Всякий человек может сделаться гражданином, но гражданин не может уже сделаться человеком. Переход первого из дикого состояния в общество согласен с целью природы, переход же другого из общежития к дикости был бы противен оной. Естественный человек во всякую минуту жизни своей стремится к своему сохранению, и чувство сие ни на минуту его не покидает. Напротив того, истинный гражданин на всякое мгновение готов пожертвовать собою и не столько печется о своем сохранении, сколько о сохранении своего Отечества.

Из чего ясно видеть можно, сколь *мнимые права человека* противуположны *правам гражданина*. Сколь система, стремящаяся к распространению таковых прав, ведет к погибели, поселяет дух раздоров, возжигает всеобщий пожар и, потрясая самое основание царств, столько веков созидавшихся, наконец оные испровергает.

От семени сего первого их закона должно было непременно произрасти *древу вольности*, коего очаровательные по наружности своей плоды, заключая в себе сокровенный яд, который силою своею побеждая силу рассудка, воспламеня воображение, производит то бешенство и неистовство, в каковых только Франция могла дать примеры, долженствующие в летописях мира изображенны быть кровавыми чертами.

Такой ли свет должны были законодатели сии пролить на те законы, от которых зависело не только блаженство настоящего, но и будущих поколений! Думая превзойти самую природу, казавшуюся для них уже слишком простою, они вопреки, рассудку хотели в том состоять, что сим мечтательным путем своим достигнут народного счастья, ими предполагаемого. Но нет, сей избранный ими путь есть страшная бездна, которая не перестанет поглощать народы и который никогда не доведет до дверей храма, где царствует истина, отвергающая таковые законы.

Мысль их о *вольности* не есть ли совершенно метафизическая мысль^{*438}? Принявши худо понимаемую ими природу человека за ос-

---

* Смотри Article 6. Constitutions des principaux états de l'Europe et des étatsunis de l'Amérique; том пятый, сочинение славного писателя de la Croix. Страница 329.

нование коренных своих постановлений, они, однако ж, не перестают в прочих отношениях своих давать себе названия граждан, налагающие на них, без сомнения, гораздо большие обязанности, нежели *мнимые их права человека*, подающие только повод к мятежам и междоусобиям.

Если бы они с большим вниманием исследовали человеческую природу, то увидели бы, что *вольность*, сей обоготворяемый ими кумир, есть не иное что, как призрак воспаленного их воображения и которая никогда не была уделом человека, в каком бы состоянии он ни находился. Если преследуем человека во глубину дремучих лесов и из сего ужасного жилища выведем его на сцену общественной жизни, то найдем, что он в обоих сих случаях не может иметь той вольности, которую они предполагали. Поелику в первом совершенно зависит он от естественных своих нужд, а во втором от общественных законов.

Если человек, в диком состоянии пребывающий, мучимый голодом, покушается на отнятие пищи у другого, то, конечно, делает сие по *неволе*, по чувству, движущему его к своему сохранению, по побуждению своих нужд, и сила в сем случае есть не иное что, как орудие, данное природою для удовлетворения оных. Когда бы человек вовсе не имел нужд, то не имел бы надобности и в силе, которая дотоле пребывает в бездействии, доколе чувства молчат: в противном случае вместе с оными пробуждается. И потому состояние дикости не есть, как многие философы определяют, *право сильного, но нужда сильного*, ибо право, как я выше сего уже показал, не может быть совместно с состоянием дикого человека, и которое ничем не отличалось бы от прав медведя, волка и прочих животных, силою естественных побуждений управляемых.

Равным образом человек, вступая в общество, приемля название гражданина, перерождается, так сказать, и получает новое бытие. Увидя себя в круге подобных ему людей, имеющих одинакие с ним желанья, чувства, потребности и страсти, при каждом шаге начал познавать их на себя влияние, свои к оным отношения, чувствовать, что счастье его от оных нераздельно, и сия-то нужда, которую начал находить он в них, показав ему, что и прочие равную в нем для благосостояния своего имеют нужду, открыла ему все пространство его должностей. Сии должности произвели законы, законы наложили на него узы зависимости, и человек в круге обще-

жития, между людей сделался еще *менее волен*, нежели как он был в первобытном своем состоянии.

Но сего не довольно. Сии законодатели, дабы явить конституцию свою во всем ее совершенстве, включили еще в основание оной *равенство*, стоящее им столько крови и уничтожающее всякое право *собственности*. Вот поистине достойный плод насажденного ими древа вольности! Дух безначалия, перемешавший все гражданственные состояния, вооружив развращенное туеядство противу добродетели, леность противу трудолюбия, своеволие противу порядка, поправший священные права собственности и, наконец, заглушивший чувствования сердца, восстал против самого Бога, опровергнув святые алтари и храмы, воздвигнутые на прославление его величия, и в которых несчастный находил единственную свою отраду.

Откуда призвали они сие *равенство*, сие исчадие раздоров? Я не нахожу оного ни в истории протекших веков, ни в недрах природы. Какой счастливейший народ, по их мнению, управлялся безначалием? Когда природа во младенчестве человеческих обществ являла примеры сего равенства, которое уповало их души? Нет, если бы они хотели последовать природе, то, конечно, узнали бы, что не сие гибельное их равенство, но что *неравенство* сил человеческих соединило и сохраняет людей. По сей-то причине самые бессильные соединились между собою для защищения своего от нападения сильных и соглашением частных сил своих составили общую силу, или, что все равно, закон, долженствовавший сохранять общее в оных равновесие и предупреждать всякое в оных злоупотребление. Следовательно, от *неравенства сил человеческих* произошли общества, от обществ произошли законы, от законов стали зависеть гражданственное благосостояние и твердость.

Сих исследований, кажется, довольно, чтоб увидеть, сколь система такого рода пагубна, противуестественна, отдалена от истинного просвещения, от прямой цели, долженствующей заключать в себе *величайшее блаженство величайшего числа людей**⁴³⁹. Сии исследования почитал я тем более необходимыми, поелику, они касаются до весьма важных предметов как в рассуждении законодателей, так и народов. Первые могут усмотреть из оных, сколь глубокой требуют

---

* Таковую цель, говорит Беккарий должны непременно иметь все законы. *Рассуждение о преступлении и наказании*.

рассмотрительности все вводимые вновь постановления, сколь нужно сообразоваться с духом народа и щадить его предрассудки. Народы же с своей стороны познают, сколь бедственны такого рода правления, что сколь ни великолепны права, из которых составлена была революционная конституция Франции, со всем тем, как опыт подтвердил, никто в существе самом не пользовался оными, что призрак вольности и равенства, за которым гонялись французы, вовлекиши их в бездну несчастий, исчез, и, наконец, уверятся, что все состояние, начиная от земледельца до монарха, необходимо нужны, поелику каждое из оных есть не что иное, как звено, государственную цепь составляющее. Сей общественный узел рассекать опасно; напротив того, всеми мерами стараться надобно сохранять оный. *И потому от мудрости законодателя зависит уже будет каждому из сих состояний внушить нужду взаимной зависимости, положить каждому из оных пределы, из которых выходить было бы ужасно, определить каждому состоянию его права, предписать его обязанность и уметь употребить средства для предупреждения злоупотреблений, на которые неблагонамерение и эгоизм покушаться могут.* Из чего следует, что когда общество, для сохранения своего, в неравенстве состояний имеет нужду, *то требуется ли, чтобы каждое из оных имело одинаковую степень просвещения, или нет?* — Вот что предлежит к разрешению.

Россия, по свойству своего правления будучи монархическою державою, по сей самой причине имеет тем большую надобность в неравенстве состояний, поелику оное служит твердейшую для нее подпорою. Итак, если неравенство состояний столь великую заключает в себе важность для государства, то из сего следует, что каждое гражданственное сословие должно непременно составлено быть из мужей истинно достойных, опытных и благонамеренных, известных обществу сколько по доброхотству своему, столько по способностям и усердию. В противном случае, круг гражданственных *должностей*, лишен будучи *надлежащих сил* для проведения одного в движение, при каждом разе будет останавливаться, будет получать сильные потрясения, и наконец участь целого общества должна будет зависеть уже от случая. Вот почему раздача государственных должностей производиться должна со всевозможною осторожностью. Опыт слишком научает нас, что всякое в сем случае лицепрятие хотя и доставляет некоторые частные выгоды, но зато наносит величайший вред

целому обществу. Через сие-то самое рождается неуважение к гражданственным сословиям, долженствующим быть почитаемыми, и хотя неуважение сие явно не обнаруживается, но таится во глубине сердец, со всем тем не перестает оно приводить за собою презрение, а сие нередко и самую ненависть. Вот пожар, кроющийся под пеплом! Вот от чего *неравенство состояний* становится несносным, тягостным бременем, возмущает умы и нередко разрывает общественный узел.

Сколь ни многообразны государственные постановления, со всем тем все оные стремятся к сему только единственному предмету, то есть к *сохранению собственности и личной безопасности гражданина*. Нет человека (сколь бы он, впрочем, жесток и несправедлив ни был), который бы не признался и в сердце своем не был уверен, что собственность есть основание правосудия, источник всех гражданских законов, душа общежития, и что она сохраняется по мере личной безопасности гражданина. К чему служат старание, труды к приобретению имения там, где и жизнь и смерть каждого определяется по жребию; там, где одной неистовой воли какого-нибудь паши довольно, чтоб испровергнуть счастье и лишить имущества многих честных граждан? Там все, покрыто будучи неизвестностию, не только истребляет лучшие способности, погашает благотворный дух трудолюбия и промышленности, но даже, унижая самое достоинство человека, держит людей как бы во мраке темниц, где слышны одни только жалостные стоны несчастных и раздаются звуки тяжелых цепей их. Владычество насильства и невежества не терпит никаких прав: там всякой или тиран, или жертва. Турция служит очевидным сему доказательством. Насильство и невежество, составляя характер ее правления, не имея ничего для себя священного, губят взаимно граждан, не разбирая жертв, от чего нередко участь султана и участь последнего нищего равно бывает подвержена как бешенству первого, так и своенравию другого. В таком несчастном состоянии обыкновенно пресмыкаются народы и правители, когда темная ночь невежества лежит на очах рассудка и луч просвещения не разрывает оных. Когда гений не смеет распростерть крыльев своих, чтоб быстрым свойственным ему полетом вознестись до селения истины. Когда вместо единогодушия, вместо общей доверенности, долженствующей скреплять связь гражданской жизни, несогласие, недоверчивость и страх разделяют людей между собою. Просвещен-

ный патриот пожалеет о участи таковых народов и в сердце своем скажет: поистине благополучны те только страны, где власть правительства, основывая на благоразумных, человеколюбивых и с целью гражданских обществ согласных правилах, главнейшим для себя поставляет законом: что чем более гражданин уверен в своей безопасности и собственности, тем становится он рачительнее, деятельнее, счастливее, следовательно, полезнее и преданнее своему государству. Тогда-то *любовь к Отечеству* есть тот алмазный щит, против коего ни устремленные громы врагов, ни коварные замыслы злодеев, ни бури мятежей устоять не могут. Тогда, возжегши души граждан, движет их к тем великим и чудным делам, которым, читая историю, дивимся мы и восхищаемся. Нет страсти, которая бы более ее возвышала душевные способности, была обильнее в добродетелях, в жертвованиях, в великих примерах. Чрез нее государство соделывается страшным извне и благоденствует внутри. Искусства, художества, науки получают свои храмы. Законы находят в ней вернейшую свою стражу, престолы монархов твердейшую свою подпору. Итак, если *любовь к Отечеству*, сия столь спасительная для общества страсть, питается и укрепляется мудростью законов, охраняющих собственность и личную безопасность гражданина, то всякое просвещенное правительство сколько возможно стараться должно возбуждать оную в сердцах граждан и иметь в виду не благоденствие только некоторого числа, но всех людей без изъятия, ибо благополучие государства познается не по блеску дворов, не по великолепию придворных и беспредельной власти дворян, но по доброте правления и по состоянию народа. Собственность! священное право! душа общежития! источник законов! мать изобилия и удовольствий! Где ты уважена, где ты неприкосновенна, та только благословенна страна, там только спокоен и благополучен гражданин. Но ты бежишь от звука цепей! Ты чуждаешься невольников. Права твои не могут существовать ни в рабстве, ни в безначалии, поелику ты обитаешь только в царстве законов. Собственность! где нет тебя, там не может быть правосудия.

Каким же непонятным образом держится общественное здание там, где не имеет оно надлежащего основания, там, где права собственности попораны, где правосудие известно по одному только названию и где оно более приобретает посредством денег или покровительств, нежели исполняется как закон? Там все покрыто неизвест-

ностью, все зависит единственно от случая. Одно мгновение — и общественного здания не станет. Одно мгновение — и развалины оного возвестят о бедствиях народных.

Россия! к тебе стремятся все мои мысли, все мои желания! Дражайшее Отечество! Каким приятнейшим чувствованием наполняется сердце, обращаясь к тебе! Какие восхитительные мысли обширность твоя рождает в воображении, тебя созерцающем! Твой скипетр объемлет полсвета, многочисленные народы тебе покорствуют, в недрах твоих заключаются все сокровища природы. Благословенная Россия! Слава твоя гремит посреди твоих трофеев, меч твой страшен для врагов твоих. Екатерина, плененная твоим геройством, стремилась толико превознести тебя! Она достигла цели своей. Лавровый лес шумит вокруг тебя. Но — военные бури умолкли, ангел мира приял скипетр, и сладкая тишина, сопровождаемая радостью и счастьем, оживотворяет днесь сердца твоих детей. Любезное Отечество! и Александр⁴⁴⁰ готовит тебе славу, славу истинную, достойную сего добродетельного монарха. Он желает твоего образования, он желает расширить сферу моральных твоих способностей; он желает, да под сению лавров и оливы процветают науки и художества, да разум, сей небесный дар, воспламененный любовью к Отечеству, сею первейшею добродетелию гражданина, без трепета, со всею свободою стремясь к общему добру, начертывает чертежи народного блаженства. Прияв таланты под высокий покров свой, он ободряет их своим вниманием, призывает всех к добродетели, подавая в оной собою пример. И, наконец, желая поселить нравы *истинным просвещением*, составляющим основание, блаженство и могущество царств, он намерен дать полный блеск славе, приобретенной тобою посредством твоего оружия.

Какой россиянин, видя таковые попечения своего монарха, видя такое стремление его к добру, таковую любовь его к Отечеству, не тронется до глубины сердца и не воспламенится жаром усердия ко всему тому, что только ни предназначает его гений. Когда пример добродетелей блистает на престоле, тогда производимые оным впечатления гораздо сильнее самого закона; ибо закон действует только в то время, когда востребует того случай, пример же, будучи беспрестанно в глазах наших, служит непрерывным для нас уроком и возбуждает чувства к последованию оному. Люди с стремлением подражают всегда тем, которых почитают они для счастья своего

необходимыми. Но кто же может более иметь влияния на общее благоденствие, как не государь? И потому вести людей к добродетели посредством примера в оной верховные власти есть, без сомнения, самый надежнейший и вернейший способ.

Россия заключает в себе четыре рода состояний. Первое *земледельческое*, второе *мещанское*, третье *дворянское* и четвертое *духовное*. Из сих четырех состояний одно только земледельческое является в страдательном лице, поелику сверх государственных повинностей, коим оно подлежит и непременно подлежать должно, потому что все требуемое от земледельца для пользы государства есть сколько необходимо, столько и справедливо. Всякое же другое требование есть уже зло, для отвращения коего нужно законодателю употребить всю свою деятельность. Как можно, чтобы участь толико полезнейшего сословия граждан, от которых зависит могущество и богатство государства, состояла в неограниченной власти некоторого числа людей, которые, позабыв в них подобных себе человек, — человек, их питающих и даже прихотям их удовлетворяющих, — поступают с ними иногда хуже, нежели с скотами, им принадлежащими. Ужасная мысль! Как согласить тебя с целию гражданских обществ, как согласить тебя с правосудием, долженствующим служить оным основанием? — Великая Екатерина⁴⁴¹ не могла не чувствовать нужды в исправлении сего злоупотребления, когда в премудром Наказе своем, глубоких чувствований человечества исполненном, требовала*, дабы «избегать случаев, чтобы не приводить людей в неволю (божественные слова!), разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для *собственной корысти*, но для *пользы государственной*; однако же, — говорит она, — и то *едва* не весьма ли редко бывает».

«Законы, — продолжает она, — могут учредить нечто полезное для собственного рабов имуществва»**.

Также «*весьма бы нужно было*, — говорит она, — предписать помещикам законом, чтоб они с большим рассмотрением располагали свои поборы и проч.»***.

---

* Глава XI, § 253, стран. 97.

** Глава XIII, § 261, стран. 98.

*** Глава XII, § 270, стран. 101.

Потом присовокупляет, что «земледелие не может процветать там, где никто не имеет ничего собственного»*.

Вот черты, достойные чувствительного сердца премудрой законодательницы! Вот истинное основание для здания гражданственно-го! *Где нет собственности*, там, конечно, не может быть и сей животворной деятельности, сей души общественного тела. *Где нет собственности*, там все постановления существуют только на одной бумаге. *Где нет собственности*, там круг общественных деяний едва движется, там все имеет вид изнеможенный, печальный, мертвенный и, следовательно, несчастный. Наконец, там, *где нет собственности*, где никто не может безопасно наслаждаться плодами своих трудов, там самая *причина* соединения людей истреблена, там узел, долженствующий скреплять общество, уже разорван, и будущее, истекая из настоящего положения вещей, знаменует черную тучу, страшную бурю в себе заключающую.

Итак, самый важнейший предмет, долженствующий теперь занимать законодателя, есть тот, *чтобы предписать законы, могущие определить собственность земледельческого состояния, могущие защитить оную от насилий, словом: сделать оную неприкосновенною*. Когда таковые законы получают свое бытие, тогда только наступит настоящее время для внушения сему состоянию его *прав*, его *обязанностей*. Тогда только с успехом внушать ему можно будет пользы, от трудолюбия проистекающие; тогда только надежным образом можно будет привязать земледельцев к земле, как к источнику их удовольствий и благосостояния. Тогда только с уверительностию приступить можно к их образованию, открыть им путь к истинному просвещению, долженствующему пролить на них целебный и благотворный свет свой, который не будет уже противоречить, но будет соответствовать пользам, от оного ожидаемым.

«Есть страны, — говорит великая Екатерина, — где во всяком погосте есть книги, правительством изданные, о земледелии, из которых каждый крестьянин может в своих недоумениях пользоваться наставлениями»**.

---

* Глава XIII, § 295, стран. 110.

** Наказ, глава XIII, § 302, стран. 111.

Благополучные страны! почто не могу я сказать того же и о моем Отечестве? Нет, Россия не в том еще находится положении. Ибо там, где правительство печется о наставлении земледельцев в ремесле их, там, конечно, пеклось оно прежде об *утверждении их собственности*. «Сие основано на правиле весьма простом, — говорит сия премудрая монархиня, — ибо всякий человек имеет более попечения о своем собственном, нежели о том, что другому принадлежит, и никакого не прилагает старания о том, в чем опасаться может, что другой у него отнимет»*.

Но как нет ничего возможного для такого государя, который, горя желанием добра, неусыпно печется о распространении оногo; для такого государя, который одними великими своими намерениями уже снискал себе бессмертие. Нет, для Александра не может быть ничего невозможного. Сердце, которое бьется только для блага Отечества, коего добродетельные свойства изображает манифест от марта 5 числа 1803 года⁴⁴² о позволении крестьянам откупаться от своих помещиков, конечно найдет способы и к искоренению злоупотреблений власти помещиков над их крестьянами и к утверждению и охранению собственности сих последних. На сей конец за необходимое почитаю объяснить, что такое разумею я под *собственностью* и под *правами на сию их собственность*.

Соображаясь с настоящим положением вещей, рассудок, опыт, собственные наши законы и государственные постановления будут моими в сем случае руководителями.

«Прежде завоевания царств Казанского и Астраханского, — говорит Г. Болтин⁴⁴³, — крестьяне в России были все вольные и могли переходить с места на место по своему желанию. Подати они платили тогда не с душ, не с дворов, не с имения, а с пашни; имеющий во владении больше земли платил больше, и сам больше приобретал; ленивец, обрабатывая меньше земли, меньше платил, меньше имел выгод и меньше мог удовлетворять свои прихоти. Земли принадлежали или короне, или дворянству; поселившиеся на них должны были платить государю по установлению, а владельцу по условию. Не мог помещик от крестьян своих требовать или взыскивать ничего сверх условного или законом предписанного, или обычаем установленного, если не желал остаться без крестьян и без дохода.

---

* Наказ, глава XIII, § 2У6, стран. 110.

А дабы от безвременных переходов крестьян с места на место не было в сборе государственных податей недоимки и замешательства и в помещичьих работах остановки, узаконен был один срок в году, а именно в осень, о Юрьеве дне, для перехода их на другое место; предписаны были правила, как им переходить и что помещику пожилого за двор платить. Холопы были также вольные люди и служили по *кабале* и по *летней*; а рабами были только пленники и дети их; а как и сии также под одним названием с первыми заключались, то в отличие одних от других первые назывались *кабальными*, то есть служащими по обязательству, а последние *старинными*, или полными холопами, то есть родовыми или крепостными. В состояние первых входили добровольно из вольных людей, как-то из чужестранцев, из мещан, из детей боярских и других чинов состояний, кроме крестьян, и, договорясь о плате, давали на себя записи, чтоб им служить до смерти того, кому они запись дали, или на несколько лет: первая называлась *кабала*, а последняя *летняя*. Полного, или родового, холопа мог помещик продать, подарить, и в приданое за дочерью отдать; а кабальной холоп был крепок только тому, к кому он в холопство добровольно обязался, по смерти ж его паки становился свободен.

Чтоб истребить бродяг, тунеядцев и не желающих быть полезными членами отечеству, запрещено было помещикам брать вольных людей к себе в услужение без обязательства письменного и в судебном месте засвидетельствованного; в противном случае ни в чем суда на таких людей помещикам давать было не велено, хотя бы такой человек, обокрав его, бежал: *не держи без кабалы*.

Разумели тогда, что вольность не на иной конец человеку дана, чтоб употреблять ее во благое и полезное Отечеству и себе, что, промышляя о собственном благосостоянии, не должно забывать и того, чем каждый Отечеству своему обязан. Тем, кой долг свой забывали, напоминал закон; повиноваться же сему заставляла нужда. Вольный человек не мог иметь пропитания, не причисля себя к какому-либо государственному сословию; а вошед в которое-нибудь из них, должен был подчинить себя и повинностям того общества, которого воспринял звание и учинился членом. Всякое чинов состояние было особенною должностию, службою, повинностию государству и своей собратии; праздные люди, тунеядцы ни в котором терпимы не были.

Помещики, не довольны будучи сказанною властною над кабальными холопами, стали их сравнивать с полными холопами; но они, не хотя дать себя поработить, воспротивились такому помещиков своих притязанию и, собравшись, подали царю Василию Ивановичу Шуйскому челобитную, жалуясь на притеснение вольности их от помещиков. Царь Василий Иванович указом повелел, чтоб пленным только быть рабами, а холопам служить по прежнему, по кабале и по летной. В сем состоянии оставались холопы до подушной переписи, в коей они в равной окладе положены с крестьянами, как сказано будет ниже.

Паки обращаю к первой моей речи о крестьянах: как запрещен стал быть им переход с места на место, тогда всяк должен был остаться на том месте, где был поселен вечно, дети и потомки его. Поселенные на землях помещичьих стали быть крепки помещикам не сами по себе, как холопы, но по земле, не имея воли ее оставить. Запрещение перехода обратили владельцы в свою пользу и распространили власть свою над крестьянами; стали принуждать их к платежу большего оброка и требовать от них работ излишних. Крестьяне, будучи связаны, не смели им отказать ни в том, ни в другом, чтоб не почтено было то за ослушание, противность, бунт; понеже закон, отнявший у них волю перехода, не предписывал меры работ их и повинностей. Недоразумение пределов помещичьей власти и крестьянского повиновения произвело вначале многие споры, жалобы, возмущения; но помещики, будучи умнее и богаче, умели растолковать закон в свою пользу и сделать крестьян виноватыми. Однако же, ниже в сие время имели помещики власть крестьян своих и кабальных холопей продавать, как скот, и пересаживать, как деревья, с места на место. Закон, воспрещающий делать крестьян холопами, чинить сие воспрещал. Одним только сим различались крестьяне от рабов, что степению были выше скота и деревьев. Долго существовало сие различие, полагающее некоторого рода границы помещичьей власти над крестьянами и сих преимущество над полными холопами. Крестьяне продавались, закладывались, в приданое отдавались, в наследие детям оставлялись (разумея о отчинах) не иначе, как с землею; не смели еще отделять их от земли и продавать поодиночке. Над поместными крестьянами власть помещиков была еще меньше; сих ни продать, ни заложить было не можно, понеже поместья даваны были вместо жалованья по смерти, а не потомственно и

в собственность. Первый повод к продаже поодиночке подал владельцам набор рекрут с числа дворов, показал тем дорогу, что можно их отделять от земли и от семейств поодиночке. Указ, сравнивший поместья с отчинами, и вскоре потом последовавшая подушная перепись, которою и холопы, без различия кабальных от полных, поверстаны в одинакой оклад с крестьянами, утвердили владельческое притязание присвоить над теми и другими одинакой власти-тельства право. После сего стали холопей превращать в крестьян, а крестьян в холопей, отделять их от семейств и, наконец, продавать на вывод семьями и поодиночке. С того времени стали быть помещики таковыми ж властителями над имением и жизнью крестьян и холопей своих, каковыми по древнему закону были только над одними пленными. Нет закона, делающего лично крестьян помещикам крепостными: обычай, мало-помалу введенный, обращать их в дворовых людей, прямо в противность уложенные статьи о нем, и под названием дворовых продавать их поодиночке, сначала был терпим, послабляем, превратно толкуем, обратился, наконец, чрез долговременное употребление в закон.

Как крестьянин без помещика, так вольный человек без собственности быть не может. Собственность есть принадлежность свободы, так как подчинение есть относительность ко власти, к начальству. Хотя старинные наши крестьяне были и свободны, однако ж помещиков имели. Вольны они были по состоянию, а крестьянами назывались по чиновостоянию, по званию своему. По праву свободы своя могли переходить с места на место, а по долгу звания своего обязаны были подчинением, повинностию, платежом некоторого оброка тому, на чьей земле они сидели. Земли все были и суть государственные или владельческие: поселенный на государственной земле помещик есть государь. Не было таких земель, на которых бы поселенные исключены были от платежа подати поземельные. Крестьяне по праву вольности имели собственность такого ж рода, какую имеют ныне государственные крестьяне; она состоит в движимом имении, в котором они полную и независимую ни от кого власть имеют. Заплатуя законом постановленное, все приобретаемое трудами их оставалось в приращение их собственности. Земля была собственностью владельческою, а плоды трудов и промыслов — собственностью крестьянскою. Собственность и того и другого охраняема была законом: крестьянин не мог отойти прежде по-

ложенного срока и не заплатя предписанного законом за пожилое и владенное; а помещик не мог ни лишнего с него взять, ни удержать у себя против воли. Довольно сказанного в показание, что старинные русские крестьяне, будучи вольными, имели владельцев и имели собственность, не имев земли; помещики владели крестьянами, не имев власти учинить их невольниками; получали с них оброки, не могучи их грабить.

Крестьянин и *холоп* были тогда два чиновостояния, различные одно от другого во всех их относительностях; некоторые из них после уничтожились, а прочие и поныне существуют. В старину главное различие между холопов и крестьян состояло в том, что первые были невольники (разумея полных холопей) и податей никаких не платили. Различия, существующие поднесь, суть: дворовые люди дворов не имеют, в земледелии и промыслах не упражняются, живут неотлучно при своих господах, исправляют всякие их работы, должности, дела; питаются, одеваются, содержатся от помещика.

Под названием численных людей не холопы, а крестьяне разумелись. Завели числение делат татары. Баскаки их всех тех, кои жили домами, имели земли, промыслы, доходы, переписав обложили податью, и по причине сего их исчисления и податью обложения стали называть их *численными людьми*. Не имеющие домов, промыслов, собственности, каковы суть рабы, в перепись сию не входили, никаких податей не платили и о числе их было неизвестно; следовательно, и *численными* называться не могли. Ходили на войну с помещиками холопы их токмо для охранения их и услуги им; а с численных людей, то есть с крестьян, брали в службу со ста дворов по человеку, в полном доспехе, на их жалованье и содержании. По причине вольного крестьян с места на место перехода должно было делать им перепись ежегодно. По переписным книгам известно было, сколько в котором уезде крестьян; следовательно, известно было и сколько с которого уезда должно выйти людей на службу, которые и собирались на сборное место в срок, по наряду. Дворяне все без исключения должны были выходить на службу, и который на срок не явится, тех в списках писали в нетех и после за то лишали их поместьев. Сколько должно было иметь помещику при себе холопей, о сем узаконения не было; каждый брал с собою столько, сколько мог, или сколько хотел: зависело сие от их достатка и воли. Холопы наши на войне при своих помещиках ту же отправляли должность, что при

древних рыцарях их щитоносцы-эсцуге'ы⁴⁴⁴. У бояр должность сию отправляли их знакомцы и дети боярские: первые обыкновенно были дворяне, а последние вольные люди, между коих были также и беспоместные дворяне и князья.

Не ясно ли из сего всякий видеть может, сколь государственные постановления, существовавшие во времена предков наших, по сему предмету были превосходны. Как ценили они человечество, как защищали собственность и охраняли безопасность гражданина; как холоп, крестьянин, владелец уравнины были в законе, как наблюдаемы были права каждого из них, как закон поддерживал равновесие во взаимных обязанностях сих сословий и, наконец, как сохранялся порядок во всех частях. Прекраснейшие постановления! вы изменились со временами, вам последовали другие, кои не токмо не приносят чести просвещенному нашему веку, но унижают человечество. Ужели предосудительно будет обратиться к первоначальному источнику и почерпнуть из него законы, которые некогда составляли блаженство русского народа и которых он теперь лишен? В России государь есть законодатель: он все может, чего ни пожелает; и какой монарх находил препятствия к соделанию добра? Снять оковы с народа, возвратить людей человечеству, граждан государству есть такое благодеяние, которое делает царей бессмертными, уподобляет их Божеству и налагает дань благодарности на потомство, которое в замену их тронов воздвигает им жертвенники.

Ежели мы состояние крестьян настоящих сравним с состоянием наших старинных, то какое разительное между ними найдем различие! Те были вольны, а наши рабы, те имели собственность, а наши не имеют оной, потому что закон ее не охраняет; те имели права свои, а наши лишены их. Согласен я, что состояние некоторых из них, принадлежащих добросовестным и справедливостям любящим владельцам, не так худо; что они довольны судьбою своею в сравнении себя с другими, забывают свою неволю и благословляют своих помещиков. Но зато какое множество есть таких, которые находятся в самом бедственном состоянии, в отчаянии влчат дни свои и проклинаяют жизнь свою и своих господ.

Исправить сие зло и возвратить земледельцу его достоинство состоит во власти правительства. Владельцы! позвольте мне спросить вас: справедливо ли предавать труды, попечения, судьбу крестьян ужасной неизвестности, повсеминутному страху лишения

своих приобретений? Скажите, не для того ли мы живем в обществе, чтоб друг другу доставлять взаимную помощь, взаимную безопасность, взаимный покой и счастье? Взгляните на себя; вы увидите, что они такие же люди, как и вы; и когда вы ропщете против оказываемой вам несправедливости, когда вы готовы мстить покусившемуся на вашу собственность и когда плоды трудов ваших почитаете неотъемлемым вашим приобретением, то ужели достойны осуждения крестьяне, имеющие одинакие с вами от природы чувства, когда жалуются на жестокость некоторых бесчеловечных владельцев, вопиют против несправедливости, отъемлющей у них, сверх наложенной на них подати, плоды труднейших работ их и промыслов? Все сие доказывает, что собственность столь же для земледельцев необходима, сколько ее почитают для себя необходимою помещики; что без нее законы не могут иметь основания, следовательно и приступать к составлению их, не утвердя оной, было бы напрасно. Наконец, признавши *собственность*, нельзя уже лишить крестьян и прав, с нею сопряженных. Итак, рассмотрим, в чем состоять должно и то и другое?

Помещичьи крестьяне в таком находятся теперь положении, что они никакой не имеют собственности, выключая величайших трудов их, прилагаемых ими на приобретение вещей, которых при всем том не могут назвать своими, потому что сами, будучи господскою собственностью, нисколько в себе не уверены. Сие ужасное злоупотребление власти помещиков над их крестьянами, сие непомерная над ними помещиков власть, сие рабство, в котором они их содержат, сей бесчеловечный торг, который они ими производят, столько унижают Россию пред всеми европейскими державами, что без душевного прискорбия нельзя произнести сей истины. Горестно, весьма горестно для россиянина, свое Отечество любящего, видеть в нем дела, совершающиеся только в отечестве негров, коих, однако ж, несчастную участь просвещенная Англия, несмотря на прибыльный ими торг, лучше желает облегчить, лучше желает лишиться всех получаемых ею чрез то выгод, нежели идти против природы, противу прав человечества, столько ею почитаемых и приемлемых ею в основание всех ее постановлений. Вот поистине поступок, которым Англия приобретет бессмертную славу и который в летописях мира сохранится в пример человеколюбия. Равномерно встревожилась чувствительность внимательного ко всему монарха нашего, увидя,

что наряду с животными и люди публиковались в продажу. Мгновенно истребил он сей гнусный обычай, недостойный его царствования. Россия! каков быть должен для тебя полдень сего царствования, когда заря его так прекрасна!

Собственность, будучи двух родов, *движимая* и *недвижимая*, не в малое приводила политиков затруднение, когда рассуждали, какую собственность следовало бы дать крестьянам, не имеющим никакой?* Я с моей стороны желал бы, *соображаясь с настоящими обстоятельствами*, чтобы господские крестьяне имели *хотя движимую собственность* на таком основании, дабы, платя помещикам на них положенное, могли они уже совершенно по своей воле, без страха, располагать ею и были уверены, что уже никто у них одной отнять не может. Следовательно, сия собственность не только должна быть наследственна и неприкосновенна, но помещик не должен нисколько притеснять крестьян своих в тех приобретениях, которые они вновь сделать пожелают. В обеспечение сего нужно *непрерывно* дать крестьянам *возможность* к сбережению сей своей собственности****, и сия *возможность* есть то *право*, посредством которого крестьянин *не только в случае насилия, делаемого ему его господином в его имении, может прибегнуть к законам и требовать их защиты, но которое простирается должно и на все то, чего требуют от них помещики противно законам, и также на все бесчеловечные поступки, которые они от некоторых несправедливым образом претерпевают*. Добрые и честные владельцы не должны огорчаться сим. Законы учреждаются не для добрых, ибо

---

* На заданный в 1766 г. от Вольного Экономического Общества вопрос: что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственность землю или только движимое имение; и сколь далеко его права на то или другое имение простирались должны? Г. Беарде де ла Бей, доктор прав церковных и гражданских в Ахене, прислал в ответ на оный сочинение, которое сим обществом удостоено награды, состоящей в 100 червонных и золотой медали, и которое действительно заключает в себе все, что только глубокие сведения, основательные рассуждения и любовь к человечеству, изображенные в приятном слого, произвести могут. Смотри труды Вольного Экономического Общества, 1768 год, часть VIII.

** Она заключаться должна в скоте, птицах, изделиях, в ремесленных произведениях, орудиях для различных работ, ими употребляемых, и других хозяйственных вещах; также принадлежать сюда должны хоромные, гуменные и прочие строения, имения, то средства к приобретению одного означены в высочайшем манифесте от марта 5-го 1803 года.

если бы все люди бы[ли] добры и честны, тогда бы вовсе не было надобности в законах, единственно необходимых для обуздания людей неблагонамеренных и злых. Вот что разумею я *под собственностью крестьянскою и правами крестьян на сию их собственность*. Положивши таким образом начало оной, сколь, впрочем, оно ни недостаточно и ограничено, со всем тем впоследствии произведет великую пользу. За первым шагом последует другой. Мудрые постановления и время распространят сие начало, которое при самом появлении своем прогонит уныние из жилищ земледельческих, бодрость оживит души крестьян, трудолюбие возбудит в них свою деятельность, уверенность в самих себе даст им новые силы, и радость, исполнивши сердца их, в веселой улыбке изобразится на их мрачных лицах.

Следовательно, не находя никакой возможности к дарованию крестьянам прав в рассуждении их собственности и безопасности, мною выше означенных, равномерно и к изданию законов по сему предмету для них необходимых*, предположим, что сии законы уже существуют, что спасительное оных влияние на всех равно уже распространяется, а предположив сие, приступим к просвещению и рассмотрим, в чем оное относительно к земледельческому состоянию и других заключаться должно?

Дабы самым вернейшим образом достигнуть желаемой цели, дабы несомнительный успех увенчал сие толь человеколюбивое предприятие, то для сего необходимо нужно положить наперед твердое основание. Для чего не нахожу я лучших способов, как чтобы каждому из сих четырех государственных состояний определить прежде *главнейшие его добродетели, долженствующие служить средством его просвещения, и из круга коих не должно оно выходить,*

---

* Каким же образом приступить к составлению сих законов и какие нужно для сего принять меры: все это не мое дело, но дело правительства. Я с моей стороны старался только показать необходимость безопасности и собственности крестьян, с коим сопряжены бесчисленные государственные пользы; определить, в чем состоять должна сия собственность, и до чего простираться должны права крестьян. Вся невозможность к изданию должных для сего учреждений и предписаний исчезнет, когда только взглянем на состояние старинных русских крестьян, которые в рассуждении сего имели все нужные постановления и законы, и когда прочитаем прекраснейшие распоряжения, сделанные недавно для крестьян лифляндских, в обеспечение их собственности, их прав и их благосостояния.

ибо если ревность и усердие не перестанут сопровождать исполнение сих добродетелей, тогда общество в изобилии соберет сладкие плоды оногo, и пользы, от такого учреждения произойти могущие, явятся в полном своем блеске.

И потому *трудолюбие* и *трезвость* нахожу я самыми приличнейшими добродетелями для земледельческого состояния; *исправность* и *честность* — для мещанского***; *правосудие* и *всегда готовое пожертвование собою пользам Отечества* — для дворянского и, наконец, *благочестие* и *примерное поведение* — для состояния духовного.

Сии добродетели почитаю я для сих сословий *исключительными*. Что ж принадлежит для других нравственных качеств, то оные для всех состояний должны быть общи: ибо чем владычество добронравия сильнее распространяется на всех граждан, тем благоденствие государства тверже и знаменует совершенство своего правления.

Итак, из системы предлагаемого мною образования видеть можно, что она единственно клонится к тому, дабы граждан сделать *наперед добродетельными*, а потом уже *просвещенными***445. Дабы приуготовить для России россиян, а не иностранцев; дабы приуготовить полезных сынов Отечеству, а не таких людей, которые бы гнушались тем, что есть отечественное, и презирали бы свой собственный язык. Нет, такие люди недостойны называться россиянами, недостойны украшаться славою, с сим именем сопряженною. Сердце россиянина должно исполнено быть благородной гордости. Россиянин должен чувствовать превосходство свое пред всеми гражданами чуждых стран; ибо он есть член такого государства, которое обладает полсветом и которое монархом своим имеет Александра. Я уверен, что если Россия получит свойственное ей образование, то есть когда физическим ее силам будут соответствовать силы нравственные, тогда держава сия утвердит благоденствие целого мира.

Теперь следует рассмотреть: какую пользу внушение предлагаемых мною добродетелей принести может? Исследование сие начну я тем самым порядком, каковым оные мною выше означены.

---

* Под сим разумею я вообще средних род людей в России.

** В сем случае я совершенно одинакового мнения с г. Виреи, который изданием своего сочинения: *De l'éducation publique et privée des Français* открыл много полезнейших истин относительно к воспитанию, могущих пролить свет на занимающихся сим предметом.

Россия по местному положению своему, без всякого противоречия, требует преимущественнейшего внимания и поощрения относительно к земледелию, от усовершенствования и успехов коего зависит цветущее состояние сея державы. Но как земледелие чрез *трудолюбие* только процветать может, чрез трудолюбие, которое дает жизнь, крепость и силу государственному телу, то для сего и надобно, сколько возможно, стараться добродетель сию поселять в земледельцев, внушать им, что *трудолюбие* может доставить им обилие, довольство и благосостояние. Впрочем, ежедневный опыт слишком научает нас, что трудолюбие без *трезвости* есть то же, что тело без души; что добродетели сии взаимно себя поддерживают и сохраняют; что одна без другой никак существовать не могут. Равным образом известно и то, что для человека ничто столь не вредно, как невоздержание. Ибо оно, ослабляя тело, в преждевременную повергает старость, изнеможение и сокращает жизнь. Невоздержание хотя и производит некоторые скоропреходящие наслаждения, но зато впоследствии навлекает продолжительные несчастья. Излишество вина делает человека, предавшегося оному, дикообразным, к трудам неспособным, препятствует размышлению, отвлекает от исполнения должностей, делает нерадивым, бесполезным, презрительным и нередко сопровождает к преступлениям самым ужаснейшим. Следовательно, сколь нужно поселять в земледельцев охоту к *трудолюбию* и поощрять их к оному, столь не менее того нужно внушать им пользы *трезвой жизни* и отвращение к пьянству, которое, причиняя собственно? их несчастье, распространяет зло на целое государство. Сих причин, кажется мне, довольно, чтоб увериться, сколь *трудолюбие* и *трезвость*, сии толь необходимые для сего сословия граждан добродетели, крепко между собою соединены быть должны.

Какой россиянин, Отечество свое любящий, может равнодушно смотреть на печальные картины, взору его представляющиеся! Как возможет он утаить горестные чувствования, исполняющие сердце его! Нет, излить оные пред благостию своего монарха есть священная его обязанность. Никакая мысль, никакое наблюдение, касающиеся до польз государственных, не должны быть им сокрыты; ибо все минуты жизни россиянина должны быть непрерывными пожертвованиями для благ России, для счастья его Отечества.

Взгляните на поселянина, который, окруженный семейством своим, спешит во храм для принесения сердечной жертвы всещедрому

Богу, ниспославшему ему обильную жатву. Посмотрите, какая радость сияет на лице его, как отражается она на малолетних его детей, его опереживающих. Видите, как ускоряет он шаги свои, приближаясь ко храму. Но!.. Какая вдруг перемена!.. Глаза его покидают храм и устремляются на другой предмет, близ одного находящийся! Он видит многих товарищей своих, из коих некоторые с восклицаниями простирают к нему свои руки, другие идут поспешно к нему навстречу. Мысли его развлекаются, благоговейные чувствования в сердце его умолкают, владычество примера торжествует над оными; он следует за товарищами своими, и двери не в храм истинного Бога, творца зримых нами миров, но двери в шумное и бедственное жилище Бахуса отворяются, где пред кумиром корыстолюбия в бесчувственном упоении платят они дань на счет своих трудов, своего здоровья и, что всего драгоценнее, на счет самой нравственности!

Такое зрелище, без сомнения, заслуживает внимания со стороны правительства. Ибо оное, заключая в себе физическое и нравственное зло, противореча великой цели истинного просвещения, требует, дабы приняты были в рассуждении сего полезнейшие меры. Один знаменитый писатель прошедшего века говорит, что «правительство учреждено для того, чтобы подкреплять нравственность; коль скоро оно ей противоречит, тогда становится бесполезным и теряет власть свою над сердцами».

Исправность и честность должны быть особенными добродетелями для состояния купеческого. Опыт подтверждает необходимость оных. Англичане и голландцы, служащие для всех торговых народов примером, почитают *исправность* душою коммерции. Там, где она наблюдается, успехи несомнительны. Посредством ее получает торговля верный и твердый ход; *исправность* образует ее характер. Россия, коея торговля начинает выходить из своего младенчества, коея первейшие коммерческие державы ищут союза и дружества, сим самым доказывает как богатство своих произведений, так и влияние, которое имеет она на иностранные государства. Следовательно, весьма нужно, чтобы российское купечество возымело истинный торговый дух, питающийся и поддерживающийся только сею *коммерческою исправностию* и который в тот же час начинает исчезать, коль скоро теряет она свою деятельность. Но *исправность* без честности, равно как и *честность* без *исправности*, надлежащим образом существовать не могут. Купец, если не честен, находится

всегда на краю пропасти. *Честность* только рождает доверие, только необходимое для коммерции. Слово честного купца принимается за наличный капитал. Но всего желательнее честность потому, что она самым сильнейшим образом противится тем подлым поползновениям, к которым только гнусное корыстолюбие и бесчестие стремиться могут. Вот причины, требующие, дабы добродетели сии внушаемы были состоянию мещанскому, долженствующему почитать их для себя священными и украшаться ими.

Главнейший порок нашего купечества состоит в том, что купцы не имеют совсем сей, так сказать, *взаимной вспомогательности* и никогда не стараются поддерживать друг друга в несчастных случаях. Напротив того, богатый, видя неудачу и готовящуюся гибель бедного, не только не подаст ему руку помощи, но еще спешит притеснить его, дабы воспользоваться его несчастьем.

Купцы, довольно разбогатевшие, гнушаются быть купцами. Состояние сие кажется уже для них низким. Они хотят быть дворянами. Странное желание! Со всем тем они желают сего и желают потому, что не почитают сего для себя невозможным. И подлинно, достигают цели своей, получают чины и делаются дворянами. Но что сказать о сих новых дворянах? что скажут они сами о себе? Вместо ответа покажут они патент, покажут дворянскую грамоту и сто или двести тысяч рублей, вынесенных ими вместе с перерождением своим из массы общих купеческих капиталов. Сколько заслу! Но какое последствие бывает от таковых оказанных им благодеяний? Обыкновенное. Господа купцы-дворяне, перейдя из деятельной и трудолюбивой жизни в состояние, по мнению их, гораздо блистательнейшее, делаются тунеядцами, праздными и бесполезными людьми. Живут без всяких общественных должностей и не зная обязанностей, с сим новым званием их сопряженных, всячески от них уклоняются, довершая тем самым свою, в сословии сем, ничтожность.

Чины и дворянское достоинство не могут почесться наградой, приличною для состояния купеческого. Сии знаки почести должны принадлежать только тем, которые находятся в службе гражданской или военной. Каждый разряд людей должен иметь свойственные ему преимущества. И потому, когда отличий, существующих в купеческом звании, не довольно, в таком случае законодатель может учредить еще другие, оному соответствующие. *Права* граждан, без сомнения, должны быть все *равны*, но *преимущества* их не могут быть

одинаковы. Один из главнейших предметов законодательства есть тот, чтобы заставить каждого общественного члена любить то состояние, в котором он находится; чтобы купец, ремесленник, земледелец и проч., в ревностном исполнении должностей своих поставляя всю свою славу, были уверены, что хорошее поведение, честное имя и добродетели не имеют степеней различия, но требуют от всех равного уважения.

Рассмотрим теперь пользы добродетелей, назначаемых для состояния дворянского, кои суть: *правосудие и всегда готовое пожертвование собою пользам Отечества*. Прекраснейшие обязанности! сколь священны должны вы быть для сердца истинно благородного! Каждый шаг ваш есть шаг к добродетели, каждая черта ваша врезывается в сердце и остается в нем навеки. Дворяне! сколь блистательна степень ваша! Сколь отличными преимуществами пользуетесь вы в обществе пред прочими гражданами! Монархи вверили вам залог самый драгоценнейший, — они вверили вам подобных вам человек, подобных вам членов общества! Сия милость есть свыше человечества. Явите себя достойными оной! Величие души должно быть вашим украшением. Облекитесь в оное, гордитесь им, — вот гордость, которая может только быть вам позволена, ибо она истекает из благороднейшего источника, из возвышенности душевной. Дворяне! возлюбите правосудие, наблюдайте его; да будет оно любезнейшим чувством вашим в рассуждении подвластных вам. Знайте, что расстояние, между вас и ими находящееся, разделяет только два сердца, что природа никогда не теряет своего владычества и что ваше завсегда уступить ему должно. Знайте, что их покой есть ваше счастье, их счастье ваша слава, их к вам любовь ваше бессмертие!

Правосудие, говорит Пифагор, *есть соль жизни*. И подлинно, оно все сохраняет, сберегает все от повреждения; делает ненарушимым и священным для нас как особу, так и имущество других. Один лишь человек есть господин над самим собою: для безопасности своей живет он в обществе. Следовательно, общество должно каждого из членов своих обеспечить наслаждением самим собою, обеспечить свободное употребление законных его прав и владение вещей, чрез трудолюбие и промышленность им приобретаемых. Из чего следует, что никакая власть на земли не имеет права лишить человека *свободы*, выключая преступников, *которая не иное что есть как способность трудиться для счастья своего согласно с правосудием*: ни

собственности, под коею разумеется все, что только человек имеет или доставляет себе чрез свои попечения, дарования, проворство. Человек приобретает справедливые права на все те вещи, которые, дабы сделаться таковыми, каковыми они суть, требовали употребления личных его способностей. Его работа сливает его, так сказать, с вещию, которую брал он на себя труд образовать, усовершенствовать, сделать полезною, хотя бы то было для себя, хотя бы то было для других. Без безопасности, без свободы, без собственности общество делается для нас совершенно бесполезным, и жизнь гражданственная потому только для нас выгодна, что она защищает права сии от несправедливости и насилий. *Правосудие* есть основание общественного и частного благоденствия: люди потому только порочны и несчастны, что они несправедливы; все нравственные добродетели основаны на правосудии.

Равным образом от кого Государь, от кого Отечество должно требовать более услуг, более пожертвований, как не от дворянина, как не от того, который отличнейшими преимуществами пользуется в обществе и на которого неисчетные милости лиются с престола? Быть ежеминутно в готовности приносить жизнь свою для пользы Отечества, поставлять главною целию своею любовь к общему добру; отдалять, истреблять все противящееся оному и питать в груди своей сей благородный жар, сей жар, который служит источником всех великих деяний, который торжествует над самим временем, не хладеет от веков и который, пребывая в великодушных подвигах, мир украшающих, мгновенно сообщает силу свою, мгновенно воспламеняется в чувствительных и патриотических сердцах, — вот чувствования, вот священные должности, исполнением коих обязан дворянин и званию своему, и Монарху, и Отечеству.

Но такой дворянин, который породю своею, а не числом оказанных им Отечеству услуг доказывает свое превосходство; такой дворянин, который в достоинстве предков своих, а не в своих собственных поставляет всю свою знаменитость; такой дворянин, который, заключась в самого себя, ненавидя истины, насмехаясь над добродетелью и имея подлую душу, думает посредством богатства своего иметь право на почтение к себе других, — такой дворянин совершенно противоречит сему названию, доказывает презрительное свое невежество, свою тщету и наглую надменность. Такой дворянин недостоин называться дворянином, недостоин украшаться сим отли-

чием, недостойн пользоваться правами, с дворянским званием сопряженными. Но, к несчастью у нас, как и везде, такого рода дворян, то есть дворян по имени, едва ли не больше, нежели дворян по сердцу или по достоинствам душевным. Сие самое объясняет уже необходимость добродетелей, назначаемых мною для состояния дворянского, тем более, что оно по влиянию, имеющему им на уделы, ему принадлежащие, то есть на большую часть народа, может, если только обращено будет к *правосудию* и *готовому пожертвованию собою пользам Отчества*, надежнее и вернее споспешествовать благодетельным намерениям монарха.

Наконец, остается рассмотреть: почему *благочестие* и *примерное поведение* должны быть преимущественными добродетелями для состояния духовного? Сие неоспоримо, что тот, на которого возложена священная должность проповедывать слово Божие, который обязан быть наставником в вере, научить евангельским добродетелям, без коих никак невозможно надлежащим образом исполнять должностей гражданских; тот, коего устами объясняемы быть должны премудрость, величие, благость и прочие божественные свойства Всемогущего Творца, образующие душу и сердце христианина; тот, который паству, ему вверенную, должен вести по пути добродетели, смотреть за ее благонаравием, подкреплять ее в вере, вразумлять ее в ее недоумениях, объяснять ей, что религия доставляет истинное блаженство человеку; словом, тот, коего сан и обязанности требуют толикого знания и добродетелей для внушения их другим, тот непременно должен сам исполнен быть благочестия, должен быть сам хорошего поведения, дабы еще более действовать на людей примером своим, нежели поучениями.

Определив таким образом добродетели каждого из четырех главнейших государственных сословий, доказав необходимую пользу внушения каждой из сих добродетелей и тем самым приуготовив твердое основание, на котором должно воздвигнуто быть величественное здание просвещения гражданственного, всякий из сего ясно видеть может, что когда все сии состояния столько различны между собою по существу своему, столько различны по своим добродетелям, то, без сомнения, должны они уже различествовать между собою как в степенях, так и в образе своего просвещения.

Руководство к просвещению главнейших государственных сословий в России, кои суть: земледельческое, мещанское, дворянское и духовное

Гражданское просвещение должно иметь главнейшей целью доставление каждому нужных познаний, дабы приличным образом исполнять должности, для которых он призван в общество. Но как сии должности не могут быть одинаковы, потому что общество заключает в себе различные классы граждан, то из сего следует, что каждый общественный член должен иметь просвещение, соответственное состоянию, в котором он находится, ремеслу, которым он занимается, и роду жизни, который он ведет.

Если мы бросим взор наш на состав многочисленного народа, коего все члены соединены между собою общим условием, то увидим, что все граждане в оном занимают места общественной пользы и что правительство, наилучшим образом устроенное, что народ наисчастливейший есть тот, в котором каждый гражданин находится на своем месте, в котором никто из них не забыт, где должности во всех их степенях уважены и где правительство, обо всем пекущееся, сохраняет порядок во всех частях и защищает права каждого разряда граждан.

Приняв сие за основание и уверясь, что просвещение не должно быть для всех граждан одинаковое, остается теперь определить, в чем именно оно, в рассуждении вышеупомянутых мною состояний, заключаться должно? Я начну по порядку из оных и, не входя во все подробности, означу только главнейшие правила, могущие послужить основанием для составления тех книг, которые необходимо нужно будет приготовить для единообразного в училищах учения и нравственного граждан образования.

Добродетели, определяемые мною для каждого из сих сословий, должны быть поставлены девизами на всех *нравственных уставах*, которые для них издать нужно будет.

И потому:

1) *Трудолюбие и трезвость* да будет девизом на уставе, назначенном для училищ земледельческих.

2) Но как таковой устав не на иной какой конец издан быть должен, как чтобы самым удобнейшим средством служить к истинному просвещению земледельца, то из сего следует, что первейшее позна-

ние земледельца должно состоять в познании своего звания и своих должностей. Ибо что может быть к нему ближе самого себя? Почему и нужно прежде всего определить:

3) Что такое есть земледелец?

4) Сколько есть родов земледельцев?

5) Что значат они в государстве?

6) Что такое есть государство?

7) Как оно именуется?

8) Какой имеет оно род правления?

9) Показав, что оно монархическое, или самодержавное должно определить:

10) Что такое есть монарх, или государь?

11) В чем состоит верховная власть?

12) Какие суть еще учрежденные власти или начальства в России?

13) Посредством чего оные действуют?

14) Познание сих начальствующих властей необходимо для земледельцев нужно, потому что они в непрерывных находятся с ними отношениях. Одни предписывают, другие исполняют.

15) Отсюда проистекают взаимные обязанности: *обязанности власти* и *обязанности подчинения*.

16) В чем состоят и те и другие?

17) Кто несет общественные обязанности, тот должен также иметь и права свои.

18) Следовательно, земледелец не должен быть лишен прав, ему принадлежащих.

19) Нужно определить, что такое есть право и в чем оно состоять должно.

20) Но как из всех гражданских прав самое первейшее и самое священнейшее есть право собственности, то из сего следует, что земледелец должен иметь собственность, что собственность его должна быть неприкосновенна и охраняемая законом.

21) Тут следует сказать: что такое есть закон и кому принадлежит власть предписывать оные?

22) Что такое есть собственность и как она приобретается?

23) Определив таким образом обязанности, права, собственность земледельцев, нужно наипаче внушать им пользы и счастье, сопряженные с трудолюбивою и трезвою жизнью.

24) Наконец, как никакая нравственность без религии существовать не может, то для сего надлежит дать земледельцам чистое понятие о Боге, о вере и должностях христианина.

Вот главнейшие правила, которые почитаю я довольно достаточными к составлению устава для нравственного образования граждан сего сословия.

По сему уставу должно обучать чтению (возложив должность сию на приходских священников), что принесет двоякую пользу, ибо учащийся по оному не только научится читать, но непременно образом познает и те должности, которые некогда обязан он нести в обществе, познает, что такое он есть и к чему предназначается. Следовательно, нечувствительно образуется со стороны нравственности.

Приходские училища должны быть для всех открыты, несмотря ни на лета, ни на возрасты.

Рассмотрим теперь, в чем состоять должно учение земледельцев.

Как жребий земледельцев есть трудиться и обрабатывать землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей, то из сего следует, что единственною целию их должно быть земледелие, которое дотоле не придет в цветущее состояние, дотоле не достигнет своего совершенства, доколе правительство с своей стороны не употребит на то всего своего внимания, своих пособий и поощрения.

Итак, когда земледелие есть единственная цель земледельца, то весьма естественно, чтоб и учение его не на иной какой предмет обращено было, как на предмет, сему предназначению его соответствующейший. Словом, земледельца должно обучать земледелию.

Земледелие, как и все науки, имеет свои правила, может обогащаться опытом всех народов, и тщетно было бы ожидать того от времени, что познания нам доставить могут. Ибо привычка в полевых работах, употребляемые способы, из рода в род переданные, удаляют даже самую мысль усовершенствования.

Для чего должно, чтобы сведущие люди исследовали без предрассудков, испытывали без страсти и предлагали без исступления все, что земледелие представить может со стороны открытий и усовершенствования. Дабы убедить недоверчивого и предубежденного земледельца, должно показать ему следствия, от опытов происшедшие, должно, чтобы он ясно видел и уверился, что то, что ему предлагаешь, пред тем, чему уже он привык последовать, несравненно лучше,

удобнее и выгоднее. Сим только образом можно распространять полезные средства, коих успехи будут несомнительны.

Образование сих земледельческих или приходских училищ должно быть столько же просто, как и предмет их.

И поэтому два класса почитаю я достаточными для составления оных. *Первый класс* иметь будет предметом сельскую механику, то есть сельские строения и все механические орудия, могущие служить в пользу и облегчение земледелия.

Второй класс будет иметь предметом свойства и обрабатывание земель; также свойства и сохранение семян, сбережение плодов; работу естественных и искусственных лугов, болот, вычищение земли для соделания ее удобною к хлебопашеству; наконец, воспитание, приведение в лучшее состояние скота и искусство лечения оного.

Если учение сим предметам присовокупится к учению чтению, письма и первых действий арифметики, как то во II главе в 32 параграфе предварительных правил народного просвещения предписано⁴⁴⁷, и когда оное, наподобие выше предложенных мною для составления нравственного устава правил, приведено будет в систематический к удобнейшему преподаванию порядок, тогда граждане сего сословия получат все нужные к просвещению своему способы. Государство в сих всеобщих питателях найдет со временем истинных своих сынов, которые, имея сердце, образованное нравственностью, а ум учением, будут надлежащим образом исполнять свои должности, с пользою служить своему Отечеству, питая в душе своей благодарность к монарху, об них пекущемуся.

Правила, руководствующие к просвещению мещанского состояния

Мещане, составляя средний род людей в России, пользуясь вольностию, не причисляются ни к земледельцам, ни к дворянству. Государство от граждан сего состояния много может ожидать добра, если только получит оно приличное направление, то есть когда правительство обратит на него свое внимание и поставит его на ту степень общественной пользы, от которой оно теперь столь далеко еще отстоит.

Мещане столько же имеют нужды в нравственном образовании, сколько и в обучении наукам, к званию их принадлежащим. Следовательно, надобно для них также заготовить *нравственный устав*, поставя на нем девизом добродетели, для них назначенные, и который

по многим отношениям заключал бы в себе правила, предложенные мною выше для устава земледельческого, с тою только разностию, что правила, коими будут руководствоваться в составлении сего устава, должны как можно ближе применены быть к их состоянию. Например, они могут быть следующего содержания:

- 1) Мещане прежде всего знать должны, что такое есть мещанин.
- 2) Какое место занимает он в государстве?
- 3) Какие суть его в рассуждении государства обязанности?
- 4) Какие предоставлены ему в оном права и привилегии?
- 5) Что нужно наблюдать ему, дабы сохранить оные, и чего избегать, дабы их не лишиться.
- 6) Мещанин обязан также знать все отечественные постановления, потому что сие составляет важнейшую часть его должностей.
- 7) Равномерно *любовь к Отечеству* и к общественному добру должна составлять драгоценнейшее чувство души его. Бессмертный *Минин* может в сем случае руководствовать мещан по пути, ведущему к сим благороднейшим предметам*.
- 8) Надобно стараться возбуждать в мещанах любовь к их состоянию, сколько возможно привязывать их к оному, и дабы приобретение богатства не раждало в них отвращение к их званию, как то из опытов видно, что почти все разбогатевшие купцы гнушаются быть купцами и всячески изыскивают случаи, если не себя, то детей своих поделывать дворянами.
- 9) Нужно внушать им, что не в титулах состоят истинные достоинства, но в честности и бескорыстии, без коих никакие титулы не защитят от бесславия и презрения.
- 10) Определив права, привилегии и обязанности мещанина в рассуждении государства, надлежит показать ему, чем обязан он в рассуждении своего ближнего, как подобного ему члена общества.
- 11) Для чего наставление в религии должно составлять часть нравственного устава.
- 12) Наконец, сколько возможно стараться надобно поселять в мещан, купеческому званию себя посвящающих, назначаемые для них добродетели, то есть *исправность* и *честность*, исполнение коих может только утвердить славу их и их благосостояние.

---

* История свидетельствует, что Минин, одушевленный любовию к отечеству, для спасения оного пожертвовал всем своим именем и своею жизнью.

Сии правила, по мнению моему, необходимы к составлению нравственного для купцов устава, который может также служить и для мещан, различного рода ремеслам, искусствам и художествам себя посвятивших. Ибо сие неоспоримо, что самый последний ремесленник должен непременно знать как права свои и обязанности в рассуждении государства, так и обязанности свои в рассуждении ближнего, и что добронравие и трудолюбие суть такие добродетели, без которых он ни благосостояния, ни счастья приобрести не может. Впрочем, издание сего устава всеобщую принесет пользу, ибо родители, обучающие у себя в доме чтению детей своих, конечно, предпочтут оный всем прочим книгам, по необходимости теперь ими для обучения чтению употребляемым, и, следовательно, до определения еще детей своих в училища, приуготовят уже чрез сие половину желаемого дела.

Учебные предметы для мещан, посвятивших себя купеческому званию.

Напрасно было бы исчислять пользы, получаемые государством от торговли. Для всякого, кто хотя сколько-нибудь занимался сего рода предметом, оные ощутительны. Торговля почесться может общею всех народов стихиею, ибо нет нации, которая бы более или менее не отправляла оной. Россия, как по пространному своему владычеству, так и по богатству природных своих произведений занимая первейшее между всеми державами в свете место, по сему самому требует, дабы правительство с своей стороны возможнейшее употребило внимание на усовершенствование сей толико важной государственной отрасли. Но как успехи торговли зависят от степени просвещения граждан, оную производящих, и чтоникакое полезнейшее учреждение, никакое намерение законодателя без сего просвещения не могут иметь надлежащего исполнения, то сие самое объясняет уже необходимую нужду в заведении таких училищ, которые бы служили особенно к нравственному обучению купцов наукам, званию их приличествующим. Словом, заведение коммерческих училищ столько же для России нужно, сколько и сама торговля.

В 6 пункте 1 главы предварительных правил народного просвещения назначается в каждом уездном городе быть *по крайней мере одному уездному училищу*; следовательно, сим училищам определенного числа нет, и что их может быть и более одного. Я с моей сторо-

ны за весьма полезное почитаю, когда в некоторых городах, смотря по *местному их положению* и по *состоянию их жителей*, учреждено будет по два *училища*, из которых в одном обучали бы мещан, различного рода ремеслам, искусствам и художествам себя посвятивших, а в другом обучали бы только тех, которые определили себя званию купеческому. И сие последнее по самому существу своему составит уже *купеческое*, или *коммерческое училище*.

Распоряжение учения в сих училищах может быть следующее:

В первом из оных, то есть в *училище мещанском*, долженствующем состоять из двух, нижнего и верхнего, классов, в нижнем классе преподавать надлежит:

- 1) Российское чтение, чистописание.
- 2) Также чтение и чистописание языка местного, как-то: польского, немецкого, татарского и проч.
- 3) Грамматику всех сих языков.
- 4) Первую часть арифметики.
- 5) Частное познание Российской империи.
- 6) Сокращение и главные эпохи российской истории.
- 7) Введение во всеобщую историю и географию.

В верхнем классе:

- 1) Вторую часть арифметики.
- 2) Геометрию и тригонометрию.
- 3) Математическое и физическое познание земного шара.
- 4) Физику.
- 5) Естественную историю и технологию.
- 6) Практические знания, полезные для местной промышленности и потребности края.

Во втором училище, то есть *коммерческом*, сверх сих вышеозначенных предметов обучать нужно:

- 1) Чтению, чистописанию и грамматике аглинского языка.
- 2) Алгебре.
- 3) Купеческим счетам всех родов.
- 4) Простой и двойной бухгалтерии.
- 5) Истории коммерции и навигации, познанию торговли и товаров и, наконец,

б) Сокращению всего человеческого познания и диететике. Если в которых уездных городах не будет надобности в *двух училищах*, в таком случае можно все вышепрописанные *учебные предметы* пре-

подавать в одном училище, распорядя учение оным на пристойное число классов, через что как ремесленники, так и купцы получают все нужные способы к своему просвещению.

Небесполезно заметить здесь, что воля, предоставленная учителям в некоторых училищах следовать собственному их в учении методу, и что неимение книг, долженствующих нарочито быть от правительства изданными к руководствованию учителей в единообразном преподавании наук, — все сие не только не может произвести успехов, от училищ ожидаемых, но даже лишает надежды увидеть оные в надлежащей их силе. Ибо хотя и есть такие учителя, на достоинства и способности коих положиться можно, однакоже большая часть из них таких, которым произвольного выбора авторов для руководства своего обучения предметам никак вверить не можно. Сие есть дело правительства, имеющего в руках своих все нужные для того способы, и которое обязано стараться об издании классических книг, по коим бы должны были обучать учителя, наблюдая притом сколько возможно *единство* в методе и правилах.

Приступим теперь к рассмотрению, в чем должно состоять просвещение дворян.

Правительство во все времена наиболее обращало внимание свое на сие государственное сословие. Между всеми благодетельными его в пользу дворян заведениями не оставлены были и те, которые могли только служить к их просвещению. Для дворян учреждены были корпусы, училища, когда все прочие гражданственные состояния были правительством забыты и пребывали во мраке своего ничтожества. Наконец, время, которое на все простирает свое владычество, все преобразует, видя несправедливость, угнетавшую столь долго нижнего разряда граждан, державши их в самом глубочайшем невежестве, восстало против оной и, желая утвердить благоденствие России, даровало ей Александра, сего кроткого, человеколюбивого монарха, который едва только взшел на престол предков своих и уже гений просвещения обтекает пространство пределов российских, переходит из одного состояния в другое и озаряет все оные благодетельным светом своим.

Дворяне, без всякого сомнения, требуют преимущественнейшего пред прочими просвещения, поелику Отечество должно находить в них как храбрых своих защитников, искусных и добродетельных героев, так и мудрых, честных, справедливых владельцев и судей. Но

посредством чего можно посеять в них сии толь необходимые качества? Единственно посредством воспитания, отвечаю я.

Если рассмотреть учреждения, для воспитания благородного юношества ныне существующие, то увидим, что большая часть оных отдалена от настоящего предмета. Все воспитание ограничивается учением; следовательно, юношество учится, а не воспитывается. В некоторых корпусах главное старание прилагают, чтобы дети умели проворно делать ружьем, хорошо маршировали, и сим с безмерною строгостию учением занимают их более, нежели учением существеннейших наук, долженствующих образовать и приуготовить их к занятию с достоинством и честью тех мест, на которые они по выпуске их из корпуса поступить обязаны. В сей механической экзерциции состоит вся тактика, в корпусах преподаваемая. Почему всякий судить может, сколь тактика сего рода удобна произвести искусных офицеров и генералов.

Поручение начальства над воспитанием благородного юношества должно от правительства самым строжайшим образом быть избираемо. Ибо что может быть драгоценнее залога, частное и общественное благоденствие в себе заключающего! Г. Бестужев в книге своей под названием «Опыт военного воспитания относительно благородного юношества»⁴⁴⁸ весьма основательно начертал как систему нравственного образования и учения сего разряда граждан, так и достоинства, долженствующие украшать начальника и всех имеющих над воспитанниками смотрение. Сия книга весьма полезна, особливо для такого правительства, которое печется об общественном воспитании, без коего государство не может быть ни сильно, ни счастливо. Сия книга весьма много облегчила труд мой, потому что она заключает в себе почти все, что нужно к составлению *нравственного для дворян устава*, и также все *учебные предметы*, для них необходимые; почему нет надобности назначать мне здесь нарочито правил, нужных к сочинению сего устава и метода учения для благородного юношества. Г. Бестужев изданною им книгою* прекрасно уже разрешил вопрос, в чем должно состоять просвещение дворян. Я замечу только следующее:

Корпусы, будучи единственным местом, в которые дворяне наиболее стараются отдавать детей своих, по сему самому требуют, дабы

---

* Опыт воен[ного] воспитания относи[тельно] благ[ородного] юноше[ства].

оние так учреждены были, чтобы не только приуготовлялись в них люди, способные к службе военной, но и гражданской. Надобно, чтобы офицер был и искусный воин и знающий судия. Ежедневный опыт доказывает нам, сколь великое проистекает от того зло, когда выпущенные из корпусов офицеры, прослужа несколько лет, переходят в статскую службу, не имея надлежащего сведения ни в гражданских делах, ни в законах, ни в отечественных постановлениях. Горестно исчислять несчастья, бывающие обыкновенным последствием сего неведения! Нередко, занимая важнейшие государственные должности, вместо того, чтобы защитить невинного, спасти несправедливым образом притесняемого человека, не только не умеют подать ему должной помощи, но еще делаются орудием совершенной его погибели. Сие происходит оттого, что, сами будучи в невежестве, принужденными находятся прибегать к знанию людей посторонних, поручать им дела, которые бы сами отправлять должны были, и сии люди, называемые секретарями, на совесть которых не всегда положиться можно, не упускают с своей стороны мало-помалу употреблять во зло доверенность, им делаемую, и соразмерно нуждам, в них оказываемым, присваивать даже власть над своими начальниками, довершая тем несчастье целой иногда провинции.

Сего довольно, чтобы восчувствовать нужду в усовершенствовании воспитания, в корпусах существующего. *Преподавание юридических наук должно непременно составлять часть оногo*, особливо учение отечественным законам, государственным постановлениям и отправлению дел гражданских. Офицер, таким образом воспитанный, хотя бы и был доведен обстоятельствами перейти в статскую службу, со всем тем, он во всяком случае будет на своем месте, с честью исполнять будет свою должность, и общество во всякое время найдет в нем полезнейшего своего члена. Впрочем, не странно ли всякому казаться должно, когда ни в какое состояние — ни ученое, ни художническое, ни ремесленническое — не можно поступать, не перейдя всех степеней, к сим званиям ведущих, и не показав на опыте своих достоинств и своего искусства. В службу же гражданскую определяют людей без всякого разбора, без всякого испытания, награждают их чинами, по которым обязаны они бывают занимать иногда важнейшие места, не имея других способностей, кроме того, что умеют читать и подписывать свое имя. Можно ли после сего удивляться, что статская служба не имеет надлежащего своего досто-

инства, не уважаема, и что многие убегают оной, единственно опасаясь, дабы не попасть под начальство таких людей, которые не почтение, но презрение заслуживают. Гражданская служба по предмету своему едва ли не важнее всякой другой; ибо она, имея целию внутреннее устройство государства, основывающее покой и благоденствие народное, по сему самому требует честнейших, добродетельнейших, просвещеннейших и рачительнейших людей.

Почему, в рассуждении сего, за весьма полезное почитаю я, когда сверх находящейся здесь учреждены будут еще *три юнкерские школы* с тем, если только *желается*, чтобы дворянство существовало, не теряя прав, законами ему предоставленных. Из сих трех юнкерских школ возможно основать одну в *Москве* под ведением сената, другую в *Казани*, а третью в *Вильне* под ведением попечителей тех округов, в которых они состоять будут. Учреждение сих школ должно *исключительно* быть для *дворян* и на таком же основании, на каком находится здешняя школа, с той только разностию, что в оную предписывается принимать детей не моложе четырнадцати лет и уже первоначальным знаниям обученных, в предполагаемые же мною школы да будет позволено принимать детей от семи до девяти лет, хотя бы оные ничему еще учены не были, а начинали учение со дня определения их в училище.

Многие благомыслящие люди давно уже чувствуют нужду в заведениях сего рода; особливо ощутительна оная для родителей, желающих вести детей своих по службе гражданской; но, не имея к тому способов, принужденными бывают, сколько против воли своей, столько противу склонности и способности детей своих, отдавать их в корпусы, имеющие предметом приготовление офицеров к службе военной.

Распорядок учебных предметов в сих предполагаемых мною школах должен соответствовать цели их учреждения.

Вот все, что нашел я за необходимое предложить относительно к просвещению дворян; посмотрим, наконец, *что сделать нужно в рассуждении просвещения духовенства.*

Если мы представим себе только предмет, для которого назначаются священнослужители; если представим себе должности, которые они отправлять обязаны; представим себе, какового уважения требуют они к сану своему и какую силу имеют они во мнениях народных, — то найдем, что правительство не все еще для них сделало.

Ибо сколько есть таковых священников, которые, вместо того, чтобы иметь должное просвещение, пребывают в пагубнейшем невежестве; вместо того, чтобы подавать собою пример как в духовных, так и гражданских добродетелях, предаются постыдным страстям и тем самым подают повод другим к беспорядочной жизни и разврату. Словом, таких ли качеств пастырям должно поверять паству? Такого ли поведения служителей должна иметь церковь? Посредством ли таковых священников должны сохраняться святость религии и твердость ее алтарей? Нет, конечно. Правительство с своей стороны обязано употребить всевозможнейшее внимание на образование духовенства, толико важного по существу своему состоянию.

Следовательно, *нравственный* для священнического звания *устав* доказывает сим необходимость свою. Сей устав, на котором *благочестие* и *примерное поведение*, сии назначаемые для духовенства добродетели, должны *поставлены быть девизом*, может составлен быть наподобие уставов, выше мною предложенных, с тою только разностию, что правила, коими будут руководствоваться в сочинении сего устава, должны совершенно соответствовать предназначению священников.

Что ж принадлежит до метода учения в семинариях, сих единственных местах, в которых приуготовляются люди для состояния духовного, то оный требует некоторых отмен и усовершенствования. Для чего учить наукам на языке латинском, а не на языке отечественном? Сей издавна введенный обычай весьма много препятствует успехам учения, ибо ученик, не знающий совершенно латинского языка (и какая надобность знать его совершенно?), никогда не будет надлежащим образом знать наук, учителем на сем языке преподаваемых. Равномерно, к чему служит учение мертвым языкам? Не полезнее ли бы было вместо их обучать языкам более употребительнейшим и получившим, так сказать, право гражданства во всей Европе. Но еще более желал бы я, чтобы господа учителя, вместо слишком рассыпаемых *риторических* цветков, вместо высокопарного слога, который, надутостию своею затемняя ясность мыслей, производит скуку или смех, сколько возможно наблюдали, чтоб ученики при сочинении проповедей старались писать оные самым простым, ясным и для всех вразумительным слогом, напоминая им, что они не к ученым, но к народу говорить должны и что все их красноречие должно состоять в искусстве обращать на себя внимание своих слушателей и

истинами, ими произносимыми, производить желаемое в них впечатление. Для чего надобно, чтобы *наука декламации* входила в состав семинарского учения.

Не могу также не заметить при сем и того, сколь нужно правительству взять меры свои в рассуждении определения приличного священникам содержания. Сим образом истребило бы оно постыдные, уничижительные и совсем несоответственные важности священнического сана обычаи, как, например: в большие годовые праздники, то есть в *Рождество Христово*, в *Светлое Христово Воскресение* и прочие, не имели бы уже священники надобности ходить из дома в дом и собирать подаяния, отчего не редко являются они в толь безобразнейших видах, что подают повод думать, как бы правительство не только терпело, но даже одобряло таковые обычаи.

Предложив, таким образом, систему всеобщего образования относительно к России, остается мне разрешить последний, но довольно важный вопрос: *что может наиболее споспешествовать просвещению*, то есть посредством чего можно возбуждать и питать сей *дух деятельности*, толико потребный всем государственным состояниям к исполнению взаимных своих обязанностей?

Главнейший для сего способ есть *поощрение*. Мудрые правительства как прошедших, так и настоящих времен доказывают нам, до чего простирается всепреодолевающая сила оногo. *Поощрение* извлекает людей из беспечности и уныния, рождает бодрость, производит соревнование и движет душу к делам полезным и великим. Где способности и достоинства поощряются, где добродетели имеют должное уважение, там пигмеи ступают шагами исполинов, там невозможное становится возможным, дремлющий гений пробуждается, и то, что, будучи предоставлено времени, требовало бы нескольких лет для совершения, то при содействии *поощрения* вскоре приемлет конец и получает успехи. Словом, там, где правительство награждает труды, поощряет дарования, венчает славою патриотические подвиги, покровительствует искусства, художества и науки, там всегда рождаются будут и патриоты, и художники, и ученые, и философы.

Но в таком государстве, которое находится еще, так сказать, в своем юношестве, где видны во всем одни только начатки, — в таком государстве *поощрение* наиболее нужно. И правительство, избравшее оное средством к руководствованию людей для усовершенствования

их в предметах, ими занимающихся, без сомнения, избрало самый вернейший способ к ускорению в том желаемых успехов.

Одни просвещенные государи могут чувствовать нужду в просвещении народном и, следовательно, знать пользы, *поощрением* производимые. Возвратить права разума гонимому и стесненному, освободить его от уз, злобным невежеством на него наложенных, свойственно одной только мудрости. Блаженны те государи и те страны, где гражданин, имея свободу мыслить, может безбоязненно сообщать истины, заключающие в себе благо общественное!

Между человеколюбивыми и благонамереннейшими видами, любезнейшим нашим монархом на пользы Отечества простираемые, наиблистательнее всех обнаруживаются оные в учреждении министерства народного просвещения, которое поистине назваться может древом, а прочие его ветвями.

Почему, соображаясь с настоящими заведениями относительно к просвещению народному, скажу, что посредством только *поощрения* можно вознаградить слишком ощутительный на нашем языке недостаток как в классических, так и других книгах. На сей конец нужно правительству назначить реестр книгам, которые почтет оно на первый раз полезнейшими для перевода на русский язык, и объявить всем в словесности упражняющимся, что лучший перевод из сих назначенных книг будет правительством принят и достойно награжден. Сим образом не только вскоре увидим мы на нашем языке необходимейшие для нас и лучшие иностранных писателей сочинения, но правительство может даже посредством сего возраждать вкус ко всему изящному и давать оному желаемое направление.

Итак, если учреждение министерств имело ту цель, чтоб, разделя государство на восемь главнейших частей, облегчить чрез то управление каждою из них и дать им всем самый легкий, удобный, верный и твердый ход, разумея, что каждое отделение, вверенное министрам, должно по предмету своему заключать в себе все к нему принадлежащее, то, приняв сие за основание, не могу я не заметить здесь, что все публичные театры сколько по существу своему, столько и по своей важности непременно состоять должны под ведением министерства народного просвещения.

Я не войду в подробное исследование *пользы и вреда*, театрами производимых. Сие увлекло бы меня далеко от моего предмета. Всякий знает, что *то и другое* зависит совершенно от характера прави-

тельства, от направления, которое оно дает театрам, и от начальства, которому оно их вверяет. Скажу только, что театры, при благоразумном попечении, не менее могут иметь влияния на успехи всеобщего образования, как и училища, для сего заводимые. Сие доказывает, что они составляют отрасль народного просвещения. Я бы желал, чтобы в некоторых губерниях учреждены были театры, поручив начальство над оными людям истинно просвещенным, в сем искусстве сведущим и к отечественному добру расположенным. Следовательно, нужно для сего обеспечить также содержание актеров, из которых большая часть, здешнюю труппу составляющих, претерпевают нужду даже в самых необходимейших потребностях. Не видя никакого себе поощрения, напротив того, будучи гораздо ниже иностранных актеров поставленными и имея весьма малую цену в общем мнении, не только не возбуждаются соревнованием, но даже теряют дух, способности развивающий.

Скажу как россиянин, любящий свое Отечество, что нельзя без чувствительнейшего прискорбия смотреть на состояние, в котором находится отечественный театр наш. Не скрою и того, что лучше желал бы я, дабы русский театр, при всех своих недостатках, предпочтен был всем прочим театрам и чтоб лучший из актеров и лучшие из актрис наших противу лучшего из актеров и актрис французских, если не вдвое, то, по крайней мере, равное бы с ними получали содержание. Сие разумею я также и в отношении лучших наших танцовщиков и танцовщиц к здешним французским. Как бы то ни было, если что можно сказать против этого, то, конечно, гораздо более еще можно сказать в пользу его. Такое распоряжение послужит великим для русских актеров *поощрением*. Безбедность их состояния извлечет их из уныния, поселит в них желание превосходить друг друга и таким образом, поставя их на путь славы, даст им новую душу для жизни театральной.

К главнейшим недостаткам нашего театра можно присовокупить еще недостаток в пьесах, достойных быть представляемыми и соответствующих цели сего заведения. Публика ропщет противу сего недостатка, и ропот ее в сем случае справедлив. Ибо если рассмотрим, отчего происходит недостаток сей, то увидим, что нет *особенною попечителя*, который бы смотрел, так сказать, над *нравственным состоянием* театра. Но как театр есть не иное что, как *школа нравов*, следовательно все касающееся до хозяйственного театрального рас-

поряжения может оставаться на теперешнем положении и под настоящею дирекцією; что ж принадлежит до назначения пьес, должествующих быть представляемыми, до выбора пьес, которые нужно назначить для переведения на наш язык и чрез то удовлетворять недостаток, русским театром в оных претерпеваемый, — также задавать собственным нашим авторам предметы для сочинения театральных пьес, обнадеживая их, что все пьесы, ими представленные и правительством одобренные, без достойного награждения не останутся, — то, без сомнения, надзирание над всем сим ни на кого иного справедливее и приличнее возложено быть не может, как на министра народного просвещения. Ибо кто может лучше и сообразнее его действовать видам правительства?

Наконец, в заключение всего остается мне сказать: когда все главнейшие государственные части таким образом приведены будут в надлежащий порядок, когда получают они свойственную им твердость и силу, тогда государство во всем своем пространстве оживится, согласие во всех его членах возродит сей *народный дух*, который в зеркале веков изобразит характер бывшего правительства, следовательно представит эпоху благоденствия России и мудрое царствование Александра.

Д. Н. СИНЬКОВСКИЙ

СЛОВО О ВЕРОЯТНОМ ПОЗНАНИИ ПРАВОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПО НЕКОТОРЫМ ЗНАКАМ: ДЛЯ ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННОГО И ВСЕРАДОСТНОГО ДНЯ ВОЗШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ, САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ, ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЬНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ И ПРОЧ. И ПРОЧ. И ПРОЧ. В ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ИЮНЯ 30 ДНЯ 1789 ГОДА

Всяк из нас, Высокопочтеннейшие Слушатели, познаниями истины и добрым наставлением просвещенный, внимая оным Божеским словам: *владеет Вышний царством человеческим, и ему же хочет, дать*^{*449}, несомненно веришь убеждаешься, что высочайшая и державная власть хотя иногда по народному согласию, иногда по наследию крови восприемлется: однако всегда и везде в законных таковых восхождениях собственное Божественнаго промысла благоволения действует. Мы, ныне с глубочайшим благоговением празднуя Возшествие на Всероссийский Престол Благочествейшия Самодержавнейшия Великия Государыни наша Императрицы Екатерины Алексеевны, зрим событие над нами сего непостижимаго Божескаго благоволения, ниспославшаго истинную и чадолюбивую Матерь всему нашему Отечеству, обновить оное совершеннейшим благоденствием и возвести на высоту блаженства, которого только достигнуть можно. Что ж, В. С., не исполнилось ли оное благоволение над Премудрой нашею Монархиней? Не являются ли тому везде ясные свидетельства? Она, возшед на Всероссийский Императорский престол, возвела купно с Собой на оный правду, милость, суд, мужество, победу и славу; открыла источники щедрот, обильно изливающихся на всех Ее верноподданных. Нет ни единого в Ее державе заведения и состояния людей, которое бы не восчувствовало Матернего Ее Величества о нем попечения и благотворения. Везде оказываются знаки попечительного Ее поправления и ободрения, так что Россия и

---

* Смотри Даниила гл. 5.

впредь ожидать должна приращения блага общего и вящего благоденствия, могущества и славы. На сей конец все Ея в спасительных законах изображенные премудрые слова и действия, споспешествующие прославлению России, суть неоспоримые знаки, убеждающие нас с почтением признавать, что душа Ее есть всех отличных добродетелейместилище, от которого вся благая Российскому народу обильно даруются. Высоту и превосходство неизреченных и несчетных толиких Ее дарований с удовольствием изъяснить и возвеличить оное другим, силою витийства одаренным, приступаю к посильному *рассуждению о вероятном познании нравов человеческих по некоторым знакам*, и прошу удостоверить оное Вашего, В. С., благосклонного внимания.

Нравственное учение о изведывании сокровенных душевных качеств есть примечательное искусство, предлагающее нам правила, средства к тому, как надобно распознавать людей, и по наружным знакам судить о их нравах. К лучшему сего искусства изъяснению надлежит во-первых отворотить некоторые в нем случающиеся затруднения и сомнения, потом доказать точную его подлинность, и наконец, хотя, кратко, представить самые знаки, ведущие нас к познанию нравов человеческих.

Все мы в том уверены, В. С., что испытание и совершенное познание внутренних сердца человеческого склонностей свойственно единому токмо всеведущему Богу. Нет в том никакого противоречия и сомнения, что Божеское испытание сердец есть всеведущее, всесовершенное, беспредельное и бесконечное, не требующее никаких внешних средств и знаков к познанию внутренних наших склонностей. Напротив того, человеческое оных изведывание ограничено пределами, на вероятных условиях и чувствах основано, которые часто нас обманывают; и потому требует оно к получению конца своего наружных обстоятельных и правильных, со всякою осторожностью и рассмотрением употребляемых примечаний, помощью которых может иногда человек познавать сокровенные в сердце чужие склонности. В таком разуме можно ему приписать хотя не совсем совершенное, но некоторое условное сердцеведение, утверждающееся на внешних вероятных знаках, без которых все его искусство будет тщетно и безуспешно.

Равное сему другое затруднение причиняет собственное самого себе незнание. Ибо как познание самого себя почитается кратким всечеловеческой мудрости объятием: так напротив того, и незнание самого себя есть источник и корень всех заблуждений, которые нам препятствуют справедливо и обстоятельно рассматривать и распознавать внешние зрению на-

шему подлежащие предметы. А в познании самого себя обретается толика польза, что мы, усмотря и совершенно разпознав душевные наши силы и склонности, можем и в чужие удобнее и скорее проникнуть. К сему мнению пристойно и рассудительно говорят некоторые писатели: *познать самого себя есть дело трудное, но притом оно и блаженно*. В подобном разуме один из древних также седми мудрецов, Фалес, вопрошен бывши, что на свете всего труднее, отвечал: *знать самого себя*. Не напрасно у древних язычников на вратах капища того, где жертвовали Дельфийскому Аполлону, златыми буквами надписано было: *познай сам себя*. Сия столь мудрая надпись каждого в капище входящего научила прежде свои душевные качества распознавать, а потом судить о других.

Третья трудность в распознавании нравов встречается та, что душа человеческая, когда от предрассуждений и худых страстей будет в замешательстве, тогда она, впадши в разные заблуждения, колеблется в испытании чужих склонностей и крайне в том обманывается, смотря только или на внешние действий прикрытия и вид, или сама себя собственным примером почитая. Ибо что мы сами любим доброе или худое, то и в других людях предполагаем. Почему душа, незнающая истины и справедливости, или совсем не испытывает и не рассуждает чужие помышления и внутренние склонности, или весьма превратно в таком случае поступает. Превратный сей способ судить и чужих нравах может произвести разные ложные мнения. Как справедливо рассуждает Аристотель: всякой человек, говорит он, что сам делает, то и в ближних не обличает и в порок им не ставит^{*450}. Итак душа человеческая, находясь в замешательстве, не знает различить, что честно и что бесчестно. Как обдержимые люди горячкою теряют вкус и не могут распознать сладкой пищи с горькою: так и душа, превратными обладаема помышлениями и страстями, все равно, доброе и худое за одно почитает, и тогда она не в состоянии судить о качестве чужих нравов.

Но главная и большая трудность, препятствующая испытывать и познавать чужие душевные склонности, происходит наипаче от притворства хитрых и лукавых людей, которые в обхождении переменяются многообразным образом, наподобие Хамелеона или баснословного Протея. Таковых людей переменность, хотя иногда крайнюю наводит трудность судить о сердечных качествах, однако нет лучшего и удобнейшего к испытанию оных средства, как внешний каковой либо при-

---

* Rhet. L. 2. C. 6.

знак и наружные нравственные человеческие действия. Но когда часто и оные нас обманывают, то и не дивно, естли многие нередко впадают в такие сомнения, что все наше искусство о распознании человеческих склонностей почитают или суетным, или лживым.

Несправедливо такое их мнение, но или по своей они поспешности от пути истинного заблуждают, или в своих мыслях ослепившись, лишаются надлежащего о внешних предметах рассмотрения, так что не в состоянии они различать истины от обманчивости, искренних действий от притворных и прикрытых. Избежали бы они сей погрешности, ест ли бы последовали умеющим людям ценить драгие камни не только по наружному блеску, но по внутренней их доброте.

Что надлежит до подлинности сего вероятного о склонностях человеческих примечательного искусства, то больше оно имеет свое основание на известных знаках, которые не скоро всякого могут обмануть и в погрешность привести, только бы в том осторожно и благоразумно поступал. Не наблюдают ли сего искусства самой вещью, и не удивительно ли производят в действие многие учением и знанием отличные, или в повседневном обхождении искусные и благоразумные мужи, которые по наружным знакам, особливо по словам и действиям, все других людей душевные качества пронизательно испытывают и познают? Истину сию подтверждают древние греческие философы, которые природную способность к высоким наукам в желающих оным обучаться рассматривали и узнавали по наружным некоторым приметам. Упоминает нам древняя история о Сократе, который в молчаливом одном юноше хотя испытать природу и склонность к наукам, советовал ему в разговорах и действиях чаще упражняться, *говори*, сказал ему, *чтоб я тебя увидел*. Такое Сократово к юноше увещание несколько было бы излишнее, естли бы он с речей и действий не надеялся в том юноше распознать душевных качеств, и другим оные открыть. Не погрешим, естли здесь на память приведем и пифагорово прилежное и рачительное испытание тех также юношей, которые хотели вступить к нему в учение. Он их не допускал у себя обучаться, не изведав прежде в них нравов и природной к науке способности, которую обыкновенно по своему пронизанию распознавал по наружным знакам, как то по лицу, походке, по телесному сложению, по обхождению с родителями и домашними, по неблагоприятному молчанию и по другим наружным приметам.

По решении сомнений и по доказании подлинности искусства, приступаю теперь, В. С., к изъяснению самых знаков, которые разделяются на

природные и нравственные. Природные суть иные *внутренние*, а другие *наружные*. Первые имеют свое произведение от разного темперамента, или сложения тела человеческого. Но как разного сложения бывают люди, то и разные оттуда рождаются нравы, в познании которых по причине разных сложений надобно поступать рассматрительно и осторожно.

Кто ж найдется одарен толиким остроумием и прозорливостью, чтоб во всяком человека мог узнать природу и его сложение испытать, когда многие причины и случайности делают перемену в человеческих душевных качествах, как-то возраст, честь, богатство, привычка, обхождение и род жизни! Переменяют также их часто, или, лучше сказать, исправляют и другие средства, как-то учение, полезные благоразумных людей наставления и увещания.

Другие природные знаки подают нам способ распознавать чужие нравы по лицу, глазам и другим членам. В такой проницательности из древних искусны были Пифагор и Сократ. Первый из них, как и выше сказано, никого в учение не допускал не испытав прежде природной его способности по телесному сложению; другой Алкивиаду⁴⁵¹ по лицу и по иным приметам неложно предсказал, что будет он возведен на высокую степень достоинства. В том же искусстве превосходство имели Зопир, Птолемей, Гален⁴⁵² и другие, которые по наружным знакам удачно иногда судили о человеческих нравах. Ясные свидетельства оных знаков находим и в римских писателях. Саллюстий⁴⁵³ по бескровному виду, по страшным глазам, и с походки то скорой, то медлительной, по унынию, на лице видимому, справедливо в известном римском мятежнике Катиллине доказывает непотребное, богам и всем людям злодейское сердце*.

Плиний Старший говорит: *сердце наше обитает в очах*; и по мнению также самого Цицерона, *лице и чело есть дверь души нашей, а глаза суть указатели мыслей*. То ж самое объясняется явственным свидетельством церковных писателей. Соломону подозрительны кажутся те, *которые высоки очи имут, веждама же своима возносятся*^{**454}. *Намизают оком, и знамение дают ногою, учат же помаванием перстов*^{***455}. Равным образом и Сирах наружные телесные движения почитается доказательством внутренних душевных качеств. *От зрака,*

---

* О войне Катил. гл. 15.

** Притч. гл. 30, ст. 13.

*** Притч. гл. 6, ст. 13.

говорит он, *познан будет муж, и сретением лица познан будет умный. Одевание мужа, и смех зубов и стопы человека возвестят, яже о нем**⁴⁵⁶.

Но всегда ли наружные таковые знаки бывают нам довольны к распознаванию чужих склонностей? Хотя вообще утвердить сего и не можно, но многие примеры в древности доказывают великую их вероятность, как то и Зопир в распознании душевных Сократовых качеств не ошибся, назвав его по телесному безобразию безумным и совсем несмысленным. Почему когда все предстоявшие начали смеяться, то сам Сократ оправдал его в том, сказав о себе, что я точно был бы таков, как Зопир угадал, если бы мою природу не исправила философия.

Теперь, В. С., приступим к рассмотрению других знаков, служащих к распознанию людских свойств, *нравственными* называемых, которых только два: *слова* и свободные внешние наши *действия*.

Слова суть знаки, посредством которых наиболее мысли наши другим людям сообщаем. Но как слова происходят от мыслей, которые по большей части бывают согласны с человеческою склонностью, то с них и оную распознать можно. Почему некоторые мысль нашу называют источником слов, а слова именуют изъяснителями наших мыслей и склонностей. В таком разуме Диоген Киник уподобляет слова наши тому звону, по которому распознаем целость и доброту в глиняных, или стеклянных сосудах. Подобны также наши слова зеркалу, в котором видим образ лица нашего, а в словах усматриваем душевные качества.

В словах человеческие склонности тем паче усматриваются, что всяк о той материи больше любит разговаривать, которая ему нужна, или полезна, или приятна. Истину сию доказывают повседневные опыты, в которых честолюбивые люди весьма охотно говорят о важных, и наипаче о своих, также о нравственных и политических делах. Слстолюбивые напротив того рассуждают о материях увеселительных и политических; иногда уклоняются и на непристойные и смешные рассуждения. Корыстолюбивые при разговоре других людей или молчат, или начинают говорить о приобретении корысти, о домостроительстве, о умеренной жизни, жалуются на время и обиды, от других себе нанесенные, упоминают свои ссоры. Из оных положений явственно доказывается, что слова суть достоверные знаки внутренних душевных склонностей.

Но может быть, сомнение кто-нибудь здесь найдет в том, что хитрые люди скрывают в разговорах свои мысли, и потому слова не способст-

---

* Гл. 19, ст. 26, 27.

вуют к познанию душевных качеств. Неспорно: язык таковых людей бывает не согласен с их мыслями; говорят то, а другое думают. Но нет ничего столь притворного, столь сокровенного и тайного, чтоб по какому-нибудь случаю она маска не могла открыться. Лукавый человек чем больше старается худую свою склонность утаить, тем меньше она скрывает и со временем совсем ее обнаруживает. Проницательных людей не обманешь, которые познают, что естли он чего-нибудь желает получить под видом отвращения, и отвращается под видом желания.

Другие и последние нравственные знаки суть свободные человеческие действия, которые понеже начало свое имеют от внутреннего душевного свойства: то по оным лучше и достоверней всего можно судить о ее склонностях; но каковыми надобно быть действиям в людях *честолюбивых* *сластолюбивых* и *корыстолюбивых*, то всяк удобно может приметить из вышеописанных многообразных нравов человеческих. При всем том наблюдать должно, чтоб не судить о человеческой склонности по одному, или немногим действиям, но по долговременному и часто повторяемому оных продолжению. Человек в действиях подобен древу. Каково будет древо, говорит Священное писание, таковые и плоды принесет; какова душа, таковые и дела, которые свидетельствуют и ее качествах*⁴⁵⁷.

Что ж, В. С., какие плоды происходят от добрых действий? Не бесмертным ли он человека соделывают и в потомстве, особливо тех, которые над другими влаждествуют? Таковых сердца всевидящее и вся во благое устрояющее Божеское провидение к благополучнейшему высокой должности отправлению обогащает особенными и превосходными добродетелями, одаряет мудростью, правосудием и мужеством.

Не сии ли и другие оным подобные добродетели и поныне нами воспоминаемых прославили обладателей, которым не богатство, не могущество, не древность фамилии, не множество пышных титулов, но рачительное добронравия наблюдение доставило бессмертную похвалу и славу? Что за причина была тому, не искусство ли в премногих вещах и не премудрость ли неслыханная, что при Соломоне царство его так было сильно и богато, и притом так сам прославился, что чужие и весьма отдаленные народы с несказанным желанием видеть его и слушать приходили? *Не правосудием* ли столь славное имя себе приобрели, у Афинян Аристид, у Спартян Агесилай, у

---

* Мат. Гл. 12, ст. 33, 45.

Римлян Катон и другие у других народов! *Не храбростью* ли себе и подданным были полезны, у Иудеев Гедеон, Иеффай и Сампсон, у Персов Кир, у Македонян Филипп и его сын Александр Великий⁴⁵⁸?

Но на что много исчислять примеров отдаленной древности, которая каждым владельце одному или двум высоким дарованиям удивлялась? Имеет ныне, В. С., Российская империя несравненную тем всеми добродетелями от Всевышнего промысла одаренную Монархиню, Августейшую Императрицу, Екатерину Вторую. Несравненных Ее душевных дарований ясные и всей России ощутительные знаки суть премудрые *слова*, изображенные в спасительных законах, и преславные *деяния*, единственно простирающиеся к большому приумножению Всероссийской Державе блаженства. Два оных знака суть не неоспоримые доказательства, что в Высочайшей Ее душе обитает премудрость, мужество, правосудие и человеколюбие. Августейшая наша Монархиня зиждет в России благоденствие, безопасность, размножение наук и художеств, просвещение народа. Под кровом Ее покоятся согбенные от тяжести лет, и обремененные игом дряхлости; к ней прибегают сироты, неимущие, где главу приклонить, Ею питаются младенцы, невинные оные жертвы, на распутьях повергаемая, словом, Ею как общее, так и личное каждого благоденствие зиждется и утверждается. Толикие от Августейшей нашей Монархини и человеколюбивейшей Отчеств Матери изливаемые на Россию благоденствия не истребит и не затмит ни едкость времен, ни грядущих веков отдаленность, не забудет их прославлять и самое позднее потомство.

Но можем ли мы, В. С., по достоинству возблагодарить за таковые Ее к нам бесприкладныя благоденствия? Принесем паче теплые мольбы Всевышнему, оправдавшему царствовать над нами Екатерину Вторую, да сохранит Ее здраву и невредиму, да увеличивает лета Ее долгою дней! да подаст благодать Свою, во всех неусыпных попечениях и трудах силы Ея подкрепляющую, и ополчающую на сокрушение врагов отчества нашего! да все Ея спасительные намерения прославить желаемым и благополучным успехом!

Да сохранит Всевышнего десница в здравии долгоденственным и благосостоянии, непрестанно цветущем, любезного Ее Сына, Наследника Всероссийского Престола, Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, купно с Дражайшею Его Супругою, Благоверною Государынею, Великою Княгинею МАРИЕЮ ФЕДОРОВНОЮ, и с вожделеннейшими их Отраслями, к вящему всей Российской Империи украшению и совершеннейшему прославлению.

П. А. Плавильщиков

НЕЧТО О ВРОЖДЕННОМ СВОЙСТВЕ ДУШ РОССИЙСКИХ

Естьли бы российский народ, отличался от всех племен земнородных единым только подражанием и никакой другой способности не имел, то чем бы он мог удивить вселенную, которая смотрит на него завистными глазами. Вся Европа, столица учености и вкуса против воли своей во многом отдаёт справедливость России, восхищается добродетелями ее, которых вне России нет. Есть ли учиться, значит только подражать, то давно бы науки упали. Поелику подражание всегда бывает слабее своего подлинника, где нет творческого духа, там нет и произведения. Но мы видим совсем тому противное. Науки час от часу приходят в совершенство. Ученик бывает несравненно знающее своего учителя. Из чего видно, что когда россияне заняли некоторые познания от иностранцев, сие не доказывает, что они только подражают.

Я хочу спросить у всего света, кому подражал Петр Великий в неустрашимости, в твердости великих своих предприятий, в неимоверной быстроте объемяющей все единым взором очес, в созидании на незыблемом основании блаженства подлинных своих, в предприятиях, почти человечество превышающих? До него история исчисляет довольно имен великих, но для Петра помрачил бывшую всех великость. Ломоносов исчислял дела всех великих монархов, но не нашел Петру сравнения. Я бы нашел другие примеры великости, но свет ныне исполнен ужаса и восторга. Враги падают от грома российского, и весь род человеческий обретает кротость и милосердие на престоле российском.

Пусть докажут мне, кому подражают россияне, когда ополчаются на врагов государя, а значит и отечества? Кто устоял против мужества россиян? Перед ними все бежало. Едина слава на следах у них. Кто ужаснее россиянина в сражении и кто милосерднее его к побежденному? А сему разве можно научиться? Нет! С этим свойством суждено родиться смертному.

Пойдем далее... Сказывают: один храбрый полководец в дни Петра Великого одержал славную победу над ужасным войском шведским. Петр умел награждать сынов достойных, но в сии часы повелел, чтобы герой сам назначил себе награду. Чего же потребовал? Прощения одному из начальников над частью войск, который за не-

осторожность пред тем понес на себе справедливый гнев монарший и что более всего, он испросил прощение тому, кто питал к нему личную ненависть! Подобным чувствам, есть ли, они не приняли своего существования вместе с душой, научить нельзя.

Много бы я мог предложить здесь примеров сему подобных, кои образуют свойственно душ российских, есть ли бы, захотел углубиться в историю нашу, но пусть любящие отечество наше сами почерпают душевное утешение, читая оную. Я скажу только то, что нельзя увидеть ясно врожденного свойства россиян в модном нынешнем воспитании, которое однако же, сколько не силится обезобразить его, но со всем исполнить того не может. Спросят к меня, что это за чудовище такое — модное воспитание? Я о нем скажу и скажу самую истину.

Воспитать значит, с самого рождения сохранить жизнь младенца, питать его тело, потом просветить его разум, устроить сердце, дать нравы, открыть способности душевные и образовать к добру его свойства, дабы отечество могло увидеть полезного сына.

Теперь спрашиваю, способен ли дать такое воспитание иностранец?.. Я уже не говорю, что удалившись из своего отечества иностранец по причине той, что он там не за дела и нравы свои не терпим, принимается здесь без разбору в воспитатели. Я трепещу о воспитанниках его и не смею более говорить. Не упоминаю, что богатства целых домов подобными воспитателями похищаются посредством внушаемой склонности в питомце ко всему иностранному. Богатство самая малая утрата по сравнению нравов.

Пусть выпишут благоразумного чужестранца в воспитатели. Он оставит свое отечество, дабы насадить благо в чужом? Какая грубая ошибка! Кто сын отечества и полезен ему, ничто не отвлечет от столь священного титула. А если удалится для прибытка, то можно ли вверить сына или дочь человеку, преданному корысти? Положим, нашелся, хотя один счастливый отец, снискавший чудо на земле, то есть чужеземца благоразумного и некорыстолюбивого. Что же, он поручив дитя ему, дал сыну благо жизни? Не правда!.. Государь требует от воспитания верного исполнения его законов. Отечество достойного сына. Общежитие кроткого гражданина и словом человека. Что ж, а иностранец разве не человек?... Конечно, человек и сим, то самым утверждается мое предложение. Не знаю, в природе ли человеческой или в привычке искать должно причины той непреобори-

мой склонности к месту своего рождения? Или вообще к той земле, на которой человек увидел свет, к тому воздуху, которым начал питаться в первые мгновения жизни? Те нравы, те обычаи, родство, вера, образ правления, все совокупно влечет человека к своему отечеству. Напрасно мудрец проповедует, что он гражданин целого света. Может быть сердце его никогда не согласовывалось с его словами. Ни один мудрец не предпочитал своему отечеству земли чужой, где бы он не жил. Читая нравственные сочинения великих писателей, мы хотя и видим, что их правила всему вообще роду человеческому полезны, однако же они писаны языком природным мудреца и первые воспользуются его изданием, конечно, его соотечественники: язык прославлен, отечество кроме первой пользы наставления хвалится честью рождения мудреца в своих пределах. За сию честь рождения Омира⁴⁵⁹, многие народы древней Греции воевали.

Много было в России иностранцев, которые под видом просвещения искали единой пользы себе или своему отечеству, дабы опытом доказать на себе справедливость нашей пословицы: «волка сколько не корми, он все в лес смотрит». Ле Клерк⁴⁶⁰ живой тому пример. Ле Клерк, одолженный России своим благосостоянием безбедной жизнью, возблагодарил ее изданием «Истории российской», в коей ничего не оставил, чем по его мнению, мог он унижить и осмеять дела, нравы и науки наши и везде хвастает в своем произведении, что он много лет прожил в России с тем единственным, чтобы узнать совершенно обыкновенные свойства и язык наш. Признаться должно, что он знает все совершенно так, как псалтырщик, который читает весьма скоро псалтырь, но смысл его свыше его понятия.

И так, какую даст поруку чужестранец, что он не поселит в воспитаннике более склонности к отечеству воспитателя во вред России? В том то и состоит вся цель воспитателей иностранных, дабы не имея прежде куска хлеба в своем отечестве, после возвращения в оное обогатенным жить весело за счет российского добродушия и над ним насмеяться. Воспитатель должен знать совершенно свое отечество исторически, географически, философически. Должен знать в какое состояние готовится его воспитанник. И на сих правилах благоразумия, имея в виду единую пользу отечества, устраивает юное сердце, насаждает науки и создает благие нравы. Труд безмерный! Но достойный всех наград.

Теперь рассмотрим, как обыкновенно иностранец воспитывает птенца российского. Иностранец, которому нельзя знать ни нравов, ни деписания и землеописания нашего, а об языке и слова нет, да и стоит ли все это внимания? Он тем начинает, что все вещи и действия назовет языком французским, ибо этот язык модный. Птенец говорит с ним по-французски. И только о французской земле или других землях, а о России — никогда. Первое впечатление неистребимо. Всякий воспитатель хотя бы понаслышке знает о древностях греческих и римских. Он об них все и говорит. От сего многие занимаются их развалинами, пленяются бывшим их цветущим состоянием, знают, почитают тогдашних великих людей и даже уверяют, что в России хорошего и не бывало. Но следует ли, что нет того на свете, о чем я никогда не слыхал? Спроси у сего птенца об *Александре Великом*, об *Юлии*, о *Цицероне*, о *Вольтере*, о *Вестрисе*⁴⁶¹, о *Ле Кен*⁴⁶² он еще нечто скажет. Но о *Рюрике*, о *Владимире* ни слова.

Незнание русского языка многие не считают пороком и говорят: «С кем говорить по-русски? Разве с холопом, ныне все знают по-французски». Но какое бедствие не знать отечественного языка! Исполнитель законов, на которых основаны общественное благосостояние, жизнь и судьба каждого как, может, служит правосудию, когда он того языка не знает, на котором писаны законы? Они столь же священны, как и особа, дающая законы. Пусть беспристрастный вникнет на сие. Он встрепещен от модного воспитания... Дворянин, обладатель земледельцев, на каком языке предпишет им порядок, на каком языке будет внимать их нужды? Управитель есть, вот и все тут. От сего, то вышло недоразумение между словами управлять деревнями и управить деревни и последнее, благодаря модному воспитанию, начинает случаться чаще.

Когда же люди модного воспитания не разумеют по-русски, то не могут они судить ни о чем русском. Воспитатели их, представляя им добро иностранное, утверждают, что Россия о подобном и не воображала до них и что ни есть в ней все худо, всякому свое мило. Ни о чем понятия не имеющий, птенец упитывается подобными толками, и не чувствительно привыкает ненавидеть все русское, и пленяться иностранным. Вот от чего русские модные воспитанники кажутся обезьянами. Кого воспитывал француз, тот подражает французам. Воспитанник англичанина поставляет за первый предмет казаться англичанином и т. д. Многократные опыты, случающиеся ежечасно в

глазах наших утверждают истину моих доводов и, кажется, что воспитатели разных земель, не видав друг друга никогда в глаза и не слыхавши об имени, единодушно согласились вливать в россиян ненависть и презрение к России.

Я не намерен решить сего вопроса, от чего вкралось подобное воспитание в Россию? Я предвижу, что спросят у меня, где же мы возьмем русского с такими дарованиями, которые нужны для воспитания? Ответствую: чего я не захочу искать, того никогда не найду. Признаться должно, что русского и пустить нельзя в боярский дом. Он робок, застенчив, да с ним и не хотят говорить, его не уважают, кафтан на нем не хорош. Ему весьма мало платят или совсем ничего. Да как русскому платить? Иностранец ездит в карете. Часы, перстень и табакерка, вот свидетельство его ума и знания. Ему дают помногу рублей за всякий урок. Русский ходит пешком, не имея часов, часто приходит не ко времени, а у детей каждый час дорог. Ему в год ничего не платят, да и попросить не смеет, а иначе лишится чести быть принят в дом. Есть ли бы и здесь захотели показать все бедственные следствия сего воспитания, то бы я распространился далее пределов предписанных сим листов.

Здесь предложил я некоторое начертание необходимо нужное к изъяснению свойства врожденного к коему теперь обращению. Сколь модное воспитание не напрягается переменить его, но силы его к тому слабы. Оно могло несколько обезобразить его, но и в том не совсем успело. Наружность хотя и переменялась, но внутреннее основание тоже. Есть свойства общие всему роду человеческому. Есть так же свойства одному особливо народу принадлежащие. Всякий человек имеет благородное любочестие отличаться, и всякий человек находит для сего свой предмет. А сие, распространяясь на целые семейства, селения и государства, составляет, то народное свойство, о котором здесь идет речь. Образуют его — вера, правление, сама земля и ее плодородие, жар или стужа воздуха. Все писатели о делах праотцов российских наполняют историю победами их, следовательно, неустранимость и искание славы повсюду видны. Я прибавлю к сему, что может быть, нет народа, которому уступили бы мы в делах славных и нет народа, который бы менее нас разглашал о делах своих, от чего в древности много дел великих или совсем погибло или чужими писателями с уменьшениями о них повествовано. Ибо станет ли кто прославлять того, кому он завидует? Мы видим

даже и ныне, что о делах перед глазами бывших, иностранные газетчики повествовали или не так или совсем, напротив. Но оставим сие и посмотрим, что это за свойство такое, которое алчет славных подвигов и совершив молчит об них? Многие утверждают, что молчит о делах своих, тот, кому дела его наносят стыд. Но слава есть всеобщая похвала. Следовательно, россияне дел своих не стыдятся. Так видно, что россияне скромничают оттого, что превозноситься собой не любят данное любезное свойство! Дела достойные человека сами собой почтены. Какая же нужда, знают ли про них другие? Довольно, есть ли, совесть их одобрила, человек спокоен. И так лучше молчать о своих делах, а есть ли, они сами о себе говорят, то со всей скромной умеренностью. Во многих народах часто бывают дела великими в одних только описаниях об них, а не в самом существе. Они только обыкновенные, которым остроумие и давнишнее просвещение дает блистательный оборот, хвалить дела обыкновенные, это не российское свойство. Россияне ищут добродетелей великих. А обыкновенные добродетели почитают только долгом.

В древние времена удивлялись и превозносили до небес гостеприимство Адмета⁴⁶³. У нас всякий крестьянин Адмет и ни считает гостеприимство делом великим. Оно ему сродно и хлебосольство известно только в России.

Пусть превозносящиеся знанием многих языков выразят мне на каком то ни было слово радушие, пусть изъяснят мне, что такое человек радушный. Сие название изображает особливую заботливость и усердие. Оно выражает ясно с каким удовольствием принимает хозяин к себе гостей. Сие усердие и заботливость в угощении простирается до того, что он отдает преимущество гостям во всем, забывает совершенно о себе. И в том одном находит удовольствие, чтобы гости его были совершенно удовлетворены. И когда всем пресыщены, радушие хозяина всегда беспокоится, не упущено ли что-нибудь могущее принести более удовольствия гостям.

Пусть похвалится, какой либо народ подобным свойством. Кажется, здесь должно искать причины от чего иностранцы у нас более уважаются, нежели свои? Великий чужестранец приемлется здесь, яко гость, совсем радушием, кое он во зло употребляет, ставя высоким свое просвещение которое радушные россияне мыслят приобрести за свой хлеб-соль, к которой присоединяют и знатные награды.

Но какая это добродетель, если нет просвещения? Не от того ли русские о своих подвигах молчали, что письменна им были неизвестны? Древность истории нашей, грамоты о мире и заключение союзов доказывают неоспоримо, что у нас были писанные законы. Ученость имела свою степень возвышения и даже во дни Ярослава, сына Владимира были стихотворные поэмы в честь ему и детям его. Хотя варварское нашествие татар, поработив Россию, разрушило все. Однако существуют еще сии драгоценные остатки и по ныне в книгохранилищах охотников до редкостей отечественной древности, и может быть Россия скоро их увидит. Есть еще любители оногo отечества, которые не щадят ничего, дабы собрать оные сокровища. Все читают Ярославу правду. Все читают заключенные мирные договоры Олега и последователей его с императорами греческими. История Александра Великого во многих местах говорит о скифах славянах и даже их речи помещает Курций⁴⁶⁴. Было письмо. Следовательно, было и просвещение. Но свойство душ осталось все одно и то же.

В дни порабощения татарского было все угнетено, но совсем не истреблено. Ибо где бы взять столько твердости и великости духа, чтобы свергнуть иго рабства и покорить своему владычеству своих тиранов? Россия повергла к стопам своим татар. А ныне и имя Золотой орды уже погребло с шумом. В дни татарского ига россияне не приступали никогда данного слова. Все случающиеся в жизни обязательства какой бы они важности не были, утверждались ее единой печатью: «если я не сдержу моего слова, то мне будет стыдно!» сие изречение вернее и надежнее порук и крепче всех налогов.

Пусть мне представят в каком бы то ни было народе, хотя одно дело, укрепленное, подобными обязательствами и пусть представит такое добрее к подобным словам и к страху от стыда. Бояться стыда вот свойство души любезное и достойное неумолимой славы. Когда же россияне почитали стыд за ужасное и величайшее наказание, то можно заключить безошибочно, что нравы их чисты и непричастны грубости и буянству, чем многие чужестранные писатели хотят помрачить историю нашу. Но оставим их лгать бесстыдно, подобно аббату Шарну⁴⁶⁵, который был здесь для астрономических наблюдений принят с обыкновенной к чужестранным лаской, нашел во всем тот непоколебимый порядок, до которого славящиеся просвещением народы еще и коснуться не имели надежды. Он нашел во всем изобилие, как для желудка, так и для кармана своего и преисполнен,

будучи завистью, возвратившись в свое отечество выдал свои примечания на Россию, где излил все свои злоречия и тем самым доказал, что он великий оптик и твердо знает законы преломления лучей от которого все предметы кажутся вверх ногами. Оставим, говорю я, сих злобствующих от зависти и останемся при свойстве нашем, станем бояться стыда и следовательно станем гнушаться всего того, что может наносить стыд.

Мягкосердечие и праводушие россиян из сего ясно видны. Условия их извлечены из свойства врожденного. Ибо откуда его занять, когда подобного ни где кроме нас не существует. Россияне доказали опытами твердое наблюдение своего слова и приобрели совершенное к нему добро. Часть слова его неразлучна с его существованием. Святое наблюдение слова есть гордость души его и для того россиянин не говорит: «я раб моего слова, но я господин своего слова», зная совершенно, что господину лгать не свойственно и что непоколебимо только то, что непринужденно. А рабство никакой доверенности недостойно. ЕКАТЕРИНА Великая достойно возмущавшись рабством, повелела навсегда и само слово раб исключить из языка российского.

Итак, имеет нечто врожденное народ российский. И сие нечто достойно и почтения и прославления. Не упрекнет меня никто лестью, ибо все сие основано на доводах не мечтательных, но истинно существующих. Просвещение чужестранное хотя и ввело между нами обязательства другого рода, то есть заклады и поручительства, но однако же не уничтожило и важности данного слова. Доказательство тому неоспоримое — учреждение в нынешнем благословленном царствовании словесных и совестных судов. Итак, естли бы не было свойства народного бояться стыда, то что может сделать совесть и ни чему потребен суд, где разбирательство дела основано на совести тяжущихся? Купец который одобрил словесно родным людям своего сидельца, платит за него без всякого суда все, что он не заберет, хотя он и промотал своего хозяина. Чужестранное просвещение начинает достигать уже и до сидельцев. Но нет примера, чтобы одобивший словесно сидельца хозяин не заплатил по своему слову или бы начал тяжбу. Между крестьянством же и не знают других уверений кроме слова.

Может быть, мне скажут, что видали иногда крестьян воров и запирающихся, купцов обманщиков и плутов, да и самих дворян лжепричастных. Но могут ли несколько развращенных людей подать причи-

ну к заключению, что Россия развращена? И в самом солнце примечаются пятна. Никто, однако же, не поверит, что сии пятна уничтожали в нем свет и живительную теплоту. Основываясь на сем свойстве россиянин, будучи сам правдив и честен, заключает по себе самому и о всех людях. Он боится обидеть подозрением чужестранца. Ибо сам не терпит подозрения. Вот главная слабость россиянина, которая в некотором отношении даже пороком посчитаться должна. Россиянин не со всей строгостью рассматривает свойства чужестранцев и по своему прямодушию удостоверяет своей доверенности, глядя на одну наружность, от чего бывает, часто обманут. А хитрость в большей части чужестранцев умеет пользоваться российским радушием. Но как скоро обман становится явен, то россиянин удовлетворяется или презрением к обманщику, или прощением и никогда не сходит до мщения непримирительного, и может быть, никто скорее его не забывает обиды и обмана. Иногда себе он позволяет наказывать, но едва увидит раскаяние, первым простирает руку помощи.

Но чтобы увидеть хитрость и пронырство, много раз бывает обманут человек праводушный и часто весьма поздно открывается лукавство пред глазами его. На что далее искать источник той отменной доверенности к чужестранцам, которые силятся уверять нас для своих выгод, что будто мы жить без них не умеем и что для блага России непременно должны отдать воспитание юных сердец российских в их руки. Нашлись к несчастью такие люди, которые позволили себя ослепить сим постыдным наставлением. Я не отрицаю, чтобы не нужно было занять чего у иностранцев. Но что и как занимать? В том вся важность. Петр Великий занял у иностранцев строй воинский, но сообразовал его со свойством воинов своих. Научили нас чужестранцы рядом ходить, разом палить, одеваться короче и ловчее, но твердость и неустрашимость — наша. Петр Великий занял строение кораблей, но учредил флот по своему благо рассмотрению и от того превзошел всех своих учителей.

Итак, напрасно отрицают, что будто в россиянах нет творческого духа. Напрасно отрицают в нас свойство, которого ни один народ не имеет. Оно состоит в непостижимой удобности все понимать. Не знающие отличить глагола *понимать* от *перенимать*, приписывают россиянам действие последнее, но какая разность между ними!

Перенимать значит тоже самое делать. Что видишь, в том кому следуешь. В сем действии мысль не объемлет самого существа дела, а

схватывает только самую поверхность и тогда человек бывает слепой только подражатель.

Понимать же значит проникать мыслями во внутренность дела, доходить до основания и ясно постигнуть умом его существо. В таком случае человек сам бывает творец и может превзойти своего учителя.

И вот, в чем большая часть иностранных учителей при воспитании российских птенцов упражняется! Все их стремление к тому клонится, чтобы юноша никак далее перенимания и подражания не простирался в своем просвещении. Да часто и учителя сами не далее сего круга в науках своих обращаются. Чего же сами не знают, о том другим сообщить не могут. Но следует рассмотреть, которое из сих двух действий душевных более нам свойственно и сколько силы понятия моего позволит утвердить самими опытами.

Есть ли бы свойство перенимать все, одно было из главных, в душе россиянина, то он далеко бы отстоял от возможности предпринимать что-нибудь решительное и всегда бы обращал внимание свое на образец, которому он следовать, принужден каким-то непостижимым стремлением и которому причины он в веки бы не постигнул. И был бы ничто иное, как пресмыкающееся некое творение по стопам вожатого, не смел бы, возникнуть, из мрака невежества и всегда бы ожидал приговора своего учителя. Куда устремлять ему взор, мысли и наконец должен был бы ожидать, что прикажут ему чувствовать. Платье, уборку волос, кареты и тому подобные наружности, может быть, не более подражания занимают соотечественников моих. Но образ мыслей далеко превзошел перенимание.

Один только россиянин доказал свету, что для него нет ничего невозможного, а это свойство существует в душе его. Он объемлет мыслью все, до чего только понятие его коснуться может. Возьмем сперва способность выговора. Ни один народ не доходил до совершенного выговора. Ни один народ не доходил до совершенного во всех языках так, что тот народ, чей язык употреблен не различить по выговору россиянина от себя самого. Все художества и науки у всех племен земнородных весьма медлительно восходили на известную степень своего совершенства, а в России они сделали такие скорые шаги, которые привели весь свет в удивление. Долго бы надобно было работать подражанию, что бы хотя бы одну тень того, что мы имеем произвести.

Обвиняют Ломоносова, что он подражал иногда Гинтеру⁴⁶⁶. Но Ломоносовы оды таковы, что Гинтер кажется подражателем Ломоносову и вот разность между словами понять и перенять! А сверх того сей бессмертный отец нашего стихотворства доказал, что понятие его избрело такие красоты, которых никто еще не имел. Он первый доказал свету, что можно россиянину только превзойти в картинках стихотворческих и самого Вергилия. Где он ни встречался с ним, везде его превосходил. Описание бури у Ломоносова несравненно живее.

Беспристрастный и знающий языки читатель может сличить встречу и также рассмотреть, где ни с кем не встретился созидающий ум стихотворства. Восхититься вместе со мной и отдаст, справедливость дарованиям великого мужа. Язык России от его пера явился языком сильнейшим всех европейских. Ломоносов им избражал все до чего только может, достигнуть пламенное воображение витий. Я бы попросил перевести на какие бы то ни было языки с одинаковой силой эти два стиха:

Под сильною его пятою

Кремнистые бугры трещат⁴⁶⁷.

Беспристрастный читатель может также сравнить Лафонтену *Псишу* с Богдановичевой *Душенькой* и пусть скажет, что русские только подражают⁴⁶⁸.

В тех землях, где науки давно и повсеместно существуют не могут быть столь примитивны умы естественные, как в России. Ибо способность понимать может и одним воображением наполненная созидать себе предметы и в них упражняться. Отчего рождаются новые и совсем еще до того неслыханные открытия как в науках, так и в художествах, а часто такого рода понятие проникает в такие вещи, кои существуют уже у просвещенных. Но они открылись понятию россиянина без учителя. Таковы у нас все, кои учатся всему самоучкой, и часто удивляют и самых премудрых. У нас крестьянин сделал такую тинктуру, какой вся гиппократова и галенова ученость не выдумывали. Костоправ в Алексеевском селе есть камень преткновения всей хирургии. Кулибин⁴⁶⁹ и тверской механик Собакин⁴⁷⁰ суть два чуда в механике. Есть ли бы я стал вычислять все подобные умы, то я бы написал здесь целый словарь от которого благосклонный читатель меня уволит. И вместе со мной скажет: это правда. Чего русский не поймет, то будет навсегда сокрыто от всех племен земнородных. Скажут мне, может быть, что понятие от Творца вселенной всем ра-

зумным существам дано и что во всяком народе были люди великого ума и великого понятия и почему свойство понимать полагаю я душевным свойством одних россиян? Ответствую: везде приметно, что люди избирают себе какую-нибудь цель по врожденной склонности, и на сей основывают свои упражнения. Невтон был великий математик, но смешной толкователь Апокалипсиса и так немудрено понимает один предмет по склонности. Итальянцы в музыке, в архитектуре, в живописи показали свое понятие и успех. Но в экономии и купечестве голландцы взяли над ними верх. И так склонность, привычка или всеобщее обыкновение управлять, и созидает природное свойство в народ так, что голландцы вовеки не сделаются изобретателями мод. Честно же каждый человек находит одно к понятию удобным. И в другом его понятие притупляется. Но у нас совсем не то. Русский все удобен понимать. Крестьяне, например, взятые в рекруты не все становятся в ряды под ружье, надобны в службе музыканты, мастеровые и сами художники. Крестьяне не знающие ничего кроме пашни, рассчитаны по десяткам, смотря по необходимости, без всякого о их склонностях, кроме того, что стройные и статные отбираются в строевое служение. Велят одним быть музыкантами, не прошло и трех месяцев, эти крестьяне точно таковы. Есть ли, при том попадутся к искусным учителям, то бывают из них и виртуозы, то есть отменные в своем роде. Пусть похвалится, какой-нибудь народ подобным свойством.

Когда такое свойство россиян отличает, то для чего же здесь в России во многом преимуществуют чужестранцы? Науки и художества, кажется, только ими здесь и существуют, а природные все понимающие умы или весьма редко или совсем не видны? Для чего выписывают сюда из чужих стран многое, когда свои все оное понимают и следовательно упражняясь могут и произвести. А тем самым создались бы польза общественная и выгоды частные? Прежде доказано мной, что россияне велики в делах, а в описаниях в них весьма скромны. То слыша блистательный о чем-нибудь рассказ, по свойству своему не могут верить, чтобы вещь в описании несравненная была в существе своем только что обыкновенная и для того жаждут скорее получить ее из рук чужестранца красноглазого, нежели от своего соотечественника, который полагает, что произведение его должно хвалиться своей добротой. Россиянин будучи чувствителен к одной только славе, никогда не унижается снискивать себе

подлыми пролазами корысти. Он ожидает с терпением, доколе дела его сами о себе скажут и награда, яко должная дань заслугам умножить его прибытки. Чужестранец требует себе одобрения, даже до бесстыдства и не щадит ни лести, ни пронырства, чтобы получить его. Чем снискать больше, нежели одобрение, прилагает все силы подавить достоинства российские и нередко к стыду вельмож в том успеваает. Но при всем том однако же никогда не могли чужестранцы нас уверить, что нет в России умов созидательных.

Весьма много похищает чести у русских дарований язва модного воспитания. Она заразила большей частью людей, в которых науки и художества должны обретать своих покровителей и до того довела некоторых именем знатности облеченных, что они об русском и слышать не хотят. Но при всей их ненависти к русскому, свойство российское в душах их существует и ни в чем не истребимо. Все они неустрашимы, склонны к славе, готовы всегда сражаться за Государя, и не иначе оканчивают сражение, как победителями, несмотря на то, что модное просвещение ввело в Россию клубы и трактиры, хлебосольство везде существует в прежней своей силе.

Неустрашимость россиян есть отменное их свойство. Были народы храбрые, жаждущие воевать и побеждать, как то римляне. Они били весь свет по склонности и охоте к войне. Но россияне не для того бьют врагов, что они охотники драться, а для того, чтобы их самих не били. Необходимость выводит в поле россиян всегда с сердечным сокрушением и для того всегда они возвращаются с торжеством. Римлян, сих воинов света, победили. Храбрость их на веки исчезла и слава с именем их погибла. Россияне никогда побеждены не будут. Сказал один король знающий войну и по своему собственному опыту, что русских можно побить иногда, но победить никогда. Итак россияне не есть народ воинствующий, но народ побеждающий. Храбрость и отвага их основательны, а неустрашимость преславна.

При таких свойствах россиянин всегда бодр и весел и весьма склонен к веселостям. Сие можно видеть, когда российские воины после сильных трудов и трудного похода едва придут на место, то не валятся, как другие европейские войска, спать, а отдыхают: поют песни и проводят пляски. Коренная российская музыка имеет нечто в себе весьма достойное примечания. Песни свадебные, хоральные, полевые и бурлацкие в напевах своих так отличительны, что без слов можно узнать их свойство. Нежные же и комнатные не уступают в

приятности своей никаким на свете. Но музыка во всех равно отличием своим от музыки европейских и азиатских доказывает, что россияне имеют нечто свое собственное. Пляски наши так же по обстоятельствам различны и ни один на свете народ не имеет столь многоизъясняющей и почти говорящей пляски, как россияне. Но нам веселость по большей части бывает при хлебосольстве, то чувство радушия простирается даже для пьянства, которое более всех приметно у поселян. Хлебопашцы однако же упиваются только по праздникам и всегда начинают так веселиться после обедни, ибо народ российский отличается благочестием своим от прочих. Благочестие наше весьма примечательно по тому, что оно совершенно в той мере, какова предписана христианину законом правописанным. Ни где нет в свете меньше суеверия как в России и ни где так же больше твердости в вере, как в России. Католики до ныне доказывали постоянство в вере своей самым бешенством, которое столько же Богу противно, как и неверие. В России никогда не слышно было даже и имени кровожаждущей инквизиции. Россиянин сожалеет о заблуждении иноверца, но терпит его и ежели иноверец достоин наказания, то да накажет его Бог. Россиянин ревностен к обращению иноверцев, но далее доказательств и увещания способы его не идут.

Итак здесь я предложил слабое только начертание врожденного свойства душ российских. Не тщеславлюсь и тем, чтобы я выполнил все, что должно изъяснено быть во всем пространстве и ясности в рассуждении сего содержания. Оно достойно, чтобы великий ум упражнялся в нем надолго. Оно достойно преславного пера, которое начертало бы великую книгу и наипреполезнейшую, чтение которой исцелило бы совершенно язву модного воспитания и ограничило бы господствование чужестранцев над умами нашими.

Одно только скажу, что изочтенных здесь свойств у россиян никто оспорить не может, то есть, что вообще россияне во всех состояниях и сословиях неустрашимы, правдивы, славолюбивы, но при том скромны, великодушны, жалостливы, быстро понятливы, ко всему, благочестивы без суеверия, терпеливы и веселы, а главное их свойство, что они во всем тверды. Не отрицаю и слабостей, а может и самих пороков. Но они при блистании сих великих добродетелей не весьма приметны. Да и описывать их нет мне нужды, поелику главное российское свойство есть доброе, а пороки их происходят от неумеренной, а иногда и не к стати употребленной добродетели.

КОММЕНТАРИИ

А. П. Сумароков

Сумароков Александр Петрович (1717–1777). Получил хорошее домашнее образование. В 1732 г. поступил в Сухопутный шляхетный корпус, где и начал писать стихи. Сумароков пробовал свои силы во всех жанрах классицизма, в том числе был автором ряда драматических произведений. Этому способствовало то, что в 1756 г. он был назначен первым директором Российского театра в Петербурге.

Философские и общественно-политические идеи Сумарокова выражались в различных формах и литературных жанрах. Это — одическая поэзия, эпистола, речь «по поводу», аллегория, сатирическая или духовная поэзия. Философия Сумарокова особого свойства. Она не представляет собой законченной системы, выраженной непротиворечивым способом. Она абсолютно не дидактична, а сам Сумароков отнюдь не «профессионал», наставляющий невежественную толпу и открывающий перед ней бездну философической премудрости. а «мыслитель», ставящий вопросы и формулирующий проблемы. Он не собирается, пользуясь положением автора, поучать своего читателя, а считает его равноправным участником диалога, сотворцом философского текста. Он не «основатель учения», не «глава школы», не представитель влиятельной традиции. По его сочинениям нельзя «научиться философии», он не «трактует», не «указывает», но «наводит на мысль», «заставляет задуматься».

Сумароков не испытывал особого благоговения перед философскими авторитетами, полагая, что их трактаты могут содержать не меньше вымысла, чем свободные и непредвзятые рассуждения поэта. «Поэтам позволено изображать кажущееся истиной, хотя оно и не основательно. Логика дела свои выводят основательными заключениями, физики — опытами, математики — выкладками; но сколько философов, составивших системы поэтические! Почти вся картезианская философия есть голый роман. Все без исключения метафизики бредили, не исключая славного и славы достойного Лейбница», — пишет он. Сумароков полагал, что для духовно развитого человека размышления над «вечными темами» так же естественны как дыхание. В своих небольших сочинениях Сумароков, «соликуествуя с музами», еще и «метафизичесествовал естественно».

Включенные в настоящее издание сочинения при жизни автора публиковались в журналах и сборниках, вошли в новиковское издание А. П. Сумарокова, появившееся после его смерти: Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе / Покойнаго действительнаго статскаго советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигскаго ученаго собрания члена, Александра Петровича Сумарокова.; Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым, членом Вольнаго Российскаго собрания при Имп. Московском университете. — М.: Унив. тип., 1781–1782. Они издавались также в сб. Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. / Под

ред. И. В. Малышева; Подбор текстов и примеч. Л. Б. Светлова. — М., 1961. Печатаются по данному изданию.

Некоторые статьи о добродетели

Опубликованы в: Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. — Ч. VI. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. Перепечатаны в сб. Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. / Под ред. И. В. Малышева; Подбор текстов и примеч. Л. Б. Светлова. — М., 1961.

Представляет собой ряд небольших эссе, посвященных основаниям морали и нравственному воспитанию.

¹ Галилей (Galilei) Галилео (1564–1642) — итальянский физик, механик и астроном.

² Сократ (469–399 до н. э.) — знаменитый античный философ, учитель Платона.

³ Порскать — травить зверя во время охоты криком и хлопаньем аrapника.

⁴ Играть в карты.

⁵ «Семира» — трагедия А. П. Сумарокова.

⁶ Вольтер (Voltaire) (наст. имя Франсуа Мари Аруэ [Arouet]) (1694–1778) — французский писатель, философ, историк.

⁷ «Купчая крепость» на право владения недвижимым имуществом.

⁸ Рядный — заключающий в себе условие, договор.

⁹ Запись — письменная сделка, обязательство; засвидетельствованное в суде условие о даре, передаче или о наследстве. Были записи кабальные, крепостные, дарственные, духовные, продажные, брачные и т. д.

¹⁰ Скаредный — жадный, непорядочный, мерзкий, гнусный, отвратительный.

¹¹ Случайный — любимец, наперсник, временщик.

О разумении человека, по мнению Локка

Впервые напечатано в журнале «Трудолюбивая пчела» (1759, май). Перепечатано в Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. — Ч. VI. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. Перепечатаны в сб. Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. / Под ред. И. В. Малышева; Подбор текстов и примеч. Л. Б. Светлова. — М., 1961.

Обсуждается вопрос о врожденных понятиях. Сумароков полагает, что основу познания составляет чувственный опыт.

¹² Локк (Locke) Джон (1632–1704) — английский философ. В своих основных трудах («Опыт о человеческом разумении», «О пользовании разумом», «Мысли о воспитании») развивает теорию познания, базирующуюся на принципе сенсуализма, утверждая происхождение знаний из чувственного восприятия мира.

- ¹³ Гоббс (Hobbes) Томас (1588–1679) — английский государственный деятель, философ и литератор, наиболее известно его сочинение «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского».

О несправедливых основаниях

Впервые опубликовано в журнале «Трудолюбивая пчела» (1759, май). Перепечатано в Полном собрание всех сочинений: В стихах и прозе. — Ч. VI. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. Перепечатаны в сб. Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. / Под ред. И. В. Малышева; Подбор текстов и примеч. Л. Б. Светлова. — М., 1961.

Сумароков обсуждает вопрос об отличии истинного знания от исторически обусловленных мнений. Он осуждает невежество, полагая, что необходимо развивать систему академических институтов.

- ¹⁴ Петиметр (фр. *petit-maître*) — щеголь. фронт.

¹⁵ Александр Великий (Македонский) (356–323 до н. э.) — царь Македонии, основатель мировой эллинистической державы; прославленный полководец. Цезарь Гай Юлий (100–44 до н. э.) — римский государственный деятель и полководец. Август (до 44 до н. э. Гай Октавий, с 44 Гай Юлий Цезарь Октавиан, с 27 до н. э. Гай Юлий Цезарь Октавиан Август) (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император.

¹⁶ Петр Могила (ок. 1596–1647) — православный иерарх, митрополит Киевский, основатель Киево-Могилянской академии.

¹⁷ Имеется в виду Славяно-греко-латинская академия. В основу ее были положены открытая еще в 1682 г. Типографская и созданная в 1685 г. Богоявленская школы.

¹⁸ Геликон — гора в Беотии, место обитания муз.

¹⁹ Гиппокрена (Иппокрена) — мифический источник, воды которого даруют вдохновение, возникший от удара копыта крылатого коня Пегаса на Геликоне.

²⁰ Бернулли (Bernulli) — семья швейцарских ученых, математиков и физиков, ряд представители которой работали в Петербургской Академии наук: Даниил Бернулли (1700–1782), Николай Бернулли (1695–1726), Якоб II Бернулли (1759–1783).

²¹ Герман (Hermann) Якоб (1678–1733), математик, один из первых академиков Петербургской Академии наук.

²² Лейбниц (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646–1716) — немецкий философ, математик, физик и изобретатель, юрист, историк, языковед; Фонтенель (Fontenelle) Бернар ле Бовье де (1657–1757) — французский писатель, философ и ученый. Бургаве (Boerhaave) Герман (1668–1738) — голландский врач, ботаник и химик.

²³ Речь идет о Московском университете, основанном в 1755 г.

Перевод письма г. Сумарокова, писанного им же на немецком языке к приятелю

Впервые опубликовано в журнале «Трудолюбивая пчела» (1759, май). Перепечатано в Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. — Ч. VI. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. Перепечатаны в сб. Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. / Под ред И. В. Малышева; Подбор текстов и примеч. Л. Б. Светлова. — М., 1961.

Сумароков пишет об онтологических основаниях бытия, подчеркивая, что поэт имеет такое же право рассуждать о философских основаниях, как ученый и философ.

Господину Пасеку: вот наш бывший разговор

Впервые опубликовано в 1774 г. отдельным изданием [СПб.: Тип. Акад. наук, 1774]. Перепечатано в Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. — Ч. IX. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. Перепечатаны в сб. Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. / Под ред И. В. Малышева; Подбор текстов и примеч. Л. Б. Светлова. — М., 1961.

В данной статье Сумароков рассуждает об отличии животного от человека.

²⁴ Возможно, речь идет о П. Б. Пассеке (1736–1804).

О новой философической секте

Опубликовано в Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. — Ч. X. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. Перепечатаны в сб. Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. / Под ред И. В. Малышева; Подбор текстов и примеч. Л. Б. Светлова. — М., 1961.

Представляет собой памфлет на малообразованное общество, увлекающееся «новейшими» учениями и внешними признаками просвещения.

²⁵ Руссо (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778) — французский философ-просветитель, политический мыслитель, писатель. Сумароков имеет в виду «Рассуждение о науках и искусствах», в котором Руссо дает отрицательную оценку роли науки и искусств для развития нравственности.

К добру или к худу человек рождается

Опубликовано в Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. — Ч. X. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. Перепечатаны в сб. Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. / Под ред И. В. Малышева; Подбор текстов и примеч. Л. Б. Светлова. — М., 1961.

В статье анализируется антиномичное утверждение о изначальной нравственной направленности человека, нашедшее свое предельное выражение в концепциях Т. Гоббса и Ж. Ж. Руссо.

О слове «мораль»

Опубликовано в Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. — Ч. X. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. Перепечатаны в сб. Н. И. Новиков и его современники: Избр. соч. / Под ред И. В. Малышева; Подбор текстов и примеч. Л. Б. Светлова. — М., 1961.

Сумароков обсуждает вопрос о том, что бессмысленно обсуждать моральные термины, в то время как реальные поступки далеки от нравственности.

Основание любомудрия

Опубликовано в Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. — Ч. VI. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781.

Сумароков рассуждает о доказательствах бытия Бога.

²⁶ Спиноза (Spinoza, d'Espinosa) Бенедикт (Барух) (1632–1677) — голландский философ, один из крупнейших рационалистов своего времени. В XVIII в. в России считался опасным атеистом.

²⁷ Бейль (Baile) Пьер (1647–1706) — французский мыслитель. Главное произведение *Исторический и критический словарь (Dictionnaire historique et critique, tt. 1–2, 1695–1697, русский перевод — М., 1968).*

²⁸ Эпикур (ок. 342/341–271/270 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель одного из наиболее влиятельных направлений античной философии — эпикуреизма, учения о том, как достичь счастливой, блаженной жизни, свободной от страданий тела и смятения души. В физике (онтологии) был продолжателем атомистического учения Демокрита. Согласно Эпикуру, Вселенная не создана Богами, она вечна.

Слово VII. О любви ко ближнему

Напечатано в Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. — Ч. II. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781.

В статье обсуждается «золотое правило морали» и критерий морального поступка.

²⁹ Лк. 6, 31.

³⁰ Матф. 11:30.

³¹ Матф. 16:26.

Слово VIII на день восшествия на престол ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ

Опубликовано в Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. — Ч. II. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781.

Представляет собой образец риторического сочинения, обосновывающего амбициозные проекты Екатерины II, в частности «греческий проект»,

предусматривавший создание православного государства со столицей в Константинополе.

³² Пс. 117:24.

³³ Крин — лилия.

³⁴ Демосфен (384–322 до н. э.) — величайший оратор Афин и Древней Греции.

³⁵ Цицерон Марк Туллий (106–43 до н. э.) — римский политик, философ, оратор.

³⁶ Пиндар (518–438 до н. э.) — греческий поэт.

³⁷ Речь идет о поэме Гомера «Иллиада», начищающейся словами: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...».

³⁸ Сын Анхизов — Эней, сын царя дарданов Анхиза и Афродиты. Сумароков имеет в виду поэму Публия Вергилия Марона «Энеида».

³⁹ Речь идет о Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., в результате которой в состав России вошли Новороссия, северный Кавказ и Крым.

⁴⁰ Геллеспонт — древнегреческое название пролива Дарданеллы.

⁴¹ Одной из амбициозных внешнеполитических задач Екатерины была реализация «греческого проекта», предусматривавшего создание православного государства со столицей в Константинополе.

Г. Н. Теплов

Теплов Григорий Николаевич (1717–1779). Как и все заметные фигуры века Просвещения, Теплов соединял в себе качества государственного деятеля, философа, музыканта, моралиста, экономиста. Энциклопедичности интересов соответствовала и сложная «ломоносовская» судьба. Теплов прошел путь от сына истопника до сенатора, советника Академической канцелярии, являя собой не совсем тривиальный пример человека, обладающего одновременно властью, интеллектом и образованием.

В середине 1720 г. Теплов поступил в школу, которую открыл в своем доме в Петербурге Ф. Прокопович. В этой школе изучались как традиционно церковные (богословие), так и светские предметы — русский, латынь, греческий, история, география, римские древности и искусство. Большое значение имело музыкальное воспитание. В 1730 г. Прокопович отобрал из своих школьников десять человек (в числе них и Теплова) для специального класса Петербургской Академии наук. В 1733 г. Теплов был послан в Пруссию для завершения образования. За три года учебы там он улучшил свои знания в латыни, немецком, французском и естественных науках.

После возвращения на родину в 1736 г. Теплов служил переводчиком в отделе ботаники Академии наук. В 1738 г. он и еще два «наиболее способных» выпускника школы Прокоповича были назначены инструкторами в Александро-Невской семинарии. Вместе с тем Теплов продолжал свое обра-

зование в Академическом университете Петербургской Академии наук. В 1742 г. он стал адъюнктом профессора натуральной истории, год спустя то же назначение получил М. В. Ломоносов. В 1743 г. адъюнкт Теплов был отправлен в Тюбинген и Париж для «усовершенствования в науках» (ПФА РАН. Ф. 3. Кн. 75. Л. 42–52). Именным указом ему было велено «для дальнейшего и совершенного обучения и усмотрения в чужестранных академиях наилучших порядков и учреждений отправится в Вюртембергское королевство в город Тубинг, а оттуда в Париж, дабы возвратясь после четырех или пяти лет, достойным профессором быть» (Цит. по: Теплов Г. А. / Русский биографический словарь. Суворова — Ткачев. — СПб., 1912. — С. 471). В «чужие края» Теплов поехал в качестве воспитателя младшего брата всецельного фаворита графа А. Г. Разумовского, Кирилла Григорьевича. Непосредственной обязанностью Теплова было сопровождать брата фаворита в его путешествии в Западную Европу, в университеты Тюбингена и Парижа. Правда, в матрикулах Тюбингенского университета нет имен ни Теплова, ни Разумовского. Возможно, они сразу отправились в Париж, минуя Тюбинген, или их визит был настолько краток, что они не посчитали нужным представляться университетской администрации).

Вернувшись из-за границы, 18-летний Кирилл Григорьевич Разумовский был сделан президентом Академии наук. Однако он не имел в Академии большого влияния. Реальная власть принадлежала его наставнику Теплову, получившему звание асессора в 1746 г. Теплов серьезно задумывался о реорганизации системы высшего образования. Результатом был «Проект к учреждению университета Батуринаского...», который был направлен на создание в резиденции его патрона на Украине высшего учебного заведения. Наличие на Украине большого числа церковных школ, по мнению Теплова, могло бы решить проблему подготовки студентов к обучению в университете, реально стоявшую перед университетами как в «резиденции», так и в «столице», и дало бы Батуринаскому университету преимущества перед Петербургским и Московским.

Многообразные таланты Теплова были замечены «сильными мира». Он оказался чрезвычайно важной фигурой во время государственного переворота и воцарения Екатерины II. Теплов составил самые главные документы — манифест о восшествии на престол Екатерины II и текст присяги, а также текст отречения Петра III. «...Все важнейшие акты, изданные в первые дни царствования Екатерины II, принадлежат перу Теплова: в самый день переворота он составил — и, пожалуй, он один только и мог составить в течение какого-нибудь получаса — манифест о восшествии и формулу присяги, и ему же принадлежит составление текста отречения Петра от престола, — акты, в которых каждое слово должно быть обдуманно и взвешенно. И если в них оказались недочеты и неясности, то нужно удивляться не этому, а тому, что они достаточно удовлетворительны, ибо их Теплову приходилось писать чуть ли не стоя, составляя наспех, почти экспромтом» (Теплов Г. А. / Русский

биографический словарь. С. 473). Вместе с А. Г. Орловым он находился в Ропшинском дворце 6 июля 1762 г. в тот час, когда умер Петр III.

Таким образом, биография Теплова как общественного деятеля оставила заметный след в истории XVIII в., однако Теплов как деятель культуры, Теплов-ученый, а тем более Теплов-философ остался невыявленным, невосстребованным, неоцененным. Вместе с тем его сочинение «Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут», публикуемая в данном издании, начинается собой не только вторую половину века, но и новую эпоху в российском философствовании, отмеченную более трактатно ориентированным типом сочинений, обращением к специфической философской терминологии, стремлением к системности и аналитичности, словом, к тому, что составляло неотъемлемые признаки классического метафизического текста.

Идеи Теплова о службе обществу нашли выражение в сочинениях «Рассуждение о качествах стихотворца» (Ежемесячные сочинения. — 1775. — Май) и «Рассуждение о начале стихотворства» (Ежемесячные сочинения. — 1755. — Июль; История эстетики: памятники мировой эстетической мысли. Т. 2. М., 1964). Поскольку они были напечатаны анонимно, многие годы сохранялась их неверная атрибуция. А. А. Штамбок, доказавший, что оба сочинения принадлежат Теплову, полагал, что и те и другие «Рассуждения» являются частью одного трактата (См.: Штамбок А. А. Об авторстве рассуждения «О качествах стихотворца» (К вопросу о двух направлениях в русской эстетике классицизма) // Русская литература. — 1961. — № 1. — С. 173).

В середине 1750-х гг. Теплов начал работать над собранием песен. Музыка занимала значительное место в его жизни, и он не раз замечал, что это одно из его самых больших удовольствий. В 1759 г. Теплов опубликовал сборник песен на свою музыку ([Теплов Г. Н.] Между делом безделье, или Собрание разных песен с приложенными томами на три голоса. Музыка Г. Т. (СПб., б. г.).

Особое место в творчестве Теплова занимают экономические изыскания, результаты которых довольно подробно рассмотрены в книге У. Даниэла (Wallace L. Daniel. Grigorii Trepov: A Statesman at the Court of Catherine the Great. Newtonville, 1991), проанализировавшего ряд неопубликованных работ Теплова (в архиве РГАДА хранятся статьи Теплова «Поправление о коммерции», «Примечание о поправлении коммерции русской», «О коммерции» (Ф. 3976. Оп. 1. № 32), «О российской торговле» (разряд 196, № 286, 11). Сюда же можно отнести сочинение Теплова: О неурядицах, которые происходят от злоупотребления прав и обыкновений, грамотеями подтвержденных Малороссии // Записки о Южной Руси. — Т. 2. — СПб., 1857). Кроме того, как и многие его современники, Теплов не только теоретизировал по поводу того, как следует вести хозяйство, но и разработал ряд конкретных рекомендаций для этого. В книге «Птичий двор, или Подробные наставления о содержании всякого рода домашних птиц, предохранения и лечения их от всяких случаемых у них болезней; а притом также достаточ-

ные сведения о разведении, воспитании, выкармливании и обучении кенареек» он пишет «о корме птиц», «что должно делать, чтобы курицы хорошо неслись», «о высиживании цыплят», «о несении индейскими курицами яиц и о сидении на них», «как откармливать гусей», приводит чертежи устройства птичьих дворов и т. д. В предисловии он пишет: «Домостроительство вообще есть наука, а потому и дело такое, от которого польза происходит для всего общества» (Теплов Г. Н. Птичий двор... Во граде Святого Петра, 1792. С. III.), поэтому он считает своим долгом внести и свой вклад в дело общественного благосостояния и процветания.

В своих философских работах, и прежде всего в книге «Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут», Теплов использует и развивает идеи Вольфа, прежде всего его воззрения на принципы построения философской системы и разделения различных сфер знания на обособленные области с целью их лучшего познания.

Знания касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут

Впервые опубликовано отдельным изданием («Знания касающиеся вообще до философии: Для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут / Собраны и изъяснены Григорьем Тепловым. — СПб.: При Имп. Акад. наук, 1751). Перепечатано с сокращениями: Теплов Г. Н. Знания, касающиеся вообще до философии / Подготовка текста, комментарии Т. В. Артемьевой // Философский век, альманах. Христиан Вольф и русское вольфианство / Под. ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. — СПб.: ЦИИ, 1998. — С. 207–289.

Публикуется по последнему изданию. Опущенные в нем фрагменты публикуются по первому изданию.

Книга представляет собой систематическое изложение философии, основанное на анализе истории философских учений и использовании философской терминологии на русском языке. В 1750 г. книгу Теплова рекомендовал к напечатанию М. В. Ломоносов. Он писал в рапорте канцелярии Академии наук: «...Философские учения в ней предлагаются понятным образом для всякого и весьма полезна будет российским читателям, которые, не зная иностранных языков, хотят иметь понятие или знание о философии вообще, во всех ее частях, и для того за благо рассуждаю, чтобы она была напечатана» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — Т. 9. — М.; Л., 1955. — С. 631).

Серьезное увлечение Теплова философией Хр. Вольфа, спровоцированное его петербургскими учителями, началось, когда он был за границей, причем не только в Германии, но и во Франции. В 1739 г. в Париже, незадолго до приезда туда Теплова, была переведена с латинского на французский статья Вольфа *Le philosophe roi et le roi philosophe*. В ней специально рассматривался вопрос о влиянии философов на монарха. Вольф считал, что монарх должен использовать философский метод для того, чтобы понять социальный

порядок и установить прочные связи между разрозненными частями общества. Философия выражает способы, которыми различные люди или социальные группы относятся к материальному миру и взаимодействуют друг с другом. Этот тезис, как и другие стороны учения Вольфа, нашли отражение в книге Теплова. Как и Вольф, он пытался философствовать на национальном языке (а не по-французски, или на латыни), развивал учение о трех степенях познания (историческом, философском и математическом), тяготел к систематичности и доказательности изложения.

Теплов полагал, что философия дает общее представление о мире, изучение ее необходимо для того, чтобы предохранить свой разум от возможных заблуждений. Он писал не *учебник*, но *популярную книгу* по философии, дававшую не только общие представления об этой науке, но помогавшую сформировать мировоззренческие установки.

Теплов старался не злоупотреблять профессиональным жаргоном, оговаривая употребление даже тех немногих понятий, без которых невозможно обойтись, таких как *тождество*, *правдоподобие*, *бытность*, *идея*, *предупреждение*, *предрассуждение* и проч. Он отказывался от принятой в первой половине XVIII в. традиции переводить философские термины буквально, используя «кальки» (номиналисты — словесники, реалисты — вещественники, умозаключение — винословие, философия — любомудрие, логика — словесница, физика — естественница, метафизика — преестественница и т. д.), отмечая, что некоторые понятия западноевропейской философии не имеют в русском языке соответствующих эквивалентов (метафизика, пневматология), а некоторые употребляются в различных смыслах, например философском и обыденном (бытие, материя, вещество и т. д.). Мыслитель полагал, что существует определенная терминология, основанная на международном «ученом языке», без которой невозможно построить научный текст. В качестве примера Теплов приводит Цицерона и Христиана Вольфа, пополнивших философский вокабуляр специальной терминологией. Поэтому его сочинение предваряет «Объявление слов, которые в философской материи по необходимости приняты в том разуме, как приложенные к тому латинские и французские разумеются».

Не случайно в книге уделялось повышенное внимание проблеме языка. Теплов полагал, что причины многих заблуждений и непонимания происходят от его нестрогости, оттого, что содержание и смыслы понятий не являются строго установленными и однозначными. Он упоминал о своих планах написать сочинение по логике, в котором можно было бы обсудить эти проблемы, однако вторая часть не была напечатана, а, скорее всего — и не написана.

⁴² Кассини (Cassini) Джованни Доменико (1625–1712) — итальянский ученый и астроном, работал в Италии и Франции.

⁴³ Гюйгенс (Huygens) Христиан (1629–1695) — голландский математик, физик и астроном.

⁴⁴ Так в тексте.

⁴⁵ Гарвей (Harvey) Уильям (1578–1657) — английский естествоиспытатель и врач, известен своей теорией кровообращения.

⁴⁶ Каау-Бургаве (Каау-Воерхааве) Абрахам (1715–1758) — медик, профессор анатомии и физиологии, ординарный академик Петербургской Академии наук с 1747 г.

⁴⁷ Вольф (Wolff) Христиан (1679–1754) — немецкий философ-энциклопедист, сформировал систему философской терминологии на немецком языке.

⁴⁸ Гиппократ (ок. 460 — ок. 377 до н. э.) — древнегреческий врач, «отец медицины», один из основоположников научного подхода к болезням и лечению человека.

⁴⁹ Чирнгауз (Tschirnhaus) Эренфрид-Вальтер (1651–1708) — немецкий математик, физик и философ.

⁵⁰ См.: *Medicina Mentis Et Corporis* / Ehrenfried Walther von Tschirnhaus. Lipsiæ: Fritsch, 1695.

⁵¹ Аполлоний Пергский (расцвет деятельности — 2-я половина II в. до н. э.) — древнегреческий математик, последователь Эвклида.

⁵² *Medicina Mentis Et Corporis*.

⁵³ Christian von Wolff *Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata Praemittitur discursus praeliminaris de philosophia in genere*. Francofurti: Renger, 1728.

⁵⁴ Антлия (греч. antlia) — насос.

⁵⁵ Эта книга не была написана Г. Н. Тепловым.

⁵⁶ На этот же проект обратил в свое время внимание и Джонатан Свифт, осмеявший его в описании Большой Академии в Лагадо в «Путешествиях Гулливера». Характерно, что если Свифт иронизирует над проектом изготовления шелка из паутины, апеллируя к здравому смыслу, то Теплов показывает прежде всего его практическую неприменимость и экономическую неэффективность, делая его объектом аналитического рассмотрения.

⁵⁷ Лот — мера веса, составляющая три золотника, примерно 12,8 г.

⁵⁸ Амман (Amman) Иоганн (1707–1741) — врач и ботаник, академик и профессор Петербургской Академии наук.

⁵⁹ Диоген Лаэртский (1-я пол. III в. н.э.) — античный историк философии, автор сочинения *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*: в 10 кн. / Пер. М. Л. Гаспарова. — 2-е изд. — М., 1986 (переизд. 1995). Теплов мог пользоваться изданием *Laertii Diogenis de vitis, dogmatis et apophthegmatis Eorum qui in Philosophia Claruerunt; libri X* / Thoma Aldobrandino Interprete, Cum Annotationibus ejusdem. Quibus accesserunt Annotationes H. Stephani, [et] Utriusque Casavbon. Londini, Impensis Octaviani Pulley, ad insigne Rosæ in Sьmterio Paulino; Typis Tho. Ratcliffe, 1664).

⁶⁰ Кирхер (Kircher) Афанасий (1602–1680) — немецкий ученый, занимался естественными науками, а так же физикой, теологией, лингвистикой;

- де Пинеда Хуан (Juan de Pineda) (1557–1637) — испанский теолог, преподавал в иезуитских колледжах философию и теологию.
- ⁶¹ Дикинсон (Dickinson) Эдмунд (1624–1707). Имеется в виду его книга D. Edmundi Dickinsoni M.D. *physica vetus & vera: sive Tractatus de naturali veritate hexaëmeri Mosaici. : Per quem probatur in historia creationis, tum generationis universæ methodum atque modum, tum veræ philosophiæ principia, strictim atque breviter a? Mose tradi.* Londini, MDCCII.
- ⁶² Клерик (le Clerc, Clericus) Жан (Иоанн) (1657–1736) — швейцарский богослов, философ и писатель. Теплов имеет в виду его сочинение *Parrhasiana ou pensees sur des matires de critique, d'histoire, de morale, et de politique: avec la defense de divers ouvrages de M. L. C. par Théodore Parrhase* (Amsterdam, 1699). Фабрициус (Fabricius) Иоганн Альберт (1668–1736) — немецкий пастор, филолог и философ, автор *Bibliotheca Graeca* (1705–1728). Гундлинг (Gundling) Николаус Иеронимус (1671–1729) — немецкий философ и юрист, профессор философии, автор *Historie der Gelahrtheit oder Discours über Neumanni conspectum reipublicae literariae.* Frankfurt, 1734–1746.
- ⁶³ Саддукеи, фарисеи и ессеи — названия религиозно-философских школ, возникших в древней Иудее.
- ⁶⁴ Иосиф Флавий (лат. *Josephus Flavius*) (ок. 37 — ок. 100) — еврейский историк и военачальник. Автор известного произведения «Иудейская война», написанного на греческом языке. До XIX в. его труды рассматривались как исторические свидетельства смерти Иоанна Крестителя и распятия Иисуса Христа.
- ⁶⁵ Каббала (древнеевр. «предание»; от «каббель» — «принимать») — философско-мистическое течение в иудаизме.
- ⁶⁶ Симон бен Иохай (около 70–80 н.э.) — автор книги «Зогар» (по-древнееврейски «Книга сияний») — основного памятника каббалистической письменности.
- ⁶⁷ Тит Флавий Веспасиан — римский император из рода Флавиев, правивший в 79–81 гг. Сын Веспасиана.
- ⁶⁸ Валентиниане — сторонники наиболее известного гностического направления, получившего свое название по имени гностика Валентина (до 135–160).
- ⁶⁹ Гематрия, нотарикон, темура — виды каббалистического толкования текстов. Гематрия устанавливает численные значения букв, сравнивая слова с одинаковым числовым значением, устанавливает соответствие между явлениями, которые обозначаются этими словами. Нотарикон рассматривает каждое слово как аббревиатуру, где каждая буква является первой буквой нового слова. Темура рассматривает Святое писание как анаграмму, повторяющую имя Бога.
- ⁷⁰ 11 Восстали на меня свидетели неправедные: чего я не знаю, о том допрашивают меня (Пс.34:11).

- ⁷¹ Рейхлин (Reuchlin) Иоганн (1455–1522) — немецкий философ и гебраист.
- ⁷² Вероятно, имеются в виду следующие издания: V. C. D. Exercitationem Historicam, qua praeprimis contra D. Joh. Marshamum Anglum, ... ostenditur Judaeos nullo modo ab Aegyptiis circumcisionem mutuatos esse ... / Paulus Antonius. — Lipsiae : Günther, 1682; Johannis Spenceri ... De Legibus Hebraeorum Ritualibus Earumque Rationibus, Libri Quatuor : Ad Nuperam Cantabrigiensem, In Qua Liber Quartus. Tubingæ, 1732.
- ⁷³ И научен был Моисей всей мудрости Египетской, и был силен в словах и делах. (Деян.7:22).
- ⁷⁴ Ямвлих (Jamblichos) (ок. 245 — ок. 325) — древнегреческий философ, основатель сирийской школы неоплатонизма, ученик Порфирия. Теплов имеет в виду его сочинение «О египетских мистериях» (De mysteris aegyptiorum).
- ⁷⁵ Имеется в виду Hieroglyphica Horapollinis / a Davide Hoeschelio Fide Codicis Augustanis. Augustae Vindelicorum ad insigne pinus, 1595. Druckerei Ad insigne Pinus <Augsburg>. Гор Аполлонийский, или, в латиноязычном прочтении, Горapolло (Horapollo), вероятно, египетский жрец, известен прежде всего как автор этого трактата. Гершель (Hoeschel) Давид (1556–1617) — немецкий гуманист и филолог.
- ⁷⁶ Плиний Старший, Гай Плиний Секунд [Gaius Plinius Secundus] (23 или 24–79) — римский писатель, ученый и государственный деятель. Автор «Естественной истории» (Naturalis historiae) в 37 книгах, использовавшийся как источник знаний о природе вплоть до XVIII в. Существовали десятки изданий этого сочинения, которым мог пользоваться Теплов.
- ⁷⁷ Диодор Сикул (Diodorus Siculus) — греческий историк, живший в I в. до н. э. Теплов мог пользоваться французским изданием его сочинения, например, Histoire universelle / de Diodore de Sicile. Traduite en François par Terrasson. Paris, 1737–1744.
- ⁷⁸ Зороастр — легендарный основатель зороастризма (маздеизма), жрец и пророк.
- ⁷⁹ Плетон (Plethon) Гемист (ок. 1355–1452) — византийский философ-платоник, ученый и политический деятель. Пселл (Psellós) Михаил (до пострижения — Константин) (1018 — ок. 1078 или ок. 1096) — византийский политический деятель, писатель, ученый. Патрици (Patrizi, Patrizzi) Франческо (1529–1597) — итальянский гуманист и философ-неоплатоник.
- ⁸⁰ Имеется в виду подготовленная А. Фабрицием Bibliotheca Graeca sive notitia scriptorum veterum Graecorum. Hamburgi: Liebezeit & Felginer, 1705–1728).
- ⁸¹ См. комм. 76.
- ⁸² Стенли (Stanley) Томас (1625–1678) — английский писатель. Наиболее известное сочинение «The History of Philosophy» Vol. 1–4. (London, 1655–1662).
- ⁸³ См. комм. 79.

- ⁸⁴ Манихейство — религиозно-философское учение, возникшее в III в. на Ближнем Востоке. В поздней Римской империи и Византии подвергалось ожесточенным гонениям со стороны государства и ортодоксального христианства. В Средней и Центральной Азии нашло благоприятную почву и в VIII–IX вв. стало государственной религией уйгуров.
- ⁸⁵ От фр. l'esclave — раб.
- ⁸⁶ Св. Августин (Augustinus) (354–430) — философ, проповедник, христианский богослов, святой католической церкви; Епифаний (Eiphanios) Кипрский (367–403) — один из отцов церкви, епископ Саламина на Кипре, боролся с арианством, последователями Оригена; Феодорит, епископ Кирский (386 (393?) — 457); Евсевий Кесарийский (Eusebius Caesariensis) (между 260 и 265–338 или 339) — римский церковный писатель, историк; Кирилл Иерусалимский (ок. 315–387) — епископ Иерусалимский, учитель церкви; Габриэль Пратиолус (Prateolus) или Габриэль дю Пре (Du Préau) (1511–1588) — автор сочинений по философии и церковной истории; Бароний (Baronius) Цезарь (1538–1607) — церковный историк; Жильбер Генебрард (Genebrard) (1537–1597) — церковный писатель и эрудит; св. Филастрий (Philastrius) Бриксийский (? — до 397) — священник и богослов, составил каталог ересей.
- ⁸⁷ Имеется в виду Louÿs Moreri Le Grand Dictionnaire Historique, ou le Mélange Curieux de l'Histoire Sacrée et Profane: qui contient en abrégé, les vies et les actions remarquables des patriarches, des juges ... des empereurs, des rois, des princes illustres, [et] des grands capitaines ..., l'établissement et le progres des ordres religieux [et] militaires, [et] la vie de leurs fondateurs; les genealogies de plusieurs familles illustres de France [et] d'autres païs; l'histoire fabuleuse des dieux, [et] des héros de l'antiquité payenne; la description des empires, royaumes ...; avec l'histoire des conciles généraux [et] particuliers... Amsterdam, 1740.
- ⁸⁸ Dictionnaire historique et critique de Pierre Bayle. Первое издание вышло в Голландии в 1697, переработанное 2-е издание — в 1702.
- ⁸⁹ Книга Иова.
- ⁹⁰ Сабейская — от имени сабеев, древнего народа, жившего на юге Аравийского полуострова.
- ⁹¹ См. КОММ. 88.
- ⁹² Возможно, речь идет о книге Exercitatio de brachmanibus philosophis indorum / Johann Albert Fabricius. Hamburg: Neumann, 1708.
- ⁹³ LeGobien, Charles Histoire de l'édit de l'Empereur de la Chine en faveur de la religion Chrétienne, avec un éclairciss. Paris, 1698.
- ⁹⁴ Arriani Nicomendensis de rebus gestis Alexandri Magni regis Macedonum libri 8 : ad graecum ex. emendati & innumeris mendis repurgati. Bartholomaeo Facio interprete/ Arrianus. Bernae : Oporini, [1554].

- ⁹⁵ Конфуций — латинизированная форма китайского Кун Фу-цзы — «Учитель Кун», (552/551–479 до н. э.) — китайский философ, учение которого стало основой религиозного направления.
- ⁹⁶ Confucius, Sinarum philosophus, sive scientia sinensis latine exposita; opera Intorcetta, Herdtrich. Paris, 1687.
- ⁹⁷ Санхунйатон (Санхуниатон, Сангуниатон) — древний финикийский (возможно мифический) автор. Известен по отрывкам, которые приводит историк Филон из Библоса (родился в 64 г.). Мосх, Мосох, Мешех (владение) — сын Иафета, сына Ноя, родоначальник племен на север от Черногo и Каспийского морей. До XVIII в. считался прародителем «москвитов».
- ⁹⁸ Барды и друиды — поэты, предсказатели и жрецы у древних кельтов.
- ⁹⁹ Орфей — мифический фракийский певец, сын музы Каллиопы. Согласно мифам, его чудесное пение очаровывало богов и людей и укрощало дикие силы природы. Орфею приписывается создание одной из наиболее значительных предфилософских школ Древней Греции — орфизма.
- ¹⁰⁰ Имеется в виду сочинение Марка Туллия Цицерона (106–43 до н. э.) «Тускуланские беседы» (Tusculan Disputations).
- ¹⁰¹ Пифагор Самосский (ок. 570 — ок. 500 до н. э.) — древнегреческий философ и математик из г. Регия (на острове Самос).
- ¹⁰² Архитас из Тарента (ок. 435 — после 360) — древнегреческий ученый; Лукан (Lucanus) Марк Анней (39–65 н.э.) — автор Фарсалии — эпической поэмы, посвященной гражданской войне между Цезарем и Помпеем; Эпихарм (Epicharmos) (V в. до н. э.) — греческий драматический писатель; Гиппарх (Hipparchos) (ок. 190 — после 126 до н. э.) — древнегреческий астроном; Филолай (Philolaos) из Кротона (V в. до н. э.) — древнегреческий философ-пифагореец, автор трактата «О природе»; Тимей из Локр (греч. Timaios) (ок. 356 — ок. 260 до н. э.) — древнегреческий историк.
- ¹⁰³ Порфирий (232 — ок. 305) — античный философ-неоплатоник. Родился в Тире, ученик Плотина и издатель его сочинений.
- ¹⁰⁴ Ludolf Kuster. Suidae Lexicon. Cambridge, 1705.
- ¹⁰⁵ Ioannis Schefferi ... de natvra et constitvtione philosophiae Italicae sev Pythagoricae liber singvlaris ... Cvi accedvnt Pythagorae avrea carmina ; cvm Praefatione C. S. Schvrzflschii. Vittembergae : Ludovicus, 1701.
- ¹⁰⁶ Так называемые золотые стихи Пифагора представляют более позднюю компиляцию.
- ¹⁰⁷ Теплов имеет в виду академический журнал «Примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям».
- ¹⁰⁸ Historia Philosophiae Vitas Opiniones Resqve Gestas Et Dicta Philosophorum Sectae Cvisvis Complexa/ Avtore Thoma Stanleio. Lipsiae Apvd Thomam Fritsch, 1711.
- ¹⁰⁹ Эмпедокл (ок. 492 — ок. 432 до н. э.) — древнегреческий философ, поэт, врач, политик и религиозный деятель.

- ¹¹⁰ Коперник (Copernicus) Николай (1473–1543) — польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира.
- ¹¹¹ Речь идет о отрывке из трактата Цицерона «О государстве», озаглавленного «Сон Сципиона», где он излагает учение неоплатоников о судьбе души в этом мире и после смерти.
- ¹¹² См. комм. 82.
- ¹¹³ Фалес (Thales) Милетский (ок. 625–547 до н. э.) — древнегреческий философ, родоначальник античной философии и науки, основатель милетской школы, один из «семи мудрецов».
- ¹¹⁴ Ферекид Сиросский (VI в. до н. э.) — древнегреческий космолог, современник, учитель Пифагора. Иногда его причисляют к «семи мудрецам».
- ¹¹⁵ Перегринация — дальнее странствие, путешествие.
- ¹¹⁶ Анаксимандр из Милета (ок. 610–540 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Фалеса. Автор первого греческого научного сочинения, написанного прозой, «О природе».
- ¹¹⁷ Анаксимен из Милета (2-я пол. VI в. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Анаксимандра, представитель так называемой милетской школы. Учил, что мир возникает из воздуха. Анаксагор (500–28 до н. э.) — древнегреческий философ, математик и астроном, около 30 лет прожил в Афинах, фактический основоположник афинской философской школы, ученик Анаксимена. Архелай (сер. V в. до н. э.) — греческий философ, ученик Анаксагора, учитель Сократа.
- ¹¹⁸ Апофегматы (греч. *aporphthegma* — изречение) — старинные сборники остроумных и нравоучительных изречений или назидательных рассказов (*Aporphthegmata Laconica* Плутарха).
- ¹¹⁹ Имеются в виду Гомеомерии (греч. сходные частички), в философии Анаксагора — первичные элементы, существующие в различных качествах и составляющие в совокупности окружающие человека вещи.
- ¹²⁰ Имеется в виду сочинение Марка Туллия Цицерона (106–43 до н. э.) «О природе богов» (*De natura deorum*).
- ¹²¹ См. комм. 82.
- ¹²² См. комм. 59.
- ¹²³ Аристипп Киренский (ок. 435 — ок. 355 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, основатель киренской школы, один из основателей гедонистической этики; Федон из Элиды (1-я пол. IV в. до н. э.) — философ-сократик, основатель элидо-эретрийской школы, персонаж платоновского диалога «Федон»; Евклид из Мегары (? — после 369 до н. э.) — древнегреческий философ, последователь Сократа, основатель мегарской школы; Платон (427–347 или 328 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель Академии, ученик Сократа, учитель Аристотеля; Антисфен из Афин, (ок. 445–ок. 365 до н. э.) — греческий философ.

- ¹²⁴ Киренская школа (киренаики) — греческая философская школа IV — 1-й четверти III в. до н. э., возводившая свое учение к сократизму Аристиппу из Кирены. Сочинения киренаиков не сохранились, основные источники — Диоген Лаэртский, Секст Эмпирик. Старшие киренаики относились к периоду средней классики — Аристипп из Кирены с дочерью Аретой и внуком Аристиппом Младшим. Младшие киренаики относились к более позднему времени и реформировали первоначальное учение в киническом направлении: ученик Аристиппа Младшего Феодор Киренский и Гегесий и Анникерид (конец IV в. — начало III в. до н. э.) (ученики Паретата, бывшего учеником Эпитимида, учившегося у Антипатра, в то время как этот последний был учеником самого Аристиппа Старшего) и Бион Борисфенский (1-я пол. III в. до н. э.) со своим учеником Телетом.
- ¹²⁵ После смерти Сократа его ученики организуют множество философских школ, на представителей которых ссылается Теплов.
- ¹²⁶ Речь идет о книге Гегесия «О самоубийстве воздержанием от пищи».
- ¹²⁷ См. комм. 100. Валерий Максим (Valerius Maximus) (I в.) — римский историк и моралист, автор книги исторических анекдотов *Factorum et dictorum memorabilium libri IX*.
- ¹²⁸ См. комм. 125.
- ¹²⁹ Имеются в виду сочинения Цицерона *Lucullus or Academica Priora* и *Academica Posteriora*.
- ¹³⁰ См. *Historiae Examinis Concilii Tridentini A Martino Chemnitio Olim Pvblicati Specimen / Offert Viro ... Lipsiae ... Ex Officina Langenhemiana, 1736*.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Филон Александрийский (10-е I в. до н. э. — 40-е I в. н.э.) — иудейско-эллинистический философ, теолог и экзегет.
- ¹³³ Юстин мученик (ок. 100 — ок. 165) — философ и христианский апологет; Климент Александрийский (Clemens Alexandrinus) (ок. 150 — ок. 220) — христианский философ и богослов. Аммоний Саккас (? — после 242) — преподаватель философии в Александрии; Ориген (ок. 185–254) — христианский теолог, философ, ученый, представитель ранней патристики. Один из восточных отцов Церкви.
- ¹³⁴ Из язычников греческих многие, а именно: Плотин (204/205–269/270) — древнегреческий философ-платоник, считающийся основателем неоплатонизма; Амелий Гентилиан из Этрурии (сер. III в. н.э.) — философ-неоплатоник, ученик Плотина; Прокл (412–485) — греческий философ-неоплатоник, глава Афинской школы, крупнейший и влиятельнейший философ поздней античности; Марин из Неаполя (V в.) — философ и математик, в 485 г. на короткое время возглавивший Академию после Прокла.
- ¹³⁵ Апулей Луций (Lucius Apuleius) (ок. 125 н.э. — после 170 н.э.) — римский философ, ритор и писатель; Халкидий (Калкидий) (Calcidius) (кон. IV — нач. V в.) — латинский философ-платоник.

- ¹³⁶ Аристотель Стагирит (384–322 до н. э.) — великий древнегреческий философ и ученый, ученик Платона, основатель перипатетической школы.
- ¹³⁷ Теофраст (ок. 370 — между 288 и 285 до н. э.), Стратон из Лампсака (286/7–268/8 до н. э.), Ликон из Трояды (272/68–228/5 до н. э.), Аристон с Кеоса (228/5 — ? до н. э.), Критолай из Фаселиды (II в. до н. э.), Диодор из Тира (II в. до н. э.) — представители перипатетической школы.
- ¹³⁸ См. комм. 102.
- ¹³⁹ Дексипп (1-я пол. IV в. до н. э.) — философ-платоник, автор комментария к «Категориям» Аристотеля.
- ¹⁴⁰ Александр Великий (Македонский) (356–323 до н. э.) — царь Македонии, основатель мировой эллинистической державы; прославленный полководец античности. Сын македонского царя Филиппа II (359–336 до н. э.).
- ¹⁴¹ См. комм. 137.
- ¹⁴² Юстин (Justinus) — римский историк II–III вв. Его сочинение является сокращенным изложением не сохранившегося исторического труда Помпея Трога.
- ¹⁴³ Григорий Назианзин (Nazianzenos) (ок. 329 — ок. 390) — отец и учитель церкви, один из трех «великих каппадокийцев» (наряду с Василием Великим и Григорием Нисским).
- ¹⁴⁴ Еврип (Euripos) — пролив между Грецией и островом Евбесей. Флюкс и рефлюкс (от фр. flux — морской прилив) — прилив и отлив.
- ¹⁴⁵ Имеется в виду сочинение Аристотеля «Никомахова этика».
- ¹⁴⁶ Вероятно, Теплов ошибается и называет Страбона (64 или 63 до н. э. — после 21 н.э.) — древнегреческого географа и историка, автора «Географии» в 17 книгах, наиболее обширного, полного и значительного античного труда, вместо Стратона из Лампсака (340–270 до н. э.) — древнегреческого философа, главу перипатетической школы после Теофраста.
- ¹⁴⁷ Деметрий Фалерианский (ок. 360 — ок. 280 до н. э.) — греческий философ и государственный деятель, представитель перипатетической школы и ученик Теофраста; Гераклит Понтийский (IV в. до н. э.) — греческий философ, член платоновской Академии, представитель перипатетической школы.
- ¹⁴⁸ Адроник Родосский (сер. I в. до н. э.) — греческий философ-перипатетик, глава перипатетической школы, известен как первый издатель трудов Аристотеля. Он положил начало обширной традиции изучения и комментирования аристотелевских сочинений, составив комментарии к «Категориям» и «Физике».
- ¹⁴⁹ Публий Элий Адриан (Hadrianus) (76–138 н.э.) — римский император; Антонин Пий (Antoninus Pius) (86–161) — римский император с 138 г.
- ¹⁵⁰ Александр Афродизийский (между 198–211) — философ-перипатетик, комментатор Аристотеля.

- ¹⁵¹ Марк Аврелий Антонин (Marcus Aurelius Antoninus) (121–180) — философ-стоик, римский император; Луций Вер (Lucius Verus) (130–169) — римский император.
- ¹⁵² Пикколомини (Piccolomini) Энеа Сильвио (1405–1464) — итальянский гуманист, с 1458 г. римский папа; Беренгар (Бернар) Турский (Bernard de Tours) (ок. 999–1088) — французский схоласт; Жерар из Кремоны (Gérard de Crémone) (1114–1187) — итальянский ученый, изучавший математику и другие науки у арабов в Толедо; Помпонацци (Pomponazzi) Пьетро (1462–1525) — итальянский философ, ведущий представитель аристотелизма эпохи Возрождения.
- ¹⁵³ Киники — представители сократической школы античной философии. Основана Антисфеном Афинским (ок. 445–360 до н. э.), по другой версии — его учеником и наиболее ярким представителем кинизма — Диогеном Синопским (ок. 404–323 до н. э.).
- ¹⁵⁴ Антисфен Афинский (445–360 гг. до н. э.) — один из основателей школы кинизма.
- ¹⁵⁵ Свидас (Suidas) — грамматик и лексикограф X–XI вв., автор *Suidæ Lexicon, Græce & Latine; Textum Græcum cum Manuscriptis Codicibus collatum a quamplurimis mendis purgavit, Notisque perpetuis illustravit: Versionem Latinam Æmilii Porti innumeris in locis correxit; Indicesque Auctorum & Rerum adjecit Ludolphus Kusterus, Professor humaniorum literarum in Gymnasio Regio Berolinensi. Cantabrigiæ: Typis Acad., 1705*; Клавдий Элиан (Aelianus) (170–240) — софист, учитель красноречия, автор *Variae Historiae libri 14 / Cl. Aelianus. — Ed. novissima, ... — Argentorati: Spoor & Wächter, 1685.*
- ¹⁵⁶ Диоген Синопский (ок. 404 — ок. 323 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик и последователь Антисфена. Наиболее яркий представитель кинизма. Сферой философских интересов выступали аспекты морально-этических отношений. Моним из Сиракуз (2-я пол IV в. до н. э.) — ученик Диогена Синопского и Кратета Фиванского (IV в. до н. э.). Идеалы Кратета разделяла его жена Иппархия (Гиппархия), отказавшаяся от богатства во имя идеалов кинической жизни и ее брат Метрокл (IV–III вв. до н. э.). Онесикрит с Эгины (IV в. до н. э.) — автор жизнеописания Александра Македонского в духе идеалов кинизма. Менедем из Лампсака (III в. до н. э.) — философ-киник. Возможно, имеется в виду Менедем из Эретрии (ок. 340–265 до н. э.) — греческий философ-сократик, близкий кинизму.
- ¹⁵⁷ См. комм 62. Возможно, Теплов имел в виду следующее издание: Jo. Alberti Fabricii ... *Bibliotheca Græca: sive notitia scriptorum veterum Græcorum: quorumcunque monumenta integra, aut fragmenta edita exstant: tum plerorumque e mss. ac deperditis; Editio tertia, ab auctore recognita et plurimis locis aucta; Accessit empedoclis sphæra, et Marcelli Sidetæ Carmen De Medicamentis E Piscibus, Græce et Latine, cum brevibus notis. Hamburgi: Liebezeit, 1718.*

- ¹⁵⁸Вероятно, Теплов имеет в виду издание: Aurelius Augustinus Operum tomus (Т. 1–12). Antwerpiae : Societas, 1700–1703.
- ¹⁵⁹Зенон из Кития (334/333–262/261 до н. э.) — основатель стоической школы.
- ¹⁶⁰Клеанф из Асса (331/330–232 до н. э.) — греческий философ-стоик, ученик Зенона из Кития и его преемник; Хрисипп из Сол (ок. 280/277 — ок. 208/204 до н. э.) — древнегреческий философ, крупнейший представитель Ранней Стои, ученик и преемник Клеанфа; Зенон из Тарса (2-я пол. III в. до н. э.) — философ-стоик, преемник Хрисиппа; Антипатр из Тарса (II в. до н. э.) — греческий стоик, схолярх, учитель Панетия; занимался логикой, этикой, мантикой; Панетий Родосский (ок. 180 до н. э. — после 110 до н. э.) — греческий философ-стоик, учитель Посидония; Посидоний (135–51 до н. э.) — философ-стоик, ученый и политик.
- ¹⁶¹См. комм. 62.
- ¹⁶²Липсий (Lipsius) Юст (1547–1606) — голландский гуманист, знаток римских древностей, издатель многих латинских авторов, в частности Тацита, представитель неостоицизма; Шоппе (Schoppe) Caspar (1576–1649) — немецкий философ и гуманист, автор *Grammatica philosophica* (Milan, 1628).
- ¹⁶³См. комм. 82.
- ¹⁶⁴См. комм. 59.
- ¹⁶⁵Т.е. испытывает воздействие.
- ¹⁶⁶Лактанций (Lactantius Firmianus) (250–317) — автор «Введения в божественное учение». Теплов мог пользоваться изданием *Lucii Caecilii Lactantii Firmiani Opera Omnia/ Lucius Caecilius Lactantius Firmianus*. Gottingae: Cuno, 1736.
- ¹⁶⁷Демокрит из Абдеры во Фракии (ок. 470/60–360-е до н. э.) — греческий философ, основоположник атомистического учения; Гераклит из Эфеса (ок. 540–480 до н. э.) — древнегреческий философ-пантеист, основоположник диалектического учения.
- ¹⁶⁸Теплов имеет в виду сочинение французского теолога и лексикографа Луи Морери (Moreri) (1643–1680), очень популярного в России в XVIII в. Скорее всего, он пользовался следующим изданием: *Louis Moreri Le Grand Dictionnaire Historique, ou le Mélange Curieux de l'Histoire Sacrée et Profane : qui contient en abrégé, les vies et les actions remarquables des patriarches, des juges ... des empereurs, des rois, des princes illustres, [et] des grands capitaines ..., l'établissement et le progres des ordres religieux [et] militaires, [et] la vie de leurs fondateurs; les genealogies de plusieurs familles illustres de France [et] d'autres païs; l'histoire fabuleuse des dieux, [et] des héros de l'antiquité payenne; la description des empires, royaumes ...; avec l'histoire des conciles généraux [et] particuliers*. Amsterdam, 1740.
- ¹⁶⁹Бейль — см. комм. 27. Наиболее известным трудом является его «Исторический и критический словарь» (русский перевод — М., 1968), выдержавший много изданий. Теплов мог пользоваться следующим: *Pierre Bayle*

- Dictionnaire historique et critique / Avec la vie de l'auteur/ par Mr. des Maizeaux. 5. ed. Rotterdam, 1740. Первоначально Бейль ставил своей задачей исправление ошибок, совершенных Л. Морери, но издание получилось гораздо более масштабным.
- ¹⁷⁰ Гассенди (Gassendi) Пьер (1592–1655) — французский философ, развивавший идеи эпикуреизма и атомизма.
- ¹⁷¹ Тит Лукреций Кар (Titus Lucretius Carus) (ок. 95–55 до н. э.) — римский поэт и философ. Его поэма «О природе вещей» (De rerum natura) считается единственным систематическим изложением взглядов Эпикура. В первых трех книгах излагается физика Эпикура.
- ¹⁷² Потамон Александрийский (2-я пол. I в. до н. э. — нач. I в. н.э.) — греческий философ, создатель эклектического учения, сочетавшего элементы стоического и перипатетического учений.
- ¹⁷³ Аммоний Саккас (? — после 242) — преподаватель философии в Александрии, учитель Плотина; Христипп (281/78–208/05) — древнегреческий философ, представитель стоической школы; Плотин — см. комм. 134; Ориген (ок. 185 — ок. 254) — раннехристианский богослов и писатель; Порфирий — см. комм. 103; Иероним (ок. 340–420) — один из великих отцов и учителей христианской церкви; Ямвлих — см. комм. 74; Эдесий Каппадокийский (?–355) — античный философ-неоплатоник, ученик Ямвлиха, учитель Юлиана Отступника, основатель пергамской школы неоплатонизма.
- ¹⁷⁴ Сириан (1-я треть V в. н.э.) — античный философ-неоплатоник, представитель Афинской школы неоплатонизма, комментатор Платона и Аристотеля, ученик и преемник Плутарха Афинского на посту схоларха; Олимпиодор (до 505 — после 564) — греческий философ-платоник, учился у Аммония в Александрии, где потом преподавал аристотелевскую и платоновскую философию; Прокл — см. комм. 134.
- ¹⁷⁵ Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 220) — христианский философ и богослов. Ориген — см. комм. 133; Григорий Фавматург (Чудотворец) (ок. 213 — ок. 270) — ученый епископ, ученик Оригена, христианский писатель.
- ¹⁷⁶ Ittig Thomas. Bibliotheca patrum apostolicorum (graecolatina). Lipsiae, apud Richterum, MDCIC. 289, 431 p.
- ¹⁷⁷ Потамон из Александрии (II в.), известен тем, что ввел сам термин «эплектика».
- ¹⁷⁸ Пиррон (ок. 365–275 до н. э.) — древнегреческий философ из Элиды (Пелопоннес). Один из основателей античного скептицизма и автор понятия «акаталепсия» (осознание собственного незнания). Важнейшим источником для возможной реконструкции взглядов Пиррона традиционно полагаются «Пирроновы положения» Секста Эмпирика, в значительной степени основанные на записях ученика Пиррона — Тимона (320–230 до н. э.).
- ¹⁷⁹ «Анаксарх Абдерский. Он был слушателем Диогена Смирнского; тот — Метродора Хиосского, который говорил, что даже того не знает, что ни-

чего не знает; а Метродор слушал Несса Хиосского (а по утверждению некоторых — самого Демокрита), Анаксарх этот был дружен с Александром, а расцвет его приходится на 110-ю олимпиаду». Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 377–378.

- ¹⁸⁰ Секст Эмпирик (2-я пол. II в. н.э.) — греческий философ, последователь Пиррона, систематизатор идей античного скептицизма.
- ¹⁸¹ Ибн Рушд, Абу Ал-Валид Мухаммад Ибн Ахмад (лат. Аверроэс) (1126–1198) — арабоязычный философ-перипатетик; Ибн Сина, Абу Али (лат. Авиценна) (980–1037) — ученый-энциклопедист, врач, философ.
- ¹⁸² Абельяр (Abailard) Петр (ок. 1079–1142) — французский философ и теолог-схоласт; Петр Ломбардский (1095–1160) — средневековый богослов, епископ Парижский, известный как *Magister sententiarum* (учитель Сентенций, по названию его главного произведения); Александр Гальский (ок. 117–1245) — теолог и философ, родом из Англии, известный как *Doctor irrefragibilis* (Неопровержимый доктор); Альберт Великий (Albertus Magnus) (1193?–1280) — выдающийся немецкий теолог, философ и естествоиспытатель, удостоился звания *Doctor universalis* (Всеобъемлющий доктор); Фома Аквинский (Thomas Aquinas) (1225/1226–1274) — средневековый теолог и философ, один из крупнейших представителей схоластики XIII в., его называли *Doctor angelicus* (Ангелический доктор), был признан «учителем церкви»; Дунс Скот (Duns Scotus) (ок. 1266–1308) — шотландский средневековый теолог, после вступления в францисканский орден учился и преподавал в Оксфордском и Парижском университетах; Дурандус (Durandus) Вильгельм (?–332) — ученый-схоластик, доминиканец, прозванный современниками *Doctor resolutissimus* за умение разрешать самые трудные вопросы.
- ¹⁸³ Александр Гальский — см. комм 182.
- ¹⁸⁴ Ричард (Richard) из Сен-Виктора (1110–1173) — средневековый схоласт шотландского происхождения.
- ¹⁸⁵ Бонавентура (Bonaventura) (1221–1274) — кардинал, восьмой генерал ордена миноритов, учитель церкви, заслуживший почетные титулы *Doctor devotus* (Благочестивый учитель) и *Doctor seraphicus* (Серафический учитель).
- ¹⁸⁶ Валла (Valla) Лоренцо (1407–1457) — итальянский гуманист; Низолий (Nizzoli) Марио (1498–1566) — итальянский грамматик и философ, представитель номинализма; Барландус (Barlandus) Адриан (1488–1542) — философ-гуманист; Франциск Ассизский (Francesco d'Assisi) (ок. 1181–1226) — основатель ордена братьев-миноритов (францисканцев); Иоанн Петрици (Petrizi) (XII в.) — средневековый грузинский философ-неоплатоник.
- ¹⁸⁷ Раме (de la Ramée) Пьер де ла, Петр Рамус (Ramus) (1515–1572) — французский философ, математик, физик, богослов и философ; Гофман (Hofmann) Даниель (1538–1621) — немецкий философ и теолог.

- ¹⁸⁸ См. КОММ. 169.
- ¹⁸⁹ Nizzoli, Mario. *Marii Nizolii Anti-barbarus philosophicus, sive philosophia scholasticorum impugnata, libris IV. De veris principiis et vera ratione philosophandi contra pseudo-philosophos inscriptis...* Baron I A Boineburg ab editore G.G.L.L. ... Francofurti apud Hermannum a Sande, 1674.
- ¹⁹⁰ *Compendiosae institutiones artis oratoriae / Adrianus Barlandus. Coloniae : Gymnicus, 1548.*
- ¹⁹¹ Пико делла Мирандола (Pico della Mirandola) Джованни (1463–1494) — итальянский философ-гуманист и ученый.
- ¹⁹² Виссарион Никейский (Bessarion) (ок. 1403–1472) — византийский церковный деятель, гуманист; Фичино (Ficino) Марсилио (1433–1499) — итальянский гуманист и философ-неоплатоник, организатор Академии платоновской во Флоренции.
- ¹⁹³ Телезио (Telesio) Бернардино (1509–1588) — итальянский натурфилософ эпохи Возрождения.
- ¹⁹⁴ Луллий (Lullius) Раймунд (1235–1315) — богослов и философ, прославившийся своими исследованиями в области «искусства памяти»; Патрици (Patrizi, Patrizzi) Франческо (1529–1597), итальянский гуманист и философ-неоплатоник; Петр Рамус (Ramus) (1515–1572) — французский философ, математик, физик, богослов и философ; Кардано (Cardano) Джероламо (1501–1576) — итальянский врач и математик; Кампанелла (Campanella) Томмазо (1568–1639) — итальянский философ и поэт, создатель утопии.
- ¹⁹⁵ *Nova de universis Pilosophia libris L comprehensa : In qua Aristotelica methodo non per motum, sed per lucem, & lumina ad primam causam ascenditur / Franciscus Patritius. Venetijs : Meiettus, 1593.*
- ¹⁹⁶ Thuanus (Thou Sacque de). *Historiarum sui temporis vol. 1–7. Londini, apud Buckley, MDCCXXXIII. 4768 pag. var. Fol.*
- ¹⁹⁷ См. прим 169.
- ¹⁹⁸ Hieronymi Cardani *De propria Vita liber. ... Parisiis : Villery, 1643.*
- ¹⁹⁹ Гимнософисты — «нагие мудрецы», индусские философы, аскеты, ходили нагими и предавались созерцанию природы.
- ²⁰⁰ Антлия — насос.
- ²⁰¹ Гарвей (Harvey) Уильям (1578–1657) — английский естествоиспытатель и врач, известен своими открытиями в области кровообращения и эмбриологии; Азели (Aselli) Гаспар (1581–1626) — итальянский ученый, впервые сообщил о лимфатических сосудах и их связи с кровеносными; Дребель (Drebbel) Корнелис Якобзон (1572–1633) — голландский ученый и изобретатель; Левенгук (Leeuwenhoek) Антони ван (1632–1723) — голландский натуралист, основоположник научной микроскопии; Гук (Hooke) Роберт (1635–1703) — английский естествоиспытатель, член Лондонского королевского общества; Борелл (Borel) Петр (1620–1689) — французский естествоиспытатель, химик и медик; Гали-

- лей (Galilei) Галилео (1564–1642) — итальянский физик, механик и астроном, один из основателей естествознания Нового времени; Кассини (Cassini) Джованни Доменико (Жан Доминик) (1625–1712) — французский астроном итальянского происхождения; Гюйгенс (Huygens) Христиан (1629–1695) — голландский механик, физик и математик, создатель волновой теории света, открыл спутник планеты Сатурн (Титан), определил период его обращения и установил, что Сатурн окружен тонким кольцом; Чирнгауз (Tschirnhaus) Эренфрид-Вальтер (1651–1708) — немецкий математик, физик и философ; Торричелли (Torricelli) Эванджелиста (1608–1647) — итальянский математик и физик; Герике (Guericke) Отто (1602–1686) — немецкий естествоиспытатель; Бойль (Boyle) Роберт (1627–1691) — британский химик, физик и теолог.
- ²⁰² Вероятно, Теплов имеет в виду Сервета (Servet) Мигель (1509 или 1511–1553), испанского мыслителя, врача и ученого, высказавшего идею о наличии легочного круга кровообращения; Цезальпино (Cesalpino) Андре (1519–1603) — итальянский философ и медик.
- ²⁰³ Марий (Marius, Mayer) Симон (1573–1624) — немецкий астроном; Аллацци (Allacci) Лев (1586–1669) — церковный писатель; Магнус (Magnus, Magni) Валерий (1586–1661) — итальянский теолог, дипломат; Фладд (Fludd) Роберт (1574–1637) — английский герметический писатель и медик; Архимед (ок. 287–212 до н. э.) — величайший древнегреческий математик и механик; Прокл — см. комм. 134; Порта (Porta) Джамбатиста (1535?–1615) — итальянский естествоиспытатель и ученый-оптик.
- ²⁰⁴ Бэкон (Bacon) Френсис (1561–1626) — английский государственный деятель, философ и ученый.
- ²⁰⁵ Лейбниц — см. комм. 22; Ньютон (Newton) Исаак (1643–1727) — английский физик и математик, создавший теоретические основы механики и астрономии, открывший закон всемирного тяготения, разработавший (наряду с Г. Лейбницем) дифференциальное и интегральное исчисление.
- ²⁰⁶ Декарт (Descartes) Рене (латинизированное имя — Картезий (Cartesius)) (1596–1650) — французский философ и математик.
- ²⁰⁷ Руа де (De Roy) Гендрик (латинизированное имя Henricus Regius, был известен во Франции как Henri Le Roy) (1598–1678) — голландский философ и медик; Липсторф (Lipstorp) Даниель (1631–1684) — немецкий ученый и философ; Геерборд (Heereboord) Адриан (1614–1659) — голландский философ-картезианец; Клауберг (Clauberg) Иоганн (1622–1665) — немецкий философ-картезианец; Легран (Le Grand) Антуан (1629–1699) — философ-картезианец и теолог, сыгравший важную роль в распространении картезианства в Англии; Ла Форж (La Forge) Луи де (1661–1677) — французский медик и философ.
- ²⁰⁸ Кокцей (Coccejus) Иоганн Генрих (варианты имени: Jan Cock, Jean Koch) (1603–1669) — голландский теолог и философ.

- ²⁰⁹ Виттиус (Wittichius) Христофор (1739–?) — профессор философии в Лейдене, философ-картезианец.
- ²¹⁰ См. комм. 169.
- ²¹¹ См. комм. 207.
- ²¹² Парацельс (Paracelsus — «более великий, чем Цельс») Ауреол Теофраст (наст. имя — Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Хохенхейм [Hohenheim]) (1493–1541) — швейцарский философ, естествоиспытатель и врач.
- ²¹³ Гроций (Grotius) Гуго (1583–1645) — голландский философ, юрист, основатель современного международного права, автор знаменитого трактата «О праве войны и мира» (*De Jure Belli ac Pacis*, 1625); Гоббс — см. комм. 13; Пуфендорф (Pufendorf) Самуил (1632–1694) — немецкий юрист, философ и историк.
- ²¹⁴ Конрингиус (Conringius, Conring) Герман (1606–1681) — теолог, правовед, медик, профессор в Гельмштадте.
- ²¹⁵ Беклер (Beckler) Петер (2-я пол. XVIII в.) — юрист и историк.
- ²¹⁶ См. комм. 82. Гейнций Иоганн Готтлиб (1681–1741) — имеется в виду его сочинение *Heineccius Johann Gottlieb. Elementa philosophiae rationalis et moralis ... Accessere historia philosophica... Amstelodami, apud Vesbergium, MDCCXXX*.
- ²¹⁷ Фузея — широкоствольное ружье, мушкет.
- ²¹⁸ Вторая книга, которую Теллов хотел посвятить логическим проблемам, не была напечатана.

Наставление сыну

Впервые опубликовано в 1760 г., вторым изданием в 1768 г. Частично перепечатано в сб. Тао-Те-Кинг, или писание о нравственности. — М.: Знание, 1990; Тао-Те-Кинг, или писание о нравственности. — М.: Знание, 1991. Публикуется по изданию 1768 г.

Сочинение представляет собой нравственные рекомендации четырнадцатилетнему сыну.

²¹⁹ Чивость — щедрость, тороватость.

²²⁰ Чивым. См. комм. 219.

²²¹ Афоризм принадлежит Луцию Аннею Сенеке (Младшему) (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) — римскому государственному деятелю, стоическому философу и писателю. Сенека был в эпоху Просвещения одним из авторитетных аворов в вопросах морали.

Ф. И. Дмитриев-Мамонов

Федор Иванович Дмитриев-Мамонов (1727–1805) принадлежал старинному роду князей Смоленских (26-е колено от Рюрика). Получил начальное домашнее образование. В 1737 г. был записан в Артиллерийскую школу, в

1739 г. — зачислен в Семеновский полк, продолжил службу в Нарвском пехотном полку. В 1770-е гг. вышел в отставку. Проявлял некоторые странности в поведении, что послужило причиной расследования, произведенного Юстиц-коллегией, вызванного жалобой его жены. В 1778 г. возникло дело о «повреждении в уме» Дмитриева-Мамонова, признаками которого были «расточение имения», а также «жестокости и мучительства» над крепостными. В результате расследования он был признан «человеком вне здравого рассудка», а его имения отданы под опеку.

Проявлял интерес к истории, космологии, собирал в своем доме предметы старины и рукописи. Издал гравюры с медалей, хранившихся в его коллекции в альбоме «Слава России, или Собрание медалей дел Петра Великого...» (М., 1770; 2-е изд. М., 1783). Анонимно выпустил перевод книги Ж. Лафонтена «Любовь Псиши и Купидона» (Любовь Псиши и Купидона / Сочиненная г. де ла Фонтеном; Переведена с французского [Ф. И. Дмитриевым-Мамоновым]. — [М.]: Печ. При Имп. Моск. ун-те, 1769), отмечая в предисловии: «Я великую охоту имею сочинять и писать, но не желаю слыть ни стихотворцем, ни писателем, ни переводчиком <...> не для того, чтобы я не почитал оные свойства весьма славными, всем пылающим разумом, но для того, что я родился нетщеславным». Кроме того, он является автором книги «Правила, по которым всякой офицер следуя, военную службу с полным удовольствием продолжать может. [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1771. (2-е издание 1788), ряда стихотворных и исторических сочинений (Поэма Любовь / С[очинителя] А[ллегории] Дворянина философа. — [М.]: Печ. При Имп. Моск. ун-те, 1771; Эпистола от генерала к его подчиненным, или Генерал в поле со своим войском / Изданная сочинителем Аллегории Дворянина философа. — [М.]: Печ. При Имп. Моск. ун-те, 1770; Хронология / Переведенная тщанием сочинителя Философа дворянина; Из науки, которую сочинил г. де Шевиньи, дополнил г. де Лимиер для учения придворным, военным и статским знатым особам; С прибавлением к тому Китайской хронологии, подражая Лексикону г. Морери, и Российской истории г. Ломоносова, начальным семью книгам г. Эмина и Несторовой летописи. — М.: Изданием Н. Новикова и Компании: Унив. Тип. у Н. Новикова, 1782).

Исследователи отмечают также редкое, не отмеченное в Сводном каталоге «Русская книга гражданской печати XVIII в., 1708–1800» издание «Система Федора Иоанновича Дмитриева-Мамонова Дворянина-философа <...> изданная в 1779 году в Баранове» (1779) (Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. — М.-Л., 1947. — С. 334–342). Гравюра, приложенная к изданию, представляла системы Птолемея, Тихо Браге, Декарта, Коперника и собственную систему Дмитриева-Мамонова (Земля то приближается, то удаляется от Солнца, отчего возникают ветры и происходит смена времен года).

Дмитриев-Мамонов воплощал в себе тип «русского вольтерьянца». Его эксцентричное поведение, космологические теории, переводы с француз-

ского, поэтическое творчество, сатирическое изображение современности, антиклерикализм вполне вписывалось в тип «просвещенного чудака», или «философа». Наиболее ярко это реализовалось в его критической утопии «Дворянин-философ Аллегория» (1769), написанной под влиянием вольтеровского «Микромегаса» и «Путешествия Гулливера» Д. Свифта. Здесь же мы видим образы и из другого популярного сочинения эпохи Просвещения, а именно из «Разговоров о множестве миров» Б. Б. Фонтенеля, сочинения которого были хорошо известны в России (Фонтенель Бернар Ле Бовье де (1657–1757). Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла Парижской академии наук секретаря / С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. — СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1740 (2-е изд., 1761).

Название этого сочинения стало впоследствии псевдонимом Дмитриева-Мамонова и своеобразным «эпиграфом» его жизни. Всю жизнь он ощущал «великую охоту сочинять» и «охоту философствовать», которую реализовал в переводах, стихах, исторических, педагогических и философских трудах. Классическое вольтерьянство не помешало духовным исканиям Дмитриева-Мамонова. Ему принадлежит неопубликованное переложение Псалтыри «Седьм кафизм псалтирь преложенная на оды, сочинения дворянина-философа» (М., 1777 // Рук. Отд. РНБ. F XIV, 4). Рукопись Дмитриева-Мамонова как бы противопоставлена его светским сочинениям. Если в них он философ, пытающийся постичь природу мироздания рациональными методами, то мир образов и метафор необходим ему, чтобы постичь его мистические смыслы:

Не день ли каждый солнце светит,
И озаряет небеса?
Не мы ли зрим те чудеса:
Как ночь в звездах путь солнца метит?
Не разум ли то все гласит?
И кто другой так сотворит...

Для славы Бога солнце светит;
Да дивный множится глагол;
Во славе всей чтоб оный шел.
Кто в свете сем кого не встретит
Тот час есть день речей предмет;
И слава так летит в весь свет. (Там же. С. 99).

Рукопись Дмитриева-Мамонова имеет специфическое аллегорико-орфографическое и лексическое оформление. Она снабжена цветными иллю-

страциями, заставками и «узлами». В начале изображен царь Давид, играющий на арфе и танцующий, окруженный символами света и Святого Духа.

Тогда Господь зрит все планеты,
 Вокруг себя во всех концах
 Грядущия в своих лицах:
 Не так как звезды: но как светы;
 Минует их, кончает ход;
 И уж гредет земли в наш свод. (Там же. С. 88).

Космология превращается в «метафизику света». Каждая кафизма дана в обрамлении аллегорических изображений херувимов, горящих факелов, лебедей, звезд, знаков зодиака, масличных ветвей и т. д. Слово «псалом» написано с использованием буквы «пси», что вместе с широким использованием славянизмов включает текст в церковно-славянскую традицию. Если в своих «светских» сочинениях Дмитриев-Мамонов ориентируется на «европейскую» лексическую традицию, то его поэтические тексты изобилуют славянизмами, выполняющими в его стихах роль поэтических метафор, обозначая границы рационального и иррационального постижения Абсолюта.

Дворянин философ: Аллегория

Впервые опубликовано: Дмитриев-Мамонов Федор Иванович (1727–1805). *Дворянин философ: Аллегория*. Смоленск: Тип. Приказа общественного призрения, 1796. Перепечатано: Дмитриев-Мамонов Ф. И. *Дворянин-философ / Публ. и вступит. ст. Л. Б. Светлова // Вопросы истории религии и атеизма*. — М., 1956. — Вып. 4. — С. 394–412. Публикация осуществлена по этому изданию.

В сочинении Дмитриев-Мамонов показывает модель Солнечной системы, населенной разнообразными существами. Священнослужители всех родов, изображенные в аллегории в виде черных муравьев, объявляются Дмитриевым-Мамоновым обманщиками, пользующимися доверчивостью и невежеством народа, чтобы запугивать его и беззастенчиво обирать. Муравьи-поработители утверждают, что все в мире создано лишь для того, чтобы муравьям-работникам удобнее было отдавать им часть своего имения и оказывать всяческие почести. Попытки муравья «дикого цвету» раскрыть ложь и лицемерие священнослужителей терпят провал, так как его собратья недовольны тем, что он отнял у них надежду.

²²² Коперник — см. комм. 110. В России XVIII в. изучение системы Коперника входило в систему естественнонаучного образования, хотя это и встречало определенное сопротивление в реакционных кругах. Так, наследник престола, великий князь Павел Петрович получал образование по учебнику, третья глава которого «О небе и о телах небесных» была

написана в соответствии с последними достижениями астрономии (Краткое понятие о физике для употребления его императорского высочества благоверного государя великого князя Павла Петровича. СПб., 1760), несколько позже это знание стало достоянием народных училищ (см., например, Головин М. Е. Краткое руководство к математической географии и к познанию небесного шара. СПб., 1784). Свообразным «апофеозом» выступления против коперниковой системы явилось анонимное сочинение «Разрушение коперниковой системы» (М., 1815), которое в начале XIX в. стало уже анахронизмом.

²²³ Гелиогабал (204–222) — римский император в 218–222 гг. Прославился чрезмерной невоздержанностью, мотовством и развратом.

²²⁴ Скнипы — в русском переводе Библии переводятся как вши, комары, мошки.

²²⁵ Ср.: 15 Только дал бы мне Бог говорить по разумению и достойно мыслить о дарованном, ибо Он есть руководитель к мудрости и исправитель мудрых.

16 Ибо в руке Его и мы и слова наши, и всякое разумение и искусство делания.

17 Сам Он даровал мне неложное познание существующего, чтобы познать устройство мира и действие стихий,

18 начало, конец и средину времен, смены поворотов и перемены времен,

19 круги годов и положение звезд,

20 природу животных и свойства зверей, стремления ветров и мысли людей, различия растений и силы корней.

21 Познал я все, и сокровенное и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего.

22 Она есть дух разумный, святой, однородный, многочастный, тонкий, удобоподвижный, светлый, чистый, ясный, невредительный, благолюбивый, скорый, неударжимый,

23 благодетельный, человеколюбивый, твердый, непоколебимый, спокойный, беспечальный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие души.

24 Ибо премудрость подвижнее всякого движения, и по чистоте своей сквозь все проходит и проникает.

25 Она есть дыхание силы Божией и чистое изливание славы Вседержителя: посему ничто оскверненное не войдет в нее.

26 Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благодати Его.

27 Она — одна, но может все, и, пребывая в самой себе, все обновляет, и, переходя из рода в род в святые души, приготовляет друзей Божиих и пророков;

28 ибо Бог никого не любит, кроме живущего с премудростью.

- 29 Она прекраснее солнца и превосходнее сонма звезд; в сравнении со светом она выше;
- 30 ибо свет сменяется ночью, а премудрости не превозмогает злоба. (Прем.Сол.7:15–30).
- 226 Антоний Римлянин (1067–1147) — монах, основатель и первый игумен Антониева монастыря в Новгороде (1106). Канонизирован Русской Православной церковью.
- 227 Иоанн (в миру Илья) (?–1186) — архиепископ Новгородский, автор поучений, был священником церкви св. Василия в Новгороде. 28 марта 1165 г. был поставлен новгородским епископом (с 1167 архиепископом). Легенды говорят о том, как по его молитве совершилось чудо от иконы Богородицы во время осады Новгорода суздальцами в 1170 г. и о путешествии Иоанна на бес в Иерусалим (см. Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. — Л., 1973. — С. 95–185).
- 228 Иоанн Богослов — апостол и евангелист. Откровение о будущих судьбах церкви и мира изложено им в «Апокалипсисе».
- 229 См. «Премудрость построила себе дом, выпесала семь столбов его» (Прит:9:1).
- 230 Вертекс — точка небесной сферы, к которой преимущественно направлены собственные движения звезд.
- 231 Ср. у Вольтера: «Когда приходит время отдать тело стихиям и возродить природу в другой форме, иными словами — умереть, когда наступает этот час превращения, уже решительно все равно, жили вы вечность или всего один день» (Вольтер. Микромегас // Орлеанская девственница. Философские повести. — М., 1971. — С. 395).

С. Е. Десницкий

Семен Ефимович Десницкий (ок. 1740–1789). Первоначальное образование получил в Троицкой духовной семинарии, с 1759 г. обучался в гимназии при Московском университете, затем стал студентом университета. В 1761 г. вместе с И. А. Третьяковым был отправлен в Англию, где изучал в университете Глазго математику, медицину и юриспруденцию. Оба они были учениками А. Смита, слушали его лекции по этике, риторике и праву. Именно право и стало объектом их докторских диссертаций. В 1765 г. Десницкий получил звание магистра, а в 1767 г. был удостоен степени доктора гражданского и церковного права.

После завершения образования они работали правоведами в России. Особенного успеха достиг Десницкий, заслуживший красноречивый эпитет «отца российского правоведения». В 1768 г., вернувшись из Глазго, он составил «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», которое посвятил Екатерине II. Работа Десницкого прямо или косвенно повлияла на второе приложение к «Наказу» Екатерины II. Роль Десницкого в распространении идей А. Смита в России

была достаточно велика. Не исключено даже, что именно его конспект лекций послужил базой для издания «Богатства народов» на английском языке.

С 1768 по 1787 г. Десницкий был профессором юриспруденции; кроме того, он занимался переводами и преподавал английский язык. Правовая и социально-философская концепция Десницкого отражена в его риторико-теоретических сочинениях, опубликованных в XVIII в. и неоднократно переиздававшихся позже. Всего им было произнесено в период с 1768 по 1781 г. восемь речей, в которых он анализировал как исторические типы права, так и социально-экономическую историю общества. Он отмечал четыре «состояния», которые прошло человечества: «первоначальное» (охота и собирательство); «пастушеское», или «скотоводческое»; «хлебопашественное» и «коммерческое». Этим стадиям соответствуют различные формы социальных структур общества — собственность, брак, сословное деление общества и различные религиозные и юридические представления. Вслед за А. Смитом он считал, что основой собственности является труд. В 1783 г. Десницкий стал членом Российской Академии, анализировал памятники древнерусской юридической мысли.

Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. В публичном собрании Императорского Московского университета бывшем для всерадостного дня возшествия на всероссийский престол ЕЯ Императорского величества, Всепресветлейшия Державнейшия Великия государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Самодержицы Всероссийския

Впервые напечатано в Типографии Московского университета в 1768 г. Перепечатано в сборнике «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века» / Под ред. И. Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952 с небольшими сокращениями. Печатается по изданию 1768 г.

Десницкий обстоятельно анализирует происхождение государственной власти. Для этого он обращается как к социальной, так и интеллектуальной истории. Он изучает классиков политической и правовой мысли, обращает внимание на несистематизированный характер российского права.

²³² Гемисфера — полушарие.

²³³ Ганнибал (247 — ок. 182 до н. э.) — карфагенский военачальник и государственный деятель, главнокомандующий карфагенской армии во 2-й Пунической войне (218–201 до н. э.), которую Карфаген вел против Рима, величайший полководец античности.

²³⁴ Сципионы — римское семейство из рода Корнелиев, представители которого были известными полководцами. Братья Публий Корнелий Сципион и Гней Корнелий Сципион участвовали во 2-й Пунической войне,

оба полководца погибли в боях. Наибольшую известность получили Сципион Африканский (ок. 234–183 до н. э.), известный как Сципион Старший, и Сципион Эмилиан Африканский (185–129 до н. э.), или Сципион Младший.

²³⁵ См.: Надпись 5:

Гремящие по всем концам земным победы,
И россов чрез весь свет торжествовавших следы,
Собрание наук, исправленны суды,
Пременное в реках течение воды,
Покрытый флотом понт, среди волн грады новы
И прочие дела увидев смерть Петровы
Рекла: «Сей человек предел мой нарушил
И доле в мире сем Мафусаила жил».
Так лета по делам считая, возгласила
И в гроб великого сего героя скрыла.
Но образом его красуется сей град.
Взирая на него, Перс, Турок, Гот, Сармат
Величеству лица геройского чудится
И мертвого в меди бесчувственной страшится.

(М. В. Ломоносов. Избранные произведения. — Л.: Советский писатель, 1986. — С. 208).

²³⁶ Минерва — так называли Екатерину II в контексте официально-государственной мифологии.

²³⁷ Десницкий имеет в виду прежде всего сочинение А. Фергюсона *Reflections Previous to the Establishment of a Militia* (London: R. & J. Dodsley, 1756).

²³⁸ Аттила (?–453) — завоеватель, вождь гуннов в 434–453 гг.; Чингисхан (1155 или 1162–1227) — полководец и создатель первого объединенного монгольского государства; Тамерлан (1336–1405) — среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир.

²³⁹ Полное название сочинение Вольтера *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand* — «Российская империя во время правления Петра Великого». *The Asiatic League* — правильно: *The Hanseatic League* (Ганзейский союз) — купеческий союз немецких городов XIII–XVII вв. Десницкий ссылается на книгу *The British merchant: a collection of papers relating to the trade and commerce of Great Britain and Ireland*. First published by Mr. Charles King, from the originals of Sir Theodore Janssen, Bart. Sir Charles Cooke, Henry Martin, Esq. The second edition. London, 1743.

²⁴⁰ *Conf Ciceronis epistolam ad Marcum Catonem*. Цицерон «Похвальное слово Катону».

²⁴¹ Публий Вергилий Марон (*Vergilius*) (70–19 до н. э.) — величайший поэт Древнего Рима, автор «Энеиды», эпоса, воспевающего легендарное происхождение римского народа, а также поэм «Буколики», «Георгики»; Ти-

- булл (Tibullus) Альбий (ок. 50–19 до н. э.) — римский поэт, один из выдающихся мастеров любовной элегии; Проперций (Propertius) Секст (ок. 50 до н. э. — между 15 и 2 до н. э.) — римский элегический поэт; Публий Овидий (Ovidius) Назон (43 до н. э. — 17 или 18 н.э.) — римский поэт, оказавший сильнейшее воздействие на европейскую литературу, автор знаменитой поэмы «Метаморфозы»; Квинт Гораций Флакк (Horatius) (65–8 до н. э.) — римский поэт, один из наиболее прославленных авторов в мировой литературе; Ливий Андроник Луций (Livius) (ок. 284 — ок. 204 до н. э.) — автор эпических, драматических и лирических произведений, написанных на латинском языке.
- ²⁴² Законы Двенадцати таблиц (Leges duodecim tabularum) — один из древнейших сводов римского обычного права (V в. до н. э.) на 12 досках-таблицах. Текст Законов двенадцати таблиц не сохранился и реконструируется на основе упоминаний и ссылок, содержащихся в сочинениях римских писателей и юристов.
- ²⁴³ Самоед — устаревшее название народов, говорящих на самодийских языках (группа языков, входящих в уральскую языковую семью) — ненцев, энцев, нганасан и др.
- ²⁴⁴ Шарлевуа (Charlevoix) Пьер Франсуа Ксавье (1682–1761) — французский историк и путешественник. Автор первого систематического изложения истории Французской Канады (Histoire et description générale de la Nouvelle-France, 1744).
- ²⁴⁵ Имеется в виду «Описание Земли Камчатки» / Сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1755, предисловие к которому было написано Г. Ф. Миллером.
- ²⁴⁶ Secrétaire d'état (фр.), Secretary of the state (англ.) — государственный секретарь или министр.
- ²⁴⁷ Смотри L. II § i C de veter jur enucleando.
- ²⁴⁸ Iustitia, prudentia, fortitudo, temperantia (истина, премудрость, великодушные и воздержание), которые в сей науке доказываются главными (virtutes cardinales) и от которых любители древности выводят и других премножество производных добродетелей (derivativas virtutes),
- ²⁴⁹ Seu ut aliis absurdus est, cauteatam — ручаюсь, что все это абсурд (лат.).
- ²⁵⁰ Speculative philosophy — спекулятивная философия (англ.).
- ²⁵¹ Речь идет о сочинении Д. Юма «О человеческой природе» (A Treatise of Human Nature) и А. Смита «Теория нравственных чувств» (The Theory of Moral Sentiments).
- ²⁵² Гоббс — смм. комм. 13; Камберлен (Cumberland) Ричард (1631–1718) — английский философ, епископ, автор De Legibus Naturae (1672); Мандевиль (Mandeville) Бернард (1670–1733) — английский писатель, автор сатиры «Басня о пчелах, или Частные пороки — общая выгода» (The Fable of the Bees: or, Private Vices, Public Benefits); Локк — см. комм. 12; Беркли (Berkeley)

- Джордж (1685–1753) — английский теолог и философ; Болингброк (Bolingbroke) Генри Сент-Джон (1678–1751) — английский публицист, оратор, автор философских сочинений; Сидней (Sidney) Филипп (1554–1586) — английский поэт, теоретик литературы и искусства; Гаррингтон (Харрингтон) (Harington) Джеймс (1611–1677) — английский политический философ, автор утопии «Республика Океана» (*The Commonwealth of Oceana* (1656)); Хатчесон (Hutcheson) Френсис (1694–1746) — шотландский философ, один из мыслителей, чья деятельность сформировала облик эпохи Просвещения в Шотландии; Юм (Hume) Дэвид (1711–1776) — шотландский историк, философ и публицист, общественный деятель; Смит (Smith) Адам (1723–1790) — шотландский экономист и философ, основатель классической школы политической экономии.
- ²⁵³ Карл I (Charles I) (1600–1649), король Англии, Шотландии и Ирландии из династии Стюартов. Был приговорен к смерти судом, состоящим из 150 членов парламента.
- ²⁵⁴ Кромвель (Cromwell) Оливер (1599–1658) — английский государственный деятель и военачальник, вождь английской революции.
- ²⁵⁵ Pro et contra — за и против (лат.).
- ²⁵⁶ Пуфендорф — см. комм. 213, автор трактата *De Officio Hominis Et Civis*. Уже в начале XVIII в. был сделан перевод на русский язык под названием «О должности человека и гражданина по закону естественному: Книги две / Сочиненныя Самуилом Пуфендорфом; Ныне же на российский с латинскаго переведенныя, повелением благочестивейшия великия государыни Екатерины Алексиевны, императрицы и самодержицы всероссийския, благословением же Святейшаго правительствующаго всероссийскаго синода; [Перевод И. Кречетовского]. — [СПб.]: Санктпетерб. тип., 1726).
- ²⁵⁷ Речь идет о сочинении немецкого историка и правоведа Августина фон Бальгазара (Balthasar) (1701–1786) *Rede von den Vorzügen unsrer Zeiten in Ansehung des verbesserten Zustandes der Wissenschaften, insbesondere des Studii historiae et juris patrii*, Greifswald 1742.
- ²⁵⁸ Nullus clericus, nisi causidicus — нет священника, который не был бы законником (лат.).
- ²⁵⁹ Папа Иннокентий IV (Innocentius IV), в миру — Синибальдо Фиески (Fieschi) (ок. 1195–1254) — папа римский с 1243 г.
- ²⁶⁰ Стефан Блуасский (Stephen of Blois) (ок. 1097–1154) — английский король с 1135 г.
- ²⁶¹ Речь идет о сочинении английского ученого и юриста Вильяма Блекстона (Blackstone) (1723–1780). Десницкий перевел том I его *Commentaries on the laws of England: Истолкования аглинских законов г. Блэкстона / Переведенныя по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской; С подлинника аглинскаго [Перевел С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева]. — [М.]: Унив. тип., у Н. Новикова, 1780–1782. Бю-*

шинг (Busching) Антон Фридрих (1724–1793) — ученый и географ. Десницкий имеет в виду его книгу: Руководство к основательному и полезному познанию географического и политического состояния европейских государств и республик / Переведено с немецкого Алексеем Разумовым. — СПб.: При Имп. Акад. наук, 1763.

²⁶² Quo warranto — поручительство, гарантия (лат.);

Sur concessit — уступка, примирение (лат.);

Sur cognizance — подсудность, компетенция (лат.);

De droit tantum — особое право (лат.);

Sur grand and tender — о доказательствах и выводах (лат.);

Preamunire — предупреждение (лат.);

Mittimus — приказ о заключении в тюрьму (лат.);

Habeas corpus — закон о личной свободе (лат.);

Distringas corpus — приказ об описи имущества за долги (лат.);

Carías — ордер на арест (лат.).

²⁶³ Докторы iuris — доктора права.

²⁶⁴ 1 Был некто из сынов Вениамина, имя его Кис, сын Авиила, сына Церона, сына Бехорафа, сына Афия, сына некоего Вениамитянина, человек знатный.

2 У него был сын, имя его Саул, молодой и красивый; и не было никого из Израильтян красивее его; он от плеч своих был выше всего народа. (1Цар.9:1,2).

²⁶⁵ 23 И побежали и взяли его оттуда, и он стал среди народа и был от плеч своих выше всего народа.

24 И сказал Самуил всему народу: видите ли, кого избрал Господь? подобного ему нет во всем народе. Тогда весь народ воскликнул и сказал: да живет царь! (1Цар.10:23,24).

²⁶⁶ Per emancipationem — формальное освобождение сына из-под отцовской власти (лат.).

²⁶⁷ См. § 1 Установления о правах владения приобретенным имуществом.

²⁶⁸ См. § 7 Установления о наказаниях за провинности.

²⁶⁹ Peculium castrense (лат.) — имущество, приобретенное на военной службе.

²⁷⁰ Константин Великий (Флавий Валерий Константин) (ок. 285–337) — римский император (с 306). С его именем связан поворот императорской власти к признанию христианства.

²⁷¹ Аркадий (377–408) — император Восточной Римской империи, старший сын императора Феодосия I; Флавий Гонорий Август (384–423) — первый западно-римский император после окончательного разделения империи на Западную и Восточную, сын императора Феодосия I.

²⁷² Юстиниан (482 или 483–565) — император Византии (Восточной Римской империи) с 527 по 565 г. При нем была произведена знаменитая кодификация римского права.

- ²⁷³ Диоклетиан (ок. 245 — между 313 и 316) — римский император, придавший окончательную форму доминату, системе управления в период поздней Римской империи, когда император стал в полном смысле властителем, или господином (*dominus*).
- ²⁷⁴ Траян Марк Ульпий (53–117 н.э.) — римский император. Перед смертью он усыновил и сделал своим преемником Публия Элия Адриана (76–138 н.э.).
- ²⁷⁵ Север Луций Септимий (146–211) — римский император.
- ²⁷⁶ Leg. 3. Cod. de patria potestate — Закон 3 Кодекса об отцовской власти.
- ²⁷⁷ Leg. I. Cod. de his, qui parentes vel liberos occiderunt) — Закон 1 Кодекса о тех, кто убивал родителей или детей.
- ²⁷⁸ Leg. ult. cod. de patria potestate — Закон последний Кодекса об отцовской власти.
- ²⁷⁹ Обавание — ворожба, колдовство.
- ²⁸⁰ Журнал «Спектатор» (англ. *Spectator*) — популярный в России английский журнал.
- ²⁸¹ *Caesaris Comment, de bello Gallico, lib. 6*) — Сочинение Цезаря, Записки о галльской войне, кн. 6.
- ²⁸² Johann Gottlieb Heineccius *Elementa juris Germanici*. Halle, 1735. Гейнекций, (Heineccins, собств. Heinecke) Иоганн-Готлиб (1681–1741), немецкий юрист.
- ²⁸³ Prévost, Antoine-François *Histoire Générale des Voyages, ou Nouvelle Collection de Toutes les Relations de Voyages par Mer et par Terre ... Paris 1746–89. tom. 9, page 2.*
- ²⁸⁴ И сказал Рувим отцу своему, говоря: убей двух моих сыновей, если я не приведу его к тебе; отдай его на мои руки; я возвращу его тебе (Быт.42:37).
- ²⁸⁵ Если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его (Втор.21:18).
- ²⁸⁶ Если кто продаст дочь свою в рабыни, то она не может выйти, как выйдут рабы (Исх. 21:7).
- ²⁸⁷ Sigonius, *De antiquitatibus juris civilis Romani, lib. I, cap. 10* — Сигоний, Древнеримские гражданские законы, кн. 1, гл. 10.
- ²⁸⁸ *Inter patrem et filium nulla actio* (L. 4. D. de iudiciis) — между отцом и сыном не должно быть никаких тяжб (лат.), Закон 4 Декрета о судопроизводстве.
- ²⁸⁹ См. Aristot. *Ethic, lib. 6, cap. 10* — Аристотель, Этика, кн. 6, гл. 10.
- ²⁹⁰ Вероятно, имеется в виду Louis Daniel le Comte *Nouveaux me'moires sur l'etat present de la Chine*. Paris, 1696.

Н. И. Новиков

Николай Иванович Новиков (1744–1818). Родился в дворянской семье. Учился грамоте у сельского дьячка. В 1756 г. был зачислен в Университетскую гимназию, но не окончил ее. В 1762 г. поступил на военную службу, в

1767 г. работал в Комиссии нового Уложения. С 1769 г. Новиков полностью отдается книгоиздательским и журнальным делам.

Издательский дом Новикова сыграл значительную роль в формировании идеологии российского Просвещения. Было выпущено около десяти с половиной сотен названий книг, в полтора раза больше, чем издано за всю первую четверть XVIII в. Новиков популяризовал произведения отечественной и западной литературы, науки и философии, публиковал источники по русской истории, издавал журналы (в том числе первый детский журнал в России «Детское чтение для вкуса и разума», а также первый в России журнал мод «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета»). Им был осуществлен масштабный проект исторических публикаций «Древняя российская вивлиофика», а также реализован ряд филантропических мероприятий, в частности посредством «Дружеского ученого общества».

Просветительская деятельность Новикова была неотделима от его масонской активности. В российском масонстве XVIII в. мы видим сетевой срез, позволяющий анализировать систему интеллектуальной коммуникации в России. Именно в той среде распространялись идеи неоплатонизма, герметической философии и мистицизма, с одной стороны, а с другой — социального утопизма.

Трудно сказать, масонство ли определило философские размышления Новикова, или наоборот, он обратился к масонству как к возможному каналу реализации своих морально-педагогических и философско-просветительских программ. Вероятно, это происходило одновременно, и масонство дало Новикову социальное и теоретическое обоснование значимости его трудов и правильности мировоззренческих ориентаций. Своими теоретическими изысканиями, издательской и филантропической деятельностью Новиков стремился к формированию «нового человека». Однако Екатерина II стремилась прекратить неконтролируемую деятельность тайных масонских обществ, опасаясь возможного их влияния на Павла Петровича и подготовки нового дворцового заговора. В 1784 г. Екатерина II приказала прекратить дальнейшую публикацию статьи «История ордена иезуитов» в газете «Московские ведомости», издававшейся Новиковым. С этого момента его издательская деятельность стала объектом постоянных нападков и проверок, дошедших до того, что митрополит Платон должен был испытать, христианин ли он. Платон писал Екатерине: «...молю всецедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и тобою, Всемилостивейшая Государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, каков Новиков» (Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. — М., 1857. — С. 262). Однако эта высокая оценка архипастырем душевных и нравственных качеств мыслителя уже не могла спасти Новикова. Он был обвинен в преступлениях против православия и государства. Указом от 1 августа 1792 г. императрица повелела заточить Новикова в Шлиссельбургскую крепость на пятнадцать лет, откуда он вышел только в 1796 г. после воцарения Павла I.

О достоинстве человека в отношениях к Богу и миру

Впервые напечатана в первой части журнала «Утренний свет» за 1777 год. Перепечатана в книге: Новиков Н. И. Избранные сочинения; Под ред. Г. П. Макогоненко. — М.-Л., 1951. Публикуется по данному изданию.

В данной работе Новиков рассматривает нравственную и интеллектуальную природу человека. Он задается вопросом о смысле человеческого существования и видит ее в возможности рефлексии и рассуждении о смыслах Божественного творения. Человек создан Богом для того, чтобы «мир себе представлять, об оном размышлять и рассуждать», — пишет он. Статья содержит внутреннюю полемику с книгой И. Масона «Познание самого себя».

²⁹¹ Теологии.

О добродетели

Впервые напечатана в журнале «Утренний свет» за 1780 год, ч. 9. Перепечатана в книге: Новиков Н. И. Избранные сочинения; Под ред. Г. П. Макогоненко. — М.-Л., 1951. Публикуется по данному изданию.

Новиков здесь размышляет о соотношении политики и нравственности. Он полагает, что между ними не должно быть противоречия. Он анализирует качества, которыми должен обладать добродетельный человек, указывая на опасности дурных примеров и ложных учений.

²⁹² Макиавелли (Machiavelli) Никколо ди Бернардо (1469–1527) — итальянский мыслитель, политический деятель, историк и военный теоретик. Наибольшую известность получило его сочинение «Государь» (в др. пер. «Князь»).

²⁹³ Цезарь Гай Юлий (100–44 до н. э.) — римский государственный деятель и полководец, диктатура которого знаменовала решающий поворот от республиканского строя к империи. Убит сенаторами республиканцами во главе с Брутом; Катилина Луций Сергий (109–62 до н. э.) — римский политический деятель, глава военного заговора, направленного против римского аристократического сената.

²⁹⁴ Плиний Младший (Гай Плиний Цецилий Секунд) (61 или 62 — ок. 113 н.э.) — римский государственный деятель и писатель, автор «Панегирика Траяну».

²⁹⁵ Ганнибал (247 — ок. 182 до н. э.) — карфагенский военачальник и государственный деятель, главнокомандующий карфагенской армии во 2-й Пунической войне (218–201 до н. э.), которую Карфаген вел против Рима.

²⁹⁶ Василиск — чудовище с головой петуха, глазами жабы, крыльями летучей мыши и телом дракона, которое существует во мифологиях многих народов. От его взгляда каменеет все живое. Он боится крика петуха, единорога и своего отражения в зеркале.

[«Нравоучение как практическое наставление»]

Напечатано в девятой части журнала «Утренний свет» за 1780 год в виде заключения, подводящего итог философским воззрениям Новикова эпохи «Утреннего света». Перепечатана в книге: Новиков Н. И. Избранные сочинения; Под ред. Г. П. Макогоненко. — М.-Л., 1951. Публикуется по данному изданию.

²⁹⁷ Мильтон (Milton) Джон (1608–1674) — английский поэт. Наиболее известна его поэма «Потерянный рай» (Paradise Lost, 1667).

²⁹⁸ «Утренний свет» — философский журнал, издававшийся ежемесячно Н. И. Новиковым с сентября 1777 по август 1780 г.

²⁹⁹ Платон — см. комм. 123; Эпикур — см. комм. 28; Зенон Элейский (ок. 490 — ок. 430 до н. э.) — древнегреческий философ, представитель Элейской школы, ученик Парменида.

³⁰⁰ Бэкон и Гроций возобновили путь, по которому следовали Волфий, Николе, Паскаль, из которых последнего особенно мы благодарить обязаны.

³⁰¹ Пифагор (2-я пол. VI в. — нач. V в. до н. э.) — древнегреческий мыслитель, развивал теорию метемпсихоза, или переселение душ в другие тела после смерти.

**О воспитании и наставлении детей. Для распространения
общеполезных знаний и всеобщего благополучия**

Впервые напечатано в журнале «Прибавление к Московским ведомостям» 1783 г. № 2, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 28, 34, 80–94. Перепечатана в книге: Новиков Н. И. Избранные сочинения; Под ред. Г. П. Макогоненко. — М.-Л., 1951. Публикуется по данному изданию.

Одно из важнейших педагогических сочинений Новикова. Содержит диалог и полемику с сочинениями Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, а также популярными педагогическими изданиями его времени, например О должностях человека и гражданина: Книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей имп. Екатерины Вторья. — СПб.: [Тип. Акад. наук], 1783.

Сочинение Локка «Мысли о воспитании» пользовалось в России большой популярностью и неоднократно издавался в переводе Н. Поповского (сделанного, причем, не с английского оригинала, а с французского издания). В сочинении Локка излагалась система воспитания «джентльмена» с достаточно точными и подробными указаниями о том, как «возделывать» и «удобрять» почву, как «ухаживать за растением», чтобы его пышный цвет вознаграждал «садовника» за труды. В его сочинении впервые сочетаются принципы физического и нравственного начал в воспитании.

Новиков не только переиздал труд Локка в 1788 г., знакомя читателей с его идеями, но интерпретировал их, соотнося с российскими обычаями и нравами. Новиков выделял три составных части воспитания — физическое,

нравственное и «разумное», или образование. Он полагал, что важной частью воспитательного процесса должен быть пример родителей и их непосредственное участие в образовательном и воспитательном процессе. Новиков обращал внимание на то, что «мир детства» отличается от мира взрослых, а потому требует понимания особенностей детской физиологии, психологии и возможностей воспринимать абстрактные, например религиозные, понятия. Этот взгляд был весьма новаторским, так как детей в ту пору часто рассматривали как «маленьких» или даже «несовершенных» взрослых. Существующий обычай — обращаться к услугам иностранных воспитателей, часто непрофессиональных и невежественных, казался Новикову порочным. Он предлагал повысить статус воспитателя и учителя в обществе, формировать педагогические кадры собственными силами.

В работе содержатся не только общетеоретические рассуждения, но и конкретные гигиенические рекомендации.

³⁰² См.: О воспитании детей / Господина Локка; Переведено с французского на российский язык Императорского Московского университета профессором Николаем Поповским. — [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1759. (Были также переиздания 1760 и 1788 гг.).

³⁰³ См.: Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего. О волах ли печется Бог?

10 Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, [должен молотить] с надеждою получить ожидаемое (1Кор.9:9,10).

³⁰⁴ Шиканство — придирки, притеснение.

³⁰⁵ Ouvrir l'esprit et former le coeur — открывать разум и образовывать сердце (фр.). Perruque, friser, cheveux — парик, завивать, волосы (фр.). Новиков имеет в виду книгу Louis René de Caradeuc de la Chalotais Versuch über den Kinder-Unterricht : mit Anmerkungen und einer Vorrede, die Unbrauchbarkeit und Schädlichkeit der Basedowschen Erziehungs-Projecte betreffend / aus dem Französischen übers. Göttingen und Gotha, 1771.

³⁰⁶ Сахарный корень (*Sium sisarum* L.) — многолетнее растение. С древности использовалось в качестве лекарственного средства.

³⁰⁷ Винслов (Winslow) Якоб Бенигнус (1669–1760) — голландский врач и анатом. Возможно, Новиков имеет в виду немецкое издание его сочинения по анатомии *Abhandlung von dem Bau und der Zergliederung des menschlichen Leibes*. Basel, 1754.

³⁰⁸ Обыкновенно говорят тогда: «Детям не надобно все знать». Сие справедливо только отчасти.

³⁰⁹ Напр.: «Откуда мы приходим?».

³¹⁰ 9 Лелей дитя, и оно утрашит тебя; играй с ним, и оно опечалит тебя.

10 Не смейся с ним, чтобы не горевать с ним и после не скрежетать зубами своими (Сир.31:9,10).

- ³¹¹ Геллерт (Gellert) Христиан-Фюрхтеготт (1715–1769) — писатель-поэт, баснописец и романист, видный представитель литературы эпохи Просвещения. Его сочинение *О нравственном воспитании детей / Взято из Нравственных наставлений покойнаго г. Геллерта*; Перевод с французского. — М.: Тип. Комп. типографич., 1787 — один из теоретических источников трактата Новикова, который неоднократно издавал религиозные и философские сочинения Геллерта в своей типографии.
- ³¹² Аддисон (Addison) Джозеф (1672–1719) — английский писатель и государственный деятель. Издавал вместе с Ричардом Стилем (Steel, 1672–1729) журнал «Зритель» (*The Spectator*), «Болтун» (*The Tatler*), «Опекун» (*The Guardian*). Статьи из этих журналов, прежде всего на морально-нравственные темы, активно переводились на русский язык.

А. Н. Радищев

Александр Николаевич Радищев (1749–1802) обучался в Пажеском корпусе, затем в числе других 12 молодых людей был послан Екатериной II за границу для подготовки «к службе политической и гражданской», учился в Лейпцигском университете, о чем написал в автобиографическом сочинении «Житие Федора Васильевича Ушакова» (1789). После возвращения поступил на службу в Сенат, а позднее — в Коммерц-коллегию. Одновременно с этим занимается активной литературной деятельностью. В 1790 г. Радищев в собственной типографии опубликовал «Путешествие из Петербурга в Москву». После этого он был арестован, объявлен государственным преступником и приговорен его к смертной казни.

Сидя в 1790 г. в тюрьме и ожидая казни, Радищев начал писать повесть о святом Филарете Милостивом. Этот святой вел жизнь столь добродетельную, что был **удостоен права знать время своей кончины**, и преставился в 792 г., практически ровно за тысячу лет до предполагаемой казни Радищева, со словами молитвы Господней на устах. Возможно это сочинение — персонализация и определенная идентификация жизни самого Радищева, не могущего не заметить эти знаменательные совпадения.

Радищев казнен не был. Но он пережил и ужас ожидания близкой смерти и «сократовское» философское принятие ее. Екатерина II заменила смертную казнь ссылкой. Именной манифест от 4 сентября 1790 г. под названием «О наказании Коллежского Советника Радищева за издание книги, наполненной вредными умствованиями, оскорбительными и неистовыми выражениями против сана и власти Царской» гласил: «Коллежский Советник и ордена Св. Владимира Кавалер Александр Радищев оказался в преступлении противу присяги его и должности, изданием книги, под названием Путешествие из Петербурга в Москву, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и, наконец, оскорбительными

и неистовыми выражениями противу сана и власти Царской, учинив сверх этого лживый поступок, прибавкою после цензуры многих листов в ту книгу, в собственной его Типографии напечатанную, в чем и признался добровольно. За таковое его преступление осужден он Палатою Уголовных дел Санктпетербургской губернии, а потом и Сенатом Нашим, на основании Государственных узаконений к смертной казни; и, хотя, по роду толь важной вины, заслуживает он свою казнь по точной силе законов, означенными местами ему приговоренную; но Мы, последуя правилам Нашим, чтоб соединять правосудие с милосердием для всеобщей радости, которую верные подданные Наши разделяют с нами в настоящее время, когда Всевышний увенчал Наши неусыпные труды во благо Империи, от Него Нам вверенной, вожделенным миром с Швециею, освобождаем его от лишения живота, и повелеваем, вместо того, отобрав у него чины, знаки ордена Св. Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Илимский острог на десятилетнее безвыходное пребывание; имене, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их» (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. [СПб.], 1930. С. 168.

В жизни Радищева философские размышления были детерминированы глубокими душевными переживаниями — смертью друга, жены, ожиданием смерти и тяжелым наказанием. Так появились «Житие Федора Васильевича Ушакова» и главный философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии».

После смерти Екатерины II в 1796 г. император Павел I разрешил Радищеву вернуться из Сибири и поселиться в своем калужском имении. В 1801 г. Александр I позволил ему переехать в Петербург. Последние работы Радищева «О законоположении», «Проект гражданского уложения» связаны с проектами социальных реформ. Умер Радищев в Петербурге 12 (24) сентября 1802 г. Существует версия о его самоубийстве.

О человеке, о его смертности и бессмертии

Рукопись трактата не сохранилась. Впервые напечатан в Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева. — Ч. II–III. — М.: В типографии Платона Бекетова, иждивением издателей [П. А. и Н. А. Радищевых], 1809. Перепечатывалось в: Радищев А. Н. Полное собрание сочинений : В 3 т. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — Т. 2; Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. — М.: ГИПЛ, 1952. Публикуется по Полному собранию сочинений.

Трактат представляет собой главное философское сочинение Радищева. Он посвящен философскому осмыслению духовной идентичности человека. Радищев рассматривает известные ему аргументы, защищающие и опровергающие представление о бессмертии души. Он обращается к рассуждениям Лейбница, Гердера, Мендельсона, а также Пристли, Ламеттри, Гольбаха, Гельвеция, обстоятельно анализирует их сочинения, но часто отдает

предпочтение эмоционально-психологическим рассуждениям, предполагая, что счастье, а не достижение истины есть цель человеческой жизни. Для Радищева философия приобретает свое изначальное значение любви к мудрости и утешения ей.

Установка на аксиологическую и эмоционально-психологическую аргументацию метафизических положений характерна для российских мыслителей XVIII в. и может быть отмечена как специфика русской философии того времени.

³¹³ «Настоящее чревато будущим» (Лейбниц).

³¹⁴ Имеется в виду сочинение Ж. О. Ламетри (1709–1751) «Человек-растение» (1748).

³¹⁵ Мимоза.

³¹⁶ Имеется в виду Гердер (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803) и его книга «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791).

³¹⁷ В 1759 г. К. Линней принял участие в объявленном Российской Академией наук конкурсе на тему о существовании пола у растений. Представленное им сочинение на латинском языке «О существовании пола у растений» было удостоено первой премии. Работа была издана в Петербурге в 1760 г. на латинском языке. В 1795 г. она была переведена на русский язык и издана под названием «Карола Линнея разыскание о различном произрастании» в «Новых ежемесячных сочинениях» (май, 1795).

³¹⁸ Лафатер (Lavater) Иоганн Каспар (1741–1801) — швейцарский ученый и писатель. Радищев имеет в виду его известное сочинение «Физиогномика» (Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe. Leipzig: Weidmann, 1775–1778).

³¹⁹ Кампер (Camper) Петрус (1722–1789) — голландский анатом, автор ряда сочинений по патологии и анатомии.

³²⁰ Глюк (Glück) Кристоф Вилибальд (1714–1787) — немецкий композитор; Паизиелло (Paisiello) Джованни (1741–1816) — итальянский композитор; Моцарт (Mozart) Вольфганг Амадей (1756–1791) — австрийский композитор; Гайдн (Haydn) Франц Йозеф (1732–1809) — австрийский композитор; Маркеси (Marchesi) Луиджи Людовико (1754–1829) — знаменитый итальянский певец-кастрат; Преподобный Мар (ок. 430) за нежный и приятный голос был назван певцом, день памяти по Провославному календарю отмечается 7 февраля (25 января).

³²¹ Гершель (Herschel) Вильям (1738–1822) — английский астроном.

³²² «Преображение» — картина Рафаэля.

³²³ Имеется в виду Джеймс Барнет (Burnett), лорд Монбоддо (Monboddo) (1714–1799) — шотландский философ и юрист и его сочинение *Of the origin and progress of language* («О происхождении и развитии языка») (Edinburgh, 1773–1792, 6 volumes).

- ³²⁴ Имеется в виду уродующие наказания (отрезание языка, вырывание ноздрей, клеймение и т. п.), применявшиеся в России до XVIII в.
- ³²⁵ Альцест — герой комедии Мольера «Мизантроп»; Тимон (Афинский) упоминается Плутархом как пример человека, жестоко разочаровавшегося в людях и ставшего мизантропом. Его образ часто использовался художественной литературой.
- ³²⁶ Тирс — жезл бога виноделия Диониса, увитый плющом и виноградными листьями.
- ³²⁷ Имеется в виду статуя французского скульптора Ж.-Б. Пигалья (Pigalle) (1714–1785), поставленная на могиле маршала Морица Саксонского (de Saxe) (1696–1750). Пигаль изобразил маршала и под ним смерть, раскрывающую могилу.
- ³²⁸ Мерапа — персонаж греческой мифологии, супруга Гераклида Кресфонта, царя Мессении. Подозревая юного пришельца в убийстве сына, она хочет поразить его кинжалом, но по приметам узнает, что этот юноша и есть ее сын. Сюжет использовался Еврипидом, в XVIII в. — Ф. Ш. Маффеи (Maffei) (1675–1755), Вольтером (Voltaire) (1694–1778), В. Альфиери (Alfieri) (1749–1803).
- ³²⁹ Зопир и Сеид — действующие лица трагедии Вольтера «Фанатизм, или Магомет пророк» (1741).
- ³³⁰ Имеются в виду пьесы В. Шекспира (Shakespeare) (1564–1616) «Ричард III» и «Макбет».
- ³³¹ Анекдот о Сципионе Африканском (237–183 до н. э.), основанный на рассказе Тита Ливия, был хорошо известен в XVIII в.
- ³³² Месмер (Mesmer) Франц Антон (1734–1815) — австрийский врач, создатель учения о «животном магнетизме».
- ³³³ Ж.-Ж. Руссо, «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми».
- ³³⁴ Спиноза (Spinoza) Бенедикт (1632–1677) — голландский философ.
- ³³⁵ Гельвеций (Helvetius) Клод Адриан (1715–1771) — французский философ, автор сочинений «Об уме», «О человеке, его умственных способностях и его воспитании».
- ³³⁶ Монтескье (Montesquieu) Шарль Луи (1689–1755). Имеется в виду кн. XIV «Духа Законов» «О законах в их отношении к свойствам климата».
- ³³⁷ Habeas Corpus Act («Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями») — закон, принятый в 1679 г. английским парламентом, предполагающий процедуру проверки судом правомерности задержания и ареста граждан по их требованию.
- ³³⁸ «Юлистан» («Розовый сад») — поэма Саади (ок. 1181–1291), персидского поэта и писателя. Это произведение было хорошо известно в Европе уже с XVIII в.

- ³³⁹ Гомер (ок. VIII в. до н. э.) — легендарный древнегреческий поэт; Оссиан (Ossian) — легендарный кельтский бард, от лица которого написаны поэмы Джеймса Макферсона (Macpherson) (1736–1796).
- ³⁴⁰ Один — верховный бог в скандинавской мифологии, устроитель мира и бог войны.
- ³⁴¹ Церера — древнеримская богиня земледелия и плодородия, отождествлялась с Деметрой; Триптолем — элевсинский царевич, которого богиня плодородия Деметра научила искусству земледелия и снабдила зернами пшеницы.
- ³⁴² Возниченый — возвышенный.
- ³⁴³ Речь идет о педагогическом трактате Ж.-Ж. Руссо (Rousseau) «Эмил, или О воспитании».
- ³⁴⁴ Речь идет о сочинении французского врача С. А. Тиссо (Tissot) (1728–1797), в русском переводе Онанизм: Разсуждение о болезнях, происходящих от малакии / Сочиненное доктором медицины г. Тиссотом; Пер. с французскаго [Петра Яковлева]. — М.: Тип. А. Решетникова, 1793.
- ³⁴⁵ Катон Младший (Катон Утический) (95–46 до н. э.) — римский политический деятель, служивший в эпоху Просвещения символом преданности республиканским идеям. После победы Цезаря при Тапсе над республиканцами покончил жизнь самоубийством.
- ³⁴⁶ Присносуший — существующий вечно.
- ³⁴⁷ Имеется в виду земля как одна из четырех основных субстанций (земля, вода, огонь и воздух), первоэлемент.
- ³⁴⁸ Флогистон, согласно представлению мыслителей XVIII в., — субстанция, содержащаяся во всех горючих веществах и высвобождающаяся при горении.
- ³⁴⁹ Пристли (Priestley) Джозеф (1733–1804) — английский химик и философ, один из основоположников «пневматической химии» (химии газов), сторонник теории флогистона.
- ³⁵⁰ Здесь Радищев полемизирует с Лейбницем, полагающим очевидным невозможность разделения (а, следовательно, и уничтожения) души.
- ³⁵¹ Радищев имеет в виду примечание П. Коста (Coste) к гл. X «О знании, которое мы имеем о бытии бога» его перевода «Опыта о человеческом разумении» Локка на французский язык (Essai philosophique concernant l'entendement humain... par M. Locke. Traduit de l'Anglais par M. Coste, 1758; другое изд. — 1774). Собственно, эти издания и использовались российскими мыслителями, так как английский язык знали немногие, а перевода этой работы на русский язык в XVIII в. не было. Кост пишет: «Здесь г. Локк возбуждает нашу любознательность, не желая ее удовлетворить. Много людей, вообразив, что он сообщил мне этот способ объяснить сотворение материи, просили меня, вскоре после того, как мой перевод увидел свет, поделиться им с ними; но я был обязан признаться им, что г. Локк утаил его от самого меня. Наконец, долго после его смерти, г. Нью-

тон, которому я случайно сказал об этом месте книги г. Локка, раскрыл мне эту тайну. Он сказал мне сначала, улыбаясь, что именно он придумал этот способ объяснить сотворение материи и что эта мысль пришла ему в голову однажды, когда он заговорил об этом вопросе с г. Локком и одним английским вельможей. И вот как он объяснил им свою мысль: Можно было бы, — сказал он им, — составить некоторое представление о сотворении материи, предположив, что бог воспрепятствовал своим могуществом проникнуть чему бы то ни было в определенную часть чистого пространства, которое по своей природе пронизуемо, вечно, необходимо, бесконечно; и вследствие этого данная часть пространства приобрела непроницаемость, одно из существенных качеств материи; а так как чистое пространство абсолютно единообразно, остается предположить, что бог сообщил этот род непроницаемости и другой подобной части пространства, — и это нам дало бы в некотором смысле представление о подвижности материи, также другом весьма существенном ее качестве» Цит. по: Гуковский Г. А. Комментарии: А. Н. Радищев о человеке, о его смертности и бессмертии // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. — Т. 2. — С. 379–380.

- ³⁵² Мраком покрыты глубоким и ратные мужи, и кони!
Зевс всемогущий, избавь от ужасного мрака Данаев!
Дню возврати его ясность, дай нам видеть очами
И при свете губи нас, когда погубить ты желаешь! (Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. — Л.: Наука, 1990 (Лит. памятники) (песнь XVII, стихи 644–647).
- ³⁵³ Средодалящаяся — центробежная.
- ³⁵⁴ Доказательство бессмертия души в сочинении Г. Лейбница «Свидетельства природы против атеистов» построено на представление о душе как субстанции, не имеющей протяжения. Вероятно, Радищев имеет в виду именно эту работу.
- ³⁵⁵ Имеется в виду сочинение Пристли «Исследования о материи и духе» (Disquisitions relating to Matter and Spirit. London, 1777).
- ³⁵⁶ Имеется в виду «Опыт о человеческом разумении» Дж. Локка.
- ³⁵⁷ Эол — в древнегреческой мифологии повелитель ветров; Армида — героиня «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. Своей красотой она обольщает крестоносца Ринальдо и удерживает его у себя.
- ³⁵⁸ Хил (хилус) — молочно-белая жидкость, содержащаяся в лимфатических сосудах брыжейки животных и человека.
- ³⁵⁹ Огневица — лихорадка, жар.
- ³⁶⁰ Варять — верить, предварять, предостерегать.
- ³⁶¹ Радищев воспроизводит известное рассуждение Лейбница: «Но разумная душа (l'âme intelligente), знающая, что она такое, и могущая сказать «я» (а это слово говорит очень многое), сохраняет свое существование не только — хотя и в большей степени, чем прочие, — в метафизиче-

ском отношении, но остается одною и тою же в нравственном смысле и составляет тождественную личность. Ибо ведь память, или сознание этого «я» делает ее способной к награде и наказанию. И бессмертие, которое требуется в нравственности и религии, состоит не в одном лишь постоянном существовании, свойственном всем субстанциям, ибо без воспоминания о том, что мы были, бессмертие не имело бы ничего привлекательного. Представим себе, что какой-нибудь человек вдруг бы сделался китайским императором, но при этом бы позабыл, чем он был прежде, как будто бы он заново родился. Не то же ли было бы это в практическом отношении и с точки зрения тех последствий, которые можно сознавать, как если бы этот человек уничтожился, а на его место в тот же момент был сотворен китайский император? Желать этого наш человек не имел бы никакого основания» (Лейбниц Г. В. Рассуждение о метафизике // Сочинения: В 4 т. — Т. 1. — М., 1982. — С. 160).

³⁶² Цитата из трагедии Сенеки «Троянки» («Troades»).

³⁶³ Радищев имеет в виду время, когда он он ожидал смертной казни, позже замененную на ссылку в Сибирь.

³⁶⁴ Трагедия Шекспира «Гамлет» была хорошо известна в России (прежде всего во французском переводе) и даже вызвала к жизни подражания (например, Сумароков А. П. Гамлет: Трагедия Александра Сумарокова. — СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1749). Трагедию Аддисона «Катон» (Cato, 1713) также хорошо знали в России, а перевод монолога Катона Утического неоднократно переводился и издавался в России. Отрывок из него в своем переводе Радищев поместил в «Путешествие из Петербурга в Москву».

³⁶⁵ Иван Петрович Кулибин (1735–1818) изобрел мощный фонарь с вогнутым зеркалом, позже использованный им для «дальнейсвещающей машины» — оптического семафора.

³⁶⁶ Роговой оркестр организовал в 1751 г. С. К. Нарышкин и валторнист и капельмейстер Я. Мареш. В состав оркестра входили медные рога, каждый из которых издавал только один звук хроматического звукоряда.

³⁶⁷ Пешер(е) или пешересы — название обитателей Огненной Земли, которых представляли в XVIII в. стоящими на низшей ступени развития.

³⁶⁸ Имеется в виду Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977.

³⁶⁹ См. комм. 368.

³⁷⁰ Имеется в виду сочинение К. А. Гельвеция «О разуме» (De l'esprit) (См. Гельвеций К. А. Сочинения : В 2 т. — М., 1973–1974).

³⁷¹ Вероятно, Радищев имеет в виду Жанну д'Арк (1337–1453), уверявшую, что слышит голоса святых, побуждавших ее к борьбе за освобождение Франции.

³⁷² Медея — в древнегреческой мифологии волшебница, дочь колхидского царя Ээта. С помощью волшебных снадобий соединила части тела разрубленного барана и превратила его в ягненка.

- ³⁷³ Ликург (Lykurgos) — легендарный спартанский законодатель (IX–VIII вв. до н. э.), создатель институтов общественного и государственного устройства.
- ³⁷⁴ Имеется в виду поэма «Потерянный рай» Дж. Мильтона (Milton) (1608–1674).
- ³⁷⁵ Имеются в виду фрески Микеланджело Буонарроти (Michelangelo) (1475–1564) в Сикстинской капелле в Ватикане.
- ³⁷⁶ Вокансон (de Vaucanson) Жак (1709–1782) — французский механик, достиг высокого мастерства в изготовлении кукол-автоматов.
- ³⁷⁷ Браманте (Bramante) Донато (1444–1514) — итальянский архитектор эпохи Возрождения.
- ³⁷⁸ Фридрих II (Friedrich) (1712–1786) — прусский король; Леопольд Ангальт-Дессауский (1676–1747) — прусский генерал-фельдмаршал. В войне за австрийское наследство прусские войска нанесли тяжелое поражение австрийским войскам в сражении при Мольвице в 1741 г.
- ³⁷⁹ Радищев имеет в виду легенду о Публии Сципионе Африканском, который, получив в числе трофеев прекрасную девушку, вернул ее жениху и отцу. Этот сюжет неоднократно использовался в живописи, более того, аллегорическое изображение воздержания представляет его в виде женщины с мечом или двумя вазами, и со Сципионом Африканским у ног.
- ³⁸⁰ Диспенсаторий, диспенсарий — описание лекарств.
- ³⁸¹ Меркурий — ртуть.
- ³⁸² Манкательное древо — ядовитое дерево, растущее в жарких странах. Сложилось представление, что даже тень его листья смертельно опасна. Речь идет о ядовитом упас-дереве, разновидности анчара.
- ³⁸³ Курций (Curtius) — римский юноша, по преданию бросившийся в пропасть, внезапно появившуюся на Форуме, и этим умилостививший богов.
- ³⁸⁴ Я. ван Васенар Обдам (Obdam) (?–1665) — голландский адмирал; Х. И. Сакен — капитан Черноморского флота. Оба погибли в сражениях.
- ³⁸⁵ Московский архиепископ Амвросий (в миру А. С. Зертис-Каменский) (1708–1771) во время эпидемии чумы в Москве 1771 г. запретил прикадываться к иконам, видя в этом один из источников распространения инфекции; был убит разъяренной толпой фанатиков.
- ³⁸⁶ Корнелий де Витт (Witt), брат Яна де Витт (1625–1672), фактического правителя республики Соединенных провинций, который добился отстранения принцев Оранских от управления страной. Во время восстания оба были растерзаны толпой, подстрекаемой сторонниками Вильгельма III Оранского.
- ³⁸⁷ Мендельсон (Mendelssohn) Моисей (1729–1786) — философ и просветитель. Его сочинение «Федон, или О бессмертии души» было очень популярно в России.
- ³⁸⁸ Гарве (Garve) Христиан (1742–1798) — профессор философии в Лейпциге, перевел сочинения Цицерона (Abhandlung über die menschlichen

- Pflichten in drei Büchern aus dem Lateinischen des Marcus Tullius Cicero, übersetzt von Christian Garve. Vierte Ausgabe. Breslau bei Wilhelm Gottlieb Korn. 1792). Радищев слушал его лекции.
- ³⁸⁹ Гимнософисты — греки называли так индийских философов, строгих аскетов, отвергавших даже одежду, проводивших жизнь в созерцании. Брахманы (брамины) — представители высшей жреческой касты в Индии.
- ³⁹⁰ Пифагор — см. комм. 301; Архий вероятно, ошибочно вместо Архитас Тарентский, ученик Пифагора (V–IV в. до н. э.); Аполлоний Тианейский (Тианский) (I в. н.э.) — легендарный философ-неопифагореец.
- ³⁹¹ Сведенборг (Swedenborg) Эмануэль (1688–1772) — шведский ученый и теософ-мистик.
- ³⁹² Сен-Жермен (Saint-Germain) (ок. 1710–1784?) — политический деятель, путешественник, музыкант, алхимик и авантюрист.
- ³⁹³ Картуш (Cartouche) Луи-Доминик (1693–1721) — знаменитый парижский вор и разбойник.
- ³⁹⁴ Эльдorado — фантастическая страна, которую разыскивали в Америке первые испанские завоеватели, предполагавшие найти там сказочные богатства.
- ³⁹⁵ Л'Епе (L'Épée) Шарль-Мишель (1712–1789) — аббат, французский филантроп, основатель первого учебного заведения для глухонемых; изобрел азбуку жестов для глухонемых.
- ³⁹⁶ Имеется в виду Гердер.
- ³⁹⁷ Мета — цель.
- ³⁹⁸ Скалигер (Scaliger) Жюль Сезар (1484–1558) — французский филолог, критик, поэт. Настоящее имя — Джулио Бордони (Bordoni).
- ³⁹⁹ Валлис (Wallis) Джон (1616–1703) — английский математик.
- ⁴⁰⁰ Бонне (Bonnet) Шарль (1720–1793) — швейцарский натуралист и философ.

А. Ф. Бестужев

Александр Федосеевич Бестужев (1761–1810), отец декабристов Николая, Михаила и Петра Бестужевых и писателя А. А. Бестужева (Марлинского). Учился в Греческой гимназии при Артиллерийском и инженерном корпусе, затем в 1779 г., завершив образование, получил чин инженер-прапорщика и остался в корпусе в качестве преподавателя. Участвовал в военных действиях во время русско-шведской войны в 1788–1790 гг., был ранен. Служил конференц-секретарем Академии художеств при А. С. Строганове. С большим успехом исполнял должность главного управляющего Екатеринбургской гранильной фабрикой, был инициатором основания отечественной фабрики холодного оружия и участник создания бронзолитейных мастерских в Петербурге. Бестужев собрал большую коллекцию произведений искусства, обширную библиотеку.

Вместе с И. П. Пниным Бестужев в 1798 г. издавал «Санкт-Петербургский журнал», в состав которого входили сочинения нравоучительные, беллетристические, критические, научные, философские, исторические, политические. В нем были напечатаны переводы из «Системы природы» и «Всеобщей морали» П. А. Гольбаха, «Руин» К. Ф. Вольнея, итальянского экономиста и законооведа П. Верри и др. Средства на издание отпускались великим князем Александром Павловичем. Впервые педагогический трактат Бестужева напечатан в 1798 г. в этом журнале. В некоторых его номерах трактат имеет название «О воспитании военном относительно благородного юношества». Имеется свидетельство современников о соавторстве Пнина в написания трактата.

Кроме того, Бестужев выпустил книгу «Учение, нравственность и правила честного человека содержащая в себе собрание рассуждений и разныя наставления, взятая из древних и нынешних писателей, служащих к распространению как духовных, так и гражданских добродетелей для каждого возраста людей и состояния» (СПб., 1807), в которую вошли сочинения философско-дидактического характера (например, отрывки из рассуждений Конфуция). Впоследствии трактат переиздавался в значительно переработанном виде, в частности, в 1803 и 1807 гг. (Опыт военного воспитания, относительно благородного юношества, начертанный по расположению знаменитого италианскаго законоискусника Филанджери, писавшаго о науке законодательства, дополненный краткими рассуждениями и нужными примечаниями к предмету воспитания касающимися. — СПб., 1803; Правила военного воспитания относительно благородного юношества и наставления для офицеров, военной службе себя посвятившим, дополненные нужными примерами А. Бестужевым. — СПб., 1807).

О воспитании

Впервые педагогический трактат А. Ф. Бестужева напечатан в 1798 г. в «Санкт-Петербургском журнале» (ч. 1, январь (с. 55–81), февраль (с. 155–180), март (с. 245–255), апрель (с. 68–94), май (с. 150–161), июнь (с. 254–304), июль (с. 86–104), август (с. 73–84), сентябрь (с. 68–84), октябрь (с. 82–108), ноябрь (с. 151–155), декабрь (с. 283–294). Частично он публиковался в сборнике Русские просветители (от Радищева до декабристов) : Собрание произведений: в 2 т. — Т. 1–2. — М.: Мысль, 1966. В настоящем издании текст публикуется по изданию 1798 г.

Сочинение посвящено вопросам воспитания учащихся закрытых военно-учебных заведений. Вместе с тем, в нем рассматривается ряд общих проблем педагогики и морали.

Сочинение Бестужева основано на убеждении, что не врожденные, а благоприобретенные качества определяют характер и поведение человека. Он связан с развитием идей английского просветителя Дж. Локка и итальянского юриста и публициста Г. Филанджери (Filangieri; 1752–1788), сочинение которого «Наука законодательства» (1780–1783) было очень популярно в просве-

тительской среде. Вслед за Филанджери Бестужев полагал, что разумные законы требуют изменения системы воспитания и образования.

- ⁴⁰¹ Феогнид (Теогнид) из Мегар — древнегреческий лирический поэт 2-й половины VI в. до н. э., аристократ, политический деятель, долго жил в изгнании.
- ⁴⁰² Имеется в виду английский философ Дж. Локк.
- ⁴⁰³ Кир Великий, или Кир II (ок. 590–530 до н. э.) — царь Персии и основатель Персидского государства.
- ⁴⁰⁴ Менандр (342 — ок. 291 до н. э.) — афинский драматург, представитель так называемой новой аттической комедии.
- ⁴⁰⁵ Воспящение — препятствие, помеха.
- ⁴⁰⁶ Имеется в виду Платон.
- ⁴⁰⁷ Здесь и далее Бестужев ссылается на известный трактат Ш. Л. Монтескье «О духе законов».
- ⁴⁰⁸ Лакедемон (Спарта) — древнегреческое государство, отличающееся жесткой регламентацией системы воспитания детей.
- ⁴⁰⁹ Ксенофонт (445–355 до н. э.) — ученик Сократа, писатель, историк.
- ⁴¹⁰ Лукреция — жена патриция Луция Тарквиния Коллатина. Обесчещенная сыном царя Тарквиния Гордого Секстом, она пронзила себя кинжалом. Ее поступок вызвал восстание в Риме и послужил причиной низложения императора и установления республики.
- ⁴¹¹ Леторасль — выросший за год побег дерева. Здесь — молодое поколение.
- ⁴¹² «Грамота на права, вольности и преимущества благородного дворянства» («Жалованная грамота дворянству») — свод дворянских привилегий, оформленный законодательным актом Екатерины II 1785 г.
- ⁴¹³ Николь (Nicole) Пьер (1625–1695) — французский философ-моралист и богослов, последователь Декарта.
- ⁴¹⁴ Ювенал Децим Юний (ок. 55–60 — после 127) — римский поэт, автор сатирических произведений.
- ⁴¹⁵ Сухопутный шляхетский кадетский корпус — привилегированные военно-учебное заведение закрытого типа. Был основан в 1732 в Петербурге под названием «Корпус кадет». После основания Морского корпуса стал называться Сухопутным шляхетским кадетским корпусом.
- ⁴¹⁶ Имеется в виду педагогический роман «Эмиль, или О воспитании» Жан-Жака Руссо.
- ⁴¹⁷ Катон Утический (см. комм. 345) — римский политический деятель, славившийся стоическими добродетелями. Бестужев приводит эпизоды из сочинения Плутарха «Сравнительные жизнеописания». Сулла Луций Корнелий (138–78 до н. э.) — римский военный и политический деятель, известный своей жестокостью. Тизинское сражение — сражение у реки Тицино (218 до н. э.) во время 2-й Пунической войны, в котором Ганнибал разбил римлян во главе с Публием Сципионом.

- ⁴¹⁸ Гимнические игры — соревнования обнаженных атлетов. Диодор Сицилийский (ок. 90–21 до н. э.) — древнегреческий историк, автор сочинения «Историческая библиотека» в 40 книгах. Эпаминонд (?–362 до н. э.) — фиванский полководец и государственный деятель, разгромил спартанцев у Левктры (371 до н. э.) и Мантиней (362 до н. э.). Пелопид (ок. 410–364 до н. э.) — фиванский полководец.
- ⁴¹⁹ Пореваться — стремиться.
- ⁴²⁰ Сципионы — см. комм. 234; Тюренн (Turenne) Анри де Ла Тур д' Овернь (1611–1675) — виконт, французский полководец, маршал Франции; Катина (Catinat) Никола (1637–1712) — французский маршал.
- ⁴²¹ Имеется в виду Плиний Младший — см. комм. 294; Траян, Марк Ульпий — см. комм. 274.
- ⁴²² Бецкой Иван Иванович (1704–1795). Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания, в России, обоего пола благородного и мещанского юношества; С прочими в пользу общества установлениями. — СПб.: Тип. И. К. Шнора, 1789–1791.
- ⁴²³ Бецкой И. И. Устав Императорского Шляхетного сухопутного кадетского корпуса: [Дан в Санктпетербурге сентября 11 дня, 1766 года]. — СПб.: [Сенатская тип.], 1766.
- ⁴²⁴ Ларошфуко (La Rochefoucauld) Франсуа де (1613–1680) — герцог, французский философ, мыслитель-моралист.
- ⁴²⁵ Плутарх (ок. 46 — ок. 127) — древнегреческий писатель, историк и философ-моралист. Его «Сравнительные жизнеописания» представляют собой компаритивные биографии греческих и римских политиков.
- ⁴²⁶ Монтень (Montaigne) Мишель Эйкем де (1533–1592) — французский мыслитель, юрист, политик. Основное сочинение — «Опыты».
- ⁴²⁷ Автор педагогического трактата-романа «Эмиль, или О воспитании» (*Émile, ou de l'Éducation*) Жан-Жак Руссо.
- ⁴²⁸ Сцевола Гай Муций — легендарный римский герой. Согласно преданию, он должен был, пробравшись в лагерь этрусков, убить царя Порсену. Когда он был схвачен, ему угрожали жестокими пытками и требовал выдать сообщников. Желая показать, как мало он боится боли и смерти, Муций опустил правую руку в огонь и не издал ни единого звука.
- ⁴²⁹ Вилларс (de Villars) Клод Луи Гектор (1653–1734) — полководец Людовика XIV.
- ⁴³⁰ Бюффон (Buffon) Жорж Луи Леклерк (1707–1788) — французский ученый. Основные труды: «Всеобщая и частная естественная история» (*Histoire Naturelle, générale et particulière*), «Об эпохах природы» (*Les époques de la nature*). Бюффон выдвинул положение о единстве растительного и животного мира, об изменяемости видов под влиянием условий среды, разработал ряд теоретических вопросов о развитии земного шара и его поверхности.

И. П. Пнин

Пнин Иван Петрович (1773–1805) — поэт, публицист, философ, незаконный сын генерал-фельдмаршала князя Н. В. Репнина. Маргинальное происхождение доставляло немало неприятностей в жизни мыслителя, хотя в молодости он воспитывался как «сын вельможи». В сочинении «Вопль невинности, отвергаемой законами», поднесенном Александру I, Пнин писал: «Я один из числа тех несчастных, которых называют незаконнорожденными. Брошенный на сей свет с печатью своего происхождения, в сиротстве, не находя вокруг себя ничего, кроме ужасной пустыни; лишенный выгод, с общественною жизнью сопряженных, встречая повсюду преграды, поставляемые предрассудками, на коих самые законы основаны; и в том обществе, которого я часть составляю, в котором равное с прочими имея право на мой покой и на мое счастье, не находить ничего, кроме горести и отчаяния, и быть в непрерывной борьбе с общим мнением, — есть, государь! самое тяжелое наказание, достойное одного только злейшего преступника» (Пнин И. Сочинения / Вст. ст. и ред. И. К. Луппола; Подготовка к печати и комм. В. Н. Орлова. — М., 1934. — С. 106).

Пнин получил хорошее для своего времени образование в Московском университетском благородном пансионе и в Артиллерийском инженерном кадетском корпусе. Вместе с А. Ф. Бестужевым издавал «Санкт-Петербургский журнал» в 1798 г. Перевел ряд сочинений П. Гольбаха. Среди литераторов, близких Пнину, — Н. А. Радищев, Д. И. Языков, К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич. Литературная деятельность Пнина началась довольно рано, но систематический характер она приобрела в конце 90-х гг. Пнин является автором разнообразных по жанру и тематике сочинений, значительная часть которых посвящена смысловозизненной проблематике («Человек», «Бог», «Правосудие», «Время», «Слава» и др.).

Опыт о просвещении относительно к России

Впервые напечатано с цензурными сокращениями в 1804 г. (СПб., в типографии Ив. Глазунова). Опубликовано полностью в: Пнин И. Сочинения / Вст. ст. и ред. И. К. Луппола; Подготовка к печати и комм. В. Н. Орлова. — М.: Изд-во Всесоюзного Об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. При подготовке этого издания публикаторы сравнили его с рукописью и вставили фрагменты, удаленные цензурой. Публикуется по этому изданию.

Сочинение посвящено проблеме организации просвещения и народного образования в России. Пнин полагал, что необходимо учитывать исторические традиции и особенности различных классов и общественных групп.

⁴³¹ Воспитание должно быть согласовано с природой власти, управляющей народом. Шапгаль де Шантелу (Chaptal de Chanteloup) Жан Антуан Клод (1756–1832) — французский политический деятель и ученый (химик),

принимал участие в Великой французской революции (жирондист), после 18 брюмера (1799) — член Государственного совета, с 1810 г. — министр внутренних дел при Наполеоне, автор книги *De l'industrie française* (1819).

⁴³² Эпиграф этот взят из самого «Опыта о просвещении».

⁴³³ Эйлер (Euler) Леонард (1707–1783) — математик, физик и философ. академик Петербургской Академии наук, автор «Писем к немецкой принцессе о разных предметах физики и философии» (1768–1772), в которых изложил свои философские представления о мире.

⁴³⁴ Домициан Тит Флавий (51–96) — римский император с 81 г., младший сын императора Веспасиана, последний римский император из дома Флавиев, жестокий тиран, пал жертвой заговора; Калигула Гай-Цезарь (12–41) — римский император, прославившийся своей жестокостью и развратом.

⁴³⁵ Ликург Спартанский — см. комм. 373. Солон — афинский государственный деятель и поэт начала VI в., легендарный реформатор и законодатель.

⁴³⁶ Данное определение соответствует мнению И. Канта, высказанному им в статье «Ответ на вопрос: что такое просвещение?». Эта статья была написана в рамках дискуссии между И. Ф. Цолнером и М. Мендельсоном о эпохе Просвещения и критериях просвещенности. См.: Кант И. Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана; Академия Наук СССР, Ин-т философии. — М.: Мысль. Т. 6. — 1966. — С. 25–37.

⁴³⁷ Речь идет о конституции Национального Конвента (1792–1795), выработанной после разгрома жирондистов; конституция 1793 г. сыграла огромную роль в деле установления якобинской диктатуры.

⁴³⁸ Де ла Кроа (Delacroix) Жан-Винцент (1743–1832) — французский юрист и публицист, автор *Constitutions des principaux états de l'Europe et des États-Unis de l'Amérique* (1791). Имеется также перевод на русский язык его сочинения *Éloge de Jean-Jacques Rousseau*. Par M.D.L.C., avocat. Слово похвальное Жан Жаку Руссо / Сочиненное на французском языке г. А... — СПб.: На иждивении П. Б[огдановича]; Печ. у Гека, 1787.

⁴³⁹ Беккариа (Beccaria) Чезаре (1738–1794) — итальянский просветитель, юрист и публицист. Автор известной работы «О преступлениях и наказаниях» (*Dei delitti e delle pene*; 1764), в которой впервые дан критический разбор системы уголовного законодательства и практики его применения. Идеи Беккариа были использованы в «Наказе» Екатерины II. Формулой «наибольшее счастье наибольшего числа людей» характеризуется также философия утилитаризма Джереми Бентама (Bentham) (1748–1832) — мыслителя, чрезвычайно популярного в России в Александровскую эпоху.

⁴⁴⁰ Александр I (1777–1825) — российский император, старший сын Павла I.

⁴⁴¹ Екатерина II (урожд. Софья Августа Фредерика) (1729–1796) — российская императрица (с 28 июня 1762). В 1767 г. ею была созвана Уложен-

ная комиссия реформирования правовой системы. Программным документом, на которую должна была ориентироваться ее работа, стал «Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения». [М.: Печ. при Сенате, 1767]. Традиции изучения «Наказа», идущие от М. М. Щербатова, обычно нацелены на исчерпывающее выявление и тщательное изучение источников, которыми пользовалась Екатерина. Демонстрируя книжную эрудицию, исследователи часто не принимали во внимание исторического значения этого памятника правовой и политической мысли. Абстрагируясь от выяснения того, кто первый сформулировал политические архетипы, легшие в основания философии права Екатерины II — Монтескье, Беккариа, Юсти или Зонненфельс, следует отметить, что этот текст является не столько компиляцией, сколько творческим развитием популярных в XVIII в. идей и применением их к российской действительности. Значимость «Наказа» для практической философии была отмечена избранием императрицы членом Берлинской Академии наук и высокой оценкой этого документа еще одним просвещенным монархом — Фридрихом II, а также запрещением распространения «Наказа» во Франции сразу после опубликования.

⁴⁴² Речь идет о законе о «свободных хлебопашцах», изданном 20 февраля 1803 г. и разрешающем освобождение крестьян отдельными помещиками за деньги или бесплатно, но с землей; освобожденные крестьяне не имели права записываться в другие сословия и образовывали особый класс «свободных хлебопашцев».

⁴⁴³ Здесь и далее Пнин обильно цитирует сочинение И. Н. Болтина *Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка / Сочинения генерал-майором Иваном Болтиным.* — Т. 1–2. — [СПб.]: Тип. Горного училища. 1788.

⁴⁴⁴ *Écuier* — наездник, конюший (фр.).

⁴⁴⁵ Вирей (*Virey*) Жюльен-Жозеф (1775–1846) — французский ученый и врач.

⁴⁴⁶ В. Н. Орлов отмечает, что данный фрагмент является почти дословным переводом из «Проекта закона о народном учении» Ж.-А. Шапгалья, откуда взят и первый эпиграф к «Опыту о просвещении» (См.: Пнин И. *Сочинения / Вст. ст. и ред. И. К. Луппола; Подготовка к печати и комм. В. Н. Орлова.* — М., 1934. — С. 288). Это позволяет комментатору сделать вывод о том, что сокращенный перевод проекта Шапгалья в официальном органе Министерства внутренних дел — «Санкт-Петербургском журнале», 1805, №№ XI, ноябрь, отд. II, стр. 53–69 и XII, декабрь, отд. II, стр. 105–125 — «Извлечение из проекта закона о Народном учении, представленного Г. Шапгалем», возможно, сделан Пниним.

⁴⁴⁷ Вероятно, речь идет о книге Федора Ивановича Янковича де Мириево (1741–1814) *Правила для учащихся в народных училищах / Изданные по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второя.*

СПб.: [Тип. Акад. наук], 1782. Позже он составил также Устав народным училищам в Российской империи: Уложенный в царствование имп. Екатерины II: [В Царском Селе 5 августа 1786 года]. — СПб.: [Тип. Брейткопфа], 1786.

⁴⁴⁸ Впервые педагогический трактат А. Ф. Бестужева напечатан в 1798 г. в «Санкт-Петербургском журнале» (ч. 1, январь (с. 55–81), февраль (с. 155–180), март (с. 245–255), апрель (с. 68–94), май (с. 150–161), июнь (с. 254–304), июль (с. 86–104), август (с. 73–84), сентябрь (с. 68–84), октябрь (с. 82–108), ноябрь (с. 151–155), декабрь (с. 283–294). Затем, с некоторыми изменениями в: Опыт военного воспитания, относительно благородного юношества, начертанный по расположению знаменитого италийского законоискусника Филанджери, писавшего о науке законодательства, дополненный краткими рассуждениями и нужными примечаниями к предмету воспитания касающимися. СПб., 1803; Правила военного воспитания относительно благородного юношества и наставления для офицеров, военной службе себя посвятившим, дополненные нужными примерами А. Бестужевым. СПб., 1807. Публикуется в данном издании.

Д. Н. Синьковский

Синьковский Дмитрий Николаевич (? — 1792 или 1793) первоначальное образование получил в Переславской семинарии. В 1762 г. поступил в Московский университет, где слушал лекции по философии И. Г. Фроманна и Ф. Г. Дильтея, по филологии — А. А. Барсова. Начал преподавать историю и географию, но затем по личным мотивам перешел в Переславскую семинарию учителем латинского языка. В 1776 г. он вернулся в Московский университет, где преподавал латинский и греческий языки, затем, выдержав экзамен на степень магистра свободных наук, еще славянский язык и риторику. С 1786 г. — профессор логики и нравственной философии. Им или при его непосредственном участии на русский язык переведен ряд важных сочинений, использовавшихся в практике преподавания Московского университета. Это: Полной латинской Геснеров лексикон с российским переводом: С прибавлением к нему греческих слов и Российскаго реэстра / Вновь исправленной и умноженной Имп. Московскаго университета публичным ординарным профессором философии, коллежским ассессором Дмитрием Синьковским. — М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр.Клаудия, 1796–1798; Христиана Бауместера Логика / Перевод с латинскаго [Александра Павлова]. — Изд. 2-е. — М.: Тип. Комп. типогр., 1787. (Перевод исправлен Д. Н. Синьковским.); Христиана Баумейстера Метафизика / Перевод с латинскаго [Александра Павлова] вновь высмотрен и на многих местах исправлен профессором Дмитрием Синьковским. — 2-е изд. — М.: Унив. тип., у Новикова, 1789; Ф. Х. Баумейстер Нравоучительная философия: Содержащая естественное право, этику, политику, экономию и другия вещи, для знания нужных и полезных / Перевел с латинскаго языка профессор Дмитрий Синьковский. — М.: Тип. Комп. типогр., 1788.

Слово о вероятном познании нравов человеческих по некоторым знакам: Для высокаторжественного и всерадостного дня возшествия на всероссийский престол ЕЯ Императорского Величества Благодетелейших, Самодержавнейших, Великих Государыни, Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския и проч. и проч. и проч. в публичном собрании Императорского Московского университета, июня 30 дня 1789 года

Впервые опубликовано в 1789 г. (М.: Унив. тип., у А. Светушкина, 1789). Перепечатано в сб. Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами онаго... — Ч. II. — М.: [В Университетской тип.], 1820. Публикуется по этому изданию.

Д. Н. Синьковский полагал, что если слова являются знаками мыслей и используются для их передачи и распространения, то передача чувств и эмоций происходит через мимику, различные жесты, выражения глаз и т. п. Внешние проявления чувств могут также служить критерием для определения нравственного облика человека, а также того, правду ли он говорит.

⁴⁴⁹ 18 Царь! Всевышний Бог даровал отцу твоему Навуходоносору царство, величие, честь и славу (Дан.5:18).

⁴⁵⁰ Синьковский ссылается на «Риторику» Аристотеля.

⁴⁵¹ Алкивиад (ок. 450–404 до н. э.) — афинский государственный и военный деятель.

⁴⁵² Зопир — персидский военачальник, полководец Дария I; Птолемей Клавдий (II в.) — древнегреческий ученый, разработал так называемую геоцентрическую систему мира; Гален (129 — ок. 200) — древнегреческий врач и естествоиспытатель.

⁴⁵³ Крисп Гай Саллюстий (86–35 до н. э.) — римский историк, известна его работа «Заговор Катилины» (*De coniuratione Catilinae*).

⁴⁵⁴ 13 Есть род — о, как высокомерны глаза его, и как подняты ресницы его! (Прит.30:13).

⁴⁵⁵ 13 мигает глазами своими, говорит ногами своими, дает знаки пальцами своими; (Прит.6:13).

⁴⁵⁶ 26 По виду узнается человек, и по выражению лица при встрече познается разумный.

27 Одежда и ослабление зубов и походка человека показывают свойство его (Сир.20:26,27).

⁴⁵⁷ 33 Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду. (Матф.12:33); 45 тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом (Матф.12:45).

⁴⁵⁸ Аристид, прозванный Справедливым, (?–468 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец; Агесилай II (398–361 до н. э.) — царь лакедемонян из рода Эврипontiдов; Катон Старший (Катон Цензор) (234 — ок. 148 до н. э.) — политик, полководец и писатель, известен строгостью нравов; Гедеон — персонаж Ветхого Завета, сын Иоаса из колена Манассиина, житель Офры, призванный Господом спасти народ от нашествий мадианитян, разрушил капище Ваала у своего отца, был судьей Израиля; Иеффай — в Ветхом Завете военачальник и один из судей израильских; Самсон — знаменитый библейский судия-герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами; Кир Великий — см. комм. 403; Александр Великий — см. комм. 140.

П. А. Плавильщиков

Плавильщиков Петр Алексеевич (1760–1812) — сын московского купца, получил хорошее образование. Близким другом семьи Плавильщиковых был Д. С. Аничков — профессор Московского университета, библиотекой которого и пользовался молодой Петр. Он поступил в гимназию при Московском университете, а затем на философский факультет университета, где слушал лекции известных профессоров — С. Е. Десницкого, А. А. Барсова, Х. А. Чеботарева. В 1777 г. Плавильщиков совместно с П. И. Страховым (будущим профессором Московского университета) восстановили театр при Московском университете. На его сцене была поставлена трагедия А. П. Сумарокова «Синав и Трувор», в которой играл и Плавильщиков.

В 1779 г. Плавильщиков был принят в Императорские театры в Петербурге на «первые роли и характеры». Он много выступал и имел большой успех, в том числе в роли Правдина в первой постановке комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» в театре К. П. Книппера. Кроме того, он заведовал частными театрами П. М. Волконского и А. Н. Дурасова.

Плавильщиков был автором многих пьес: «Мельник и сбитенщик — соперники» (1789), «Сговор Кутейкина» (1789), «Боболь» (1790), «Сиделец» (1803) и др., которые принесли ему широкую известность

Одновременно он сохранил интерес к гуманитарным наукам: читал лекции по российской истории, вел курс русской словесности «по собственному своему начертанию» в Академии художеств и курс риторики в Горном корпусе, учил декламации в благородном пансионе при Московском университете.

В 1782 г. Плавильщиков выпускал журнал «Утра», где опубликовал теоретическую статью «Рассуждение о зрелищах», участвовал в издании журналов «Зритель» и «Санкт-петербургский Меркурий» (1792–1796). В «Зрителе» Плавильщиковым были помещены две программные статьи: «Нечто о врожденном свойстве душ российских» (публикуется в данном издании) и «Театр». В 1791 г. совместно с И. А. Крыловым, А. И. Клушиным и И. А. Дмитриевским он участвовал в организации издательства «Типография Крылова со товарищи».

Нечто о врожденном свойстве душ российских

Впервые опубликовано в журнале «Зритель» 1792, ч. 1. Перепечатано в Сочинения Плавильщикова. — Часть четвертая. — СПб.: в тип. Плавильщикова, 1816. Публикуется по данному изданию.

В работе рассматривается проблема патриотического воспитания и особенностей национального характера. Плавильщиков полагает, что следует обращаться к примерам из отечественной истории, совершенствовать знание русского языка.

⁴⁵⁹ Омира — Гомера.

⁴⁶⁰ Ле Клерк (Le Clerc) Николая Габриель (1726–1798) — медик, историк, почетный член Петербургской Академии наук. автор сочинения «История России» (*Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne*. Paris: Froullé, 1783), вызвавшего критические отзывы И. Н. Болтина (См. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка / Сочиненныя генерал-майором Иваном Болтиным. [СПб.]: Тип. Горнаго училища, 1788) и М. М. Щербатова.

⁴⁶¹ Вестрис (Vestris) Газтано Аполлино Бальтазаре (1729–1808) — итальянский артист балета, педагог и балетмейстер.

⁴⁶² Лекен (Lekain) Анри Луи (1729–1778) — французский актер, с 1750 г. актер «Комеди Франсез» (Париж), известен исполнением главных ролей в трагедиях Вольтера.

⁴⁶³ Адмет — в греческой мифологии сын Ферета, царя Ферского в Фессалии. Упомянут в «Илиаде», действующее лицо трагедии Софокла «Адмет», Еврипида «Алкестида», ряда комедий.

⁴⁶⁴ Курций Руф Квинт — древнеримский историк и ритор I в., автор «Истории Александра Великого» (в 10 книгах).

⁴⁶⁵ Вероятно, Плавильщиков имеет в виду аббата Жана Шаппа д'Отероша (*Charpe d'Auteroche*) (1722–1769), астронома. В 1761 г. он принял поручение Парижской Академии наук отправиться для наблюдения в Сибири за прохождением Венеры через диск Солнца. Свои путешествия по Европейской России и Сибири он описал в своем *Voyage en Sibirie fait en 1761* (Paris, 1768), где привел ряд критических замечаний, возмущивших российское общество. Екатерина II анонимно издала в Амстердаме книгу под названием *Antidote* (противоядие), где опровергла многие критические замечания аббата.

⁴⁶⁶ Гинтер (Гюнтер) (Günter) Иоганн Христиан (1695–1723) — немецкий поэт.

⁴⁶⁷ См. Ломоносов М. В. Ода на прибытие Ее Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург по коронации.

⁴⁶⁸ Речь идет о сочинениях Жана де Лафонтена «Любовь Псиши и Купидона» ([М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1769) и Ипполита Федоровича Бо-

гдановича (1744–1803) «Душинька: Древняя повесть в вольных стихах» (СПб.: Тип. Вейтбрехта, 1783), написанных на один и тот же сюжет античной мифологии.

⁴⁶⁹ Кулибин Иван Петрович (1735–1818) — механик-самоучка. Заведовал механической мастерской Петербургской Академии наук (1769–1801). Автор ряда оригинальных изобретений.

⁴⁷⁰ Сабакин Лев Федорович (1746–1813) — механик, изобретатель, конструктор часов. Автор сочинения по естественным наукам Малое здание, или Разговоры, касающиеся до астрономии, физики и механики: Основанные на ясных доказательствах и самопростейших опытах. — М.: Тип. Пономарева, 1789.

Библиография

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. Покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781–1782. Ч. 1. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. — 364 с.; Ч. 2. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. — 360 с.; Ч. 3. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. — 396 с.; Ч. 4. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. — 356 с.; Ч. 5. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. — 392 с.; Ч. 6. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. — 395 с.; Ч. 7. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова. — 377 с.; Ч. 8. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. — 380 с.; Ч. 9. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. — 374 с.; Ч. 10. — М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. — 248 с.

Теплов Г. Н. Знания касающиеся вообще до философии: Для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут / Собраны и изъяснены Григорьем Тепловым. — СПб.: При Имп. Акад. наук, 1751. — 301 с.

Теплов Г. Н. Наставление сыну. — Напечатано 2-м тиснением. — СПб.: При Имп. Акад. наук, 1768. — 95 с.

Теплов Г. Н. Разсуждение о врачебной науке, которую называют докторством. — 2-е изд. — М.: Тип. Компании типографической, 1787. — 38 с.

Теплов Г. Н. Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санктпетербурге: [Утвержден] [в 24 день июля 1747 года в Царском селе]. — [СПб.]: [Печ. при Имп. Акад. наук], [1747, сентября 25 дня]. — 40 с. Сост. Г. Н. Тепловым при участии И. Д. Шумахера.

Теплов Г. Н. Между делом безделье, или Собрание разных песен: С приложенными тонами на три голоса // Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII в. — Т. 1. — М.: Музгиз, 1952. — С.189–245.

Дмитриев-Мамонов Ф. И. Эпистола от генерала к его подчиненным, или Генерал в поле со своим войском, изданная сочинителем Аллегориии Дворянина философа. — [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1770. — 32 с.

Дмитриев-Мамонов Ф. И. Поэма Любовь. С[очинителя] А[ллегориии] Дворянина философа. — [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1771. — 80 с.

Дмитриев-Мамонов Ф. И. Правила, по которым всякой офицер следуя, военную службу с полным удовольствием продолжать может. — 2-е изд. — М.: Тип. Комп. типографич., 1788. — 40 с.

Дмитриев-Мамонов Ф. И. Дворянин философ: Аллегория / Публ. и вступит. ст. Л. Б. Светлова // Вопросы истории религии и атеизма. — М., 1956. — Вып. 4. — С. 394–412.

Десницкий С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным... // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / Под общ. ред. С. А. Покровского. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. — С. 186–200.

Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского университета... говоренное... июня 30 дня, 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И. Я. Щипанова. — Т.1. — [М.], 1952. — С. 187–235.

Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются.... говоренное ... апреля 22 дня, 1772 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И. Я. Щипанова. — Т.1. [М.], 1952. — С. 235–256.

Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими, говоренное...июня 30 дня // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под. ред. И. Я. Щипанова. — Т. 1. — [М.], 1952. — С. 235–256.

Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оногo в государственных высокопокровительствуемых училищах // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / Под общ. ред. С. А. Покровского. — М., Государственное издательство юридической литературы, 1959. — С. 225–241.

Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какия имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежителства... Говоренное... апреля 21 дня 1781 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под ред. И. Я. Щипанова. — Т.1. — [М.], 1952. — С. 268–286.

Новиков Н. И. Избранные сочинения / Под ред. Г. П. Макогоненко. — М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. — 744 с.

Письма Н. И. Новикова / Сост. и комм. А. И. Серкова; Подготовка к публикации А. И. Серкова и М. В. Рейзина. — СПб.: Изд-во имени Н. И. Новикова, 1994. — 384 с.

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. — М.-Л.: Изд-во АН СССР. Том первый / Под ред. И. К. Луппола (главный редактор), Г. А. Гуковского, В. А. Десницкого. — 1938. — 506 с. Том второй / Под ред. Г. А. Гуков-

ского, В. А. Десницкого. — 1941. — 432 с. Том третий / Под ред. Н.К. Пиксанова, В. А. Десницкого, Д. С. Бабкина и Б. Б. Кафенгауза. — 1954. — 676 с.

Бестужев А. Ф. О воспитании // Санкт-Петербургский журнал. — 1798 г. — Январь. — С. 55–81; Февраль. — С. 155–180; Март. — С. 245–255; Апрель. — С. 68–94; Май. — С. 150–161; Июнь. — С. 254–304; Июль. — С. 86–104; Август. — С. 73–84; Сентябрь. — С. 68–84; Октябрь. — С. 82–108; Ноябрь. — С. 151–155; Декабрь. — С. 283–294.

Бестужев А. Ф. Правила военного воспитания относительно благородного юношества и наставления для офицеров, военной службе себя посвятившим, дополненные нужными примерами А. Бестужевым. — СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1807. — 279 с.

Пнин И. П. Сочинения / Вст. ст. и ред. И. К. Луппола; Подготовка к печати и комм. В. Н. Орлова. — М.: Изд-во Всесоюзного Об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. — 312 с.

Синьковский Д. Н. Слово о вероятном познании нравов человеческих по некоторым знакам. Для высокотожественнаго и всерадостнаго дня возшествия на Всероссийский Престол Ея Императорскаго Величества Благочестивейшия, Самодержавнейшия, Великия Государыни, Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския и проч. и проч. и проч. в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета, июня 30 дня 1789 года / Говоренное коллежским ассесором и философии публичным и ординарным профессором Дмитрием Синьковским. — М.: Унив. тип., у А. Светушкина, 1789. — 15 с.

Плавильщиков П. А. Сочинения Петра Плавильщикова. — Ч. 1–4. — СПб.: в типографии Плавильщикова, 1816. — Ч. 1. — 201 с.; Ч. 2. — 360 с.; Ч. 3. — 203 с.; Ч. 4. — 201 с.

Указатель имен

- Абеляр (Abailard), Петр
Августин Аврелий
Авессалом
Авиил
Аврелиан, Луций Домиций
Аврора
Агамемнон
Агесилай II
Аддисон (Addison), Джозеф
Адриан, Публий Элий
Адроник Родосский
Азели (Aselli), Гаспар
Александр I
Александр Афродизийский
Александр Великий (Македонский)
Александр Гальский
Александр Павлович
Алексеев М. П.
Алексей Михайлович
Алкивиад
Аллацци (Allacci), Лев
Альберт Великий
Альфиери (Alfieri), Витторио
Альфонс X Мудрый (Alfonso X el Sabio)
Альфред Великий (Alfred, Aelfred)
Амвросий (Зертис-Каменский А. С.)
Амелий Гентилиан из Этрурии
Амман (Amman), Иоганн
Аммоний Саккас
Амонтон (Amontons), Гильом
Анаксагор
Анаксарх Абдерский
Анаксимандр
Анаксимен
Андрей
Андромаха
Аничков Д. С.
Анникерид
Ансон (Anson), Джордж
Антипатр из Тарса
Антисфен Афинский
Антоний Римлянин
Антонин Пий
Анхиз
Аполлон
Аполлоний Пергский
Аполлоний Тианейский (Тианский)
Аполлос (Байбаков А. Д.)
Апулей, Луций
Арета
Аристид
Аристипп Киренский
Аристипп Младший
Аристипп Старший;
Аристоксен
Аристон с Кеоса
Аристотель Стагирит
Аркадий
Армида
Артемьева Т. В.
Архелай
Архимед
Архитас Тарентский
Асмус В. Ф.
Атлас
Аттила
Афий,
Афинодор
Афродита
Ахиллес
Аякс
Бальтазар (Balthasar), Августин фон
Барландус (Barlandus), Адриан
Барнет (Burnett), Джеймс лорд Мон-
боддо (Monboddo)
Бароний (Baronius), Цезарь
Барсков Я. Л.
Барсов А. А.
Батюшков К. Н.

- Баумейстер (Baumeister), Фридрих
Христиан
Бейль (Baile), Пьер
Беккариа (Vessaria) Чезаре
Беклер (Beckler), Петер
Белидор (Belidor), Бернар Форе де
Бентам (Bentham), Джереми
Бердяев Н. А.
Беренгар (Бернар) Турский
Беркли (Berkeley), Джордж
Бернулли (Bernoulli), Якоб
Бернулли (Bernully), Даниил
Бернулли (Bernully), Николай
Бернулли (Bernully), Якоб II
Бестужев А. А. (Марлинский)
Бестужев А. Ф.
Бестужев М. А.
Бестужев Н. А.
Бестужев П. А.
Бехораф
Бецкой И. И.
Билефельд (Bielfeld), Якоб Фридрих
Бильфингер (Бюльфингер) (Bülfinger),
Георг-Бернгард
Биньон
Бион Борисфенский
Блекстон (Blackstone), Уильям
Бойль (Boyle) Роберт
Болингброк (Bolingbroke), Генри
Сент-Джон
Болотов А. Т.
Болтин И. Н.
Бона (Вона), Джованни
Бонавентура (Bonaventura)
Бонивет (Bonnivet), Жийом Гофье де
Бонне (Bonnet), Шарль
Борелл (Borel), Петр
Борелли (Borelli), Джованни Альфонсо
Браманте (Bramante), Донато
Браун (Braun), Иосиф Адам
Бриссон (Brisson) Матюрен Жак
Брукер (Brucker), Иоганн Якоб
Брянцев А. М.
Бутер (Bouguer), Пьер
Буддеус (Buddeus) Иоганна Франц
Бургаве (Voerhaave), Герман
Бэкон (Bacon) Френсис
Бюффон (Buffon), Жорж Луи Леклерк
Бюшинг (Busching), Антон Фридрих
Валентин (Гностик)
Валерий Максим
Валла (Valla), Лоренцо
Валлериус (Wallerius), Йоганн Гот-
шалък
Валлис (Wallis), Джон
Вальх (Walchs), Иоганн Георг
Варениус (Varenio), Бернгард
Васецкий Г. С.
Василий Валентин
Василий Великий
Венедиктов В.
Вениамин
Вергилий, Публий Марон
Верри (Verri), Пьетро
Веспасиан, Тит Флавий
Вестрис (Vestris) Гаэтано Аполлино
Бальтазаре
Вилларс (de Villars), Клод Луи Гектор
Вильгельм III Оранский (William of
Orange)
Виноградов Д. И.
Винслов (Winslow), Якоб Бенигнус
Вирей (Virey), Жюльен-Жозеф
Виссарион Никейский (Bessarion)
Витт (Witt), Корнелий де
Витт (Witt), Ян де
Виттиус (Wittichius), Христофор
Владимир
Водвард (Woodward), Джон
Вокансон, (de Vaucanson) Жак
Волков Б. А.
Волконский П. М.
Вольней К. Ф.

- Вольтер (Voltaire), настоящее имя — Франсуа Мари Аруэ (Arouet)
 Вольф (Wolff), Христиан
 Воронцов М. И.
 Вяземский А. А.
- Гай Саллюстий Крисп
 Гайдн (Haydn), Франц Йозеф
 Гален
 Галилей (Galilei), Галилео
 Галлей (Halley), Эдмонд
 Гальяни (Galvani) Фердинандо
 Гамбергер (Hamberger), Георг Эрхард
 Ганнибал
 Гарве (Garve), Христиан
 Гарвей (Harvey) Уильям
 Харрингтон (Харрингтон) (Harrington), Джеймс
 Харрисон (Harrison), Джон
 Гартман (Hartmann), Иоганн Адольф
 Гаспаров М. Л.
 Гассенди (Gassendi), Пьер
 Гаузен (Hausen), Христиан Август
 Гаусс
 Гегесий
 Геерборд (Heereboord), Адриан
 Гейнекций, (Heineccins, собств. Heinecke), Иоганн-Готлиб
 Гектор
 Гекуба
 Гелиогабал
 Гелиос
 Геллерт (Gellert), Христиан-Фюрхте-готт
 Гельвещий (Helvétius), Клод Адриан
 Гельмонт, Хелмонт (Helmont) Ян Баптист ван
 Генебрард (Genebrard), Жильбер
 Геракл
 Гераклид Кресфонт
 Гераклит из Эфеса
 Гераклит Понтийский
- Гердер (Herder), Иоганн Готфрид
 Герике (Guericke), Отто фон
 Герман (Hermann), Якоб
 Геродот
 Гершель (Herschel) Вильям (Фридрих Вильгельм)
 Гершель (Hoeschel) Давид
 Гете
 Гинтер (Гюнтер, Günter), Иоганн Христиан
 Гинцбург Н. С.
 Гиппарх (Иппарх)
 Гиппократ
 Гир, (la Hire) , Филипп де ла
 Главка
 Глюк (Gluck), Кристоф Виллибальд
 Гнедич Н. И.
 Гоббс (Hobbes), Томас
 Гомер
 Гораций (Квинт Гораций Флакк)
 Готтшед (Gottsched) Иоганн Кристоф
 Гофман (Hoffmann), Фридрих
 Гофман (Hofmann), Даниель
 Гравезанд (s'Gravesande), Вильгельм Иаков
 Григорий Назианзин
 Григорий Нисский
 Григорий Фавматург (Чудотворец)
 Гримальди (Grimaldi), Франческо Мария
 Гроций (Grotius), Гуго
 Гук (Hooke), Роберт
 Гуковский Г. А.
 Гульга А. В.
 Гундлинг (Gundling), Николаус Иеронимус
 Гус (Hus), Ян
 Густав III
 Гюйгенс (Huygens) Христиан
- Д'Аламбер (D'Alembert) Жан Лерон
 Даниэл (Daniel), Уолес

- Д'Аржан (Argens) Жан Батист де Буайе
 Дарий I
 Дафнис
 Дашкова Е. Р.
 Де ла Гир, (la Hire), Филипп
 Де ла Кроа (Delacroix), Жан-Винцент
 Декарт (Descartes), Рене (латинизированное имя — Картезий Cartesius)
 Дексипп
 Деметра
 Деметрий Фалерианский
 Демокрит из Абдеры
 Демосфен
 Дентат, Марк Курий
 Дергам (Дерем — Derham), Вильям
 Державин Г. Р.
 Десницкий С. Е.
 Диана
 Дидона
 Дидро Д.
 Дикинсон (Dickinson), Эдмунд
 Дильтей (Dilthey), Филипп Генрих
 Димитрий I Сотер
 Диоген Лаэртский
 Диоген Синопский
 Диоген Смирнский
 Диодор из Тира
 Диодор Сикул
 Диодор Сицилийский
 Диоклетиан
 Дионис
 Дионисий
 Дмитревский И. А.
 Дмитриев Л. А.
 Дмитриев-Мамонов Ф. И.
 Долланд (Dolland), Джон
 Домициан, Тит Флавий
 Дорфель (Doerffel), Георг Самуэль
 Дреббель (Drebbel) Корнелис Якобзон
 Дунс Скот (Duns Scotus)
 Дурандус (Durandus), Вильгельм
 Дурасов А. Н.
 Дюгамель (Du Hamel), Жан-Батист
 Дюкло (du Clos), Самуеле Котторо
 Евандр (Эвандр)
 Евклид (Эвклид) Александрийский
 Евклид из Мегары
 Еврипид
 Евсевий Кесарийский (Eusebius Caesariensis)
 Евтерпа
 Екатерина I
 Екатерина II
 Елизавета Алексеевна
 Елизавета Петровна (Елизавета I)
 Епифаний (Epirhanios) Кипрский
 Ертов И. Д.
 Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc)
 Желудков А. А.
 Жерар из Кремоны
 Заратуштра (Зороастр)
 Зевс
 Зенон из Кития
 Зенон из Тарса
 Зенон Элейский
 Зонненфельс (Sonnenfels), Иозеф фон
 Зопир
 Зуев В. Ф.
 Иаков
 Иафет
 Ибн Рухд, Абу Ал-Валид Мухаммад
 Ибн Ахмад (лат. Аверроэс)
 Ибн Сина, Абу Али (лат. Авиценна)
 Иероним
 Иноходцев П. Б.
 Иоанн (в миру Илья)
 Иоанн Богослов
 Иоанн Дамаскин
 Иосиф Флавий
 Иппархия (Гиппархия)

- Иуда
- Каау-Бурgrave (Каау-Воерhааве), Абра-
хам
- Каин
- Калигула (Гай Юлий Цезарь Герма-
ник)
- Калииопа
- Кальвин (Calvin), Жак
- Камберлен (Cumberland), Ричард
- Кампанелла (Campanella), Томмазо
- Кампер (Camper), Петрус
- Кант (Kant), Иммануил
- Кантемир А. Д.
- Канц (Cantz), Израиль Готтлиб
- Карамзин Н. М.
- Кардано (Cardano), Джероламо
- Карл I (Charles I)
- Карл V (Karl V)
- Карл Великий (лат. Carolus Magnus)
- Карпе (Karpe), Франц Самуэль
- Картуш (Cartouche), Луи-Доминик
- Кассини (Cassini) Джованни Доменико
(Жан Доминик)
- Катилина Луций Сергий
- Катина (Catinat), Никола
- Катон Младший (Катон Утический)
- Катон Старший (Катон Цензор)
- Квинтилиан, Марк Фабий
- Квинтилиан, Христиан Август
- Кеплер (Kepler), Иоганн
- Кир Великий (Кир II)
- Кирка
- Кирхер (Kircher), Афанасий
- Кис
- Клариса
- Кларк, (Clarke), Сэмюэл
- Клауберг (Clauberg), Иоганн
- Клеанф из Асса
- Клерик (le Clerc, Clericus), Жан (Ио-
анн)
- Климент Александрийский
- Клио
- Клушин А. И.
- Ключевский В. О.
- Книппер К. П.
- Ковард (Coward), Уильям
- Козельский Я. П.
- Кокцей (Coccejus), Иоганн Генрих (ва-
рианты имени: Jan Cock, Jean
Koch)
- Кондорсе (Condorcet), Мари-Жан Ан-
туан Никола де Карита
- Конригиус (Conringius, Conring), Гер-
ман
- Константин Великий (Флавий Вале-
рий Константин)
- Константин Павлович
- Константинов А. А.
- Конфуций (Кун Фу-цзы)
- Коперник (Copernik, Copernicus), Ни-
колай
- Корсини (Corsini), Эдуардо
- Корф И.
- Корф Н. А.
- Коссен (Kossen) Н.
- Кост (Coste), Пьер
- Кратет Фиванский
- Крашенинников С. П.
- Кремонини (Cremonini), Цезаре
- Креонт
- Кречетовский И.
- Критолай из Фаселиды
- Кромвель (Cromwell), Оливер
- Кронос
- Крылов И. А.
- Ксенофонт
- Кулибин И. П.
- Кулябко Е. С.
- Кулябко Е. С.
- Курций, Руф Квинт
- Ла Форж (La Forge), Луи де
- Лавузье (Lavoisier), Антуан Лоран

- Лакайль (De la Caille), Никола Луи
 Лактанций (Lactantius Firmianus)
 Лаланд (Lalande), Жозеф Жером Франсуа
 Ламберт (Lambert), Иоганн, Генрих
 Ламетри (La Mettrie), Жюльен Офре де
 Лаплас (Laplace), Пьер Симон
 Ларошфуко (La Rochefoucauld) Франсуа де,
 Лафатер (Lavater), Иоганн Каспар
 Лафонтен (La Fontaine) Жан де
 Левенгук (Leeuwenhoek) Антони ван
 Левкипп
 Левшин В. А.
 Легкой Д. Р.
 Легран (Le Grand), Антуан
 Лейбниц (Leibniz), Готфрид Вильгельм
 Лекен (Lekain), Анри Луи
 Леклерк (Le Clerc) (Le Clerc), Николя Габриель
 Леопольд Ангальт-Дессауский (Leopold von Anhalt-Dessau)
 Л'Епе (L'Épée) Шарль-Мишель
 Лепехин И. И.
 Ливий Андроник Луций
 Ливий, Тит
 Ликон из Трояды
 Ликург Спартанский
 Линней (Linnaeus), Карл
 Липсий (Lipsius), Юст
 Липсторф (Lipstorp), Даниель
 Локк (Locke), Джон
 Ломоносов М. В.
 Лубкин А. С.
 Лукан (Lucanus), Марк Анней
 Лукреций (Тит Лукреций Кар)
 Лукреций (Тит Лукреций Кар)
 Лукреция
 Лулий (Lullius), Раймунд
 Луппол И. К.
 Лусцин, Гай Фабриций
 Луций Вер
 Луций Тарквиний Коллатин
 Людовик (Louis) XIV.
 Людовик I (Благочестивый) (Louis le Pieux)
 Лютер (Luther), Мартин
 Магнус (Magnus, Magni), Валерий
 Маймонид (Моше бен Маймо)
 Макиавелли (Machiavelli), Никколо ди Бернардо
 Макке (Macquer), Пьер Жозеф
 Макогоненко Г. П.
 Макферсон (Macpherson), Джеймс см. Оссиан (Ossian)
 Малинов А. В.
 Малышев И. В.
 Мальбранш (Malebranche), Никола
 Мальпиги (Malpighi), Марчелло
 Мандевиль (Mandeville), Бернард
 Мар (Преподобный Мар)
 Мареш (Mareš, Maresch), Ян (Иоганн Антон)
 Марий (Marius, Mayer) Симон
 Марин из Неаполя
 Мария Федоровна
 Марк Аврелий Антонин
 Маркези (Marchesi), Луиджи Людовико
 Марс
 Масон (Mason), Иоанн (Джон)
 Маффеи (Maffei), Франческо Шипионе ди
 Медея
 Мелиссино И. И.
 Мелхиседек
 Мельпомена
 Менаандр
 Мендельсон (Mendelssohn), Моисей
 Менедем из Лампсак
 Менедем из Эретрии
 Меншуткин Б. П.
 Меркурий
 Мерапа

- Месмер (Mesmer), Франц Антон
 Метродор Хиосский
 Метрокл
 Меценат, Гай Цильний
 Микеланджело (Michelangelo) Буонар-
 роти
 Микулинский С. Р.
 Миллар (Millar), Джеймс
 Миллер (Müller), Герард-Фридрих (Фе-
 дор Иванович)
 Мильтон (Milton), Джон
 Минерва
 Минуций, Феликс
 Митридат VI Эвпатор
 Михаил (Романов М. Ф.)
 Мнемозина
 Мозера (Moser) К. Ф.
 Мольер (Поклен) (Molière (Poquelin)),
 Жан-Батист
 Момус
 Моним из Сиракуз
 Монтень (Montaigne) Мишель Эйкем
 де
 Монтескьё (Montesquieu), Шарль Луи
 Мопертюи (Maupertuis) Пьер Луи
 Моро (Moreau) де
 Морери (Moreri), Луи
 Мориц Саксонский (de Saxe)
 Морхоф (Morhof), Даниэль Георг
 Мосх, Мосох, Мешех
 Моцарт (Mozart), Вольфганг Амадей
 Муравьев М. Н.
 Мушенброк (Van Musschenbroek), Пи-
 тер
 Нелей
 Навуходоносор
 Нарышкин С. К.
 Наталья Алексеевна
 Несс Хиосский
 Нестор
 Нисейвентит (Nieuwentijt, Nieventit),
 Бернар
 Низолий (Nizzoli), Марио
 Николь (Nicole), Пьер
 Нимрод
 Новиков Н. И.
 Ной
 Нокс (Кнох), Джон
 Ноллет (Nollet), Жан Антуан
 Ньютон (Newton), Исаак
 Обдам (Obdam), Якоб ван Васенар
 (Jacob van Wassenaar van Obdam)
 Обеф (d'Auboeuf) Верто де, Рене Обер
 де
 Овидий (Публий Овидий Назон)
 Один
 Одиссей (Улисс)
 Ойзерман Т. И.
 Октавиан
 Олимпиодор
 Онесикрит с Эгины
 Ориген
 Орлов А. Г.
 Орлов В. Н.
 Орфей
 Осиповский Т. Ф.
 Оссиан (Ossian) см. Макферсон
 (Macpherson), Джеймс
 Павел I
 Павел Петрович
 Паизиелло (Paisiello), Джованни
 Панеттий
 Панеттий Родосский
 Папа Иннокентий IV (Innocentius IV)
 (в миру — Синибальдо Фиески
 (Fieschi))
 Парацельс (Paracelsus) (настоящее
 имя — Филип Ауреол Теофраст
 Бомбаст фон Гогенхайм)
 Паретат

- Пассек П. Б.
 Патрици (Patrizi, Patrizzi), Франческо
 Пелопид
 Перро (Perrault), Шарль
 Петр
 Петр I
 Петр III
 Петр Ломбардский
 Петр Могила
 Петр Федорович
 Петрарка, (Petrarca), Франческо
 Петрици (Petrizi), Иоанн
 Петровский Ф. А.
 Пигаль (Pigalle), Жан Батист
 Пикколomini (Piccolomini), Энеа Сильвио
 Пико Делла Мирандола (Pico della Mirandola), Джованни
 Пиндар
 Пинедa (Pineda), Жуан де
 Пирр
 Пиррон
 Пифагор Самосский
 Плавильщиков П. А.
 Плавт, Тит Макций
 Платон
 Плетон (Plethon), Гемист
 Плиний Младший (Гай Плиний Цецилий Секунд)
 Плиний Старший (Гай Плиний Секунд)
 Плотин
 Плутарх
 Плутарх Афинский
 Плутус
 Пнин И. П.
 Поленов А. Я.
 Полигимния
 Политковский Ф. Г.
 Помпей Трог
 Помпилий, Нума
 Помпонацци (Pomponazzi), Пьетро
 Поп (Pope), Александр
 Поповский Н. Н.
 Порта (Porta), Джамбатиста
 Порфирий
 Посидоний
 Потамон Александрийский
 Пратиолус (Prateolus), Габриэль или Габриэль дю Пре (Du Préau)
 Прево (Prévost), Пьер
 Приам
 Пристли (Priestley), Джозеф
 Прокл
 Прокопович-Антонский А. А.
 Проперций, Секст
 Протагор из Абдер
 Пселл (Psellós), Михаил, до пострижения — Константин
 Птолемей, Клавдий
 Пурхот (Purchott), Эдмундо
 Пуфендорф (Pufendorf), Самуил
 Радищев А. Н.
 Радищев Н. А.
 Радищев П. А.
 Разумов А.
 Разумовский А. Г.
 Разумовский К. Г.
 Райзер Г. У.
 Райзер Г. У.
 Райков Б. Е.
 Раме (de la Ramée), Пьер де ла, Петр Рамус (Ramus)
 Расин (Racine), Жан
 Рафаэль или Рафаэлло Санти (Raffaello Santi)
 Рейхлин (Reuchlin), Иоганн
 Реомюр
 Репнин Н. В.
 Ричард (Richard) из Сен-Виктора
 Риччиоли (Riccioli), Джованни Баттиста
 Рише (Richer), Андриен

- Руа де (De Roy), Гендрик (латинизированное имя Henricus Regius)
 Румовский С. Я.
 Руссо (Rousseau), Жан-Жак
 Рюрик

 Саади (Муслихадин Абу Мухамед Абдаллах ибн Мушриф)
 Сабакин Л. Ф.
 Сабельников С.
 Саж (Sage), Бальтазар Жорж
 Сакен Х. И.
 Самуил
 Санхунйатон (Санхуниатон, Сангуниатон)
 Сатурн
 Саул
 Сведенборг (Swedenborg), Эмануэль
 Светлов Л. Б.
 Светов В. П.
 Свидас (Suidas)
 Свифт (Swift), Джонатан
 Север, Луций Септимий
 Секст Эмпирик
 Сенека, Луций Анней
 Сен-Жермен (Saint-Germain)
 Сен-Мартен (Saint-Martin), Луи Клод
 Сервет (Servet), Мигель
 Сидней (Sidney), Филипп
 Сильвестр II (Silvester II)
 Симон бен Иохан
 Синклер (Sinclair), Джордж
 Синьковский Д. Н.
 Сирбиус (Syrbius), Иоганн Якоб
 Сириан
 Скалигер (Scaliger), Жюль Сезар (Настоящее имя Джулио Бордони (Bordoni)).
 Скандерберг
 Слейдан (Sleidanus), Иоганн
 Смит (Smith), Адам
 Снегирев И. М.

 Сократ
 Солевк IV
 Солон
 Софронов М.
 Спиноза, (Spinoza, d'Espinosa) Бенедикт (Барух)
 Стенли (Stanley), Томас
 Стерн (Sterne), Лоренс
 Стефан Блуасский (Stephen of Blois)
 Стиль, Ричардом (Steele)
 Стош (Штош) (Stosch) Фридрих Вильгельм фон
 Страбон
 Стратон из Лампсака
 Страхов П. И.
 Строганов А. С.
 Сулла, Луций Корнелий
 Сумароков А. П.
 Сцевола, Гай Муций
 Сципион Африканский (Старший), Публий Корнелий
 Сципион Эмилиан Африканский Младший (Нуманский) Публий Корнелий
 Сципион, Гней Корнелий

 Талия
 Тамерлан (Тимур)
 Тантал
 Тарквиний Гордый
 Тарквиний, Секст
 Тассо (Torquato), Торкватто
 Татищев В. Н.
 Тацит (Tacitus), Публий Корнелий
 Телезио (Telesio), Бернардино
 Телет
 Теофраст
 Теплов Г. Н.
 Терпсихора
 Тиберий, Гракх
 Тибулл, Альбий
 Тимей из Локр

- Тиммиг (Thümmig) Людвиг Филипп
Тимон (Афинский)
Тимофеев А. И.
Тиссо (Tissot), Самуэль Август
Титель (Тительманн, Titelmans), Фран-
циск
Тифис (Тифий)
Толанд (Toland), Джон
Торричелли (Torricelli), Эванджелиста
Траян, Марк Ульпий
Третьяков И. А.
Триптолем
Тюммиг (Thümmig), Людвиг Филипп
Тюренн (Turenne), Анри де Ла Тур д'
Овернь, виконт де
- Укалегон
Улисс (Одиссей)
Урания
Ушаков Ф. В.
Ушаков Ф. В.
- Фабий, Марк
Фабри (Fabri), Оноре
Фабрициус (Fabricius), Иоганн Альберт
Фалес Милетский
Феб
Федон из Элиды
Федоров, Илья
Фемистокл
Феогнид (Теогнид) из Мегар
Феодор Киренский
Феодорит епископ Кирский
Феодосий I
Феофан Прокопович
Феофилакт (Ф. Л. Лопатинский)
Феофраст
Фергюсон (Ferguson), Адам
Ферекид Сиросский
Феррари (Ferrari), Джеронимо
(Fortunatus a Brixia)
Филанджери (Filangieri), Гаэтано
- Филарет Милостивый
Филастрий (Philastrius) Бриксийский
Филипп
Филипп II
Филолай из Кротона
Филон Александрийский
Филон из Библоса
Фичино (Ficino), Марсилио
Флавий Гонорий Август
Фладд (Fludd), Роберт
Фокс (Fox), Джордж
Фома Аквинский
Фонвизин Д. И.
Фонтенель (Fontenelle) Бернар ле Бо-
вье де
Фотий
Франклин
Франклин (Franklin), Бенджамин
Франциск I (François)
Франциск Ассизский (Francesco
d'Assisi)
Фридрих I Барбаросса
Фридрих II
Фридрих II (Friedrich)
Фроман (Frommann), Иоанн Генрих
Фукидид
Фуше (Foucher), Симон
- Халкидий (Калкидий)
Хатчесон (Hutcheson), Френсис
Херасков М. М.
Хидейёши Тайкосама
Хоум (Home) Генри (Лорд Кеймс)
Хрисипп из Сол
- Цезальпино (Cesalpino), Андре
Цезарь, Гай Юлий
Церера
Церон
Цицерон, Марк Туллий
Цолнер (Zöllner), Иоганн Фридрих
Цукерт

Чаадаев П. Я.	Эпаминонд
Чеботарев Х.А.	Эпикур
Черникова Е. В.	Эпитимид
Чингисхан	Эпихарм
Чирнгауз (Tschirnhaus) Эренфрид	Эрато
Вальтер	Ээт
Шапп д'Отерош (Chappe d'Aueroche), Жан	Ювенал, Децим Юний
Шапгаль де Шантелу (Chaptal de Chanteloup), Жан Антуан Клод	Югурта (Jugurtha)
Шарлевуа (Charlevoix), Пьер Франсуа Ксавье	Юдин И.
Шейнер (Scheiner), Христоф	Юлиан Отступник
Шекспир (Shakespeare), Вильям	Юм (Hume), Дэвид
Шеллер (Scheller) Эммануэль Иоганн Герхард	Юсти (Justi), Иоганн Генрих Готлоб фон
Шефтсбери (Shaftesbury), Антони Эшли Купер	Юстин Мученик
Шоппе (Schorpe), Каспар	Юстиниан
Шорт (Short), Джеймс	Языков Д. И.
Шоффен (Choffin), Давид Этьен	Яковлев, П.
Штамбок А. А.	Ямвлих
Штурм (Sturm), Иоганн Христоф	Янкович де Мириево Ф. И.
Штусс (Stuss), Иоганн Генрих	Ясон
Шубный И.	Brown АН
Шувалов И. И.	Charles XII
Шумахер И. Д.	Charlevoix, Pierre François Xavier de Comte, Louis Daniel le Cooke, Charles Cross A. G.
Щепин К. И.	
Щербатов	
Щербатов М. М.	Du Halde, Jean Baptiste
Щипанов И. Я.	Englerth, Joannis Michaelis
Эдесий Каппадокийский	
Эзоп	Friedrich II
Эйлер (Euler). Леонард	
Эмин	Hiller, Johann Friedrich
Эмин Ф. А.	
Эмпедокл	Janssen, Theodore
Эней	
Эол	La Beaumelle. Laurent Angliviél de

Martin, Henry
Martinus Knutzen

Skinner, Andrew
Smith, Adam

Osterrieder, Hermann

Wilson, homas

Prévost, Antoine-François

Содержание

А. П. СУМАРОКОВ	5
Некоторые статьи о добродетели	7
О разумении человека, по мнению Локка	19
О несправедливых основаниях	21
Перевод письма Г. Сумарокова, писанного им же на немецком языке к приятелю	24
Господину Пасеку: вот наш бывший разговор	26
О новой философической секте	29
К добру или к худу человек рождается	31
О слове «мораль»	34
Основание любомудрия	35
Слово VII. О любви ко ближнему	40
Слово VIII на день восшествия на престол ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ	45
Г. Н. ТЕПЛОВ	49
Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут	51
Наставление сыну	164
Ф. И. ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ	183
Дворянин философ: аллегория	185
С. Е. ДЕСНИЦКИЙ	199
Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. В публичном собрании императорского московского университета бывшем для всерадостного дня восшествия на всероссийский престол ея императорского величества, всепресветлейшая державнейшая Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския	201
Н. И. НОВИКОВ	245
О достоинстве человека в отношениях к богу и миру	247
О добродетели	254
[«Нравоучение как практическое наставление»]	258

О воспитании и наставлении детей. Для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия	266
А. Н. РАДИЦЕВ	371
О человеке, о его смертности и бессмертии	373
А. Ф. БЕСТУЖЕВ	491
О воспитании	493
И. П. ПНИН	575
Опыт о просвещении относительно к России	577
Д. Н. СИНЬКОВСКИЙ	623
Слово о вероятном познании нравов человеческих по некоторым знакам: для высокаторжественного и всерадостного дня возшествия на всероссийский престол ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ, САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ, ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРИНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ И ПРОЧ. И ПРОЧ. В ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ИЮНЯ 30 ДНЯ 1789 ГОДА .	625
П. А. ПЛАВИЛЬЩИКОВ	633
Нечто о врожденном свойстве душ российских	635
КОММЕНТАРИИ	649
Библиография	711
Указатель имен	714

Научное издание

*Библиотека отечественной общественной мысли
с древних времен до начала XX века*

Общественная мысль России XVIII века Том 2. Philosophia moralis

Ведущий редактор *Е.А.Кочанова*
Редактор *А.В.Пряжникова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *М. В. Минина*
Компьютерная верстка *В. Г. Верховин*
Технический редактор *М.М.Ветрова*
Корректор *Н. Б. Стахеева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 45,5.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82.
Тел. 334-81-87 (дирекция), 334-81-62 (отдел реализации)